

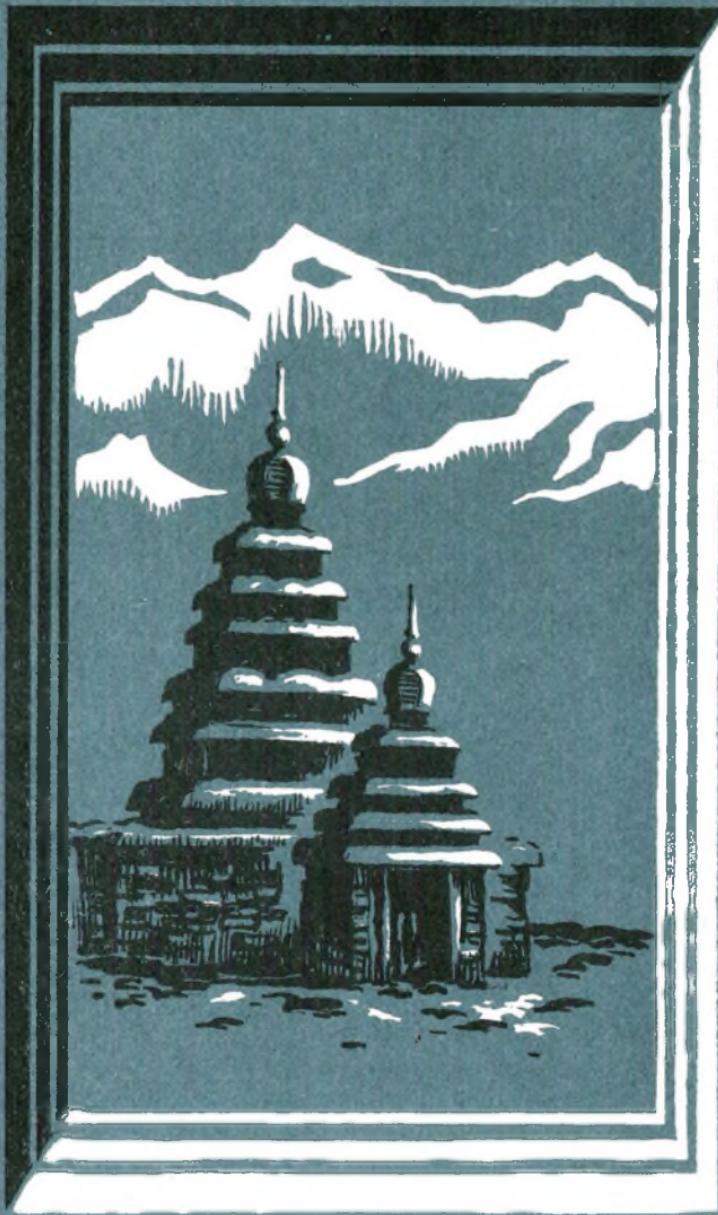
1р. 50к.

УИЛКИ КОЛЛИНЗ

ЛУНЫЙ
КАМЕНЬ

УИЛКИ КОЛЛИНЗ
ЛУНЫЙ
КАМЕНЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

2
7
 $\mathcal{A}$

**БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
и научной фантастики**

Серия издаётся с 1954 года

МОСКВА ~ 1989

УИЛКИ КОЛЛИНЗ

ЛУННЫЙ КАМЕНЬ

Роман

Перевод с английского

М. ШАГИНЯН

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

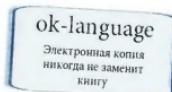
ББК 84.4Вλ
К 60

W. C o l l i n s
"Moonstone", 1868

Автор вступительной статьи
М. УРНОВ

Художник
В. ВЫСОЦКИЙ

Оформление
П. ВЫСОЦКОГО

К 4804010100—198
М101(03)-89 Без объявл.

ISBN 5—08—001895—x

© Вступительная статья. Оформление.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1989

Роман «Лунный камень» и его автор

Можно сказать с уверенностью: тот, кто возьмет эту книгу в руки и начнет читать, не отложит ее в сторону. Ее с увлечением читали сто с лишним лет назад, в 1868 году, когда она вышла в свет, ее увлеченно читают и сегодня. Автор позаботился об этом. Он талантлив и мастер в своей профессии, в создании интересного, более того — преинтересного чтения, сохраняющего это свойство, как бы не взирая на быстро текущее время.

Уилки Коллинз (1824—1889) родился в Лондоне, в семье известного художника-пейзажиста Уильяма Коллинза. Профессиональные занятия отца непосредственно коснулись детских и юношеских впечатлений Уилки, пробудив у него интерес к живописи, особенно к пейзажу. Он рано почувствовал влечение к творчеству, однако у него не появилось желания продолжить профессиональную деятельность отца. Его влекло к перу и бумаге, но прежде чем стать писателем, романистом и драматургом, ему пришлось попробовать свои силы в занятиях весьма далеких от литературы.

По окончании школы, выполняя волю отца, Уилки (он был старшим и послушным сыном) занялся коммерцией; в 1841 году поступил на службу к торговцам чаем. Торговое дело тяготило его, и он расстался с ним. В 1846 году он приступил к занятиям в Линкольн-Инне, в одной из четырех старинных лондонских корпораций юристов. Эти корпорации владели монопольным правом подготовки адвокатов и выдавали разрешение на занятие адвокатской практикой. Уилки Коллинз получил такое разрешение, но не воспользовался им, зато во многих своих романах использовал полученные в Линкольн-Инне обширные знания истории, теории и практики судопроизводства.

Первая книга Уилки Коллинза вышла в свет в 1848 году, это была двухтомная биография его отца. Спустя два года появился первый роман Коллинза — «Антонина, или Падение Рима», исторический роман, навеянный ранними впечатлениями от Италии, где он тринадцатилетним подростком вместе с родителями прожил полтора года, и чтением увлекательного романа Э. Булвер-Литтона «Последние дни Помпеи».

В начале пятидесятых годов Коллинз познакомился, затем подружился, а со временем породнился с Чарлзом Диккенсом: младший брат Уилки женился на младшей дочери Диккенса. Уилки Коллинза считают

основоположником и образцовым представителем так называемой «сensационной литературы», сформировавшейся в «школе Диккенса».

Размышляя о том, как увлечь читателя, каким способом возбудить и привлечь к печатной странице его воображение и внимание, Уилки Коллинз обозначил «два главных элемента притягательности всех рассказываемых историй». Они должны вызывать любопытство читателя и удовлетворять его потребность удивляться. Уилки Коллинз стремился учесть и умел учитывать психологию чтения, ее характерные и устойчивые свойства.

Завлекательности чтения способствует нечто загадочное, тайна, которая нуждается в раскрытии и сопротивляется ему. Но исключительная забота о занимательности повествования затрудняет задачу создания социально содержательных и психологически убедительных характеров, таит в себе опасность отвлечения от реальных проблем жизни.

Серьезная английская критика 60—70-х годов прошлого столетия, опираясь на обширный опыт и блестящие достижения социально-психологического романа, прежде всего романа, созданного Ч. Диккенсом и У. Теккереем, выступала против чрезмерного увлечения сюжетностью в защиту и поощрение характеров. Острособытийное повествование, даже выполненное с талантом, обычно наталкивалось на осуждение со стороны этой критики. Нередко примером порицания служил Уилки Коллинз, автор многочисленных сенсационных романов с захватывающей фабулой, самые значительные из них — «Женщина в белом» и «Лунный камень». Ни шумный успех этих романов, ни популярность Уилки Коллинза, ни его творческое содружество и личная дружба с Чарлзом Диккенсом не спасали его от болезненных уковов неотвязчивой критики. В ответ Коллинз спешил заверить критику и читателей, что создание характеров он считает первой обязанностью. «В романе,— писал он в предисловии к «Женщине в белом»,— возможно удачно вывести характеры, не рассказывая занимательной истории; однако невозможно удачно рассказать занимательную историю, не выводя характеры: их наличие, как факт реальности, является обязательным условием успешного повествования».

В 80-е годы в трактовке тех же проблем начинают звучать иные ноты. По первому впечатлению может показаться, что во мнении журнальной критики произошел радикальный поворот: только что она отстаивала приоритет характеров, теперь же свои надежды стала возлагать на сюжет. В защиту и прославление остросюжетного повествования выступили молодые авторитеты, среди них Роберт Льюис Стивенсон. «В наши дни англичане,— писал Стивенсон в 1882 году,— не знаю почему, склонны смотреть свысока на происшествие... Считается хорошим тоном писать романы вовсе бесфабульные или же с очень скучной фабулой».

Стоит приглядеться к суждениям Стивенсона, как станет ясным, что они отнюдь не напоминают колебание маятника: в них видно движение

мысли, подталкиваемое новым литературным опытом, обстоятельствами времени и чувством традиции, пониманием ее значения для движения литературы во времени.

Роман приключений невозможен без напряженной и увлекательной фабулы, ее требует природа самого жанра. Стивенсон разносторонне обосновывает эту мысль, опираясь на психологию восприятия и классическую традицию, которая в английской литературе ведет начало от «Робинзона Крузо» Д. Дефо. Необычно звучит афоризм Стивенсона: «Драма — это поэзия поведения, роман приключений — поэзия обстоятельств». Интерес к «Робинзону Крузо», самому выдающемуся образцу этого жанра, развивает он свою мысль, «в огромной мере и у подавляющего числа читателей» вызывается и поддерживается не просто цепью «происшествий», но «очарованием обстоятельств».

На страницах «Лунного камня» многократно упоминается «Робинзон Крузо». С ним не расстается, о нем то и дело вспоминает Габриэль Беттередж, значительное лицо «Лунного камня», то лицо, которое открывает и закрывает его страницы. Вот начало его повествования о пропаже алмаза, называемого Лунный камень: «Раскройте первую часть «Робинзона Крузо» на странице сто двадцать девятой, и вы найдете следующие слова: «Теперь я вижу, хотя слишком поздно, как безрассудно предпринимать какое-нибудь дело, не рассчитав все его издержки и не рассудив, по нашим ли оно силам».

Слова разумные, суждение человека опытного, заслуживающее внимания и размышлений. Для Габриэля Беттереджа «Робинзон Крузо» — чудодейственная книга, дающая ответы на все проблемы бытия. Все остальные персонажи «Лунного камня» видят в пристрастии Беттереджа к «Робинзону Крузо» забавную и милую причуду. Этого и хотел автор «Лунного камня», для него необычная причуда старика Беттереджа — способ оживления его образа. А для самого Коллинза «Робинзон Крузо» тоже книга чудодейственная, такая простая и ясная и вместе с тем обладающая необычайной силой притягательности. Для него эта книга — и отдельный урок, и целая школа. И возбуждающая воображение «поэзия обстоятельств», и неувядашее занимательное чтение. Но «Лунный камень» не роман приключений, это первый английский детективный роман.

Незадолго перед смертью, в 1892 году, Стивенсон опубликовал роман «Потерпевшие кораблекрушение». Это произведение острожанское, с тайной и таинственными уликами, в нем действует сыщик-любитель. Это роман приключенческий, но уже с жанровыми чертами романа детективного. В эпилоге «Потерпевших кораблекрушение» Стивенсон рассуждает о жанре «полицейского», или детективного, романа. Он пишет, что этот роман и привлекал его и отталкивал. «Привлекала возможность заинтриговать читателя, а также те трудности, которые надо преодолеть, чтобы достичь этой цели. Отталкивала же... неотъемлемая от него лживость

и «поверхностность». Преодоление трудностей сводится к тому, чтобы создать занимательную фабулу, сосредоточить внимание читателя на «скрытых уликах», заставить его следить за ходом раскрытия тайны. В заключение своих рассуждений о том, как он решил выйти из затруднения, сочетав в остросюжетном романе занимательность с действительной жизнью, сделав тайну «жизненно правдоподобной», Стивенсон вспоминает о Диккенсе: «Ведь к этому приему прибегал в своих поздних романах Чарлз Диккенс, хотя, конечно, результаты, которых он достигал с его помощью, увы, сильно отличаются от того, что удалось добиться нам».

Чарлз Диккенс — великая литературная традиция, современная Стивенсону. Уилки Коллинз вышел из школы Чарлза Диккенса, пробивая свой путь. Сам великий Диккенс присматривался к исканиям младших литературных собратьев, поощрял их достижения и учитывал их опыт.

В предисловии к «Лунному камню» автор писал: «В некоторых предшествующих моих романах моим намерением было проследить влияние обстоятельств на характер. В настоящем повествовании я перевернул процесс. Здесь сделана попытка проследить влияние характера на обстоятельства. Поведение молодой девушки, вызванное неожиданным и поразительным событием, служит основанием, на котором я построил эту книгу».

Молодая девушка — Рэчел Вериндер, поразительное событие — пропажа Лунного камня, врученного ей в день ее рождения ее кузеном Фрэнклином Блэком. Не сам факт исчезновения драгоценности, а связанное с ним невероятное происшествие, потрясшее молодую девушку и возбудившее у нее тяжкий конфликт между чувством горячей и чистой любви и чувством нравственности. Вечером она «находилась в самом веселом расположении духа», утром же никто не мог понять, что же с ней стряслось, а она замкнулась и отказывалась что-либо объяснять в своей резкой перемене.

Ее характер, ее поведение действительно повлияли на обстоятельства и жизнь многих персонажей и чуть было не изломали ее собственную судьбу. Развитие конфликта между чувством любви и нравственным чувством, развитие характера Рэчел выходят далеко за рамки простой занимательности. С ее поведением невольно и непосредственно соединяется психологическая и нравственная проблема о мере доверия к любимому человеку в кризисной ситуации. Казалось бы, Рэчел невозможно было сомневаться в безнравственном поведении любимого. Уилки Коллинз не разделяет чувство любви и доверие к любимому человеку, но и не смешивает их — в жизни встречается и слепая, безрассудная любовь. Он писал роман под таким названием, но смерть помешала ему закончить его.

Пс контрасту с мисс Рэчел, ее характером, ее духовным и нравственным обликом, возникает и в полноте раскрывается образ мисс Клак, самодо-

вольной ханжи. Уилки Коллинз терпеть не мог лицемерия, в каких бы формах оно ни проявляло себя, и в «Лунном камне» он отвел душу, представляя читателю мисс Клак. Четко и выразительно обрисован характер этой мисс, с наглядной и прямо-таки изящной непосредственностью переданы ее думы, заботы, душевные конфликты, интимные переживания, манера их выражения, и все это сделано в «Первом рассказе», написанном ею самой. О нравственном направлении, мере гуманности, практической пользе ее общественной деятельности свидетельствуют филантропические организации, в которых она принимает активное участие, например: «Общество надзора британских дам над воскресными обожателями служанок». Или: «Материнский попечительный комитет о превращении отцовских панталон в детские». Цель этого комитета, «превосходного благотворительного общества», состояла в том, чтобы «выкупать отцовские панталоны из заклада и не допускать, чтобы их снова взял неисправимый родитель, а перешивать немедленно для его невинного сына».

С каким рвением и знанием практических способов распространяет она душеспасительные издания, такие, как анонимное сочинение под заглавием «Домашний змий». Главы этого лечебника души, «наиболее приспособленные к женскому чтению», выражают свою суть в названиях: «Сатана в головной щетке», «Сатана за зеркалом», «Сатана под чайным столом», «Сатана, глядящий из окна» и т. д.

С каким христианским смирением мисс Клак занимается подслушиванием и подсматриванием, к примеру, за мисс Рэчел и Годфри Эблуйтом, к которому испытывает «сестринское участие». «Мне,— с умилением рассказывает она,— предстояло мученичество. Я осторожно раздвинула портьеры так, чтобы могла и видеть и слышать их. А потом пошла на мученичество по примеру первых христиан». С не менее умиленной искренностью раскрывает она механику душевной борьбы за христианское смирение и разъясняет, как самоотречение позволяет ей не пренебречь денежным вознаграждением. Видно, как мисс Клак прямо-таки захлебывается от восхищения собственным благочестием. Все это — наглядное и вполне убедительное, невольно окрашенное в иронические и сатирические тона саморазоблачение ханжи и тщеславно лицемерной филантропии.

В рассказе мисс Клак, восхищенной почитательницы «христианского героя» Годфри Эблуйта, с неожиданной стороны обрисован этот «благочестивый джентльмен», играющий столь важную роль в истории Лунного камня. Тайна его пропажи связана с этим лицом, и здесь прежде временно сдергивать с него маску. Лучше с чувством сострадания к гордой и несчастной девушке Розанне Спирман ознакомиться с ее трагической судьбой. Случилось так, что она оказалась воровкой, «но не из тех воров,— как свидетельствует Габриэль Беттередж,— которые орудуют целями конторами в Сити и крадут не из крайней нужды раз в жизни, а обкрадывают тысячи людей».

Представь, читатель, в своем воображении Зыбучие пески, которые притягивали Розанну против ее воли, мрачный пейзаж в зловещих тонах, это одна из самых масштабных и значительных живописных картин, написанных Уилки Коллинзом.

Теперь переключим внимание на эпизодическую, но отнюдь не проходную фигуру, обратившись к «Четвертому рассказу», выписанному из дневника Ээры Дженнингса. Это удивительный характер, замечательная личность и тоже трагическая судьба, загадочность которой не раскрывает даже интимный дневник.

Одно из характерных свойств его личности — «непринужденное самообладание», что, как сказано в романе, «есть верный признак хорошего воспитания». Ему же, Ээре Дженнингсу, как и самому автору, свойственно искать трезвое научное объяснение загадочным явлениям психики и поведения человека.

«Лунный камень» — первый английский собственно детективный роман. В нем в раскрытии тайны принимают участие агент сыскной полиции, сыщик Ричард Кафф. Его называют прямым предшественником Шерлока Холмса, который впервые появился в 1887 году вместе с доктором Уотсоном в повести Артура Конан Дойла «Этюд в багровых тонах». Оба они знаменитые в английской литературе сыщики. У каждого из них свои причуды: Ричард Кафф обожает розы, Шерлок Холмс любит играть на скрипке. Страсть к розовым бутонам полицейского агента Каффа кажется нарочитой, увлечение сыщика-консультанта Шерлока Холмса скрипкой натуральным. В Англии предшественник Шерлока Холмса — сержант Кафф, во Франции — Лекок из романов Эмиля Габарро, однако самый ранний — это Дюпен из «Убийства на улице Морг» американца Эдгара По. Валерий Брюсов назвал автора рассказов «Убийство на улице Морг», «Тайна Мари Роже», «Украденное письмо», героями которых является детектив-любитель Ш. Огюст Дюпен, «родоначальником всех Габарро и Конан-Дойлев».

Конан Дойл не скрывал литературной родословной своего героя. Он был восторженным почитателем Эдгара По. Небезынтересно мнение самого Шерлока Холмса о своих предшественниках. В повести «Этюд в багровых тонах», беседуя с доктором Уотсоном, он так отзывается о них: «Дюпен очень недалекий малый... У него, несомненно, были кое-какие аналитические способности, но его никак нельзя назвать феноменом, каким, по-видимому, считал его Эдгар По... Лекок — жалкий сопляк... У него только и есть, что энергия». Сержант Кафф в этой беседе даже не упомянут.

Артур Конан Дойл не был подражателем, он с талантом и размахом продолжил поиски и находки своих предшественников и придал детективному жанру форму развитую и законченную. В ряду знаменитых детективов Шерлок Холмс наиболее живой характер, самое выразительное

лицо. Этот сыщик-консультант — исследователь в своем роде и артист, но только не чиновник сыска и не «ангел-хранитель» чужой, сомнительного происхождения собственности, каким был Лекок у Эмиля Габарро и является Кафф из «Лунного камня». И все же если вслед за «Лунным камнем» прочитать, например, «Знак четырех», то можно увидеть литературные нити, в какой-то степени связующие повесть Конан Дойла с романом Уилки Коллинза.

Для понимания замысла «Лунного камня» и отношения автора к его персонажам особое значение имеют «Пролог» к роману и его «Эпилог». В «Женщине в белом» Уилки Коллинз произвел эксперимент — он отказался от положения всеведущего автора и передал роль повествователя участникам и свидетелям событий. Такой же повествовательной технике он следует и в романе «Лунный камень». Но в «Прологе» под названием «Штурм Серингапатама 1799» он пользуется «Письмом из фамильного архива», предваряя развитие событий, связанных с «пропажей алмаза» в 1848 году, и тем самым проясняет свое отношение к этим событиям.

В «Лунном камне» рассказана не только таинственная и сенсационная «история алмаза», но и «странная семейная история», рассказана в подробностях, а вместе с нею, как ее введение, заходит речь «о страшных бесчинствах», которые чинили в Индии английские колониальные войска. В этих бесчинствах участвовал и Джон Гернкастль, преступным образом завладевший Лунным камнем, который «переходил, принося с собой проклятье, от одного незаконного владельца к другому» и который, по завещанию этого полковника, был вручен его племяннице мисс Рэчел в день ее рождения, двадцать первого июня 1848 года, когда ей исполнилось восемнадцать лет.

В 1857 году вспыхнуло восстание сипаев — туземных солдат, находившихся на службе в англо-индийской армии. Оно вылилось в мощное национальное движение, охватившее значительный район Индии. Восстание было жестоко подавлено. В 1858 году Индия стала коронной колонией Великобритании, а в 1877 году королева Виктория была провозглашена императрицей Индии.

Здесь уместно вспомнить выдающегося русского художника Василия Васильевича Верещагина и его картину «Подавление индийского восстания англичанами», выставленную в Лондоне в 1887 году и вызвавшую резкое недовольство колонизаторов. Картина исчезла, и местонахождение ее неизвестно. «Английская казнь» зверским способом лишала казнимых не только жизни, но и надежды на бессмертие души. Казнимого привязывали к жерлу пушки, заряженной порохом, и выстрел разрывал и распылял жертву. «По индуистским религиозным представлениям, душа умершего воплощается вновь и продолжает жить в другом образе. Главное условие бессмертия души — погребение тела в целостном виде (в том числе и сожжение его)». (См. репродукцию картины и высказывания о ней в

альбоме «В. В. Верещагин». М., Искусство, 1988, с. 76—78, 89.) В этом контексте детективная история Лунного камня обнажает содержание глубокого социального смысла.

Члены «почтенной фамилии» и ее домочадцы называют индусов, стремящихся завладеть Лунным камнем и вернуть его в Индию, не иначе как «мошенниками» и «ворами». Прославленный полицейский агент, сыщик Ричард Кафф, сажает их в тюрьму. «Эпилог» проясняет их роль и поведение — они деятели религиозно-патриотической миссии, самоотверженные герои, сознательно обрекшие себя на тяжкие испытания.

В основу сюжета «Лунного камня» Уилки Коллинз, по его словам, положил, выделив «некоторые важные подробности, истории двух королевских алмазов Европы. Великолепный камень, украшающий вершину русского императорского скипетра, некогда был глазом индийского идола. Знаменитый Кохинур, как предполагают, также является одной из драгоценностей Индии, к тому же этот алмаз, согласно поверью, пророчил беду тем, кто отрывал его от его древнего предназначения». Это сообщение уместно подтвердить и пополнить справкой: «Так называемый Орлов... украшает вершину русского скипетра, он имеет форму богатой гранями розы и происходит из Индии, где он служил глазом одной из статуй Брамы. Он попал к персидскому шаху Надиру, после умерщвления которого был похищен французским гренадером и после многих странствований был приобретен графом Орловым для императрицы Екатерины II в 1794 году за сумму в 450 000 рублей, ежегодную пенсию в 4000 рублей и дворянскую грамоту. Кохинур также происходит из Индии... он принадлежал Лагорскому Радже, откуда в 1850 году стал добычей английского войска и находился у королевы Англии Виктории. (Словарь Брокгауза и Эфрона.)

Поверье, отраженное и в романе «Лунный камень», будто священный индийский камень пророчит беду его незаконным владельцам, питалось реальными фактами, кровавыми историями многих знаменитых алмазов, возбуждавших неукротимую алчность.

«Лунный камень» не только занимательное, но и содержательное чтение.

M. Урнов

Приолог
Штурм

1799

Письмо
из фамильного
архива

I

Я пишу эти строки из Индии к моим родственникам в Англию, чтобы объяснить, почему я отказал в дружеском рукопожатии кузену моему, Джону Гернкастлю. Молчание мое по этому поводу было ложно истолковано членами нашего семейства, доброго мнения которых я не хочу лишиться. Прошу их отложить свои выводы до тех пор, покуда они не прочтут мой рассказ. Даю честное слово, что напишу строгую и безусловную истину.

Тайное разногласие между мной и моим кузеном возникло во время великого события, в котором участвовали мы оба,— штурма Серингапатама под командованием генерала Бэрда 4 мая 1799 года.

Для того чтобы обстоятельства были вполне понятны, я должен обратиться к периоду, предшествовавшему осаде, и к рассказам, ходившим в нашем лагере о драгоценных каменьях и грудах золота, хранившихся в серингапатамском дворце.

Один из самых невероятных рассказов относится к желтому алмазу — вещи, знаменитой в летописях Индии.

Стариннейшее из преданий гласит, что камень этот украшал чело четверорукого индийского бога Луны. Отчасти по своему особенному цвету, отчасти из-за легенды — будто камень этот подчиняется влиянию украшаемого им божества и блеск его увеличивается и уменьшается с полнолунием и с ущербом луны — он получил название, под которым и до сих пор известен в Индии,— Лунного камня. Я слышал, что подобное суеверие некогда имело место и в Древней Греции, и в Риме, относясь, однако же, не к алмазу, посвященному божеству (как в Индии), а к полуопозрачному камню низшего разряда, подверженному влиянию луны и точно так же получившему от нее свое название, под которым он и доныне известен минералогам нашего времени.

Приключения желтого алмаза начинаются с одиннадцатого столетия нашей эры.

В ту эпоху магометанский завоеватель Махмуд Газни вторгся в Индию, овладел священным городом Сомнатх и захватил сокровища знаменитого храма, несколько столетий привлекавшего индийских богомольцев и почитавшегося чудом Востока.

Из всех божеств, которым поклонялись в этом храме, один бог Луны избег алчности магометанских победителей. Охраняемый тремя браминами, неоскверненный идол с желтым алмазом во лбу был унесен и переправлен во второй по значению священный город Индии — Бенарес.

Там, в новом капище — в чертоге, украшенном драгоценными каменьями, под сводами, покоящимися на золотых колоннах, был помещен бог Луны, ставший вновь предметом поклонения. В ночь, когда капище было достроено, Вишну-зиждитель явился во сне трем браминам. Он вдохнул свое дыхание в алмаз, украшавший чело идола, и брамины пали перед ним на колена и закрыли лицо одеждой. Вишну повелел, чтобы Лунный камень охранялся тремя жрецами день и ночь, до скончания века. Брамины преклонились перед божественной волей. Вишну предсказал несчастье тому дерзновенному, кто осмелится завладеть священным камнем, и всем его потомкам, к которым камень

перейдет после него. Брамины велели записать это предсказание на вратах святилища золотыми буквами.

Век проходил за веком, и из поколение в поколение преемники трех браминов день и ночь охраняли драгоценный Лунный камень. Век проходил за веком, пока в начале восемнадцатого столетия нашей эры не воцарился Аурангзеб, из династии Великих Моголов. По его приказу храмы поклонников Брамы были снова преданы грабежу и разорению, капище четверорукого бога осквернено умерщвлением священных животных, идолы разбиты на куски, а Лунный камень похищен одним из военачальников Аурангзеба.

Не будучи в состоянии возвратить свое потерянное сокровище силой, три жреца-хранителя, переодевшись, следили за ним. Одно поколение сменялось другим; воин, совершивший святотатство, погиб ужасной смертью; Лунный камень переходил, принося с собой проклятье, от одного незаконного владельца к другому, и, несмотря на все случайности и перемены, преемники трех жрецов-хранителей продолжали следить за своим сокровищем, в ожидании того дня, когда воля Вишну-зиждителя возвратит им их священный камень. Так продолжалось до последнего года восемнадцатого столетия. Алмаз перешел во владение Типпу, серингапатамского султана, который вделал его как украшение в рукоятку своего кинжала и хранил среди драгоценнейших сокровищ своей оружейной палаты. Даже тогда — в самом дворце султана — три жреца-хранителя тайно продолжали охранять алмаз. В свите Типпу находились три чужеземца, заслужившие доверие своего владельца, передавая (может быть, притворно) в магометанскую веру; по слухам, это-то и были переодетые жрецы.

III

Так рассказывали в нашем лагере фантастическую историю Лунного камня. Она не произвела серьезного впечатления ни на кого из нас, кроме моего кузена, — любовь к чудесному заставила его поверить этой легенде. В ночь перед штурмом Серингапатама он самым нелепым образом рассердился на меня и на других за то, что мы назвали ее басней. Возник глупейший спор, и злосчастный Гернкастль вышел из себя. Со свойственной ему хвастливостью

он объявил, что если английская армия возьмет Серингапатам, то мы увидим алмаз на его пальце. Громкий хохот встретил эту выходку, и тем дело и кончилось, как думали мы все.

Теперь позвольте мне вернуться ко дню штурма.

Кузен мой и я были разлучены при самом начале приступа. Я не видел его, когда мы переправлялись через реку; не видел его, когда мы водрузили английское знамя на первом проломе; не видел его, когда мы перешли через ров и, завоевывая каждый шаг, вошли в город. Только в сумерки, когда город был уже наш и генерал Бэрд сам нашел труп Типпу под кучей убитых, я встретился с Гернкастлем.

Мы оба были прикомандированы к отряду, посланному, по приказанию генерала, остановить грабежи и беспорядки, последовавшие за нашей победой. Солдаты предавались страшным бесчинствам, и, что еще хуже, они пробрались в кладовые дворца и разграбили золото и драгоценные каменья. Я встретился с моим кузеном на дворе перед кладовыми, куда мы пришли для того, чтобы водворить дисциплину среди наших солдат. Я сразу увидел, что пылкий Гернкастль до крайности возбужден ужасной резней, в которой нам пришлось принять участие. По моему мнению, он был не способен выполнить свою обязанность.

В кладовых было много смятения и суматохи, но насилия я еще не видел. Солдаты бесславили себя очень мирно, если можно так выразиться. Стоило грабежу утихнуть в одном месте, как клич: «А кто нашел Лунный камень?» — заставлял его вспыхнуть в другом месте. Пока я тщетно старался восстановить порядок, послышался страшный вопль на противоположном конце двора, и я тотчас побежал туда, опасаясь какого-нибудь нового бесчинства.

Я подошел к открытой двери и наткнулся на тела двух мертвых индусов, лежащих на пороге. (По одежде я узнал в них дворцовых офицеров.)

Раздавшийся снова крик заставил меня поспешить в помещение, которое оказалось оружейной палатой. Третий индус, смертельно раненный, бился в предсмертной судороге у ног человека, стоявшего ко мне спиной. Человек этот обернулся в ту минуту, когда я входил, и я увидел Джона Гернкастля с факелом в одной руке и с окровавленным кинжалом — в другой. Когда он повернулся ко мне, камень,

вделанный в рукоятку кинжала, сверкнул, как огненная искра. Умирающий индус поднялся на колени, указал на кинжал в руках Гернкастля и, прохрипев на своем родном языке: «Проклятие Лунного камня на тебе и твоих потомках!» — упал мертвый на землю.

Прежде чем я успел что-нибудь сделать, солдаты, следовавшие за мной, вбежали в палату. Кузен мой как сумасшедший бросился к ним навстречу.

— Очистите помещение,— закричал он мне,— и поставьте у дверей караул!

Когда Гернкастль бросился на солдат с факелом и кинжалом, они отступили. Я поставил двух верных людей из моего отряда на часы у дверей. Всю остальную часть ночи я уже не встречался с моим кузеном.

Рано утром грабеж все еще продолжался, и генерал Бэрд публично объявил, что всякий вор, пойманный на месте преступления, кто бы он ни был, будет повешен. Присутствие начальника военной полиции доказывало, что генерал Бэрд не шутит; и в толпе, слушавшей этот приказ, я снова встретился с Гернкастлем. Здороваясь, он, по обыкновению, протянул мне руку. Я не решился подать ему свою.

— Ответьте мне прежде,— сказал я,— кто убил индуза в оружейной палате и что значили его последние слова, когда он указал на кинжал в вашей руке?

— Индус умер, я полагаю, от смертельной раны,— ответил Гернкастль.— А что означали его последние слова, я знаю так же мало, как и вы.

Я пристально посмотрел на него. Ярость, владевшая им накануне, совершенно утихла. Я решил дать ему возможность оправдаться.

— Вы ничего более не имеете сказать мне? — спросил я.

Он отвечал:

— Ничего.

Я повернулся к нему спиной, и с тех пор мы больше не разговаривали друг с другом.

IV

Прошу помнить, что все здесь написанное о моем кузене (если только не встретится необходимость предать эти обстоятельства гласности) предназначается лишь для чле-

нов нашей семьи. Гернкастль не сказал ничего такого, что могло бы дать мне повод обратиться к нашему полковому командиру. Моего кузена продолжают подразнивать алмазом те, кто помнил его бурную вспышку перед штурмом; но он молчит, очевидно не забыв обстоятельства, при которых я застал его в оружейной палате. Носятся слухи, что он намеревается перейти в другой полк — вероятно, для того, чтобы быть подальше от меня.

Правда это или нет, но я не могу стать его обвинителем по весьма основательной причине. Если я оглашу все вышеписанное, у меня не будет никаких доказательств, кроме внутренней убежденности. Я не только не могу доказать, что он убил двух индусов, стоявших у дверей, я не могу даже утверждать, что он убил третьего, внутри помещения,— потому что не видел этого собственными глазами.

Правда, я слышал слова умирающего индуза, но, если мне возразят, что они были предсмертным бредом, как я могу это опровергнуть? Пусть наши родственники с той и другой стороны сами составят себе мнение обо всем вышесказанном и решат, есть ли основания для отвращения, которое я и ныне испытываю к этому человеку.

Хоть я не верю фантастической индийской легенде об алмазе, но должен сознаться, что и сам не свободен от некоторого суеверия. Убеждение это или обманчивый домысел,— все равно я полагаю, что преступление влечет за собой кару. Я не только уверен в виновности Гернкастля, но и не сомневаюсь, что он пожалеет, если оставил алмаз у себя, и что другие тоже пожалеют, взяв этот алмаз, если он отдаст его им.

Повествование

Часть
первая

Пропажа
Анназа

1848

СОБЫТИЯ,
рассказанные Габриэлем Беттереджем,
дворецким леди Джулии Вериндер

Глава I

Раскройте первую часть «Робинзона Крузо» на странице сто двадцать девятой, и вы найдете следующие слова:

«Теперь я вижу, хотя слишком поздно, как безрассудно предпринимать какое-нибудь дело, не рассчитав все его издержки и не рассудив, по нашим ли оно силам».

Не далее как вчера раскрыл я моего «Робинзона Крузо» на этом самом месте. А уже сегодня утром, 21 мая 1850 года, пришел ко мне племянник миледи, мистер Фрэнклин Блэк, и завел со мною такой разговор.

— Беттередж,— сказал мистер Фрэнклин,— я был у нашего адвоката по поводу некоторых семейных дел, и, между прочим, мы заговорили о пропаже индийского алмаза, случившейся в доме тетки моей в Йоркшире. Адвокат

полагает, так же как и я, что всю эту историю следовало бы записать в интересах истины, и чем скорее, тем лучше.

Не понимая еще его намерения и считая, что ради мира и спокойствия всегда следует быть на стороне адвоката, я сказал, что и я думаю точно так же.

Мистер Фрэнклин продолжал:

— Как вам известно, пропажа алмаза уже бросила тень подозрения на репутацию невинных людей. Память о невинных может пострадать и впоследствии, по недостатку письменных фактов, к которым могли бы прибегнуть те, кто будет жить после нас. Нет сомнения, что эту нашу странную семейную историю следует рассказать, и, мне кажется, Беттередж, мы с адвокатом придумали правильный способ, как это сделать.

Без всякого сомнения, они придумали прекрасно, но я еще не понимал, какое отношение имеет все это ко мне.

— Нам надо рассказать известные события,— продолжал мистер Фрэнклин.— Есть люди, причастные к этим событиям и способные последовательно передать их. Вот почему адвокат думает, что мы все должны написать историю Лунного камня поочередно — насколько простирается наша личная осведомленность и не более. Мы должны начать с того, каким образом алмаз попал в руки моего дяди Гернкастля, когда он служил в Индии пятьдесят лет тому назад. Такой вступительный рассказ уже имеется — это старая фамильная рукопись, в которой очевидец излагает все существенные подробности. Потом следует рассказать, каким образом алмаз попал в дом моей тетки в Йоркшире два года назад и как он исчез через двенадцать часов после этого. Никто не знает лучше вас, Беттередж, что произошло в то время в доме. Следовательно, вы и должны взять перо в руки и начать рассказ.

Вот в таких-то выражениях сообщили мне, какое участие должен я принять в изложенной истории с алмазом. Если вам любопытно узнать, как я поступил в этих обстоятельствах, то позвольте сообщить вам, что я сделал то, что, вероятно, вы сами сделали бы на моем месте. Я скромно заявил, что подобная задача мне не по силам, а сам подумал, что уж суметь-то я сумею, если только дам себе развернуться. Кажется, мистер Фрэнклин прочитал мои тайные мысли у меня на лице. Он не захотел поверить моей скромности и настоял на том, чтобы я дал себе как следует развернуться.

Прошло два часа, как мистер Фрэнклин меня оставил. Не успел он повернуться ко мне спиной, как я уже направился к своему письменному столу, чтобы начать рассказ. И вот я сижу, беспомощный, несмотря на все свои способности, и все более убеждаюсь, подобно вышеупомянутому Робинзону Крузо, что неразумно приниматься за какое-нибудь дело, прежде чем не высчитаешь его издержки и прежде чем не рассудишь, по силам ли оно тебе. Прошу вас, обратите внимание, что я случайно раскрыл книгу как раз на этом месте накануне того дня, когда так опрометчиво согласился приняться за дело, которое теперь у меня на руках. И позвольте спросить: неужели это не было предсказанием?

Я не суеверен; я прочел множество книг за свою жизнь; я, можно сказать, ученый в своем роде. Хотя мне минуло семьдесят, память у меня крепкая, и ноги тоже. Таким образом, мое мнение — отнюдь не мнение невежды, а я считаю, что книги, подобной «Робинзону Крузо», никогда не было и не будет написано. Много лет обращался я к этой книге — обыкновенно в минуты, когда покуривал трубку,— и она была мне верным другом и советчиком во всех трудностях этой земной юдоли. В дурном ли я расположении духа — иду к «Робинзону Крузо». Нужен ли мне совет — к «Робинзону Крузо». В былые времена, когда жена чересчур надоест мне, и по сей час, когда чересчур приналягу на стаканчик,— опять к «Робинзону Крузо». Я истерпал шесть новеньких «Робинзонов Крузо» на своем веку. В последний день своего рождения миледи подарила мне седьмой экземпляр. Тогда я по этому поводу хлебнул лишнего, и «Робинзон Крузо» опять привел меня в порядок. Стоит он четыре шиллинга шесть пенсов в голубом переплете, да еще картинка в придачу.

А ведь это как будто не похоже на начало истории об алмазе? Я словно брожу да ищу бог знает чего, бог знает где. Мы, с вашего позволения, возьмем новый лист бумаги и начнем сызнова с моим нижайшим почтением.

Глава II

Я упомянул о миледи несколькими строками выше. Пропавшему алмазу никогда бы не бывать в нашем доме, если бы он не был подарен дочери миледи; а дочь миледи не

могла бы получить этого подарка, если б миледи в страданиях и муках не произвела ее на свет. Но, если мы начнем с миледи, нам придется начать издалека, а это, позвольте мне сказать вам, когда у вас на руках такое дело, как у меня, служит большим утешением.

Если вы хоть сколько-нибудь знаете большой свет, вы, наверное, слышали о трех прелестных мисс Гернкастль: мисс Аделаиде, мисс Каролине и мисс Джуллии — младшей и самой лучшей из трех сестер, по моему мнению, а у меня была возможность судить, как вы сейчас убедитесь. Я поступил в услужение к старому лорду, их отцу (слава богу, он не имеет никакого отношения к истории с алмазом; я никогда не встречал ни в высшем, ни в низшем сословии человека с таким длинным языком и с таким бешеным характером), — я поступил к старому лорду, говорю я, пажем к трем благородным дочерям его, когда мне было пятнадцать лет. Там жил я, пока мисс Джуллия не вышла за покойного сэра Джона Вериндера. Превосходный был человек, только нужно было, чтобы кто-нибудь управлял им, и, между нами, он нашел кого-то; он растолстел, повеселел и жил счастливо и благоденствовал с того самого дня, как миледи повезла его в церковь венчаться, до того дня, когда она приняла его последний вздох и закрыла ему глаза навсегда.

Забыл сказать, что я переселился с новобрачной в дом ее мужа и в его поместье.

«Сэр Джон, — сказала она, — я не могу обойтись без Габриэля Беттереджа».

«Миледи, — отвечал сэр Джон, — я также не могу без него обойтись».

Таким образом он говорил с ней всегда, — так именно я и попал к нему в услужение. Мне было все равно, куда ни ехать, только бы не расставаться с моей госпожой.

Видя, что миледи интересуется хозяйством, фермой и тому подобным, я сам начал этим интересоваться, — тем более что был седьмым сыном бедного фермера. Миледи отдала меня в помощники к управляющему, я старался изо всех сил и получил повышение. Несколько лет спустя, в понедельник, если не ошибаюсь, миледи говорит мужу:

«Сэр Джон, твой управляющий глупый старик. Дай ему хорошую пенсию и вместо него назначь Габриэля Беттереджа».

Во вторник сэр Джон отвечает ей:

«Миледи, управляющий получил хорошую пенсию, а Габриэль Беттередж получил его место».

Вы слышали много раз о супружах, живущих несчастливо. Вот пример, совершенно противоположный. Пусть он будет предостережением для некоторых и поощрением для других. А я тем временем буду продолжать свой рассказ.

Вы скажете, что я зажил припевающи. Я занимал ответственное и почетное место, имел свой собственный коттедж, утром обезжал поместья, днем составлял отчет, вечером курил трубку и читал «Робинзона Крузо», — чего еще мог я желать, для того чтобы считать себя счастливым? Вспомните, чего недоставало Адаму, когда он жил один в раю, и если вы не осуждаете Адама, то не осуждайте и меня.

Женщина, на которой я остановил свое внимание, занималась хозяйством в моем коттедже. Звали ее Селина Гоби. Я согласен с покойным Уильямом Коббетом относительно выбора жены. Смотрите, чтобы женщина хорошо перевевывала пищу и имела твердую походку, — вы не сделаете ошибки. У Селины Гоби было все как следует и в том и в другом отношении, и это было одной из причин, почему я женился на ней. Было у меня и другое основание, до которого я додумался. Когда она была не замужем, я должен был платить ей жалованье и содержать ее. Сделавшись моей женой, Селина должна была служить мне даром. Вот с какой точки зрения я посмотрел на это. Экономия с примесью любви. Я изложил это миледи надлежащим образом, так, как излагал самому себе.

«Я думал о Селине Гоби, — сказал я, — и мне кажется, миледи, что мне будет дешевле жениться на ней, чем содержать ее в услужении».

Миледи расхохоталась и ответила, что не знает, чем ей больше возмущаться: моим ли способом выражаться или моими правилами. Я полагаю, ей это показалось смешным по причине, которой вы понять не можете, если вы не знатная особа. Не поняв ничего, кроме того, что я имею право сделать предложение Селине, я пошел и сделал его. Что же сказала Селина? Боже ты мой, до чего мало знаете вы женщин, если спрашиваете об этом! Разумеется, она сказала «да».

Когда подошло время свадьбы и начали поговаривать

о том, что мне следует сшить новый фрак, я немножко струсил. Я спрашивал других мужчин, что они чувствовали, когда находились в моем положении, и они все сознались, что за неделю до венца сильно желали отказаться от него. Я зашел немножко далее: я постарался отказаться. Конечно, не даром! Я знал, что она даром от меня не отступится. Вознаградить женщину, когда мужчина отказывается от нее,— это предписывают английские законы. Повинуясь законам и старательно все обдумав, я предложил Селине Гоби перину и пятьдесят шиллингов вознаграждения. Вы, может быть, не поверите, а между тем это истинная правда: она была так глупа, что отказалась.

Разумеется, после этого делать было нечего. Я сшил новый фрак, самый дешевый, и вообще отдался довольно дешево — хоть мы не были счастливой, но мы не были и несчастной четой. Того и другого было пополам. Как это случилось, я не понимаю, только мы всегда мешали друг другу. Когда я хотел подняться по лестнице, моя жена спускалась вниз; а когда моя жена хотела сойти вниз, я шел наверх. Вот какова супружеская жизнь, насколько я могу судить.

После пятилетних недоразумений на лестнице всемудрому провидению благоугодно было освободить нас друг от друга, призвав мою жену. Я остался с моей маленькой Пенелопой; других детей у меня не было. Вскоре после того умер сэр Джон, и миледи тоже осталась с маленькой дочерью, мисс Рэчел; других детей не было у нее. Плохо же я описал миледи, если вам следует разъяснить, что маленькая Пенелопа росла на глазах моей доброй госпожи, отдана была в школу, сделалась проворной девушкой, а как выросла, была определена в горничные к мисс Рэчел.

Я же занимал должность управляющего до рождества 1847 года, когда в жизни моей произошла перемена. В этот день миледи соблаговолила зайти ко мне в коттедж на чашку чая. Начала она разговор с замечания, что с того дня, как я поступил пажем к старому лорду, я более пятидесяти лет находился у нее на службе,— и после этих слов подарила мне прекрасный шерстяной жилет, который сама связала, чтобы предохранить меня от зимних холодов.

Я принял этот великолепный подарок, не находя слов благодарности моей госпоже за оказанную мне честь. Но,

к великому моему удивлению, жилет оказался не честью, а подкупом. Оказывается, миледи подметила, прежде чем я почувствовал это сам, что с годами я сдал, и пришла ко мне в коттедж улестить меня (если можно употребить подобное выражение) отказаться от должности управляющего и провести на покое остальные дни моей жизни, дворецким в ее доме. Я противился, как только мог, обидному предложению жить на покое. Но госпожа моя знала мою слабую сторону: она выставила это как одолжение для нее самой. Спор наш кончился тем, что я, как старый дурак, вытер глаза своим новым вязанным жилетом и сказал, что подумаю.

После ухода миледи я ужасно расстроился и решил обратиться к средству, которое еще никогда не изменяло мне в затруднительных и непредвиденных случаях. Я закурил трубку и принялся за «Робинзона Крузо». Не прошло и пяти минут, как я развернул эту необыкновенную книгу, и мне попалось следующее утешительное местечко (страница сто пятьдесят восьмая): «Сегодня мы любим то, что возненавидим завтра». Я тотчас увидел, как мне следует поступить. Сегодня я еще хочу остаться в должности управителя, но завтра, основываясь на «Робинзоне Крузо», я буду желать совсем другого. Стоит только вообразить себе завтрашний день и завтрашнее расположение духа, и дело будет в шляпе. Успокоив себя таким образом, я заснул в эту ночь как управляющий леди Вериндер, а проснулся утром как ее дворецкий. Все как нельзя лучше, и все по милости «Робинзона Крузо».

Дочь моя Пенелопа заглянула сию минуту мне через плечо — посмотреть, сколько я написал. Она заметила, что все написано превосходно и справедливо во всех отношениях. Но она сделала одно возражение. Она говорит, что я до сих пор писал совсем не то, о чем мне следовало писать. Меня просили рассказать историю алмаза, а я между тем рассказываю свою собственную историю. Странно, не могу объяснить — отчего это. Желал бы я знать, неужели господа сочинители впутывают себя самих в свои рассказы, как я? Если так, я сочувствую им. А между тем вот опять не то. Что же теперь делать? Ничего, насколько мне известно, — только вам не терять терпения, а мне начать съезжать в третий раз.

Глава III

Вопрос о том, как мне надлежит начать рассказ, ставился я решить двумя способами. Во-первых, я почесал в голове; это не привело ни к чему. Во-вторых, посоветовался с моей дочерью Пенелопой, которая и подала мне совершенно новую мысль.

Пенелопа думает, что я должен начать с того самого дня, как мы получили известие, что к нам приезжает мистер Фрэнклин Блэк. Когда вы мысленно остановитесь таким образом на какой-нибудь дате, это удивительно, как ваша память подберет все нужные обстоятельства! Единственное затруднение состоит в том, чтобы вспомнить даты. Но Пенелопа предложила это сделать для меня, заглянув в свой собственный дневник, который ее обучили вести в школе и который она продолжает вести и по сей день. В ответ на мое предложение писать рассказ вместо меня, справляясь со своим дневником, Пенелопа вся вспыхнула и заметила со свирепым взглядом, что дневник ее предназначен только для нее самой и ни одно живое существо в мире не узнает, что в нем такое написано. Когда я спросил, почему, Пенелопа ответила:

— Так, батюшка!

А я говорю вам, что здесь не без каких-нибудь любовных проделок!

Начиная по плану Пенелопы, прошу позволения упомянуть, что утром в среду, 24 мая 1848 года, меня позвали в кабинет миледи.

— Габриэль,— сказала миледи,— вот новость, которая должна вас удивить. Фрэнклин Блэк вернулся из-за границы. Он гостит в Лондоне у отца, а завтра приедет к нам на месяц и проведет у нас день рождения Рэчел.

Будь у меня в руках шляпа, только одно уважение к миледи помешало бы мне подбросить ее к потолку. Я не видел мистера Фрэнклина с тех пор, как он мальчиком жил с нами в одном доме. Он был во всех отношениях (насколько я его помню) самый милый мальчик, какой когда-либо запускал волчок или разбивал окно. Присутствовавшая при нашем разговоре мисс Рэчел заметила, что она помнит его как самого лютого тирана и мучителя кукол и самого жестокого кучера, загонявшего девочек до изнеможения своими жесткими вожжами.

— Стоит мне вспомнить Фрэнклина Блэка,— заклю-

чила свою речь мисс Рэчел,— как я начинаю пылать негодованием и умирать от усталости.

Вы, натурально, спросите, почему же мистер Фрэнклин все свои годы с того самого времени, как он был мальчиком, до того времени, как он сделался мужчиной, провел вне своего отечества. Я отвечу: потому что его отец имел несчастье быть ближайшим наследником одного герцогского титула и не мог юридически этого доказать.

В двух словах, вот каким образом это случилось.

Старшая сестра миледи вышла за знаменитого мистера Блэка, в равной мере прославившегося своим огромным богатством, как и своим судебным процессом с неким герцогом. Сколько лет надоедал он судам своей родины, требуя, чтобы герцог был выставлен вон из поместья, а его титул передан ему, скольких стряпчих обогатил он, сколько других ни в чем не повинных людей заставил поссориться друг с другом из-за пари, прав он или нет. Жена его умерла, и двое его детей умерли, прежде чем суды решились захлопнуть перед ним дверь и не тянуть больше с него денег. Когда все было кончено и герцог остался при своем, мистер Блэк рассудил, что единственный способ отомстить отечеству за его поступок с ним — это лишить Англию чести воспитывать его сына.

«Как я могу положиться на наши отечественные учреждения,— объяснял он,— после того, что наши отечественные учреждения проделали со мной!»

Прибавьте к этому, что мистер Блэк не любил мальчиков, включая и своего, и вы согласитесь, что это могло кончиться только одним. Мистер Фрэнклин был увезен из Англии и послан в заведения, на которые его отец мог положиться, в такую превосходную страну, как Германия; сам мистер Блэк, заметьте, преспокойно остался в Англии, чтобы трудиться на пользу своих соотечественников в парламенте и чтобы написать памфлет о деле герцога — памфлет, который он не окончил и до сих пор.

Вот, слава богу, это рассказано. Ни вам, ни мне не следует ломать голову насчет мистера Блэка-старшего. Оставим его с его герцогством и обратимся к алмазу.

Алмаз возвращает нас к мистеру Фрэнклину, который оказался невольным виновником появления алмаза в нашем доме.

Наш милый мальчик не забыл нас, когда уехал за границу. Время от времени он писал: иногда миледи, иногда

мисс Рэчел, а иногда мне. Перед своим отъездом он занял у меня клубок веревок, перочинный нож о четырех лезвиях и семь шиллингов шесть пенсов, которых я обратно не получил и не надеюсь получить. Писал он мне больше для того, чтобы занять еще денег; однако я слышал от миледи, что он жил за границей с тех пор, как стал взрослым. Научившись тому, чему могли научить его германские заведения, он поехал во Францию, а потом в Италию; там сделали его универсальным гением, насколько я мог понять. Он немножко писал, немножко рисовал, немножко пел, играл и сочинял — заимствуя, как я подозреваю, во всех этих случаях, как он занимал у меня. Состояние его матери (семьсот фунтов в год) досталось ему, когда он был уже совершеннолетним, и прошло сквозь него, как сквозь решето. Чем больше у него было денег, тем больше он имел в них надобности; в кармане мистера Фрэнклина была дыра, которую никогда нельзя было зашить. Повсюду его веселость и непринужденность обеспечивали ему хороший прием. Он жил то тут, то там, и всегда адрес его (как он сам говоривал) был: «До востребования, Европа». Два раза решался он возвратиться в Англию и увидеться с нами, и два раза (прошу прощения) какая-нибудь женщина удерживала его. Третья попытка удалась, как вам уже известно из того, что миледи сказала мне. В четверг 25 мая мы должны были в первый раз увидеть, каким мужчиной сделался наш милый мальчик. Он был хорошего происхождения, имел мужественный характер и двадцать пять лет от роду, по нашему расчету. Теперь вы знаете мистера Фрэнклина Блэка столько же, сколько и я, перед тем как мистер Фрэнклин Блэк приехал к нам.

В четверг была прекрасная летняя погода; миледи и мисс Рэчел, не ожидая приезда мистера Фрэнклина раньше обеда, поехали завтракать к каким-то друзьям по соседству.

Когда они уехали, я пошел осмотреть спальню, приготовленную для нашего гостя, и увидел, что все там в порядке. Потом, будучи не только дворецким, но и буфетчиком миледи (по моей собственной просьбе, заметьте: мне было неприятно, чтобы кто-нибудь владел ключами от погреба покойного сэра Джона), — потом, говорю, я вынул наш знаменитый латурский klaret и поставил его согреться до обеда на теплом летнем солнышке. Вздумав и сам посидеть на теплом летнем солнышке, — потому что если это хорошо для старого klareta, то хорошо и для

старых костей,— я взял соломенный стул, чтобы выйти на задний двор, когда меня остановил звук тихого барабанного боя, раздавшийся на террасе перед комнатами миледи.

Обойдя кругом террасу, я увидел смотревших на дом трех темнокожих индусов в белых полотняных блузах и штанах.

Когда я присмотрелся поближе, я заметил, что на шее у них висели маленькие барабаны. Перед ними стоял маленький, худенький белокурый английский мальчик, державший мешок. Я рассудил, что эти люди — странствующие фокусники, а мальчик с мешком носит орудия их ремесла. Один из троих, говоривший по-английски и имевший, должен признаться, самые изящные манеры, подтвердил мою догадку: он попросил позволения показать свои фокусы в присутствии хозяйки дома.

Я старик не угрюмый, люблю удовольствия и не могу отказать в доверии человеку только потому, что его кожа потемнее моей. Но самые лучшие из нас имеют свои слабости,— а моя слабость в том, что, когда корзина с семейным серебром вынута и стоит на столе в кладовой, я немедленно вспоминаю об этой корзине при виде странствующего чужеземца, у которого манеры лучше моих. Поэтому я сообщил индусу, что хозяйки нет дома, и велел ему и его товарищам уйти. В ответ он ловко мне поклонился, и они ушли. Я, со своей стороны, воротился к моему стулу и уселся на солнечной стороне двора, погрузившись, если говорить правду, не то чтобы в сон, а в состояние, весьма к нему близкое.

Меня разбудила дочь моя Пенелопа, примчавшаяся ко мне, словно в доме был пожар. Чем, вы думаете, было вызвано ее появление? Она, видите ли, потребовала, чтобы три индийских фокусника были немедленно отведены в полицию по той причине, что будто бы они знали о приезде к нам из Лондона мистера Фрэнклина Блэка и имели намерение нанести ему вред.

Имя мистера Фрэнклина разбудило меня. Я открыл глаза и заставил мою дочь объясниться.

Оказалось, что Пенелопа только что вернулась из стражки нашего привратника, куда она ходила поболтать с его дочерью. Обе девушки видели, как выпровоженные мною индусы прошли в сопровождении мальчика. Почему-то забрав себе в голову, что эти иноземцы дурно обращаются с мальчиком, обе девушки пробрались вдоль

внутренней стороны живой изгороди, отделявшей наш дом от дороги, и стали смотреть, что будут делать индусы. А делать они стали странные штуки.

Сперва они оглядели со всех сторон дорогу, чтобы удостовериться, одни ли они. Потом все трое повернулись лицом к фасаду нашего дома и стали пристально в него вглядываться. Потом затараторили и заспорили на своем родном языке, глядя друг на друга с каким-то сомнением. Потом оборотились к английскому мальчику, как бы ожидая, что он поможет им. А потом главный индус, говоривший по-английски, приказал мальчику:

— Протяни руку.

Дочь моя Пенелопа, дойдя до этого места в рассказе, воскликнула, что она просто не понимает, как при таких страшных словах сердце не выскочило у нее из груди. Я подумал, грешным делом, что этому мог помешать корсет. Но вслух пробормотал только одно:

— Ох, меня мороз подирает по коже!

(Nota bene: женщины любят такие маленькие поощрения.)

Когда индус потребовал: «Протяни руку», — мальчик отступил на шаг, покачал головой и ответил, что ему не хочется. Индус спросил тогда (вовсе без гнева), уж не хочет ли он, чтобы его снова отправили в Лондон и оставили там, где нашли, спящим в пустой корзине на рынке, голодным, оборванным и бесприютным? Это, кажется, решило вопрос. Мальчуган неохотно протянул руку. Индус вынул из-за пазухи бутылку и налил из нее что-то черное, похожее на чернила, на ладонь мальчика. Потом, дотронувшись до головы мальчика и сделав над нею в воздухе какие-то знаки, сказал:

— Гляди.

Мальчик замер на месте и стоял, как статуя, глядя на чернила, налитые на его ладонь...

До сих пор все эти проделки индусов в рассказе Пенелопы казались мне просто фокусами и пустой тратаой чернил. Я было снова погрузился в дрему, но последующие слова Пенелопы сразу разогнали мой сон.

Индусы опять зорко оглядели дорогу, и главарь их сказал мальчику:

— Видишь англичанина, приехавшего из чужих краев?

Мальчик ответил:

— Я его вижу.

Индус сказал:

— По этой или по другой дороге приедет англичанин сегодня?

Мальчик ответил:

— По этой дороге, а не по другой приедет сегодня англичанин.

Помолчав, индус задал новый вопрос:

— Имеет ли англичанин это при себе?

Мальчик ответил, также после короткого молчания:

— Имеет.

Тогда индус задал четвертый, и последний, вопрос:

— Приедет ли англичанин сюда, как обещал, к вечеру?

Мальчик ответил:

— Не могу сказать.

Индус спросил, почему. Мальчик ответил:

— Я устал. У меня в глазах туман, и он мне мешает.

Сегодня не могу ничего больше видеть.

На этом вопросы закончились. Индус сказал что-то на своем языке другим своим спутникам, указывая на мальчика и на город, в котором (как мы узнали после) они остановились. Потом, снова сделав знаки над головой мальчика, дунул ему в лоб, тот вздрогнул и очнулся. После этого все отправились в город, и девушки уже не видели их более.

Говорят, что почти изо всего можно вывести мораль, если только постараться. Какую же мораль можно было вывести из всего этого?

Я рассудил, что, во-первых, главный фокусник слышал из разговора прислуги у ворот о приезде мистера Фрэнклина и увидел возможность заработать деньги. Во-вторых, что он, его товарищи и мальчик имели намерение (с целью заработать деньги) пошататься где-нибудь поблизости, пока куда миледи не приедет домой, а потом воротиться и предсказать ей приезд мистера Фрэнклина. В-третьих, что Пенелопа видела репетицию их фокусов, такую же, как у актеров, репетирующих свою пьесу. В-четвертых, что мне не худо в этот вечер присмотреть за столовым серебром. В-пятых, что Пенелопе хорошо бы успокоиться и оставить своего отца опять вздремнуть на солнышке.

Это показалось мне самым благоразумным заключением. Если вы хоть сколько-нибудь знаете молодых женщин, вы не удивитесь, услыхав, что Пенелопа не разделила моего мнения. По словам моей дочери, дело было очень серьезное.

Она напомнила мне третий вопрос индуса: «Имеет ли англичанин это при себе?»

— О батюшка! — воскликнула Пенелопа, всплеснув руками.— Не шутите с этим! Что значит это?

— Мы спросим мистера Фрэнклина, душа моя,— сказал я,— если можешь подождать, пока приедет мистер Фрэнклин.

Я подмигнул, показывая этим, что шучу. Но Пенелопа приняла мои слова совершенно серьезно. Ее озабоченный вид подстрекнул меня.

— Откуда может знать это мистер Фрэнклин? — сказал я.

— Спросите его,— ответила Пенелопа.— И вы увидите, считает ли он это забавным.

Пустив в меня последней парфянской стрелой, дочь моя ушла.

После ее ухода я решил действительно спросить мистера Фрэнклина, хотя бы для успокоения Пенелопы. О нашем с ним разговоре в этот же самый день вы узнаете в своем месте. Но так как я не желаю возбуждать ваше любопытство, то прошу разрешения сразу же, прежде чем мы пойдем дальше, предупредить вас, что в нашем с ним разговоре о фокусниках не было и тени шутливости. К моему величайшему удивлению, мистер Фрэнклин, как и Пенелопа, принял это известие серьезно. Вы поймете, насколько серьезно, когда узнаете, что, по его мнению, это означало Лунный камень.

Глава IV

Мне, право, стыдно занимать ваше внимание собой и своим соломенным стулом. Сонный старик на солнечном заднем дворе — предмет малоинтересный, я это прекрасно знаю. Но рассказ должен идти своим чередом, и вам придется помешкать еще немного со мной в ожидании приезда мистера Фрэнклина Блэка.

Прежде чем я снова успел вздрогнуть по уходе дочери, меня разбудило бренчание тарелок и блюд в людской, означавшее, что обед готов. Сам я обедаю в своей комнате, и до общего обеда в людской мне дела нет, а потому мне оставалось лишь пожелать им всем хорошего аппетита и опять устроиться поудобнее на своем стуле. Только что вытянулся я с этой целью ноги, как прибежала другая женщина. Не дочь моя на этот раз, а Нанси, судомойка.

Я загородил ей дорогу и подметил, что, когда она просила меня пропустить ее, лицо ее было надуто,— а этого, из принципа, как глава прислуги, я никогда не пропускаю без расследования.

— Это почему вы убежали из-за стола? Что случилось, Нанси?

Нанси постаралась ускользнуть не отвечая, но я взял ее за ухо. Она премиленьякая, толстенькая, молоденькая девушка, а я имею обыкновение показывать таким образом свое дружеское внимание к молодым девицам.

— Розанна опять опоздала к обеду,— ответила она,— и меня послали за ней. Все трудные работы в этом доме падают на мои плечи. Пустите меня, мистер Беттередж!

Розанна была наша вторая служанка. Так как я чувствовал сострадание к нашей второй служанке (вы сейчас узнаете, почему) и видел по лицу Нанси, что она побежит и обрушится на свою товарку с бранными словами, которых обстоятельства вовсе не требовали, мне пришло в голову, что у меня сейчас нет никакого дела и что я сам могу сходить за Розанной, намекнув ей быть вперед исправнее. Я знал, что она терпеливо перенесет это от меня.

— Где Розанна? — спросил я.

— Разумеется, на песках! — ответила Нанси, качая головой.— Ей, видите ли, опять дурно, и она отпросилась подышать свежим воздухом. Она выводит меня из себя!

— Воротись обедать, моя милая,— сказал я.— Она не выводит меня из себя, и я за неё схожу.

Нанси (у нее прекрасный аппетит) осталась довольна. Когда у нее довольный вид, она мила; тогда я треплю ее по подбородку. Это не безнравственно — это привычка.

И вот я взял палку и отправился на пески.

Нет, так дальше дело не пойдет. Мне жаль, что я опять вас задерживаю, но вам непременно надо выслушать историю песков и историю Розанны — по той причине, что дело об алмазе тесно связано с ними. Как прилежно стараюсь я вести рассказ не отвлекаясь и как плохо мне это удается! Но что делать! Люди и вещи перепутываются таким досадным образом в этой жизни и сами напрашиваются на ваше внимание. Примем это спокойно, расскажем коротко, и мы скоро проникнем в самую глубь тайны, обещаю вам!

Розанна (говорить о лице прежде, чем о вещи, требует простая вежливость) была единственной новой служанкой

в нашем доме. Месяца за четыре до того времени, о котором я пишу, миледи была в Лондоне и ездила в исправительное заведение, имевшее целью не допускать преступниц, освобожденных из тюрьмы, снова возвращаться к дурной жизни. Начальница, видя, что миледи интересуется этим учреждением, указала ей на одну девушку, по имени Розанна Спирман, и рассказала очень печальную историю, которую у меня не хватает здесь духу повторить, потому что не люблю волновать себя без нужды, да, верно, и вы также. Скажу в двух словах, что Розанна Спирман была воровка — но не такая, как те, которые орудуют целыми конторами в Сити и крадут не из крайней нужды раз в жизни, а обкрадывают тысячи людей,— поэтому она попала в руки полиции, ее посадили в тюрьму, а потом направили в исправительный дом. Мнение начальницы о Розанне было (несмотря на ее прежние поступки), что это девушка, каких мало, и что ей только нужен случай, для того чтобы показать себя достойной участия любого доброго человека. Миледи (будучи столь добрым человеком, что другого такого и сыскать трудно) сказала начальнице:

— Розанна Спирман найдет этот случай у меня в услужении.

Через неделю Розанна Спирман поступила к нам в дом второй служанкой. Ни одной душе не была рассказана история этой девушки, кроме мисс Рэчел и меня. Миледи, изволившая советоваться со мной по многим вопросам, посоветовалась со мной и по поводу Розанны. Переняя в последнее время привычку покойного сэра Джона всегда соглашаться с миледи, я искренне согласился с нею и насчет Розанны Спирман.

Редко представляется лучший случай, чем тот, какой выпал этой бедной девушке. Никто из прислуги не мог попрекнуть ее прошлым, потому что никто его не знал. Она получала жалованье и пользовалась преимуществами наравне со всеми остальными, и время от времени миледи дружеским словом поощряла ее. Зато, должен сказать, и она оказалась достойной такого ласкового обращения. Хотя она была далеко не крепкого здоровья и подвержена иногда обморокам, о которых я упоминал выше, она исполняла свое дело скромно и безропотно, старательно и хорошо, но как-то не приобрела друзей между служанками, кроме моей дочери Пенелопы, которая была обычно ласкова с Розанной, хотя и не очень близка с ней.

Не знаю, почему эта девушка не нравилась им. В ней не было красоты, которая возбуждала бы в других зависть; она была самая некрасивая девушка во всем доме, и вдобавок одно плечо ее было выше другого. Я думаю, что слугам больше всего не нравились ее молчаливость и склонность к уединению. Она читала или работала в свободные часы, когда другие болтали между собой. А когда приходила ее очередь уходить со двора, в девяти случаях из десяти она спокойно надевала шляпку и отправлялась погулять одна. Она никогда не ссорилась, никогда не обижалась; она только упорно и вежливо держалась поодаль от всех. Прибавьте к этому, что, при всей ее некрасивости, в ней было что-то, делавшее ее похожей не на служанку, а на благородную госпожу. Может быть, это проявлялось в ее голосе, может быть, в лице. Я могу только сказать, что другие женщины подметили это с самого первого дня, когда она поступила к нам в дом, и утверждали (совершенно несправедливо), что Розанна Спирман важничает.

Рассказав историю Розанны, я упомяну об одной ее странности, от которой мне будет совсем просто перейти к истории песков.

Наш дом расположен у побережья Йоркшира, возле самого моря. Около нас есть прекрасные места для прогулки — во всех направлениях, кроме одного. По-моему, это пренеприятная прогулка. С четверть мили идешь по печальному еловому лесу и, пройдя между низкими утесами, оказываешься в самой уединенной и безобразной бухте на всем нашем берегу.

Песчаные дюны спускаются тут к морю и оканчиваются двумя остроконечными скалами, выступающими из воды друг против друга. Одна называется Северным, а другая — Южным утесом. Между этими двумя скалами лежат самые ужасные зыбучие пески на всем йоркширском побережье. Во время отлива что-то происходит в их глубине, заставляя всю поверхность песков колебаться самым необычайным образом. Поэтому здешние жители назвали их Зыбучими песками. Большая отмель, тянущаяся на полмили возле устья бухты, сдерживает напор океана. И зимой и летом морские валы словно остаются за мелью, и вода проникает в бухту одной большой волной, бесшумно заливая пески. Уединенное и страшное место, могу уверить вас! Ни одна лодка не осмеливается входить в эту бухту. Дети из нашей рыбачьей деревни, называемой Коббс-Голл,

никогда не приходят сюда играть. Даже птицы, как мне кажется, улетают подальше от Зыбучих песков. Чтобы молодая женщина в часы своего отдыха, имея возможность выбрать из десяти приятных прогулок любую и всегда найти спутников, которые были бы готовы пойти с нею, если бы только она сказала: «Пойдемте!» — предпочла такое место и работала или читала тут совсем одна,— это превосходит всякое вероятие, уверяю вас. Однако — объясните как хотите — это было любимое место Розанны Спирман. Только раз или два ходила она в Коббс-Голл, к единственной подруге, которую имела в наших местах и о которой я расскажу вам впоследствии. Теперь я иду к этому месту звать девушки обедать. И это благополучно возвращает нас к началу рассказа и направляет опять в сторону песков.

Я не встретил девушку в еловом лесу. Когда я проbralся между дюнами к берегу, я увидел ее — в маленькой соломенной шляпке и в простом сером плаще, который она всегда носит, чтобы скрыть, насколько возможно, свое уродливое плечо. Она сидела одна и смотрела на море и на пески.

Она вздрогнула, когда я подошел к ней, и отвернулась от меня. Как глава прислуги, я из принципа никогда не пропускаю случая узнать, почему мне не смотрят прямо в лицо; я повернул ее к себе и увидел, что она плачет. Мой носовой платок — один из полдюжины прекраснейших фулярных носовых платков, подаренных мне миледи,— лежал у меня в кармане. Я вынул его и сказал Розанне:

— Пойдемте и сядем со мной, моя милая, где-нибудь на берегу. Я сперва вытру вам глаза, а потом осмелюсь спросить, о чем вы плакали.

Когда вы доживете до моих лет, вы узнаете, что сесть — занимает гораздо больше времени, чем кажется вам теперь. Пока я усаживался, Розанна вытерла себе глаза своим носовым платком, который был гораздо хуже моего — дешевый, батистовый. Она казалась очень пришибленной и очень несчастной, но села возле меня, как послушная девочка, лишь только я ей велел. Если вы желаете поскорее утешить женщину, посадите ее к себе на колени. Я вспомнил об этом золотом правиле, но Розанна не Нанси — вот в том-то и дело!

— Теперь скажи мне, моя милая,— продолжал я,— о чем вы плачете?

— О прошедших годах, мистер Беттередж,— спокойно ответила Розанна.— Я нет-нет да и вспомню мою прошлую жизнь.

— Полно, полно, милая моя! — сказал я.— Ваша прошлая жизнь вся заглажена. Почему бы вам не забыть о ней?

Она взяла меня за лацкан сюртука. Я старик неопрятный и пачкаю платье, когда ем и пью. То одна из служанок, то другая время от времени чистят мою одежду. Накануне Розанна вывела пятно с лацкана моего сюртука каким-то новым составом, уничтожающим всевозможные пятна. Жир сошел, но на сукне осталось темное пятнышко. Девушка указала на это место и покачала головой.

— Пятно снято,— сказала она,— но место, на котором оно было, все еще видно, мистер Беттередж, место видно!

На замечание, сделанное человеку врасплох по поводу его собственного сюртука, ответить не так-то легко. Что-то в самой девушке заставило меня особенно пожалеть ее в эту минуту. У нее были карие прекрасные глаза, хотя она была некрасива вообще, и она смотрела на меня с каким-то уважением к моей счастливой старости и к моей репутации,

как на нечто, чего сама она никогда достигнуть не может; и мое старое сердце наполнилось состраданием к нашей второй служанке. Так как я не чувствовал себя способным утешить ее, мне оставалось сделать только одно — повести ее обедать.

— Помогите мне встать,— сказал я.— Вы опоздали к обеду, Розанна, и я пришел за вами.

— Вы, мистер Беттередж! — сказала она.

— За вами послали Нанси,— продолжал я,— но я подумал, что от меня вы лучше примете маленький упрек.

Вместо того чтоб помочь мне встать, бедняжка тихо пожала мне руку. Она силилась удержаться от слез — и успела в этом, и это мне понравилось.

— Спасибо вам, мистер Беттередж,— сказала она.— Я не хочу обедать сегодня, позвольте мне подольше посидеть здесь.

— Почему вы любите здесь бывать? — спросил я.— Что заставляет вас постоянно приходить в это печальное место?

— Что-то привлекает меня сюда,— сказала девушка, рисуя пальцем фигуры на песке.— Я стараюсь не приходить сюда — и не могу. Иногда... — прибавила она тихо, как бы пугаясь своей собственной фантазии,— иногда, мистер Беттередж, мне кажется, что здесь меня ждет моя могила.

— Вас ждет жареная баранина и пудинг с салом! — сказал я.— Ступайте сейчас обедать! Вот что получается, Розанна, когда философствуешь на голодный желудок!

Я говорил строго, естественно негодяя (в мои лета) на двадцатипятилетнюю женщину, говорящую о близкой смерти.

Она как будто не слыхала моих слов. Она положила руку на мое плечо и не дала мне встать.

— Мне кажется, это место околдовало меня,— сказала она.— Оно мне снится каждую ночь, я думаю о нем, когда сижу за шитьем. Вы знаете, я так признательна, мистер Беттередж; вы знаете, я стараюсь заслужить вашу доброту и доверие ко мне миледи. Но я спрашиваю себя иногда, не слишком ли спокойна и хороша здешняя жизнь для такой женщины, как я, после всего, что я вынесла. Я чувствую себя более одинокой между слугами, чем когда я здесь, сознавая, что я не такова, как они. Миледи не знает, начальница исправительного дома не знает, каким страшным упреком честные люди служат сами по себе такой

женщине, как я. Не браните меня, милый, добрый мистер Беттередж. Я исполняю свое дело, не так ли? Пожалуйста, не говорите миледи, что я недовольна. Я довольна всем. Душа моя неспокойна иногда, вот и все... — Она сняла руку с моего плеча и вдруг указала мне на пески. — Посмотрите! — сказала она. — Не удивительно ли? Не страшно ли? Я видела это раз двадцать, но это ново для меня, как будто я никогда не видела всего прежде.

Я взглянул, куда она указывала. Начался прилив, и страшный песок стал содрогаться. Коричневая масса его медленно поднималась, а потом вся она задрожала.

— Знаете, на что это похоже? — сказала Розанна, опять схватив меня за плечо. — Это похоже на то, будто сотня людей задыхается под этим песком — люди силятся выйти на поверхность и погружаются все глубже в его страшную пучину. Бросьте камень, мистер Беттередж... Бросьте камень, и посмотрим, как втянет его песок!

Вот сумасбродные-то речи! Вот как голодный желудок действует на растревоженную душу! Ответ мой (правда, резкий, но на пользу бедной девушки, уверяю вас!) уже вертелся у меня на языке, когда его внезапно остановил голос из-за дюн, звавший меня по имени.

— Беттередж! — кричал голос. — Где вы?

— Здесь! — закричал я в ответ, не понимая, кто бы это мог быть.

Розанна вскочила и стала смотреть в ту сторону, откуда слышался голос. Я сам собирался уже подняться, но тут меня испугала внезапная перемена в лице девушки.

Лицо ее покрылось таким прекрасным румянцем, какого я никогда не видел у нее прежде; она как будто вся просияла от безмолвного и радостного изумления.

— Кто это? — спросил я.

Розанна повторила мой же вопрос.

— О! Кто это? — сказала она тихо, скорее про себя, чем говоря со мною.

Я повернулся и стал смотреть в ту сторону. Из-за дюн показался молодой человек с блестящими глазами, в прекрасном светло-коричневом костюме, в таких же перчатках и шляпе, с розаном в петлице и с улыбкой на лице, которая могла бы вызвать в ответ улыбку даже у Зыбучих песков. Прежде чем я успел стать на ноги, он прыгнул на песок возле меня, обнял меня за шею, по иностранному обычаю, и так крепко, что из меня чуть дух не вылетел.

— Милый Беттередж,— сказал он,— я должен вам семь шиллингов и шесть пенсов. Теперь вы знаете, кто я?

— Господи, спаси нас и помилуй!

Это был мистер Фрэнклин Блэк, приехавший на четыре часа ранее того, чем мы его ожидали.

Прежде чем я успел сказать хоть слово, я увидел, что мистер Фрэнклин с удивлением смотрит на Розанну. Следуя его примеру, я тоже посмотрел на девушку. Она покраснела больше прежнего — может быть, потому, что заметила взгляд мистера Фрэнклина, повернулась и вдруг ушла от нас в замешательстве, совершенно для меня непонятном, не поклонившись молодому джентльмену и не сказав мне ни слова, что совсем не походило на нее: более вежливой и приличной служанки трудно было найти.

— Какая странная девушка! — сказал мистер Фрэнклин. — Желал бы я знать, что такого удивительного нашла она во мне?

— Я полагаю, сэр,— ответил я, подтрунивая над воспитанием нашего молодого джентльмена,— ее удивил ваш заграничный лоск.

Я привел здесь небрежный вопрос мистера Фрэнклина и мой глупый ответ в утешение и поощрение всем глупым людям,— ибо я приметил, что ограниченным людям служит большим утешением сознание, что и те, которые умнее их, при случае поступают не лучше, чем они. Ни мистеру Фрэнклину с его удивительным заграничным воспитанием, ни мне, в моих летах, с моей опытностью и природным умом, не пришло в голову, что значило непонятное смущение Розанны Спирман. Мы перестали думать о бедняжке, прежде чем скрылся за дюнами ее серый плащ. Что ж из этого? — спросите вы весьма естественно. Читайте, добрый друг, терпеливо, и, может быть, вы пожалеете Розанну Спирман, так же как пожалел ее я, когда узнал всю правду.

Глава V

Когда мы остались одни, я прежде всего сделал третью попытку приподняться с песка. Мистер Фрэнклин остановил меня.

— В этом зловещем месте есть одно преимущество,— сказал он, — мы здесь одни. Не вставайте, Беттередж, я должен сказать вам кое-что.

Покуда он говорил, я смотрел на него и старался найти сходство с мальчиком, которого помнил, в мужчине, находившемся передо мною. Мужчина сбил меня с толку. Как я ни смотрел, я так же мало мог бы узнать румяные щечки мальчика, как и его детскую карточку. Теперь лицо мистера Фрэнклина было бледным, а подбородок покрылся, к моему величайшему удивлению и разочарованию, кудрявой каштановой бородкой и усами. Его живая развязность была очень приятна и привлекательна, я с этим согласен, но она не могла сравниться с его прежней непринужденностью обращения. Что еще хуже: он обещал сделаться высоким — и не сдержал обещания. Он был гибок, строен и хорошо сложен, но ему не хватало дюйма-двух до среднего роста. Словом, он совершенно обманул мои ожидания. Годы не оставили в нем ничего прежнего, кроме прямого, открытого взгляда. В этом я опять узнал нашего милого мальчика и этим заключил свои исследования.

— Добро пожаловать в родные места, мистер Фрэнклин! — сказал я.— Тем приятнее видеть вас, что вы приехали несколькими часами ранее, чем мы ожидали.

— У меня была причина приехать раньше, мистер Беттередж,— ответил мистер Фрэнклин.— Я подозреваю, Беттередж, что последние три-четыре дня за мной в Лондоне следили, и я приехал с утренним, а не с последним поездом, потому что мне хотелось ускользнуть от одного иностранца зловещего вида.

Слова эти чрезвычайно удивили меня. В голове моей промелькнула, как молния, мысль о трех фокусниках и о предположении Пенелопы, что они могут нанести какой-то вред мистеру Фрэнклину Блэкью.

— Кто следил за вами, сэр, и почему? — спросил я.

— Расскажите мне о трех индусах, которые были у вас сегодня,— продолжал мистер Фрэнклин, не обращая внимания на мой вопрос.— Может быть, Беттередж, мой иностранец и три фокусника окажутся друг другу сродни.

— А как вы узнали о фокусниках, сэр? — спросил я, отвечая на вопрос вопросом.

Я сознаю, что это был очень дурной тон. Но ведь вы не ожидаете многого от бедной человеческой натуры, не ожидайте же многого и от меня.

— Я видел Пенелопу,— продолжал мистер Фрэнклин,— и она рассказала мне. Ваша дочь обещала сделаться хорошенькой, Беттередж, и сдержала свое обещание. У Пе-

нелопы маленькие уши и маленькие ноги. Разве покойная миссис Беттередж обладала этими неоценимыми преимуществами?

— Покойная миссис Беттередж обладала множеством недостатков, сэр,— сказал я.— Один из них,— если вы позволите упомянуть о нем,— состоял в том, что она всегда отвлекалась. Она скорее походила на муху, чем на женщину; она не могла ни на чем сосредоточиться.

— Она мне очень подошла бы,— заметил мистер Фрэнклин.— Я также не могу ни на чем сосредоточиться. Беттередж, вы сделались еще остроумнее прежнего. Ваша дочь упомянула об этом, когда я расспрашивал ее подробно о фокусниках. «Батюшка вам все расскажет, сэр, он удивительный человек для своих лет и выражается бесподобно»,— собственные слова Пенелопы; при этом она божественно покраснела. При всем моем уважении к вам я не удержался от того, чтобы... Впрочем, это пустяки; я знал ее, когда она была ребенком, и она не сделалась от этого для меня хуже... Будем говорить серьезно. Что делали тут фокусники?

Я был не совсем доволен своей дочерью — не за то, что она разрешила мистеру Фрэнклину поцеловать себя — мистеру Фрэнклину это дозволено,— но за то, что она заставила меня рассказывать эту глупую историю. Однако делать было нечего, пришлось пересказывать все обстоятельства. Веселость мистера Фрэнклина пропадала по мере того, как я говорил. Он сидел нахмурив брови и дергая себя за бороду. Когда я кончил, он повторил два вопроса, которые главный фокусник задал мальчику,— вероятно, для того, чтобы хорошо запечатлеть их в своей памяти.

— «По этой дороге, а не по другой поедет сегодня англичанин? Имеет ли англичанин это при себе?» Я подозреваю,— сказал мистер Фрэнклин, вынимая из кармана маленький запечатанный пакет,— что это значит вот что: это, Беттередж, значит — знаменитый алмаз моего дяди Гернкастля.

— Великий боже, сэр! — вскричал я.— Как к вам попал алмаз нечестивого полковника?

— Нечестивый полковник в своем завещании отказал этот алмаз в подарок кузине моей Рэчел ко дню ее рождения,— ответил мистер Фрэнклин,— а мой отец, как душеприказчик нечестивого полковника, поручил мне привезти его сюда.

Если бы море, бесшумно заливавшее Зыбучие пески, вдруг превратилось перед моими глазами в сушу, сомневаюсь, удивило бы меня это более, чем слова мистера Фрэнклина.

— Полковник отказал алмаз мисс Рэчел? — воскликнул я.— А ваш отец, сэр, душеприказчик полковника? Ну, готов биться об заклад на что угодно, мистер Фрэнклин, что ваш отец не захотел бы дотронуться до полковника даже щипцами!

— Здорово сказано, Беттередж! Что дурного можно сказать о полковнике? Он принадлежал к вашему времени, не к моему. Расскажите мне, что вы знаете о нем, а я расскажу вам, как отец мой сделался его душеприказчиком, и еще кое о чем. Я узнал в Лондоне кое-что новое и не совсем благовидное о моем дяде Гернкастле и его алмазе, и я хотел бы знать, подтвердите ли вы это. Вы назвали его сейчас «нечестивым». Поройтесь-ка в вашей памяти, старый друг, и скажите мне — почему?

Видя, что он говорит серьезно, я рассказал ему все, что знал.

Вот сущность моего рассказа, приводимая здесь единственно для вас. Будьте внимательны, а то вы совсем собьетесь с толку, когда мы зайдем подальше в этой истории. Выкиньте из головы детей, обед, новую шляпку и что бы там ни было. Постарайтесь забыть политику, лошадей, биржевой курс Сити и неприятности в вашем клубе. Надеюсь, вы не рассердитесь на мою смелость; я пишу это только для того, чтобы возбудить ваше внимание, любезный читатель. Боже! Разве я не видел в ваших руках величайших авторов и разве я не знаю, как легко отвлекается ваше внимание, когда его просит у вас книга, а не человек?

Я упоминал выше об отце миледи, старом лорде с бешеным характером и длинным языком. Всего детей у него было пятеро. Сначала два сына, потом, после довольно долгого времени, его жена родила ему еще трех дочерей, одну за другой; моя госпожа, как уже было упомянуто, была самая младшая и самая лучшая из трех. Из двух сыновей старший, Артур, наследовал титул и имение отца. Второй, высокородный Джон, получил прекрасное состояние, оставленное ему одним родственником, и определился на военную службу.

Дурна та птица, которая пачкает свое собственное гнездо

до. Я считаю благородную фамилию Гернкастлей своим гнездом и почту за милость, если мне позволят не входить в подробности о высокородном Джоне. Я глубоко убежден, что это один из величайших негодяев, когда-либо существовавших на свете. Он начал службу в гвардейском полку. Он должен был уйти оттуда, прежде чем ему миновало двадцать два года,— умолчу, по какой причине. Строгая армейская дисциплина пришла не по вкусу высокородному Джону. Он отправился в Индию посмотреть, так же ли там строго, и понюхать пороху. Что касается храбрости, то, надо отдать ему справедливость, он был помесью бульдога, боевого петуха и дикаря. Гернкастль участвовал во взятии Серингапатама. Вскоре после этого он перешел в другой полк, а впоследствии и в третий. Тут он был произведен в полковники, получил солнечный удар и вернулся в Англию.

Он приехал с такой репутацией, что перед ним заперлись двери всех его родных; миреди (только что вышедшая замуж) первая объявила (с согласия своего мужа, разумеется), что ее брат никогда не войдет к ней в дом. Хотя пятен на репутации полковника было множество, я упомяну лишь о том, которое оставил на ней Лунный камень.

Говорят, что он, несмотря на свою смелость, никому не признавался, каким путем завладел этой индийской драгоценностью. Он никогда не пытался продать алмаз — не нуждаясь в деньгах и (опять надо отдать ему справедливость) не дорожа ими. Он никому его не дарил и не показывал ни одной живой душе. Одни говорили, будто он опасается, как бы это не навлекло на него неприятности от начальства; другие (не знавшие натуру этого человека) утверждали, что он боится, как бы, показав алмаз, он не поплатился за это жизнью.

В последних слухах, может статься, и была доля правды. Хотя нельзя сказать, что он боялся, но в Индии на него действительно было произведено два покушения, и все твердо были убеждены, что Лунный камень тому причиной. Когда полковник вернулся в Англию и все начали его избегать, это опять-таки было приписано Лунному камню. Тайна жизни полковника мешала ему во всем, она изгнала его из среды соотечественников. Мужчины не пускали его в свои клубы; женщины (а их было немало), на которых он хотел жениться, отказывали ему; друзья и родственники вдруг делались близоруки, встречаясь с ним на улице.

Другие в таких затруднительных обстоятельствах постарались бы оправдаться перед светом. Но уступать, даже когда он был неправ и когда все общество восстало против него, было не в привычках высокородного Джона. Он держал при себе алмаз в Индии, желая показать, что не боится быть убитым. Он оставил при себе алмаз в Англии, желая показать, что презирает общественное мнение. Вот вам портрет этого человека, как на полотне: характер, шедший всему наперекор, и лицо хотя красивое, но с дьявольским выражением.

Время от времени до нас доходили о нем самые различные слухи. Рассказывали, будто он стал курить опиум и собирать старые книги; будто он производит какие-то странные химические опыты; будто он пьянист и веселится с самыми низкими людьми в самых подозрительных лондонских трущобах. Как бы то ни было, полковник вел уединенную, порочную, таинственную жизнь; один раз — только один раз — после его возвращения в Англию я сам видел его лицом к лицу.

Года за два до того времени, о котором я теперь пишу, и года за полтора до своей смерти полковник неожиданно приехал в дом к миледи в Лондоне. Это было в день рождения мисс Рэчел, двадцать первого июня, и в честь этого дня, по обыкновению, собирались гости. Лакей привел сказать мне, что какой-то господин желает меня видеть.

Войдя в переднюю, я увидел там полковника, похудевшего, состарившегося, изнуренного и оборванного, но по-прежнему дерзкого и злого.

— Ступайте к моей сестре,— сказал он,— и доложите, что я приехал поздравить мою племянницу со днем рождения.

Он уже несколько раз пытался письменно примириться с миледи — только для того (я твердо в этом убежден), чтобы сделать ей неприятность. Но к нам в дом он приехал в первый раз. У меня было желание сказать ему, что у миледи гости. Но дьявольское выражение его лица испугало меня. Я пошел передать его поручение и, по собственному его желанию, оставил полковника ждать ответа в передней. Слуги таращили на него глаза, стоя поодаль, как будто он был ходячей адской машиной, начиненной порохом и дробью, каждую минуту способной взорваться.

Миледи также обладает — крошечку, не более — фамильной горячностью.

— Скажите полковнику Гернкастлю,— сказала она, когда я передал ей поручение ее брата,— что мисс Вериндер занята, а я не хочу его видеть.

Я старался уговорить миледи дать ответ повежливее, зная, что полковник не поклонник той сдержанности, которой обычно подчиняются джентльмены. Совершенно бесполезно. Фамильная горячность тотчас обратилась на меня.

— Когда мне нужен ваш совет,— сказала миледи,— вы знаете, что я сама спрашиваю его. Теперь я вас не спрашиваю.

Я пошел вниз с этим поручением, взяв на себя смелость передать его в исправленном виде.

— Миледи и мисс Рэчел сожалеют, что они заняты, полковник,— сказал я,— и просят извинить за то, что они не будут иметь чести видеть вас.

Я ожидал от него вспышки даже при той вежливости, с какой я передал ответ миледи. К удивлению моему, ничего подобного не случилось: полковник испугал меня, приняв это с неестественным спокойствием. Глаза его, серые, блестящие, с минуту были устремлены на меня; он засмеялся, не громко, как другие люди, а про себя, тихо и страшно зло.

— Благодарю вас, Беттередж,— сказал он.— Я не забуду день рождения моей племянницы.

С этими словами он повернулся на каблуках и вышел из дома.

Когда через год снова наступил день рождения мисс Рэчел, мы услышали, что полковник тяжело заболел. Полгода спустя — то есть за полгода до того времени, о котором я теперь пишу,— миледи получила письмо от одного весьма уважаемого священника. Оно сообщало ей две удивительные семейные новости. Во-первых, что полковник простил свою сестру на смертном одре; во-вторых, что простил он и всех других и принял весьма назидательную кончину. Я сам (несмотря на епископов и священников) имею нелицемерное уважение к церкви, но я убежден, что высокородный Джон постоянно находился во власти дьявола что последний гнусный поступок в жизни этого гнусного человека состоял в том (прошу прощения), что он обманул священника.

Вот сущность моего рассказа мистеру Фрэнклину.

Я заметил, что он слушает все более внимательно по мере продолжения рассказа и что сообщение о том, как сестра не приняла полковника в день рождения его племянницы, по-видимому, поразило мистера Фрэнклина, словно выстрел, попавший в цель. Хотя он в этом и не сознался, я увидел довольно ясно по его лицу, как это растревожило его.

— Вы рассказали все, что знали, Беттередж,— заметил он.— Теперь моя очередь. Но, прежде чем рассказать вам, какие открытия я сделал в Лондоне и каким образом был замешан в это дело с алмазом, мне хочется знать следующее. По вашему лицу видно, мой старый друг, что вы как будто не совсем понимаете, к какой цели ведет наше совещание. Обманывает ли меня ваше лицо?

— Нет, сэр,— ответил я.— Мое лицо, по крайней мере в данном случае, говорит правду.

— Ну, так я постараюсь,— сказал мистер Фрэнклин,— убедить вас разделить мою точку зрения, прежде чем мы пойдем далее. Я усматриваю три очень серьезных вопроса, связанных с подарком полковника в день рождения моей кузинки Рэчел. Слушайте меня внимательно, Беттередж, и пересчитывайте по пальцам, если это поможет вам,— сказал мистер Фрэнклин, находя некоторое удовольствие в показе своей собственной дальновидности, что хорошо напомнило мне те прежние времена, когда он был мальчиком.— Вопрос первый: был ли алмаз полковника предметом заговора в Индии? Вопрос второй: последовал ли заговор за алмазом полковника в Англию? Вопрос третий: знал ли полковник, что заговор последовал за алмазом, и не с умыслом ли оставил он в наследство неприятности и опасность своей сестре через ее невинную дочь? Вот что хочу я узнать, Беттередж. Не пугайтесь!

Хорошо ему было предупреждать меня, когда я уже перепугался!

Если он прав, в наш спокойный английский дом вдруг ворвался дьявольский индийский алмаз, а с ним заговор живых мошенников, спущенных на нас мщением мертвеца. Вот каково было наше положение, открывшееся мне в последних словах мистера Фрэнклина! Слыхано ли что-нибудь подобное — в девятнадцатом столетии, заметьте, в век прогресса, в стране, пользующейся благами британской конституции! Никто никогда не слыхал ничего подобного, а следовательно, никто не может этому пове-

рить. Тем не менее буду продолжать мой рассказ.

Когда вы вдруг испугаетесь до такой степени, как испугался я, этот испуг почти неминуемо скажется на вашем желудке, и внимание ваше отвлечется, вы начнете вертеться. Я молча заерзal, сидя на песке. Мистер Фрэнклин заметил, как я боролся со встревоженным желудком — или духом, если хотите, а это одно и то же,— и, остановившись именно в ту минуту, когда он готовился начать свой рассказ, спросил меня резко:

— Что такое с вами?

Что такое было со мной? *Ему* я не сказал, а вам скажу по секрету. Мне захотелось закурить трубку и почитать «Робинзона Крузо».

Глава VI

Умолчав о своих желаниях, я почтительно попросил мистера Фрэнклина продолжать. Мистер Фрэнклин ответил: «Не вертитесь, Беттередж!» — и продолжал.

Первые слова нашего молодого джентльмена разъяснили мне, что открытие, относящееся к нечестивому полковнику и к алмазу, он сделал (прежде чем приехать к нам) при посещении стряпчего своего отца в Гэмстеде. Мистер Фрэнклин случайно проговорился ему, когда они сидели вдвоем после обеда, что отец поручил ему отвезти мисс Рэчел подарок ко дню ее рождения. Слово за слово — и стряпчий открыл мистеру Фрэнклину, что это за подарок и как возникли дружеские отношения между покойным полковником и мистером Блэком-старшим. Обстоятельства эти так необыкновенны, что я сомневаюсь, способен ли передать их своим языком. Предпочитаю изложить открытие мистера Фрэнклина его собственными словами.

— Вы помните то время, Беттередж, — сказал он, — когда отец мой пытался доказать свои права на это несчастное герцогство? Как раз в это самое время и возвратился из Индии дядя Гернкастль. Отец мой узнал, что у него есть какие-то бумаги, которые могут быть полезны для его процесса. Он поехал к полковнику под предлогом поздравить его с приездом в Англию. Но полковника не так-то легко было провести. «Вам что-то от меня нужно, — сказал он, — иначе вы не решились бы рисковать своей репутацией, приехав ко мне». Отец мой понял, что

ему больше ничего не остается, как откровенно признаться во всем; он тотчас сознался, что ему нужны бумаги. Полковник просил дать ему день на размышление. Ответ его пришел в виде чрезвычайно странного письма, которое приятель мой, стряпчий, показал мне. Полковник начал с того, что он сам имеет надобность в моем отце и предлагает ему дружескую услугу за услугу. Случайности войны (его собственное выражение!) сделали его владельцем одного из самых больших алмазов на свете, и он имеет основание думать, что ни сам он, ни его драгоценный камень не будут в безопасности ни в одном доме, ни в одной части света, если он оставит этот камень при себе. Это вынуждает его отдать алмаз на хранение другому человеку. Этот человек лично не подвергается никакому риску. Он может отдать драгоценный камень на хранение в любое место — как, например, банкиру или ювелиру, у которых есть особая кладовая для хранения драгоценностей. Самому же ему делать ничего не придется. Он будет получать — или сам, или через надежного поверенного — по заранее условленному адресу, в заранее установленные дни каждый год письмо от полковника с простым извещением, что тот еще жив. В случае если письмо не будет получено в установленный день, молчание полковника может служить верным признаком того, что он убит. В таком случае, но не иначе, определенные инструкции относительно дальнейшей судьбы алмаза, запечатанные и хранящиеся вместе с ним, должны быть вскрыты и точно исполнены. Если отец мой согласится принять это странное поручение, то бумаги полковника будут отданы в его распоряжение. Вот что заключалось в письме.

— Что же сделал ваш отец, сэр? — спросил я.

— Что он сделал? — повторил мистер Фрэнклин.—

Я вам скажу, что он сделал. Он применил отменную способность, называемую здравым смыслом, к оценке письма полковника. Он объявил, что все это — чистейший вздор. Где-то в своих странствованиях по Индии полковник подцепил какое-нибудь дрянное стеклышко, которое принял за алмаз. Что касается опасения быть убитым и принятия предосторожностей для сохранения его жизни и этого стеклышка, то ныне девятнадцатое столетие, и каждому здравомыслящему человеку стоит только обратиться к полиции. Известно, что полковник много лет уже употреблял опиум, и если единственный способ достать драгоценные бумаги

состоит в том, чтобы принять бред, вызванный опиумом, за факт, то отец мой был вполне готов принять на себя эту смешную ответственность тем охотнее, что она не влекла за собой никаких хлопот. Алмаз и запечатанные инструкции были помещены в кладовую банкира, а письма полковника, периодически сообщавшие, что он жив, получались и распечатывались стряпчим нашего семейства, мистером Бреффом, поверенным моего отца. Ни один разумный человек в подобном положении не мог бы взглянуть на это дело иначе. Нам только то кажется вероятным, Беттередж, что, согласно с нашим собственным житейским опытом, и мы верим таинственному и необычному только тогда, когда прочтем о них в газете.

Мне стало ясно, что сам мистер Фрэнклин считает мнение своего отца о полковнике опрометчивым и ошибочным.

— А каково ваше мнение об этом деле, сэр? — спросил я.

— Дайте прежде покончить с историей полковника, — ответил мистер Фрэнклин. — Для английского ума характерно отсутствие системы, и ваш вопрос, мой старый друг, служит этому примером. Когда мы перестаем делать машины, мы (в умственном отношении) самый неряшливый народ во всей Вселенной!

«Вот оно, заграничное-то воспитание! — подумал я. — Он, должно быть, во Франции научился подтрунивать над собственной нацией».

Между тем мистер Фрэнклин продолжал прерванный рассказ:

— Отец мой получил нужные бумаги и с той поры не видел более своего шурина. Каждый год в заранее установленные дни заранее условленное письмо приходило от полковника и распечатывалось стряпчим Бреффом. Я видел целую кучу этих писем. Все они состояли из одной и той же краткой деловой фразы: «Сэр, это удостоверит вас, что я еще жив, пусть алмаз остается в прежнем месте. Джон Гернкастль». Вот все, что он писал, и приходило это аккуратно к назначенному дню. Но месяцы восемь тому назад форма письма в первый раз изменилась. Теперь оно гласило: «Сэр, говорят, что я умираю. Приезжайте ко мне и помогите мне составить завещание». Стряпчий Брефф поехал и нашел полковника в маленькой пригородной вилле, с прилегающими к ней землями, где полковник жил

один, с тех пор как оставил Индию. Он держал собак, кошек и птиц для компании, но с ним не было ни единого человека, если не считать приходящей служанки, присматривавшей за хозяйством, и доктора. Завещание оказалось очень простым. Полковник истратил большую часть своего состояния на химические опыты. Его завещание исчерпывалось тремя пунктами, которые он продиктовал в постели, будучи в здравом уме и твердой памяти. В первом пункте он обеспечивал содержание и уход за своими животными. Вторым пунктом основывалась кафедра экспериментальной химии в одном северных университетов. В третьем полковник завещал Лунный камень как подарок ко дню рождения своей племяннице, с условием, чтобы мой отец был его душеприказчиком. Отец сначала отказался. Но, подумав немного, уступил: отчасти из-за уверенности, что обязанность душеприказчика не доставит ему никаких хлопот, отчасти из-за намека стряпчего, сделанного в интересах Рэчел,— что алмаз все-таки может чего-нибудь стоить.

— Полковник не сказал, сэр,— спросил я,— по какой причине он завещал алмаз мисс Рэчел?

— Он не только сказал, но и объяснил это в своем завещании,— ответил мистер Фрэнклин.— Я взял себе выписку, которую вы сейчас увидите. Не спешите, Беттередж! Все должно идти по порядку. Вы слышали о завещании полковника, теперь вы должны услышать, что случилось после его смерти. Формальности потребовали, чтобы алмаз был оценен, прежде чем будет предъявлено завещание. Все ювелиры, к которым для этого обратились, тотчас подтвердили заявление полковника, что это один из самых больших алмазов на свете. Точная оценка представила довольно серьезные затруднения. Величина камня сделала его феноменом между алмазами, цвет поставил его в категорию совершенно особую, и добавок к этому в нем оказался недостаток — пятно в самой середине камня. Даже с таким недостатком алмаз по самой низкой оценке стоил двадцать тысяч фунтов. Представьте себе удивление моего отца: он чуть было не отказался от обязанностей душеприказчика, чуть было не выпустил из нашей семьи эту великолепную драгоценность! Интерес, возбужденный в нем этим делом, побудил его вскрыть запечатанные инструкции, хранившиеся вместе с алмазом. Стряпчий показал мне эти инструкции вместе с другими бумагами, и, по

моему мнению, они дают ключ к заговору, угрожавшему жизни полковника.

— Стало быть, вы думаете, сэр,— сказал я,— что заговор имел место?

— Не обладая отменным «здравым смыслом» моего отца,— ответил мистер Фрэнклин,— я думаю, что жизнь полковника действительно находилась в опасности, как он и говорил. Запечатанная инструкция объясняет, отчего он все-таки умер спокойно в своей постели. В случае его насильственной смерти (то есть в случае, если бы от него не было получено условленное письмо в назначенный день), отец мой должен был секретно отправить Лунный камень в Амстердам знаменитому гранильщику, чтобы тот разрезал его на четыре или шесть отдельных камней. Камни эти следовало продать за любую цену, а вырученные деньги употребить на основание той кафедры экспериментальной химии, о которой потом полковник упомянул в своем завещании. Теперь, Беттередж, напрягите-ка свой находчивый ум и сообразите, к какому заключению приводят указания полковника?

Я тотчас напряг свой ум. Но ему была свойственна английская медлительность, и он все перепутал, пока мистер Фрэнклин не указал на то, что именно следовало видеть.

— Заметьте,— сказал мистер Фрэнклин,— что целость бриллианта была искусно поставлена в зависимость от сохранения жизни полковника. Он не удовольствовался тем, что сказал врагам, которых опасался: «Убейте меня — и вы будете не ближе к алмазу, чем сейчас. Он там, откуда вы не можете его достать,— в кладовой банкира». Он сказал вместо этого: «Убейте меня — и этот алмаз перестанет быть прежним алмазом: его тождество уничтожится». О чём это говорит?

Тут, как мне показалось, меня озарила вспышка чудесной прозорливости, свойственной иностранцам.

— Знаю,— сказал я.— Это значит, что цена камня понизится и злодеи останутся в дураках.

— Ничуть не бывало! — сказал мистер Фрэнклин.— Я об этом спровадился. Алмаз с пятном, разбитый на отдельные камни, будет стоить дороже, чем целый, по той простой причине, что четыре — шесть прекрасных бриллиантов должны стоить дороже, чем один большой камень, но с пятном. Если бы простое воровство из-за прибыли

было целью заговора, инструкции полковника решительно сделали бы алмаз еще привлекательней для воров. За него можно было бы получить больше денег, а продать его гораздо легче, если б он вышел из рук амстердамских мастеров.

— Господи помилуй, сэр! — воскликнул я.— В чем же состоял заговор?

— Заговор, составленный индусами, которым прежде принадлежал алмаз,— сказал мистер Фрэнклин,— основан на каком-то древнем индийском суеверии. Таково мое мнение, подтвержденное одним фамильным документом, который находится при мне в настоящую минуту.

Теперь я понял, почему появление трех индийских фокусников у нашего дома показалось мистеру Фрэнклину обстоятельством, достойным внимания.

— Я не хочу навязывать вам своего мнения,— продолжал мистер Фрэнклин.— Мысль об избранных служителях древнего индийского суеверия, посвятивших себя, несмотря на все затруднения и опасности, задаче возвратить священную драгоценность и выжидающих для этого первого удобного случая, кажется мне совершенно согласной с тем, что нам известно о терпении восточных племен и о влиянии восточных религий. Я человек с живым воображением, и мясник, булочник и налоговый инспектор не кажутся мне единственной правдоподобной реальностью. Пусть же моя догадка оценивается как угодно; перейдем к единственному практическому вопросу, касающемуся нас. Переживет ли полковника заговор о Лунном камне? И знал ли полковник об этом, когда оставлял своей племяннице подарок ко дню ее рождения?

Я начинал понимать, что дело это ближе всего касается теперь миледи и мисс Рэчел. Ни одно слово, сказанное мистером Фрэнклином, теперь не ускользнуло от меня.

— Мне не очень хотелось, когда я узнал историю Лунного камня,— продолжал он,— привозить его сюда, но мистер Брефф напомнил мне, что кто-нибудь должен же передать моей кузине наследство дяди и что я могу сделать это точно так же, как и всякий другой. Когда я забрал алмаз из банка, мне показалось, что за мной следит на улице какой-то обворванный смуглый человек. Я отправился к отцу за своими вещами и нашел там письмо, неожиданно удержавшее меня в Лондоне. Я вернулся в банк с алмазом и опять увидел этого обворванного человека. Снова взяв

алмаз из банка сегодня утром, я встретил этого человека в третий раз, ускользнул от него и уехал (прежде чем он успел напасть на мой след) с утренним, вместо дневного, поездом. Вот я здесь с алмазом, и мы оба в целости и сохранности. И какую же первую новость я слышу? Я слышу, что здесь были три странствующих индуза и что мой приезд из Лондона и то, что я должен иметь при себе, были главным предметом их разговора в то время, когда они думали, что они одни. Не стану тратить слова на то, как они выливали чернила в ладонь мальчика и приказывали ему увидеть человека, находившегося в другом месте. Штука эта, которую часто видел на Востоке, и по моему мнению и по вашему, не более как фокус. Вопрос, который мы теперь должны решить, состоит в том, не приписывают ли я ошибочно большое значение простой случайности или мы действительно имеем доказательства, что индузы напали на след Лунного камня с той минуты, как он взят из банка?

Но ни он, ни я, казалось, не были расположены заниматься этим исследованием. Мы посмотрели друг на друга, потом на прилив, все больше и больше покрывавший зыбучие пески.

— О чём вы думаете? — вдруг спросил мистер Фрэнклин.

— Я думаю, сэр,— ответил я,— что мне хотелось бы швырнуть алмаз в зыбучий песок и решить этим вопрос раз и навсегда.

— Если у вас в кармане лежит достаточно денег, чтобы оплатить Лунный камень,— ответил мистер Фрэнклин,— так скажите, Беттередж, и я брошу алмаз в песок!

Любопытно заметить, как облегчает вас самая пустая шутка, когда у вас неспокойно на душе. Нам показалось очень забавной мысль уничтожить законную собственность мисс Рэчел и причинить мистеру Блэку как душеприказчику страшные неприятности, хотя теперь я не могу понять, что тут было смешного.

Мистер Фрэнклин первый снова вернулся к предмету разговора. Он вынул из кармана конверт, вскрыл его и протянул мне лежащую там бумагу.

— Беттередж,— сказал он,— мы должны в интересах тетушки обсудить вопрос о том, какая причина заставила полковника оставить это наследство своей племяннице. Припомните отношение леди Вериндер к своему брату с

того самого времени, как он вернулся в Англию, и до той минуты, когда он сказал вам, что будет помнить день рождения племянницы. И прочтите это.

Он дал мне выписку из завещания полковника. Она лежит сейчас передо мной, и я перепишу ее для вас:

«...В-третьих, и в последних, дарю и завещаю моей племяннице Рэчел Вериндер, единственной дочери сестры моей Джуллии Вериндер, вдовы,— в том случае, если ее мать, названная Джуллия Вериндер, будет жива в следующий после моей смерти день рождения названной Рэчел Вериндер,— желтый алмаз, принадлежащий мне и известный на Востоке под названием Лунного камня, при условии, что ее мать, названная Джуллия Вериндер, будет жива в указанный день. И поручаю моему душеприказчику отдать алмаз или самому, или через какого-нибудь надежного посредника, которого он выберет, в собственные руки вышеупомянутой племянницы моей Рэчел, в первый же день ее рождения после моей смерти и в присутствии, если возможно, моей сестры, вышеупомянутой Джуллии Вериндер. И я желаю, чтобы вышеупомянутой сестре моей был сообщен посредством верной копии третий, и последний, пункт моего завещания, что я дарю алмаз дочери ее Рэчел в знак моего полного прощения за тот вред, который ее поступки причинили моей репутации, а особенно в доказательство, что я прощаю, как и следует умирающему, оскорбление, нанесенное мне как офицеру и джентльмену, когда ее слуга, по ее приказанию, не пустил меня к ней в день рождения ее дочери».

За этим следовало указание, как поступить, если в момент смерти завещателя миледи или мисс Рэчел не будут в живых: а именно, согласно запечатанной инструкции, алмаз следовало отослать в Голландию. Деньги, полученные от его продажи, предназначались, как и деньги, упомянутые в пункте втором, кафедре химиков одного из северных университетов.

Я возвратил бумагу мистеру Фрэнклину, решительно недоумевая, что ему ответить. До этой минуты я думал, как вам известно, что полковник умер так же нечестиво, как и жил. Не скажу, чтобы копия его завещания заставила меня переменить это мнение; скажу только, что она поколебала меня.

— Ну,— спросил мистер Фрэнклин,— теперь, когда вы прочли собственные слова полковника, что вы на это ска-

жете? Привезя Лунный камень к тетушке в дом, служу я слепо его мщению или оправдываю его как раскаявшегося христианина?

— Тяжело представить себе, сэр,— ответил я,— что он умер с гнусным мщением в сердце и с гнусным обманом на устах. Одному богу известна правда. Меня не спрашивайте.

Мистер Фрэнклин вертел и комкал в руках выписку из завещания, как будто надеясь выжить из нее таким образом истину. В то же время он поразительно изменился. Из живого и веселого он сделался теперь тихим, серьезным, задумчивым молодым человеком.

— Этот вопрос имеет две стороны,— сказал он,— объективную и субъективную. С которой нам начать?

Он получил не только французское, но и немецкое воспитание. До сих пор он находился под влиянием, как я полагал, первого из них. А теперь (насколько я мог разобрать) его место заступило второе. Одно из правил моей жизни: никогда не примечать того, чего я не понимаю. Я выбрал среднее между объективной и субъективной стороной. Говоря попросту, я вытаращил глаза и не сказал ни слова.

— Извлечем сокровенный смысл из всего этого,— сказал мистер Фрэнклин.— Почему дядя отказал алмаз Рэчел? Почему не отказал он его тетушке?

— Это, по крайней мере, отгадать не трудно, сэр,— ответил я.— Полковник Гернкастль хорошо знал, что от него миледи не захочет принять никакого наследства.

— Но почему он знал, что Рэчел также не откажется?

— Есть ли на свете молодая девушка, сэр, которая могла бы устоять от искушения принять такой подарок, как Лунный камень?

— Это субъективная точка зрения,— сказал мистер Фрэнклин.— Вам делает большую честь. Беттередж, что вы способны на субъективную точку зрения. Но в завещании полковника есть еще другая тайна, до сих пор не объясненная: почему он дарит свой камень Рэчел в день ее рождения лишь при том необходимом условии, чтобы мать ее была в живых?

— Я не желаю порочить покойника, сэр,— ответил я,— но если он с умыслом оставил в наследство сестре хлопоты и опасность через ее дочь, то непременным условием этого наследства должно было быть, чтобы сестра

его находилась в живых, дабы испытать уготовленные ей бедствия.

— О! Так вот какие вы приписываете ему намерения! Это опять-таки субъективное толкование! Бывали вы в Германии, Беттередж?

— Нет, сэр. А ваше толкование позвольте узнать?

— А почему вы не думаете,— заметил мистер Фрэнклин,— что цель полковника, может быть, состояла не в том, чтобы принести пользу племяннице, которую он даже никогда не видел, но чтобы доказать сестре, что он простил ее, и доказать очень любезно — посредством подарка, сделанного ее дочери? Это совершенно другое объяснение по сравнению с вашим, Беттередж, и оно внушено объективной точкой зрения. Как видите, одно толкование может быть так же справедливо, как и другое.

Доведя дело до этого приятного и успокоительного вывода, мистер Фрэнклин, по-видимому, решил, что он исполнил все, что от него требовалось. Он бросился наизнечь на песок и спросил, что же ему теперь делать.

Он выказал себя таким умным и дальновидным, прежде чем пуститься в заграничную тарабарщину, и все время до такой степени первенствовал надо мной в этом деле, что я совершенно не был готов к внезапной перемене, когда он, сложив оружие, вдруг обратился за помощью ко мне. Только впоследствии узнал я от мисс Рэчел — первой, кто сделал это открытие,— что странные перемены и переходы в мистере Фрэнклине происходили от его заграничного воспитания. В том возрасте, когда мы все наиболее способны принимать нашу окраску как отражение окраски других людей, его послали за границу, и он жил то в одной стране, то в другой и ни одна окраска не пристала к нему окончательно. Вследствие этого он воротился со множеством различных сторон в своем характере, более или менее противоречащих одна другой, как будто он проводил жизнь в постоянном несогласии с самим собой. Он мог быть и деловым человеком и лентяем, тугодумом и умницей, образцом решимости и беспомощности в одно и то же время. У него была и французская, и немецкая, и итальянская сторона; иногда даже можно было заметить и первоначальный, английский фундамент, как бы говоря: «Вот я жалко исковеркан, как вы видите, но все-таки во мне осталось кое-что мое». Мисс Рэчел обыкновенно говорила, что итальянская сторона одерживала верх в тех случаях,

когда он неожиданно опускал руки и просил вас с обычной своей милой кротостью снять с него ответственность и возложить ее на свои плечи. Вы не окажете ему несправедливости, я полагаю, если заключите, что итальянская сторона одержала верх и теперь.

— Вам самим следует решить, сэр,— сказал я,— что теперь делать; уж конечно, не мне.

Мистер Фрэнклин, по-видимому, не узрел всей силы моих слов — его поза мешала ему видеть что-либо, кроме неба над головой.

— Я не желаю пугать тетушку без причины,— сказал он,— но и не желаю оставлять ее без надлежащего предостережения. Если бы на моем месте были вы, Беттередж,— скажите мне в двух словах, что бы сделали вы?

Я сказал ему в двух словах:

— Подождал бы.

— Готов от всего сердца,— сказал мистер Фрэнклин.— Долго ли?

Я начал объяснять свою мысль.

— Как я понимаю, сэр,— сказал я,— кто-нибудь должен же отдать этот проклятый алмаз мисс Рэчел в день ее рождения, и вы можете сделать это точно так же, как всякий другой. Очень хорошо. Сегодня двадцать пятое мая, а день рождения двадцать первого июня. В нашем расположении почти четыре недели. Подождем и посмотрим, что случится за это время, и либо предостережем миледи, либо нет — в зависимости от обстоятельств.

— Прекрасно, Беттередж! — воскликнул мистер Фрэнклин.— Но что нам делать с алмазом до дня рождения?

— То же, что сделал ваш отец, сэр,— ответил я.— Отец ваш сдал его в банк в Лондоне, а вы отдайте его в банк во Фризинголле.

Фризинголл — наш ближайший город, и банк его так же надежен, как Английский банк.

— Будь я на вашем месте, сэр,— прибавил я,— я прямо отправился бы верхом с алмазом во Фризинголл, прежде чем дамы вернутся.

Возможность предпринять что-нибудь, да еще верхом, заставила мистера Фрэнклина мигом вскочить на ноги. Он вскочил и без церемоний заставил встать и меня.

— Беттередж, вы золото, а не человек! — сказал он.— Пойдем, и велите тотчас же оседлать самую лучшую лошадь в конюшне.

Тут, слава богу, английский фундамент проступил на конец сквозь весь заграничный лоск! Это был тот же мистер Фрэнклин, которого я помнил, оживившийся по-прежнему при мысли о поездке верхом и напомнивший мне доброе старое время. Оседлать для него лошадь? Я оседлал бы ему двенадцать лошадей, если бы только он мог поскакать на всех разом!

Мы поспешили возвратиться домой, поспешили велели оседлать самую быстроногую лошадь из всей конюшни, и мистер Фрэнклин поспешил ускакать в сейф банка проклятый алмаз. Когда затих стук копыт его лошади и я опять остался один, я почти готов был спросить себя, не привиделось ли мне все это во сне.

Глава VII

Пока я находился в такой растерянности, чрезвычайно нуждаясь в уединении, чтобы привести в порядок свои чувства, дочь моя Пенелопа попалась мне навстречу, точь-вточь как ее покойная мать попадалась мне на лестнице, и тотчас потребовала, чтобы я рассказал ей о своем разговоре с мистером Фрэнклином. При настоящих обстоятельствах оставалось только одно — тотчас же прихлопнуть гасильником любопытство Пенелопы. Я ответил ей, что мы с мистером Фрэнклином толковали об иностранной политике и договорились до того, что оба крепко заснули на солнышке. Попробуйте дать этот ответ, когда жена или дочь пристанут к вам с неуместным вопросом, и будьте уверены, что, по природной женской кротости, они расцелуют вас и опять станут приставать при первом же удобном случае.

Приближался вечер, и миледи с мисс Рэчел вернулись.

Бесполезно говорить, как они удивились, когда услыхали, что мистер Фрэнклин Блэк приезжал и опять куда-то уехал верхом. Бесполезно также говорить, что они тотчас задали неуместные вопросы и что «иностранный политики» и крепкий сон на солнце не годились для них. Не придумав ничего другого, я сказал, что приезд мистера Фрэнклина с ранним поездом надо единственно приписать одной из его причуд. Когда меня спросили, неужели отъезд его верхом был также причудой, я ответил: «Да, точно так», — и отделался, кажется, очень ловко.

Выйдя с честью из этого положения, я оказался в еще более затруднительном положении, когда вернулся в свою комнату. Пришла Пенелопа — с природной женской кротостью — поцеловать меня и — с природным женским любопытством — задать новый вопрос. На этот раз она только пожелала узнать, что случилось с нашей второй служанкой, Розанной Спирман.

Оставив мистера Фрэнклина и меня на Зыбучих песках, Розанна, как оказалось, воротилась домой в самом непонятном расположении духа. Она менялась в лице (если верить Пенелопе), как цвета радуги. Она была то весела, то грустна без всякой причины. Не переводя духа, она задала сотню вопросов о мистере Фрэнклине Блэке и тотчас же рассердилась на Пенелопу за то, что та предположила, будто незнакомый джентльмен смог заинтересовать ее. Заметили, как она, улыбаясь, чертила имя мистера Фрэн-

клина на дне своего рабочего ящика. Застали ее в слезах, смотрящей в зеркало на свое уродливое плечо. Знала ли она прежде мистера Фрэнклина? Совершенно невозможно! Не слыхали ли они чего-нибудь друг о друге? Опять невозможно! Я мог засвидетельствовать, что удивление мистера Фрэнклина было искренне, когда он увидел, как девушка смотрит на него. Пенелопа могла засвидетельствовать, что любопытство девушки было искренне, когда она расспрашивала о мистере Фрэнклине. Разговор наш был довольно скучен до тех пор, пока дочь моя вдруг не кончила его, высказав самое нелепое предположение, какое я когда-либо слышал в своей жизни.

— Батюшка,— сказала Пенелопа совершенно серьезно,— остается только одно объяснение: Розанна влюбилась в мистера Фрэнклина Блэка с первого взгляда.

Вы слышали о прелестных молодых девицах, влюблявшихся с первого взгляда, и находили это весьма естественным. Но чтобы горничная из исправительного дома, дурная собой и с уродливым плечом, влюбилась с первого взгляда в джентльмена, приехавшего в гости к ее госпоже?! Найдите мне что-нибудь, подобное этой нелепости, в любом романе, если можете. Я хохотал до слез. Пенелопа почему-то рассердила на меня за мою веселость.

— Я прежде не замечала, чтобы вы были жестоки, батюшка,— сказала она очень кротко и ушла.

Слова моей девочки точно обдали меня холодной водой. Я взбесился на себя за то, что раз волновался, когда она проговорила их,— но это было именно так. Мы переменим предмет рассказа, если вы позовете. Мне жаль, что я вынужден был написать об этом,— и не без причины, как вы увидите дальше.

Настал вечер и уже раздался звонок, возвещавший, что пора одеваться к обеду, когда мистер Фрэнклин наконец возвратился из Фризинголла. Я сам отнес горячую воду к нему в комнату, ожидая услышать после этого необыкновенно продолжительного отсутствия о каком-нибудь приключении. Но, к моему великому разочарованию (вероятно, и к вашему), не случилось ровно ничего. Он не встретился с индусами ни по пути туда, ни на обратном пути. Он отдал Лунный камень в банк, сказав просто, что это камень очень дорогой, и привез расписку в кармане. Я сошел вниз, чувствуя, что после всех наших утренних тревог об алмазе конец этот слишком обыден.

Как прошла встреча мистера Фрэнклина с теткой и кузиной, не знаю.

Я дал бы многое, чтобы служить за столом в этот день. Но при моем положении в доме служить за обедом (исключая большие семейные празднества) значило бы унизить свое достоинство в глазах других слуг,— миледи и без того считала меня довольно склонным к этому; не к чём было искать еще случая для этого. Известия из «верхних областей» в тот вечер были принесены мне Пенелопой и лакеем. Пенелопа сказала, что мисс Рэчел никогда не занималась так тщательно своей прической и никогда не казалась так весела и хороша. Лакей донес, что сохранение почтительной серьезности в присутствии высших и прислуживание мистеру Фрэнклину Блэку за обедом — две вещи самые несовместимые, какие только случалось ему встретить при исполнении своих обязанностей. Позднее вечером мы услышали, как они играли и пели дуэты. Мистер Фрэнклин брал высоко, мисс Рэчел еще выше, а миледи на фортепьяно, поспевая за ними, как на охоте, так сказать, через канавы и заборы, благополучно помогала им, так что приятно было слышать их в открытые окна на террасе. Еще позднее я отнес мистеру Фрэнклину в курительную комнату содовой воды и виски и увидел, что мисс Рэчел вытеснила алмаз из его головы.

— Самая очаровательная девушка из всех виденных мною, с тех пор как я вернулся в Англию! — Вот все, чего я мог от него добиться, покуда старался навести разговор на более серьезные предметы.

Около полуночи я вместе с моим помощником (Самюэлем, лакеем) обошел, по обыкновению, дом, чтобы запереть все двери. Когда все двери были заперты, за исключением боковой, отворявшейся на террасу, я отоспал Самюэля спать, а сам вышел подышать свежим воздухом, прежде чем самому пойти спать.

Ночь была тихая и душная, и полная луна сияла на небе. Так было тихо, что я слышал время от времени очень слабо и глухо шум моря, когда прибой подкатывался к песчаному берегу возле нашей маленькой бухты. На террасе было темно; но яркий лунный свет освещал песчаную дорожку, тянувшуюся вдоль стены за углом. Поглядев сперва на небо, а потом в ту сторону, я увидел тень человека, отбрасываемую лунным светом из-за угла дома.

Будучи стар и опытен, я не стал окликать незнакомца,

но, так как я также, к несчастью, стар и тяжел, песок захрустел под моими ногами и выдал меня. Прежде чем я успел тихонько пробраться за угол, как намеревался, я услышал топот ног полегче моих — и, как мне показалось, не одной пары, — торопливо удалявшихся. Когда я дошел до угла, беглецы, кто бы они ни были, исчезли в кустарнике по другую сторону дорожки, и между густыми деревьями и кустами в той части парка их невозможно было разглядеть. Из кустарника они могли легко пробраться через наш забор на дорогу. Будь я сорока годами моложе, я, быть может, и успел бы поймать их, прежде чем они убежали бы из нашего парка. Теперь же я возвратился, чтобы послать в погоню за ними пару ног помоложе моих. Не потревожив никого, Самюэль и я взяли ружья, обошли вокруг дома и обшарили кустарники. Удовствовавшись, что в наших владениях никто не прячется, мы вернулись. Проходя по дорожке, где я видел тень, я вдруг заметил, что на песке, освещенном луной, что-то блестит. Подняв эту вещицу, я увидел, что это была скляночка с густой, приятного запаха жидкостью, черной, как чернила.

Я ничего не сказал Самюэлю. Но, вспомнив, что Пенелопа говорила мне о фокусниках и о том, как они наливали чернила на ладонь мальчика, я тотчас догадался, что спугнул трех индусов, шатавшихся около дома и стравившихся своим языческим способом разузнать, где в эту ночь находился алмаз.

Глава VIII

Здесь на мгновение сделаем остановку.

Призвав на помощь свои воспоминания и дневник Пенелопы, я вижу, что мы можем не задерживаться на промежутке между приездом мистера Фрэнклина Блэка и днем рождения мисс Рэчел. Большая часть этого времени прошла, не принеся с собой ничего, достойного упоминания. С нашего позволения и с помощью Пенелопы я упомяну здесь только о некоторых событиях, чтобы потом продолжать рассказывать историю каждого дня, как только мы дойдем до того времени, когда Лунный камень сделался в нашем доме предметом всеобщего внимания.

Начну со скляночки приятно пахнущих чернил, которую я нашел на песчаной дорожке ночью.

На следующее утро (двадцать шестого числа) я показал мистеру Фрэнклину эту колдовскую штуку и сообщил ему то, что уже рассказал вам. Он решил, что индусы не только выслеживали алмаз, но имели глупость верить в свое колдовство,— он подразумевал под этим знаки над головой мальчика, наливание чернил на его ладонь и надежду, что ребенок увидит людей и предметы, находящиеся совсем в другом месте. Мистер Фрэнклин сказал мне, что и у нас, так же как на Востоке, есть люди, занимающиеся этими странными фокусами (однако без чернил), и что мы дали им французское название — что-то вроде «ясновидения».

— Поверьте,— сказал мистер Фрэнклин,— индусы убеждены, что мы оставили алмаз здесь, и привезли с собой своего ясновидящего мальчика, чтобы он показал им дорогу к нему, как только они заберутся в дом.

— Вы полагаете, сэр, что они повторят свою попытку? — спросил я.

— Это зависит от того, что именно мальчик может сказать. Если он способен увидеть алмаз в железном сейфе Фризинголлского банка, индусы до поры до времени не будут тревожить нас своими посещениями. Если он этого не сможет, то не пройдет и нескольких ночей, как у нас будет новый случай спугнуть их в кустарнике.

Я ожидал, что именно так и будет, но странное дело — случай этот действительно больше не повторился.

Услышали ли фокусники в городе, что мистера Фрэнклина видели в банке, и вывели из этого свое заключение, или мальчик действительно увидел алмаз там, где он теперь находился (чему я решительно не верю), или это было простым совпадением, только ни тени индуса не показалось возле нашего дома в те недели, которые прошли до рождения мисс Рэчел. Фокусники оставались в наших краях, занимаясь своим ремеслом, а мистер Фрэнклин и я ждали, что будет, решив не тревожить мошенников слишком рано, выказывая им свои подозрения. Этим отчетом о поступках обеих сторон и кончается все, что я могу пока сказать об индусях.

Двадцать девятого числа мисс Рэчел и мистер Фрэнклин придумали новый способ проводить время, которое иначе им некуда было бы девать. Есть причины обратить особенное внимание на занятие, которое их увлекло, так как оно имеет отношение к случившемуся позже.

Вообще говоря, господа имеют в жизни весьма неудоб-

ный подводный камень — свою собственную праздность. Жизнь их по большей части проходит в изыскивании какого-нибудь занятия; и любопытно видеть — особенно, если у них есть вкус к чему-нибудь умственному, — как часто они слепо набрасываются на предмет прямо-таки отвратительный. В девяти случаях из десяти они принимаются или мучить кого-нибудь, или портить что-нибудь и при этом твердо убеждены, что образовывают свой ум, тогда как, попросту сказать, они только поднимают кутерьму в доме. Я видел (с сожалением должен сказать), что и дамы, точно так же как мужчины, например, отправляются на прогулки изо дня в день с пустыми коробочками от пилья и ловят ящериц, жуков, пауков и лягушек, а возвращаясь домой, втыкают в несчастных булавки или режут их без малейшего угрызения совести на куски. Вы видите, как ваш барчук или барышня разглядывают внутренность паука в увеличительное стекло, или вам попадается на лестнице лягушка без головы; а когда вы удивляетесь, что означает эта отвратительная жестокость, вам говорят, что молодой барин или молодая барышня имеют наклонность к естественным наукам. Иногда же опять-таки вы замечаете, как они по целым часам, из нелепого любопытства, портят прекрасные цветы острым инструментом, стараясь узнать, из чего они сделаны. Разве цвет их сделается красивее или запах приятнее оттого, что вы это узнаете? Да ведь нужно же бедняжкам провести время — видите ли, нужно же провести время! Вы пачкались в грязи и лепили из нее пирожки, когда были ребенком, а когда выросли — пачкаетесь в науках, режете пауков и портите цветы. В обоих случаях весь секрет заключается в том, что вашей бедной праздной голове не о чем думать, а вашим бедным праздным ручкам нечего делать. Тем и кончится, что вы начнете портить красками полотно да навоняете ими на весь дом; или разведете в стеклянном ящике с грязной водой головастиков, от которых всех в доме тошнит; или станете откладывать и собирать там и сям кусочки камней, посыпая ими домашнюю провизию; или зайдете фотографией, пачкая себе пальцы и беспощадно искажая физиономию всех и каждого в доме. Конечно, тяжело приходится людям, которые должны трудиться, чтобы иметь крышу над головой, пищу и одежду. Но сравните самый тяжелый труд, которым вы когда-либо занимались, с той праздностью, которая заставляет людей портить цветы и рыться в же-

лудках пауков, и благодарите свою счастливую звезду, что ваша голова должна о чем-то думать, а ваши руки должны что-то делать.

С удовольствием скажу, что мистер Фрэнклин и мисс Рэчел не мучили никого. Они ограничились тем, что наделяли кутерьмы и, надо отдать им справедливость, испортили только одну дверь.

Универсальный гений мистера Фрэнклина, пачкающийся во всем, допачкался до так называемой «декоративной живописи». Он сообщил нам, что изобрел новый состав для разведения краски; как он изготавлялся, я не знаю. А чем отличался этот состав, я могу сказать вам в двух словах: он вонял. Так как мисс Рэчел непременно хотела испробовать этот новый состав, мистер Фрэнклин послал в Лондон за материалами и приготовил состав с таким букетом, что даже собаки чихали, когда входили в комнату; надел на мисс Рэчел передник и косыночку и заставил ее расписывать ее же собственную маленькую гостиную, называемую, за неимением английского слова, «будуаром». Начали с внутренней стороны двери. Мистер Фрэнклин счистил с нее всю прекрасную лакировку пемзой и приготовил то, что он называл «поверхностью для работы». Потом мисс Рэчел покрыла эту поверхность, по его указанию и с его помощью, узорами и фигурами — грифонами, птицами, цветами, купидонами и тому подобным, с рисунков, сделанных знаменитым итальянским живописцем, имени которого я не припомню,— того самого, что наводнил мир мадоннами и был влюблен в булочницу. Работа эта была самая хлопотливая и прегрязная. Но наша барышня и молодой джентльмен, казалось, не уставали заниматься ею. Когда они не ездили верхом, не принимали гостей, не сидели за столом, не пели, они рядышком, трудолюбиво, как пчелы, портили дверь. Какой это поэт сказал, что сатана всегда придумает какой-нибудь вред даже и для праздных рук? Если бы он занимал место дворецкого миледи и видел мисс Рэчел с кистью, а мистера Фрэнклина с его составом, он не мог бы написать о них ничего правдивее, нежели это.

Следующий день, о котором стоит упомянуть, было воскресенье, четвертое июня.

В этот вечер мы в людской первый раз обсудили домашний вопрос, который, так же как и расписывание двери, имеет отношение к тому, что еще предстоит.

Видя, какое удовольствие мистер Фрэнклин и мисс Рэчел

находят в обществе друг друга и какая это была бы прекрасная парочка во всех отношениях, мы, весьма естественно, предположили, что они займутся чем-нибудь другим, кроме расписывания двери; некоторые из нас говорили, что еще не минует и лето, как в доме будет свадьба. Другие (во главе со мною) соглашались, что, весьма вероятно, мисс Рэчел выйдет замуж, но сомневались (по причинам, которые сейчас будут изложены), что ее женихом будет мистер Фрэнклин Блэк.

А в том, что мистер Фрэнклин был влюблен, никто из видевших его не сомневался. Затруднение состояло в том, чтобы понять мисс Рэчел. Позвольте мне иметь честь познакомить вас с нею; после этого я предоставлю вам самим разгадать ее, если вы сможете.

Двадцать первого июня нашей молодой барышне исполнялось восемнадцать лет. Если вам нравятся брюнетки (как я слышал, в последнее время они вышли из моды в

большом свете) и если вы не имеете особенного предрассудка насчет роста, я скажу, что вы никогда не видели такой хорошенькой девушки, как мисс Рэчел. Она была мала и гибка, но бесподобно сложена с головы до ног. Глядя, как она сидит, как стоит и, особенно, как ходит, всякий человек в здравом уме удостоверился бы, что изяществом фигуры (если вы простите мне это выражение) она обязана сложению, а не платью. Я никогда ни у кого не видел таких черных волос, как у нее. Глаза под стать волосам; нос, должен сознаться, довольно мал. Рот и подбородок (говоря словами мистера Фрэнклина) — лакомые кусочки для богов, а цвет ее лица (по тому же неопровергнутому авторитету) был такой же ослепительный, как солнце, с тем великим преимуществом, что на него было всегда приятно смотреть. Прибавьте ко всему сказанному, что она держалась прямо, как стрела, гордо, смело, аристократично, что она имела чистый голос, звучный, как металл, улыбку, которая очень мило возникала в глазах, прежде чем ей появиться на губах,— и вот вам ее портрет во весь рост, я нарисовал его как умел.

А каков был ее характер? Неужели у этого очаровательного создания не было недостатков? У нее было ровно столько же недостатков, сколько и у вас, сударыня,— ни более, ни менее.

Говоря серьезно, моя милая, хорошенькая мисс Рэчел, обладая бездной прелестей и очарования, имела один недостаток, и строгое беспристрастие принуждает меня это признать. Она отличалась от многих других девушек тем, что у нее были свои собственные убеждения и она была так причудлива, что даже шла наперекор модам, если моды шли вразрез с ее вкусом. В безделицах эта независимость была еще сносной, но в делах важных она заходила (как думали миледи и я) слишком далеко. Она рассуждала так, как немногие женщины вдвое ее старше рассуждают, никогда не спрашивала совета, никогда не говорила заранее, что она намерена делать, никогда не поверяла секретов никому, даже матери. В малых и больших вещах, с людьми, которых она любила, и с людьми, которых она ненавидела (и то и другое с равной энергией), мисс Рэчел всегда поступала по-своему, полагаясь только на себя и в радостях и в горестях. Часто я слышал от миледи:

«Лучший друг и злейший враг Рэчел — она сама».

Прибавлю к этому еще одно и на том закончу. При всей

ее скрытности, при всем ее своеволии в ней не было и тени фальши, я не помню, чтобы она хоть раз нарушила слово. Я не помню, чтобы она когда-нибудь сказала «нет», думая «да». А в детстве эта добрая душа не раз принимала на себя вину и подвергалась наказанию за какой-нибудь проступок любимой подруги; никто никогда не слыхал от нее признания, когда это обнаруживалось и ее допрашивали. Но никто не слыхал также, чтобы она солгала. Она глядела вам прямо в лицо, качая своей упрямой головкой, и говорила просто:

«Не скажу».

Снова наказанная, она соглашалась просить прощения за грубое «не скажу», но, несмотря на то что ее сажали на хлеб и воду, все-таки не говорила, кто же виноват. Своевольна, чертовски своевольна иногда,— я согласен с этим; но тем не менее лучше ее не было на свете человека. Может быть, вы найдете тут некоторое противоречие. В таком случае, позвольте шепнуть вам словечко на ушко. Изучайте внимательнее вашу жену в продолжение двадцати четырех часов. Если за это время вы не поймаете вашу добрую супругу на каком-нибудь противоречии, помоги вам бог! — у вас не жена, а настоящая чудище.

Теперь я познакомил вас с мисс Рэчел, и это приводит нас к вопросу о видах этой молодой девицы на замужество.

Двенадцатого июня госпожа моя послала приглашение одному джентльмену в Лондон приехать на день рождения мисс Рэчел. Этому-то счастливому смертному, как я полагал, было отдано ее сердце. Как и мистер Фрэнклин, он был ее кузен. Эвали его мистер Годфри Эблуййт.

Вторая сестра миледи (не пугайтесь, мы не станем на этот раз слишком глубоко вдаваться в семейную историю) — вторая сестра миледи, говорю я, испытала разочарование в любви, а потом, желая во что бы то ни стало выйти замуж, отважилась на то, что называется «неравным браком». Вся семья страшно возмутилась, когда высокородная Каролина непременно захотела стать женой мистера Эблуйта, фризинголлского банкира. Он был очень богат и весьма высоконравствен и произвел на свет огромную семью — все это пока говорит в его пользу. Но он вздумал приобрести высокое положение — и это говорит против него. Однако время и прогресс современного просвещения поправили дело, и неравный брак обошелся благополучно. Мы теперь все либералы (только бы вы не могли оцарапать

меня, если я оцарапаю вас), — какое мне дело, в парламенте вы или нет, мусорщик вы или герцог? Это современный взгляд. А я держусь современного взгляда. Эблуйты жили в прекрасном доме с большим парком в окрестностях Фризинголла. Очень достойные люди, весьма уважаемые во всей округе. Мы не будем уделять им слишком много внимания на этих страницах, исключая мистера Годфри, второго сына мистера Эблуйта, который, с вашего позво-ления, займет здесь важное место, так как он имеет от-ношение к мисс Рэчел.

При всем блеске, уме и вообще хороших качествах мистер Фрэнклин едва ли мог, по моему мнению, затмить мистера Годфри в глазах нашей молодой барышни.

Во-первых, мистер Годфри ростом был гораздо выше. Он был выше шести футов, цвет лица имел прекрасный, белый, румяный, лицо гладкое и круглое, чисто выбритое, на голове прекрасные длинные льняные волосы, небрежно спадающие на затылок. Но зачем мне стараться описывать его? Если вы когда-нибудь состояли в комитете дамской благотворительности в Лондоне, вы знаете мистера Годфри Эблуйта так же хорошо, как и я. Он был адвокат по профессии, дамский угодник по своим наклонностям и милосердный самаритянин по собственному выбору. Женская благотворительность и женская нищета не могли без него обойтись. В материнских обществах, помогающих бедным роженицам, в обществах святой Магдалины, спасающих бедных женщин, в весьма настойчивых обществах, стремящихся помещать на работу бедных женщин вместо бедных мужчин, предоставляя мужчинам пробиваться, как они сами знают, — он был вице-президентом, директором, членом. Где только дамский комитет, там и мистер Годфри с шляпой в руке сдерживает горячность собрания и ведет милых дам по тернистому деловому пути. Я полагаю, что это был самый совершенный филантроп (с небольшим со-стоянием), когда-либо рождавшийся в Англии. На благотворительных митингах нелегко было найти оратора, равного ему по умению выжимать слезы и деньги. Это был законченный общественный деятель. В последний раз, когда я был в Лондоне, госпожа моя доставила мне два удовольствия. Она послала меня в театр посмотреть танцовщицу, которая всех сводила с ума, и в Экстер-Голл послушать мистера Годфри. Танцовщица выступала с оркестром. Джентльмен выступал с носовым платком и со

стаканом воды. На представлении ногами — давка, на представлении языком — тоже. И при всем том — самый кроткий и невзыскательный человек, какого только случалось вам встретить. Он любил всех. И все любили его. Какие шансы имел мистер Фрэнклин, какие шансы имел кто-либо с обычновенной репутацией и обычновенными способностями рядом с таким человеком?

Четырнадцатого числа был получен ответ от мистера Годфри.

Он принял приглашение моей госпожи со среды (дня рождения) до вечера пятницы,— когда обязанности по комитету дамской благотворительности заставят его воротиться в город. Он вложил в письмо стихи на то, что он изящно назвал «днем рождества» своей кузины. Мне сообщили, что мисс Рэчел, присоединившись к мистеру Фрэнклину, трунила над этими стихами за обедом, и Пенелопа, которая была на стороне мистера Фрэнклина, спросила меня с торжеством, что я насчет этого думаю.

— Мисс Рэчел навела тебя, душа моя, на фальшивый след,— ответил я,— твое чутье не разберет его, а мой нос обмануть нелегко. Подожди, пока вслед за стихами мистера Эблуйта появится сам мистер Эблуйт.

Дочь моя ответила, что мистер Фрэнклин может попытать счастье, прежде чем поэт явится вслед за стихами. Должен сознаться, что действительно мистер Фрэнклин делал все возможное, чтобы заслужить благосклонность мисс Рэчел.

Хотя он был одним из самых закоренелых курильщиков, которых только случалось мне встречать, он тотчас бросил сигары, когда она сказала как-то, что терпеть не может запах табака, пропитавшего его платье. Он спал так дурно после этого самоотверженного поступка и, лишившись успокоительного действия табака, к которому привык, каждое утро спускался к завтраку с таким расстроенным и изнуренным видом, что сама мисс Рэчел попросила его опять приняться за сигары. Но нет! Он не пожелал снова вернуться к тому, что может возбудить в ней хотя бы минутное неудовольствие; он будет решительно бороться со своей привычкой и возвратит себе сон рано или поздно одной лишь силой воли и терпением. Вы можете сказать, что такая преданность (как визу в людской и поговаривали) не могла не произвести на мисс Рэчел надлежащего действия,— преданность, к тому же поддерживаемая еже-

дневным расписыванием двери. Все это очень хорошо, но у нее в спальне висела фотографическая карточка мистера Годфри, изображавшая его говорящим на благотворительном митинге, с лицом, воспламененным собственным красноречием, и с глазами, самым восхитительным образом выманившими деньги из вашего кармана. Что скажете вы на это? Каждое утро,— сама Пенелопа признавалась мне,— изображение мужчины смотрело, как причесывали волосы мисс Рэчел. Он сам скоро будет смотреть на это в действительности,— таково было мое мнение.

Шестнадцатого июня случилось происшествие, на мой взгляд понизившее более прежнего шансы мистера Фрэнклина на успех.

Незнакомый господин, говоривший по-английски с иностранным акцентом, приехал к нам в дом в это утро и пожелал увидеть мистера Фрэнклина по делу. Дело это не могло относиться к алмазу по следующим двум причинам: во-первых, мистер Фрэнклин ничего не сказал мне о нем; во-вторых, он сообщил об этом (после отъезда иностранца) миледи. Вероятно, она намекнула об этом и дочери. Как бы то ни было, рассказывали, что в тот вечер за игрой на фортепьяно мисс Рэчел делала строгие замечания мистеру Фрэнклину по поводу людей, с которыми он общался, и правил, которые он усвоил за границей. На следующий день в первый раз не расписывали дверь. Я подозреваю, что какой-нибудь неосторожный поступок мистера Фрэнклина на континенте (в отношении женщины или денежного долга) повлек за собой неприятности в Англии. Но все это одни догадки. В данном случае не только мистер Фрэнклин, но и миледи оставили меня в неведении.

Семнадцатого числа туча, по всей видимости, опять рассеялась. Они вернулись к работе над дверью и казались такими же добрыми друзьями, как и прежде. Если верить Пенелопе, мистер Фрэнклин воспользовался примирением, чтобы сделать предложение мисс Рэчел, и не получил ни согласия, ни отказа. Моя дочь была уверена (по некоторым признакам и приметам, которыми я нахожу излишним вам надоедать), что ее барышня уклонилась от предложения мистера Фрэнклина, отказавшись верить его серьезности, а потом втайне пожалела, что обошлась с ним таким образом. Хотя Пенелопа была допущена к большей близости со своей молодой барышней, чем обычно допускаются гор-

ничные, потому что они с детства почти воспитывались вместе,— а все-таки я слишком хорошо знал сдержаный характер мисс Рэчел, для того чтобы поверить в такую откровенность с ее стороны. То, что моя дочь сказала мне в данном случае, было, как я подозревал, скорее ее желанием, нежели слышанным в действительности.

Девятнадцатого числа случилось новое происшествие. К нам приезжал доктор. Его пригласили лечить особу, которую я уже имел случай представить вам на этих страницах,— нашу вторую служанку Розанну Спирман.

Эта бедная девушка, приведшая меня в недоумение на Зыбучих песках, не раз еще удивляла меня в течение того времени, о котором я пишу. Мнение Пенелопы, что Розанна влюблена в мистера Фрэнклина (это моя дочь по моему приказанию держала в строгой тайне), казалось мне по-прежнему нелепым. Но должен признаться: поведение нашей второй служанки сделалось прямо таинственным, чтобы не сказать более.

Девушка, например, постоянно попадалась навстречу мистеру Фрэнклину, подстраивая это очень хитро и спокойно. Он обращал на нее внимания не более, чем на кошку: ему и в голову не приходило хоть раз взглянуть на некрасивое лицо Розанны. Аппетит бедняжки, и без того небольшой, совсем пропал, а глаза утром выказывали явные признаки бессонницы и слез. Однажды Пенелопа сделала открытие щекотливого свойства, о котором мы никому не сказали: она застала Розанну у туалетного стола мистера Фрэнклина, когда та украдкой вынимала розу, которую мисс Рэчел дала ей носить в петлице, и на ее место ставила точно такую же розу, но сорванную ею самой. После этого она раза два дерзко ответила мне на мой доброжелательный совет вести себя осторожнее, и, что еще хуже, она была не слишком почтительна в тех немногих случаях, когда мисс Рэчел случайно заговаривала с нею.

Миледи заметила эту перемену и спросила меня, что я думаю об этом. Я старался выгородить девушку, ответив, что, по моему мнению, она не совсем здоровая, и кончилось тем, что девятнадцатого числа послали за доктором, как упомянуто выше. Он сказал, что у нее расстроены нервы, и намекнул, что вряд ли стоит пользоваться ее услугами. Миледи предложила отправить ее для перемены воздуха в одну из наших отдаленных ферм. Розанна умоляла со слезами на глазах, чтобы ей позволили остаться, и в недобрый

час я посоветовал миледи испытать ее еще некоторое время. Как показали события и как вы скоро увидите, я не мог дать худшего совета. Если бы можно было заглянуть в будущее, я собственной рукой вывел бы Розанну Спирман из нашего дома.

Двадцатого числа была получена записка от мистера Годфри. Он предполагал заночевать во Фризинголле, имея надобность посоветоваться с отцом об одном деле. На следующий день, после полудня, он и две его старшие сестры должны были приехать к нам верхом задолго до обеда. С запиской была прислана нарядная фарфоровая шкатулка в подарок мисс Рэчел с любовью и пожеланиями всего наилучшего от ее кузена. Мистер Фрэнклин подарил ей простой медальон, стоивший вдвое дешевле шкатулки. И все-таки дочь моя Пенелопа — уже таково упрямство женщин — предсказывала ему успех.

Слава богу, мы дошли наконец до кануна дня рождения. Сознайтесь, что на этот раз я вел вас, не слишком мешкая по пути. И развеселитесь: я порадую вас новой главой, которая введет вас прямо в самую суть истории.

Глава IX

Двадцать первого июня, в день рождения, погода с утра была пасмурная и переменчивая, но к полудню небо совершенно прояснилось.

Мы, слуги, начали этот счастливый день, по обыкновению, с поднесения маленьких подарков мисс Рэчел, а я произнес речь, которую произношу ежегодно как глава слуг. Я следую в этом методу, принятому королевой при открытии парламента,— то есть говорю каждый год почти одно и то же. Мою речь (так же как и речь королевы) до ее произнесения ждут с нетерпением, как нечто такое, подобного чему не слыхивали прежде. Когда же она оказывается вовсе не новой, слушатели хоть и ворчат немножко, но надеются услышать что-нибудь поновее в будущем году. Легко управлять и в парламенте и на кухне — вот что следует из этого заключить.

После завтрака мистер Фрэнклин имел со мной тайное совещание о Лунном камне: пора было взять его из Фризинголлского банка и отдать в собственные руки мисс Рэчел.

Пытался ли он опять объясниться в любви своей кузине

и получил отказ или продолжительная бессонница увеличила странные противоречия и нерешительность его характера — я не знаю. Но только мистер Фрэнклин выказал себя весьма невыгодно утром в день рождения: за двадцать минут он двадцать раз менял свои намерения касательно алмаза. Я, со своей стороны, придерживался простых фактов, нам известных. Не случилось ничего такого, что дало бы нам повод тревожить миледи по поводу алмаза, а по закону мистер Фрэнклин обязан был передать алмаз своей кузине. Таков был мой взгляд на дело, и хотя мистер Фрэнклин много раз менял свое решение, он принужден был наконец согласиться со мной. Мы решили, что он поедет верхом, после ленча, во Фризинголл и привезет алмаз — по всей вероятности, в обществе мистера Годфри и его сестер.

Приняв такое решение, наш молодой джентльмен опять отправился к мисс Рэчел.

Они провели все утро за раскрашиванием двери. Пенелопа, стоя рядом, смешивала краски по их указанию, а миледи, когда приблизилось время второго завтрака, то входила в комнату, то выходила, приложив к носу платок (они злоупотребляли в этот день составом мистера Фрэнклина), и напрасно старалась оторвать художников от работы. Только в три часа сняли они передники, отпустили Пенелопу, которая вся пропиталась составом, и смыли с себя всю эту пачкотню. Но они добились, чего хотели — закончили дверь ко дню рождения, и очень гордились своей работой. Грифоны, купидоны и все прочее было, должен признаться, очень красиво на глаз, но их было так много, они были так опутаны цветами и девизами, а позы их представлены так ненатурально, что купидоны эти пренеприятно врезались вам в память на много часов после того, как вы имели удовольствие посмотреть на них. Если я прибавлю, что по окончании утренней работы Пенелопу стошило в черной кухне, то говорю это не из предубеждения против состава. Нет-нет! Он перестал вонять, как только высох, а если искусство требует подобных жертв, то, хотя Пенелопа родная дочь мне, я скажу: пусть искусство получит эту жертву.

Мистер Фрэнклин наскоро перекусил и поехал во Фризинголл — привезти своих кузин (как он сказал миледи); забрать Лунный камень (как было известно только ему и мне).

Так как это был один из тех торжественных дней, когда я должен был занять место у буфета и распоряжаться во время обеда, то в отсутствие мистера Фрэнклина у меня было чем занять свои мысли. Приготовив вино и сделав смотр мужской и женской прислуге, которая должна была служить за обедом, я ушел к себе собраться с мыслями, прежде чем приедут гости. Затянувшись — вы знаете чем — и заглянув в книгу, о которой я уже имел случай упоминать на этих страницах, я успокоился и душевно и телесно. Меня пробудил — не от дремоты, а от задумчивости — топот копыт, и я пошел встречать кавалькаду, состоявшую из мистера Фрэнклина, его кузена и двух кузин, сопровождаемых грумом старого мистера Эблуйта.

Мистер Годфри весьма поразил меня тем, что был похож на мистера Фрэнклина в одном отношении,— он казался не в духе. Он, по обыкновению, ласково пожал мне руку и вежливо выразил удовольствие, видя своего старого друга Беттереджа в столь добром здоровье. Но он был как-то сумрачен, чего я ничем не мог объяснить, и, когда я спросил о здоровье его отца, ответил довольно коротко:

— Как всегда, Беттередж!

Зато обе мисс Эблуйт были веселы за десятерых, и это вполне восстановило равновесие. Они были почти так же высоки, как их брат, рослые, желтоволосые, румяные девицы, с избытком крови и мяса; здоровьем и веселостью так и пышет от них. Бедные лошади прямо подгибались под ними, и когда они соскочили с седел, не дожидаясь помощи, то, уверяю вас, подпрыгнули на земле, словно резиновые мячи. Все, что говорят мисс Эблуйт, начинается с большой буквы «О», все, что они делают, сопровождается шумом; они хихикали и кричали кстати и некстати при малейшем поводе. «Тараторки» — вот как я их прозвал.

Воспользовавшись шумом, производимым этими молодыми девицами, я тайком обменялся словцом-другим с мистером Фрэнклином в передней.

— Благополучно привезли алмаз, сэр?

Он кивнул головой и прикоснулся к нагрудному карману своего сюртука.

— Видели индусов?

— Ни одного.

После этого он спросил, где миледи, и, услышав, что она в маленькой гостиной, направился прямо туда. Он не прошел там и минуты, как раздался звонок, и Пенелопа до-

ложила мисс Рэчел, что мистер Фрэнклин Блэк желает поговорить с нею.

Проходя через переднюю спустя полчаса после этого, я вдруг остановился как вкопанный, услышав взрыв восклицаний из маленькой гостиной. Не могу сказать, чтобы я испугался,— в этих возгласах мне послышалось любимое «О» обеих мисс Эблуайт. Однако я вошел (под предлогом спросить распоряжений об обеде), чтобы узнать, не случилось ли чего-нибудь серьезного.

У стола как очарованная стояла мисс Рэчел с золотым алмазом полковника в руках. По обе ее стороны стояли на коленях тараторки, пожирая глазами драгоценный камень и вскрикивая от восторга всякий раз, как он излучал новый блеск. У противоположного конца стола стоял мистер Годфри. Он хлопал в ладоши, как большое дитя, и повторял нараспев:

— Бесподобен! Бесподобен!

Мистер Фрэнклин сидел перед футляром, дергая себя за бороду, и тревожно поглядывал в сторону окна. А у окна, куда он смотрел, повернувшись спиной ко всему обществу, стоял предмет его созерцания — миледи, державшая в руке выписку из завещания полковника.

Она обернулась, когда я спросил у нее распоряжений об обеде, и я увидел фамильную складку у нее на лбу, и фамильный гнев проглянул в уголках ее рта.

— Зайдите через полчаса ко мне в комнату,— ответила она.— Я должна кое-что вам сказать.

С этими словами она вышла из гостиной. Было ясно, что ею овладели те же сомнения, какие охватили мистера Фрэнклина и меня во время нашего совещания на Эбьюх песках. Что означало завещание полковника? То ли, что она жестоко и несправедливо обошлась со своим братом, или же брат ее был еще хуже, чем она думала о нем? Серьезный вопрос должна была решить миледи, между тем как ее дочь, ничего не зная о характере полковника, стояла с его подарком в руках.

Прежде чем я успел, в свою очередь, выйти из комнаты, мисс Рэчел, всегда внимательная к старому слуге, бывшему в доме со дня ее рождения, остановила меня.

— Посмотрите, Габриэль! — сказала она и поднесла сверкнувший алмаз к солнечному лучу, падавшему из окна.

Господи помилуй, вот уж поистине алмаз! Величиной с яйцо ржанки! Блеск, струившийся из него, походил на

сияние полной луны. Когда вы смотрели на камень, его золотистая глубина притягивала ваши глаза к себе так, что вы не видели ничего другого. Глубина его казалась неизмеримой; этот камень, который вы могли держать между большим и указательным пальцами, казался бездонным, как само небо. Сначала он лежал на солнце; потом мы затворили ставни, и он засиял в темноте своим собственным лунным блеском. Неудивительно, что мисс Рэчел была очарована; неудивительно, что кузины ее то и дело вскрикивали. Алмаз до такой степени обворошил и меня, что я так же громко вскрикнул «О», как и тараторки. Один мистер Годфри сохранил самообладание. Он обнял за талию своих сестер и, снисходительно посматривая то на алмаз, то на меня, сказал:

— Уголь, Беттередж! Простой уголь, мой добрый друг!

Я полагаю, он сказал это с целью просветить меня. Но он только напомнил мне об обеде. Я заковылял к своей команде вниз. Когда я выходил, мистер Годфри заметил:

— Милый, старый Беттередж! Яитаю к нему искреннее уважение!

В ту минуту, когда он удостаивал меня этим изъявлением своего расположения, он обнимал своих сестер и нежно поглядывал на мисс Рэчел — вот какой запас любви таился в нем! Мистер Фрэнклин был настоящий дикарь по сравнению с ним.

Через полчаса я явился, как мне было приказано, в комнату миледи.

То, что произошло в этот вечер между моей госпожой и мной, было повторением того, что произошло между мистером Фрэнклином и мной на Зыбучих песках, с той лишь разницей, что я умолчал о фокусниках, ибо пока ничто не давало мне повода пугать миледи на этот счет. Когда меня отпустили, я не мог не заметить, что миледи считала побуждения полковника самыми худшими, какими они только могли быть, и что она решила при первом удобном случае лишить дочь Лунного камня.

Возвращаясь на половину слуг, я встретил мистера Фрэнклина. Он пожелал узнать, не видел ли я его кузину Рэчел. Нет, я ее не видел. Не мог ли я сказать ему, где кузен Годфри? Нет, не мог; но я начал подозревать, что кузен Годфри должен быть недалеко от кузины Рэчел. Подозрения мистера Фрэнклина, по-видимому, приняли то же направление. Он сильно дернулся за бороду и заперся в

библиотеке, захлопнув дверь с треском, который был весьма многозначителен.

Меня уже не отрывали от приготовлений к обеду, пока не настало время принарядиться для приема гостей. Не успел я надеть белый жилет, как явилась Пенелопа, будто бы для того, чтобы причесать те немногие волосы, которые у меня остались на голове, и поправить бант моего галстука. Девочка моя была очень весела, и я видел, что она хочет что-то сказать мне. Она поцеловала меня в лысину и шепнула:

— Новости, батюшка! Мисс Рэчел отказалась ему.

— Кому? — спросил я.

— Члену дамского комитета,— ответила Пенелопа.— Гадкий хитрец! Я ненавижу его за то, что он старается вытеснить мистера Фрэнклина!

Если бы я мог свободно вздохнуть в эту минуту, я, наверное, запротестовал бы против таких неприличных выражений по адресу знаменитого филантропа. Но дочь моя в эту минуту завязывала бант моего галстука, и вся сила ее чувства перешла в ее пальцы. Я никогда в жизни не был так близок к удушению.

— Я видела, как он увел ее в цветник,— болтала Пенелопа,— и спряталась за остролистником, чтобы посмотреть, как они воротятся. Они ушли рука об руку, и оба смеялись. А воротились они врозь, мрачнее смерти и глядя в разные стороны, так что ошибиться было нельзя. Я никогда в жизни не была так рада, батюшка! Есть же на свете хоть одна женщина, которая может устоять против мистера Годфри Эблайта! А будь я леди, я была бы второй!

Тут опять я хотел запротестовать. Но моя дочь в это время взяла в руки щетку, и вся сила ее пальцев перешла туда. Если вы лысы, вы поймете, как она меня исцарапала. Если вы не плешивы, пропустите эти строки и благодарите бога, что у вас есть чем защитить кожу на голове от щетки.

— Мистер Годфри остановился по другую сторону остролистника,— продолжала Пенелопа.— «Угодно ли вам,— сказал он,— чтобы я у вас остался, как если бы ничего не произошло?» Мисс Рэчел обернулась к нему быстро, как молния. «Вы приняли приглашение моей матери,— сказала она,— и вы здесь вместе с ее гостями. Если вы не хотите дать основание для сплетен, разумеется, вы останетесь здесь!» Она сделала несколько шагов, а потом как будто немножко смягчилась. «Забудем, что случилось, Годфри,—

сказала она,— и останемся кузенами». Она подала ему руку, которую он поцеловал, что я сочла бы за вольность, а потом ушла. Он немножко постоял, опустив голову и медленно копая каблуком яму в песке; вот уж никогда в моей жизни не видела я человека более сконфуженного. «Плохо! — сказал он сквозь зубы, когда выпрямился и пошел к дому.— Очень плохо!» Если это было его мнение о самом себе, то он был совершенно прав. Конечно, куда уж хуже. А ведь вышло-то, батюшка, как я вам давно говорила! — вскричала Пенелопа, в последний раз царапнув меня щеткой изо всех сил.— Настоящий-то — это мистер Фрэнклин!

Я завладел щеткой и раскрыл рот, чтобы сделать выговор, которого, сознайтесь, слова и поведение моей дочери вполне заслуживали. Но, прежде чем я успел сказать хоть слово, послышался стук колес. Это начали съезжаться гости. Пенелопа тотчас убежала. Я надел фрак и посмотрел на себя в зеркало. Голова моя была красна, как рак, но в других отношениях я был одет для вечерней церемонии так прилично, как полагалось. Я поспел в переднюю как раз вовремя, чтобы доложить о двух первых гостях. Вам нечего ими особенно интересоваться. Это были только отец и мать филантропа — мистер и миссис Эблуййт.

Глава X

Один за другим гости прибывали вслед за Эблуййтами, пока не оказались в полном составе. Включая хозяев, всех было двадцать четыре человека. Прекрасное это было зрелище, когда все уселись за стол и ректор Фризинголлский, обладавший изумительно красивым голосом, встал и прочел молитву.

Не буду утомлять вас описанием гостей. Вы не встретите никого из них во второй раз — по крайней мере, в моей части рассказа,— за исключением двух.

Эти последние сидели по обе стороны мисс Рэчел, которая, как царица праздника, естественно, была предметом внимания всего общества. На этот раз она более обыкновенного была центром, к которому обращали свои глаза присутствующие, потому что (к тайному неудовольствию миледи) на груди ее сиял чудный подарок, затмевавший все остальные,— Лунный камень. Он был отдан ей без оправы,

но этот мастер на все руки, мистер Фрэнклин, успел с помощью своих ловких пальцев и серебряной проволоки пришпилить его, как брошку, к ее белому платью. Разумеется, все восхищались огромной величиной и красотой алмаза. Но только двое сказали кое-что не совсем обыкновенное,— это были два гостя, о которых я упоминал, сидевшие по правую и по левую руку мисс Рэчел.

Гость по левую руку был мистер Канди, фризинголлский доктор.

Это был приятный, общительный маленький человек, однако, должен признаться, с одним недостатком: он любил кстати и некстати восхищаться собственными шуточками и довольно опрометчиво вступать в разговор с незнакомыми. В обществе он постоянно делал ошибки и без всякого умысла ссорил других людей между собой. Однако, ставя диагнозы, он был гораздо осторожнее и, руководствуясь инстинктом (по словам его врагов), оказывался прав там, где более рассудительные доктора делали ошибки. То, что он сказал об алмазе мисс Рэчел, было сказано, по обыкновению, в виде мистификации или шутки. Он умолял ее (в интересах науки) позволить ему взять алмаз домой и скучь.

— Мы сначала нагреем его, мисс Рэчел,— говорил доктор,— до такого-то градуса, потом подвернем его действию воздуха и мало-помалу испарим алмаз и избавим вас от забот сохранять такой драгоценный камень.

Миледи слушала с таким озабоченным выражением на лице, словно желала, чтобы доктор говорил серьезно и чтобы ему удалось возбудить в мисс Рэчел желание пожертвовать своим подарком для пользы науки.

Другой гость, сидевший по правую руку моей барышни, был знаменитый индийский путешественник, мистер Мертутэт, который, рискуя жизнью, пробрался, переодевшись, туда, где никогда еще не ступала нога ни одного европейца.

Это был длинный, худощавый, смуглый, молчаливый человек с усталым, но очень твердым, внимательным взглядом. Ходили слухи, что ему надоела будничная жизнь среди людей в наших краях и что он тоскует по диким странам Востока. За исключением того, что он сказал мисс Рэчел по поводу ее алмаза, вряд ли проговорил он и шесть слов или выпил стакан вина за все время обеда. Лунный камень был единственным предметом, до некоторой степени

заинтересовавшим его. Слава этого камня, по-видимому, дошла до него давно, когда он странствовал по неведомым областям Индии. Пристально глядя на него, он молчал так долго, что мисс Рэчел начала конфузиться, и наконец сказал ей со своим обычным хладнокровием:

— Если вы когда-нибудь поедете в Индию, мисс Ве-риндер, не берите с собой подарка вашего дяди. Индийский алмаз является в Индии предметом религиозного культа. Мне известен некий город и некий храм в этом городе, где ваша жизнь не продлилась бы и пяти минут, появившись вы там с этим украшением.

Мисс Рэчел, находясь в безопасности в Англии, с восторгом слушала о той опасности, которая грозила бы ей в Индии. Тараторки были в еще большем восторге, они шумно побросали ножи и вилки и громко закричали:

— О, как интересно!

Миледи заерзала на стуле и переменила разговор.

По мере того как подвигался обед, я примечал малопомалу, что этот праздник удался далеко не так, как предыдущие.

Припоминая теперь день рождения и то, что случилось позже, я почти готов думать, что проклятый алмаз навел уныние на все общество. Я потчевал их вином и, будучи привилегированным лицом, следовал вокруг стола за теми кушаньями, которых брали мало, и шептал гостям:

— Пожалуйста, попробуйте, я знаю, что это вам понравится.

В девяти случаях из десяти они пробовали изуважения к старому оригиналу Беттереджу,— так угодно было им именовать меня,— но все напрасно. Разговор не клеился, и даже мне делалось не по себе. А когда кто-нибудь заговаривал, то всегда как-то некстати. К примеру, мистер Канди, доктор, более обыкновенного наговорил неловкостей. Вот вам один образчик, и вы поймете, что я должен был чувствовать, стоя у буфета,— я, который всем сердцем желал успеха празднику.

Среди дам, присутствовавших за обедом, была почтенная миссис Тридголл, вдова профессора. Эта добрая дама беспрестанно говорила о своем покойном муже, никогда не сообщая посторонним о том, что он уже отошел в лучший мир. Я полагаю, она была уверена, что каждый мало-мальски образованный англичанин должен это знать. В одну из наступивших заминок в разговоре кто-то упомянул о сухом

и довольно неприятном предмете — об анатомии человеческого тела; тотчас же добрая миссис Тридголл завела речь о своем покойном муже, не упоминая, что он умер. Анатомия, по ее словам, была любимым занятием профессора в часы досуга. К несчастью, мистер Канди, сидевший напротив и ничего не знавший о покойном джентльмене, услышал ее. Будучи чрезвычайно вежлив, он воспользовался этим случаем, чтобы тотчас же предложить профессору свои услуги по части анатомических досугов.

— В хирургической академии получено несколько замечательных скелетов, — сказал мистер Канди через стол своим громким, веселым голосом. — Я очень советую профессору, сударыня, посмотреть их, когда у него найдется свободный часок.

Стало так тихо, что можно было бы услышать, как падает булавка. Гости (из уважения к памяти профессора) сидели в гробовом молчании. Я в это время стоял за столом миссис Тридголл, потчуж ее рейнвейном. Она опустила голову и проговорила тихим голосом:

— Мой возлюбленный супруг скончался.

К несчастью, мистер Канди не услыхал ее слов и, несколько не подозревая истины, продолжал через стол еще громче и вежливее прежнего:

— Может быть, профессору неизвестно, что с карточкой члена академии он может бывать там каждый день, кроме воскресенья, от десяти до четырех часов?

Мисс Тридголл уткнула лицо в кружева на груди и повторила еще тише торжественные слова:

— Мой возлюбленный супруг скончался!

Я мигал мистеру Канди через стол. Мисс Рэчел толкала его под руку. Миледи бросала на него невыразимые взгляды. Совершенно бесполезно!

Он продолжал с добродушием, которого никак нельзя было остановить:

— Я был бы очень рад послать профессору мою карточку, если вы сообщите мне его адрес.

— Его адрес, сэр, — могила! — сказала миссис Тридголл, вдруг выйдя из терпения и заговорив с такой яростью, что рюмки забренчали. — Профессор скончался десять лет назад!

— Господи! — сказал мистер Канди.

Исключая тараторок, которые захочотали, такое уныние распространилось во всем обществе, будто все готовы были

убраться вслед за профессором и, подобно ему, взвывать из могилы.

Но довольно о мистере Канди. Остальные гости вели себя так же неподобающе, как и доктор. Когда им следовало говорить, они не говорили, а когда заговаривали, то все невпопад. Мистер Годфри, обычно столь красноречивый на трибуне, решительно не желал проявлять себя в частном обществе. Сердит он был или сконфужен после своего поражения в цветнике, я сказать не могу. Он приберегал все свое красноречие для ушай сидевшей с ним рядом дамы, члена нашей семьи. Она была участницей его комитета, особой весьма достойной, с торчащими ключицами и с большим пристрастием к шампанскому,— как вы понимаете, она любила его сухим и в большом количестве.

Я стоял за их спиной возле буфета и могу засвидетельствовать, что общество лишилось очень назидательного разговора, который я слушал, откупоривая пробки, разрезая баарину и прочее, и прочее. Что именно говорили они о благотворительных делах, я не слышал. Но, когда я начал прислушиваться к ним, они уже давно перестали рассуждать о женщинах, разрешающихся от бремени, и о женщинах, спасаемых от бедности, и перешли к более серьезным предметам. Религия (как я понял из их слов, откупоривая пробки и разрезая мясо) означает любовь. А любовь означает религию. А земля была небом, несколько обветшалым. А небо было землей, несколько подновленной. На земле живут довольно порочные люди, но зато, искупая это, на небе все женщины будут членами обширного комитета, где никто никогда не ссорится, а мужчины, в виде ангелов-распорядителей, будут исполнять веления женщин. Прелестно! Прелестно! Но почему же мистер Годфри лишил остальное общество такой интересной беседы?

Вы, может быть, думаете, что мистер Фрэнклин постарался расшевелить общество и сделать вечер приятным?

Ничуть не бывало! Он совершенно оправился и был в самом веселом расположении духа; я подозреваю, что Пенелопа сообщила ему, как с мистером Годфри обошлись в цветнике. Но, о чем бы он ни заговаривал, в девяти случаях из десяти он выбирал неловкую тему или обращался не к тому, к кому следовало, и кончилось тем, что одних он оскорбил, других озадачил. Его заграничное воспитание — эти французская, немецкая и итальянская стороны его, о

которых я упоминал выше,— обнаружилось самым неблагоприятным образом за гостеприимным столом миледи.

Что вы думаете, например, по поводу его рассуждения о том, как далеко может зайти замужняя женщина в своем расположении к постороннему мужчине? Все это он с французским остроумием растолковывал незамужней тетке Фризинголлского викария! Что вы скажете, когда он, уклонившись в немецкую сторону, объявил одному из землевладельцев, великому авторитету по части скотоводства, говорившему о своей опытности в разведении быков,— что опытность, строго говоря, ничего не стоит и что надлежащий способ разводить быков состоит в том, чтобы углубиться в самого себя, развить идею образцового быка и таким способом произвести его на свет? И, наконец, какого вы мнения о следующем его выпаде: когда у депутата нашего графства, разгорячившегося за сыром и салатом по поводу распространения демократизма в Англии, вырвались следующие слова: «Если мы лишимся старинной защиты наших прав, мистер Блэк, что же у нас останется, позвольте вас спросить?» — мистер Фрэнклин ответил с итальянской точки зрения:

— У нас останутся три вещи, сэр: любовь, музыка и салат!

Мистер Фрэнклин не только привел все общество в ужас подобными выходками, но, когда английская сторона его вышла наконец наружу, он утратил свой заграничный лоск и, перейдя к разговору о медицинской профессии, так поднял на смех всех докторов, что умудрился взвесить маленького добродушного мистера Канди.

Спор между ними начался с того, что мистер Фрэнклин принужден был сознаться,— я забыл, по какому поводу,— что в последнее время он страдает бессонницей. Мистер Канди сказал ему на это, что его нервы расстроились и что он немедленно должен начать лечиться. Мистер Фрэнклин ответил, что лечиться и идти ощупью в потьмах — по его мнению, одно и то же. Мистер Канди, отвечая метким ударом, сказал, что сам мистер Фрэнклин ищет сна ощупью в потьмах и только медицина может помочь ему найти его. Мистер Фрэнклин, отражая удар, с своей стороны, сказал, что он часто слышал, как слепец водит слепца, а теперь в первый раз он узнал, что это значит. Таким образом пререкались они резко и метко, и оба разгорячились; особенно мистер Канди до того вышел из

себя, защищая свою профессию, что миледи была принуждена вмешаться и запретила продолжать спор. Этот вынужденный необходимостью приказ окончательно уничтожил веселость гостей. Разговор начинался еще время от времени то там, то сям минуты на две, но в нем недоставало ни жизни, ни огня. Сатана (или алмаз) властвовал над гостями, и все почувствовали облегчение, когда госпожа моя встала и подала дамам сигнал оставить мужчин за вином.

Только что расставил я в ряд графини перед старым мистером Эблуайтом (который заменял хозяина дома), как на террасе раздались звуки, до такой степени испугавшие меня, что я тотчас же лишился своих светских манер. Мы переглянулись с мистером Фрэнклином: это был звук индийского барабана. Я готов был поклясться, что фокусники возвратились к нам, когда в нашем доме появился Лунный камень.

Когда они уже обходили угол террасы, я поспешил к ним, чтобы отослать их прочь. Но, к несчастью, тараторки опередили меня. Они выбежали на террасу, как пара фей-еверочных ракет, с нетерпением желая взглянуть на фокусы индусов. Другие дамы последовали за ними, и наконец вышли и мужчины. Прежде чем вы успели бы сказать «господи помилуй», мошенники уже кланялись обществу, а тараторки целовали хорошенького мальчика.

Мистер Фрэнклин стал возле мисс Рэчел, а я позади нее. Ведь наши подозрения были, наверное, справедливы, а она стояла перед индусами, и на платье у нее сверкал Лунный камень.

Не могу сказать, какие фокусы они показывали и как они их показывали. Раздосадованный неудачным обедом и рассерженный на мошенников, подоспевших как раз во время, чтобы увидеть алмаз собственными глазами, я, признаюсь, совсем растерялся. Первое, что я помню,— это внезапное появление на сцене индийского путешественника мистера Мертуэта. Обойдя полукруг стоявших или сидевших гостей, он спокойно подошел сзади к фокусникам и вдруг заговорил с ними на их родном языке.

Если б он уколол их штыком, я сомневаюсь, испугались ли бы индусы сильнее и повернулись ли бы к нему с такой же быстротой, как сейчас, услыхав первые слова, сорвавшиеся с его губ. Через минуту они уже кланялись ему самым вежливым и раболепным образом. Обменявшись с ними несколькими словами на неизвестном языке, мистер

Мертуэт ушел так же спокойно, как пришел. Главный фокусник, исполнявший роль переводчика, опять повернулся к зрителям. Я заметил, что кофейное лицо этого человека сделалось серым, после того как мистер Мертуэт поговорил с ним. Он поклонился миледи и объявил ей, что представление кончилось. Тараторки, чрезвычайно разочарованные, вскричали громко: «О», адресованное мистеру Мертуэту, который остановил представление. Главный фокусник униженно приложил руку к груди и во второй раз сказал, что представление кончено. Мальчик стал обходить всех со шляпой. Дамы ушли в гостиную, а мужчины (за исключением мистера Фрэнклина и мистера Мертуэта) возвратились к своему вину. Я с одним из лакеев пошел вслед за индусами, чтобы выпроводить их из усадьбы.

Возвращаясь через сад, я почувствовал запах табака и увидел, что мистер Фрэнклин и мистер Мертуэт (последний курил сигару) медленно ходят назад и вперед между деревьями. Мистер Фрэнклин сделал мне знак, чтобы я присоединился к ним.

— Это,— сказал мистер Фрэнклин, представляя меня знаменитому путешественнику,— Габриэль Беттередж, старый слуга и друг нашего семейства, о котором я сейчас вам говорил. Повторите ему, пожалуйста, все то, что вы сейчас сказали мне.

Мистер Мертуэт вынул сигару изо рта и со своим обычным утомленным видом прислонился к дереву.

— Мистер Беттередж,— начал он,— эти три индусянки же фокусники, как мы с вами.

Новая неожиданность! Само собой, я спросил у путешественника, не встречался ли он с этими индусами прежде.

— Никогда,— ответил мистер Мертуэт,— но я знаю, что такое индусские фокусы. Все, что вы видели сегодня,— это только очень плохое и неловкое подражание им. Если мой большой и долгий опыт не обманывает меня, эти люди — брамины высокой касты. Я сказал им, что они не те, за кого себя выдают, и вы видите, как это их смущило, хотя индусы очень искусно умеют скрывать свои чувства. В их поведении есть какая-то тайна, которой я объяснить не могу; они вдвойне погрешили против своей касты: во-первых, переехав через море; во-вторых, переодевшись фокусниками. В той стране, где они живут, это страшное преступление. Должна быть очень серьезная причина для

этого и какое-нибудь не совсем обыкновенное оправдание, чтобы они получили возможность снова быть принятными в свою касту, когда возвратятся на родину.

Я онемел от изумления. Мистер Мертуэт продолжал курить свою сигару. Мистер Фрэнклин, маневрируя, как показалось мне, между различными сторонами своего характера, наконец прервал молчание:

— Я не решился бы, мистер Мертуэт, беспокоить вас нашими семейными делами, которые не могут вас интересовать и о которых я сам весьма неохотно говорю вне нашего домашнего круга. Но после ваших слов я считаю себя обязанным, в интересах леди Вериндер и ее дочери, рассказать вам о том, что, может быть, даст вам в руки ключ. Я говорю с вами по секрету, и, смею надеяться, вы этого не забудете.

После такого предисловия он передал индийскому путешественнику все, о чем рассказывал мне на Зыбучих песках. Даже бесстрастный Мертуэт до того заинтересовался этим рассказом, что дал потухнуть своей сигаре.

— Что говорит вам обо всем этом ваш опыт? — спросил мистер Фрэнклин в заключение.

— Мой опыт говорит,— ответил путешественник,— что за всю свою жизнь я не был так близок к смерти, как вы тогда, мистер Блэк, а этим многое сказано.

Пришла очередь удивиться самому мистеру Фрэнклину.

— Неужели это так серьезно? — спросил он.

— По моему мнению, да,— ответил мистер Мертуэт.— Я не могу сомневаться, после всего рассказанного вами, что возвращение Лунного камня на его место, на чело индусского идола, есть причина и оправдание того нарушения закона касты, о котором я вам говорил. Эти люди будут ждать удобного случая с терпением кошек и воспользуются им со свирепостью тигра. Как вы спаслись от них, я понять не могу,— прибавил знаменитый путешественник, снова закурив свою сигару и пристально глядя на мистера Фрэнклина.— Вы разъезжали с алмазом взад и вперед здесь и в Лондоне, и вы еще живы! Постараемся это объяснить. Я полагаю, оба раза вы ездили за алмазом в лондонский банк среди белого дня?

— Да,— ответил мистер Фрэнклин.

— И на улицах тогда было много народа?

— Много.

— Вы, разумеется, назначили время, в какое должны

были приехать к леди Вериндер. Отсюда до станции мештность уединенная. Вы приехали в назначенный час?

— Нет, я приехал четырьмя часами ранее назначенного срока.

— Позвольте поздравить вас с этим! Когда вы отвезли алмаз в здешний банк?

— Я отвез его через час после приезда сюда и за три часа до того, как меня ожидали здесь видеть.

— Позвольте опять вас поздравить! Вы привезли его обратно один?

— Нет. Я приехал с моим кузеном, кузинами.

— Позвольте поздравить вас в третий раз! Если когда-нибудь вы вздумаете отправиться за границы цивилизации, мистер Блэк, дайте мне знать, и я поеду с вами. Вы счастливый человек!

Тут вмешался я. Мои английские взгляды не мирились с подобными вещами.

— Неужели вы хотите сказать, сэр,— воскликнул я,— что индузы лишили бы жизни мистера Фрэнклина, чтобы овладеть своим алмазом, если бы он предоставил им эту возможность?

— Вы курите, мистер Беттередж? — спросил путешественник.

— Курю, сэр.

— Очень вы цените ту золу, которая в вашей трубке?

— Нисколько не дорожу, сэр.

— В той стране, из которой приехали эти люди, человеческую жизнь ценят так же мало, как вы золу вашей трубки. Если бы жизнь тысячи человек стояла между ними и возвращением алмаза и если бы они думали, что могут убить этих людей безнаказанно, они убили бы их всех. Жертва кастой — дело серьезное в Индии, жертва жизнью не значит ничего.

На это я высказал свое мнение, что это шайка воров и убийц. Мистер Мертуэт высказал свое мнение, что это удивительный народ. Мистер Фрэнклин не высказал никакого мнения, а возвратил нас к делу.

— Они видели Лунный камень на платье мисс Вериндер,— сказал он.— Что теперь делать?

— То, что грозил сделать ваш дядя,— ответил мистер Мертуэт.— Полковник Гернкастль понимал, с какими людьми он имеет дело. Пошлите алмаз завтра — под надежной охраной — в Амстердам. Велите сделать из него

полдюжины бриллиантов вместо одного. Тогда это будет уже не священный Лунный камень — кончится и опасность.

Мистер Фрэнклин обернулся ко мне.

— Делать нечего,— сказал он.— Мы должны завтра же переговорить с леди Вериндер.

— А как же сегодня, сэр? — спросил я.— Что, если индусы вернутся?

Мистер Мертуэт ответил мне, прежде чем успел заговорить мистер Фрэнклин.

— Индусы не решатся вернуться сегодня,— сказал он.— Они никогда не идут прямым путем, не говоря уже о таком деле, как это, когда малейшая ошибка может быть гибельной для их цели.

— Но если эти мошенники окажутся смелее, чем вы думаете, сэр? — настаивал я.

— В таком случае спустите собак,— сказал мистер Мертуэт.— Есть у вас большие собаки на дворе?

— Есть две, сэр. Бульдог и ищейка.

— Их достаточно. В настоящем случае, мистер Беттередж, бульдог и ищейка имеют одно большое достоинство: их, вероятно, не будет мучить ваша совестливость относительно неприкословенности человеческой жизни.

Когда он пустил в меня этот последний заряд, до нас из гостиной донеслись звуки фортельяно. Он бросил свою сигару и взял под руку мистера Фрэнклина, чтобы возвратиться к дамам. Идя за ними в дом, я заметил, что небо быстро покрывается тучами. Мистер Мертуэт тоже это заметил. Он посмотрел на меня со своей обычной насмешливостью и сказал:

— Индусям в нынешнюю ночь понадобятся зонтики, мистер Беттередж!

Хорошо было ему шутить! Но я не был знаменитым путешественником и прошел свой жизненный путь, не рискуя жизнью среди воров и убийц в разных заморских странах. Я вошел в свою комнатку, сел на свое кресло, весь в поту, и спросил себя с отчаянием: что же теперь делать? В таком тревожном состоянии духа другие довели бы себя до лихорадки. Я кончил совсем другим образом. Я закурил трубку и заглянул в «Робинзона Крузо».

Не прошло и пяти минут, как мне попалось это удивительное место, страница сто шестьдесят первая:

«Страх опасности в десять тысяч раз страшнее самой опасности, видимой глазу, и мы находим, что бремя бес-

покойства гораздо больше того несчастья, которое нас тревожит».

У человека, который после этого не уверует в Робинзона Крузо, или недостает в мозгу винтика, или он отуманен самонадеянностью. Не стоит тратить на него доказательств, лучше сохранить их для человека с более доверчивой душой.

Я давно уже выкурил вторую трубку и все восхищался этой удивительной книгой, когда Пенелопа (подававшая чай) пришла ко мне с донесением из гостиной. Она оставила тараторок певшими дуэт,— слова начинались с «О», и музыка соответствовала словам. Она заметила, что мисседи делала ошибки в висте, чего мы прежде никогда за ней не замечали. Она видела, что знаменитый путешественник заснул в углу. Она слышала, как мистер Фрэнклин потешался над мистером Годфри по поводу дамских комитетов вообще, а мистер Годфри возражал ему гораздо резче, нежели приличествовало джентльмену, славящемуся мягкостью своих манер. Она подметила, как мисс Рэчел, по-видимому пытаясь успокоить миссис Тридголл, показывала ей фотографии, на самом же деле бросала украдкой на мистера Фрэнклина такие взгляды, в которых ни одна умная горничная не могла ошибиться ни на минуту. Наконец она видела, как мистер Канди, доктор, таинственно исчезнувший из гостиной и потом таинственно вернувшийся, вступил в секретный разговор с мистером Годфри. Словом, дела шли гораздо лучше, чем, судя по обеду, мы имели право ожидать. Если бы только мы могли продержаться еще часок, старик Время подвез бы их экипажи и освободил бы нас совсем от гостей.

Все проходит на этом свете, и даже успокоительное действие «Робинзона Крузо» прошло, когда Пенелопа меня наконец покинула. Я опять раз волновался и решил обойти вокруг дома, прежде чем начнется дождь. Вместо того чтобы взять лакея, у которого был человеческий нос и, следовательно, бесполезный в каком-нибудь непредвиденном случае, я взял с собой ищейку. Можно было положиться на то, что уж ее-то нос почуял бы чужого. Мы обошли вокруг дома и вышли на дорогу; мы вернулись так, как и ушли,— ни с чем, не найдя нигде притаившегося человека. Я опять посадил собаку на цепь и, возвращаясь через кустарник, встретил наших двух джентльменов, выходивших ко мне из гостиной. Это были мистер Канди

и мистер Годфри; они (как сообщила мне Пенелопа) все еще разговаривали между собой, тихо смеясь над какой-то забавной выдумкой. Я подивился тому, что эти два человека подружились, но, разумеется, прошел мимо, будто и не замечая их.

Прибытие экипажей как бы послужило началом к дождю. Он полил так, словно имел намерение лить всю ночь. За исключением доктора, которого ожидала открытая двухколка, все остальное общество очень удобно отправилось домой в каретах. Я высказал опасение мистеру Канди, как бы он не промок насовсем. Он же ответил мне, что удивляется, как это я дожил до своих лет и не знаю, что кожа доктора непромокаема. Он укатил под дождем, смеясь над своей шуточкой, и мы, таким образом, избавились от наших гостей. Теперь остается рассказать историю наступившей ночи.

Глава XI

Когда последний из гостей уехал, я вернулся в залу, где Самюэль у бокового столика готовил бренди с содовой водой. Миледи и мисс Рэчел пришли из гостиной в сопровождении обоих молодых джентльменов. Мистер Годфри выпил бренди с содовой водой, мистер Фрэнклин не стал ничего пить. Он сел; вид у него был смертельно усталый. Должно быть, разговор в этот торжественный день измучил его.

Миледи, повернувшись, чтобы пожелать нам спокойной ночи, пристально посмотрела на подарок нечестивого полковника, сверкавший на платье ее дочери.

— Рэчел,— сказала она,— куда ты положишь на ночь свой алмаз?

Мисс Рэчел находилась в самом веселом расположении духа, именно в таком расположении, когда хочется говорить пустяки и упорно отстаивать их, как нечто разумное, что вы, может быть, замечали в молодых девицах, когда нервы их возбуждены в конце дня, переполненного сильными ощущениями. Сперва она объявила, что не знает, куда положить алмаз. Потом сказала: «Разумеется, положу его на туалет вместе с другими вещами». Потом сообразила, что алмаз может засиять сам по себе своим жутким лунным светом в темноте и напугать ее ночью. Потом вспомнила об индийском шкафчике, который стоял в ее гостиной, и тотчас

решила спрятать индийский алмаз в индийский шкафчик, чтобы дать возможность двум прекрасным туземным произведениям полюбоваться друг другом. Тут миледи, слушавшая терпеливо весь этот вздор, перебила дочь:

— Душа моя, твой индийский шкафчик не запирается!

— Боже мой, мама! — вскричала мисс Рэчел. — Да разве мы в гостинице, разве у нас в доме есть воры?

Не обращая внимания на этот причудливый ответ, миледи пожелала джентльменам доброй ночи, потом повернулась к мисс Рэчел и поцеловала ее.

— Почему бы тебе не отдать на сохранение мне твой алмаз? — спросила она.

Мисс Рэчел приняла эти слова так, как приняла бы десять лет назад предложение расстаться с новой куклой. Миледи поняла, что ее в этот вечер не уговорить.

— Приходи ко мне утром, Рэчел, как только встанешь, — сказала она, — я тебе кое-что расскажу.

С этими словами миледи медленно вышла из комнаты, глубоко задумавшись, и, по всей вероятности, не очень довольная направлением, какое приняли ее мысли.

Вслед за нею простились и мисс Рэчел. Сперва она пожала руку мистеру Годфри, который стоял на другом конце залы, разглядывая картину на стене. Потом вернулась к мистеру Фрэнклину, все еще молча и утомленно сидевшему в углу.

О чём они говорили между собой, я не могу сказать. Но, стоя возле большой дубовой рамы, в которую вделано зеркало, я увидел в нем, как она, прежде чем уйти спать, украдкой вынула из-за корсажа медальон, подаренный ей мистером Фрэнклином, и показала ему с улыбкой, конечно означавшей нечто не совсем обычновенное. Это обстоятельство несколько поколебало мою прежнюю уверенность, и я начал думать, что, может быть, Пенелопа права насчет чувств ее барышни.

Как только мисс Рэчел перестала ослеплять его зрение, мистер Фрэнклин приметил и меня. Всегда переменчивый, он успел уже изменить свое мнение об индуках.

— Беттередж, — сказал он, — я почти готов допустить, что придал слишком большое значение словам мистера Мертуэта, когда мы разговаривали в саду. Как знать, не угостил ли он нас рассказнями, которыми так любят щегольнуть путешественники? Неужели вы в самом деле намереваетесь спустить собак с цепи?

— Я сниму с них ошейники, сэр,— ответил я,— и дам им вволю побегать ночью, если они учуяют чужой след.

— Ну хорошо,— сказал мистер Фрэнклин.— Завтра посмотрим, что нам делать дальше. Я вовсе не собираюсь пугать тетушку, Беттередж, без серьезной причины. Спокойной ночи!

Он казался таким утомленным и бледным, когда кивнул мне головой и взял свечу, чтобы идти наверх, что я осмелился посоветовать ему выпить на ночь бренди с содой. Мистер Годфри, подошедший к нам из другого конца комнаты, поддержал меня. Он самым дружеским образом стал уговаривать мистера Фрэнклина выпить чего-нибудь, прежде чем лечь спать.

Я упоминаю об этом обстоятельстве потому, что после всего виденного и слышанного мной в этот день мне было приятно заметить, что оба наши джентльмена по-прежнему находятся в хороших отношениях. Их словесная битва (слышанная Пенелопой в гостиной) и соперничество за благосклонность мисс Рэчел, по-видимому, не привели к серьезной размолвке. Но ведь оба они были хорошего характера и люди светские. А люди высокого звания имеют то достоинство, что никогда так не вздорят между собой, как люди незнатные.

Мистер Фрэнклин отказался от бренди и пошел наверх с мистером Годфри, так как комнаты их были рядом, но, вероятно, на площадке кузен уговорил его или, по обыкновению, у него изменилось настроение.

— Может быть, мне и захочется выпить ночью,— крикнул он,— пришлите-ка мне в комнату бренди!

Я послал Самюэля с бренди и водой, а потом вышел снять ошейники с собак. Обе они чуть не сошли с ума от удивления, что их выпустили в такую пору ночи, и прыгали на меня, как щенки. Однако дождь скоро охладил их пыл; они полакали немножко воды и вползли назад в свою конуру. Возвращаясь домой, я заметил на небе признаки, предвещавшие перемену погоды к лучшему, однако пока дождь лил по-прежнему и под ногами хлюпала грязь.

Мы с Самюэлем обошли весь дом и, по обыкновению, заперли все двери. На этот раз я все осмотрел сам и ни в чем не положился на своего помощника. Все было крепко-накрепко заперто, когда наконец я улегся в постель в первом часу ночи и дал отдохнуть своим старым костям.

Должно быть, хлопоты этого дня были мне не под силу. Как бы то ни было, но я заразился болезнью мистера Фрэнклина в эту ночь. Солнце уже всходило, когда я на конец заснул. Все время, пока я не спал, в доме было тихо, как в могиле. Не слышалось ни малейшего звука, кроме шума дождя и шелеста ветра в деревьях, поднявшегося к утру.

В половине восьмого я проснулся и открыл окно. День был прекрасный, солнечный. Часы пробили восемь, и я вышел, чтобы снова посадить собак на цепь, когда услышал позади себя на лестнице шелест женских юбок.

Я обернулся: с лестницы как сумасшедшая бежала за мною Пенелопа.

— Батюшка! — кричала она.— Ради бога, ступайте наверх! Алмаз пропал.

— Ты, верно, с ума сошла? — спросил я.

— Пропал! — повторила Пенелопа.— Пропал, и никто не знает как. Ступайте и посмотрите.

Она потащила меня за собой в гостиную нашей барышни, за которой была ее спальня. Там, на пороге спальни, стояла мисс Рэчел, почти такая же белая, как ее белый пеньюар. Обе половинки индийского шкафчика были раскрыты настежь. Один из ящиков выдвинут до самого конца.

— Посмотрите! — сказала Пенелопа.— Я сама видела, как мисс Рэчел положила вчера алмаз в этот ящик.

Я подошел к шкафчику: ящик был пуст.

— Правда ли это, мисс? — спросил я.

Взглядом, который не походил на ее обычный взгляд, и голосом, который не походил на ее голос, мисс Рэчел ответила, как моя дочь:

— Алмаз пропал!

Сказав эти слова, она ушла в свою спальню и заперла за собой дверь.

Прежде чем мы успели сообразить, что теперь делать, вошла миледи; она услышала мой голос в гостиной дочери и спросила, что случилось. Известие о пропаже алмаза ошеломило ее. Она тотчас подошла к спальне дочери и настояла, чтобы ее впустили. Мисс Рэчел впустила ее.

Тревога, охватившая дом с быстротой пожара, прежде всего достигла обоих джентльменов.

Мистер Годфри первый вышел из своей комнаты. Когда он услышал, что случилось, он только в изумлении всплес-

нул руками, что не слишком много говорило в пользу его душевной твердости. Мистер Фрэнклин, на прозорливость которого я рассчитывал, надеясь, что он подаст нам совет, оказался так же ненаходчив, как и его кузен, когда, в свою очередь, услышал это известие. Против ожидания, он наконец-то хорошо выспался, и это непривычное блаженное состояние привело его, как он сам говорил, в какое-то одурение. Однако, когда мистер Фрэнклин выпил чашку кофе, которую, по иностранному обычаяу, всегда выпивал

за несколько часов до завтрака,— голова его прояснилась, он стал проявлять свое врожденное здравомыслие: решительно и умно он принял следующие меры.

Он начал с того, что послал за слугами и велел им оставить все нижние двери и окна (за исключением парадной двери, которую я отпер) именно так, как они были, когда мы запирали их накануне. Потом он предложил своему кузену и мне, прежде чем предпринять дальнейшие шаги, удостовериться, не завалился ли куда-нибудь алмаз — например, за шкафчик или за стол, на котором стоял шкафчик. Поискал в обоих местах и не найдя ничего, расспросив также Пенелопу и узнав от нее не более того, что она уже сказала мне, мистер Фрэнклин предложил расспросить мисс Рэчел и послал Пенелопу постучаться в дверь ее спальни.

На стук вышла миледи и закрыла за собой дверь. Через минуту мы услышали звуки ключа в замке: мисс Рэчел заперла дверь изнутри. Госпожа моя подошла к нам в явном недоумении и огорчении.

— Пропажа алмаза совершенно потрясла Рэчел,— сказала она в ответ мистеру Фрэнклину.— Она почему-то не хочет говорить об этом даже со мной. Вам пока нечего и думать о том, чтобы расспрашивать ее.

Усилив этим сообщением о мисс Рэчел наше недоумение, миледи после маленького усилия вернула себе свое обычное спокойствие и смогла действовать с обычной решимостью.

— Я полагаю, что ничего не остается делать, как послать за полицией,— сказала она спокойно.

— А полиция прежде всего должна,— подхватил мистер Фрэнклин,— задержать индусских фокусников, дававших здесь вчера представление.

Миледи и мистер Годфри (не знаяшие того, что было известно мистеру Фрэнклину и мне) оба вздрогнули, и на лицах их отразилось удивление.

— Сейчас нет времени для объяснения,— продолжал мистер Фрэнклин.— Я могу только сказать вам, что именно индусы украли алмаз. Дайте мне рекомендательное письмо,— обратился он к миледи,— к одному из Фризинголльских судей; просто скажите ему, что я действую в ваших интересах и по вашему желанию, и позвольте мне тотчас же отправиться в путь. Наша возможность поймать воров зависит от ваших стараний не потерять ни единой минуты понапрасну.

(Nota bene: французская или английская сторона мистера Фрэнклина одержала теперь верх, только это была сторона разумная. Вопрос состоял лишь в том, надолго ли ее хватит.)

Он положил перо, чернила и бумагу перед теткой, которая (как мне показалось) написала письмо не совсем охотно. Если б было возможно оставить без внимания пропажу вещи, стоящей двадцать тысяч фунтов, я полагаю,— судя по мнению миледи о ее покойном брате и по ее недоверию к его подарку,— она с большим облегчением позволила бы ворам скрыться с Лунным камнем.

Я пошел с мистером Фрэнклином в конюшню и воспользовался этим случаем, чтобы спросить его, каким образом индусы (которых я заподозрил с такой же уверенностью, как и он) могли забраться в дом.

— Один из них мог пробраться в зал, когда гости уезжали,— сказал мистер Фрэнклин.— Он, возможно, прятался под диваном, когда тетушка и Рэчел решали, куда положить алмаз. Ему стоило только подождать, пока в доме все стихнет, а потом подойти к шкафчику и взять оттуда алмаз.

Сказав это, он крикнул груму, чтобы открыли ворота, и ускакал.

Это было действительно единственное разумное объяснение. Но каким же образом вор успел выбраться из дома? Когда я пошел отворять парадную дверь утром, она оказалась запертой на замок совершенно так, как я оставил ее вечером. А другие двери и окна сами говорили за себя,— они до сих пор оставались запертыми. А собаки? Положим, вор убежал, выпрыгнув из окна верхнего этажа, но как же он мог ускользнуть от собак? Не запасся же он для них отравленным мясом! Не успело это подозрение промелькнуть в моей голове, как из-за угла выбежали собаки, кувыркаясь по мокрой траве, такие веселые и здоровые, что я с большим трудом унял их и снова посадил на цепь. Чем более думал я об этом, тем менее удовлетворительным казалось мне объяснение мистера Фрэнклина.

Мы позавтракали — ведь, что бы ни случилось в доме, воровство или убийство, все равно люди должны завтракать. После завтрака миледи послала за мной, и я принужден был рассказать ей все, что до сих пор скрывал об индусах и об их заговоре. Будучи женщиной очень мужественной, она скоро оправилась от первого испуга, вызван-

ного тем, что я ей сообщил. Она казалась гораздо более встревоженной состоянием дочери, нежели этими мошенниками-язычниками и их заговором.

— Вы знаете, какая странная девушка Рэчел и как непохожа на других своих сверстниц,— сказала мне миледи.— Но никогда еще она не вела себя так странно и не была такой одержимой, как сейчас. Пропажа алмаза как будто лишила ее рассудка. Кто мог бы подумать, что этот ужасный камень так очарует ее в такое короткое время?

Конечно, это было странно. Мисс Рэчел вовсе не сходила с ума по безделушкам и дорогим вещицам, как многие другие молодые девушки. Между тем она, словно охваченная неутешным горем, сидела взаперти в своей спальне. Справедливость требует прибавить, что не одна она была выбита из своей привычной колеи. Мистер Годфри, например,— общий утешитель по профессии,— казалось, тоже не знал, куда ему деваться. Оставшись в полном одиночестве и не имея возможности попробовать, насколько его умение утешать огорченных женщин принесло бы пользы мисс Рэчел, он с расстроенным видом бесцельно бродил по дому и саду. Он не мог решить, как ему надлежит поступить после постигшего нас несчастья: избавить ли озабоченных родственников от своего присутствия или остаться, чтобы оказать им посильную помощь? В конце концов он выбрал последнее, считая, что при подобных необычных обстоятельствах так будет и приличнее и внимательнее с его стороны. Человек проверяется обстоятельствами, и обстоятельства показали, что мистер Годфри гораздо слабее, чем мне казалось. А служанки, за исключением Розанны, принялись шептаться по углам, то и дело испуганно вздрагивая — обычное поведение слабого пола, когда в доме случается что-нибудь необычное. Сознаюсь, что и сам я был встревожен и не в духе. Проклятый Лунный камень перевернул все вверх дном в нашем доме.

Незадолго до одиннадцати мистер Фрэнклин воротился. Судя по его виду, решительность его испарилась под гнетом ответственности, свалившейся на его плечи. Он уехал от нас галопом, а вернулся шагом. Когда он уезжал, он казался железным. Когда он вернулся, он был подбит ватой.

— Ну что же,— спросила миледи,— будет полиция?

— Да,— ответил мистер Фрэнклин,— сказали, что едут вслед за мной. Главный инспектор вашей местной

полиции, Сигрэв, и два его помощника. Чистая формальность! Надежды нет никакой.

— Как! Да разве индусы успели скрыться, сэр? — спросил я.

— Бедные обиженные индусы зря были заключены в тюрьму, — ответил мистер Фрэнклин. — Они невинны, как новорожденные младенцы. Мое предположение, что один из них спрятался в доме, как и все остальные мои предположения, рассеялись, словно дым. Было доказано, — прибавил мистер Фрэнклин, с жаром подчеркивая свою ошибку, — что это просто физически невозможно!

Удивив нас известием об этом новом обороте дела, наш джентльмен, по просьбе тетки, сел и объяснил свою темную речь.

Оказалось, что решительная сторона его характера продержалась до самого Фризинголла. Он ясно изложил все дело судье, а судья тотчас же послал за полицией. По первым же наведенным справкам оказалось, что индусы и не пытались покинуть город. Дальнейшие справки выяснили, что всех троих вместе с мальчиком видели возвращающимися во Фризинголл накануне, в одиннадцатом часу вечера, — а это (принимая в расчет время и расстояние) доказывало, что они воротились назад прямо после представления на нашей террасе. Еще позднее, в полночь, полиция, делавшая обыск в том доме, где они остановились, опять видела их всех троих и с мальчиком. Вскоре после полуночи я сам благополучно запер дом. Не могло быть более ясных доказательств в пользу индусов. Судья сказал, что покуда против них нет и тени подозрения. Но, так как возможно, что по приезде полиции розыски приведут к каким-нибудь открытиям, касающимся фокусников, он арестует их как плутов и бродяг и продержит некоторое время под замком, на случай, если они нам понадобятся. Они по незнанию нарушили какое-то постановление, тем самым дав предлог для своего ареста, это доказывает, что и правосудие можно обратить в свою пользу, если знать как. Достойный судья был старым другом миледи, и в то же утро, едва открылся суд, индусы были задержаны.

Таков был рассказ мистера Фрэнклина о событиях во Фризинголле. Индийский ключ от тайны пропавшего алмаза, судя по всему, сломался у нас в руках. Если фокусники были невиновны, то кто же вынул Лунный камень из шкафчика мисс Рэчел?

Минут через десять, к бесконечному нашему облегчению, прибыл инспектор Сигрэв. Он сообщил, что прошел мимо мистера Фрэнклина, сидевшего на террасе на солнышке (верно, итальянской стороной вверху), заранее предупредившего их, когда они проходили, что всякое следствие будет бесполезно,— еще прежде, чем это следствие началось.

В том положении, в каком мы находились, лучшего полицейского, чем инспектор фризинголлской полиции, трудно было пожелать. Мистер Сигрэв был высок и представителен, с военной выпрямкой, приятным начальственным голосом и решительным взглядом, в мундире, сверху донизу красиво усаженном пуговицами. «Я именно тот человек, какой вам нужен»,— было написано на его лице. Он обращался с сопровождавшими его двумя низшими полицейскими чинами со всей строгостью, способной сразу убедить вас, что с ним шутки плохи. Он начал с того, что осмотрел весь дом снаружи и внутри; результат этого осмотра показал, что снаружи воры не могли к нам проникнуть и что, следовательно, кражу совершил кто-нибудь в доме. Предоставляю вам судить, в какое состояние пришли слуги, когда это официальное заявление дошло до их ушей. Инспектор решил, что начнет с осмотра будуара, а потом допросит слуг. В то же время он поставил одного из своих подчиненных на лестнице, которая вела в спальню слуг, с приказом не впускать туда никого из находящихся в доме до дальнейших распоряжений.

При этом последнем приказании представительницы слабейшей половины рода человеческого окончательно помешались. Они выскочили из своих углов и помчались наверх, в комнату мисс Рэчел, увлекая за собой на этот раз и Розанну Спирман, накинулись на инспектора Сигрэва и все с одинаково виновным видом стали требовать, чтобы он сказал, которую из них он подозревает.

Инспектор не растерялся: он посмотрел на них решительными глазами и припугнул их своим военным голосом:

— Эй вы, бабы, ступайте-ка опять вниз, все до одной! Я вас сюда не звал... Посмотрите-ка! — вдруг прервал он себя, указав на пятнышко под самым замком на раскрашенной двери мисс Рэчел: — Посмотрите, что наделали ваши юбки! Вон отсюда!

Розанна Спирман, которая была всех ближе к нему и к пятнышку на двери, первая подала пример послушания

и тотчас же возвратилась к своей работе. Остальные последовали за нею. Инспектор закончил осмотр комнаты и, ничего этим не добившись, спросил меня, кто первый открыл пропажу. Первой открыла ее моя дочь. Послали за моей дочерью.

Инспектор сначала обошелся с Пенелопой несколько круто:

— Слушайте меня внимательно, молодая женщина, и помните, что вы должны отвечать правду.

Пенелопа тотчас вспыхнула:

— Меня никогда не учили лгать, и если отец мой может стоять здесь и выслушивать, как его дочь обвиняют во лжи и в воровстве, не пускают в собственную ее комнату, отнимают доброе имя, единственное достояние бедной девушки, то он не такой хороший отец, каким я его считала!

Слово, сказанное мною кстати, поставило правосудие и Пенелопу в более приятные отношения. Вопросы и ответы пошли гладко и не завершились ничем, о чем стоило бы упомянуть. Дочь моя видела, как мисс Рэчел вечером спрятала алмаз в ящик шкафчика. Она вошла в восемь часов утра к мисс Рэчел с чашкой чая, увидела, что ящик открыт и пуст, и тотчас подняла тревогу. На том и закончились показания Пенелопы.

Затем инспектор попросил позвolenия поговорить с мисс Рэчел. Пенелопа передала его просьбу через дверь. Ответ пришел к нам тем же путем.

— Мне нечего сказать инспектору: я никого не могу видеть.

Наш опытный полицейский, казалось, был удивлен и обижен, услышав такой ответ. Я объяснил ему, что наша барышня нездорова, и просил его подождать немного и повидаться с нею попозже. После этого мы опять спустились вниз и, проходя через переднюю, встретили мистера Годфри и мистера Фрэнклина.

Оба джентльмена, гостившие в доме, были спрошены, не смогут ли они пролить какой-нибудь свет на это дело. Они оба ничего не знали. Слышали ли они подозрительный шум ночью? Они ничего не слышали, кроме шума дождя. А я, заснувший гораздо позже их, ничего не слышал? Ничего. Освобожденный наконец от допроса, мистер Фрэнклин шепнул мне:

— Этот человек не принесет нам никакой пользы. Инспектор Сигрэв — осел.

Освобожденный, в свою очередь, мистер Годфри шепнул мне:

— Очевидно, знаток своего дела. Беттередж, я сильно на него надеюсь!

Сколько голов, столько и умов, как сказал какой-то древний мудрец задолго до меня.

Потом инспектор отправился назад в будуар, в сопровождении меня и дочери. Целью его было удостовериться, не переставлялась ли за ночь мебель,— первый его обыск в комнате, очевидно, в этом отношении ничего ему не дал.

Пока мы шарили между стульями и столами, дверь спальни вдруг открылась. Отказавшись видеть нас всех, мисс Рэчел, к нашему удивлению, сама к нам вышла. Она взяла со стула свою соломенную шляпку и обратилась к Пенелопе с таким вопросом:

— Мистер Фрэнклин Блэк посыпал вас ко мне сегодня утром?

— Посыпал, мисс.

— Он желал говорить со мною, не так ли?

— Точно так, мисс.

— Где он теперь?

Услышав голоса внизу, я выглянулся из окна и увидел обоих молодых джентльменов, ходивших взад и вперед по террасе. Отвечая за свою дочь, я сказал:

— Мистер Фрэнклин на террасе, мисс.

Не говоря более ни слова, не обращая внимания на инспектора, который пытался было заговорить с нею, бледная как смерть и странно погруженная в свои собственные мысли, она вышла из комнаты и спустилась к кузенам на террасу.

Я проявил недостаток должного уважения, я нарушил приличие, но, если бы даже дело шло о моей жизни, я и тут не мог бы удержаться, чтобы не выглянуть из окна, когда мисс Рэчел встретилась с джентльменами. Она подошла к мистеру Фрэнклину, словно не замечая мистера Годфри, который отошел и оставил их вдвоем. Она, по-видимому, говорила с мистером Фрэнклином раздражительно. Это продолжалось недолго и (судя по его лицу, которое я видел из окна) сильно его поразило. Пока они стояли вдвоем, на террасе показалась миледи. Мисс Рэчел заметила ее, что-то быстро сказала мистеру Фрэнклину и вдруг повернулась и ушла, прежде чем мать успела подойти к ней. Миледи, удивленная и сама и видя необыкновенное

удивление мистера Фрэнклина, заговорила с ним. Мистер Годфри подошел к ним и также заговорил. Мистер Фрэнклин прошелся с ними по террасе, очевидно передавая им, что случилось; они оба, сделав несколько шагов, разом остановились как вкопанные, видимо сильно изумленные. Не успел я заметить все это, как вдруг дверь гостиной снова распахнулась настежь. Мисс Рэчел быстро пошла в свою спальню, расстроенная и разгневанная, со сверкающими яростью глазами и пылающими щеками. Инспектор опять попытался остановить ее. Она обернулась к нему в дверях спальни.

— Я за вами не посыпала! — вскричала она запальчиво.— Мне вы не нужны. Мой алмаз пропал. Ни вам да и никому на свете не удастся отыскать его!

С этими словами она вошла в комнату и захлопнула дверь перед самым его носом. Пенелопа, стоявшая ближе всех к двери, слышала, как она зарыдала, едва только осталась одна.

Мгновение — в бешенстве, другое — в слезах,— что могло это значить?

Я сказал инспектору, что все это показывает лишь, до какой степени мисс Рэчел раздражена пропажей своего алмаза. Заботясь о чести семьи, я с огорчением видел, что моя молодая барышня забылась — пусть и перед полицейским офицером,— и принес извинение, какое только мог придумать. Но в душе я был более озадачен необыкновенными речами и поведением мисс Рэчел, нежели можно выразить словами. Основываясь на сказанном ею в дверях спальни, я мог только заключить, что она смертельно оскорблена вызовом полиции и что удивление мистера Фрэнклина на террасе вызвано было тем, что она резко выразила ему свое мнение на этот счет (как человеку, призвавшему полицию). Если эта догадка была справедлива, почему же, лишившись своего алмаза, она возражала против присутствия в доме тех самых людей, которые обязаны были отыскать его? И каким образом могла она знать, что Лунный камень никогда не найдется?

При настоящем положении дел ответа на эти вопросы нечего было ждать ни от кого в доме.

Обшарив всю мебель в будуаре и ничего не найдя, наш опытный сыщик обратился ко мне с вопросом, знали слуги или нет, куда будет положен алмаз на ночь.

— Я знал это, сэр,— ответил я.— Самюэль, лакей, то-

же знал это, потому что он был в зале, когда говорили о том, куда спрятать на ночь алмаз. Знала моя дочь, как она уже вам сказала. Она или Самюэль могли сообщить об этом другим слугам, или другие слуги могли слышать этот разговор через боковую дверь зала, которая могла быть открыта на черную лестницу. Как мне кажется, все в доме могли знать, где в прошлую ночь лежал алмаз.

Мой ответ представлял слишком обширное поле для подозрений инспектора, и он постарался сузить его, по-просив меня охарактеризовать наших слуг.

Я тотчас подумал о Розанне Спирман. Но упоминать о ней сейчас было неуместно, да я и не желал направить подозрения на бедняжку, честность которой не подлежала никакому сомнению за все время ее пребывания у нас. Надзирательница исправительного дома говорила о ней миледи, как об искренне раскаявшейся и заслуживающей полного доверия девушке. Если полицейский офицер найдет причины подозревать ее, только тогда я обязан был сказать ему, каким образом попала она в услужение к миледи.

— Все наши слуги имеют отличные аттестаты,— ответил я,— и все заслужили доверие своей госпожи.

После этого мистеру Сигрэву оставалось только одно: самому приняться за дело и лично проверить репутацию наших слуг.

Их допросили одного за другим, и ни один из них не мог ничего открыть, хотя наговорили они, особенно женщины, очень много и весьма негодовали на запрещение, наложенное на их комнаты.

Следующий, и последний, шаг в следствии довел дело, как говорится, до кризиса. Полицейский офицер имел беседу (при которой я присутствовал) с миледи. Сообщив ей, что алмаз, должно быть, похищен кем-нибудь в доме, он просил позволения обыскать комнаты и сундуки слуг. Моя добрая госпожа, как великодушная и благовоспитанная женщина, не хотела позволить обходиться с нами, как с ворами:

— Я никогда не соглашусь отплатить таким образом за все, чем я обязана верным слугам, живущим в моем доме!

Полицейский офицер поклонился и бросил на меня взгляд, ясно говоривший: «Зачем же было призывать меня, если вы связываете мне руки таким образом?»

Как глава прислуги, я тотчас почувствовал, что по справедливости мы не имеем права злоупотреблять великолюдием нашей госпожи.

— Сердечно благодарим ваше сиятельство,— сказал я,— но просим позволения поступить так, как надлежит в этом деле, и сами отдаем наши ключи. Когда Габриэль Беттередж подаст пример,— сказал я, останавливая в дверях инспектора Сигрэва,— остальные слуги последуют ему, ручаюсь вам. Вот вам прежде всего мои ключи!

Миледи взяла меня за руку и поблагодарила со слезами на глазах. Боже, чего не дал бы я в эту минуту, чтобы иметь право отколотить инспектора Сигрэва!

Как я и сказал, остальные слуги последовали моему примеру — весьма неохотно, разумеется, но все же согласившись со мной. Стоило поглядеть на женщин, когда полицейские рылись в их вещах! Кухарка так смотрела, словно хотела изжарить инспектора живьем на сковороде, а другие женщины — словно собираясь съесть его, как только он изжарится.

Обыск кончился, а алмаза, разумеется, не нашлось и следа. Инспектор Сигрэв удалился в мою комнату, размыслив, что ему предпринять дальше. Он и его помощники были у нас в доме уже несколько часов и не подвинулись ни на шаг к открытию того, как и кем был украден Лунный камень.

Пока полицейский инспектор раздумывал в одиночестве, меня позвали к мистеру Фрэнклину в библиотеку. К моему невыразимому удивлению, не успел я взяться за ручку двери, как она вдруг открылась изнутри, и из комнаты вышла Розанна Спирман.

После того как библиотека была выметена и убрана утром, ни первой, ни второй служанке незачем было входить в эту комнату. Я тут же остановил Розанну Спирман и сделал ей выговор за нарушение домашней дисциплины.

— Что вам понадобилось в библиотеке в такую пору? — спросил я.

— Мистер Фрэнклин Блэк потерял наверху кольцо,— сказала Розанна,— и я ходила отдать его ему.

Щеки девушки пылали.

Когда я вошел в библиотеку, мистер Фрэнклин что-то писал за столом в библиотеке. Как только я вошел в комнату, он попросил у меня лошадей на станцию. Первый же звук его голоса открыл мне, что опять одержала верх

его решительная сторона. Человек, подбитый ватой, исчез, и снова сидел передо мной человек железный.

— Вы едете в Лондон, сэр? — спросил я.

— Еду телеграфировать в Лондон,— ответил мистер Фрэнклин.— Я убедил тетушку, что нам должен помочь человек поумнее инспектора Сигрева, и получил ее позволнение послать телеграмму моему отцу. Он знает начальника полиции, а начальник может выбрать человека, способного разгадать тайну алмаза. Кстати о тайнах,— прибавил мистер Фрэнклин, понизив голос.— Я должен сказать вам два слова, прежде чем вы пойдете на конюшню. Но не говорите пока об этом никому. Или голова Розанны Спирман не совсем в порядке, или, боюсь, она знает о Лунном камне более, чем ей следует знать.

Не могу сказать наверное, чего эти слова причинили мне больше — испуга или огорчения. Будь я помоложе, я бы признался в этом мистеру Фрэнклину. Но, когда вы стаете, приобретаете превосходную привычку: в тех случаях, когда не знаешь, как поступить,— помолчать.

— Она пришла сюда с кольцом, которое я обронил в своей спальне,— продолжал мистер Фрэнклин.— Я поблагодарил ее и ждал, разумеется, что она уйдет. Вместо этого она остановилась против моего стола и уставилась на меня самым странным образом: полуиспуганно и полуфамильярно,— я не мог разобрать. «Странное это дело насчет алмаза, сэр!» — сказала она вдруг неожиданно. Я ответил «да» и ждал, что будет дальше. Клянусь честью, Беттередж, мне кажется, она, должно быть, не в своем уме! Она говорит: «Алмаза-то ведь не найдут, сэр, не так ли? Нет, не найдут и того, кто его взял,— я поручусь за это». Она кивнула мне головой и улыбнулась. Прежде чем я успел спросить ее, что все это означает, за дверью послышались ваши шаги. Она, верно, испугалась, что вы застанете ее здесь. Как бы то ни было, она изменилась в лице и ушла из комнаты. Что это может значить?

Я не мог решиться даже тогда рассказать ему историю этой девушки. Ведь это попросту значило бы обвинить ее в этой краже. Кроме того, предположив даже, что я рассказал бы ему все откровенно, и допустив, что алмаз украла она,— причина, почему из всех людей на свете Розанна выбрала именно мистера Фрэнклина, чтобы открыть свою тайну, все равно осталась бы неразгаданной.

— Я не могу решиться обвинить эту бедную девушку

только потому, что она ветрена и говорит очень странно,— продолжал мистер Фрэнклин.— А между тем, если она сказала инспектору то, что сказала мне,— как он ни глуп, я боюсь...

Он остановился, не досказав остального.

— Лучше всего будет, сэр,— ответил я,— если я передам об этом миледи при первом удобном случае. Миледи принимает дружеское участие в Розанне, и очень может быть, что эта девушка была только развязна и безрассудна. Когда в доме какие-нибудь неприятности, сэр, служанки всегда любят смотреть на дело с мрачной стороны,— это придает бедняжкам некоторый вес в их собственных глазах. Если кто-нибудь болен, уж наверное они будут предсказывать, что больной умрет, а если пропала драгоценность, они заявят, что ее уже никогда не найти.

Такой взгляд на дело, кажется, очень облегчил мистера Фрэнклина; он сложил телеграмму и прекратил разговор. Отправившись на конюшню, чтобы приказать заложить кабриолет, я заглянул в людскую, где слуги как раз обедали. Розанны Спирман между ними не было. Спросив о ней, я узнал, что она вдруг занемогла и пошла в свою комнату прилечь.

— Странно! Она казалась совсем здоровой, когда я недавно видел ее,— заметил я.

Пенелопа вышла вслед за мной.

— Батюшка, не говорите так,— сказала она,— вы этим еще более вооружите прислугу против Розанны. Бедняжка сохнет по мистеру Фрэнклину Блэку.

Это было уже другое объяснение странностей Розанны. Если Пенелопа была права, это значило, что девушка готова была наболтать что угодно, лишь бы мистер Фрэнклин заговорил с ней.

Я сам наблюдал, как запрягали пони. В адской сети тайн и неизвестностей, теперь окружавших нас, право, утешительно было глядеть, как пряжки и ремни понимали друг друга. Когда вы видите, как пони запрягают в оглобли,— это уже нечто, не подлежащее сомнению. А это, позвольте вам сказать, уже нечто в доме, где всех раздирают сомнения.

Подъезжая в кабриолете к парадной двери, я увидел не только мистера Фрэнклина, но и мистера Годфри и инспектора Сигрева, ожидающих меня на лестнице.

Размышления инспектора (после того как ему не удалось

найти алмаз в комнатах или в сундуках слуг), по-видимому, привели его к новому заключению. Все еще будучи убежден, что алмаз украден кем-то в доме, наш опытный сыщик был теперь такого мнения, что вор действовал заодно с индусами, и он предложил перенести следствие к фокусникам в Фризинголлскую тюрьму. Узнав об этом новом решении, мистер Фрэнклин вызвался отвезти инспектора обратно в город, откуда можно было телеграфировать в Лондон так же просто, как с нашей станции. Мистер Годфри, все так же упорно веривший в мистера Сигрева и чрезвычайно желавший присутствовать при допросе индусов, просил позвolenия поехать с инспектором во Фризинголл. Один из полицейских должен был остаться в доме на случай какого-нибудь непредвиденного обстоятельства. Другой возвращался с инспектором в город. Таким образом, все четыре места в кабриолете были заняты.

Прежде чем мистер Фрэнклин взялся за вожжи, он отвел меня в сторону на несколько шагов, чтобы никто не мог нас слышать.

— Я подожду посыпать депешу в Лондон,— сказал он,— пока не увижу, что выйдет из допроса индусов. Я, собственно, убежден, что этот тупоголовый полицейский ровно ничего не обнаружит и просто старается выиграть время. Мысль, что кто-нибудь из слуг был в заговоре с индусами, по моему мнению, сущая нелепость. Наблюдайте-ка хорошенько в доме, Беттередж, до моего возвращения и постарайтесь выпытать что-нибудь у Розанны Спирман. Я не прошу у вас чего-нибудь унизительного для вашего достоинства или жестокого по отношению к девушке — я только прошу вас пустить в ход всю вашу наблюдательность. Тетушке мы представим все это как пустяки, но дело гораздо серьезнее, чем вы, может быть, предполагаете.

— Дело в двадцати тысячах фунтов, сэр,— сказал я, думая о ценности алмаза.

— Дело в том, чтобы успокоить Рэчел,— серьезно ответил мистер Фрэнклин.— Я очень беспокоюсь за нее.

Он вдруг отошел от меня, как будто желал прекратить дальнейший разговор. Мне показалось, я понял почему. Он побоялся, что выдаст мне тайну слов, сказанных ему мисс Рэчел.

Таким-то образом они уехали во Фризинголл.

За полчаса до обеда оба молодых джентльмена воротились из Фризинголла, условившись с инспектором Си-

грэвом, что он вернется к нам на следующий день. Они заезжали к мистеру Мертуэту, индийскому путешественнику, проживавшему близ города. По просьбе мистера Фрэнклина, путешественник очень любезно согласился служить переводчиком при допросе тех двух индусов, которые совершенно не знали английского языка. Допрос, подробный и тщательный, не кончился ничем: не было ни малейших оснований подозревать фокусников в заговоре с кем-нибудь из наших слуг. Придя к этому заключению, мистер Фрэнклин послал в Лондон депешу; на том дело и кончилось до завтрашнего дня.

Но довольно об истории дня, последовавшего за днем рождения. Ни малейший свет не озарил тогда нас. Только дня через два туман как будто начал немножко рассеиваться. Как и с какими результатами, вы сейчас узнаете.

Глава XII

Прошла ночь четверга, и ничего не случилось. Утро пятницы принесло две новости.

Первая: приказчик булочника объявил, что он встретил Розанну Спирман накануне, под вечер, пробирающуюся в густой вуали во Фризинголл, по тропинке, которая шла через болото. Странно, что кого-то могли принять за Розанну, плечо которой делало бедняжку слишком заметной,— но этот человек наверняка ошибся, потому что Розанна, как вам известно, весь четверг пролежала больная у себя наверху.

Вторую новость принес почтальон. Достойный мистер Канди опять отпустил неудачную остроту, когда, уезжая под дождем вечером в день рождения, сказал мне, что кожа доктора непромокаема. В этот вечер он простудился и теперь лежал в горячке. По рассказам почтальона, он молол вздор в бреду так же бегло и безостановочно, как, бывало, в здравом рассудке. Мы все жалели маленького доктора, но особенно сожалел о его болезни мистер Фрэнклин — из-за мисс Рэчел. Из слов, сказанных им миледи за завтраком, когда я присутствовал в комнате, можно было понять, что если неизвестность относительно Лунного камня не разрешится вскорости, то мисс Рэчел понадобится совет самого лучшего доктора, какого только мы сможем найти.

Вскоре после завтрака пришла ответная телеграмма от мистера Блэка-старшего. Депеша сообщала нам, что он напал (через своего приятеля, начальника полиции) именно на такого человека, который может нам помочь. Эвали его сыщик Кафф, а приезда его из Лондона можно было ожидать с утренним поездом.

Прочтя имя нового полицейского чиновника, мистер Фрэнклин вздрогнул. Кажется, он слышал разные любопытные анекдоты о сыщике Каффе от стряпчего своего отца во время пребывания в Лондоне.

— Я начинаю надеяться, что мы скоро увидим конец нашим беспокойствам,— сказал он.— Если половина рассказов, слышанных мной, справедлива, то в Англии никто не может сравниться с сыщиком Каффом, когда дело идет о том, чтобы раскрыть тайну.

Мы все пришли в волнение и в нетерпение, когда приблизилось время появления этого знаменитого и талантливого человека. Инспектор Сигрэв, возвратившийся к нам в назначенное время и узнавший, что ожидают лондонского сыщика, тотчас заперся в отдельной комнате и взял перо, чернила и бумагу, чтобы написать отчет, который, без сомнения, потребуют от него. Мне хотелось самому встретить сыщика на станции. Но о карете и лошадях миледи нечего было и думать даже для мистера Каффа, а кабриолет был нужен позже для мистера Годфри. Он глубоко сожалел, что вынужден оставить свою тетку в такое тревожное время, и любезно отложил час отъезда до последнего поезда, чтобы узнать об этом деле мнение искусного лондонского сыщика. Но в пятницу вечером он непременно должен был быть в Лондоне, потому что дамский комитет ввиду каких-то серьезных затруднений нуждался в его советах в субботу утром.

Приближалось время приезда сыщика, и я вышел к воротам ожидать его.

Когда я подошел к сторожке, со станции подъехала извозчикья карета и из нее вышел седоватый пожилой человек, до того худой, что казалось, у него нет ни одной унции мяса на костях. Одет он был в приличное черное платье, с белым галстуком на шее. Лицо его было остро, как топор, а кожа такая желтая, сухая и поблекшая, как осенний лист. В его стальных светло-серых глазах появлялось весьма неутешительное выражение, когда они встречались с вашими глазами,— словно они ожидали от вас

более того, что было известно вам самим. Походка его была медленная, голос меланхолический; длинные сухощавые пальцы были крючковаты, как когти. Он походил на пастора, на подрядчика похоронного бюро — на кого угодно, только не на того, кем он был. Большой противоположности инспектору Сигрэву, нежели сыщик Кафф, и полицейского менее успокоительной наружности (для встревоженной семьи), сколько бы ни искали, вы не могли бы найти.

— Это дом леди Вериндер? — спросил он.

— Точно так, сэр.

— Я сыщик Кафф.

— Пожалуйте сюда.

По дороге к дому я упомянул о моем имени и положении в семействе, чтобы дать ему возможность говорить о деле, которое собирались поручить ему миледи. Однако он ни слова о нем не сказал. Он восхищался парком, заметил, что морской воздух очень свеж и приятен. Я удивился про себя, чем это знаменитый сыщик Кафф заслужил свою репутацию. Мы дошли до дома подобно двум незнакомым собакам, первый раз в жизни посаженным вместе на одну цепь.

Спросив о миледи и услышав, что она в оранжерее, мы отправились в сад позади дома и послали слугу доложить ей. Пока мы ждали, сынщик Кафф разглядел сквозь арку, увитую плющом, наш питомник роз и прямо вошел туда, в первый раз выказав нечто похожее на интерес. К удивлению садовника и к моему негодованию, этот знаменитый полицейский оказался кладезем учености в пустячном искусстве разведения роз.

Хорош же был человек, который должен отыскать алмаз мисс Рэчел и узнать вора, укравшего его!

— Вы, кажется, любите розы, сэр? — заметил я.

— Не имею времени любить что-нибудь, — ответил сынщик Кафф. — Но, когда у меня есть свободная минутка, я всегда посвящаю ее розам, мистер Беттередж. Я начал жизнь среди них, в питомнике моего отца, и кончу жизнь среди них, если смогу. Да. В один прекрасный день — с божьей помощью — я перестану ловить воров и попробую ухаживать за розами. Между моими клумбами, господин садовник, будут травяные дорожки!

По-видимому, сыщика неприятно поразили наши дорожки, посыпанные песком.

— Для человека вашей профессии, сэр, это довольно странный вкус, — решил я заметить.

— Если вы посмотрите вокруг себя — а это делают немногие,— сказал сыщик Кафф,— вы увидите, что вкус человека по большей части совершенно не согласуется с его занятиями. Покажите мне две вещи, более противоположные, чем роза и вор, и я тотчас же изменю мой вкус, если еще не поздно в мои лета. Вы не находите, что дамасская роза — красивый фон почти для всех более нежных сортов, господин садовник?.. А, я так и думал... Вот идет дама. Это леди Вериндер?

Он увидел ее, прежде чем ее заметили я или садовник, хотя мы знали, в какую сторону смотреть, а он нет. Я начал его считать гораздо наблюдательнее, чем он показался мне с первого взгляда.

Наружность сыщика, или дело, по которому он приехал, или то и другое как будто несколько смущали миледи. Первый раз в жизни видел я, как она не нашлась, что сказать постороннему. Сыщик Кафф тотчас же вывел ее из затруднения. Он спросил, не поручили ли уже кому-нибудь дело о краже, прежде чем мы послали за ним, и, услыхав, что был приглашен другой человек, который и теперь еще находится в доме, просил позволения прежде всего переговорить с ним. Миледи пошла к дому. Прежде чем инспектор последовал за нею, он на прощание ругнул дорожки, посыпанные песком.

— Уговорите миледи попробовать травяные дорожки,— сказал он садовнику, бросив кислый взгляд на песок.

Почему инспектор Сигрев сделался гораздо ниже ростом, когда его представили Каффу, я не берусь объяснить. Я могу только упомянуть этот факт. Они удалились вместе и очень долго сидели запершись и не впуская к себе никого. Когда они вышли, инспектор был взволнован, а сынщик зевал.

— Мистер Кафф желает посмотреть гостиную мисс Вериндер! — сказал Сигрев, обращаясь ко мне чрезвычайно торжественно и с большим воодушевлением.— Он, может быть, задумает задать несколько вопросов. Пожалуйста, проводите его.

Пока мною распоряжались таким образом, я взглянул на знаменитого Каффа. Знаменитый Кафф, в свою очередь, смотрел на инспектора с тем спокойным ожиданием, которое я уже заметил. Не берусь утверждать, что он ожидал какой-нибудь глупости от своего собрата, но подозреваю, что это было именно так.

Я повел их наверх. Сыщик внимательно осмотрел индийский шкафчик и обошел вокруг всего будуара, задавая вопросы (лишь изредка инспектору и постоянно мне), цель которых, я полагаю, была непонятна для обоих нас в равной мере. Он дошел наконец до двери и очутился лицом к лицу с известной нам разрисовкой. Он положил свой сухой палец на небольшое пятнышко под замком, которое инспектор Сигрэв уже приметил, когда выговаривал служанкам, толпившимся в комнате.

— Какая жалость! — сказал сыщик Кафф. — Как это случилось?

Он задал вопрос мне. Я ответил, что служанки столпились в этой комнате накануне утром и что эту беду наделали их юбки.

— Инспектор Сигрэв приказал им выйти, сэр, — приводил я, — чтобы они не наделали еще больших бед.

— Правда, — сказал инспектор своим военным тоном, — я велел им убраться вон. Это сделали юбки, мистер Кафф, это сделали юбки...

— Вы приметили, чьи юбки это сделали? — спросил сыщик Кафф, все еще обращаясь не к своему собрату по службе, а ко мне.

— Нет, сэр.

Тогда он обратился к инспектору Сигрэву и спросил:

— А вы это заметили, я полагаю?

Инспектор, казалось, был застигнут врасплох, но успел оправиться.

— Я не могу обременять свою память, — сказал он, — это пустяки, сущие пустяки.

Сыщик Кафф посмотрел на Сигрэва, как смотрел на дорожки, посыпанные песком в питомнике роз, и со своей обычной меланхолией в первый раз дал нам почувствовать, на что он способен.

— На прошлой неделе я производил одно секретное следствие, господин инспектор, — сказал он. — На одном конце следствия было убийство, а на другом чернильное пятно на скатерти, которого никто не мог объяснить. Во всех моих странствованиях по грязным закоулкам этого грязного света я еще не встречался с тем, что можно назвать пустяками. Прежде чем мы сделаем еще шаг в этом деле, мы должны увидеть юбку, которая сделала это пятно, и должны узнать наверное, когда высохла эта краска.

Инспектор, довольно угрюмо приняв это замечание,

спросил, надо ли позвать женщин. Сыщик Кафф, подумав с минуту, вздохнул и покачал головой:

— Нет, мы прежде займемся краской. Вопрос о краске потребует двух слов: да или нет,— это недолго. Вопрос о женской юбке длинен. В котором часу служанки были в этой комнате вчера утром?.. В одиннадцать часов? Знает ли кто-нибудь в доме, сыра или суха была краска в одиннадцать часов утра?

— Племянник миледи, мистер Фрэнклин Блэк, знает,— сказал я.

— Он здесь?

Мистер Фрэнклин был очень близко, ожидая удобного случая быть представленным знаменитому Каффу. Через полминуты он был уже в комнате и давал следующее показание:

— Эту дверь разрисовывала мисс Вериндер под моим наблюдением, с моей помощью и составом моего изобретения. Этот состав высыхает, с какими бы красками ни употребили его, через двенадцать часов.

— Вы помните, сэр, когда было закончено то место, на котором теперь пятно? — спросил сынщик.

— Помню очень хорошо,— ответил мистер Фрэнклин.— Это место было окончено последним. Нам надо было кончить к прошлой среде, и я сам закончил его к трем часам пополудни или вскоре после этого...

— Сегодня пятница,— сказал сынщик Кафф, обращаясь к инспектору Сигрэву.— Вернемся назад, сэр. В три часа в среду это место было окончено. Состав должен был высохнуть через двенадцать часов — то есть к трем часам утра в четверг. Вы производили здесь следствие в одиннадцать часов утра. Вычтите три из одиннадцати, и останется восемь. Эта краска была суха уже восемь часов, господин инспектор, когда вы предположили, что женские юбки ее смазали.

Первый жестокий удар для мистера Сигрэва! Если б он не заподозрил бедную Пенелопу, я пожалел бы его.

Решив вопрос о краске, сынщик Кафф с этой минуты словно забыл о своем товарище по профессии и стал обращаться к мистеру Фрэнклину, как к более надежному помощнику.

— Весьма возможно, что вы дали нам ключ к тайне, сэр,— сказал он.

Не успели эти слова сорваться у него с губ, как дверь

тились. Ее мысли, по-видимому, были чем-то странно встревожены. Она покраснела, потом опять побледнела. Вместе с бледностью на ее лице появилось новое выражение — выражение, испугавшее меня.

— Ответив на ваш вопрос, мисс,— сказал сыщик,— я прошу у вас позволения, в свою очередь, задать вам вопрос. Здесь, на вашей двери, есть пятно. Известно ли вам, когда оно было сделано или кто его сделал?

Вместо того чтобы ответить ему, мисс Рэчел продолжала говорить свое, как если бы сыщик ни о чем не спросил ее или она ничего не слышала.

— Вы новый полицейский офицер?

— Я сыщик Кафф, мисс, из сыскной полиции.

— Как вы думаете, стоит ли вам выслушать совет молодой девушки?

— Очень буду рад выслушать его, мисс.

спальни распахнулась и мисс Рэчел неожиданно появилась перед нами. Она заговорила с сыщиком, словно не замечая или не обращая внимания на то, что он был ей совершенно незнаком.

— Вы сказали,— спросила она, указывая на мистера Фрэнклина,— что именно он дал вам ключ к тайне?

— Это мисс Вериндер,— шепнул я сыщику.

— Очень возможно, что этот джентльмен, мисс,— проговорил сыщик, внимательно изучая лицо моей барышни своими стальными серыми глазами,— дал нам в руки ключ.

На мгновение она повернулась и сделала попытку взглянуть на мистера Фрэнклина. Я говорю «сделала попытку», потому что она тотчас же опять отвернулась, прежде чем глаза их встретились.

— Так исполняйте вашу обязанность сами и не позвольте мистеру Фрэнклину Блэку помогать вам!

Она сказала эти слова с таким озлоблением и с такой яростью, с таким необыкновенным взрывом недоброжелательства к мистеру Фрэнклину в голосе и в выражении лица, что, хотя я знал ее с младенчества, хотя я любил и уважал ее больше всех после миледи, мне первый раз в моей жизни сделалось стыдно за мисс Рэчел.

Сыщик Кафф не отрывал от ее лица своего неподвижного взгляда.

— Благодарю вас, мисс,— сказал он.— Не знаете ли вы чего-нибудь об этом пятне? Может быть, вы сами нечаянно смазали краску?

— Я ничего не знаю об этом пятне.

С этим ответом она отвернулась от нас и опять заперлась в своей спальне. На этот раз и я услышал, как услышала прежде Пенелопа, что она зарыдала, лишь только осталась одна. Я не мог решиться взглянуть на сыщика и взглянул на мистера Фрэнклина, который стоял ближе всех ко мне. Он казался еще более огорченным, нежели я, тем, что случилось.

— Я говорил вам, что встревожен за нее,— шепнул он.— Теперь вы понимаете, почему?

— Мисс Вериндер, кажется, не в духе из-за пропажи алмаза,— заметил сыщик.— Это вещь ценная... Весьма естественно.

Извинение, которое я придумал за нее вчера (когда она забылась при инспекторе Сигрэве), сделал за нее сегодня человек, не принимавший в ней такого участия, как я, потому что он был посторонним ей человеком. Холодная дрожь пробежала у меня по спине — почему, я тогда не знал; думаю, что в ту минуту у меня, должно быть, мелькнуло первое подозрение о новой мысли (и мысли ужасной), которая появилась у сыщика Каффа лишь на основании того, что он усмотрел в мисс Рэчел и услышал от нее при этом первом их свидании.

— Язык молодых девиц имеет свои достоинства, сэр,— продолжал сыщик, обращаясь к мистеру Фрэнклину.— Забудем о том, что произошло, и приступим прямо к делу. Благодаря вам мы знаем, когда краска высохла. Теперь остается узнать, когда в последний раз эту дверь видели без пятна. У вас, по крайней мере, есть голова на плечах, и вы понимаете, о чем я говорю.

Мистер Фрэнклин постарался успокоиться и с усилием оторвал свои мысли от мисс Рэчел.

— Кажется, я понимаю. Чем точнее мы установим время, тем более мы ограничим поле розысков.

— Именно так, сэр,— ответил сыщик.— Вы смотрели на вашу работу в среду, после того как кончили ее?

Мистер Фрэнклин покачал головой и ответил:

— Не помню.

— А вы? — обратился сыщик Кафф ко мне.

— И я также не могу сказать, сэр.

— Кто был последним в этой комнате вечером в среду?

— Я полагаю, мисс Рэчел, сэр.

— Или, может быть, ваша дочь, Беттередж,— вмешался мистер Фрэнклин.

Он обернулся к мистеру Каффу и объяснил, что моя дочь — горничная мисс Вериндер.

— Мистер Беттередж, попросите вашу дочь сюда... Постойте,— сказал сыщик, отводя меня к окну, где нас никто не мог услышать.— Инспектор Сигрэв,— продолжал он шепотом,— дал мне подробный отчет о том, как он вел дело. Между прочим, он, по своему собственному признанию, рассердил всех слуг, а для меня очень важно успокоить их. Кланяйтесь от меня вашей дочери и всем остальным и скажите им, что, во-первых, я не имею еще доказательств, что алмаз был украден, я только знаю, что алмаз пропал. И во-вторых, обращение мое к слугам заключается просто в том, чтобы просить их помочь мне.

Зная, какое действие произвело на женскую прислугу запрещение, наложенное инспектором Сигрэвом на их комнаты, я поспешил спросить:

— Могу ли я, мистер Кафф, сказать женщинам еще третье? Могу ли я им сообщить, что вы приказали им кланяться и сказать, что они свободно могут бегать по лестницам взад и вперед и заглядывать в свои комнаты, когда это им вздумается?

— Можете,— сказал сыщик.

— Это их всех тотчас успокоит, сэр,— заметил я,— начиная с кухарки и кончая судомойкой.

— Ступайте же и сделайте это немедленно, мистер Беттередж.

Я сделал это менее чем за пять минут. Возникло только одно затруднение: когда я сообщил, что им можно теперь свободно входить в свои комнаты, мне понадобилось упот-

ребить всю свою власть, чтобы удержать женскую прислугу от попытки влететь наверх вслед за мной и Пенелопой в качестве добровольных свидетельниц, горячо желавших помочь сыщику Каффу.

Сыщику, по-видимому, понравилась Пенелопа. Он стал несколько менее сух, и на лице его появилось точно такое же выражение, какое было в то время, когда он приметил белую мускатную розу в цветнике. Вот показание моей дочери, взятое с нее сыщиком. Она дала его, мне кажется, очень мило, но ведь она вся в меня! В ней ничего нет материнского; слава богу, в ней ничего нет материнского!

Пенелопа показала, что ее весьма интересовала разрисовка двери, так как она помогала смешивать краски; она приметила место под замком, потому что его раскрашивали последним; видела его несколько часов спустя без пятна; оставила его в двенадцать часов ночи без пятна. Простившись со своей барышней в этот час в ее спальне, она слышала, как часы пробили в будуаре; она держалась в это время за ручку разрисованной двери; знала, что краска еще не высохла (так как помогала смешивать краски, как было выше сказано); особенно старалась поэтому не дотрагиваться до двери; могла присягнуть, что подобрала подол платья и что тогда на двери пятна не было; не могла присягнуть, что ее платье случайно не коснулось двери, когда она выходила; помнила, какое платье было на ней, потому что оно было новое, подарок мисс Рэчел; отец ее тоже помнил и тоже мог это подтвердить; она может принести платье, бывшее на ней в тот вечер, и сейчас за ним сходит.

Юбку понадобилось рассматривать долго, ввиду обширности ее размеров, и ни одного пятнышка на ней нигде не оказалось.

Потом сынок стал расспрашивать меня, нет ли у нас в доме больших собак, которые могли бы вбежать в комнату и размазать краску хвостом. Услышав, что это невозможно, он послал за увеличительным стеклом и попробовал разглядеть пятно с его помощью. На краске не было следов человеческой руки. Все видимые признаки показывали, что краска была размазана чьим-то платьем. Тот, на ком было это платье, судя по показаниям Пенелопы и мистера Френклина, чтобы сделать это пятно, должен был находиться в комнате между полуночью и тремя часами утра в четверг.

Доведя следствие до этого пункта, сынок Кафф вспом-

нил, что в комнате еще находится инспектор Сигрэв, и, в назидание своему собрату, следующим образом подвел итог всему, что узнал.

— Эти ваши пустяки, господин инспектор,— сказал он, указывая на пятно,— сделались довольно важными после того, как вы видели их в последний раз. В том положении, в каком находится теперь следствие, это пятно должно привести к трем открытиям. Следует, во-первых, узнать, есть ли в этом доме одежда, запачканная такой краской. Во-вторых, выяснить, кому эта одежда принадлежит. В-третьих, добиться объяснений от этой особы: почему она была в этой комнате между полуночью и тремя часами утра? Если эта особа не сможет дать удовлетворительного объяснения, то вам незачем искать далеко руку, похитившую алмаз. Я сделаю это сам, с вашего позволения, а вас не стану больше отрывать от ваших обязанностей. Я вижу, что у вас здесь есть один из ваших подчиненных. Оставьте его мне на всякий случай и позвольте мне пожелать вам доброго утра.

Уважение инспектора Сигрэва к сыщику было велико, но уважение его к себе самому было еще больше. Метко задетый знаменитым Каффом, он отразил удар не менее ловко.

— До сих пор я воздерживался от высказывания своего мнения,— сказал инспектор все тем же николько не изменившимся воинственным тоном.— Теперь мне остается заметить, оставляя следствие в ваших руках, что из муhi очень легко сделать слона. Прощайте!

— Легко также совсем не заметить муhi тем людям, которые слишком высоко задирают голову.

Ответив на комплимент своего собрата в таких выражениях, сынчик Кафф отвернулся от него и отошел к окну.

Мистер Фрэнклин и я ждали, что будет дальше. Сыщик стоял, засунув руки в карманы, глядел в окно и тихо насвистывал про себя мотив: «Последняя летняя роза».

Позднее я заметил, что мистер Кафф начинал свистеть, забывая о правилах хорошего тона, только когда его мысль напряженно работала, с каждой секундой приближая его к какой-то ему одному ведомой цели. «Последняя летняя роза», очевидно, помогала ему и ободряла его. Вероятно, она чем-нибудь соответствовала его характеру, напоминая ему о любимых розах; и насвистывал он эту песенку на самый заунывный мотив.

Постояв у окна минуты две, сынчик дошел до середины

комнаты и остановился в глубокой задумчивости, устремив взгляд на спальню мисс Рэчел. Через несколько мгновений он опомнился, кивнул головой, как бы говоря: «Так будет лучше!» — и, обратясь ко мне, изъявил желание поговорить десять минут с моей госпожой, как только миледи это будет возможно.

Выходя из комнаты с этим поручением, я слышал, как мистер Фрэнклин задал сыщику вопрос, и остановился на пороге двери выслушать ответ.

— Вы еще не догадываетесь,— спросил мистер Фрэнклин,— кто украл алмаз?

— Алмаза никто не крал,— ответил мистер Кафф.

Такой необыкновенный взгляд на дело привел нас обоих в недоумение, и мы оба стали убедительно просить его объяснить, что он хотел этим сказать.

— Подождите немного,— ответил сыщик.— Собраны еще не все звенья цепи.

Глава XIII

Я нашел миледи в ее кабинете. Она вздрогнула, и на лице ее выражалось неудовольствие, когда я доложил, что мистер Кафф желает говорить с нею.

— Неужели я обязана его принять? Не можете ли вы заменить меня, Габриэль?

Мне это показалось непонятным, и, наверное, недоумение выражалось на моем лице. Миледи соблаговолила объясниться.

— Я боюсь, что мои нервы несколько расстроены,— сказала она.— В этом лондонском полицейском есть что-то, внушающее мне отвращение,— не знаю почему. Я предчувствую, что он внесет расстройство и несчастье в мой дом. Очень глупо и очень несвойственно мне, но это так.

Я не знал, что ей ответить на это. Чем больше я наблюдал сыщика Каффа, тем больше он мне нравился. Миледи, высказавшись передо мной, тотчас взяла себя в руки; как я уже говорил вам, она была по природе женшиной высокого мужества.

— Если необходимо увидеться с ним, делать нечего,— сказала она,— но я не могу решиться говорить с ним наедине. Приведите его сюда, Габриэль, и оставайтесь здесь все время, пока останется он.

В первый раз, с того самого времени, когда моя госпожа еще была молодой девушкой, видел я, чтобы она поддавалась каким-то фантазиям. Я воротился в будуар. Мистер Фрэнклин вышел в сад к мистеру Годфри, время отъезда которого приближалось. Сыщик Кафф и я прошли прямо в комнату моей госпожи.

Уверяю вас, миледи чуточку побледнела, когда увидела его. Однако ничем другим она не выдала своего настроения и спросила сыщика, не имеет ли он чего-либо против моего присутствия в комнате. По доброте своей она прибавила, что я не только ее старый слуга, но надежный советчик, и что во всем, относящемся к домашним делам, она привыкла со мной советоваться. Сыщик вежливо ответил, что смотрит на мое присутствие, как на помощь, потому что он должен сказать кое-что о слугах вообще, и нашел уже мою опытность в этом отношении полезной для себя.

Миледи указала на два стула, и мы немедленно уселись для совещания.

— Я уже составил свое мнение об этом деле,— начал сынник Кафф.— Прошу у вас, миледи, позволения оставить его пока при себе. А сейчас я должен упомянуть о том, что нашел наверху, в гостиной мисс Вериндер, и чем решил — с вашего позволения, миледи,— заняться прежде всего.

Он рассказал о пятне на двери и о сделанном им выводе, который только что, лишь в менее почтительных выражениях, сообщил инспектору Сигреву.

— Одно несомненно,— добавил он в заключение,— алмаз пропал из ящика шкафчика. Несомненно также и другое: следы дверной краски должны находиться на одежде, принадлежащей кому-нибудь в этом доме. Мы должны отыскать эту одежду, прежде чем сделаем еще один шаг вперед.

— Это приведет, вероятно, к открытию вора? — спросила моя госпожа.

— Извините, миледи,— я не говорю, что алмаз украден. Я только говорю сейчас, что алмаз пропал. Если найдется запачканная одежда, то это может повести к отысканию алмаза.

Миледи посмотрела на меня.

— Понятно ли вам это? — спросила она.

— Сыщик Кафф понимает, миледи,— ответил я.

— Каким же образом вы собираетесь отыскать запачканное платье? — спросила моя госпожа, опять обращаясь

к сыщику.— Стыдно сказать, но сундуки и комнаты моих добрых слуг, много лет живущих у меня, уже были обысканы первым следователем. Я не могу и не хочу позволить оскорблять их вторично!

(Вот это так госпожа! Вот это так женщина, единственная на десять тысяч!)

— Об этом-то я и хотел поговорить с вашей милостью,— отозвался сынчик.— Первый следователь причинил много вреда следствию, дав понять слугам, что он подозревает их. Если я дам им повод думать, что их подозревают во второй раз, неизвестно, какие еще препятствия будут они нам чинить, особенно женщины. А между тем сундуки их должны быть обысканы опять — по той простой причине, что тогда искали алмаз, а теперь будут искать запачканное платье. Я совершенно согласен с вами, миледи, что следует пощадить чувства слуг. Но я также совершенно убежден, что гардероб слуг должен быть обыскан.

Мы были, по-видимому, в тупике. Миледи высказала это в выражениях более изысканных, чем я.

— Мне пришел в голову план, разрешающий это затруднение,— сказал сынчик Кафф.— Если вы, миледи, согласитесь на него, я намерен объяснить слугам, в чем дело...

— Женщины сейчас же вообразят, что их опять подозревают,— прервал я его.

— Не вообразят, мистер Беттередж,— ответил сынчик,— не вообразят, если я скажу им, что буду обыскивать гардероб всех тех,— начиная с миледи,— кто ночевал в доме в среду. Это простая формальность,— прибавил он, взглянув икоса на мою госпожу,— но служанки поймут дело так, что их ставят наравне с господами, и, вместо того чтобы мешать следствию, сочтут за честь содействовать ему.

Я должен был признать, что он прав. Миледи, когда прошло ее изумление, также это признала.

— Вы уверены, что такой обыск нужен? — спросила она.

— Это кратчайший путь к цели из всех, какие я вижу, миледи.

Госпожа моя встала, чтобы позвонить горничной.

— Вы будете говорить со слугами, держа в руках ключи от моего гардероба.

Сыщик Кафф остановил ее неожиданным вопросом:

— Не лучше ли нам прежде убедиться в согласии на

это других дам и джентльменов, находящихся в доме?

— Единственная другая дама в доме — мисс Вериндер,— ответила моя госпожа с удивлением.— Единственные джентльмены — мои племянники, мистер Блэк и мистер Эблуйт. С их стороны нечего опасаться отказа!

Я напомнил миледи, что мистер Годфри уезжает. Не успел я произнести эти слова, как мистер Годфри сам постучался в дверь, чтобы проститься; вслед за ним пришел и мистер Фрэнклин, собирающийся проводить его до станции. Миледи объяснила им наше затруднение. Мистер Годфри тотчас его разрешил. Он крикнул Самюэлю в окно, чтобы тот опять внес наверх его чемодан, а потом сам отдал ключ сыщику Каффу.

— Мои вещи можно переслать ко мне в Лондон,— сказал он,— когда кончится следствие.

Сыщик принял ключи с приличествующим извинением:

— Мне жаль, что я ввожу вас в хлопоты, сэр, из-за пустой формальности, но пример господ примирит и прислугу с обыском.

Мистер Годфри с большим чувством простился с миледи, прося ее передать его почтение мисс Рэчел в выражениях, доказывавших, что он не принимает ее «нет» за окончательный отказ и намерен снова посвататься к ней при первом удобном случае. Мистер Фрэнклин, уходя вслед за своим кузеном, сообщил сыщику, что все его вещи готовы для осмотра и что все принадлежащее ему никогда не запирается. Сыщик Кафф изъявил ему свою признательность. Заметьте, что план его был принят с чрезвычайной готовностью как миледи, так и мистером Фрэнклном и мистером Годфри. Осталось только получить согласие мисс Рэчел, прежде чем созвать слуг и начать поиски запачканного платья.

Необъяснимое отвращение миледи к сыщику как будто еще усилилось после их ухода.

— Если я пришлю вам ключи мисс Вериндер,— сказала она,— полагаю, вам пока ничего более от меня не нужно?

— Прошу извинения у вас, миледи,— сказал мистер Кафф.— Прежде чем мы начнем, мне хотелось бы заглянуть в бельевую книгу, где записывается нательное белье. Запачканная одежда, может быть, относится к белью. Если эти поиски не приведут ни к чему, я попрошу сообщить мне обо всем белье, находящемся в доме, и обо всем белье,

отданном в стирку; если какой-нибудь вещь недостанет, можно будет предположить, что именно на ней и осталась краска и что эта вещь с умыслом припрятана вчера или сегодня тем лицом, которому она принадлежит. Инспектор Сигрэв,— прибавил Кафф, обернувшись ко мне,— обратил внимание служанок на пятно, когда они столпились в комнатах в четверг утром. Может быть, мистер Беттередж, и это окажется одной из многочисленных ошибок инспектора Сигрева.

Миледи велела мне позвонить и приказать принести бельевую книгу. Она оставалась с нами до тех пор, пока не принесли эту книгу, на тот случай, если бы, посмотрев ее, сынок Кафф опять захотел спросить о чем-нибудь.

Книгу для записи белья принесла Розанна Спирман. Эта девушка пришла к завтраку страшно бледная и расстроенная, но, очевидно, достаточно оправившаяся от своего вчерашнего нездоровья, чтобы приняться за работу. Сыщик Кафф внимательно оглядел нашу вторую служанку: ее лицо, когда она вошла, и ее уродливое плечо, когда она вышла.

— Имеете ли вы еще что-нибудь сказать мне? — спросила миледи с нетерпением, желая поскорее освободиться от общества сыщика.

Знаменитый Кафф открыл книгу, разобрался в ней за полминуты и опять закрыл ее.

— Я осмелюсь обесокоить вас, миледи, только одним вопросом,— сказал он.— Молодая женщина, которая принесла сюда эту книгу, служит у вас так же давно, как и другие слуги?

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Потому что, когда я видел ее в последний раз, она сидела в тюрьме за воровство.

После этого ничего не оставалось, как сказать ему всю правду. Госпожа моя всячески хвалила хорошее поведение Розанны в ее доме и упомянула, что надзирательница исправительного дома была о ней самого лучшего мнения.

— Надеюсь, вы не подозреваете ее? — в заключение и очень серьезно прибавила миледи.

— Я уже говорил вам, миледи, что до настоящего времени никого в доме не подозреваю в воровстве.

После этого ответа миледи встала, чтобы отправиться наверх, за ключами мисс Рэчел. Мистер Кафф опередил меня, поспешно открыв перед нею дверь и отвесив ей

низкий поклон. Миледи задрожала, проходя мимо него.

Мы ждали, ждали, а ключей все не было. Сыщик Кафф не заговаривал со мной. Он обратил к окну свое меланхолическое лицо, засунул в карманы свои худощавые руки и тихонько насвистывал про себя «Последнюю летнюю розу».

Наконец вошел Самюэль, но не с ключами, а с клошком бумаги для меня. Я неловко и с трудом надел очки, чувствуя, что унылые глаза сыщика неотступно устремлены на меня.

На клошке бумаги рукой миледи были написаны три строчки карандашом. Она сообщала мне, что мисс Рэчел наотрез отказалась показывать свой гардероб.

Я понял нежелание миледи встретиться с сыщиком Каффом после подобного ответа ее дочери. Не будь слишком стар для юношеской конфузливости, мне кажется, я покраснел бы от мысли, что должен с ним объясняться.

— Известие о ключах мисс Вериндер? — спросил сынщик.

— Барышня не соглашается на обыск своего гардероба.
— А!

Голос его не был подчинен такой совершенной дисциплине, как его лицо. Когда он сказал: «А!» — это было сказано тоном человека, который услышал то, что ожидал услышать. Он и рассердил и испугал меня — почему, сказать не могу, но это было так.

— От обыска придется отказаться? — спросил я.

— Да, — ответил Кафф, — от обыска придется отказаться, потому что ваша барышня не соглашается подвергнуться ему наравне с другими. Мы должны или осмотреть всю одежду в доме, или не осматривать ничего. Пошлите чемодан мистера Эблуйта в Лондон с первым же поездом, а книгу для белья возвратите с моим поклоном и благодарностью молодой женщине, которая принесла ее.

Он положил книгу на стол и, вынув перочинный ножик, стал чистить ногти.

— Вы, кажется, не очень обманулись в своих ожиданиях? — спросил я.

— Да, — ответил сынщик Кафф, — не очень.

Я постарался заставить его объясниться.

— Зачем же мисс Рэчел препятствовать вам? — спросил я. — Кажется, ее интересы требуют, чтобы она вам помогала.

— Подождите немножко, мистер Беттередж, подождите немножко.

Головы поумнее моей могли бы понять смысл его слов. Или человек, менее привязанный к Рэчел, чем я, мог бы видеть, куда он метит. Отвращение миледи к нему могло означать — как я понял уже впоследствии, — что она видела, куда он метил.

— Что же теперь делать? — спросил я.

Сыщик Кафф кончил чистить ногти, посмотрел на них минуту с меланхолическим интересом и спрятал свой перочинный ножик.

— Пойдемте в сад,— сказал он,— взглянуть на розы.

Глава XIV

Ближайший путь из кабинета миледи в сад вел через известный вам кустарник. Для того чтобы вы лучше поняли дальнейшее, я должен прибавить, что дорожка в кустарнике была излюбленной прогулкой мистера Фрэнклина. Когда он исчезал из дома и его нигде не могли отыскать, мы обыкновенно находили его там.

Надо признаться, читатель, я довольно упрямый старик. Чем упорнее сыщик Кафф скрывал от меня свои мысли, тем упорнее старался я в них проникнуть. Когда мы свернули в кустарник, я попытался провести его другим способом.

— При настоящем положении вещей,— сказал я,— на вашем месте я стал бы в тупик.

— При настоящем положении вещей,— ответил Кафф,— на моем месте вы пришли бы к выводу, который уничтожил бы всякое сомнение. Оставим этот вывод пока в стороне, мистер Беттередж. Я привел вас сюда не за тем, чтобы вы травили меня, как барсука; я привел вас сюда для того, чтобы получить от вас некоторые сведения. Конечно, вы могли бы сообщить их мне и в доме. Но двери и слушатели взаимно притягивают друг друга, и люди моей профессии имеют полезное для здоровья пристрастие к свежему воздуху.

Немыслимо было провести этого человека! Я уступил и стал терпеливо, насколько мог, ожидать, что последует дальше.

— Не будем вникать в причины поведения вашей барышни,— продолжал сырщик,— пожалеем только, что она

отказывается мне помочь, потому что, поступая так, она делает расследование более трудным, чем оно могло бы быть. Мы должны теперь постараться без ее помощи разрешить тайну пятна, которое, верьте моему слову, является также и тайной алмаза. Я решил повидать слуг и обследовать их мысли и поступки, мистер Беттередж, вместо того чтобы обыскивать их сундуки. Однако, прежде чем приступить к этому, я хотел бы задать вам два вопроса. Вы человек наблюдательный; скажите, не заметили ли вы какой-нибудь странности в ком-либо из слуг,— кроме, разумеется, весьма естественного испуга и волнения,— после того как обнаружилась пропажа алмаза? Не было ли между ними какой-нибудь особенной ссоры? Например, не рассердился ли кто-нибудь совершенно неожиданно? Или не занемог ли вдруг?

Я вспомнил о внезапной болезни Розанны Спирман за вчерашним обедом, но не успел ответить, как сыщик вдруг уставился на кустарник и пробормотал про себя:

— Ага!

— Что случилось? — спросил я.

— Опять ревматизм в спине,— ответил сыщик громким голосом, словно желая, чтобы нас услышало третье лицо.— Должно быть, к перемене погоды.

Еще несколько шагов — и мы очутились у дома. Круто повернув направо, мы вышли на террасу и спустились по ступенькам в нижний сад. Сыщик Кафф остановился на открытом месте, откуда все хорошо было видно на большом расстоянии.

— Невероятно, чтобы эта молодая девушка, Розанна Спирман, со своей наружностью, имела поклонника,— сказал он,— но в интересах этой девушки я должен спросить у вас сейчас: не обзавелась ли она, бедняжка, обожателем, по примеру остальных?

Что означал его вопрос при данных обстоятельствах? Вместо ответа я вытаращил на него глаза.

— Дело в том, что Розанна Спирман пряталась в кустах, когда мы проходили мимо,— сказал сыщик.

— Это когда вы сказали «ага»?

— Да, когда я сказал «ага». Если у нее есть обожатель, такое поведение не означает ничего. Если же нет, то, при настоящем положении дел в доме, это крайне подозрительно, и, как мне ни жаль, я буду вынужден действовать соответствующим образом.

Что мог я ему сказать? Я знал, что мистер Фрэнклин любит гулять в кустарниках; я знал, что, по всей вероятности, он пойдет по этой дороге, возвращаясь со станции; я знал, что Пенелопа не раз заставала тут нашу вторую служанку и всегда уверяла меня, что Розанна хотела привлечь к себе внимание мистера Фрэнклина. Если дочь моя права, Розанна могла тут поджидать возвращения мистера Фрэнклина как раз в то время, когда сыщик заметил ее. Я был поставлен между двумя трудностями: или упомянуть о фантазиях Пенелопы, как о своих собственных, или предоставить несчастной девушке пострадать от последствий, от очень серьезных последствий, возбудив подозрения сыщика. Из чистого сострадания к девушке — клянусь честью и душой, из чистого сострадания к девушке! — я дал сыщику необходимые объяснения и сказал ему, что Розанна имела сумасбродство влюбиться в мистера Фрэнклина Блэка.

Инспектор Кафф не смеялся никогда. В тех немногих случаях, когда что-нибудь казалось ему забавным, углы его губ слегка кривились, и только. Они слегка покривились и сейчас.

— Не лучше ли было бы вам сказать, что она имела сумасбродство родиться безобразной и служанкой? — спросил он.— Влюбиться в джентльмена с наружностью и обращением мистера Фрэнклина кажется мне не самым большим сумасбродством в ее поведении. Однако я рад, что дело выяснилось. Как-то легче на душе, когда хоть какая-нибудь загадка разрешается. Да, я сохраню это в тайне, мистер Беттередж. Я люблю щадить человеческие слабости, хоть мне в моей профессии не так уж часто представляется к этому случай. Вы думаете, мистер Фрэнклин Блэк не подозревает о привязанности этой девушки? Поверьте, он скорехонько узнал бы о ней, будь девушка недурна собой. Некрасивым женщинам плохо живется на этом свете; будем надеяться, что они получат награду на том... А у вас превосходный сад, и как хорошо содержится лужайка! Посмотрите сами, насколько красивее кажутся цветы, когда их окружает трава, а не песок... Нет, благодарю, я не сорву розу. У меня болит сердце, когда их срывают со стеблей, так же как у вас болит сердце, когда что-нибудь идет неладно в людской... Вы не заметили что-нибудь необычное для вас в слугах, когда обнаружилась пропажа алмаза?

До сих пор я держал себя очень откровенно с сыщиком

Каффом. Но вкрадчивость, с какой он вторично обратился ко мне с этим вопросом, заставила меня быть осторожнее. Сказать попросту, меня вовсе не радовала мысль помогать его розыскам, если эти розыски приводили его, словно змею, ползущую в траве, к моим товарищам — слугам.

— Я ничего не заметил,— сказал я,— кроме того, что все мы растерялись, включая и меня самого.

— О! — сказал сыщик.— И вы ничего больше не имеете мне сказать, не так ли?

Я ответил с невоизмутимой физиономией (льщу себя этой мыслью):

— Ничего.

Унылые глаза сыщика Каффа пристально уставились мне в лицо.

— Мистер Беттередж,— сказал он,— позвольте пожать вам руку. Вы мне чрезвычайно нравитесь.

Почему он выбрал именно эту минуту, когда я обманул его, чтобы высказать мне свое расположение, понять не могу. Но, разумеется, я несколько возгордился, не на шутку возгордился тем, что наконец-то провел знаменитого Каффа!

Мы вернулись домой. Кафф попросил отвести ему для допроса особую комнату, а потом присыпать туда слуг, живущих в доме, одного за другим, по порядку их звания, от первого до последнего.

Я привел сыщика Каффа в свою собственную комнату, а потом созвал всех слуг в переднюю. Розанна Спирман пришла вместе с другими, такая же, как всегда. Она была не менее опытна в своем роде, нежели сырщик в своем, и, я подозреваю, слышала в кустарнике, как он расспрашивал меня о слугах вообще, прежде чем увидел ее. Но по лицу ее нельзя было и догадаться, что она помнит о существовании такого места, как наш кустарник.

Я отправлял к сырщику одну служанку за другой, как мне было велено. Кухарка первая вошла в судилище — другими словами, в мою комнату. Она оставалась там очень недолго. Выводом ее было, когда она вышла:

— Сыщик Кафф человек унылый, но сырщик Кафф настоящий джентльмен.

Вслед за нею отправилась горничная миледи. Оставалась она гораздо дольше. Заключением ее было, когда она вышла:

— Если сырщик Кафф не верит словам порядочной

женщины, то он мог бы по крайней мере оставить свое мнение при себе!

Потом отправилась Пенелопа. Оставалась минуты две, не больше. Донесение:

— Сыщика Каффа очень жаль: должно быть, он в молодости был несчастлив в любви, батюшка.

После Пенелопы пошла старшая служанка. Оставалась, как и горничная миледи, довольно долго. Вывод:

— Я поступила к миледи не за тем, чтобы какой-нибудь полицейский подозревал меня в глаза.

Потом пошла Розанна Спирман. Оставалась дольше всех. Никакого вывода — мертвое молчание и бледные как смерть губы. Самюэль, лакей, пошел вслед за Розанной. Оставался минуты две. Донесение:

— Тому, кто чистит сапоги мистеру Каффу, следовало бы постыдиться.

Нанси, судомойка, пошла последней; оставалась минуты две. Донесение:

— У сыщика есть сердце, он, мистер Беттередж, не издевается над бедной работящей девушкой.

Отправившись в судилище, когда все уже было закончено, узнатъ, не будет ли мне каких-нибудь новых приказаний, я обнаружил, что сыщик глядит в окно и насвистывает «Последнюю летнюю розу».

— Что-нибудь узнали, сэр? — спросил я.

— Если Розанна Спирман отпросится из дома, — сказал сыщик, — отпустите ее, бедняжку, но сперва дайте мне знать.

Уж лучше было бы мне промолчать о Розанне и мистере Фрэнклине. Было ясно, что несчастная девушка возбудила подозрения сыщика Каффа, несмотря на все мои старания не допустить этого.

— Надеюсь, вы не считаете Розанну причастной к прошлому алмаза? — осмелился я спросить.

Углы меланхолических губ Каффа искривились, и он пристально посмотрел мне в лицо.

— Я думаю, лучше будет не говорить вам ничего, мистер Беттередж, — сказал он, — а иначе вы, пожалуй, расстроитесь.

Я усомнился: уж точно ли удалось мне тогда, в саду, провести знаменитого Каффа? К моему облегчению, нас прервал стук в дверь, и пришло известие от кухарки: Розанна Спирман просит разрешения выйти по всегдашней

своей причине: болит голова и хочется подышать свежим воздухом.

По знаку сыщика, я сказал:

— Пусть ее идет.

— Где у вас выход для прислуги? — спросил он, едва мы остались одни.

Я показал ему его.

— Заприте дверь вашей комнаты,— проговорил сыщик,— и, если кто-нибудь спросит обо мне, скажите, что я сижу здесь и размышляю.

Он опять скривил углы своих губ и исчез.

Оставшись один, я почувствовал сильнейшее любопытство, подтолкнувшее меня самолично заняться розысками.

Было ясно, что подозрения сыщика Каффа были возбуждены ответами слуг на допросе. А две служанки (кроме самой Розанны), остававшиеся на допросе дольше других,— горничная миледи и горничная по дому,— были из самых ярых гонительниц несчастной девушки. Придя к этому заключению, я будто случайно заглянул в людскую, увидел, что там происходит чаепитие, и тотчас на него напросился. (Кстати, напоить сплетницу чаем — это то же, что подлить керосину в гаснущую лампу.)

Надежда моя найти союзника в чайнике не осталась без награды. Менее чем через полчаса я знал столько же, сколько сам сырщик.

Ни горничная миледи, ни первая горничная по дому не поверили вчерашней болезни Розанны. Эти две чертовки — прошу прощения, но как же иначе назвать злых женщин? — несколько раз прокрадывались в четверг после полудня наверх, пытаясь отворить дверь Розанны, и, всякий раз находя ее запертой, стучались и не получали ответа, слушали и не слышали никакого звука изнутри.

Когда девушка спустилась к чаю и снова была отослана в постель по причине нездоровья, две вышеупомянутые чертовки опять попробовали отворить ее дверь и нашли ее запертой, заглянули в замочную скважину и нашли ее заткнутой, видели свет под дверями в полночь и слышали треск огня (огонь в спальне служанки в июне!) в четыре часа утра. Все это они рассказали сыщику Каффи, который, вместо благодарности за их желание помочь ему, посмотрел на них кислым и подозрительным взглядом, явно показывая, что не верит ни той, ни другой. Отсюда — нелестный отзыв обеих женщин о сырщике. Отсюда (а

также и под влиянием чайника) — их готовность дать волю языку о неджентльменском обращении сыщика с ними.

Так как я уже подметил уловки знаменитого Каффа и знал, что он намерен тайно следить за Розанной, когда она выйдет на прогулку, мне стало ясно, что он нарочно не показал обеим горничным, как существенно они ему помогли. Покажи только женщинам подобного рода, что считаешь их показания достойными доверия, и они до того зачванятся этим, такого наговорят, что сразу заставят Розанну Спирман быть начеку.

Я вышел из дома. Летний вечер был удивительно хороши. Я сильно жалел бедную девушку и вообще был очень встревожен оборотом, какой приняло дело. Направившись к кустарнику, я встретил мистера Фрэнклина в его любимой аллее. Он давно уже вернулся со станции и успел переговорить с миледи. Она рассказала ему о непонятном отказе мисс Рэчел дать осмотреть ее гардероб и привела его этим в такое уныние, что он, казалось, не решался больше говорить о барышне. Фамильный характер сказался в нем в этот вечер впервые во всей своей силе.

— Ну, Беттередж,— сказал он,— как нравится вам атмосфера тайны и подозрения, в которой мы все теперь живем? Помните утро, когда я приехал с Лунным камнем? Боже мой, как я жалею, что мы не бросили его в пески!

После этой вспышки он не захотел продолжать разговора, пока не успокоится. Мы молча шли рядом минуты две, а потом он спросил меня, куда делся сынок Кафф. Невозможно было обмануть мистера Фрэнклина ответом, будто сынок сидит в моей комнате и размышляет. Я рассказал ему все, как было, упомянув в особенности то, что горничная миледи и горничная по дому сообщила о Розанне Спирман.

Ясный ум мистера Фрэнклина в одно мгновение увидел, на что обратились подозрения сыщика.

— Вы, кажется, говорили мне сегодня утром,— сказал он,— что один из лавочников уверял, будто видел, как Розанна вчера шла пешком во Фризинголл, когда мы предполагали, что она лежит больная в своей комнате?

— Да, сэр.

— Если горничная тетушка и другая женщина говорят правду, значит, лавочник действительно встретил ее. Болезнь была предлогом, чтобы нас обмануть. У нее была какая-нибудь преступная причина, для того чтобы тайно

побывать в городе. Запачканное краской платье, по-видимому, принадлежит ей, а огонь в ее комнате в четыре часа был разведен для того, чтобы сжечь это платье. Розанна Спирман украла алмаз. Я сейчас же пойду и скажу тетушке, какой оборот принял дело.

— Нет, повремените еще, сэр,— послышался меланхолический голос позади нас.

Мы быстро обернулись и очутились лицом к лицу с сыщиком Каффом.

— Почему же? — спросил мистер Фрэнклин.

— Потому что, сэр, если вы скажете миледи, то миледи передаст об этом мисс Вериндер.

— Предположим, что передаст. А дальше?

Мистер Фрэнклин произнес это с внезапным жаром и запальчивостью, как если бы сырщик смертельно оскорбил его.

— А как вы думаете, сэр,— спокойно сказал сырщик Кафф,— благоразумно ли задавать этот вопрос мне — и в такую минуту?

Наступило минутное молчание. Мистер Фрэнклин приблизился к сырщику. Оба они пристально посмотрели в лицо друг другу. Мистер Фрэнклин заговорил первый, понизив голос так же внезапно, как возвысил его.

— Я полагаю, вам известно, мистер Кафф,— сказал он,— что вы касаетесь чрезвычайно щекотливого вопроса.

— Не в первый, а может быть, в тысячный раз касаюсь я щекотливых вопросов,— ответил тот со своим обычным бесстрастием.

— Вы хотите сказать, что запрещаете мне говорить тетушке о случившемся?

— Я хочу сказать, сэр, что я брошу это дело, если вы сообщите леди Вериндер или кому бы то ни было о том, что случилось, пока я не дам вам позволения на это.

Его слова решили вопрос. Мистеру Фрэнклуну ничего больше не оставалось, как покориться; он гневно повернулся и оставил нас.

Я с трепетом слушал их, не зная, кого подозревать и что теперь думать. Но, несмотря на мое смущение, две вещи были мне ясны: во-первых, что барышня, неизвестно почему, была причиной тех колкостей, которые они наговорили друг другу. Во-вторых, что они совершенно поняли друг друга, не обменявшиесь никакими предварительными объяснениями.

— Мистер Беттередж,— сказал сыщик,— вы сделали очень большую глупость в мое отсутствие. Вы сами пустились на розыски. Впрочем, может быть, вы будете так обязательны, что станете производить розыски совместно со мной.

Он взял меня под руку и повел по дороге, которой сюда пришел. Должен признаться, что, хотя я и заслужил его упрек, тем не менее я не собирался помогать ему расставлять ловушки Розанне Спирман. Воровка она была или нет, законно это или нет, мне было все равно,— я ее жалел.

— Чего вы хотите от меня? — спросил я, вырвав свою руку и остановившись.

— Только небольших сведений о здешних окрестностях,— ответил сыщик.

Я не мог отказаться пополнить географический багаж сыщика Каффа.

— Есть ли на этой стороне какая-нибудь дорога, которая вела бы от морского берега к дому? — спросил Кафф.

С этими словами он указал на ели, за которыми лежали Зыбучие пески.

— Да,— ответил я,— тут есть дорожка.

— Покажите ее мне.

Рядышком, в сумерках летнего вечера, оба мы, сынок и я, отправились к Зыбучим пескам.

Глава XV

Кафф молчал, погруженный в свои думы, пока мы не вышли в еловый лесок. Тут он очнулся, как человек, принявший решение, и опять заговорил со мной.

— Мистер Беттередж,— сказал он,— так как вы сделали мне честь и впряженлись, как говорится, со мной в одну упряжку и так как я думаю, что вы можете быть мне полезны еще до истечения нынешнего вечера,— я невижу никакой надобности для нас с вами таиться друг от друга и намерен со своей стороны подать вам пример откровенности. Вы решили не сообщать мне никаких сведений, которые могли бы повредить Розанне Спирман, потому что с вами она вела себя хорошо и потому что вам искренне жаль ее. Эти гуманные побуждения делают вам большую честь, но в данном случае они совершенно бесполезны. Розанне Спирман не грозит ни малейшей опасности, даже если я обвиню ее как соучастницу в пропаже алмаза, на

оснований улик, которые так же очевидны для меня, как нос на вашем лице.

— Вы хотите сказать, что миледи не станет преследовать ее судебным порядком? — спросил я.

— Я хочу сказать, что миледи не сможет преследовать ее, — ответил сыщик. — Розанна Спирман — не более как орудие в руках другого лица, и ради этого другого лица Розанна Спирман будет пощажена.

Он говорил серьезно, в этом нельзя было сомневаться. Однако в моей душе шевельнулось какое-то подозрение против него.

— Не можете ли вы назвать это другое лицо? — спросил я.

— Не можете ли вы, мистер Беттередж?

— Нет.

Сыщик Кафф вдруг остановился и посмотрел на меня с меланхолическим участием.

— Мне всегда приятно щадить людские слабости, — сказал он. — А в настоящую минуту я испытываю огромное желание щадить вас, мистер Беттередж. А вы, по той же прекрасной причине, чувствуете огромное желание щадить Розанну Спирман, не правда ли? Скажите, не сшила ли она себе недавно новое белье?

К чему он так неожиданно ввернул этот странный вопрос, я никак не мог догадатьсяся. Но, не видя, чем правда могла бы повредить Розанне, я ответил, что девушка поступила к нам с очень скучным запасом белья и что миледи в вознаграждение за ее хорошее поведение (я сделал ударение на последних словах) подарила ей новое белье недели две назад.

— Как жалок этот свет! — сказал сыщик. — Человеческая жизнь есть нечто вроде мишени, в которую несчастье стреляет беспрестанно и всегда попадает в цель. Если бы не этот новый запас белья, мы легко нашли бы новую кофту или юбку в вещах Розанны и уличили бы ее таким образом. Вы следите за моей мыслью, не так ли? Вы сами допрашивали служанок и знаете, какие открытия сделали две из них у двери Розанны. Наверное, вы знаете, чем занималась вчера девушка, после того как она занемогла? Вы не можете догадатьсяся? О боже мой! Это так же ясно, как полоса света вон там за деревьями. В одиннадцать часов в четверг утром инспектор Сигрэв — это скопление человеческих слабостей — указывает всем женщинам пятно на двери. У Ро-

заны есть основание предполагать, что след оставлен ее собственной одеждой; она пользуется первым удобным случаем, чтобы уйти в свою комнату, находит пятно на своей кофточке или юбке, или все равно на чем, притворяется больной, пробирается в город, покупает материал для новой юбки или кофты, шьет ее одна в своей комнате в четверг ночью, разводит огонь — не для того, чтобы сжечь: две другие служанки подсматривают у дверей, и она знает, что запах гари ее выдаст да ей и некуда деть кучу пепла,— разводит огонь, говорю я, чтобы выстирать, высушить и выгладить подмененную юбку, а запачканную скрывает — вероятно, на себе — и вот сейчас, в эту самую минуту, старается уничтожить ее где-нибудь в удобном местечке на этом уединенном берегу перед нами. Я видел сегодня вечером, как она зашла в рыбачьей деревне в одну хижину, куда, может быть, и мы с вами заглянем до возвращения домой. Она оставалась в этой хижине некоторое время и вышла оттуда, как мне показалось, с чем-то спрятанным под плащом. Плащ на женщине — эмблема милосердия — прикрывает множество грехов. Я видел, как она отправилась к северу вдоль берега, когда вышла из хижины... Неужели ваш морской берег считается таким живописным, мистер Беттередж?

Я ответил «да» так коротко, как только мог.

— Вкусы бывают разные,— сказал сыщик Кафф.— На мой взгляд, нет морского ландшафта, который нравился бы мне менее. Если бы вам понадобилось следить за другим человеком, идя по этому берегу, и если бы человек этот внезапно оглянулся, вам не найти ни малейшего местечка, за которым вы могли бы спрятаться. Мне оставалось выбрать одно из двух: или посадить Розанну в тюрьму по подозрению, или предоставить ей действовать по своему усмотрению. По причинам, объяснением которых не стану вам надоедать, я предпочел лучше пойти на всевозможные жертвы, нежели возбудить тревогу в одной особе, которую мы с вами называть не станем. Я вернулся домой, чтобы попросить вас провести меня к северному концу берега другой дорогой. Песок — один из лучших мне известных ищеек: он отлично ведет вас по следу. Если мы не встретим Розанну Спирман на обратном пути, то песок, пока еще светло, может сказать нам, где она была. Вот песок. Вы меня извините, если я посоветую вам идти молча и пропустить меня вперед.

Если докторам известна болезнь под названием сыскная лихорадка, то именно такая болезнь овладела сейчас вашим нижайшим слугой. Сыщик Кафф спустился между дюнами к берегу. Я последовал за ним с сильно бьющимся сердцем и ждал поодаль, что будет дальше.

Оглядевшись, я увидел, что стою на том самом месте, где Розанна Спирман разговаривала со мной в тот день, когда мистер Фрэнклин вдруг появился перед нами, приехав к нам из Лондона. Покуда взгляд мой следовал за сыщиком, мысли мои, против воли, устремились к тому, что тогда произошло между Розанной и мной. Уверяю вас, я почти чувствовал, как бедняжка с признательностью пожала мне руку за ласковые слова, сказанные ей. Уверяю вас, я почти слышал, как голос ее говорил мне, что Зыбучие пески притягивают ее против воли, почти видел, как лицо ее просияло, когда она вдруг заметила мистера Фрэнклина, внезапно вышедшего к нам из-за дюн. Тоска моя все усиливалась, и я еще больше встревожился, когда огляделся вокруг, чтоб оторваться от своих мыслей.

Последний вечерний свет быстро догорал, и над этим печальным местом нависла какая-то зловещая тишина. Волны океана набегали на мели за бухтой, не производя ни малейшего звука. А вода в самой бухте была свинцовой и неподвижной. Желтовато-белые клочки грязной тины усеивали ее поверхность. Ил и пена чуть заметно поблескивали в тех местах, где последний свет еще падал на них меж двух больших утесов, выступавших с севера и с юга в море. Начинался прилив, и, пока я стоял и ждал, все бурое пространство Зыбучих песков стало морщиться и дрожать — это было единственное движение в этом отвратительном месте.

Я видел, как сырщик вздрогнул, когда заметил колебание песка. Посмотрев на него минуты две, он отвернулся и снова подошел ко мне.

— Вероломное это место, мистер Беттередж,— сказал он,— и никаких следов Розанны Спирман на всем берегу, куда бы вы ни посмотрели.

Он повел меня ближе к берегу, и я сам увидел, что только его следы и мои виднелись на песке.

— В какой стороне от нас рыбацкая деревня? — спросил сырщик Кафф.

— Коббс-Голл,— ответил я (так называлась деревня),— будет отсюда к югу.

— Я видел, как девушка шла сегодня вечером к северу вдоль берега из Коббс-Голла,— сказал сыщик.— Следовательно, она направлялась к этому месту. Коббс-Голл по ту сторону вон того мыска? Не можем ли мы пройти туда берегом, так как вода теперь стоит низко?

Я ответил утвердительно на оба вопроса.

— Вы меня извините, если я попрошу вас пойти скорее,— сказал сыщик.— Мне нужно, прежде чем стемнеет, отыскать то место, где она сошла с берега.

Мы прошли, как мне кажется, шагов двести к Коббс-Голлу, как вдруг сыщик Кафф опустился на колени, словно почувствовал внезапное желание помолиться богу.

— Можно кое-что сказать в пользу вашего морского вида,— заметил он.— Вот женские следы, мистер Беттередж! Назовем их следами Розанны, пока не найдем неопровергимых доказательств противоположного. Следы затертые, заметьте,— с умыслом затертые, сказал бы я. Ах, бедняжка! Она знает так же хорошо, как и я, предательские особенности песка. Но не слишком ли торопливо стирала она следы? Вот один идет из Коббс-Голла, а другой обратно. Не правда ли, носок ее ботинка прямо указывает на воду? И не вижу ли я отпечатки двух каблуков дальше по берегу и также возле воды? Я не хочу оскорблять ваши чувства, но боюсь, что Розанна хитра. Она как будто намеревалась пройти к тому месту, откуда мы сейчас ушли, не оставив на песке следов, по которым ее можно было бы отыскать. Не допустить ли нам, что она шла по воде, пока не дошла до выступа скал, что позади нас, и вернулась той же дорогой, а потом опять пошла по берегу, где еще остались следы двух каблуков? Да, мы это допустим. Это согласуется с моим предположением, что у нее было что-то под плащом, когда она выходила из хижины. Нет, не для того, чтобы уничтожить это,— ведь тогда ни к чему были бы все эти старания не дать мне отыскать место, где кончилась ее прогулка! А для того, чтобы спрятать это здесь,— вот, думается, более правильная догадка. Может быть, зайдя в хижину, мы узнаем, что именно она несла?

Моя сыскная лихорадка вдруг пропала.

— Я вам не нужен,— сказал я.— Какую пользу могу я вам принести?

— Чем больше узнаю вас, мистер Беттередж,— сказал сыщик,— тем больше добродетелей открываю в вас. Скромность! О господи! Как редко встречается скромность на

белом свете и как много этой редкой добродетели в вас! Если я один войду в хижину, хозяева вряд ли ответят на первый мой вопрос. Если же я войду с вами, меня представит уважаемый сосед, и беседа потечет непринужденно. В таком свете представляется это дело мне; а как оно представляется вам?

Не придумав удачного ответа так скоро, как мне хотелось бы, я постарался выиграть время, спросив, в какую хижину он хочет войти.

Когда сыщик описал мне место, я тотчас узнал хижину рыбака, по имени Йолланд, живущего там с женой и двумя взрослыми детьми — сыном и дочерью. Если вы оглянетесь несколько назад, вы припомните, что, представляя впервые вашему вниманию Розанну Спирман, я упомянул, что, бывая на Зыбучих песках, она изредка посещала друзей в Коббс-Голле. Друзья эти и были Йолланды — почтенные, достойные люди, делавшие честь всей округе. Знакомство Розанны с ними началось, собственно, с их хромой дочери, которую соседи прозвали Хромоножкой Люси. Калеки-девушки, по-видимому, прониклись симпатией друг к другу. Как бы то ни было, Йолланды и Розанна, хотя и встречались редко, всегда были в теплых, дружеских отношениях. И то, что сыщик Кафф проследил девушку до их коттеджа, заставило меня по-новому отнести к его просьбе помочь ему. Розанна пошла туда, где часто бывала, и доказать, что она была в обществе рыбака и его семьи, значило доказать, что в этом ее визите не крылось ничего преступного. Стало быть, выполнить просьбу сыщика Каффа — значило оказать девушке услугу, а вовсе не причинить ей вред.

Мы пошли в Коббс-Голл и, пока совсем не стемнело, видели следы на песке.

Когда мы дошли до хижины, выяснилось, что рыбак с сыном уехали на ловлю, а Хромоножка Люси, всегда слабая и легко утомлявшаяся, отдыхала наверху в своей спальне. И миссис Йолланд приняла нас в кухне одна. Когда она услышала, что сыщик Кафф — лицо, знаменитое в Лондоне, она поставила на стол бутылку голландского джина, положила пару новых трубок и не спускала с сыщика глаз, как будто не могла на него насмотреться.

Я спокойно сидел в углу, ожидая не без интереса, каким образом сырщик наведет разговор на Розанну Спирман. Его обычная манера начинать разговор с окличностей

сказалась и в этом случае. Он начал с королевской фамилии, с методистов и с цен на рыбу и перешел от всего этого (со своей обычной меланхолической и скрытной манерой) к пропаже Лунного камня, к злобности нашей старшей горничной и к жестокому обращению служанок с Розанной Спирман. Дойдя, таким образом, до главного предмета, он о себе самом сказал, что наводит справки о пропаже алмаза отчасти для того, чтобы отыскать его, отчасти для того, чтобы оправдать Розанну от несправедливых подозрений ее врагов в нашем доме. Через четверть часа после нашего прихода добрая миссис Йолланд была убеждена, что разговаривает с лучшим другом Розанны, и уговаривала сыщика Каффа подкрепиться из голландской бутылочки, чтобы немножко ободриться и повеселеть.

Будучи твердо уверен, что сыщик попусту тратит время с миссис Йолланд, я сидел и слушал их разговор почти так, как, бывало, прежде слушал в театре актеров. Знаменитый Кафф выказал удивительное терпение, уныло пытая счастье и так и эдак и производя выстрел за выстрелом, так сказать, наудачу — авось попадет в цель. Все — к чести Розанны, ничего — ей во вред, — вот как это кончилось, сколько он ни старался. Миссис Йолланд говорила без передышки и поверила сыщику все свои тайны. Когда мы взглянули на часы и встали с намерением проститься, он сделал последнюю попытку.

— Теперь я пожелаю вам доброго вечера, сударыня,— произнес сынчик,— и скажу на прощание: ваш покорнейший слуга — искренний доброжелатель Розанны Спирман. Но, боже мой, ей не следует оставаться на этом месте! Мой совет ей — оставить его.

— Господи помилуй, да ведь она его и оставляет! — вскричала миссис Йолланд.

Розанна Спирман оставляет нас! Я навострил уши. Мне показалось странным, чтобы не сказать более, что она не предупредила ни миледи, ни меня. В душе моей возникло сомнение: не попал ли в цель последний выстрел сыщика Каффа? Я начал сомневаться, так ли уж безвредно было мое участие во всем этом деле, как думал я сам. Может быть, сынчик заставил проговориться честную женщину, запутав ее в сети своих лживых уловок? Но мой долг был, как доброго протестанта,— вспомнить, что отец лжи — дьявол и что дьявол и зло никогда не бывают далеко друг от друга. Почуяв в воздухе что-то недобroе, я хотел было

увести сыщика. Однако он тотчас снова уселся и попросил позволения подкрепиться последним глотком из голландской бутылочки. Миссис Йолланд села напротив него и налила ему рюмочку. Я двинулся к выходу, очень встревоженный, и сказал, что, кажется, должен с ними проститьсь, а между тем все медлил и не уходил.

— Итак, она намерена оставить свое место? — спросил сыщик.— Что же она будет делать, когда его оставит?.. Грустно, грустно! У бедняжки ведь нет никого на свете, кроме вас и меня.

— Есть! — возразила миссис Йолланд.— Она пришла сюда, как я вам уже сказала, нынче вечером и, посидев и поговорив немножко с моей дочерью Люси и со мной, попросила позволения побывать одной наверху в комнате Люси. Это единственная комната в нашем доме, где есть чернила и перо. «Мне нужно написать письмо к одному другу,— сказала она,— а я не могу этого сделать у нас в доме, где за мной подсматривают другие служанки». К кому было это письмо, я вам сказать не могу; только, должно быть, оно было очень длинно, судя по тому, сколько времени просидела она над ним наверху. Я предложила ей почтовую марку, когда она сошла вниз. Но письма в руках у нее не было, и марки она не приняла. Бедняжечка, как вам известно, немножко скрытна насчет себя и своих поступков. Но у нее есть где-то друг, уж за это я поручусь вам, и к этому-то другу, помяните мое слово, она и поедет.

— Скоро? — спросил сыщик.

— Как только сможет,— ответила миссис Йолланд.

Тут я опять отошел от двери. Как глава прислуги миледи, я не мог допустить, чтобы в моем присутствии продолжался такой бесцеремонный разговор о том, уйдет наша служанка или не уйдет.

— Вы, должно быть, ошибаетесь насчет Розанны Спирман,— сказал я.— Если б она хотела оставить свое место, она прежде всего сообщила бы об этом мне.

— Ошибаюсь? — вскричала миссис Йолланд.— Только час назад она купила у меня самой несколько вещей для дороги, мистер Беттередж, вот в этой самой комнате!.. Да, кстати, о Розанне и ее деньгах,— прервала себя несносная женщина, начав шарить в кармане.— У меня кое-что на совести... Увидит ли ее кто-нибудь из вас, когда вы вернетесь домой?

— С величайшим удовольствием передам ваше поручение бедняжке,— ответил сыщик Кафф, прежде чем я успел ввернуть слово.

Миссис Йолланд вынула из кармана несколько шиллингов и шестипенсовых монет и, держа их на ладони, пересчитала одну за другой с особенной и предосадной щадительностью. Она протянула эти деньги сыщику, хотя по лицу ее было видно, что ей не очень-то хочется расстаться с ними.

— Могу я вас просить передать эти деньги Розанне с моим поклоном и приветом? — сказала миссис Йолланд.— Она непременно хотела заплатить мне за несколько вещей, которые ей понадобились сегодня вечером, а деньгам мы всегда рады, об этом спорить не стану. А все-таки мне как-то неловко, что я взяла у бедняжки накопленные тяжелым трудом деньги. И, сказать вам по правде, не думаю, что мужу моему будет приятно услышать, когда он вернется завтра утром, что я взяла деньги у Розанны Спирман. Пожалуйста, скажите ей, что я с радостью дарю ей вещи, которые она купила у меня. Не оставляйте денег на столе,— сказала миссис Йолланд, вдруг выложив их перед сыщиком, словно они жгли ей пальцы,— а не то — времена нынче трудные, плоть слаба, и, пожалуй, мне захочется опять положить их в карман.

— Пойдемте! — позвал я Каффа.— Мне нельзя дальше ждать: я должен вернуться домой.

— Сейчас последую за вами,— ответил сыщик Кафф.

Во второй раз подошел я к двери, и во второй раз, как ни старался, не мог перешагнуть через порог.

— Возвращать деньги — дело щекотливое, сударыня,— услышал я голос сыщика.— Вы и так, наверное, дешево с нее взяли.

— Дешево? — сказала миссис Йолланд.— Судите сами.

Она взяла свечу и повела сыщика в угол кухни. Если бы даже дело шло о моей жизни, я не мог бы удержаться, чтобы не пойти за нею. В углу была навалена целая куча разного лома (по большей части старого металла), который рыбак набрал в разное время с потонувших кораблей и не успел еще распродать.

Миссис Йолланд засунула руку в этот хлам и вынула оттуда старый жестяной ящичек с крышкой и кольцом, для того чтобы его вешать,— такие ящики, покрытые черным лаком, употребляются на кораблях для географических

и морских карт, чтобы предохранить их от сырости.

— Вот! — сказала она.— Когда Розанна пришла сюда сегодня, она выбрала у меня точно такой ящичек. «Этот как раз годится,— сказала она,— для моих манжеток и воротничков, чтобы они не смялись в чемодане». Один шиллинг и девять пенсов, мистер Кафф. Хоть сейчас умереть на месте, ни полпенни больше!

— Экая дешевка! — промолвил сыщик с тяжелым вздохом.

Он взвесил ящичек на руке. Мне послышался мотив «Последней летней розы», когда он глядел на ящичек. Не было никакого сомнения: он открыл что-то новое во вред Розанне Спирман, открыл в таком именно месте, где, как я был убежден, репутация ее в безопасности,— и все через меня! Предоставляю вам судить о моих чувствах и о том, как искренне я раскаялся, что помог знакомству мистера Каффа с миссис Йолланд.

— Довольно,— сказал я,— нам, право, пора идти.

Не обращая на меня ни малейшего внимания, миссис Йолланд опять засунула руку в хлам и на этот раз вытащила оттуда собачью цепь.

— Взвесьте на руке, сэр,— сказала она сыщику.— У нас было три таких цепочки, и Розанна взяла две. «Зачем вам, душечка, нужны такие цепочки?» — говорю я. «Я скреплю их вместе и обвязжу ими чемодан», — говорит она. «Веревка будет дешевле», — говорю я. «А цепь надежнее», — говорит она. «Разве чемоданы обвязывают цепью?» — говорю я. «О, миссис Йолланд, не возражайте,— говорит она,— уступите мне цепочки!» Странная девушка, мистер Кафф! Золотая душа и любит мою Люси, как родная сестра, но всегда была со странностями. Ну, я отдала их ей. Три шиллинга и шесть пенсов! Честное слово, только три шиллинга и шесть пенсов, мистер Кафф.

— За каждую? — спросил сыщик.

— За обе,— ответила миссис Йолланд.— Три шиллинга шесть пенсов за обе.

— Даром отдали, сударыня,— покачал сынок головой,— даром отдали!

— Вот они, деньги,— сказала миссис Йолланд, возвращаясь к кучке серебра, лежавшей на столе и как будто против ее воли притягивавшей ее.— Розанна только и купила, что этот ящичек и цепочки. Один шиллинг девять

пенсов и три шиллинга шесть пенсов — всего-навсего пять шиллингов и три пенса. Кланяйтесь ей и скажите, что совесть не позволяет мне брать у бедной девушки ее сбережения, когда они могут понадобиться ей самой.

— А мне, сударыня, совесть не позволяет возвращать деньги,— сказал сыщик Кафф.— Вы и так, можно сказать, подарили ей эти вещи — право, подарили.

— Это ваше искреннее мнение, сэр? — спросила миссис Йолланд просияв.

— В этом не может быть ни малейшего сомнения,— ответил сыщик.— Спросите мистера Беттереджа.

Не к чему было спрашивать меня. Они добились от меня только одного слова:

— Прощайте!

— Да ну, пропади они совсем, эти деньги! — вдруг вскрикнула миссис Йолланд.

С этими словами она, словно потеряв всякую власть над собой, схватила кучку серебра и быстро спрятала ее в карман.

— Видеть не могу, когда деньги валяются и никто их не берет! — Несносная женщина вдруг шлепнулась на стул, глядя на сыщика Каффа с таким выражением, словно говорила: «Деньги опять у меня в кармане, попробуйте-ка их оттуда вытянуть!»

На этот раз я не только подошел к порогу, но и перешагнул его, твердо направившись домой. Объясняйте как можете, но я чувствовал, что кто-то из них или оба они вместе смертельно оскорбили меня. Не успел я сделать несколько шагов, как услышал, что сынок догоняет меня.

— Благодарю вас за это знакомство, мистер Беттередж,— сказал он.— Я обязан жене рыбака совершенно новым ощущением. Миссис Йолланд озадачила меня.

У меня вертелся на языке колкий ответ: дело в том, что я был рассержен на него, так как сердился на самого себя. Но, когда он признался, что озадачен, я усомнился, действительно ли я причинил большой вред. Поэтому я молча ждал, что он скажет дальше.

— Да,— проговорил сынок, как будто читая мои мысли.— Вместо того чтобы навести меня на след, вы, мистер Беттередж,— при вашем участии к Розанне, вам, может быть, утешительно будет это узнать,— вы, наоборот, меня с него сбили. Действия этой девушки сегодня, разумеется, довольно ясны. Она прикрепила обе цепи к кольцу ящичка;

она засунула этот ящичек в воду или в песок; другой конец цепи она прикрепила к какому-нибудь месту под скалой, известному только ей. Она оставит ящичек там до тех пор, покуда кончится производимое сейчас следствие, а потом, на свободе, сможет опять вынуть его из тайника, когда ей заблагорассудится. До сих пор все совершенно ясно. Но,— прибавил сыщик с впервые замеченным мной за все это время оттенком нетерпения в голосе,— вопрос в том, что, черт побери, спрятала она в этом ящице?

Я подумал про себя: «Лунный камень!» Но вслух спросил только:

— Неужели вы не догадываетесь?

— Это не алмаз,— ответил он.— Весь опыт моей жизни ничего не стоит, если Розанна Спирман взяла алмаз.

Когда я услышал эти слова, меня снова начала трясти сыскная лихорадка, и я до того забылся, заинтересованный этой новой загадкой, что воскликнул опрометчиво:

— Запачканная одежда!

Сыщик Кафф вдруг остановился в темноте и положил свою руку на мою.

— Когда что-нибудь бросают в ваши Зыбучие пески, выходит ли это опять на поверхность? — спросил он.

— Никогда,— ответил я.— Будь это легкая или тяжелая вещь, а уж Зыбучие пески втянут в себя все и навсегда.

— Розанна Спирман это знает?

— Так же хорошо, как и я.

— Значит, ей стоило только обмотать камень запачканной одеждой и попросту бросить его в Зыбучие пески,— сказал сынщик.— Нет ни малейшей надобности в том, чтобы прятать ее,— а между тем она, несомненно, ее спрятала. Значит, возникает вопрос,— прибавил он, продолжая идти, — являются ли запачканная юбка или кофточка, или другой предмет чем-то таким, что необходимо сохранить во что бы то ни стало? Мистер Беттередж, если не случится никакой помехи, я должен завтра поехать во Фризинголл и узнать, что именно купила она в городе, когда доставала тайно материал, чтобы сшить новую одежду вместо запачканной. При настоящем положении дел выезжать из дома — риск, но еще больший риск продолжать действовать вслепую. Извините, что я не в духе; я потерял к себе уважение — я позволил Розанне Спирман поставить меня в тупик.

Когда мы вернулись, слуги сидели за ужином. Первый,

кого мы встретили на дворе, был полисмен, которого инспектор Сигрэв оставил в распоряжении сыщика. Мистер Кафф спросил его, вернулась ли Розанна Спирман. Да. Когда? Почти час назад. Что она сделала? Она поднялась наверх, чтобы снять шляпку и плащ, а сейчас спокойно ужинает с остальными слугами.

Ничего больше не сказав, сыщик Кафф направился к черному ходу, все более и более теряя к себе уважение. Пройдя в темноте мимо входа, он все шел и шел, хотя я и звал его, пока не остановился у ивой калитки, которая вела в сад. Когда я подошел к нему, чтобы вернуть его назад, я увидел, что он внимательно смотрит на окно в том этаже, где были спальни.

Подняв глаза, в свою очередь, я увидел, что предметом его созерцаний было окно комнаты мисс Рэчел и что огонь в этом окне мелькал взад и вперед, как будто в комнате происходило что-то необычное.

— Это, кажется, спальня мисс Вериндер? — спросил сыщик Кафф.

Я ответил утвердительно и пригласил его пойти ко мне поужинать.

Сыщик не тронулся с места, пробормотав, что он любит по вечерам дышать свежим воздухом. Я оставил его наслаждаться природой. Когда я возвращался, я услышал у калитки «Последнюю летнюю розу». Сыщик Кафф сделал новое открытие! И на этот раз ему помогло окно барышни!

Последняя мысль заставила меня опять вернуться к сыщику с вежливым замечанием, что у меня не хватает духу оставить его одного.

— Вам что-нибудь тут непонятно? — прибавил я, указывая на окно мисс Рэчел.

Судя по его голосу, к сыщику Каффи опять вернулось надлежащее уважение к собственной особе.

— Вы в Йоркшире, кажется, охотники держать пари? — спросил он.

— Ну так что ж из этого? Положим, что и так.

— Будь я йоркширец, — продолжал сырщик, взяв меня за руку, — я прозакладывал бы вам целый соверен, мистер Беттередж, что ваша молодая барышня решилась уехать из дома. Если я выиграю это пари, я готов прозакладывать вам другой соверен, что мысль об отъезде пришла к ней прежде, чем час назад.

Первая догадка сыщика испугала меня. Вторая как-то перепуталась у меня в голове с донесением полисмена, что Розанна Спирман вернулась с Зыбучих песков час назад. Обе эти догадки произвели на меня странное впечатление. Когда мы пошли ужинать, я выдернул свою руку из руки сыщика Каффа и, забыв всякое приличие, прошел прежде него в дверь, чтобы самому навести справки.

Первым человеком, встреченным мною в передней, был лакей Самюэль.

— Миледи ждет вас и мистера Каффа,— сказал он, прежде чем я успел задать ему вопрос.

— Давно ли она ждет? — раздался позади меня голос сыщика.

— Уже с час, сэр.

Опять! Розанна вернулась час назад, мисс Рэчел приняла какое-то необыкновенное решение, и миледи ждала сыщика — и все в течение последнего часа! Очень было неприятно, что столь различные люди и предметы связывались таким образом между собой. Я пошел наверх, не глядя на сыщика Каффа и не говоря с ним. Рука моя внезапно задрожала, когда я поднял ее, чтобы постучаться в дверь комнаты моей госпожи.

— Меня не удивит,— шепнул сынок за моей спиной,— если у вас в доме разразится сегодня какой-нибудь скандал. Не пугайтесь. Я в своей жизни улаживал и не такие затруднения.

Не успел он произнести эти слова, как я услышал голос моей госпожи, приказывавшей нам войти.

Глава XVI

В комнате миледи горела только маленькая лампа, при которой она обычно читала. Абажур был опущен так низко, что ее лицо было в тени. Вместо того чтобы поднять на нас глаза со своей обычной прямотой, она сидела возле стола и упорно не отрывала глаз от раскрытой книги.

— Мистер Кафф,— сказала она,— важно ли вам знать заранее для следствия, которое вы теперь ведете, когда кто-нибудь пожелает покинуть этот дом?

— Чрезвычайно важно, миледи.

— Стало быть, я должна сказать вам, что мисс Вериндер намерена переехать во Фризинголл, к своей тетке

миссис Эблуайт. Она покидает нас завтра рано утром.

Сыщик Кафф взглянул на меня. Я шагнул было вперед, чтобы заговорить с моей госпожой, но, признаюсь вам, почувствовал, что у меня не хватает духу на это, и отошел на прежнее место, так и не сказав ни слова.

— Могу я спросить, ваше сиятельство, когда мисс Вериндер надумала поехать к своей тетке? — осведомился сыщик.

— Около часа назад,— ответила моя госпожа.

Сыщик Кафф опять взглянул на меня. Говорят, сердце у старых людей не может биться быстро. Мое сердце не могло бы забиться сильнее, чем оно билось сейчас, если б даже мне снова сделалось двадцать пять лет!

— Я не имею никакого права,— сказал сыщик,— контролировать поступки мисс Вериндер. Я только покорнейше прошу вас отложить ее отъезд, если возможно. Мне самому необходимо съездить во Фризинголл завтра утром и вернуться к двум часам дня, если не раньше. Если бы мисс Вериндер можно было задержаться здесь до этого времени, я желал бы сказать ей два слова, неожиданно, перед самым ее отъездом.

Миледи тотчас приказала мне передать кучеру ее распоряжение, чтобы карета мисс Рэчел была подана не ранее двух часов дня.

— Имеете ли вы сказать еще что-нибудь? — спросила она затем сыщика.

— Только одно, ваша милость. Если мисс Вериндер удивится этой задержке, пожалуйста, не упоминайте, что причина этому — я.

Моя госпожа вдруг подняла голову от книги, как будто хотела сказать что-то, удержалась с большим усилием и, опять опустив глаза на раскрытую страницу, движением руки отпустила нас.

— Удивительная женщина! — сказал сыщик Кафф, когда мы вышли в переднюю.— Если бы не ее самообладание, тайна, озадачивающая вас, мистер Беттередж, раскрылась бы сегодня.

При этих словах истина наконец открылась моей глупой старой голове. На минуту я, должно быть, совсем лишился рассудка. Я схватил сыщика за ворот и прижал его к стене.

— Черт вас возьми! — закричал я.— С мисс Рэчел что-то неладно, а вы скрывали это от меня все время!

Припертый к стене сыщик только взглянул на меня, не

пытаясь сопротивляться, и даже выражение его меланхолического лица не изменилось.

— Ага! — произнес он.— Вы отгадали наконец.

Я выпустил воротник его сюртука, и голова моя опустилась на грудь. Вспомните, пожалуйста, в оправдание моей вспышки, что я служил этому семейству пятьдесят лет. Я попросил у сыщика Каффа извинения, но боюсь, что сделал это с влажными глазами и не весьма приличным образом.

— Не сокрушайтесь, мистер Беттередж,— сказал сынчик с большей добротой, чем я имел право ожидать от него.— Если бы мы, при нашей профессии, были обидчивы, мы не стоили бы ничего. Если это может служить для вас хоть каким-нибудь утешением, схватите меня опять за шиворот. Вы не имеете ни малейшего понятия, как это делать, но я извиню вашу неловкость, принимая во внимание ваши чувства.

Он скрипил углы губ, по-видимому воображая, что отпустил удачную шуточку. Я провел его в свой маленький кабинет и запер дверь.

— Скажите мне правду, мистер Кафф,— начал я,— что именно вы подозреваете? Было бы жестоко скрывать это от меня теперь.

— Я не подозреваю,— ответил сынчик Кафф,— я знаю.

Моя горячность снова стала брать верх над благородствием.

— Вы, кажется, просто хотите меня уверить,— вскинулся я,— что мисс Рэчел украла свой собственный алмаз!

— Да, — ответил сынчик,— я именно это хотел вам сказать. Мисс Вериндер прятала Лунный камень у себя с начала и до конца и доверила Розанне Спирман, потому что она была уверена, что мы будем подозревать Розанну Спирман в воровстве. Вот вам все дело как на ладони. Схватите меня опять за шиворот, мистер Беттередж... Если вам от этого будет легче, схватите меня опять за шиворот!

Господи, смилийся надо мной! От этого мне легче не стало бы.

— Приведите мне свои доводы,— вот все, что я мог ему сказать.

— Вы услышите о моих доводах завтра,— ответил сынчик.— Если мисс Вериндер откажется отложить поездку

к своей тетке,— а вы увидите, что она откажется,— я буду принужден завтра изложить все дело перед вашей госпожой. А так как я не знаю, что может из этого выйти, прошу вас находиться при этом и быть свидетелем того, что произойдет. Пока же оставим это дело. Больше, мистер Беттередж, вы ни слова не услышите от меня о Лунном камне. Ваш стол накрыт для ужина. Это одна из многих человеческих слабостей, которую я всегда щажу. Пока вы позвоните слугам, я прочту молитву.

— Желаю вам хорошего аппетита, мистер Кафф,— сказал я.— Мой аппетит пропал. Я подожду и присмотрю, чтобы вам все было подано как следует, а потом, уж извините меня, я уйду и постараюсь наедине совладать с собой.

Я видел, что ему подали все самое лучшее, и ничуть не пожалел бы, если бы он всем этим подавился.

Будучи встревожен и несчастен и не имея комнаты, где я мог бы уединиться, я пошел прогуляться по террасе и подумать обо всем в тишине и спокойствии.

Размышления мои были прерваны Самюэлем; он принес мне записку от моей госпожи.

В то время как я направился домой, чтобы прочитать эту записку при огне, Самюэль сказал, что, пожалуй, погода переменится. Мое встревоженное состояние помешало мне заметить это самому. Но сейчас, когда он обратил на это мое внимание, я услышал, что собаки беспокойны и ветер тихо воет. Подняв глаза на небо, я увидел, что тучи становятся все чернее и чернее и все быстрее и быстрее затягивают бледную луну. Близилась буря. Самюэль был прав: близилась буря.

Миледи уведомляла меня в записке, что фризинголлский судья написал ей о трех индусах. В начале будущей недели мошенников придется выпустить на волю, и, следовательно, у них будет возможность поступать, как им заблагорассудится. Если мы намереваемся задать им еще какие-нибудь вопросы, то времени терять нельзя. Забыв упомянуть об этом при встрече с сыщиком Каффом, моя госпожа приказывала мне теперь же исправить ее забывчивость. Индусы совсем выскочили у меня из головы (как, без сомнения, выскочили они из вашей). Я не видел большой пользы в том, чтобы опять возвращаться к этому предмету. Но, разумеется, тотчас же повиновался приказанию миледи.

Сыщика Каффа я нашел сидящим за бутылкой шотландского виски и положил записку миледи перед ним на стол.

К этому времени я уже почти ненавидел сыщика. Но в интересах истины должен сознаться, что в смысле находчивости это был все-таки удивительный человек.

Спустя полминуты после того, как он прочитал записку, он уже вспомнил то место в донесении инспектора Сигрэва, где говорилось об индусах, и ответ его был готов. В донесении инспектора Сигрэва сказано об одном знаменитом индийском путешественнике, хорошо знавшем индусов и их язык, не так ли? Очень хорошо. Не знаю ли я имя и адрес этого джентльмена? Опять очень хорошо. Не напишу ли их на обороте записки миледи? Очень обязан. Сыщик Кафф сам заедет к этому джентльмену, когда отправится во Фризинголл.

— Вы надеетесь, что из этого выйдет что-нибудь? — спросил я.— Инспектор Сигрэв считает, что индусы так же невинны, как младенцы.

— До сих пор все предположения инспектора Сигрэва оказывались неверными,— ответил сынщик.— Не худо бы проверить завтра, не ошибся ли инспектор Сигрэв и в индусах.

В коридоре я встретил Пенелопу и спросил, чего она ждет.

Она ждала звонка своей барышни, чтобы укладываться для завтрашнего путешествия. Из дальнейших расспросов выяснилось, что мисс Рэчел пожелала переехать к тетке во Фризинголл потому, что дом сделался для нее нестерпим и что она не может больше переносить гнусное присутствие полицейского под одной крышей с нею. Узнав полчаса назад, что ее отъезд отложен до двух часов дня, она ужасно рассердилась. Миледи, бывшая при этом, сделала ей строгий выговор, а потом (желая, по-видимому, сказать что-то дочери наедине) выслала Пенелопу из комнаты. Дочь моя чрезвычайно приуныла от перемены обстоятельств в нашем доме.

— Все идет не так, как следует, батюшка, все идет не так, как прежде. Я чувствую, что нам всем угрожает какое-то ужасное несчастье.

Я сам это чувствовал, но при Пенелопе старался казаться бодрым и спокойным. Пока мы говорили, раздался звонок мисс Рэчел. Пенелопа побежала наверх укладываться.

Я пошел другой дорогой в переднюю — посмотреть, что говорит барометр о перемене погоды.

Когда я приблизился к двери, которая вела в нижнюю залу из людской, она распахнулась мне навстречу, и Розанна Спирман пробежала мимо меня с выражением ужасного страдания на лице, крепко прижимая руку к сердцу, как будто оно у нее болело.

— Что с вами, милая моя? — спросил я, останавливая ее. — Не больны ли вы?

— Ради бога, не говорите со мной, — ответила она и, вырвавшись из моих рук, побежала на черную лестницу.

Я попросил кухарку (которая оказалась поблизости) пойти вслед за бедной девушкой. Поблизости оказались еще два человека. Сыщик Кафф тихо вышел из моей комнаты и спросил, что случилось. Я ответил, что ничего. Мистер Фрэнклин отворил дверь, ведущую на половину слуг, и, поймав меня в передней, спросил, не видел ли я Розанны Спирман.

— Она сейчас пробежала мимо меня, сэр, с весьма расстроенным лицом, и вела она себя очень странно.

— Я боюсь, что невольная причина этого расстройства — я сам, Беттередж.

— Вы, сэр?

— Не могу себе этого объяснить, но, если девушка замешана в пропаже алмаза, я, право, думаю, что не далее как две минуты назад она готова была признаться во всем, избрав почему-то для этого меня.

Когда он произносил последние слова, я случайно взглянул на дверь, и мне показалось, будто она немножко приотворилась с внутренней стороны.

Неужели там кто-то подслушивал? Дверь была снова плотно притворена, когда я подошел к ней; выглянув в коридор, я увидел, как мне показалось, полы черного сюртука сыщика Каффа, исчезавшие за углом. Он знал так же хорошо, как и я, что уже не может рассчитывать на мою помощь при том обороте, какой приняло его следствие. В подобных обстоятельствах от него можно было ожидать, что он сам придет себе на помощь, и притом именно таким тайным способом.

Не будучи вполне уверен, что видел сыщика, и не желая натворить беды там, где беды уже и так было достаточно, я сказал мистеру Фрэнклину, что, должно быть, одна из

собак вошла в дом, и просил его передать мне, что именно произошло между ним и Розанной.

Мистер Фрэнклин указал на бильярд.

— Я катал шары,— сказал он,— и пытался выбросить из головы это несчастное дело об алмазе; поднял случайно глаза — и возле меня, как привидение, стоит Розанна Спирман! Она прокраилась в комнату так незаметно, что сначала я просто не знал, как поступить. Увидя, что она сильно перепугана, я спросил, не хочет ли она сообщить мне что-нибудь. Она ответила: «Да, если я смею». Зная, в чем ее подозревают, я мог только в одном смысле истолковать эти слова. Признаюсь, мне стало неловко. Я не желал вызывать откровенности этой девушки. В то же время, при тех трудностях, какие сейчас окружают нас, я был бы просто не вправе отказаться выслушать ее, если она действительно желала что-то сказать мне. Положение было неудобное, и, кажется, я вышел из него довольно неловко. Я сказал ей: «Я не совсем понимаю вас. Чем могу вам служить?» Имейте в виду, Беттередж, что я говорил с ней отнюдь не сурово; бедная девушка не виновата в том, что она некрасива. Кий еще был в моих руках, и я продолжал катать шары, чтобы скрыть свою неловкость. Между тем этим я еще более ухудшил дело. Кажется, я оскорбил ее, не имея на это ни малейшего намерения. Она вдруг отвернулась, и я услышал, как она сказала: «Он смотрит на бильярдные шары, ему приятнее смотреть на что угодно, только не на меня!» И, прежде чем я успел удержать ее, она выбежала из зала. У меня неспокойно на душе, Беттередж... Не возьметесь ли вы передать Розанне, что я не хотел быть неласковым с нею? Может быть, в мыслях своих я был немного жесток к ней — я чуть ли не надеялся, что пропажу алмаза можно приписать ей. Не из недоброжелательства к бедной девушке, но...

Тут он замолк и, вернувшись к бильярду, принялся опять катать шары.

После того, что произошло между сыщиком и мной, я знал, что именно не договорил мистер Фрэнклин, не хуже его самого.

Только открытие, что Лунный камень был украден нашей второй служанкой, могло теперь избавить мисс Рэчел от подозрений сыщика Каффа. Дело шло уже не о том, чтобы успокоить нервное раздражение моей барышни; дело шло о том, чтобы доказать ее невиновность. Если бы Розанна ничем

не скомпрометировала себя, надежда, которую чувствовал мистер Фрэнклин, как сам он признался, была бы по совести жестокой относительно нее. Но дело обстояло не так. Она притворилась больной и тайно ходила во Фризинголл. Она не спала всю ночь и делала или уничтожала что-то секретно. И она ходила к Зыбучим пескам в этот вечер при обстоятельствах чрезвычайно подозрительных, чтобы не сказать больше. По всем этим причинам (как ни жаль мне было Розанны) я не мог не думать, что взгляд мистера Фрэнклина на это дело был естествен и понятен.

Я сказал ему об этом.

— Да-да,— ответил он.— Но есть еще надежда — конечно, очень слабая,— что поведение Розанны может иметь какое-то объяснение, которого мы сейчас еще не видим. Я терпеть не могу обижать женщин, Беттередж. Передайте бедной девушке, о чем я просил вас. Если она пожелает говорить со мною — все равно, попаду я через это в беду или нет,— пришлите ее ко мне в библиотеку.

С этими добрыми словами он положил кий и оставил меня.

Наведя справки в людской, я узнал, что Розанна ушла в свою комнату, отклонив всякую помощь кухарки и прося только об одном: чтобы ее оставили в покое. Вопрос об ее исповеди кому бы то ни было отпал на сегодня. Я передал об этом мистеру Фрэнклину, который затем покинул библиотеку и пошел спать.

Я гасил огни и запирал окна, когда Самюэль пришел ко мне и сказал, что мистер Кафф куда-то исчез. Его нигде нельзя было отыскать в нижнем этаже дома. Я заглянул в свою комнату. Совершенно справедливо: там никого не было; я обнаружил только пустой стакан и сильный запах горячего грата. Может быть, сыщик сам ушел в спальню, приготовленную для него? Я пошел наверх посмотреть.

Когда я добрался до второй площадки, мне послышался слева звук тихого и мерного дыхания. Левая сторона площадки вела в коридор, сообщавшийся с комнатой мисс Рэчел. Я заглянул туда, и там, свернувшись на трех стульях, поставленных поперек коридора, с красным носовым платком, обвязанным вокруг его седовласой головы, лежал и спал сыщик Кафф, положив себе под голову вместо подушки свернутый черный сюртук.

Он проснулся тотчас, тихо, как собака, как только я подошел к нему.

— Спокойной ночи, мистер Беттередж,— сказал он.
— Что вы тут делаете? — спросил я.— Почему вы не легли в постель?

— Я не лег в постель,— ответил сыщик,— потому, что принадлежу к числу тех многих людей на этом жалком свете, которые не могут зарабатывать свои деньги одновременно легко и честно. По странному стечению обстоятельств возвращение Розанны Спирман с Зыбучих песков совпало с решением мисс Вериндер оставить дом. Что бы ни спрятала Розанна, мне ясно, что ваша молодая барышня не могла уехать, пока не узнала, что это спрятано. Они уже успели поговорить друг с другом. Если же они решат поговорить еще раз, когда в доме все стихнет, я хочу этому помешать. Браните не меня, что я расстроил ваши расположения насчет спальни, мистер Беттередж,— браните алмаз.

— Желал бы я, чтобы этот алмаз никогда не попадал в наш дом! — вырвалось у меня.

Сыщик Кафф с плачевной миной взглянул на три стула, к которым он сам себя приговорил в эту ночь, и ответил серьезно:

— И я также.

Глава XVII

Ночью ничего не произошло, и (я счастлив добавить!) мисс Рэчел и Розанна не делали никаких попыток свидеться — бдительность сыщика Каффа осталась невознагражденной.

Я ожидал, что сыщик Кафф тотчас же, утром, отправится во Фризинголл. Однако он задержался, словно хотел проделать прежде что-то другое. Я предоставил Каффа его собственным замыслам и, выйдя вскоре из дома, встретил мистера Фрэнклина в его любимой аллее.

Прежде чем мы успели обменяться двумя словами, сынчик неожиданно подошел к нам. Должен признаться, мистер Фрэнклин обошелся с ним довольно надменно.

— Вы хотите что-нибудь сказать мне? — вот все, что Кафф получил в ответ на вежливое пожелание доброго утра.

— Да, я хочу кое-что сказать вам, сэр,— ответил сынчик,— по поводу следствия, которое здесь произвожу. Вче-

ра вы узнали, какой оборот принимает это следствие. Весьма естественно, что, в вашем положении, вы оскорбились и огорчились. Весьма естественно также, что вы вымешиваете на мне гневное чувство, возбужденное семейным скандалом...

— Что вам нужно? — перебил мистер Фрэнклин довольно резко.

— Мне нужно напомнить вам, сэр, что до сих пор обстоятельства не подтвердили, что я ошибаюсь. Имея это в виду, вспомните также, что я полицейский чиновник и действую по поручению хозяйки дома. При настоящем положении дела, скажите, обязаны вы или нет, как добрый гражданин, помочь мне сведениями, которыми вы, весьма возможно, располагаете?

— Я не имею никаких особенных сведений,— ответил мистер Фрэнклин.

Сыщик Кафф пропустил этот ответ мимо ушей, как если бы мистер Фрэнклин не ответил вовсе.

— Вы сможете сберечь мне время, сэр, не вынуждая меня собирать ненужные сведения на стороне,— продолжал он,— если захотите понять меня и высказаться откровенно.

— Я вас не понимаю,— ответил мистер Фрэнклин,— и мне нечего сказать.

— Одна из служанок — не буду называть имени — вчера говорила с вами наедине.

И снова мистер Фрэнклин перебил его, и снова мистер Фрэнклин ответил «мне нечего сказать».

Стоя молча возле них, я вспомнил о приотворенной накануне двери и о полах сюртука, исчезнувших в коридоре. Сыщик Кафф, без всякого сомнения, слышал достаточно до той минуты, как я помешал ему, чтобы подозревать, что Розанна облегчила свою душу, признавшись в чем-то мистеру Фрэнклину Блэку.

Не успела эта мысль прийти мне в голову, как в конце дорожки появилась сама Розанна Спирман. За нею шла Пенелопа, старавшаяся, по-видимому, заставить ее вернуться назад в дом. Видя, что мистер Фрэнклин не один, Розанна остановилась, словно в недоумении, что ей делать дальше. Пенелопа ждала позади нее. Мистер Фрэнклин заметил девушки в одно время со мной. Сыщик с дьявольской хитростью сделал вид, будто совсем не заметил их. Все это случилось в одно мгновение. Прежде чем мистер Фрэнклин и я успели сказать хоть слово, сыщик Кафф как ни в чем

не бывало, будто продолжая начатый разговор, проговорил громким голосом, так, чтобы Розанна могла его услышать:

— Вам нечего бояться причинить кому-либо вред, сэр! Напротив, если вы принимаете участие в Розанне Спирман, я прошу вас удостоить меня своим доверием.

Мистер Фрэнклин тотчас же сделал вид, будто и он тоже не заметил девушку. Он ответил так же громко:

— Я не принимаю никакого участия в Розанне Спирман.

Взглянув на другой конец дорожки, я увидел, как Розанна вдруг повернула обратно, едва только мистер Фрэнклин проговорил эти слова. Вместо того чтобы сопротивляться Пенелопе, как это она делала за минуту перед тем, она позволила теперь моей дочери взять ее под руку и отвести в дом.

Раздался звонок к первому завтраку, и Кафф был теперь вынужден отказаться от дальнейших попыток узнать что-либо. Он сказал мне спокойно:

— Я поеду во Фризинголл, мистер Беттередж, и вернусь до двух часов дня.

Не сказав более ни слова, он пошел своей доро-

гой, и мы на несколько часов освободились от него.

— Вы должны объяснить это Розанне,— сказал мне мистер Фрэнклин, как только мы остались одни.— Судьба словно предназначила мне говорить или делать неловкости при этой несчастной девушки. Вы видели сами, что сыщик Кафф обоим нам подстроил ловушку. Если бы он добился того, чтобы запутать меня или раздражить ее, он мог бы заставить меня или ее сказать что-нибудь, отвечающее его цели. Под влиянием минуты я не нашел лучшего исхода, чем тот, который выбрал. Этим я помешал девушке сказать лишнее и дал понять сыщику, что вижу его нас kvозь. Очевидно, он подслушивал, Беттередж, когда мы с вами беседовали вчера.

«Мало того, что подслушивал,— хуже! — подумал я.— Сыщик вспомнил мои слова о том, что девушка влюблена в мистера Фрэнклина, и нарочно заговорил об участии мистера Фрэнклина к Розанне — так, чтобы Розанна могла услышать его ответ».

— Что до подслушивания, сэр,— заметил я (оставив при себе второй вывод),— мы все, как говорится, окажемся товарищами по несчастью, если такого рода вещи станут продолжаться. Подсматривать, подглядывать и подслушивать — естественное занятие людей, находящихся в нашем теперешнем положении. Я не забуду того, что вы мне сказали. Я воспользуюсь первым случаем, чтобы объяснить все Розанне Спирман.

— Вы еще ничего не говорили ей о прошлом вечере? — спросил мистер Фрэнклин.

— Ничего, сэр.

— Так и не говорите ничего. Мне лучше не вызывать признаний девушки, когда сыщик только того и ждет, чтобы застать нас вдвоем. Мое поведение не очень-то последовательно, Беттередж, не так ли? Если только алмаза не окажется у Розанны, я не представляю себе выхода из этого дела, о котором нельзя подумать без ужаса. А между тем я не могу и не хочу помогать сыщику Каффу уличать эту девушку.

Довольно нелогично, без сомнения. Но я и сам чувствовал то же. Я вполне его понимал. И, если хоть раз в жизни вы вспомните, что вы смертны, может быть, и вы тоже вполне поймете его.

Положение дела в нашем доме и вне дома, пока сыщик ездил во Фризинголл, было вкратце следующее.

Мисс Рэчел, упорно запершись в своей комнате, ожидала, когда ей подадут карету, чтобы ехать к тетке. Миледи и мистер Фрэнклин позавтракали вдвоем. После завтрака мистер Фрэнклин вдруг принял одно из своих внезапных решений — стремительно вышел из дома успокоить свои нервы довольно продолжительной прогулкой. Только я один видел, как он ушел; он сообщил мне, что вернется до возвращения сыщика. Погода, как мы и предполагали на кануне, переменилась. За проливным дождем вскоре после рассвета подул сильный ветер. Весь день было свежо и ветreno. Хотя тучи нависли мрачнее прежнего, дождя не было. Погода для прогулки человека молодого и здорового, способного вынести сильные порывы ветра с моря, была недурна.

После завтрака я помогал миледи просматривать наши домашние счета. Она только раз коснулась в разговоре расследования и только для того, чтобы запретить упоминать о нем.

— Подождите, пока вернется этот человек,— сказала она, имея в виду сыщика,— мы тогда будем обязаны говорить об этом. Сейчас нас никто к тому не принуждает.

Расставшись с миледи, я нашел в своей комнате поджидавшую меня Пенелопу.

— Батюшка, прошу вас, пойдите и поговорите с Розанной,— сказала она.— Я очень беспокоюсь за нее.

Я отлично понимал, в чем дело. Но у меня правило, чтобы мужчины, как существа высшие, воздействовали на женщин где только возможно. Если женщина хочет заставить меня что-нибудь сделать (дочь моя или кто другой, это не имеет значения), я всегда желаю знать: для чего? Чем чаще вы заставите их шевелить мозгами, выискивая резон, тем более покладистыми найдете вы их в течение всей жизни. Не вина этих бедняжек, что они сперва действуют, а уже потом соображают. Это вина тех, кто по-такает им, как дурак. Причину, приведенную по данному поводу Пенелопой, передаю ее собственными словами:

— Боюсь, батюшка, что мистер Фрэнклин, сам не желая того, жестоко оскорбил Розанну.

— А зачем она пошла в эту аллею? — спросил я.

— По собственному сумасбродству,— ответила Пенелопа,— не могу назвать это другим словом. Она хотела го-

ворить с мистером Фрэнклином сегодня утром во что бы то ни стало. Я употребила все усилия, чтобы остановить ее; вы сами видели это. Если бы только я могла увести ее, прежде чем она услышала эти ужасные слова!

— Полноте, полно! — сказал я.— Не преувеличивай. Ничего особенного не произошло, от чего Розанна могла бы прийти в отчаяние.

— Ничего особенно не произошло, батюшка, только мистер Фрэнклин сказал, что не принимает в ней никакого участия и — ох! — таким жестоким тоном!

— Он сказал это, чтобы зажать рот сыщику.

— Я говорила ей, но, батюшка, он (правда, против своей воли) уже много недель подряд унижал и огорчал ее, и в довершение еще и это! Она просто ужаснула меня, батюшка, когда мистер Фрэнклин сказал эти слова. Она как будто окаменела, услышав их. А потом вдруг сделалась необыкновенно спокойной и продолжает с тех пор работать как во сне.

Я почувствовал тревогу. Было что-то в голосе Пенелопы, заставившее замолчать мой рассудок. Я вспомнил, что произошло между мистером Фрэнклином и Розанной вчера в бильярдной. Она была тогда поражена в самое сердце, а сейчас, на беду, бедняжку опять уязвили в самое чувствительное место.

Я обещал мистеру Фрэнклину поговорить с Розанной, и теперь наступил самый подходящий момент сдержать обещание.

Розанна в своем скромном ситцевом платье подметала коридор, бледная и спокойная, и, как всегда, опрятная. Только глаза ее были странно тусклы — не то чтобы они были заплаканы, но как будто смотрели на что-то слишком пристально. Может быть, то был туман, нагнанный ее собственными мыслями. Вокруг нее не было, конечно, ничего, что она бы уже не видела и перевидала сотни и сотни раз.

— Поднимите-ка голову, Розанна! — сказал я.— Не мучайте себя собственными фантазиями. Я пришел передать вам кое-что от мистера Фрэнклина.

Я изложил перед нею все дело с настоящей точки зрения в самых дружелюбных и успокоительных словах, какие только мог придумать. Мои правила относительно слабого пола, как вы уже могли заметить, очень строги. Но каким-то образом, когда я становлюсь лицом к лицу с

женщинами, правила эти, признаюсь, на практике не применяются.

— Мистер Фрэнклин очень добр и внимателен. Пожалуйста, поблагодарите его.

Вот все, что она сказала мне в ответ. Дочь моя уже заметила, что Розанна занималась своим делом, как во сне; прибавлю, что она и слушала и говорила тоже как во сне. Сомневаюсь, поняла ли она то, о чем я ей говорил.

— Уверены ли вы, Розанна, что понимаете мои слова? — спросил я.

— Совершенно уверена.

Она повторила это не как живая женщина, а как заводная кукла. Говоря, она продолжала все время мести коридор. Я взял у нее из рук щетку, так кротко и ласково, как только мог.

— Полно, полно, милая моя,— сказал я,— вы как будто сами не своя. У вас есть что-то на душе. Я ваш друг и останусь вашим другом, даже если за вами есть какой-нибудь грешок. Будьте откровенны со мной, Розанна, будьте откровенны!

Было время, когда, говоря с нею таким образом, я вызвал бы слезы на ее глаза. Теперь я не увидел в них никакой перемены.

— Да,— механически произнесла она,— я расскажу все откровенно.

— Миледи?

— Нет.

— Мистеру Фрэнклину?

— Да, мистеру Фрэнклину.

Я не знал, что ей ответить на это. Она находилась в таком состоянии, что никак не смогла бы понять предостережения не говорить с мистером Фрэнклином наедине, которое он посоветовал мне сделать ей. Пробуя ощупью следующий свой шаг, я сказал ей, что мистер Фрэнклин вышел погулять.

— Это все равно,— ответила она,— я больше не стану беспокоить мистера Фрэнклина сегодня.

— Почему бы вам не поговорить с миледи? — спросил я.— Вы облегчили бы себе душу в беседе с сострадательной госпожой, всегда относившейся к вам сердечно.

Она посмотрела на меня с минуту с серьезным и пристальным вниманием, будто старалась запечатлеть в памяти

мои слова. Потом взяла из рук моих щетку и пошла с нею медленно вдоль коридора.

— Нет,— сказала она, продолжая мести,— я знаю лучший способ облегчить свою душу.

— Какой?

— Пожалуйста, позвольте мне продолжать мою работу!

Пенелопа пошла вслед за нею, предлагая ей помочь.

Она ответила:

— Нет. Я хочу сама закончить свою работу. Благодарю вас, Пенелопа.

— Она взглянула на меня.

— Благодарю вас, мистер Беттередж.

Ничем нельзя было тронуть ее, не о чем было говорить с ней. Я сделал знак Пенелопе уйти со мной. Мы оставили ее, как нашли, метущую коридор словно во сне.

— Это дело нашего доктора,— сказал я,— тут мы беспомощны.

Дочь моя напомнила мне о том, что мистер Канди болеет — как вы, может быть, помните — еще с того самого вечера, после званого обеда у нас. Его помощник, некий мистер Эзра Дженнингс, был, разумеется, к нашим услугам. Но в нашей местности мало кто его знал.

Я решил переговорить с миледи. Но миледи заперлась с мисс Рэчел. Мне было невозможно увидеть ее, покуда она не выйдет оттуда.

Я долго ждал понапрасну, пока часы на парадной лестнице не пробили без четверти два. Через пять минут меня окликнули с дорожки перед домом. Я тотчас узнал этот голос: сыщик Кафф вернулся из Фризинголла.

Глава XVIII

Подойдя к парадной двери, я встретил сыщика уже на ступенях лестницы.

Не по нутру мне было выказывать ему, после того что произошло между нами, хоть сколько-нибудь интереса к его делам; и все же этот интерес был настолько силен, что я не смог устоять. Чувство собственного достоинства спряталось вглубь, а наружу вырвались слова:

— Что нового во Фризинголле?

— Я видел индусов,— ответил сынщик Кафф,— и уз-

нал, что именно Розанна покупала тайком в городе в прошлый четверг. Индусы будут освобождены в среду на будущей неделе. Я нисколько не сомневаюсь, так же как не сомневается мистер Мертуэт, что они приходили сюда для того, чтобы украсть Лунный камень. Однако расчеты их были расстроены тем, что случилось здесь в среду ночью, и они так же мало замешаны в пропаже алмаза, как и вы. Но я могу вам сказать одно, мистер Беттередж: если мы не найдем Лунного камня, то найдут они. Вы еще услышите об этих трех фокусниках.

Мистер Фрэнклин возвращался с прогулки, когда сыщик произнес эти удивительные слова. Преодолев свое любопытство лучше, чем сумел это сделать я, он прошел мимо нас в дом. А я, раз пожертвовав собственным достоинством, решился полностью воспользоваться принесенной жертвой.

— Это насчет индусов; а как насчет Розанны?

Сыщик Кафф покачал головой:

— С этой стороны тайна темнее, чем прежде. Я проследил ее до лавки во Фризинголле, принадлежащей торговцу полотном, по имени Молтби. Она не купила ничего в других лавках — ни у суконщиков, ни у модисток, ни у портных. Она и у Молтби купила только большой кусок полотна и особенно интересовалась его добротностью. А что до количества, она взяла достаточно, чтобы хватило на ночную сорочку.

— Чью ночную сорочку?

— Свою собственную, разумеется. Между полночью и тремя часами утра в четверг, пока все вы спали, она, должно быть, прошла в комнату своей барышни, чтобы договориться, куда спрятать Лунный камень. При возвращении оттуда заделаочной рубашкой за свежевыкрашенную дверь. У нее не было возможности смыть пятно, не смела она и уничтожить рубашку, не запасвшись другой, совершенно такой же, чтобы весь комплект ее белья оказался в целости.

— Какое у вас доказательство, что это ночная рубашка Розанны?

— Материал, купленный ею для замены,— ответил сырщик.— Если бы дело шло о ночной рубашке мисс Вериндер, она должна была бы купить кружева, оборки и бог знает еще что и не успела бы сшить ее за одну ночь. Кусок простого полотна означает простую рубашку служанки.

Нет-нет, мистер Беттередж, все это довольно ясно. Затруднение состоит в том, чтобы ответить на вопрос: почему, сшив новую ночную рубашку, она спрятала запачканную, вместо того чтобы ее уничтожить? Если девушка не захочет объясниться, есть только один способ разгадать эту загадку: обыскать Зыбучие пески. И тогда истина откроется.

— Как же вы найдете настоящее место? — осведомился я.

— Сожалею, что не могу удовлетворить вашего любопытства, — сказал сыщик. — Но это секрет, который я намерен оставить при себе.

Чтобы не дразнить ваше любопытство, как он раздразнил мое, скажу здесь заранее, что он вернулся из Фризинголла с разрешением на обыск. Его опыт в подобных делах подсказал ему, что Розанна, по всей вероятности, носит при себе памятную записку о том месте, куда она спрятала вещь, — на случай, если ей придется вернуться туда при изменившихся обстоятельствах и после продолжительного времени. Завладев этой запиской, сыщик располагал бы всем, что ему было нужно.

— А теперь, мистер Беттередж, — продолжал он, — оставим-ка предположения и перейдем к делу. Я поручил Джойсу наблюдать за Розанной. Где Джойс?

Джойс был фризинголлский полисмен, которого инспектор Сигрев оставил в распоряжение сыщика Каффа. В ту минуту, когда он задал мне этот вопрос, часы пробили два. И аккуратно в назначенное время подъехал экипаж, чтобы отвезти мисс Рэчел к ее тетке.

— Два дела зараз не сделаешь, — проговорил сыщик, останавливая меня, когда я направился было на поиски Джойса. — Прежде всего надо заняться мисс Вериндер.

Так как небо по-прежнему хмурилось, для мисс Рэчел подали карету. Сыщик Кафф сделал Самюэлю знак сойти к нему с запяточками.

— Один мой приятель ждет за деревьями, не доезжая ворот, — сказал он. — Этот приятель, не останавливая кареты, прыгнет к вам на запяточки. Вам следует попридержать свой язык и закрыть на это глаза, иначе у вас будет неприятность.

С таким советом он отоспал лакея на его место. Что полумал об этом Самюэль, я не знаю. Но для меня было ясно, что за мисс Рэчел установится тайное наблюдение с той

самой минуты, как она выедет из нашего дома — если она выедет. Надзор за моей барышней! Шпион позади нее на запятках экипажа ее матери! Я готов был отрезать свой собственный язык за то, что забылся и заговорил с сыщиком Каффом.

Первой из дома вышла миледи. Она стала поодаль, на верхней ступени, откуда могла видеть все, что происходило. Ни слова не сказала она ни сыщику, ни мне. Сжав губы и спрятав руки под легкий плащ, который она накинула на себя, выходя на воздух, миледи стояла неподвижно, как статуя, в ожидании дочери.

Через минуту вышла Рэчел, очень мило одетая в костюм из какой-то мягкой желтой материи, которая шла к ее смуглому лицу. Жакет плотно облегал ее стан. На голове у нее была щегольская соломенная шляпка с белым вуалем, на руках перчатки цвета буковицы, обтягивавшие ей пальцы, как вторая кожа. Ее чудные черные волосы казались из-под шляпки гладкими, как атлас. Ее маленькие ушки напоминали розовые раковины: с каждого свисала жемчужина. Она быстро подошла к нам, прямая, как лилия на стебле, и гибкая в каждом движении, как котенок. На мой взгляд, в ее хорошеньком личике ничего не изменилось, кроме глаз и губ. Глаза были более блестящи и гневны, чем этого бы мне хотелось, а губы до того лишились своего цвета и улыбки, что я их просто не узнал. Она торопливо поцеловала мать в щеку, сказав: «Постарайтесь простить меня, мама», — и так быстро опустила вуаль на лицо, что разорвала ее. Через минуту она сбежала со ступеней и бросилась в карету, словно хотела там спрятаться.

Сыщик Кафф проявил проворство, в свою очередь. Он оттолкнул Самюэля и, держась рукой за открытую дверцу, встал перед мисс Рэчел в ту самую минуту, как она уселась на свое место.

— Что вам нужно? — спросила мисс Рэчел из-под вуали.

— Мне нужно сказать вам одно слово, мисс, прежде чем вы уедете, — ответил сыщик. — Я не смею не разрешить вам ехать к вашей тетушке, я могу только осмелиться сказать, что ваш отъезд, при настоящем положении вещей, может помешать мне найти алмаз. Поймите это и решите сами, уедете вы или останетесь.

Мисс Рэчел даже не ответила ему.

— Поезжайте, Джемс! — крикнула она кучеру.

Не говоря больше ни слова, сыщик запер дверцу ка-

реты. В ту минуту, как он запирал ее, мистер Фрэнклин сбежал с лестницы.

— Прощайте, Рэчел! — сказал он, протягивая ей руку.

— Поезжайте! — крикнула Рэчел громче прежнего, не обращая внимания на мистера Фрэнклина, как она не обратила внимания на сыщика Каффа.

Мистер Фрэнклин отступил назад, словно пораженный громом. Кучер, не зная, что ему делать, посмотрел на Миледи, все еще неподвижно стоявшую на верхней ступени лестницы. Моя госпожа, на лице которой боролись гнев, горесть и стыд, сделала кучеру знак ехать и торопливо вошла в дом. Мистер Фрэнклин, к которому возвратился дар речи, крикнул ей вслед, когда карета отъезжала:

— Тетушка, вы были совершенно правы! Примите мою благодарность за всю вашу доброту и позвольте мне уехать.

Миледи повернулась, как бы для того, чтобы заговорить с ним. Потом, словно не доверяя себе, ласково махнула рукой.

— Зайдите ко мне, прежде чем вы нас покинете, Фрэнклин,— сказала она прерывающимся голосом и ушла в свою комнату.

— Окажите мне последнюю милость, Беттередж,— обратился мистер Фрэнклин ко мне со слезами на глазах, — отвезите меня на железную дорогу так скоро, как только это возможно.

Он тоже пошел в дом. Поведение мисс Рэчел совершенно потрясло его. Как он, должно быть, ее любил!

Сыщик Кафф и я остались вдвоем около лестницы. Сыщик стоял, повернувшись лицом к просвету между деревьями, в который виднелся один из поворотов аллеи, ведущей от дома. Он сунул руки в карман и тихо насвистывал про себя «Последнюю летнюю розу».

— На все есть время! — вырвалось у меня довольно яростно.— Теперь не до свиста.

В эту минуту в аллее показалась карета, быстро движавшаяся к воротам. Кроме Самюэля, на запятках ее виднелся другой человек.

— Все в порядке,— пробормотал про себя Кафф.

Он повернулся ко мне.

— Теперь не до свиста, мистер Беттередж, как вы правильно говорите. Время приступать к делу, не щадя никого. Мы начнем с Розанны Спирман. Где Джойс?

Мы оба позвали Джойса, но не получили ответа. Я послал одного из помощников конюха отыскать его.

— Вы слышали, что я сказал мисс Вериндер? — спросил сыщик, пока мы ждали. — И вы видели, как она это приняла? Я говорю ей прямо, что ее отъезд может помешать мне найти алмаз, — и она уезжает, несмотря на эти слова! У вашей барышни есть спутник в карете ее матери, мистер Беттередж, и зовут его Лунный камень.

Я не сказал ничего. Я только твердо держался своей веры в мисс Рэчел.

Помощник конюха вернулся, за ним шел, очень неохотно, как мне показалось, Джойс.

— Где Розанна Спирман? — спросил сынщик Кафф.

— Никак не могу понять, сэр... — начал Джойс. — Мне очень жаль, но каким-то образом...

— Перед моим отъездом во Фризинголл, — сказал сынщик резко, перебивая его, — я приказал вам не спускать глаз с Розанны Спирман, не давая ей заметить, что за нею следят. Неужели вы хотите сказать мне, что позволили ей ускользнуть от вас?

— Боюсь, сэр, — пробормотал Джойс, начиная дрожать, — что я, может быть, слишком перестарался, не давая ей заметить моего надзора. В этом доме так много коридоров в нижнем этаже...

— Как давно упустили вы ее из виду?

— Около часа, сэр.

— Вы можете вернуться к вашей должности во Фризинголл, — произнес сынщик по-прежнему совершенно спокойно и со своим обычным унынием. — Мне кажется, ваши дарования не годятся для нашей профессии, мистер Джойс. Ваша теперешняя работа несколько выше ваших способностей. Прощайте.

Полисмен убрался. Мне трудно сейчас описать вам, как подействовало на меня известие об исчезновении Розанны Спирман. Мысли мои менялись с лихорадочной быстротой, словно я думал о пятидесяти разных вещах в одну и ту же минуту. Я стоял, не спуская глаз с сыщика Каффа, — дар слова совершенно изменил мне.

— Нет, мистер Беттередж, — сказал сынщик, словно угадав в потоке моих мыслей преобладающую и отвечая на нее, прежде чем на все остальные, — ваш друг Розанна не прокользнет у меня между пальцами так легко, как вы думаете. Пока я знаю, где мисс Вериндер, я держу в своих

руках средство отыскать и сообщнику мисс Вериндер. Я помешал им встретиться нынешней ночью. Очень хорошо. Они встретятся во Фризинголле, вместо того чтобы сойтись здесь. Следствие должно быть просто перенесено — несколько скорее, чем я ожидал, — из этого дома в тот дом, куда уехала мисс Вериндер. А пока, боюсь, что должен просить вас опять созвать слуг.

Я пошел с ним к людской. Недостойно меня, но приходится сознаться, что я почувствовал при последних его словах новый приступ сыскной лихорадки. Я забыл, что ненавижу сыщика Каффа, и доверчиво взял его под руку. Я сказал:

— Ради бога, скажите нам, что вы теперь будете делать со слугами?

Знаменитый Кафф остановился и с каким-то меланхолическим восторгом обратился к пустому пространству со следующими словами:

— Если бы этот человек,— произнес он, очевидно подразумевая меня,— знал еще толк в разведении роз, он был бы самым совершенным человеком во всем мироздании! — После такого сильного проявления чувств он вздохнул и взял меня под руку. — Вот в чем вопрос,— сказал он, опять переходя к делу. — Розанна сделала одно из двух: либо она прямо отправилась во Фризинголл — прежде чем я туда поспею, — либо пробралась сперва в свой тайник на Зыбучие пески. Надо узнать, кто из слуг видел ее в последний раз, прежде чем она вышла из дому.

Следствие выяснило, что последней Розанну видела Нанси, судомойка. Нанси видела, как она вышла с письмом в руках и остановила приказчика из мясной лавки, который у черной лестницы сдавал кухарке привезенное им мясо. Нанси слышала, как она просила этого человека снести на почту письмо, когда он вернется во Фризинголл. Он посмотрел на адрес и сказал, что странно сдавать письмо, адресованное в Коббс-Голл, на почту во Фризинголле, да еще в субботу, так что письмо не сможет дойти раньше понедельника. Розанна ответила ему, что, если письмо не придет до понедельника, это не имеет значения. Она только хочет, чтобы он исполнил ее просьбу. Он обещал и уехал. Нанси позвали в кухню, она вернулась к своей работе. После этого Розанны Спирман никто не видел.

— Что теперь делать дальше? — спросил я, когда мы опять остались одни.

— Дальше,— ответил сыщик,— я должен ехать во Фризинголл.

— Насчет письма, сэр?

— Да. Памятная записка, как найти то место, где она спрятала свою вещь, заключается в этом письме. Я должен взглянуть на адрес в почтовой конторе. Если это тот адрес, который я подозреваю, я нанесу нашей приятельнице, миссис Йолланд, новый визит в следующий понедельник.

Я пошел заказать сыщику кабриолет. В конюшне мы получили новое известие о пропавшей девушке.

Глава XIX

Слух об исчезновении Розанны разнесся между всеми слугами. Они начали свое собственное следствие и поймали проворного мальчишку, прозванного Деффи, которого иногда брали полоть траву в саду и который видел Розанну Спирман полчаса назад. Деффи утверждал, что девушка не прошла, а пробежала мимо него по дорожке среди аллеи, ведущей к морскому берегу.

— Мальчик знаком со здешним берегом? — спросил сыщик Кафф.

— Он родился и вырос на этом берегу,— ответил я.

— Деффи,— сказал сыщик,— хочешь заработать шиллинг? Если согласен, так пойдем со мной... Пусть кабриолет будет наготове, мистер Беттередж, когда я вернусь.

Он отправился к Зыбучим пескам с такой поспешностью, что мои ноги (хотя и хорошо сохранившиеся для моих лет) не могли бы поспеть за ним. Маленький Деффи, как это делают юные дикии в наших местах, когда им очень весело,— испустил радостный вопль и помчался вслед за сыщиком.

Тут я опять не нахожу для себя возможным дать ясный отчет о состоянии моих мыслей в промежуток между уходом и возвращением сыщика Каффа. Странная тревога охватила меня. Я проделал множество бесполезных вещей и внутри и вне дома и ни одной не могу сейчас припомнить. Я даже не знаю, сколько прошло времени после ухода сыщика к пескам, когда Деффи прибежал назад с поручением ко мне. Сыщик Кафф дал мальчику листок, вырванный из записной книжки, на котором было написано карандашом:

«Пришлите мне скорее ботинок Розанны Спирман».

Я отправил первую попавшуюся мне служанку за ботинком в комнату Розанны и отоспал мальчика назад, сказав, что принесу его лично.

Знаю хорошо, что действовать таким образом не означало быстро повиноваться полученным мною инструкциям. Но я решил проверить, куда он теперь клонит, прежде чем отдать ботинок Розанны в его руки. Прежнее желание выгородить девушки снова вернулось ко мне, когда, возможно, было уже поздно. Такое состояние чувств (не говоря уже о сыскойной лихорадке) заставило меня поспешить, как только может спешить семидесятилетний человек.

Когда я подошел к берегу, тучи сгустились и дождь хлынул сплошной белой стеной, гонимой ветром. Я слышал, как грохочут валы, разбиваясь о песчаную мель за бухтой. Несколько дальше я прошел мимо мальчика, приютившегося от дождя под дюнами. Потом я увидел бушующее море, волны, заливающие мель, пелену дождя над водой и желтый дикий берег с одинокой черной фигурой, стоявшей на нем,— фигурой сыщика Каффа.

Он указывал жестом на север и кричал:

— Держитесь этой стороны! Идите ко мне сюда!

Я, задыхаясь, пошел к нему; сердце мое билось так, будто хотело выскочить из груди. Говорить я не мог. Я хотел задать ему сто вопросов, но ни один не сорвался с моих губ. Его лицо испугало меня. Я увидел в глазах его выражение ужаса. Он выхватил ботинок из моих рук и приложил его к следам на песке, шедшим к югу от той стороны, где мы стояли, прямо к тому выступу скалы, которая называется Южным утесом. След не был еще смыт дождем, ботинок девушки как раз пришелся по нем.

Сыщик, не говоря ни слова, указал на ботинок, приведшийся к следу.

Я схватил его за руку, силясь заговорить с ним, и не мог. Он двинулся по следам к тому месту, где соединялись скалы и песок. Южный утес начинало постепенно заливать приливом; вода скрывала поверхность Эыбучих песков. То тут, то там с упорным молчанием, тяжелым, как свинец, с упорным терпением, которое страшно было видеть, сынщик Кафф прикладывал ботинок к следам и всегда находил его направленным в одну сторону — прямо туда, к скалам. Как он ни искал, он нигде не мог найти никаких

следов, ведущих оттуда.

Наконец он остановился. Он опять взглянул на меня, а потом на воду, поднимавшуюся все выше и выше над Зыбучими песками. Я посмотрел по направлению взгляда сыщика и понял, о чём он думает. Страшный трепет вдруг охватил меня. Я упал на колени в песок.

— Она приходила к своему тайнику,— услышал я голос сыщика,— и на этих скалах какая-то роковая случайность...

Изменившееся лицо девушки, ее слова и поступки, отупение, с каким она слушала меня и говорила со мною, когда я нашел ее метущей коридор несколько часов назад, пришли мне на память, доказывая, что сыщик не далек от ужасной правды. Я хотел сообщить ему о страхе, охватившем меня. Я пытался сказать: «Она умерла смертью, которую сама искала...»

Но нет, слова не сходили с моих губ. Я словно оцепенел. Я не чувствовал проливного дождя. Я не видел поднимающегося прилива. Как в бреду или во сне, я снова видел перед собой бедняжку. Я видел ее опять, как в то утро, когда я пришел сюда, чтобы привести ее домой. Я слышал опять, как она говорит мне, что Зыбучие пески притягивают ее против воли,

и спрашивает себя, не ждет ли ее тут могила. Меня охватил какой-то непонятный ужас, когда я подумал о своей дочери. Моя дочь была одних с нею лет. Моя дочь, подвергшись таким же испытаниям, как Розанна, могла жить такой же страшной жизнью и умереть такой же ужасной смертью...

Сыщик ласково поднял меня и отвел от места, где она погибла. Мне стало легче дышать, и я теперь видел предметы такими, какими они были в действительности. Обернувшись к дюнам, я заметил, что к нам бегут слуги и рыбак Йолланд; они тревожно спрашивали, нашлась ли девушка.

В немногих словах сыщик объяснил им, что показывали следы, и сказал, что, должно быть, с нею случилось несчастье. Потом, опять обернувшись к морю, он задал вопрос рыбаку:

— Скажите, могла ли лодка снять ее с того выступа скалы, где кончается ее следы?

Рыбак указал на волны, которые накатывались на мель и обдавали облаками пену мыс со всех сторон.

— Никакая лодка,— ответил он,— не уцелела бы там.

Сыщик Кафф в последний раз посмотрел на следы, видневшиеся на песке, которые смывал теперь дождь.

— Итак,— сказал он,— вот доказательство, что она не ушла отсюда пешком, а там,— он посмотрел на рыбака,— доказательство того, что она не могла уехать морем.

Он замолчал и соображал с минуту.

— Ее видели бегущей к этому месту за полчаса до того, как я пришел сюда,— сообщил он Йолланду.— После этого прошло довольно много времени — примерно час. Как высоко стояла тогда вода по эту сторону скал?

Он указал на южную сторону, то есть туда, где не было Зыбучих песков.

— Судя по тому, как вода прибывает сегодня по ту сторону утеса, час назад ее не хватило бы, чтобы утопить котенка.

Сыщик Кафф повернулся на север, к Зыбучим пескам.

— А на этой стороне? — спросил он.

— Еще меньше,— ответил Йолланд.— Зыбучие пески были бы едва смочены, не больше.

Сыщик обернулся ко мне и сказал, что несчастный случай произошел, должно быть, в Зыбучих песках.

Язык мой развязался.

— Несчастного случая не было! — воскликнул я.— Она пришла сюда, устав от жизни и чтобы здесь с ней расстаться.

Он отшатнулся.

— Откуда вам это известно? — спросил он.

Все столпились вокруг меня. Сыщик тотчас спохватился. Он оттолкнул от меня всех; он сказал, что я старик, сказал, что открытие потрясло меня, и потребовал:

— Оставьте его в покое! — Потом обернулся к Йолланду и спросил: — Есть ли возможность найти ее, когда начнется отлив?

Йолланд ответил:

— Никакой. Что попадает в эти пески, то остается там навсегда.

Рыбак сделал шаг ко мне и продолжал:

— Мистер Беттередж, я хочу сообщить вам кое-что о смерти этой молодой женщины. Вдоль этой стороны утеса в песке на глубине трех футов проходит широкий каменный выступ. Я вас спрашиваю: почему она не попала на этот выступ? Если бы она поскользнулась нечаянно, она упала бы там, где могла снова встать на ноги, и на такой глубине, что песок едва покрыл бы ее до пояса. Нет, она сознательно сошла с этого выступа или перешагнула его и бросилась в самую глубину песков,— а то она не могла бы погибнуть. Нет, случайного несчастья, сэр, не было! Зыбучие пески поглотили ее, и поглотили по ее собственной воле.

После свидетельства человека, на знание которого можно было положиться, сырщик замолчал. Мы тоже молчали, как и он. Потом мы все повернули назад и поднялись на берег.

На дюнах нам встретился помощник конюха, бежавший к нам из дома. Это был добрый малый, питавший искреннее уважение ко мне. Он подал мне записку с приличной слушаю горестью на лице.

— Меня прислала Пенелопа, мистер Беттередж,— она нашла в комнате Розанны вот эту записку.

То были ее последние прощальные слова к старику, который делал что мог — слава богу, всегда делал что мог,— чтобы помочь бедняжке.

«Вы часто прощали мне, мистер Беттередж, в прошлые

времена. В первый раз, как вы увидите Зыбучие пески, постарайтесь простить мне еще раз. Я нашла свою могилу там, где могила ждала меня. Я жила и умираю, сэр, с признательностью за вашу доброту».

Только и всего. Как ни коротка была эта записка, у меня недостало мужества устоять против таких слов. Слезы легко у вас льются, когда вы молоды и начинаете жить на свете. Слезы льются у вас легко, когда вы уже стары и покидаете свет. Я зарыдал.

Сыщик Кафф сделал шаг ко мне — с добрым намерением, не сомневаюсь. Но я с ужасом отступил от него.

— Не дотрагивайтесь до меня! — сказал я.— Это вы ее напугали, вы довели до этого!

— Вы не правы, мистер Беттередж,— ответил он спокойно.— Но об этом будет время говорить, когда мы опять вернемся в дом.

Я пошел за всеми, опираясь на руку помощника конюха. Мы вернулись под проливным дождем, чтобы встретить тревогу и ужас, ожидавшие нас в доме.

Глава XX

Шедшие впереди принесли в дом печальное известие раньше нас. Мы нашли всех слуг пораженными паническим страхом. Когда мы проходили мимо комнаты миледи, дверь распахнулась изнутри. Моя госпожа вышла к нам (за нею шел мистер Фрэнклин, напрасно стараясь успокоить ее) совершенно вне себя от ужасного происшествия.

— Это вы виноваты в этом! — вскричала она, грозя сыщику рукой.— Габриэль, заплатите этому негодяю, и чтобы я не видела его больше!

Только один сырщик из всех нас был способен сладить с нею, ибо только он один владел собою.

— Я так же мало виноват в этом горестном событии, миледи, как и вы,— сказал он.— Если через полчаса вы все еще будете настаивать на том, чтобы я оставил ваш дом, я приму отказ, но не ваши деньги.

Это было сказано очень почтительно, но в то же время и очень твердо и подействовало на мою госпожу так же, как и на меня. Она позволила мистеру Фрэнклуну увести

себя в комнату. Когда дверь затворилась за ними, сыщик взглянул на служанок и со своей обычной наблюдательностью заметил, что, в то время как другие были просто испуганы, Пенелопа была в слезах.

— Когда ваш отец переоденется,— сказал он,— придите поговорить с нами в его комнату.

Не прошло и получаса, в которые я успел сменить свое мокрое платье на сухое и дал переодеться сыщику, как Пенелопа пришла к нам узнать, что именно он хочет услышать от нее. В эту минуту я, право, особенно остро почувствовал, какая у меня добрая и послушная дочь. Я посадил ее к себе на колени и молил бога благословить ее. Она спрятала голову на моей груди и охватила руками мою шею, и некоторое время мы сидели в молчании. Должно быть, оба мы думали о бедной умершей девушки. Сыщик подошел к окну и тоже молча стал смотреть в него. Я решил, что мне следует поблагодарить его за деликатность к нам обоим, и поблагодарил.

Пенелопа и я были готовы отвечать ему, как только сынок, в свою очередь, был готов спрашивать. Когда он спросил ее, не знает ли она, что именно заставило Розанну покончить с собой, моя дочь ответила (как вы предвидите), что она это сделала из-за любви к мистеру Фрэнклину Блэку. Когда сынок спросил ее, говорила ли она об этом кому-нибудь другому, Пенелопа ответила:

— Я никому не говорила об этом, жалея Розанну.

Я счел нужным прибавить к этому несколько слов. Я сказал:

— Шадя также мистера Фрэнклина, моя милая. Если Розанна умерла из-за любви к нему, то случилось это без его ведома и не по его вине. Пусть он себе спокойно уедет отсюда сегодня; к чему напрасно огорчать его, сообщая ему истину?

Сыщик Кафф заметил: «Совершенно справедливо»,— и опять замолчал, сравнивая мнение Пенелопы (как мне показалось) со своим собственным мнением, которое он оставил при себе.

Через полчаса раздался звонок моей госпожи. Идя на зов, я встретил мистера Фрэнклина, выходившего из кабинета тетки. Он мне передал, что леди Вериндер готова принять мистера Каффа — в моем присутствии, как и прежде,— и что лично он хочет до этого сказать сыщику два слова. Возвращаясь со мной в мою комнату, он остановился

и посмотрел на таблицу расписания поездов, висевшую в передней.

— Неужели вы точно оставите нас, сэр? — спросил я.— Мисс Рэчел, наверное, одумается, если вы дадите ей время.

— Она одумается,— ответил мистер Фрэнклин,— когда услышит, что я уехал и что она не увидит меня.

Я думал, что он говорит так в раздражении на мою барышню. Но это было неверно. Госпожа моя заметила, что с того самого времени, как полиция появилась в нашем доме, одного упоминания имени мистера Фрэнклина было достаточно, чтобы заставить мисс Рэчел вспыхнуть от гнева. Он очень любил свою кузину и не хотел сознаться в этом самому себе; но истина обнаружилась, когда мисс Рэчел уехала к тетке. Он внезапно почувствовал это в тяжелую для себя минуту и тут же принял решение — единственное решение, которое мог принять человек гордый,— уехать из нашего дома.

Он говорил с сыщиком в моем присутствии. Он сказал, что миледи готова признать, что выразилась слишком запальчиво. Он спросил, согласится ли сырщик — при таком с ее стороны признании — принять вознаграждение и оставить дело об алмазе в том положении, в каком оно находится. Сыщик возразил:

— Нет, сэр, вознаграждение дается мне за исполнение моих обязанностей. Я отказываюсь принять его, пока не исполню моих обязанностей.

— Я не понимаю вас,— произнес мистер Фрэнклин.

— Я вам объясню, сэр,— ответил сырщик.— Когда я приехал сюда, то взялся надлежащим образом раскрыть темное дело пропажи алмаза. Сейчас я к этому готов и только жду возможности исполнить мое обещание. Когда я представлю леди Веринддер, в каком положении находится дело, и когда скажу ей прямо, что следует предпринять для отыскания Лунного камня, ответственность будет с меня снята. Пусть миледи сама решит после этого, продолжать дело или нет. В случае положительного ответа я закончу то, за что взялся, и приму вознаграждение.

Этими словами мистер Кафф напомнил нам, что даже полицейский сырщик имеет свое достоинство, которое он не желает утрачивать.

Точка зрения его была настолько справедлива, что возразить было нечего. Когда я встал, чтобы проводить его

в комнату миледи, он спросил, желает ли мистер Фрэнклин присутствовать при разговоре. Мистер Фрэнклин ответил:

— Нет, если только леди Вериндер сама этого не пожелает.

Он добавил мне шепотом, когда я шел за сыщиком:

— Я знаю, что этот человек собирается сказать о Рэчел, а я слишком привязан к ней, чтобы слушать это и сдержаться. Лучше мне побыть одному.

Я оставил его в большом огорчении; он облокотился на подоконник, закрыл лицо обеими руками; Пенелопа выглядывала из-за дверей в страстном желании его утешить.

Тем временем сыщик Кафф и я проследовали в комнату миледи.

Глава XXI

Первые слова, когда мы заняли свои места, были сказаны моей госпожой:

— Мистер Кафф, может быть, есть извиняющие обстоятельства для тех необдуманных слов, которые я вам сказала полчаса назад. Я, однако, не желаю ссылаться на эти обстоятельства. Я говорю с полной искренностью, что сожалею, если оскорбила вас.

Любезность, с какой она произнесла это извинение, произвела надлежащее действие на сыщика. Он попросил позволения оправдаться в своем образе действий, выставляя это оправдание как знак уважения к моей госпоже. Он сказал, что никак не может быть виной несчастья, так поразившего всех нас, по той уважительной причине, что успех всего следствия зависел от его тактичного поведения с Розанной Спирман, которую ни в коем случае не следовало волновать или пугать. Он обратился ко мне, прося засвидетельствовать справедливость его слов. Я не мог отказать ему в этом. Я думал, что на том дело и остановится.

Сыщик Кафф сделал, однако, шаг далее — очевидно, с намерением начать самое неприятное из всех возможных объяснений между леди Вериндер и им.

— Я слышал, что самоубийство молодой женщины приписывают одной причине,— сказал сыщик.— Может быть,

эта причина и существует в действительности, но она не имеет никакого отношения к тому делу, которым я здесь занимаюсь. И я должен прибавить, что усматриваю здесь другую причину. Какое-то необъяснимое беспокойство, вызванное пропажей алмаза, побудило, как я полагаю, эту бедную девушки лишить себя жизни. Я не собираюсь уверять, что знаю, чем было вызвано это странное беспокойство. Но я мог бы, с вашего позволения, миледи, указать на одну особу, которая способна решить, прав я или нет.

— Особа эта находится сейчас в доме? — спросила моя госпожа после некоторого молчания.

— Особа эта уехала отсюда, миледи.

Ответ указывал на мисс Рэчел с такой прямотой, с какой только было возможно. Наступило молчание; я думал, что оно не прервется никогда. Боже, как выл ветер, как хлестал дождь в окна! Я сидел и ждал, чтобы кто-нибудь из них заговорил опять.

— Сделайте одолжение, выскажитесь яснее,— произнесла наконец миледи.— Вы имеете в виду мою dochь?

— Я имею в виду мисс Рэчел,— ответил сыщик Кафф столь же прямо.

Когда мы вошли в комнату, на столе у миледи лежала чековая книжка — без сомнения, для того чтобы расплатиться с сыщиком. Теперь она положила ее опять в ящик. Мне больно было видеть, как дрожала ее бедная рука — рука, осыпавшая благодеяниями старого слугу; и я молил бога, чтобы эта рука держала мою руку, когда придет час моей кончины и я покину эту юдоль.

— Я надеялась,— продолжала миледи очень медленно и спокойно,— что вознагражу ваши услуги и расстанусь с вами, не упоминая имени мисс Вериндер так открыто, как оно было упомянуто между нами сейчас. Мой племянник, наверное, сказал вам об этом, прежде чем вы пришли в мою комнату?

— Мистер Блэк исполнил ваше поручение, миледи. А я объяснил мистеру Блэку причину...

— Бесполезно говорить мне об этой причине. После того что вы сейчас сказали, вы знаете так же хорошо, как и я, что вы зашли слишком далеко, для того чтобы отступать. Я обязана ради себя самой и ради своей дочери настоять, чтобы вы остались здесь и высказались прямо.

Сыщик посмотрел на часы.

— Будь у меня время, миледи, я предпочел бы сделать свое донесение письменно, а не изустно. Но, если продолжать это следствие, время слишком важно для того, чтобы терять его на письменные донесения. Я готов тотчас приступить к делу. Мне будет очень тяжело говорить, а вам слушать...

Тут моя госпожа опять остановила его:

— Может статься, будет менее тягостно и для вас и для моего доброго слуги и друга,— сказала она,— если я подам пример и смело начну говорить со своей стороны. Вы подозреваете, что мисс Вериндер обманывает нас всех, скрывая алмаз для собственной своей цели? Не так ли?

— Именно так, миледи.

— Очень хорошо. Теперь, прежде чем вы начнете, я должна вам сказать, как мать мисс Вериндер, что она совершенно не способна сделать то, в чем вы ее подозреваете. Вы узнали ее только два дня назад. А я знаю ее характер с тех пор, как она родилась. Высказывайте ваши подозрения так резко, как хотите,— вы этим не можете оскорбить меня. Я уверена заранее, что, при всей вашей опытности, в данном случае обстоятельства обманули вас. Помните, я не имею никаких тайных сведений. Дочь моя так же мало откровенна по этому поводу со мною, как и с вами. Причина, заставляющая меня говорить так положительно, одна: я знаю свое дитя.

Она обернулась ко мне и протянула мне руку. Я молча поцеловал ее.

— Вы можете продолжать,— сказала она, взглянув на сыщика опять с прежней твердостью.

Сыщик Кафф поклонился. Слова моей госпожи произвели на него только одно действие: его суровое лицо смягчилось на минуту, словно он сожалел о ней. Что до того, чтобы поколебать его убеждения, было ясно, что она не поколебала их ни на волос. Он плотнее уселся на стуле и повел свою гнусную атаку на репутацию мисс Рэчел в следующих словах.

— Я должен просить вас, миледи,— сказал он,— взглянуть на это дело и с моей точки зрения. Будьте добры представить себе, что вы приехали сюда в моей роли и с моей опытностью, и позвольте напомнить вам вкратце, в чем эта опытность состоит.

Моя госпожа наклонила голову в знак согласия. Сыщик продолжал:

— В последние двадцать лет меня часто приглашали для улаживания щекотливых семейных дел. Единственный результат моей практики в таких вопросах, имеющий отношение к настоящему делу, я могу объяснить в двух словах. Согласно полученному мной опыту, молодые девушки, знатные и богатые, часто имеют секретные долги, в которых они не смеют признаться своим ближайшим родственникам и друзьям. В одних случаях причиной этих долгов модистка и ювелир. В других деньги нужны для целей, которых я в настоящем деле не подозреваю и не хочу оскорблять вас упоминанием о них. Держите в мыслях сказанное мною, миледи, а теперь рассмотрим, как произошло в этом доме вынудили меня вспомнить мой старый опыт, хотелось ли мне этого или нет.

Он собирался несколько мгновений с мыслями, а потом продолжал, со страшной ясностью, принуждавшей нас помянуть его, с жестокой справедливостью, не щадившей никого:

— Первые сведения о пропаже алмаза я получил от инспектора Сигрэва. Он убедил меня, что совершенно не способен расследовать это дело. Единственное, что показалось мне в его словах достойным внимания,— это упоминание о том, что мисс Вериндер отказалась отвечать на его вопросы и говорила с ним с непонятной грубостью и презрением. Это было странно, но я приписал это какой-нибудь неловкости инспектора, быть может оскорбившей молодую девушку. Удержав это памяти, я занялся делом один. Исследования мои кончились, как вам известно, открытием пятна на двери; из показаний мистера Фрэнклина Блэка ясно, что это пятно и пропажа алмаза — звенья одной и той же цепи. До сих пор я подозревал,— впрочем, очень неопределенно,— что, может быть, Лунный камень и был украден и что кто-нибудь из слуг окажется вором. Очень хорошо. Что же случилось на данном этапе следствия? Мисс Вериндер вдруг вышла из своей комнаты и заговорила со мной. Я заметил три подозрительных обстоятельства: она все еще невероятно взъярена, хотя после пропажи алмаза прошло более суток; она обращается со мной так же грубо, как и с инспектором Сигрэвом; и она ужасно сердится на мистера Фрэнклина Блэка. Прекрасно. Вот, говорю я себе, молодая девушка,

лишившаяся редкой драгоценности; молодая девушка, как говорят мне мои глаза и уши, очень вспыльчивая и несдержанная. При настоящем положении вещей и обладая таким характером, что же она делает? Она выказывает непонятную вражду к мистеру Блэку, к инспектору и ко мне — другими словами, именно к тем трем лицам, которые все, разными способами, пытаются помочь ей отыскать ее пропавшую вещь. Доведя мое следствие до этой точки, миледи, я тогда, и только тогда, обратился к своей опытности. Эта опытность объяснила поведение мисс Вериндер, казавшееся иначе совершенно непонятным. Эта опытность заставила меня причислить ее к тем другим молодым девушкам, которых я знал. Эта опытность подсказала мне, что она имеет долги, в которых не смеет признаться и которые во что бы то ни стало должны быть уплачены. Я не могу не спросить себя: не значит ли пропажа алмаза только то, что он пойдет на уплату этих долгов? Вот заключение, которое моя опытность выводит из простых фактов. Что может возразить против этого ваша опытность, миледи?

— Только то, что я вам уже сказала,— ответила моя госпожа.— Обстоятельства обманывают вас.

Сыщик Кафф продолжал:

— Справедливо было мое заключение или нет, миледи, я должен был прежде всего проверить его. Я предложил вам, миледи, осмотреть всю одежду в доме. Это было единственным способом найти там платье, которое, по всей вероятности, оставило пятно на двери, и это было единственным способом проверить мое заключение. Что же из этого вышло? Вы, миледи, согласились на это. Мистер Блэк согласился, мистер Эблайт согласился. Только одна мисс Вериндер остановила следствие, отказавшись наотрез. Этот результат доказал мне, что мои подозрения справедливы. Если вы и мистер Беттередж все-таки не хотите согласиться со мной, вы должны быть слепы к тому, что произошло перед вами сегодня. В вашем присутствии я громко сказал молодой девушке, что ее отъезд — при настоящем положении дела — может помешать мне отыскать ее алмаз. Вы видели сами, как она приказала кучеру ехать, несмотря на мое заявление. Вы сами видели, что в благодарность за то, что мистер Блэк сделал более всех других, для того чтобы помочь мне разрешить загадку, она публично оскорбила мистера Блэка на лестнице дома своей

матери. Что это значит? Если мисс Вериндер не причастна к пропаже алмаза, то — что это значит?

Он взглянул на меня. Было ужасно слушать, как он, одно за другим, нанизывает доказательства против мисс Рэчел, и сознавать, что тебе, при всем страстном желании защитить ее, нечего ему возразить. Я, благодарение богу, стою выше доводов рассудка. Это помогло мне твердо удержаться на точке зрения миледи. Это помогло мне спокойно выдержать взгляд мистера Каффа. Воспользуйтесь, читатель, умоляю вас, моим примером! Это спасет вас от многих неприятностей. Воспитывайте в себе пре-восходство над доводами рассудка — и вы увидите, как непоколебимы вы будете перед усилиями других людей лишить вас спокойствия духа ради вашего собственного добра!

Видя, что и я и моя госпожа молчим, сыщик Кафф продолжал (боже, как бесило меня, что он совсем не смущился нашим молчанием):

— Таковы выводы, миледи, обвиняющие одну мисс Вериндер. Обратимся теперь к доказательствам, говорящим против мисс Вериндер и покойной Розанны Спирман вместе. Вернемся на минуту, с вашего позволения, к отказу вашей дочери осмотреть ее гардероб. После этого отказа я уже пришел к своему заключению, но мне нужно было решить для себя два вопроса. Во-первых, как мне в дальнейшем продолжать следствие? Во-вторых, имеет ли мисс Вериндер сообщницу между служанками? Старательно обдумав это, я решился вести следствие — весьма неправильным образом, с официальной точки зрения. Почему? Потому что имел дело с семейным скандалом, который не должен был выйти за пределы семьи. Чем меньше шума, чем меньше помохи от посторонних, тем лучше. Обычный способ задерживать людей по подозрению, допрашивать их на суде и тому подобное здесь совершенно не годится, если сама ваша дочь, миледи,— как я это полагаю,— была в центре всего дела. При таких условиях я чувствовал, что лицо, подобное мистеру Беттереджу, с его характером и положением в доме, знающее слуг и дорожащее честью семьи, подходит для роли помощника более всех остальных, кто был под рукой. Я взял бы в помощники мистера Блэка, но тут помешало одно обстоятельство. Мистер Блэк с самого начала подметил, куда клонится мое следствие, и, при его преданности мисс Вериндер, взаимное понимание между ним и мною стало невозможным. Я беспокою вас, миледи,

всеми этими подробностями для того, чтобы показать, что я не вынес эту тайну за пределы семейного круга. Я — единственный посторонний человек, знающий эту тайну; а моя карьера следователя зависит от того, насколько я умею молчать.

Тут я почувствовал, что моя карьера зависит от того, что я не промолчу. Быть выставленным перед моей госпожой, в мои старые годы, чем-то вроде домашнего сыщика — это было не под силу моей совести.

— Прошу позволения доложить вам, миледи,— сказал я,— что я никогда сознательно не помогал этому гнусному следствию никаким способом с начала его и до конца и прошу мистера Каффа опровергнуть мои слова, если он посмеет!

Дав, таким образом, волю своим чувствам, я испытал большое облегчение. Миледи оказала мне честь, дружески потрепав меня по плечу. Со справедливым негодованием взглянул я на сыщика, желая узнать, что думает он о подобном свидетельстве. Он бросил на меня кроткий взгляд и, казалось, почувствовал ко мне еще большее расположение, чем прежде.

Миледи предложила ему продолжать его объяснение.

— Я понимаю,— сказала она,— что вы добросовестно употребили все свои старания на пользу того, что считаете моими интересами. Я готова выслушать, что вы скажете далее.

— То, что я скажу далее,— ответил мистер Кафф,— относится к Розанне Спирман. Я узнал молодую женщину, как вы, миледи, может быть, помните, когда она принесла сюда бельевую книгу. До того времени я сомневался, поверила ли мисс Вериндер кому-нибудь свою тайну. Когда я увидел Розанну, я изменил свое мнение. Я стал подозревать, что она причастна к пропаже алмаза. Бедная девушка умерла ужасной смертью, и я не желаю, чтобы вы, миледи, сейчас, когда ее нет на свете, могли подумать, что я был несправедлив и жесток к ней. Если бы это был обыкновенный случай воровства, я стал бы подозревать Розанну не более всей остальной прислуги в доме. Опыт говорит нам, что женщины, бывшие в исправительном доме, когда поступают в услужение и когда с ними обращаются ласково и справедливо, по большей части проявляют искреннее раскаяние и оказываются достойными милостей,

которыми их осыпают. Но это не был обыкновенный случай воровства. Это был, по моему мнению, хитро задуманный план с участием самой владелицы алмаза. Имея это в виду, я, весьма естественно, прежде всего вспомнил о Розанне и подумал следующее: удовольствуется мисс Вериндер,— прошу извинения, миледи,— нашим предположением, что Лунный камень просто пропал, или она пойдет еще далее и постарается убедить других в том, что Лунный камень украден? В последнем случае Розанна Спирман — с ее прошлым воровки — была у нее под рукой, как лицо, наиболее способное навести вас, миледи, и меня на ложный след. Возможно ли было, спрашивал я себя, изложить дело против мисс Рэчел и Розанны с более отвратительной точки зрения? Оказывается, было возможно, как вы сейчас увидите! Я имел другую причину подозревать покойницу,— продолжал сыщик,— причину, казавшуюся мне еще убедительнее. Кто мог лучше всех помочь мисс Вериндер тайно получить деньги за алмаз? Розанна Спирман. Ни одна молодая девушка, в положении мисс Вериндер, не смогла бы сама вести такое рискованное дело. Она должна иметь помощницу, а кто более годился для этого, спрашиваю я опять, как не Розанна Спирман? Покойная служанка ваша, миледи, отлично знала свое ремесло, когда была воровкой. Я знаю наверное, что она имела сношения с одним из тех немногих лондонских ростовщиков, которые согласятся дать большие деньги за такую известную драгоценность, как Лунный камень, не задавая неловких вопросов и не настаивая на неловких условиях. Держите все это в уме, миледи; а теперь позвольте мне объяснить, как мои подозрения подтвердились поступками Розанны и какие ясные заключения можно из них вывести...

Вслед за этим он перебрал все поступки Розанны. Вы уже знакомы с этими поступками, так же как и я, и вы поймете, как эти неопровергимые доводы набросили тень на память бедной умершей девушки, доказывая ее причастность к исчезновению алмаза. Даже моя госпожа была испугана его словами. Она ничего не ответила ему, когда он кончил.

Сыщику, кажется, было все равно, отвечают ему или нет. Он продолжал — черт его побери! — с прежней твердостью.

— Изложив все это дело так, как я его понимаю,— сказал он,— мне остается только добавить, миледи, как я намерен действовать дальше. Я вижу два способа довести

следствие до успешного завершения. Один из них я считаю наиболее надежным. Другой допускаю только как смелый опыт, и ничего более. Вы, миледи, это решите сами. Выберем ли мы надежный способ?

Моя госпожа сделала ему знак поступить, как он хочет, и выбрать самому.

— Благодарю вас,— ответил сыщик.— Мы начнем с достоверного, поскольку ваше сиятельство предоставляете выбор мне. Останется ли мисс Вериндер во Фризинголле или вернется сюда, я намерен в том и в другом случае бдительно наблюдать за всеми ее поступками — за людьми, с которыми она видится, за прогулками верхом или пешком, которые она будет совершать, за письмами, которые она будет получать или писать.

— Далее что? — спросила моя госпожа.

— Далее,— ответил сыщик,— я попрошу вас, миледи, взять в дом на место Розанны Спирман служанкой женщину, привыкшую к тайным следствиям в этом роде, за скромность которой могу поручиться.

— Далее что? — повторила моя госпожа.

— Далее,— продолжал сыщик,— я намерен поручить одному из моих товарищ в Лондоне завязать сношения с тем ростовщиком, который, как я упоминал, был прежде знаком с Розанной Спирман и имя которого и адрес — вы, миледи, можете на меня положиться — были сообщены Розанной мисс Вериндер. Я не отрицаю, что меры, предлагаемые мною, будут стоить денег и потребуют много времени. Но результат их несомненен. Мы очертим кольцо вокруг Лунного камня и будем суживать это кольцо все более и более, до тех пор, пока не найдем Лунный камень в руках мисс Вериндер, если только она вздумает оставить его при себе. Если же долги ее не терпят отлагательства и она решится продать его, у нас будет человек, который захватит Лунный камень тотчас по прибытии его в Лондон.

Слышать подобные предположения в связи с родной ее дочерью было для моей госпожи настолько невыносимо, что она впервые заговорила гневно:

— Считайте, что ваше предложение отвергнуто совершенно, и объясните другой ваш способ довести следствие до конца!

— Другой мой способ,— продолжал сыщик так же непринужденно, как раньше,— состоит в том, чтобы произ-

вести смелый опыт. Мне кажется, я составил себе довольно правильное понятие о характере мисс Вериндер. Она вполне способна — по моему мнению — на смелый обман. Но она слишком горячего и вспыльчивого нрава и не привыкла обманывать, поэтому не умеет лицемерно вести себя и сдерживаться, когда есть поводы к раздражению. Ее чувства все это время неоднократно выходили из-под ее контроля, в то время как ее интересы требовали скрывать их. На эту-то особенность ее характера я и предлагаю воздействовать. Я хочу неожиданно нанести ей сильное потрясение при обстоятельствах, которые живо заденут ее. Проще говоря, я хочу сообщить внезапно мисс Вериндер о смерти Розанны, в надежде, что лучшие ее чувства заставят ее откровенно во всем сознаться. Принимает ли миледи этот способ?

Госпожа моя удивила меня выше всякой меры. Она тотчас ответила:

— Да, принимаю.

— Кабриолет подан,— сказал сыщик.— Позвольте вам пожелать, миледи, доброго утра.

Миледи подняла руку и остановила его в дверях.

— Лучшие чувства моей дочери будут испытаны, как вы предлагаете,— проговорила она,— но я, как мать, требую права произвести это испытание лично. Оставайтесь здесь, а во Фризинголл поеду я сама.

Раз в жизни знаменитый Кафф онемел от изумления, как самый обыкновенный человек.

Моя госпожа позвонила в колокольчик и приказала подать ей непромокаемый плащ. Дождь все еще лил, а карета, как вам известно, отвезла мисс Рэчел во Фризинголл. Я старался уговорить свою госпожу не подвергать себя сировости погоды. Совершенно бесполезно! Я просил позволения ехать с нею и держать над нею зонтик. Она не захотела и слышать об этом. Кабриолет подъехал с грумом.

— Вы можете быть совершенно уверены в том,— сказала она сыщику Каффу в передней,— что я проделаю этот опыт с мисс Вериндер так же смело, как вы могли бы сделать его сами. И я сообщу вам результат или устно, или письменно, прежде чем последний поезд отправится сегодня в Лондон.

С этими словами она села в кабриолет и, взяв вожжи, поехала во Фризинголл.

Глава XXII

Когда моя госпожа покинула нас, у меня нашлось время для сыщика Каффа.

Я застал его сидящим в уютном уголке в нижнем зале. Он просматривал свою записную книжку, и углы его губ сильно кривились.

— Обдумываете наше дело? — спросил я.

— Нет,— ответил сыщик,—правляюсь, каким делом я должен заняться после этого.

— О! — воскликнул я.— Стало быть, вы считаете, что у нас все уже кончено?

— Я считаю,— ответил сыщик Кафф,— что леди Ве-риндер одна из умнейших женщин в Англии. Считаю также, что на розу приятнее смотреть, чем на алмаз.

Нельзя было добиться от него ни слова более о Лунном камне. Он потерял уже всякий интерес к своему следствию.

Между тем я должен был узнать, не переменил ли мистер Фрэнклин своего намерения оставить нас с вечерним поездом. Расспросив меня о совещании в комнате миледи и узнав, чем оно кончилось, мистер Фрэнклин тотчас решил дождаться от нее известий из Фризинголла.

Кабриолет вернулся на полчаса ранее того, чем я ожидал.

Миледи решила остаться пока в доме своей сестры. Грум привез два письма от моей госпожи: одно, адресованное мистеру Фрэнклину, другое — мне.

Письмо, адресованное мистеру Фрэнклину, я отправил к нему в библиотеку. Письмо ко мне я прочел в своей комнате. Чек, выпавший из письма, когда я распечатал его, доказал мне, прежде чем я прочел содержание, что прекращение следствия о Лунном камне — дело решенное.

Я послал за сыщиком Каффом. Войдя, он тотчас заметил письмо в моих руках.

— А! — сказал он со скучой в голосе.— Вы получили известие от миледи. Касается ли оно меня, мистер Беттередж?

— Судите сами, мистер Кафф.

И я прочел ему письмо (с приличной выразительностью и расстановкой), составленное в следующих выражениях:

— «Мой добрый Габриэль, прошу вас сообщить сыщику Каффу, что я исполнила обещание, данное ему, со следующими результатами.

Мисс Вериндер торжественно уверяет, что она никогда не говорила ни слова наедине с Розанной с того самого времени, как эта несчастная женщина ступила ко мне в дом.

Они не встречались — даже случайно — в ту ночь, когда алмаз исчез, и решительно никаких сношений между ними с утра четверга, когда поднялась тревога, до субботы, когда мисс Вериндер оставила нас, не было. Таков был ответ моей дочери, когда я внезапно и коротко сообщила ей о самоубийстве Розанны Спирман».

Дойдя до этого места, я поднял глаза на мистера Каффа и спросил его, что он об этом думает.

— Я только оскорблю вас, если выскажу мое мнение,— ответил сыщик.— Продолжайте, мистер Беттередж, продолжайте.

Когда я вспомнил, как этот человек имел дерзость жаловаться на упрямство нашего садовника, язык зачесался у меня «продолжить» своими словами, а не теми, что написаны были в письме моей госпожи. На этот раз, однако, христианские чувства не изменили мне.

Я твердым голосом продолжал читать письмо младжи:

— «Обойдясь с мисс Вериндер так, как предлагал полицейский офицер, я потом заговорила с нею, как сама находила нужным, для того чтобы произвести на нее впечатление. Дважды, перед ее отъездом из дома, я тайно предостерегала ее, что она подвергает себя самым нелепым подозрениям. Сейчас я объяснила без обиняков, что опасения мои оправдались.

Она торжественно и как нельзя более убедительно заверила меня, что, во-первых, не имеет никаких долгов; во-вторых, алмаз не находится и не находился в ее руках с той минуты, как она положила его в шкафчик в среду.

Признания, сделанные моей дочерью, не идут дальше этого. Она упорно молчит, когда я спрашиваю ее, не может ли она объяснить мне пропажу алмаза. Она отказывается со слезами, когда я упрашиваю ее быть со мной откровенной. «Наступит день, когда вы узнаете, почему мне все равно, что меня подозревают, и почему я молчу даже с

вами. Я сделала многое для того, чтобы заслужить страдание моей матери и не сделала ничего, что заставило бы мою мать краснеть за меня». Вот собственные слова моей дочери.

Считаю, что после разговора, происшедшего между полицейским офицером и мной, он должен, хотя он и посторонний человек, узнать так же, как вы, ответ мисс Вериндер. Прочтите ему мое письмо, а потом отдайте вложенный для него чек. Отказываясь от его дальнейших услуг, я не могу не сказать, что убеждена в его добросовестности и в его уме; но убеждена также — еще тверже прежнего,— что в данном случае обстоятельства роковым образом обманули его».

На этом письмо заканчивалось. Прежде чем передать сыщику Каффу чек, я спросил, не желает ли он что-нибудь сказать.

— В мои обязанности, мистер Беттередж, не входит говорить о деле уже законченном.

Я бросил ему чек через стол.

— А этой части письма леди Вериндер вы верите? — спросил я с негодованием.

Сыщик посмотрел на чек и уныло поднял брови, отдавая должное щедрости миледи.

— Это такая высокая оценка моего времени,— сказал он,— что я считаю себя обязанным отплатить за нее коечим. Я вспомню цифру на этом чеке, мистер Беттередж, когда наступит случай для этого.

— Что вы имеете в виду? — спросил я.

— Леди Вериндер пока очень искусно уладила дело,— сказал сынчик.— Но этот семейный скандал принадлежит к числу таких, которые вдруг вспыхивают опять, когда вы менее всего ожидаете этого. Не пройдет и нескольких месяцев, как нам снова придется заняться Лунным камнем.

Я ответил на его слова в следующих ясных выражениях:

— Мистер Кафф, я считаю ваше последнее замечание оскорблением миледи и ее дочери.

— Мистер Беттередж, считайте это предостережением для себя, и вы будете ближе к цели.

Как ни был я разгорячен и рассержен, адская уверенность, с которой он дал мне этот ответ, замкнула мне рот.

Я отошел к окну, чтобы успокоиться.

Сыщик Кафф заметил перемену во мне и поощрил ее весьма кстати одним словцом.

— Полноте, полно! — сказал он.— Зачем не взглянуть на мою точку зрения так, как глядит миледи на нее? Почему не сказать, что обстоятельства гибельно обманули меня?

Глядеть на что-нибудь одинаково с миледи было весьма приятным преимуществом, даже при той невыгоде, что это преимущество было мне предложено сыщиком Каффом. Гнев мой тотчас остыл, и я пришел в нормальное состояние. Я смотрел на всякое другое мнение о мисс Рэчел, кроме мнения миледи и своего, с надменным презрением. Однако чего я не мог сделать — это молчать о Лунном камне. Здравый смысл должен был бы предупредить меня,— я это знаю,— что это дело следовало оставить в покое. Но вот подите ж! Добродетели, отличающие нынешнее поколение, не были известны в мое время. Сыщик Кафф попал в больное место, и, хотя я презирал его, больное место все-таки болело. Кончилось тем, что я коварно вернул его к письму леди Вериндер.

— Меня это письмо совершенно убедило,— сказал

я,— но все равно продолжайте, как если бы вы могли меня переубедить. Вы думаете, что словам мисс Рэчел верить нельзя и что мы еще услышим о Лунном камне. Докажите-ка это, мистер Кафф! — заключил я весело.— Докажите-ка это!

Вместо того чтобы обидеться, сыщик Кафф схватил мою руку и так крепко пожал ее, что пальцам моим сделалось больно.

— Клянусь небом,— торжественно воскликнул этот странный сыщик,— я завтра же пошел бы в услужение, мистер Беттередж, если бы имел возможность служить вместе с вами! Сказать, что вы простодушны, как ребенок, сэр, значило бы сделать детям комплимент, которого не заслуживают девять малюток из десяти. Нет-нет, мы больше не будем спорить! Вы получите истину от меня на более легких условиях. Я больше ни слова не скажу ни о миледи, ни о мисс Вериндер, я только превращусь в пророка — впервые в моей жизни и исключительно ради вас. Я уже предупреждал вас, что вы еще не покончили с Лунным камнем. Очень хорошо. Теперь я предскажу вам при расставании три события, которые, как я полагаю, сами заставят вас обратить на них ваше внимание, хотите вы этого или нет.

— Что ж, выкладывайте их,— сказал я, нисколько не смущившись и с прежней веселостью.

— Во-первых,— начал сыщик,— в будущий понедельник вы услышите кое-что от Йолландов, когда почтальон принесет письмо Розанны в Коббс-Голл.

Если б он окатил меня ведром холодной воды, сомневаюсь, было бы это мне более неприятно. Заверение мисс Рэчел в своей невиновности делало поведение Розанны — шитье новой рубашки, попытки спрятать запачканную и все прочее — совершенно необъяснимым. Это не приходило мне в голову до тех пор, пока сыщик Кафф не напомнил мне все в одно мгновение!

— Во-вторых,— продолжал сыщик,— вы опять услышите о трех индусах. Вы услышите о них в здешних окрестностях, если мисс Рэчел останется здесь. Вы услышите о них в Лондоне, если мисс Рэчел поедет в Лондон.

Потеряв всякий интерес к трем фокусникам и совершенно уверившись в невиновности моей барышни, я довольно легко принял второе предсказание.

— Вы перечислили из трех имеющихся случиться событий два,— сказал я.— Каково третье?

— Третье, и последнее, заключается в том, что вы рано или поздно услышите кое-что о лондонском ростовщике, про которого я уже имел смелость дважды упомянуть. Дайте мне вашу записную книжку, и я запишу вам на всякий случай его имя и адрес, чтоб не было ошибки на этот счет, когда это случится.

Он четко написал на чистом листке: «Мистер Септимус Люкер, Миддлсекская площадь, Ламбет, Лондон».

— Вот,— сказал он, указывая на адрес,— последнее слово о Лунном камне, которым побеспокою вас в настоящее время. Будущее покажет, прав я или нет. А пока, сэр, уношу с собой искреннюю привязанность к вам, которая, мне думается, делает честь нам обоим. Если мы не встретимся до выхода моего в отставку, надеюсь видеть вас в гостях в моем домике близ Лондона, которым думаю обзавестись. Обещаю вам, мистер Беттередж, что в моем саду будут поросшие травой дорожки.

Глава XXIII

Я приготовил кабриолет на тот случай, если мистер Фрэнклин непременно захочет уехать от нас с вечерним поездом. Появление на лестнице сперва багажа, а вслед за ним и самого мистера Фрэнклина показало мне довольно ясно, что он первый раз в жизни твердо держится принятого решения.

— Итак, вы непременно решили ехать, сэр,— сказал я, когда мы с ним встретились в нижнем зале.— Почему бы не подождать денька два и не дать мисс Рэчел возможность одуматься?

Вместо ответа он подал мне письмо, которое миледи написала ему. Большая часть письма была наполнена тем, что уже было сказано ею в письме, полученном мной. Но в конце была приписка о мисс Рэчел, которая объяснит намерения мистера Фрэнклина, если не объяснит ничего другого.

«Вы удивляетесь, наверное,— писала миледи,— что я позволяю дочери оставлять меня в совершенном неведении. Пропал алмаз ценой в двадцать тысяч фунтов, и я должна

предполагать, что пропажа его не составляет никакой тайны для Рэчел; что непонятное обязательство молчания наложено на нее каким-то человеком или какими-то людьми, совершенно неизвестными мне, имевшими в виду цель, которую я не могу даже угадать. Объяснимо ли, что я позволяю обходиться со мной таким образом? Вполне объяснимо при настоящем состоянии Рэчел. Она в таком нервном возбуждении, что на нее жалко смотреть. Я не смею снова поднимать вопрос о Лунном камне до тех пор, пока время не успокоит ее хоть немного. Вот почему я, не колеблясь, отпустила сыщика. Тайна, сбивающая с толку нас, сбивает с толку и его. В этом деле посторонний не может нам помочь. Его присутствие усугубляет мои страдания, а Рэчел не может слышать даже его имени.

Мои планы на будущее время обдуманы настолько хорошо, насколько это возможно. Я намерена отвезти Рэчел в Лондон — отчасти для того, чтобы успокоить ее переменой места, отчасти для того, чтобы попробовать, что можно будет сделать, посоветовавшись с лучшими врачами. Уместно ли мне просить вас встретиться с нами в Лондоне? Любезный Фрэнклин, вы должны, со своей стороны, проявить терпение, подобное моему, и ждать, как буду ждать я, более удобного времени. Драгоценная помощь, которую вы оказали следствию, все еще кажется Рэчел в теперешнем ее душевном состоянии непростительной обидой. Действуя в этом деле вслепую, вы только увеличили ее мучения, так как помогали открытию ее тайны. Я не могу извинить злобу, с какой она обвиняет вас за печальные последствия, которых ни вы, ни я не могли вообразить или предвидеть. Рэчел нельзя ни в чем убедить — ее можно только жалеть. С огорчением должна сказать, что пока вам и Рэчел лучше не встречаться. Единственный совет, который я могу предложить вам, — это дать ей время одуматься».

Я возвратил письмо, искренне жалея мистера Фрэнклина, потому что знал, как он любит барышню, и видел, что слова ее матери уязвили его в самое сердце.

— Вы знаете пословицу, сэр, — вот все, что я ему сказал. — Когда дело дойдет до худшего, оно начнет изменяться к лучшему. Дела у нас не могут идти хуже, мистер Фрэнклин, чем они идут сейчас.

Мистер Фрэнклин сложил письмо тетки, по-видимому не очень утешенный моими словами.

— Не думал,— сказал он,— чтобы в Англии была семья счастливей этой, когда я приехал сюда из Лондона с этим ужасным алмазом. Посмотрите теперь на эту семью! Она разбросана, разъединена, самый воздух этого дома отправлен тайнами и подозрениями. Помните вы то утро на Зыбучих песках, когда мы разговаривали о моем дяде Гернкастле и его подарке ко дню рождения? Лунный камень послужил орудием мщения полковника, Беттередж, да так, как даже сам полковник не мог вообразить!

С этими словами он пожал мне руку и пошел к кабриолету.

Я последовал за ним по лестнице. Прискорбно было видеть, что он оставляет таким образом старый дом, где провел самые счастливые годы своей жизни. Пенелопа (чрезвычайно расстроенная всем, что случилось в доме) пришла вся в слезах проститься с мистером Фрэнклином. Он поцеловал ее. Я махнул рукой, как бы говоря: «На доброе здоровье, сэр». Некоторые из служанок поглядывали на него из-за угла. Он был одним из тех мужчин, которые нравятся всем женщинам. В последнюю минуту я остановил кабриолет и попросил у мистера Фрэнклина, как милости, чтобы он уведомил нас о себе письмом. Он, кажется, не обратил внимания на мои слова — он осматривался вокруг, глядя то на один предмет, то на другой, как бы прощаясь со старым домом и садом.

— Скажите нам, куда вы отправляетесь, сэр? — спросил я, стараясь узнать его будущие планы.

Мистер Фрэнклин внезапно надвинул шляпу на самые брови.

— Куда я отправляюсь? — повторил он мои слова.— Я отправляюсь к черту!

Пони вздрогнул при этих словах, как если бы почувствовал к нему христианское отвращение.

— Да будет с вами бог, сэр, куда бы вы ни отправились! — вот все, что я успел сказать, прежде чем он скрылся из глаз.

Приятный, милый молодой человек! При всех его недостатках и сумасбродствах, милый и приятный молодой человек! Он оставил за собой печальную пустоту, когда уехал из дома миледи.

Когда наконец этот длинный субботний летний вечер

приблизился к концу, дом окончательно погрузился в уныние.

Я подбадривал себя, крепко держась трубочки и «Робинзона Крузо». Женщины, кроме Пенелопы, проводили время в пересудах и толках о самоубийстве Розанны. Они упорно держались мнения, будто бедная девушка украла Лунный камень и лишила себя жизни из страха, боясь, что это узнают.

Дочь моя — разумеется про себя — упорно стояла на том, что утверждала раньше. Однако ее предположение о причине самоубийства Розанны не приводило нас ни к какому заключению насчет алмаза, так же как и уверенность миледи в ее невиновности. Тайное путешествие Розанны во Фризинголл и все ее поступки оставались совершенно небольшими. Бесполезно было указывать на это Пенелопе: возражения производили на нее так же мало впечатления, как мало следов оставляет проливной дождь на непромокаемом плаще. Дело в том, что дочь моя унаследовала мое собственное пренебрежение к умственным доводам и в этом отношении далеко опередила своего родного отца.

На следующий день (в воскресенье) карета, остававшаяся в доме мистера Эблуйта, вернулась к нам пустая. Кучер привез мне записку от миледи и письменные распоряжения горничным миледи и Пенелопе.

В своей записке миледи сообщала, что решила отвезти мисс Рэчел в свой лондонский дом в понедельник. Распоряжения миледи горничным касались того, какие им платья следует взять и в какой час встретить своих госпож в Лондоне. Большинство слуг также должны были ехать туда. Миледи, видя, что мисс Рэчел не желает после всего случившегося возвращаться домой, решила ехать в Лондон прямо из Фризинголла. Я же должен был оставаться в деревне впредь до дальнейших распоряжений, присматривать за домом и поместьем.

Все это напомнило мне слова мистера Фрэнклина о разбросанной и разъединенной семье, и мысли мои, естественно, обратились к самому мистеру Фрэнклину. Чем более я думал о нем, тем более тревожили меня его будущие поступки. Кончилось тем, что я написал с воскресной почтой к камердинеру его отца, мистеру Джеко (которого знал прежде), прося дать мне знать, на что решится мистер Фрэнклин по приезде в Лондон.

Воскресный вечер был еще унылее субботнего, если только возможно. Мы кончили этот день, как сотни тысяч других людей кончают его регулярно раз в неделю на этих островах,— ожиданием, когда наконец наступит время ложиться спать, и, не дождавшись, заснули на наших стульях.

Как прошел понедельник для остальной прислуги, не знаю. Мне он нанес порядочный удар. Первое предсказание сыщика Каффа о том, что я услышу кое-что от Йолландов, сбылось в этот день.

Я отоспал Пенелопу и горничную миледи на железную дорогу с вещами в Лондон и прохаживался по саду, когда вдруг услышал свое имя. Обернувшись, я очутился лицом к лицу с дочерью рыбака, Хромоножкой Люси. За исключением хромоты и худобы (последнее, по моему мнению,— страшный недостаток в женщине), эта девушка имела немало привлекательных качеств, на мужской взгляд. Смуглое умное лицо, приятный чистый голос, прекрасные каштановые волосы принадлежали к ее достоинствам. Костыль говорил о ее несчастье. А горячий характер дополнял итог ее недостатков.

— Ну, моя милая,— сказал я,— что вам от меня нужно?

— Где человек, по имени Фрэнклин Блэк? — сказала девушка, опираясь на свой костыль и устремив на меня свирепый взгляд.

— Непочтительно говорить так о джентльменах,— ответил я.— Если вы хотите справиться о племяннике миледи, не угодно ли вам назвать его мистером Фрэнклином Блэком?

Она сделала шаг ко мне и взглянула на меня так, словно собиралась съесть меня живьем.

— Мистером Фрэнклином Блэком! — повторила она вслед за мной.— Его вернее было бы назвать убийцей Фрэнклином Блэком!

Мой метод обращения с покойной миссис Беттередж помог мне и на этот раз. Когда женщина старается вывести вас из себя, постарайтесь, с своей стороны, вывести ее из себя. Женщина вообще приготовлена ко всякому отпору, какой вы можете избрать для самозащиты, кроме этого. Одним-единственным словом можно добиться этого не хуже, чем сотней слов, и одним словом я добился этого с Хромоножкой Люси. Любезно посмотрев ей в лицо, я сказал:

— Фи!

Девушка тотчас вспыхнула. Она тверже стала на здоровую ногу и раза три свирепо ударила об землю своим костылем:

— Он убийца! Он убийца! Он убийца! Он был причиной смерти Розанны Спирман!

Она закричала это самым пронзительным голосом. Два человека, работавшие в саду неподалеку, подняли глаза, увидели, что это Хромоножка Люси, и, зная, чего можно было ждать от нее, опять вернулись к своему делу.

— Он был причиной смерти Розанны Спирман? — повторил я.— Что заставляет вас говорить так, Люси?

— Какое вам дело? Какое дело какому бы то ни было мужчине до этого? О, если бы только она думала о мужчинах так, как думаю о них я, она была бы сейчас жива!

— Она всегда хорошо думала обо мне, бедняжка,— сказал я,— и я всегда относился к ней хорошо.

Я проговорил это насколько мог успокоительно. Сказать по правде, у меня духа не хватило раздражать девушку колкими ответами. Раньше я примечал только ее дурной нрав. Сейчас я заметил, что она несчастна, а это часто заставляет быть дерзкими людей простого звания.

Мой ответ смягчил Хромоножку Люси. Она опустила голову на свой костыль.

— Я любила ее,— тихо сказала девушка.— Она была очень несчастна, мистер Беттередж! Гнусные люди жестоко обходились с нею и толкнули ее на дурной путь, но это не испортило ее кроткого характера. Она была ангелом. Она могла бы быть счастлива со мной. У меня был план ехать в Лондон нам обеим, устроиться, как двум сестрам, и зарабатывать шитьем. Этот человек приехал сюда и испортил все. Он околдовал ее. Не говорите мне, что он не хотел этого и ничего не знал об этом! Он должен был знать. Он должен был пожалеть ее. «Я не могу жить без него, а он, Люси, даже не смотрит на меня» — вот что она говорила. Жестоко, жестоко, жестоко! Я говорила ей: «Ни один мужчина не стоит, чтобы о нем изнывать». А она отвечала: «Есть мужчины, ради которых стоит умереть, Люси, а он один из них». Я накопила немного денег. Я договорилась с отцом и матерью. Я хотела увезти ее от унижений,

которые она терпела здесь. У нас была бы маленькая квартирка в Лондоне, и мы жили бы, как сестры. Она получила хорошее воспитание, сэр, как вам известно, и писала хорошим почерком. Она умела проворно шить. Я тоже пишу хорошо, хотя и не шью так проворно, как шила она, но и от меня был бы толк. Мы жили бы прекрасно. И что же случилось сегодня? Приходит письмо от нее, и я узнаю, что она рассталась с жизнью. Приходит письмо, где она прощается со мной навсегда! Где он? — вскричала девушка, подняв голову и опять вспыхивая гневом.— Где этот джентльмен, о котором я должна говорить не иначе, как с почтением? Недалек тот день, мистер Беттередж, когда бедные в Англии восстанут против богатых! Я молю бога, чтобы начали с него! Я молю бога, чтобы начали с него!

Думаю, что даже сам пастор (хотя, признаюсь, это сказано слишком сильно) не мог бы образумить девушку в таком состоянии, в каком находилась она. Я отважился лишь на то, чтобы вернуть ее к предмету ее гнева, в надежде услышать от нее что-нибудь полезное.

— На что вам нужен мистер Фрэнклин Блэк? — спросил я.

- Мне нужно его видеть.
- Для чего?
- У меня есть к нему письмо.
- От Розанны Спирман?
- Да.
- Вложенное в письмо к вам?
- Да.

Неужели мрак начинает рассеиваться? Неужели то, что я стремился так страстно узнать, само собой открывается? Я был вынужден помедлить с минуту. Сыщик Кафф оставил после себя заразу. По некоторым лично мне известным признакам сыскная лихорадка снова начала овладевать мною.

— Вы не можете увидеть мистера Фрэнклина,— сказал я.

- Я должна его видеть и увижу!
- Он вчера уехал в Лондон.

Хромоножка Люси пристально посмотрела мне в лицо и поняла, что я говорю правду. Не сказав более ни слова, она тотчас повернулась и пошла к Коббс-Голлу.

— Постойте! — воскликнул я.— Завтра я жду известий о мистере Фрэнклине Блэке. Дайте мне письмо, и я пошлю его по почте.

Хромоножка Люси оперлась на свой костыль и взглянула на меня через плечо:

— Я должна передать ему письмо только из рук в руки.

— Написать ему об этом?

— Напишите, что я его ненавижу,— и вы скажете правду.

— Да-да, но как же насчет письма?..

— Если он хочет получить это письмо, он должен вернуться сюда и взять его у меня.

С этими словами она заковыляла к Коббс-Голлу. Сыскная лихорадка лишила меня всякого достоинства. Я поспешил вслед за нею и приложил все усилия, чтоб заставить ее разговориться. Напрасно! К несчастью, я был мужчиной, и Хромоножке Люси доставляло удовольствие разочаровывать меня. В тот же день, попознее, я попытал счастья у ее матери. Добрая миссис Йолланд могла только всплакнуть и посоветовала извлечь капельку утешения из голландской бутылочки. Я нашел рыбака на берегу. Он сказал, что дело путаное, и продолжал чинить сеть. Ни отец, ни мать не знали больше меня самого. Оставалось испробовать последнее средство — написать с утренней почтой мистеру Фрэнклину Блэку.

Предоставляю вам судить, с каким нетерпением поджидал я почтальона во вторник утром. Он мне принес два письма. Одно от Пенелопы (у меня едва хватило терпения его прочесть), сообщавшей мне, что миледи и мисс Рэчел благополучно прибыли в Лондон. Другое — от мистера Джеко, с известием, что сын его хозяина уже уехал из Англии.

Приехав в столицу, мистер Фрэнклин, как оказывается, отправился прямо к отцу. Он явился не совсем кстати. Мистер Блэк-старший с головой ушел в свои депутатские дела в нижней палате и забавлялся дома в этот вечер любимой парламентской игрой — составлением записок, которые они именуют «частным биллем». Сам мистер Джеко проводил мистера Фрэнклина в кабинет отца.

«Любезный Фрэнклин, что заставило тебя так неожиданно ко мне явиться? Не случилось ли чего дурного?»

«Да. Случилось дурное с Рэчел, и я чрезвычайно огорчен».

«С прискорбием слышу это. Но у меня нет сейчас времени выслушивать тебя».

«А когда вы сможете меня выслушать?»

«Милый мой мальчик, не стану тебя обманывать. Я смогу выслушать тебя по окончании этой сессии, ни на минуту раньше. Спокойной ночи!»

«Благодарю вас, сэр, спокойной ночи!»

Таков был разговор в кабинете, переданный мне мистером Джеко. Разговор вне кабинета был еще короче.

«Джеко, посмотрите, когда отходит завтрашний поезд, приуроченный к пароходу на континент?»

«В шесть часов утра, мистер Фрэнклин».

«Велите разбудить меня в пять».

«Едете за границу, сэр?»

«Еду, Джеко, куда железные дороги увезут меня».

«Прикажете доложить вашему батюшке, сэр?»

«Да, доложите ему по окончании сессии».

На следующее утро мистер Фрэнклин отправился за границу. В какое именно место ехал он, никто,— не исключая и его самого,— отгадать не мог. Может быть, мы получим от него первое известие из Европы, Азии, Африки или Америки. По мнению мистера Джеко, он мог находиться в любой из четырех стран света.

Весть об отъезде мистера Фрэнклина в субботу утром и весть о прибытии миледи в Лондон с мисс Рэчел в понедельник дошли до меня, как вам известно, во вторник. Наступила среда и не принесла ничего нового. Четверг преподнес вторую пачку новостей от Пенелопы.

Дочь моя сообщала, что к ее барышне пригласили какого-то знаменитого лондонского доктора и что он получил гинею за то, что посоветовал развлекать ее. Цветочные выставки, оперы, балы — множество веселья предстояло в будущем, и мисс Рэчел, к удивлению ее матери, с жаром погрузилась во все это. Явился с визитом мистер Годфри; по всей видимости, он по-прежнему был влюблен в кузину, несмотря на прием, оказанный ему, когда он попробовал счастья в день ее рождения. К величайшему сожалению Пенелопы, на этот раз его приняли очень лю-

безно, и он тут же вписал имя мисс Рэчел в членский список комитета дамской благотворительности. Моя госпожа, по словам Пенелопы, была очень расстроена и имела две продолжительные беседы со своим стряпчим. Дальше следовали кое-какие рассуждения относительно одной бедной родственницы, некоей мисс Клак — той самой, о которой я упоминал при описании обеда в день рождения; она сидела возле мистера Годфри и оказалась большим знаком шампанского. Пенелопа выражала удивление, что мисс Клак все еще не явилась с визитом. Наверное, она скоро привяжется к миледи, по обыкновению... и так далее, в том же роде, как это принято у женщин — отпускать шпильки друг другу и словесно и письменно. Об этом не стоило бы упоминать, если бы не одно обстоятельство. Я слышал, что, расставшись со мной, вы перейдете к мисс Клак. Если это так, окажите мне милость, не верьте ни единому ее слову, когда она станет говорить о вашем нижайшем слуге.

В пятницу не случилось ничего, только у одной из собак сделался нарыв за ухом. Я дал ей настойку из трав и посадил на диету. Извините, что упоминаю об этом. Как-то невзначай вырвалось. Пожалуйста, пропустите это. Я быстро приближаюсь к концу моих погрешностей против вашего современного образованного вкуса. Притом собака эта была предобное животное и заслуживала хорошего лечения; право, заслуживала.

Утренняя почта принесла мне сюрприз в виде лондонской газеты, присланной на мое имя. Почерк, которым написан был адрес, озадачил меня. Я его сличил с записанными в моей книжке именем и адресом лондонского ростовщика — и тотчас узнал почерк сыщика Каффа.

Просмотрев газету с любопытством, я заметил, что одна из заметок — «Из зала суда» — обведена чернилами. Вот она к вашим услугам. Прочтите ее, как прочел я, и вы справедливо оцените вежливое внимание сыщика, приславшего мне эту последнюю новость.

«Ламбет. Незадолго до закрытия заседания мистер Септимус Люкер, известный торговец старинными драгоценными камнями, резными изделиями и проч., и проч., обратился к судье за советом. Проситель объяснил, что его беспокоило в течение всего дня поведение трех странствующих индусов, слонявшихся по улице возле его дома. Прогнанные полицией, они опять вернулись и пытались

несколько раз проникнуть в дом, якобы за милостыней. Когда их отогнали от парадной двери, они появились у черного хода. Кроме вполне естественной досады на этих попрошаек, мистер Люкер выразил опасение, не замышляют ли они кражу. В его коллекции много драгоценных вещей, и античных и восточных, огромной стоимости. Только накануне он был принужден отказать работнику, искусному в резьбе (индусу, как мы поняли), по подозрению в покушении на воровство, и он не был уверен, что этот работник и уличные фокусники, на которых он жаловался, не действовали сообща. Может быть, целью их было собрать толпу, произвести на улице суматоху и в этой суматохе получить доступ к дому. В ответ на вопрос судьи мистер Люкер признал, что он не может представить доказательств, что замышляется воровство. Жаловаться он может только на то, что индусы надоедали ему и мешали. Судья заметил, что, если это повторится еще раз, проситель может вызвать индусов в суд, где с ними поступят по закону. Что касается драгоценностей, находящихся у мистера Люкера, то он должен сам принять надлежащие меры для их охраны. Быть может, следовало бы дать знать полиции и принять все предосторожности, какие может предусмотреть опытность полицейских чиновников. Проситель поблагодарил судью и удалился».

Говорят, один из древних мудрецов советовал своим близким (забыл, по какому случаю) «заглянуть в конец». Глядя на конец моих страниц и вспоминая, как я беспокоился несколько дней назад, справлюсь или нет со своим рассказом, я вижу, что мое полное описание фактов дошло до заключения очень прилично. Мы переходим в деле о Лунном камне от одного чуда к другому и кончаем самым большим чудом — исполнением трех предсказаний сыщика Каффа меньше чем через неделю с того дня, как они были сделаны.

Услышав в понедельник об Йолландах, я теперь услышал об индусах и ростовщике, и вспомните — сама мисс Рэчел была в это время в Лондоне. Вы видите, я выставляю все в самом худшем свете, даже когда это говорит против моих собственных воззрений. Если вы бросите меня и перейдете на сторону сыщика, руководствуясь всеми этими уликами; если единственное разумное объяснение, которое можете вы подыскать, заключается в том, что мисс Рэчел

и мистер Люкер успели сговориться и Лунный камень находится в залоге у ростовщика,— признаюсь, я не смогу вас осудить. В темноте довел я вас до этого места. В темноте принужден вас оставить, с нижайшим моим почтением.

Часть
вторая
Открытие
Истины

События,
рассказанные
надonymи
личами

1848-1879

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ,
написанный мисс Клак,
племянницей покойного сэра Джона Вериндера

Глава I

Любезным моим родителям (оба теперь на небесах) я обязана привычкой к порядку и аккуратности, внушенной мне с самого раннего возраста.

В это счастливое, давно минувшее время меня приучили быть аккуратно причесанной во все часы дня и ночи и старательно складывать каждый предмет моей одежды в одной и той же последовательности, на одном и том же стуле и на одном и том же месте — в ногах кровати, прежде чем отправиться на покой. Запись происшествий дня в моем маленьком дневнике неизменно предшествовала складыванию одежды. Вечерний гимн (повторяемый в постельке) неизменно следовал за складыванием одежды. А сладкий сон детства неизменно следовал за вечерним гимном.

В последующей жизни — увы! — за вечерним гимном следовали печальные и горькие размышления; а сладкий сон сменился тревожными сновидениями, которые заставляли меня беспокойно метаться по подушке. Но привычку складывать свою одежду и вести дневничок я сохранила и в последующей моей жизни.

Первая привычка напоминает мне счастливое детство — дни, когда папенька еще не разорился. Вторая, бывшая полезной до сих пор главным образом тем, что помогала мне дисциплинировать грешную природу, унаследованную всеми нами от Адама, неожиданно оказалась важной для скромных моих интересов совершенно в другом отношении. Она позволила мне, бедной, исполнить прихоть богатого члена семьи, с которой мой покойный дядя породнился через брак. Мне посчастливилось быть полезной мистеру Фрэнклину Блэку.

В течение некоторого времени я не имела никаких вестей от этих благоденствующих моих родственников. Когда мы одиноки и бедны, о нас нередко забывают. Мне приходится жить сейчас, из соображений экономии, в маленьком бретонском городке, где имеется избранный круг почтенных английских друзей и где налицо два преимущества: протестантский священник и дешевый рынок.

В этот уединенный уголок дошло вдруг до меня письмо из Англии. О моем ничтожном существовании неожиданно вспомнил мистер Фрэнклин Блэк. Богатый родственник (о, как я хотела бы добавить: духовно богатый!) пишет, даже не пытаясь скрыть этого, что ему от меня что-то понадобилось. Ему пришла в голову фантазия опять воскресить скандальную историю Лунного камня, и я должна помочь ему в этом, написав рассказ обо всем, чему была свидетельницей в лондонском доме тетушки Вериндер. Мне предлагают денежное вознаграждение — со свойственным богатым людям отсутствием чуткости. Я должна опять разбередить раны, которые едва затянуло время; я должна пробудить самые мучительные воспоминания и, сделав это, считать себя вознагражденной новым терзанием — в виде чека мистера Фрэнклина.

Плоть слаба. Мне пришлось долго бороться за то, чтобы христианское смирение победило во мне греховную гордость, а самоотречение заставило согласиться на чек.

Без привычки к дневнику, сомневаюсь, — позвольте мне выразить это в самых грубых словах, — могла ли бы я че-

стно заработать эти деньги; но с моим дневником бедная труженица (прощающая мистеру Блэку его оскорбление) заслуживает получаемую плату. Ничто не ускользнуло от меня в то время, когда я гостила у дорогой тетушки Вериндер. Все записывалось, благодаря давнишней привычке моей, изо дня в день, и все до мельчайшей подробности будет рассказано здесь. Священное уважение к истине (слава богу!) для меня выше уважения к людям. Мистер Блэк легко может изъять те места, которые покажутся ему недостаточно лестными в отношении одной особы. Он купил мое время,— но даже его щедрость не может купить мою совесть¹.

Дневник сообщает мне, что я случайно проходила мимо дома тетушки Вериндер на Монтегю-сквере, в понедельник третьего июля тысяча восемьсот сорок восьмого года.

Увидя, что ставни открыты, а шторы подняты, я почувствовала, что вежливость требует постучаться и освежомиться о хозяевах. Особа, отворившая дверь, сообщила мне, что тетушка и ее дочь (я, право, не могу назвать ее кузиной) приехали из деревни неделю назад и намерены остаться в Лондоне на некоторое время. Я тотчас поручила передать им, что не желаю их тревожить, а только хочу узнать, не могу ли быть чем-нибудь полезна. Особа, отворившая дверь, с дерзким молчанием выслушала мое поручение и оставила меня стоять в передней. Это дочь нечестивого старика, по имени Беттередж, которого долго, пересчур долго терпят в семействе моей тетки. Я села в передней ждать ответа и, всегда имея при себе в сумке несколько религиозных трактатов, выбрала один, как нельзя более подходящий для особы, отворившей дверь. Передняя была грязна, стул жесткий, но блаженное сознание, что я плачу добром за зло, поставило меня выше всех таких ничтожных мелочей. Трактат этот принадлежал к целой серии брошюр, написанных для молодых женщин, на тему о греховности нарядов. Слог был набожный и очень простой, заглавие: «Словечко с вами о лентах на вашем чепчике».

— Миледи очень призательна вам и просит ко второму завтраку на следующий день в два часа.

Не буду распространяться о тоне, каким она передала

¹ Приписка Фрэнклина Блэка: «Мисс Клак может быть совершенно спокойна. В ее рукописи ничего не прибавлено, не убавлено и не изменено, так же как и в других рукописях».

мне это поручение, и об ужасной дерзости ее взгляда.

Я поблагодарила юную грешницу и сказала тоном христианского участия:

— Не сделаете ли вы мне одолжение принять эту брошюру?

Она взглянула на заглавие.

— Кем это написано, мисс: мужчиной или женщиной?

Если женщиной, мне, право, не к чему ее читать; а если мужчиной, то прошу передать ему, что он ничего в этом не понимает.— Она вернула мне брошюру и отворила дверь.

Мы должны сеять семена добра, где можем и как можем. Я подождала, пока дверь за мной затворилась, и сунула брошюру в ящик для писем. Когда я просунула другую брошюру сквозь решетку палисадника, я почувствовала, что на душе у меня стало несколько легче, ответственность за души ближних уже не так меня тяготила.

У нас в этот вечер было собрание в «Материнском попечительном комитете о превращении отцовских панталон в детские». Цель этого превосходного благотворительного общества (как известно каждому серьезному человеку) состоит в том, чтобы выкупать отцовские панталоны из заклада и не допускать, чтобы их снова взял неисправимый родитель, а перешивать немедленно для его невинного сына. В то время я была членом этого избранного комитета, и я упоминаю здесь об этом обществе потому, что мой драгоценный и чудный друг, мистер Годфри Эблайт, разделял наш труд моральной и материальной помощи. Я ожидала увидеть его в комитете в понедельник вечером, о котором теперь пишу, и намеревалась сообщить ему, когда мы встретимся, о приезде дорогой тетушки Вериндер в Лондон. К моей крайней досаде, его там не было. Когда я высказалась удивление по поводу его отсутствия, все мои сестры по комитету подняли глаза от панталон (у нас было много дела в этот вечер) и спросили с изумлением, неужели я не слышала о том, что случилось. Я призналась в своем неведении, и тогда мне впервые рассказали о происшествии, которое и составит, так сказать, исходную точку настоящего рассказа. В прошлую пятницу два джентльмена, занимающие совершенно различное положение в обществе, стали жертвами возмутительного заговора, изумившего весь Лондон. Один из этих джентльменов был мистер Септимус Люкер, живущий в Ламбете, другой — мистер Годфри Эблайт.

Живя сейчас уединенно, я не имею возможности перенести в мой рассказ информацию об этом возмутительном происшествии, напечатанную тогда в газетах. В то время я была также лишена бесценного преимущества услышать обо всем из вдохновенных уст самого мистера Годфри Эблуйта. Все, что я могу сделать,— это лишь представить факты в том порядке, в каком они были представлены мне самой в тот понедельник вечером.

Дата события (благодаря моим родителям ни один календарь не может быть более точен насчет дат, нежели я) — пятница тридцатого июня тысяча восемьсот сорок восьмого года.

Рано утром в этот достопамятный день наш высокоодаренный мистер Годфри пошел менять чек в один из банковских домов на Ломбардской улице. Название фирмы в моем дневнике скрыто случайной кляксой, а мое священное уважение к истине запрещает мне отважиться на догадку в деле подобного рода. К счастью, название фирмы не имеет никакого отношения к этому делу, а имеет отношение одно обстоятельство, случившееся, когда мистер Годфри уже покончил со своим делом. Выходя из банка, он встретил в дверях джентльмена, совершенно ему незнакомого, который случайно выходил из конторы в одно время с ним. Они обменялись взаимными вежливостями насчет того, кому первому пройти в дверь. Незнакомец настоял, чтобы мистер Годфри прошел прежде него; мистер Годфри сказал несколько слов благодарности; они поклонились и разошлись.

Беспечные люди могут сказать: что за ничтожный и пустяковый случай, рассказанный в нелепо-условной манере! О мои друзья и братья во грехе! Уберегитесь от поспешного употребления вашего бедного здравого смысла! Будьте аккуратны морально! Да будет ваша вера, как ваши чулки, и ваши чулки, как ваша вера,— оба без пятнышка и оба в готовности, чтобы тотчас быть натянутыми в минуту необходимости! Но — тысяча извинений! Я незаметно для себя перешла в свой воскресно-школьный стиль. Это в высшей степени неуместно в отчете, подобном моему. Разрешите мне снова вернуться к светскости, разрешите сказать, что пустяки и в данном случае, как и во многих других случаях, привели к страшным последствиям.

Пояснив предварительно, что вежливый джентльмен

был мистер Люкер из Ламбета, мы теперь последуем за мистером Годфри к нему домой, в Кильберн.

Он нашел в передней поджидашего его бедно одетого, но деликатного и интересной наружности мальчика. Мальчик дал ему письмо, сказав лишь, что получил его от одной старой дамы, которую не знал и которая не велела ему ждать ответа. Подобные случаи бывали нередки в огромной практике мистера Годфри как члена благотворительных обществ. Он отпустил мальчика и распечатал письмо.

Почерк был ему совершенно незнаком. В письме его приглашали быть через час в одном доме, по Нортумберландской улице, где ему еще ни разу не приходилось бывать.

Приглашение исходило от пожилой леди, собиравшейся сделать щедрое пожертвование на благотворительные цели, если он удовлетворительно ответит на некоторые ее вопросы. Она назвала свое имя, прибавив, что кратковременность пребывания ее в Лондоне не позволила ей заблаговременно искать встречи со знаменитым филантропом, к которому она обращается.

Люди обыкновенные могли бы дважды подумать, прежде чем бросить свои дела ради удобства неизвестного им лица. Но подлинный христианин никогда не колебляется, если речь идет о добром поступке. Мистер Годфри тотчас же снова вышел из дома и направился на Нортумберландскую улицу. Человек довольно почтенной наружности, хотя немножко толстый, отворил ему дверь и, услышав имя мистера Годфри, тотчас провел его в бельэтаж, в пустую комнату, окна которой выходят во двор. Мистер Годфри заметил две необыкновенные вещи, когда вошел в комнату. Во-первых, слабый запах мускуса и камфоры; во-вторых, старинную восточную рукопись, богато иллюстрированную индусскими рисунками и заставками, которая лежала развернутой на столе.

Он рассматривал эту книгу, стоя спиной к запертой двери, сообщавшейся с передней комнатой, как вдруг, без малейшего шума, его сзади схватили за горло. Он успел лишь заметить, что рука, схватившая его за шею, была голая и смуглая, но тут глаза его были крепко завязаны, рот заткнут кляпом, а сам он брошен на пол (как ему показалось) двумя людьми. Третий обшарил его карманы и (если мне будет позволено употребить подобное выражение) обыскал его без церемонии с ног до головы.

Все это насилие совершалось в мертвом молчании. Когда оно было кончено, невидимые злодеи обменялись несколькими словами на языке, которого мистер Годфри не понял, но таким тоном, который ясно выражал (для его просвещенного слуха) обманутое ожидание и ярость. Его вдруг приподняли с пола, посадили на стул и связали по рукам и по ногам. Через минуту он почувствовал струю воздуха из открытой двери, прислушался и убедился, что остался опять один в комнате.

Прошло некоторое время, и мистер Годфри услышал шум, похожий на шелест женского платья. Он приближался со стороны лестницы и вдруг прекратился. Женский крик прорезал эту атмосферу преступления. Мужской голос снизу воскликнул: «В чем дело?» Мужские шаги послышались на лестнице. Мистер Годфри почувствовал, как чьи-то христианские пальцы развязывают его и вынимают из его рта кляп. Он с удивлением увидел приличного вида супружескую пару и слабо воскликнул:

— Что все это значит?

Супруги почтенной наружности оглянулись вокруг и ответили:

— Именно этот вопрос мы намеревались задать вам.

Последовало неизбежное объяснение. Нет! Будем скрупулезно точными: последовали стакан воды и флакон с солями, чтобы привести в порядок нервы милого мистера Годфри. Объяснение последовало за этим.

Из рассказа хозяина и хозяйки дома (людей, пользующихся хорошей репутацией между соседями) выяснилось, что их первый и второй этажи были наняты накануне на неделю джентльменом почтенной наружности, тем самым, который отворил дверь на стук мистера Годфри. Джентльмен заплатил за неделю вперед, сказав, что комнаты эти надобны для трех восточных вельмож, его друзей, посетивших Англию впервые. Утром, в день этого возмутительного происшествия, два восточных незнакомца, в сопровождении их почтенного английского друга, переехали на эту квартиру. Третьего ожидали к ним вскоре, а поклажа (очень большая, как уверяли) должна была прибыть к ним из таможни попозже, в тот же день. Минут за десять до прихода мистера Годфри явился третий незнакомец. Не произошло ничего необыкновенного, насколько это было известно хозяину и хозяйке, которые находились внизу до тех пор, пока, пять минут назад, три иностранца в сопро-

вождении их английского друга все вместе не вышли из дома и спокойно не отправились пешком по направлению к Странду. Хозяйка вспомнила, что к ним приходил посетитель. И, так как она не видела, чтобы он вышел из дома, ей показалось странным, почему этого господина оставили наверху одного. Посоветовавшись с мужем, она нашла нужным удостовериться, не случилось ли чего-нибудь. Результат я уже описала выше; на том и кончилось объяснение хозяина и хозяйки.

Комната осмотрели внимательнейшим образом. Вещи дорогого мистера Годфри были разбросаны во все стороны. Однако, когда их собирали, все оказалось налицо: часы, цепочка, кошелек, ключи, носовой платок, записная книжка; все бумаги, находившиеся при нем, были тщательно просмотрены и оставлены в совершенной целости. Также из имущества хозяев дома не было унесено ни малейшей вещицы. Восточные вельможи взяли с собой только свою иллюстрированную рукопись и ничего более.

Что все это означало? Если судить с мирской точки зрения, это, по-видимому, значило, что мистер Годфри стал, в силу недоразумения, жертвой каких-то неизвестных людей. Какой-то темный заговор имел здесь место, и наш возлюбленный невинный друг попался в сети преступников.

С точки же зрения духовной, если христианин, герой сотни человеколюбивых побед, попадает в ловушку, расставленную для него по ошибке,— о, какое это предостережение для остальных из нас быть непрестанно начеку! Как быстро могут наши собственные темные страсти оказаться восточными вельможами, схватывающими нас внезапно!

Мы должны теперь оставить мистера Годфри на Нортумберландской улице и последовать несколько позже, но уже в другой дом, за мистером Люкером.

По выходе из банка мистер Люкер посетил различные части Лондона по своим делам. Вернувшись домой, он нашел ожидавшее его письмо, которое, как ему сказали, недавно оставил какой-то мальчик. И тут, как в письме мистера Годфри, почерк был незнаком; однако упоминалось имя одного из иногородних клиентов мистера Люкера. Корреспондент сообщал (письмо было написано от третьего лица, вероятно секретарем), что он был неожиданно вызван в Лондон, остановился на площади Альфреда, Тотенхэм-Корт-род, и желает немедленно повидать мистера Люкера

по поводу одной покупки, которую он собирается сделать. Джентльмен этот был собиратель восточных редкостей и много лет был щедрым клиентом мистера Люкера в Ламбете. Мистер Люкер тотчас взял кэб и поехал к своему щедрому клиенту.

Решительно все, что случилось с мистером Годфри на Нортумберландской улице, повторилось и с мистером Люкером на площади Альфреда. Опять человек почтенной наружности отворил дверь и провел гостя в заднюю гостиную. Опять на столе оказалась иллюстрированная рукопись. Внимание Люкера было поглощено совершенно так же, как внимание мистера Годфри, этим чудным произведением индусского искусства. Он также вдруг почувствовал смуглую голую руку на своей шее, ему также были завязаны глаза и в рот сунут кляп. Он также был брошен наземь и обыскан с ног до головы. Наступивший затем промежуток был длиннее, чем испытанный мистером Годфри, но и он окончился, как первый, тем, что хозяева дома, подозревая что-то неладное, пошли наверх посмотреть, что случилось. Именно такое объяснение, какое хозяин дома на Нортумберландской улице дал мистеру Годфри, дал и хозяин дома на площади Альфреда мистеру Люкеру. Оба были обмануты одинаково благовидным предлогом и тugo набитым кошельком незнакомца почтенной наружности, который будто бы действовал по поручению своих заграничных друзей. Единственная разница была в том, что, когда разбросанные вещи из карманов мистера Люкера были собраны с пола, его часы и кошелек оказались целы, но (он не был так счастлив, как мистер Годфри) одна из бумаг унесена. Бумага эта была квитанцией на очень ценную вещь, которую мистер Люкер отдал в этот день на хранение своим банкирам. Однако же документ этот был бесполезен для вора, поскольку драгоценность должна была быть возвращена лишь в собственные руки владельца. Как только мистер Люкер пришел в себя, он поспешил в банк, на тот случай, если воры, обокравшие его, по неведению явятся туда с этой квитанцией. Но в банке никто их не видел ни в тот день, ни впоследствии. Их почтенный английский друг, по мнению банкира, разобрался в квитанции, прежде чем они покусились воспользоваться ею, и предостерег их вовремя.

Оба пострадавших заявили об этом деле в полицию, что вызвало тщательные расследования, проведенные с большой энергией. Полицейские власти пришли к выводу, что

грабителями задумано было похищение ценностей на основании полученных недостаточных сведений. Они явно не были уверены в том, произвел мистер Люкер сдачу своей драгоценности сам или не сам, а бедный благовоспитанный мистер Годфри пострадал оттого, что случайно заговорил с ним.

Прибавьте к этому, что отсутствие мистера Годфри на нашем собрании в понедельник было вызвано необходимостью для него присутствовать в этот день на совещании полицейских властей,— и вы получите все требуемые объяснения, а я смогу перейти к скромному рассказу о пережитом мною лично на сквере Монтею.

Я аккуратно явилась во вторник к завтраку.

Добрейшая тетушка Вериндер приняла меня со своей обычной любезностью. Но вскоре же я заметила, что в семье не все благополучно. Тетушка бросила несколько

тревожных взглядов на дочь. Всякий раз, как я гляжу на Рэчел, я не могу не удивляться, каким образом такая ничтожная девушка может быть дочерью таких замечательных родителей, как сэр Джон и леди Вериндер. Теперь же она не только разочаровала, она прямо шокировала меня. В ее разговоре и обращении было отсутствие всякой благовоспитанной выдержки, очень неприятное на мой взгляд. Она была одержима каким-то лихорадочным волнением, заставлявшим ее громко хохотать и быть греховно-капризной и разборчивой в кушаньях и напитках за завтраком. Мне очень было жаль ее бедную мать, даже прежде, чем истинное положение вещей сделалось мне известным.

По окончании завтрака тетушка сказала:

— Помни, Рэчел, доктор предписал, чтобы ты тихо посидела за книжкой после еды.

— Я пойду в библиотеку, мама,— ответила она.— Но, если Годфри приедет, велите мне сказать. Я умираю от желания узнать подробнее о его приключении на Нортумберлендской улице.

Она поцеловала мать в лоб и посмотрела в мою сторону.

— Прощайте, Клак! — произнесла она небрежно.

Ее дерзость не вызвала во мне гневных чувств. Я только сделала особую зарубку в памяти, чтобы помолиться за нее. Когда мы остались одни, тетушка рассказала мне ужасную историю об индийском алмазе, которую, как с радостью я узнала, мне нет никакой надобности здесь пересказывать. Она не скрывала от меня, что предпочла бы сохранить ее в тайне. Но теперь, когда все слуги узнали о пропаже алмаза и когда некоторые обстоятельства попали даже в газеты и посторонние люди рассуждают о том, есть ли какая-нибудь связь между случившимся в поместье леди Вериндер и происшествиями на Нортумберлендской улице и на площади Альфреда,— уже нет смысла скрытничать, и полная откровенность становится не только добродетелью, но и необходимостью.

Многие, услышав то, что я услышала, были бы, вероятно, крайне изумлены. Но я, зная, что характер Рэчел с детства не подвергался исправлению, была подготовлена ко всему, что тетушка могла мне сказать о своей дочери. Могло быть еще хуже и окончиться убийством, а я все-таки сказала бы себе: «Естественный результат! О боже, боже,— естественный результат!» Меня покоробили лишь меры, какие приняла тетушка в данном случае. Вот уж тут

следовало бы действовать священнику, а леди Вериндер считала, что надо обратиться к врачу. Свою молодость моя бедная тетушка провела в безбожном доме своего отца. Опять естественный результат! О боже, боже,— опять естественный результат!

— Доктора предписали Рэчел движение и развлечения и настойчиво убеждали меня отвлекать ее мысли от прошлого,— сказала леди Вериндер.— Я прилагаю все силы, чтобы исполнить эти предписания. Но странное приключение с Годфри случилось в самое неудачное время. Рэчел сразу встревожилась и взволновалась, как только услышала об этом. Она не давала мне покоя до тех пор, пока я не написала и не пригласила моего племянника Эблуайта приехать к нам. Она проявила интерес и к другому человеку, с которым так же грубо поступили,— к мистеру Люкеру... или как его? Хотя, разумеется, это уже совершенно посторонний для нее человек.

— Ваше знание света, милая тетушка, гораздо выше моего,— ответила я почтительно.— Но должна же быть причина для такого странного поведения Рэчел! Она скрывает греховную тайну от вас и от всех. Нет ли чего-нибудь такого в этих недавних происшествиях, что угрожает открытию ее тайны?

— Открытию? — переспросила тетушка.— Что вы хотите этим сказать? Открытию через Люкера? Открытию через моего племянника?

Едва эти слова сорвались с ее губ, как вмешалось само пророчество. Слуга открыл двери и доложил о мистере Годфри Эблуайте.

Глава II

Мистер Годфри явился вслед за слугой — именно так, как мистер Годфри делает все,— в самое надлежащее время. Он вошел не настолько быстро, чтобы испугать нас. И не настолько медленно, чтобы мы были вынуждены ждать, глядя на открытую дверь.

— Ступайте к мисс Вериндер,— обратилась тетушка к слуге,— и скажите ей, что мистер Эблуайт здесь.

Мы обе осведомились о его здоровье. Мы обе вместе спросили, оправился ли он после страшного приключения на прошлой неделе. С совершеннейшим тактом успел он

ответить нам обеим в одну и ту же минуту. Леди Вериндер получила словесный ответ, а мне досталась его очаровательная улыбка.

— Чем заслужил я все это сочувствие? — воскликнул он с бесконечной нежностью.— Милая тетушка! Милая мисс Клак! Меня лишь приняли за кого-то другого; мне лишь завязали глаза; меня лишь едва не задушили; меня лишь бросили на спину на очень тонкий ковер, покрывавший какой-то особенно жесткий пол. Ведь могло быть гораздо хуже! Я мог быть убит, меня могли обокрасть. Чего я лишился? Ничего, кроме нервной силы, которую закон не признает собственностью, так что, в строгом смысле, я не лишился ничего. Если бы я мог поступить по-своему, я умолчал бы об этом приключении. Мне неприятна вся эта суматоха и гласность. Но мистер Люкер сделал свои неприятности достоянием гласности, и, как естественное следствие, и мои неприятности стали достоянием гласности. Я буду собственностью газет до тех пор, пока любезному читателю не надоест этот предмет. Мне самому он надоел. Дай бог, чтобы любезный читатель скорее последовал моему примеру!. Как здоровье милой Рэчел? Все ли еще наслаждается она лондонскими развлечениями? Очень рад слышать это... Мисс Клак, мне нужно ваше снисхождение. Я ужасно запустил свои дела по комитету и своих любезных дам. Но я надеюсь заглянуть на следующей неделе в общество материнского попечительства. Много ли вы успели сделать в понедельник? Имеет ли комитет какие-нибудь надежды насчет будущего? Много ли у нас запасено панталон?

Нельзя было устоять против небесной кротости его улыбки. Глубина его бархатистого голоса усиливала очарование столь интересного делового вопроса, с которым он обратился ко мне. У нас было запасено слишком много панталон; мы были совершенно завалены ими. Я только что хотела об этом сказать, как дверь опять отворилась, и введение мирской тревоги ворвалось в комнату в лице мисс Вериндер.

Она подбежала к мистеру Годфри с неприличной быстротой, с ужасно растрепанными волосами и некрасиво раскрасневшимся лицом.

— Как я рада видеть вас, Годфри! — обратилась она к нему тем приятельским тоном, с каким один молодой человек обращается к другому.— Как жаль, что вы не

привели с собой мистера Люкера! Вы и он — пока длится наша последняя сенсация,— сейчас самые интересные люди во всем Лондоне. Это мрачная тема, это неестественно, от этого инстинктивно содрогается упорядоченная натура, подобная мисс Клак. Все равно. Расскажите мне сейчас полностью историю на Нортумберландской улице. Я знаю, что газеты кое о чем не упомянули.

Даже милый мистер Годфри унаследовал падшую натуру, доставшуюся нам всем от Адама,— весьма ничтожную долю человеческого наследства, но — увы! — все же унаследовал. Признаюсь, мне тяжко было видеть, как он взял руку Рэчел в обе свои руки и тихо приложил ее к левой стороне своего жилета. Это было прямым поощрением ее развязной манере разговора и ее дерзкому намеку на меня.

— Дражайшая Рэчел,— промолвил он тем самым голосом, который потряс меня, когда он говорил о наших надеждах и наших панталонах,— газеты рассказали вам все — и рассказали гораздо лучше, чем мог бы я.

— Годфри считает, что мы приписываем слишком много значения этому делу,— заметила тетушка.— Он только сейчас говорил нам, что ему неприятно говорить об этом.

— Почему?

Рэчел задала этот вопрос, внезапно сверкнув глазами и уставившись прямо в лицо мистеру Годфри.

Он же бросил на нее взгляд, исполненный такой незаслуженной и ничем не оправданной снисходительности, что я не могла не вмешаться.

— Рэчел, милочка,— запротестовала я мягко,— истинное величие и истинное мужество всегда скромны!

— Вы по-своему добрый малый, Годфри,— продолжала она, по-прежнему не обращая на меня ни малейшего внимания и говоря все в той же развязной манере,— но я уверена, что в вас нет никакого величия; я не верю, чтобы вы обладали каким-либо особым мужеством, и я твердо убеждена, что у вас есть личная причина не говорить о вашем приключении на Нортумберландской улице. И я намереваюсь узнать эту причину.

— Причина очень простая, и признаться в ней очень легко,— ответил он с величайшим к ней снисхождением.— Мне надоело говорить об этом.

— Вам надоело? Милый Годфри, я сделаю вам замечание.

— Какое?

— Вы проводите чересчур много времени в женском обществе. Вы усвоили там две прескверные привычки: серьезно разговаривать о пустяках и лгать из одного удовольствия говорить ложь. Вы не можете действовать прямо с вашими обожательницами. Но я намереваюсь заставить вас со мною действовать прямо. Подите сюда и сядьте. Я горю нетерпением забросать вас прямыми вопросами и надеюсь заставить вас дать мне прямые ответы.

Она прямо-таки потащила его через всю комнату к стулу у окна, где свет падал бы на его лицо. Мне тяжела необходимость описывать подобные речи и поступки. Но между чеком мистера Фрэнклина Блэка, с одной стороны, и святой потребностью в правде с другой,— что в силах я сделать? Я взглянула на тетушку. Она сидела неподвижно, по-видимому отнюдь не расположенная вмешиваться. Никогда раньше не замечала я в ней такого оцепенения. Это была, быть может, реакция после беспокойного времени в деревне, которое ей пришлось пережить.

Между тем Рэчел села у окна с мистером Годфри. Она принялась за вопросы, которыми грозила ему, так же мало обращая внимания на свою мать и на меня, как если бы нас вовсе не было в комнате.

— Полиция ничего не открыла, Годфри?

— Решительно ничего.

— Я полагаю, что три человека, расставившие вам ловушку, были те самые, которые потом расставили ловушку мистеру Люкеру?

— В этом не может быть никакого сомнения, милая Рэчел.

— И ни малейшего следа этих людей не было найдено?

— Ни малейшего.

— Думают — не правда ли? — что это те самые три индуса, которые приходили к нам в деревне?

— Кое-кто думает так.

— А вы это думаете?

— Дорогая моя, они завязали мне глаза, прежде чем я успел увидеть их лица. Я решительно ничего не знаю об этом. Как могу я высказывать какое-нибудь мнение?

Она, не смущаясь, продолжала свои вопросы:

— Я хочу узнать что-нибудь о мистере Люкере, Годфри.

— Опять мне не везет, Рэчел! Я совсем ничего не знаю о мистере Люкере.

— Вы не виделись с ним раньше, до встречи в банке?

— Никогда.

— А позднее вы его видели?

— Да. Нас допрашивали — и вместе и поодиночке — в полиции.

— У мистера Люкера, кажется, отняли квитанцию, которую он получил от своего банкира. Что это за квитанция?

— На какую-то драгоценность, которую он отдал на хранение в банк.

— Так и было сказано в газетах. Но если этого достаточно для читателей вообще, то мне этого мало. В квитанции было, вероятно, указано, что это за драгоценность?

— Я слышал, Рэчел, что в расписке ничего не было указано. Драгоценность, принадлежащая мистеру Люкеру, запечатанная его печатью и отданная в банк на хранение, с тем чтобы быть выданной обратно только в его собственные руки, — вот ее форма и вот все, что я знаю об этом.

Рэчел помолчала с минуту, взглянула на мать и вздохнула. Потом опять перевела глаза на мистера Годфри и продолжала:

— Наши частные дела, кажется, попали в газеты?

— С прискорбием должен сознаться, что это так.

— И кое-какие праздные люди, совершенно чужие нам, стараются установить связь между тем, что случилось в нашем доме в Йоркшире, и тем, что произошло после этого здесь, в Лондоне?

— Боюсь, что любопытство публики направлено именно в эту сторону.

— Люди, утверждающие, что трое неизвестных, напавших на вас и на мистера Люкера, это те же индусы, говорят также, что и драгоценность...

Тут Рэчел остановилась. Она делалась постепенно все бледнее и бледнее. Необыкновенно черные волосы ее сделали эту бледность, по контрасту, такой страшной, что мы все думали — она упадет в обморок в ту минуту, когда остановилась на середине своего вопроса. Милый мистер Годфри сделал вторую попытку встать со стула. Тетушка умоляла ее не говорить более. Я поспешила на помощь тетушке со скромным залогом мира в виде склянки с нюхательной солью.

— Годфри, оставайтесь на своем месте... Мама, нет ни

малейшей причины пугаться за меня... Клак, вы умираете от желания услышать конец,— я не упаду в обморок специально для того, чтобы сделать вам одолжение.

Таковы были подлинные ее слова, я записала их в дневнике тотчас, как вернулась домой.

Она опять обратилась к мистеру Годфри. С упорством, на которое страшно было смотреть, она опять вернулась к прерванной фразе, на которой остановилась, и докончила ее:

— Скажите мне прямо, Годфри: говорит ли кто-нибудь, что драгоценность мистера Люкера — Лунный камень?

Едва лишь упоминание об алмазе сорвалось с ее губ, я увидела перемену в моем чудном друге. Лицо его потемнело. Его покинула присущая ему мягкость в обращении, составлявшая одну из главных его прелестей. Ответ его преисполнился благородного негодования.

— Они говорят это! — воскликнул он.— Есть люди, не останавливающиеся перед тем, чтобы обвинить мистера Люкера в обмане во имя каких-то частных личных интересов. Он снова и снова торжественно клянется в ответ на клевету, что никогда в жизни даже и не слышал о Лунном камне. А эти низкие люди отвечают — без тени каких-либо доказательств,— что у него есть причины быть скрытым. «Мы отказываемся верить его клятве!» Стыд и позор!

Пока он говорил, Рэчел глядела на него как-то странно,— не берусь описать, до чего странно. Когда он кончил, она сказала:

— Если принять во внимание, что мистер Люкер едва вам знаком, вы что-то уж очень горячо защищаете его, Годфри.

Мой высокоодаренный друг дал ей один из самых истинно евангельских ответов, какие я когда-либо в жизни слышала:

— Надеюсь, Рэчел, я горячо защищаю интересы каждого притесняемого человека.

Тон, каким были сказаны эти слова, мог бы растопить камень. Но — о друзья мои! — что такое твердость камня? Ничто перед твердостью необращенного сердца человеческого! Она фыркнула. Я краснею, вспоминая это: фыркнула ему в лицо.

— Приберегите ваши благородные фразы для женского комитета, Годфри. Я убеждена, что скандал, коснувшийся Люкера, не пощадил и вас.

Даже оцепенение тетушки прошло при этих словах.

— Рэчел, дорогая,— вступилась она,— ты не имеешь права так говорить!

— Я не имею в виду ничего плохого, мама, я говорю это с добрыми намерениями. Потерпите еще минутку, и вы увидите.

Она опять взглянула на мистера Годфри с выражением, похожим на внезапную жалость. Она зашла так далеко, так несовместимо с женским достоинством, что позволила себе взять его за руку.

— Я уверена, что догадываюсь о причине вашего нежелания говорить на эту тему с моей матерью и со мной. Несчастная случайность соединила ваше имя в глазах людей с именем мистера Люкера. Вы рассказали мне о скандальных слухах, которые ходят про него. Скажите мне, какие скандальные слухи ходят про вас?

Даже в эту минуту милый мистер Годфри, всегда готовый отвечать добром за зло, попытался пощадить ее.

— Не спрашивайте меня! — сказал он.— Лучше позабудем об этом, Рэчел... право же, лучше!

— Я хочу это знать! — вскричала она яростно.

— Ответьте ей, Годфри,— вмешалась тетушка, — никто так не повредит ей сейчас, как ваше молчание.

Красивые глаза мистера Годфри наполнились слезами. Он устремил на нее последний умоляющий взгляд и произнес наконец роковые слова:

— Если вы хотите знать, Рэчел, слух идет, что Лунный камень в закладе у мистера Люкера и что я — тот человек, кто заложил его.

Она вскочила на ноги со стоном. Она попеременно глядела то на тетушку, то на мистера Годфри с таким безумным видом, что я, право же, подумала: уж не сошла ли она с ума?

— Не говорите со мной! Не дотрагивайтесь до меня! — воскликнула она, отшатываясь от нас всех, словно загнанный зверь, в дальний угол комнаты.— Это моя вина! Я должна исправить ее! Я принесла в жертву себя — это мое право. Но видеть, как гибнет невинный человек, хранить тайну, разрушая ему жизнь? О господи! Это слишком ужасно! Я не могу этого вынести!

Тетушка приподнялась со стула и вдруг снова села. Она окликнула меня слабым голосом, указав на флакон в своей рабочей корзинке.

— Скорей,— шепнула она,— шесть капель с водой. Чтобы Рэчел не заметила!

При других обстоятельствах я нашла бы это странным. Но сейчас не было времени думать — нужно было дать лекарство. Милый мистер Годфри бессознательно помог мне скрыть это от Рэчел, говоря ей на другом конце комнаты слова утешения:

— Право же... право же, вы преувеличиваете,— услышала я.— Моя репутация слишком безупречна, для того чтобы ее могла погубить такая мимолетная клевета. Все это позабудется через неделю. Перестанем говорить об этом.

Она осталась совершенно нечувствительна даже к такому великолючию. Она вела себя все хуже и хуже.

— Я должна и хочу пресечь эту клевету,— сказала она.— Мама, послушайте, что я скажу... Мисс Клак, послушайте, что я скажу. Я знаю руку, взвявшую Лунный камень. Я знаю...— Она сделала сильное ударение на этих словах, она топнула ногой в ярости, овладевшей ею.— Я знаю, что Годфри Эблуайт невиновен! Ведите меня к судье, Годфри! Ведите меня к судье, и я присягну в этом!

Тетушка схватила меня за руку и шепнула:

— Загородите меня от них минуты на две. Не допускайте, чтобы Рэчел увидела меня.

Синеватый оттенок, проступивший на лице ее, ужаснул меня. Она увидела, что я испугалась.

— Капли поправят дело минуты через две,— шепнула она и, закрыв глаза, стала ждать их действия.

Покуда это продолжалось, я слышала, как милый мистер Годфри кротко возражал:

— Ваше имя не должно быть связано с такими делами. Ваша репутация, дорогая Рэчел, слишком чиста и слишком священна для того, чтобы ею можно было шутить.

— Моя репутация! — Она разразилась хохотом.— Меня обвиняют, Годфри, так же как и вас. Лучший сыщик в Англии убежден, что я украла свой собственный алмаз. Спросите его мнение, и он вам скажет, что я заложила Лунный камень для уплаты своих тайных долгов!

Она замолчала, перебежала комнату и упала на колени у ног матери:

— О мама! мама! мама! Я, должно быть, сумасшедшая, не правда ли? Не открыть истины даже теперь!

Она была так возбуждена, что не заметила состояния

своей матери. Она опять вскочила на ноги и в одно мгновение очутилась возле мистера Годфри.

— Я не позволю, чтобы вас... не позволю, чтобы какого-нибудь невинного человека обвинили и обесчестили по моей вине! Если вы не хотите повести меня к судье, напишите сейчас заявление о вашей невиновности, и я подпишу его. Сделайте, что я говорю вам, Годфри, или я напечатаю об этом в газетах, выбегу и стану кричать об этом на улицах!

Мы не станем уверять, что слова эти были внушены угрызениями совести,— мы скажем, что они были внушены истерикой. Снисходительный мистер Годфри успокоил ее, взял лист бумаги и написав заявление. Она подписала его с лихорадочной торопливостью.

— Показывайте это везде, не думайте обо мне,— сказала она, подавая ему бумагу.— Боюсь, Годфри, что в мыслях моих я не была к вам до сих пор справедлива. Вы не такой эгоист, вы гораздо добнее, чем я думала. Приходите к нам, когда сможете, и я постараюсь загладить несправедливость, которую оказала вам.

Она подала ему руку. Увы, как жалка наша падшая натура! Увы, мистер Годфри — он не только забылся до такой степени, что поцеловал ее руку,— он ответил ей кротким тоном, который сам по себе, при данных обстоятельствах, был греховным:

— Я приду, дорогая, с условием, чтобы мы больше не говорили об этом ненавистном предмете.

Прежде чем кто-нибудь из нас успел сказать еще слово, раздался громкий стук в дверь. Я выглянула в окно и увидела Мирское, Плоть и Дьявола, ожидавших перед домом в виде кареты и лошадей, напудренного лакея и трех женщин, одетых до такой степени смело, что еще ни разу в моей жизни не доводилось мне видеть что-либо подобное.

Рэчел вздрогнула и пришла в себя. Она приблизилась к своей матери.

— За мной заехали взять меня на цветочную выставку,— сказала она.— Одно словечко, мама, прежде чем я пойду. Я не огорчила вас?

Капли произвели свое действие. Цвет лица бедной моей тетки принял свой естественный оттенок.

— Нет, нет, душа моя,— сказала она.— Поезжай со своими друзьями и повеселись.

Дочь наклонилась к ней и поцеловала ее.

Я стояла возле двери, когда Рэчел выходила из комнаты. Новая перемена — она была в слезах. Я с интересом наблюдала за мгновенным смягчением этого ожесточенного сердца. Я склонна уже была сказать ей несколько слов убеждения. Увы, моя симпатия, вызванная добрыми намерениями, только оскорбила ее. «С какой стати вы жалеете меня? — спросила она горьким шепотом.— Разве вы не видите, что я счастлива? Я еду на цветочную выставку, Клак, и у меня самая красивая шляпка во всем Лондоне». Она завершила эту насмешку надо мной воздушным поцелуем по моему адресу и выбежала из комнаты.

Вернувшись к тетушке, я заметила, что милый мистер Годфри тихо ищет что-то по всем углам комнаты. Прежде чем я успела предложить ему помочь, он уже нашел то, что искал. Он вернулся к своей тетке и ко мне с заявлением о его невиновности в одной руке и с коробочкой спичек в другой.

— Дорогая тетя, маленький заговор,— сказал он.— Дорогая мисс Клак, благочестивый обман, извинительный даже для вашей высокой нравственной прямоты! Прошу вас, оставьте Рэчел в убеждении, что я принимаю велико-душное самопожертвование, с каким она подписала эту бумагу. И прошу вас, будьте свидетельницами, что я уничтожил эту бумагу в вашем присутствии, прежде чем выйти из этого дома!

Он зажег спичку и сжег бумагу на тарелке, стоявшей на столе.

— Маленькая неприятность, случившаяся со мной,— сущий пустяк, гораздо важнее сохранить это чистое имя от мирской заразы. Вот! Безобидная маленькая кучка золы, и наша милая впечатлительная Рэчел никогда не узнает о том, что мы сделали. Каковы ваши чувства сейчас? Драгоценные друзья мои, каковы сейчас ваши чувства? Что до меня, у меня сейчас так же легко на душе, как у маленького мальчика.

Он засиял своей прелестной улыбкой; он протянул одну руку тетушке, а другую мне. Я была слишком потрясена его благородным поведением, чтобы заговорить. Я зажмурила глаза, поднесла его руку в каком-то мистическом самозабвении к своим губам. Он прошептал мягкое возражение. О, восторг, чистый, неземной восторг этой минуты! Я села, сама не знаю на что, совершенно забыв обо всем в экзальтации своих чувств. Когда я опять открыла

глаза, я точно спустилась с неба на землю. В комнате не было никого, кроме тетушки. Он ушел.

Хотела бы я поставить здесь точку, закончив рассказ на благородном поступке мистера Годфри. К несчастью, остается еще многое, очень многое, о чем финансовое давление мистера Фрэнклина Блэка вынуждает меня писать.

Оставшись одна с леди Вериндер, я, естественно, заговорила о ее здоровье, деликатно упомянув, что меня удивили ее старания скрыть от дочери свой припадок и принятые лекарства. Ответ моей тетки чрезвычайно меня удивил.

— Друзилла,— сказала она (если я еще не упомянула, что мое христианское имя Друзилла, то позвольте сообщить об этом теперь),— вы коснулись — без всякого умысла, я в этом уверена,— тяжелого предмета.

Я тотчас поднялась с места. Деликатность оставила мне лишь один выход: сперва извиниться, а потом уйти. Леди Вериндер остановила меня и настояла, чтобы я опять села.

— Вы случайно узнали тайну, которую я доверила только своей сестре, миссис Эблайт, и своему стряпчему, мистеру Бреффу, и кому другому. Я могу положиться на их скромность и уверена, что, когда я расскажу вам все обстоятельства, смогу положиться и на вас. Свободен ли у вас сегодняшний день или вы обещали где-нибудь быть сегодня, Друзилла?

Излишне говорить, что я тотчас отдала все свое время в полное распоряжение тетушки.

— Если так, останьтесь со мной еще на часок,— сказала она.— Я вам сообщу кое-что и думаю, что вы выслушаете это с огорчением. А потом я попрошу вас оказать мне услугу, если только вы не против.

Бесполезно говорить, что я отнюдь не была против и чрезвычайно желала ей помочь.

— Подождемте мистера Бреффа, он должен приехать в пять часов. И вы сможете быть одной из свидетельниц, Друзилла, когда я подпишу мое завещание.

Ее завещание! Я вспомнила о каплях в ее рабочем ящике. Я вспомнила о синеватом оттенке ее лица. Свет не от мира сего — свет, пророчески засиявший из невырытой еще могилы, осветил мне мысли. Тайна моей тетушки перестала быть для меня тайной.

Глава III

Уважение к бедной леди Вериндер не позволило мне даже и намекнуть ей, что я угадала печальную истину, прежде чем она раскрыла рот. Я молча ждала, пока она вздумает заговорить.

— Уже несколько времени, как я серьезно больна, Друзилла,— начала тетушка,— и, странно сказать, я сама об этом не подозревала.

Я подумала о тысячах и тысячах погибающих существ, которые в эту минуту больны духовно, сами не подозревая об этом. И я очень боялась, что моя бедная тетушка может быть в их числе.

— Да, дорогая,— произнесла я грустно,— да.

— Вы знаете, что я привезла Рэчел в Лондон посоветоваться с докторами,— продолжала она.— Я сочла нужным обратиться к двум докторам.

— Да, дорогая,— опять повторила я,— да.

— Один из двух докторов,— продолжала тетушка,— был мне незнаком. Другой был старый друг моего мужа и всегда принимал во мне искреннее участие ради моего мужа. Прописав лекарства Рэчел, он сказал, что хотел бы поговорить со мной наедине. Я, разумеется, думала, что он даст какие-нибудь особые наставления, касающиеся лечения моей дочери. К удивлению моему, он с серьезным видом взял меня за руку и сказал: «Я гляжу на вас, леди Вериндер, с участием не только друга, но и медика. Я боюсь, что совет врача гораздо нужнее вам, чем вашей дочери». Он задал мне несколько вопросов, которым я не придавала никакого значения, пока не заметила, что мои ответы огорчают его. Кончилось тем, что он условился приехать ко мне со своим другом, также доктором, на следующий день, в такой час, когда Рэчел не будет дома. Результаты этого визита были очень мягко и осторожно сообщены мне. Осмотр показал обоим врачам, что потеряно было много драгоценного времени, которое уже нельзя вернуть, и что болезнь моя стала уже недоступна их искусству. Более чем два года я страдаю болезнью сердца, которая, не проявляя симптомов, способных напугать меня, мало-помалу гибельно разрушила мое здоровье. Я могу прожить еще несколько месяцев или умереть раньше, в течение сегодняшнего дня,— на этот счет доктора не могут, или не решаются, сказать ничего определенного. Не стану

утверждать, моя милая, что я не переживала тяжелых минут, узнав о своем настоящем положении. Но сейчас я уже покорилась своей участи и всеми силами стараюсь привести в порядок свои мирские дела. Я беспокоюсь лишь об одном — чтобы Рэчел не узнала правды. Если она ее узнает, она тотчас припишет мою болезнь беспокойству по поводу алмаза и станет горько упрекать себя, бедняжка, за то, в чем нисколько не виновата. Оба врача согласны, что болезнь началась года два, если не три назад. Я уверена, что вы сохраните мою тайну, Друзилла,— я вижу искреннюю горесть и сочувствие на вашем лице.

Горесть и сочувствие! О, не этих языческих чувств следовало ожидать от христианки и англичанки, глубоко преданной христианской вере!

Тетушка и не воображала, какая трепет набожной признательности пробежал по моим жилам, когда она приблизилась к концу своего печального рассказа. Что за полезная деятельность открывалась передо мной! Возлюбленная моя родственница и погибающая ближняя стояла на краю великой перемены, совершенно не приготовившись, и благость провидения заставила ее открыть свое положение мне! Как я могу описать радость, с какой я тотчас вспомнила, что драгоценных друзей среди церковных пастырей, на которых могла бы в этом деле положиться, я насчитываю не единицами, а десятками! Я заключила тетушку в свои объятия — избыток переполнявшей меня нежности не мог теперь удовлетвориться ничем меньшим, нежели объятие.

— О,— произнесла я набожно,— какой невыразимый интерес внушаете вы мне! О, какую пользу намерена я принести вам, прежде чем мы с вами расстанемся, душечка!

Подготовив ее двумя-тремя серьезными словами, я предложила ей выбор между драгоценными духовными пастырями, которые все занимались делом милосердия с утра до вечера в этих окрестностях и одинаково блестали неистощимым красноречием и одинаково готовы былипустить в ход свои дарования по одному моему слову. Увы! Я не встретила должного отклика. На лице бедной леди Вериндер выражались недоумение и испуг, и она отвечала на все, что я могла сказать ей, чисто мирским возражением: она слишком слаба физически для встреч с посторонними людьми. Я уступила — разумеется, на первое время. Огромная опытность чтицы и проповедницы подсказала мне,

что это был случай, когда еще требовалась подготовка путем соответствующего чтения.

У меня была маленькая библиотечка, целиком подходящая к данному случаю, рассчитанная на то, чтобы пробудить, подготовить, просветить и подкрепить тетушку.

— Вы не откажетесь прочитать, дорогая моя, не правда ли,— сказала я самым умильным тоном,— не откажетесь прочитать, если я принесу вам мои собственные драгоценные книги? Листы загнуты в надлежащих местах, тетушка. А карандашом сделаны отметки там, где вы должны остановиться и спросить себя: «Применимо ли это ко мне?»

Даже такая простая просьба — столь сильно нечестивое влияние света! — как будто испугала тетушку. Она ответила, бросив на меня удивленный взгляд, который было и поучительно и вместе с тем страшно видеть:

— Я сделаю, что могу, Друэйла, чтобы доставить вам удовольствие.

Нельзя было терять ни минуты. Часы на камине показали мне, что я едва успею сбегать домой, запастись первой серией избранных книг (скажем, всего лишь дюжиной) и вернуться вовремя, чтобы застать стряпчего и расписаться как свидетельница на завещании леди Вериндер. Дав слово непременно вернуться к пяти часам, я поспешила по моему благотворительному делу.

Когда дело идет о собственных моих интересах, я смиренно довольствуюсь омнибусом. Вы получите полное представление о моей преданности интересам тетушки, если узнаете, что в данном случае я разорилась на кэб.

Приехав домой, я выбрала и покрыла отметками первую серию для чтения и вернулась на Монте́гю-сквер с дюжиной книг в саквояже, подобных которым не сыщешь в литературе никакой другой европейской страны. Я заплатила кучеру только то, что ему следовало. Он взял деньги с ругательством, а я немедленно протянула ему один из моих трактатов. Если бы я приставила ему ко лбу пистолет, этот негодяй не обнаружил бы большего испуга. Он вскочил на козлы и с нечестивыми восклицаниями недовольства ускакал во весь опор. И совершенно напрасно — могу вам сказать это с радостью: я таки успела посеять добрые семена, вопреки ему, бросив второй трактат в окно его кэба.

К моему великому облегчению, дверь отворила не особа в чепчике с лентами, а лакей, сообщивший мне, что приехал доктор и все еще сидит, запершись, с леди Вериндер.

Мистер Брефф, стряпчий, также приехал с минуту назад и ждет в библиотеке. Меня провели в библиотеку и просили обождать. Брефф, казалось, был удивлен, увидев меня. Он семейный стряпчий, и мы не раз встречались с ним в доме леди Вериндер. Я с огорчением должна сказать, что он дожил до седых волос, занимаясь мирскими делами. В деловые свои часы этот человек был избранным пророком Закона и Маммоны, а в свободные часы одинаково был способен прочесть роман и разорвать брошюру.

— Вы приехали сюда на жительство, мисс Клак? — спросил он, взглянув на мой саквояж.

Открыть ему то, что лежало в моем драгоценном саквояже, значило бы просто вызвать поток нечестивых слов. Я унизила себя до его уровня и объяснила, по какому делу приехала сюда.

— Тетушка сообщила мне, что собирается подписывать свое завещание,— ответила я.— Она была так добра, что просила меня быть одной из свидетельниц.

— А! Ну что ж, мисс Клак, вы вполне годитесь для свидетельницы. Годами вы давно уже совершеннолетняя, и вы не имеете ни малейшего денежного интереса в завещании леди Вериндер.

Ни малейшего денежного интереса в завещании леди Вериндер! О, с какой признательностью услышала я это! Если бы тетушка, обладая тысячами, вспомнила и бедную меня, для которой даже пять тысяч значат очень много, и если бы мое имя появилось в завещании в связи с маленьким наследством,— мои враги могли бы еще усомниться в причине, заставившей меня привезти с собой избранные сокровища моей библиотеки и истощить мои слабые средства на разорительный наем кэба. Но теперь в этом не мог сомневаться даже самый жестокий поноситель. Гораздо лучше, что произошло именно так! О, конечно, конечно, гораздо лучше!

Я была оторвана от этих утешительных размышлений голосом мистера Бреффа. Мое молчание, выполненное раздумья, по-видимому, тяготило этого суэтного человека и принуждало его, так сказать, обращаться ко мне против его собственной воли.

— Ну, мисс Клак, каковы последние новости в ваших благотворительных кружках? Как поживает ваш приятель мистер Годфри Эблуйт после таски, заданной ему мошенниками на Нортумберландской улице? Хорошенькую

историю рассказывают в моем клубе об этом благочестивом джентльмене!

Я смолчала на тон, каким этот человек заявил мне, что я совершенолетняя и не имею никакого денежного интереса в завещании тетушки. Но тон, каким намекнул он на милого мистера Годфри, вывел меня из терпения. Считая себя обязанной после всего, что случилось в моем присутствии в этот день, утверждать невиновность моего чудного друга, кто бы и где бы ни стал сомневаться в ней,— я почувствовала необходимость включить в исполнение этого справедливого намерения язвительный укор мистеру Бреффу.

— Я не живу в свете,— сказала я,— и не пользуюсь преимуществом, сэр, быть членом вашего клуба. Но я случайно узнала историю, о которой вы намекаете, и знаю также, что более гнусной лжи, чем эта история, не было выдумано никогда.

— Да-да, мисс Клак, вы верите вашему другу. Это довольно естественно. Но мистеру Годфри Эблуйту не будет так легко убедить свет вообще, как комитет благотворительных дам,— факты говорят против него. Он был в доме, когда пропал алмаз, он первый уехал из этого дома в Лондон. Это очень некрасивые обстоятельства, сударыня, если взглянуть на них с точки зрения последних событий.

Я знаю, что мне следовало остановить его, прежде чем он будет продолжать дальше. Мне следовало сказать ему, что он говорит, не имея представления о свидетельстве невиновности мистера Годфри, выданном ему единственным лицом, чье право тут неоспоримо, поскольку связано с положительным знанием истины. Увы, искушение довести этого законника до необходимого сознания своей неправоты было сильнее! Я спросила у него с видом полной невинности, что он подразумевает под «последними событиями».

— Под последними событиями, мисс Клак, я подразумеваю те события, в которых замешаны индусы,— начал мистер Брефф, говоря со все большей надменностью, по мере того как он продолжал.— Что делают индусы, как только их выпустили из Фризинголлской тюрьмы? Они прямо отправляются в Лондон и начинают пристально наблюдать за мистером Люкером. Что следует затем? Мистер Люкер боится, и весьма основательно, за безопасность драгоценности, которую он взял в залог. Он дает ее тайно — под общим описанием — на сохранение банкиру. Удивительно

хитро с его стороны, но индусы тоже удивительно хитры, с своей стороны. Они подозревают, что «драгоценность» перенесена из одного места в другое, и они избирают необыкновенно смелый и удачный способ, чтобы проверить свои подозрения. Кого они хватают и обыскивают? Не только мистера Люкера,— что было бы довольно понятно,— но и мистера Годфри Эблуйта также. Почему? Объяснение Эблуйта состоит в том, что индусы будто бы действовали по слепому подозрению, увидя его случайно разговаривающим с мистером Люкером. Нелепость! Полдюжины других людей говорило с мистером Люкером в это утро. Почему же индусы не проследили этих людей до их дома и не заманили их в ловушку? Нет-нет! Простой вывод, какой можно сделать из этого, состоит в том, что мистер Эблуйт имеет какое-то особое отношение к «драгоценности», так же как и мистер Люкер, и что индусы не знали наверное, у кого именно из них была эта драгоценность, так что им больше ничего не оставалось, как обыскать того и другого. Так говорит общественное мнение, мисс Клак, и опровергнуть общественное мнение в данном случае не так-то легко!

Он произнес эти последние слова с такой самоуверенностью, что — признаюсь к стыду моему — я не могла устоять от желания заставить его зайти еще дальше, прежде чем поразить его истиной.

— Не берусь спорить с таким искусным юристом,— сказала я,— но справедливо ли будет, сэр, в отношении мистера Эблуйта пренебречь мнением знаменитого лондонского сыщика, который производил следствие? Сыщик Кафф не подозревает решительно никого, кроме мисс Вериндер.

— Вы хотите сказать мне, мисс Клак, что вы согласны с сыщиком?

— Я не осуждаю никого, сэр, и не выражаю никакого мнения.

— А я сделаю и то и другое, сударыня. Я считаю, что сыщик был совершенно не прав, и выражая свое мнение, состоящее в том, что, если бы он знал характер Рэчел так, как знаю я, он подозревал бы в доме каждого, прежде чем стал подозревать ее. Я согласен, что она имеет свои недостатки — она скрытна, своевольна, странна, причудлива и совсем не похожа на других девушек ее лет,— но она чиста душой, великодушна и благородна даже сверх меры. Если б самые явные улики на свете указывали на одно

и ничего, кроме честного слова Рэчел, не указывало бы на другое, я отдал бы предпочтение ее слову перед уликами, несмотря на то что я стряпчий! Это сильно сказано, мисс Клак, но я думаю то, что говорю.

— Не угодно ли вам пояснить значение ваших слов, мистер Брефф, так, чтобы я была уверена, что понимаю вас? Предположите, что мисс Вериндер совершенно непонятно заинтересовалась тем, что случилось с мистером Эблуайтом и мистером Люкером. Предположите, что она задала самые странные вопросы об ужасной клевете на мистера Эблуайта и обнаружила самое непреодолимое волнение, когда узнала, в чем состоит эта клевета.

— Предполагайте, что хотите, мисс Клак, это не поколеблет моего доверия к мисс Вериндер ни на волос.

— Вы, значит, считаете, что на нее можно решительно положиться?

— Решительно.

— Так позвольте же мне сообщить вам, мистер Брефф, что мистер Годфри Эблуайт был в этом доме два часа назад и что его совершенная невиновность во всем, что касается исчезновения Лунного камня, была провозглашена самой мисс Вериндер в самых сильных выражениях, какие я когда-либо слышала от молодой девушки.

Я насладилась торжеством — боюсь, что это было торжество греховное,— видя, как совершенно подавлен и поражен моими простыми словами мистер Брефф. Он вскочил и молча вытаращил на меня глаза. Я невозмутимо осталась на своем месте и рассказала ему всю сцену именно так, как она произошла.

— Что вы теперь скажете о мистере Эблуайте? — спросила я с чрезвычайной кротостью по окончании рассказа.

— Если Рэчел засвидетельствовала его невиновность, мисс Клак, я без колебания скажу, что верю в его невиновность так же твердо, как верите вы. Меня, как и многих других, обманули внешние факты, и я загляжу это как и где могу, публично опровергая клевету, преследующую вашего друга, повсюду, где я ее услышу. А пока позвольте мне поздравить вас с тем мастерством, с каким вы открыли полный огонь вашей батареи в ту минуту, когда я менее всего этого ожидал. Вы преуспели бы в моей профессии, если бы родились мужчиной.

С этими словами он отвернулся от меня и стал раздраженно ходить взад и вперед по комнате.

Я видела ясно, что новый свет, в котором я представила ему это событие, чрезвычайно удивил и встревожил его. Отдельные слова, срывавшиеся с его губ, по мере того как он все более и более погружался в свои мысли, объяснили мне, с какой ужасной точки зрения смотрел он до сих пор на тайну пропажи Лунного камня. Он не стеснялся подозревать милого мистера Годфри в гнусном похищении алмаза и приписывать поведение Рэчел великодушному желанию скрыть его преступление. По собственному свидетельству мисс Вериндер — авторитета неопровергимого, как вам известно, по мнению мистера Бреффа,— это объяснение теперь оказалось совершенно ошибочным. Недоумение, в которое впал этот высокий юридический авторитет, было так сильно, что он совершенно не в силах был скрыть его от меня.

— Вот так дело! — услышала я, как он пробормотал, остановившись в своей прогулке у окна и барабаня пальцами по стеклу.— Оно не поддается объяснению, нет ни малейшего намека на отгадку.

В его словах не заключалось ничего, требовавшего ответа с моей стороны, и все же я ответила ему.

— Простите, если я прерву ваши размышления,— сказала я ничего не подозревавшему мистеру Бреффу.— Но ведь можно же сделать одно предположение, до сих пор еще не приходившее вам в голову?

— Может быть, мисс Клак. Признаюсь, я такового не знаю.

— Прежде чем я имела счастье, сэр, убедить вас в невиновности мистера Эблуйта, вы упомянули как один из поводов подозревать его тот факт, что он был в доме во время пропажи алмаза. Позвольте мне напомнить вам, что мистер Фрэнклин Блэк был также в доме во время пропажи алмаза.

Старый грешник отошел от окна, сел на стул как раз против меня и пристально посмотрел на меня с жесткой и злобной улыбкой.

— Из вас вышел бы не такой хороший стряпчий, мисс Клак, как я предполагал,— заметил он задумчиво.— Вы не умеете остановиться вовремя.

— Боюсь, что не понимаю вашей мысли, мистер Брефф,— скромно ответила я.

— Второй раз у вас не выйдет, мисс Клак! Право, не выйдет. Фрэнклин Блэк — мой любimeц, вам это хорошо

известно. Но это ничего не значит. Я взгляну на дело с вашей точки зрения, прежде чем вы успеете напуститься на меня. Вы совершенно правы, сударыня. Я подозревал мистера Эблуйта по причинам, которые дают право подозревать такж и мистера Блэка. Очень хорошо, будем также подозревать и его. Допустим, что по своему характеру он способен украсть Лунный камень. Единственный состоит в том, зачем ему было его красть.

— Долги мистера Фрэнклина Блэка,— заметила я,— известны всему семейству.

— А долги мистера Годфри Эблуйта еще не дошли до такой степени известности. Совершенно справедливо. Но тут встречаются два затруднения, мешающие вашей теории, мисс Клак. Я управляю делами Фрэнклина Блэка и прошу позволения заметить вам, что большинство его кредиторов, зная, что отец его богатый человек, довольствуется получением процентов и спокойно ждет возврата своих денег. Это первое, довольно значительное затруднение. Существует и второе, еще более сильное. Я знаю от самой леди Вериндер, что дочь ее была готова выйти замуж за Фрэнклина Блэка, перед тем как этот гнусный индийский алмаз исчез из их дома. Она то подавала ему надежду, то отталкивала его с кокетством молодой девушки. Но она призналась своей матери, что любит кузена Фрэнклина, а мать доверила кузену Фрэнклину эту тайну. Вот в каком положении он находился, мисс Клак: кредиторы соглашались ждать, а сам он в ближайшее время должен был жениться на богатой наследнице. Считайте его негодяем сколько вам угодно, но скажите мне, сделайте милость: на что ему было брать Лунный камень?

— Человеческое сердце неисповедимо,— ответила я,— кто может изведать его глубины?

— Другими словами, сударыня, хотя он не имел ни малейшей причины красть алмаз, он все-таки его украл по своей развращенной натуре? Очень хорошо. Положим, что он украл. За каким же чертом...

— Извините, мистер Брефф. Если вы будете поминать черта, я вынуждена буду удалиться из комнаты.

— Извините меня, мисс Клак, впредь буду осторожнее в своих выражениях. Я только хотел спросить вот о чем. Почему — предположив, что он украл алмаз,— почему Фрэнклин Блэк больше всех в доме старается отыскать его? Вы можете ответить, что он хитро пытался отвлечь

подозрения от себя. А я отвечаю, что ему не нужно было отвлекать подозрений, потому что никто его и не подозревал. Сначала он крадет Лунный камень — без всяких оснований, лишь в силу природной испорченности,— а потом играет первую роль в поисках пропавшего алмаза, роль, совершенно ему не нужную и смертельно оскорбившую молодую девицу, которая, если бы не это, вышла бы за него замуж. Вот нелепое утверждение, к которому вы неизбежно придете, если будете стремиться связать исчезновение Лунного камня с Фрэнклином Блэком. Нет-нет, мисс Клак! После нашего с вами сегодняшнего обмена мыслями решительно можно стать в тупик. Невиновность Рэчел,— как известно ее матери и мне,— вне всякого сомнения. Невиновность мистера Эблуйта неопровергима, иначе Рэчел никогда бы не засвидетельствовала ее. Невиновность Фрэнклина Блэка, как вы сейчас видели, бесспорно доказывает сама себя. С одной стороны, мы все убеждены во всем этом. С другой стороны, мы также убеждены, что кто-то привез Лунный камень в Лондон и что алмаз тайно находится в эту минуту или у мистера Люкера, или у его банкира. Какая польза в моей опыта, какая польза в опыта чьей бы то ни было в подобном деле? Оно сбивает с толку меня, оно сбивает с толку вас, оно сбивает с толку нас всех...

Нет, не всех. Оно не сбило с толку сыщика Каффа. Я уже хотела упомянуть об этом со всей возможной кротостью и со всем необходимым протестом против предположения, будто я желаю набросить тень на Рэчел, как вошел слуга сказать, что доктора уехали и что тетушка ждет нас.

Это прекратило наш спор. Мистер Брефф собрал свои бумаги, несколько утомленный разговором; я взяла свой саквояж с драгоценными изданиями, чувствуя, что могла бы говорить еще несколько часов. И оба мы молча пошли в комнату леди Вериндер.

Глава IV

Церемония подписи завещания оказалась гораздо короче, чем я ожидала. По моему мнению, все было сделано с неприличной поспешностью. Послали за Самюэлем, лакеем, который должен был быть вторым свидетелем, и тотчас же подали перо тетушке. Я чувствовала сильное

побуждение сказать несколько приличествующих случаю слов, но поведение мистера Бреффа убедило меня, что будет благоразумнее от этого воздержаться, пока он находится в комнате. Не прошло и двух минут, как все было кончено, и Самюэль (лишенный благотворного влияния того, что я могла бы сказать) опять ушел вниз.

Сложив завещание, мистер Брефф взглянул на меня, по-видимому спрашивая себя, намерена я или нет оставить его наедине с тетушкой. Но мне нужно было выполнить свою высокую миссию, и саквояж с драгоценными изданиями лежал у меня на коленях. Стряпчий точно так же мог бы сдвинуть своим взглядом с места собор Святого Павла, как сдвинуть с места меня. В нем есть одно достоинство (приобретенное, без сомнения, благодаря мирскому воспитанию), которое я не имею желания опровергать: он очень зорко видит все. Я, кажется, произвела на него почти такое же впечатление, какое произвела на извозчика. Он так же пробормотал какие-то нечестивые слова и поспешно ушел, оставив меня победительницей.

Как только мы остались одни, тетушка прилегла на диван, а потом намекнула с некоторым замешательством на свое завещание.

— Я надеюсь, что вы не считете себя забытой, Друзилла,— сказала она.— Я намерена отдать вам ваше маленькое наследство лично, милая моя.

Вот он, золотой случай! Я тотчас воспользовалась им. Другими словами, я тотчас раскрыла свой саквояж и вынула трактат, лежавший сверху. Он оказался одним из первых изданий — только двадцать пятым — знаменитого анонимного сочинения (думают, что его писала драгоценная мисс Беллоус), под заглавием «Домашний эмий». Цель этой книги, с которой, может быть, мирской читатель не знаком,— показать, как злой дух подстерегает нас во всех, с виду невинных, поступках нашей повседневной жизни. Главы, наиболее приспособленные к женскому чтению, называются: «Сатана в головной щетке», «Сатана за зеркалом», «Сатана под чайным столом», «Сатана, глядящий из окна» и т. д.

— Подарите ваше внимание, милая тетушка, этой драгоценной книге — вот лучший дар, которого я у вас прошу.

С этими словами я подала ей книгу, раскрытую на замечательном месте: «Сатана между подушками дивана».

Бедная леди Вериндер, легкомысленно прислонившаяся

к подушкам своего дивана, взглянула на книгу и возвратила ее мне, смутившись еще больше прежнего.

— Боюсь, Друзилла,— сказала она,— что надо выждать, пока мне станет лучше, прежде чем я смогу это прочесть.

Мне ничего не оставалось, как уступить, но лишь на одну минуту. Всякое открытое уверение, что дело мое гораздо важнее дела врачей, заставило бы доктора воздействовать на человеческую слабость своей пациентки угрозой бросить ее лечить. К счастью, есть много способов сеять добрые семена, и мало кто понимает эти способы лучше меня.

— Вы, может быть, почувствуете себя крепче, душечка, часа через два,— сказала я,— или вы можете проснуться завтра утром с чувством чего-то не достающего вам, и тогда эта простая книга может заменить вам недостающее. Вы позволите оставить ее здесь, тетушка? Доктор ничего не сможет сказать против этого!

Я засунула книгу под подушку дивана возле ее носового платка и скляночки с нюхательным спиртом. Каждый раз, как она протянет руку за тем или другим, она будет трогать и книгу, и, кто знает, рано или поздно книга, в свою очередь, может тронуть ее. Распорядившись таким образом, я сочла благоразумным уйти.

— Позвольте мне оставить вас отдохнуть, милая тетушка, до завтра!

Говоря так, я случайно взглянула на окно — там стояло множество цветов в ящиках и горшках. Леди Вериндер до безумия любила эти тленные сокровища и имела привычку вставать время от времени, любоваться на них и нюхать. Новая мысль мелькнула у меня в голове.

— О, можно мне сорвать цветок? — сказала я и, не возбуждая подозрения, подошла к окну.

Но, вместо того чтобы срывать цветы, я прибавила к ним еще один, а именно — другую книгу из своего саквояжа, которую я оставила, как сюрприз тетушке, между геранью и розами. Счастливая мысль последовала за этим: «Почему бы не сделать того же для нее, бедняжки, в каждой другой комнате, куда она войдет?» Я немедленно простилась с нею и, проходя через переднюю, прокралась в библиотеку. Самюэль, подойдя к двери, чтобы выпустить меня, и предположив, что я уже ушла, вернулся к себе вниз. На столе в библиотеке лежали две «интересные

книги», рекомендованные нечестивым доктором. Я немедленно спрятала их с глаз долой под своими двумя драгоценными книгами. В столовой я увидела клетку с любимой канарейкой тетушки. Тетушка имела привычку всегда кормить эту птичку из собственных рук. На столе, стоявшем под клеткой, было рассыпано семя. Я положила книгу в семена. В гостиной мне выпал более счастливый случай опорожнить свой саквояж. Любимые музыкальные пьесы тетушки лежали на фортепиано. Я засунула две книги между нотами. Еще одну книгу я положила в дальней гостиной под неоконченным вышиванием: я знала, что это работа леди Вериндер. Третья маленькая комната находилась возле дальней гостиной, отделяясь от нее портьерами, а не дверью. Простой старинный веер тетушки лежал на камине. Я раскрыла девятую книгу на одном весьма полезном месте, а веер положила вместо закладки. Тут возник вопрос, не пробраться ли мне еще в спальню, рискуя, без сомнения, подвергнуться оскорблению, если особы в чепчике с лентами находится в это время на верхнем этаже и увидит меня. Но — о боже! — что же из этого? Неужели бедной христианке страшны оскорблений? Я отправилась наверх, готовая вынести все. Везде было тихо и пусто — кажется, это был час чаепития прислуги. Первой комнатой была спальня тетушки. Миниатюрный портрет дорогого покойного дядюшки, сэра Джона, висел на стене против постели. Он как будто улыбался мне, как будто говорил: «Друзилла, положи сюда книгу». По обе стороны постели тетушки стояли столики. Она страдала бессонницей, и по ночам ей нужны были (или казалось, что нужны) различные предметы. Я положила одну книгу возле спичек с одной стороны и еще одну книгу под коробочку с шоколадными лепешками — с другой. Понадобится ли ей огонь или понадобится ей лепешечка, драгоценная книга бросится ей в глаза или попадется под руку и в каждом случае будет говорить с безмолвным красноречием: «Изведай меня! Изведай меня!» Только одна еще книга оставалась теперь на дне саквояжа, и только одна комната, в которой я еще не бывала — ванная, примыкавшая к спальне. Я заглянула туда, и священный внутренний голос, никогда не обманывающий, шепнул мне: «Ты положила ее повсюду, Друзилла, положи теперь и в ванной, и дело твое будет сделано». Я заметила халат, брошенный на стул. В этом халате был карман, и туда я всунула последнюю

книгу. Можно ли выразить словами сладостное сознание исполненного долга, охватившее меня, когда я выскользнула из дома, не замеченная никем, и очутилась на улице с пустым саквояжем под мышкой? У меня было так легко на сердце, как будто я опять стала ребенком. Опять стала ребенком!

Когда я проснулась на следующее утро — о, какой молодой почувствовала я себя! Я могла бы прибавить: какой молодой казалась я, будь я способна распространяться о моем тленном теле. Но я не способна — и не прибавлю ничего.

Когда приблизилось время завтрака — не ради человеческих потребностей, но ради свидания с милой тетушкой,— я надела шляпу, чтоб отправиться на Монте́гю-сквер. Только-только я приготовилась, как служанка квартиры, где я тогда жила, заглянула в дверь и сказала:

— Слуга от леди Вериндер к мисс Клак.

Я занимала нижний этаж во время своего пребывания в Лондоне. Гостиная моя была очень мала, очень низка и очень скучно меблирована, но зато как опрятна! Я заглянула в коридор посмотреть, кто из прислуги леди Вериндер спрашивает меня. Это был молодой лакей Самюэль — вежливый, румяный юноша, со сметливым выражением лица и с очень услужливыми манерами. Я всегда чувствовала духовное расположение к Самюэлю и желание сказать ему несколько поучительных слов. На этот раз я пригласила его в гостиную. Он вошел с большим свертком под мышкой. Он положил его на стол с таким видом, словно боялся этого свертка.

— Миледи приказала вам кланяться, мисс, и сказать, что вы найдете тут письмо.

Исполнив поручение, румяный молодой лакей удивил меня тем, что как будто хотел тотчас повернуться и убежать.

Я удержала его, чтобы задать ему несколько ласковых вопросов. Смогу ли я увидеть тетушку, если зайду на Монте́гю-сквер? Нет, она уехала кататься. Мисс Рэчел поехала с нею, и мистер Эблуййт тоже сел с ними в коляску. Зная, как сильно милый мистер Годфри запустил свои благотворительные занятия, я нашла странным такое праздное катание. Задержав Самюэля уже в дверях, я сделала еще несколько ласковых вопросов. Мисс Рэчел едет сегодня на бал, а мистер Эблуййт условился прибыть к

вечернему кофе и уехать с нею. На завтра объявлен утренний концерт, и Самюэлю приказано взять несколько билетов, в том числе и для мистера Эблуйта.

— Боюсь, что все билеты будут проданы, мисс,— сказал этот невинный юноша,— если я не побегу за ними сейчас.

Он проговорил эти слова на бегу, и я опять очутилась одна, с тревожными мыслями, занимавшими меня.

В этот вечер у нас должно было состояться спешное заседание «Комитета материнского попечительства о превращении отцовских панталон в детские», созванное специально для того, чтобы получить совет и помочь от мистера Годфри. И, вместо того чтобы поддержать комитет, заваленный целой грудой панталон, которые совершенно подавили нашу маленькую общину, он условился пить послеобеденный кофе на Монтегю-сквере, а потом ехать на бал! На завтрашний день было назначено празднество «Общества надзора британских дам над воскресными обожателями служанок». Вместо того чтобы присутствовать на нем и быть душой этого с трудом борющегося за свое существование общества, он дал слово суетным людям ехать вместе с ними на утренний концерт! Я спросила себя: «Что это значит?» Увы, это означало, что наш христианский герой предстал передо мною в совершенно новом свете и в мыслях моих связан с самым ужасным прегрешением наших дней.

Вернемся, однако, к истории настоящего дня. Оставшись одна в комнате, я, естественно, обратила внимание на сверток, вызывавший, по-видимому, какой-то странный ужас у румяного молодого лакея. Не прислала ли мне тетушка обещанного наследства и не явится ли оно в виде изношенного платья, потертых серебряных ложек, вышедших из моды вещиц или чего-нибудь в этом роде? Приготовившись смиренно принять все и не сердиться ни на что, я раскрыла сверток. И что же представилось глазам моим! Двенадцать драгоценных изданий, которые я разбросала накануне по дому, все возвращены мне по приказанию доктора! Как же было не дрожать юному Самюэлю, когда он принес сверток ко мне в комнату! Как ему было не бежать, когда он исполнил такое гнусное поручение! В своем письме бедняжка тетушка коротко сообщала о том, что она не смела послушаться своего доктора. Что же теперь делать? При моем воспитании и моих правилах

у меня не оставалось ни малейшего сомнения на этот счет. Руководствуясь своей совестью и подвигаясь на пользу ближнего своего, истинная христианка никогда не падает духом. Ни общественное влияние, ни влияние отдельных лиц не оказывают на нас ни малейшего действия, когда мы уже приступили к исполнению своей миссии.

В деле моей заблудшей тетки форма, которую должна была принять моя набожная настойчивость, была для меня совершенно ясна.

Ввиду явного нежелания леди Вериндер ее не удалось подготовить к будущей жизни при помощи клерикальных друзей. Не удалось ее подготовить и при помощи книг — из-за нечестивого упорства доктора. Пусть так! Что же оставалось делать? Подготовить ее посредством писем. Другими словами, так как книги были отосланы, то выбранные места из них, переписанные разными почерками и адресованные в виде писем тетушке, должны были посыпаться по почте, а некоторые разбрасываться в доме по тому плану, который я приняла накануне. Как письма — они не возбудят подозрения, как письма — они будут распечатаны и, может быть, прочтены. Некоторые из них я написала сама:

«Милая тетушка, могу ли я просить вас обратить внимание на эти несколько строк?» — и проч.

«Милая тетушка, читая вчера, я случайно напала на следующее место...» — и проч.

Другие письма были написаны для меня моими неоценимыми сотрудниками, членами «Общества материнского попечительства».

«Милостивая государыня, простите за участие, принимаемое в вас истинным, хотя смиренным другом...»

«Милостивая государыня, может ли серьезная особа побеспокоить вас несколькими утешительными словами?»

Путем такого рода вежливых просьб нам удалось преподнести все эти драгоценные места в такой форме, в которой их не смог заподозрить даже самый проницательный из нечестивых докторов. Прежде чем сгостились вечерние тени, у меня было уже двенадцать поучительных писем к тетушке вместо двенадцати поучительных книг. Я немедленно распорядилась, чтобы шесть писем были посланы по почте, а шесть я спрятала в карман, для того чтобы самой разбросать их по дому на следующий день. Вскоре после двух часов я опять вступила на поле бла-

гочестивой борьбы, обратившись к Самюэлю с ласковыми расспросами у дверей дома леди Вериндер. Тетушка провела дурную ночь. Она опять находилась в той комнате, где я подписалась свидетельницей на ее завещании, лежала на диване и старалась заснуть. Я сказала, что подожду в библиотеке, в надежде увидеть ее попозднее. В моем пламенном усердии разбросать скорей письма мне и в голову не пришло разузнать о Рэчел. В доме было тихо, и прошел час, когда должен был начаться концерт. Уверенная, что и она и все общество искателей удовольствия (включая — увы! — и мистера Годфри) было на концерте, я с жаром посвятила себя моему добруму делу, между тем как время и удобный случай находились еще в полном моем распоряжении.

Утренняя корреспонденция тетушки, включая шесть поучительных писем, которые я послала по почте, лежала еще нераспечатанно на столе в библиотеке. Она, очевидно, чувствовала себя не в состоянии заняться таким множеством писем,— и, может быть, ее испугало бы еще большее их количество, если б она позднее вошла в библиотеку. Я положила поэтому одно из второй шестерки писем отдельно, чтобы привлечь ее любопытство именно тем, что оно будет лежать особо от остальных. Второе письмо я с намерением положила на пол в столовой. Первый из прислуги, кто войдет после меня, подумает, что его обронила сама тетушка, и постарается возвратить его ей. Совершив свой посев в нижнем этаже, я легко побежала наверх, чтобы разбросать свои благодеяния на полу бельэтажа.

Войдя в гостиную, я услышала стук в дверь с улицы — тихий и тактичный. Прежде чем я успела проскользнуть обратно в библиотеку (в которой должна была находиться), проворный молодой лакей оказался уже в передней и отворил дверь. Я не придала этому большого значения. Состояние здоровья тетушки не позволяло принимать гостей. Но, к моему ужасу и изумлению, тот, кто постучался тихо и осторожно, оказался исключением из общего правила. Голос Самюэля (очевидно, в ответ на вопросы, которых я не слышала) произнес очень ясно:

— Пожалуйте наверх, сэр.

Через минуту я услышала шаги — шаги мужские, поднимавшиеся в бельэтаж. Кто мог быть этот избранный гость? Не успел возникнуть этот вопрос, как пришел в голову и ответ. Кто же это мог быть, кроме доктора?

Будь это любой другой посетитель, я позволила бы застать меня в гостиной. Ничего необыкновенного не было бы в том, что мне наскучило ждать в библиотеке и что я поднялась наверх для перемены места. Но уважение к самой себе помешало мне встретиться с человеком, который оскорбил меня, отослав обратно мои книги. Я прокользнула в третью маленькую комнатку, которая, как я упоминала, примыкала к дальней гостиной, и опустила портьеры, закрывавшие пролет двери. Стоит мне переждать минуты две, и произойдет то, что обыкновенно бывает в таких случаях: доктора проведут в комнату к его пациентке.

Но прошло две минуты и даже более. Я слышала, как гость тревожно ходил взад и вперед. Я слышала также, как он говорил сам с собой. Мне даже показалось, что я узнала его голос. Не ошиблась ли я? Неужели это не доктор, а кто-то другой? Мистер Брефф, например? Нет, безошибочный инстинкт подсказывал мне, что это не мистер Брефф. Но, кто бы это ни был, он все продолжал разговаривать с собой. Я чуть-чуть раздвинула портьеры и стала прислушиваться.

Слова, которые я услышала, были: «Я сделаю это сегодня!» А голос, который произнес их, принадлежал мистеру Годфри Эблуйту.

Глава V

Рука моя опустила портьеру. Но не предполагайте,— о, не предполагайте! — что меня ужаснула мысль о крайней трудности моего положения. Так велико было сестринское мое участие к мистеру Годфри, что я даже не остановилась на мысли, почему он не на концерте. Нет! Я думала только о словах — о грозных словах, сорвавшихся с его губ. Он сделает это сегодня! Он сказал тоном отчаянной решимости, что сделает это сегодня. Что же, что же такое он сделает? Что-нибудь еще более недостойное, чем то, что уже сделал? Не отречется ли он от веры? Небросит ли наш материнский комитет? Неужели мы больше не увидим его ангельскую улыбку в зале комитета? Неужели мы больше не услышим его бесподобное красноречие в Экстер-Голле? Я была так взволнована при одной мысли об этих ужасных возможностях в связи с таким человеком, как

он, что, кажется, готова была выбежать из своего убежища и заклинать его именем всех дамских комитетов в Лондоне объясняться, когда вдруг услышала другой голос. Он про ник сквозь портьеру, он был громок, он был смел, в нем вовсе не было женского очарования. Это был голос Рэчел Вериндер!

— Почему вы пришли сюда, Годфри? — спросила она.— Почему вы не в библиотеке?

Он тихо засмеялся и ответил:

— В библиотеке сидит мисс Клак.

— Как в библиотеке?!

Она тотчас опустилась на диван.

— Вы совершенно правы, Годфри: нам лучше остаться здесь.

Минуту назад я была как в горячке и не знала, что мне делать. Теперь я стала холодна как лед и не испытывала больше никаких сомнений. Показаться им после того, что я услышала, было невозможно. Скрыться, кроме как в камин, было решительно некуда. Мне предстояло мученичество. Я осторожно раздвинула портьеры так, чтобы могла и видеть и слышать их. А потом пошла на мученичество по примеру первых христиан.

— Не садитесь на диван,— продолжала молодая девушка.— Возьмите стул, Годфри. Я люблю, чтобы тот, с кем я говорю, сидел против меня.

Он сел на ближайший стул. Стул был низенький и слишком мал для высокого роста мистера Годфри. Я еще никогда не видела его ног в таком невыгодном для них положении.

— Ну,— продолжала она,— что же вы им сказали?

— Именно то, милая Рэчел, что вы сказали мне.

— Что мама не совсем здорова сегодня и что мне не хочется оставлять ее из-за концерта?

— Именно так. Они очень жалели, что лишились вашего общества на концерте, но поняли ваш отказ. Все они шлют вам привет и выражают надежду, что нездоровье леди Вериндер скоро пройдет.

— Вы не считаете его серьезным, Годфри?

— Ничуть! Я совершенно уверен, что через несколько дней она совершенно поправится.

— Я тоже так думаю. Сначала я немножко испугалась, но теперь успокоилась. Вы были очень добры, что извинились за меня перед людьми, почти вам незнакомыми. Но

почему вы сами не поехали с ними на концерт? Жалко, что вы не послушаете этой музыки.

— Не говорите так, Рэчел! Если бы вы только знали, насколько я счастливее здесь, с вами!

Он сложил руки и взглянул на нее. В том положении, какое он занимал на стуле, он должен был, сделав это, повернуться в мою сторону. Можно ли передать словами, как мне сделалось противно, когда я увидела то самое трогательное выражение на его лице, какое очаровало меня, когда он ратовал за миллионы своих неимущих братий на трибуне Экстер-Голла!

— От дурной привычки бывает трудно отделаться, Годфри. Но постарайтесь отделаться от привычки говорить любезности — постарайтесь, чтобы сделать мне удовольствие!

— Я никогда в жизни не говорил любезностей вам, Рэчел. Счастливая любовь может иногда прибегать к языку лести, я с этим согласен, но безнадежная любовь, моя дорогая, всегда говорит правду.

Он придвинул поближе свой стул и при словах «безнадежная любовь» взял ее за руку. Наступило минутное молчание. Он, волновавший всех, без сомнения взволновал и ее. Мне кажется, я начала понимать слова, вырвавшиеся у него, когда он был один в гостиной: «Я сделаю это сегодня». Увы, даже воплощенная скромность не могла бы не догадаться, что именно делал он теперь!

— Разве вы позабыли, Годфри, о чем мы условились, когда вы говорили со мной в деревне? Мы условились, что будем друзьями, и только.

— Я нарушаю это условие каждый раз, как вижу вас, Рэчел.

— Ну, так не надо со мною видеться.

— Это было бы совершенно бесполезно! Я нарушаю это условие каждый раз, когда думаю о вас. О, Рэчел, вы так ласково сказали мне на днях, что я повысился в вашем мнении! Безумие ли это с моей стороны — основываться на надежды на этих дорогих словах? Безумие ли это — мечтать, не наступит ли когда-нибудь день, когда ваше сердце хоть немного смягчится ко мне? Не говорите, что это безумие! Оставьте меня при моем заблуждении, дорогая моя! Хотя бы мечту должен я лелеять для успокоения своего, если у меня нет ничего другого!

Голос его дрожал, и он поднес к глазам белый носовой

платок. Опять Экстер-Голл! Для полноты сходства недоставало лишь зрителей, одобрительных возгласов и стакана воды.

Даже ее закоснелая натура была тронута. Я видела, как она ближе склонилась к нему. Я услышала нотку нового интереса в следующих ее словах:

— Уверены ли вы, Годфри, что любите меня до такой степени?

— Уверен ли! Вы знаете, каков я был, Рэчел? Позвольте мне сказать вам, каков я теперь. Я потерял интерес ко всему на свете, кроме вас. Со мной произошло превращение, которого я и сам не могу объяснить. Поверите ли, благотворительные дела сделались несносной обузой для меня, и, когда я сейчас вижу дамский комитет, я хотел бы сбежать от него на край света.

Если в летописях вероотступничества имеется что-нибудь равносильное этому уверению, могу только сказать, что я этого не читала. Я подумала об «Обществе материнского попечительства о превращении отцовских панталон в детские». Я подумала об обществе «Надзора над воскресными обожателями». Я подумала о других обществах, слишком многочисленных, чтобы упоминать здесь о них, опиравшихся на силу этого человека, как на несокрушимый столп. Справедливость требует прибавить, что при этом я не упустила ни единого слова из последующего их разговора. Рэчел заговорила первая.

— Вы дали мне услышать вашу исповедь,— сказала она.— Хотела бы я знать, вылечит ли вас от вашей несчастной привязанности моя исповедь, если я тоже сделаю ее вам?

Он вздрогнул. Признаюсь, вздрогнула и я. Он подумал, и я также подумала, что она хочет открыть тайну Лунного камня.

— Можете ли вы поверить, глядя на меня,— продолжала она,— что перед вами самая несчастная девушка на свете? Это правда, Годфри. Может ли быть большее несчастье, чем сознание, что ты потеряла уважение к себе? Вот такова теперь моя жизнь!

— Милая Рэчел, невозможно, чтобы вы имели хоть малейшее основание говорить о себе таким образом!

— Откуда вы знаете, что у меня нет этого основания?

— Можете ли вы об этом спрашивать? Я знаю это потому, что знаю вас. Ваше молчание, моя дорогая, ни-

сколько не унизило вас во мнении ваших истинных друзей. Исчезновение драгоценного подарка, сделанного вам в день рождения, может показаться странным; ваша непонятная связь с этим происшествием может показаться еще страннее...

— Вы говорите о Лунном камне, Годфри?

— Я думал, что вы намекаете на него...

— Я вовсе не намекала на него. Я могу слушать о пропаже Лунного камня, кто бы ни говорил о нем, никакого не теряя уважения к самой себе. Если история алмаза когда-нибудь выйдет наружу, станет ясно, что я взяла на себя ужасную ответственность, станет ясно, что я взялась хранить жалкую тайну,— но также станет ясно, что я сама не виновата ни в чем! Вы не так меня поняли, Годфри. Мне надо было высказаться яснее. Чего бы это ни стоило, я выскажусь теперь яснее. Положим, что вы не влюблены в меня. Положим, что вы влюблены в какую-нибудь другую женщину...

— Да?

— Допустим, вы узнали, что эта женщина совершенно недостойна вас. Положим, вы совершенно убедились, что для вас будет унизительно думать о ней. Положим, что от одной мысли о браке с подобной женщиной лицо ваше вспыхнуло бы от стыда...

— Да?

— И положим, что, несмотря на все это, вы не можете вырвать ее из вашего сердца. Положим, что чувство, которое она вызвала в вас — в то время, когда вы верили ей,— непреодолимо. Положим, что любовь, которую это презренное существонушило вам... О, где мне найти слова, чтобы высказать это? Как могу я заставить мужчину понять, что это чувство одновременно ужасает и очаровывает меня? Это и свет моей жизни, Годфри, и яд, убивающий меня в одно и то же время! Уйдите! Должно быть, я с ума сошла, говоря так. Нет, не покидайте меня сейчас, не уносите ошибочного впечатления! Я должна сказать все, что могу, в свою собственную защиту. Помните одно: он не знает и никогда не узнает того, о чем я вам сказала. Я никогда его не увижу! Мне все равно, что бы ни случилось, я никогда, никогда, никогда не увижу его! Не спрашивайте меня больше ни о чем. Переменим разговор. Понимаете ли вы настолько в медицине, Годфри, чтобы сказать мне, почему я испытываю такое чувство, будто

задыхаюсь от недостатка воздуха? Не существует ли такой истерики, которая выражается в потоках слов, а не в потоках слез? Наверное, есть. Да не все ли равно! Вы теперь легко перенесете всякое огорчение, какое я когда-либо причинила вам. Я заняла настояще место в ваших глазах, не так ли? Не обращайте больше внимания на меня. Не жалейте обо мне. Ради бога, уйдите!

Она вдруг повернулась и с силой ударила руками по спинке оттоманки. Голова ее опустилась на подушки, и она зарыдала. Прежде чем я успела опомниться, меня поразил ужасом совершенно неожиданный поступок со стороны мистера Годфри. Возможно ли поверить — он упал перед ней на колена, на оба колена! Может ли скромность моя позволить мне упомянуть, что он обнял ее? Могу ли я сознаться, что против воли своей почувствовала восторг, когда он вернул ее к жизни двумя словами: «Благородное создание!»

Он не сказал ничего больше. Но это он сказал с тем порывом, который доставил ему славу замечательного оратора. Она сидела — или пораженная, или очарованная, не знаю, право, — не пытаясь даже оттолкнуть его руки туда, где им следовало находиться. А мои понятия о приличии были совершенно сбиты с толку. Я была в такой мучительной неизвестности, предписывал ли мне долг зажмуриться или заткнуть уши, что не сделала ни того, ни другого. Тот факт, что я способна была надлежащим образом держать портьеру, для того чтобы можно было видеть и слышать, я приписываю единственному душившей меня истерики. Даже доктора соглашаются, что, когда истерика душит вас, надо крепко держаться за что-нибудь.

— Да, — сказал он, прибегая к чарам своего небесного голоса и обращения, — вы благороднейшее создание! Женщина, которая может говорить правду ради самой правды, женщина, которая пожертвует своей гордостью скорее, чем честным человеком, любящим ее, — это драгоценнейшее из всех сокровищ. Если такая женщина выйдет замуж, питая к своему мужу только одно уважение, она достаточно осчастливит его на всю жизнь. Вы говорили, моя дорогая, о месте, какое вы занимаете в моих глазах. Судите сами о том, каково это место, — ведь я умоляю вас на коленях позволить мне вылечить ваше бедное уязвленное сердечко, своей заботой о вас! Рэчел, удостоите ли вы меня чести, доставите ли вы мне блаженство, сделавшись моей женой?

Тут я непременно решилась бы заткнуть себе уши, если бы Рэчел не поощрила меня держать их открытыми, ответив ей первыми разумными словами, какие мне довелось от нее услышать.

— Годфри! — сказала она.— Вы, верно, с ума сошли?

— Я никогда в жизни не говорил рассудительнее, моя дорогая, с точки зрения вашей и моей пользы. Бросьте взгляд на будущее. Неужели вы должны пожертвовать собой ради человека, который никогда не знал о ваших чувствах к нему и которого вы решились никогда более не видеть? Не является ли вашим долгом по отношению к себе самой забыть эту несчастную привязанность? А разве вам удается найти забвение в той жизни, которую вы сейчас ведете? Вы испытали эту жизнь, и она уже утомила вас. Окружите себя интересами, более возвышенными, чем эти жалкие светские развлечения. Сердце, любящее и уважающее вас, домашний кров, спокойные и счастливые обязанности которого день за днем будут тихо увлекать вас за собой,— попробуйте это утешение, Рэчел! Я не прошу у вас любви, я буду доволен вашей дружбой и уважением. Предоставьте остальное... доверчиво предоставьте остальное преданности вашего мужа и времени, которое излечивает раны, даже такие глубокие, как ваши.

Она уже начинала склоняться к его уверениям. О, что за воспитание получила она! О, как совсем по-другому поступила бы на ее месте я!

— Не искушайте меня, Годфри! — сказала она.— Я и без того достаточно расстроена и несчастна. Не делайте меня еще более расстроенной и несчастной.

— Один только вопрос, Рэчел. Не внушаю ли я вам отвращения?

— Вы? Вы всегда мне нравились! После того, что вы мне сказали, я была бы просто бесчувственной, если бы не уважала вас и не восхищалась вами.

— А много ли найдете вы жен, милая Рэчел, которые бы уважали своих мужей и восхищались ими? Между тем они очень хорошо живут со своими мужьями. Многие ли невесты, идущие к венцу, могли бы открыть своим нареченным свое сердце? Между тем брак их не бывает несчастлив, они живут себе потихоньку. Дело в том, что женщины ищут в браке прибежища гораздо чаще, нежели они желают сознаться в этом; мало того, они находят, что брак оправдал их надежды. Вернемся снова к вашему слухаю. В ваши лета

и с вашей привлекательностью можно ли вам обречь себя на одинокую жизнь? Положитесь на мое знание света,— для вас это совершенно невозможно. Это допустимо только на время. Вы выйдете замуж за кого-нибудь другого спустя несколько лет. Или выйдете замуж, моя дорогая, за человека, который сейчас у ваших ног и который ценит ваше уважение и восхищение выше любви всякой другой женщины на свете!

— Тише, Годфри! Вы пытаетесь убедить меня в том, о чем раньше я никогда не думала. Вы искушаете меня новой надеждой, когда все другие мои надежды рухнули. Опять повторяю вам: я так сейчас несчастна, я дошла до такого отчаяния, что, если вы скажете еще хоть слово, я, пожалуй, решусь выйти за вас на этих условиях. Воспользуйтесь этим предостережением и уйдите!

— Я не встану с колен, пока вы не скажете «да»!

— Если я скажу «да», вы раскаетесь, и я раскаюсь, когда будет слишком поздно.

— Оба будем благословлять тот день, дорогая, когда я настоял, а вы уступили!

— Действительно ли вы так уверены, как это говорите?

— Судите сами. Я говорю на основании того, что видел в своей собственной семье. Скажите мне, что вы думаете о нашем фризинголлском семействе? Разве отец мой и мать живут несчастливо между собой?

— Напротив, насколько могу судить.

— А ведь когда моя мать была девушкой, Рэчел,— это не тайна в нашем семействе,— она любила, как любите вы, она отдала свое сердце человеку, который был недостоин ее. Она вышла за моего отца, уважая его, восхищаясь им, но не более. Результат вы видите собственными глазами. Неужели в этом нет поощрения для вас и для меня?

— Вы не станете торопить меня, Годфри?

— Вы сами назначите время.

— Вы не станете требовать от меня более того, что будет в моих силах?

— Ангел мой, я только прошу вас себя самое вручить мне!

— Вручаю вам себя.

Этими словами она приняла его предложение.

Он впал в новый порыв — порыв нечестивого восторга на этот раз. Он привлекал ее все ближе и ближе к себе, так что лицо его уже касалось ее лица, и тогда... Нет,

я, право, не могу решиться описывать дальше этот неприличный поступок! Позвольте мне только сказать, что я собиралась закрыть глаза, прежде чем это случится, и опоздала только на одну секунду. Я рассчитывала, видите ли, что она будет сопротивляться. Она покорилась. Для всякой благомыслящей особы моего пола целые тома не могли бы сказать ничего более.

Даже моя невинность в подобных вещах начала прозревать, к чему клонится настоящее свидание. Они до такой степени понимали теперь друг друга, что я ожидала, что они тотчас же пойдут рука об руку венчаться. Однако последующие слова мистера Годфри напомнили, что следовало исполнить еще одну пустую формальность. Он сел — на этот раз ему это не возбранялось — на диван возле нее.

— Могу я сказать вашей милой матери? — спросил он.— Или вы сделаете это сами?

Она отклонила и то и другое.

— Лучше пусть мама ничего не узнает об этом до тех пор, пока не поправится. Я хочу сохранить это в тайне, Годфри. Ступайте теперь и вернитесь вечером. Мы уже и так слишком засиделись здесь вдвоем.

Она встала и в первый раз взглянула на маленькую комнатку, в которой я претерпевала мое мученичество.

— Кто опустил эти портьеры? — воскликнула она.— В комнате и без того душно, к чему еще лишать ее воздуха?

Она подошла к портьерам. В ту минуту, как она дотронулась до них рукой, в ту минуту, когда она неизбежно должна была обнаружить меня в комнате, голос румяного молодого лакея на лестнице вдруг остановил ее и помешал мне что-либо предпринять. Это, без сомнения, был голос человека, крайне перепуганного.

— Мисс Рэчел! — кричал он.— Где вы, мисс Рэчел?

Она отскочила от портьер и бросилась к двери. Лакей только что вошел в комнату. Румянец сбежал с его лица. Он сказал:

— Пожалуйте вниз! С миледи обморок, мы никак не можем привести ее в чувство.

Через минуту я осталась одна и могла, в свою очередь, незаметно сойти вниз. Мистер Годфри прошел мимо меня в переднюю. Он спешил за доктором.

— Ступайте и помогите им! — сказал он, указывая мне на дверь.

Я застала Рэчел на коленях у дивана. Голова матери лежала у нее на груди. Одного взгляда на лицо тетушки (знала то, что знала я) было достаточно, чтобы открыть мне страшную истину. Я оставила свои мысли при себе до приезда доктора. Он приехал скоро. Прежде всего он выслал Рэчел из комнаты, а потом сказал всем нам, что леди Вериндер скончалась. Серьезным особам, интересующимся примерами закоренелого неверия, может быть, интересно услышать, что он не выказал никаких признаков угрызения совести, когда посмотрел на меня.

Немного позднее я заглянула в столовую и библиотеку. Тетушка умерла, не распечатав ни одного из моих писем. Меня это так потрясло, что в ту минуту мне и в голову не пришло (я вспомнила об этом несколько дней спустя), что она умерла, не оставив мне обещанного маленького наследства.

Глава VI

Последовательно излагая все лично пережитое, должна сказать тут, что прошел целый месяц после смерти моей тетки, прежде чем я снова встретилась с Рэчел Вериндер. Я провела несколько дней под одной с нею крышей. Именно в это время и случилось нечто важное, относящееся к ее помолвке с мистером Годфри Эблуйтом, требующее особого здесь упоминания. Когда эта последняя из многих семейных неприятностей будет описана, моя авторская обязанность закончится, потому что тогда я передам все, что знаю, как непосредственная (хотя и невольная) свидетельница событий.

Тело моей тетушки было перевезено из Лондона и похоронено на маленьком кладбище возле церкви в ее собственном парке. Я была приглашена на похороны вместе со всеми другими родственниками. Но мне было невозможно (при моих религиозных воззрениях) оправиться раньше чем через несколько дней от потрясения, которое эта смерть причинила мне. Сверх того, я узнала, что заупокойную службу прочтет фризинголлский ректор. А так как я видела этого клерикального отщепенца партнером за карточным столом леди Вериндер, сомневаюсь, хорошо ли я поступила бы, присутствуя на похоронах,— даже если бы была в состоянии ехать.

После смерти леди Вериндер дочь ее поступила под опеку зятя покойной, мистера Эблуйта-старшего. По завещанию, он был назначен опекуном Рэчел до ее замужества или совершеннолетия. Полагаю, что мистер Годфри уведомил отца о своих новых отношениях с кузиной. Как бы то ни было, через десять дней после смерти моей тетки помолвка Рэчел уже не была тайной в семейном кругу, и для мистера Эблуйта-старшего — другого законченного отщепенца — стало важно сделать свою опекунскую власть как можно приятнее для богатой молодой девушки, которая выходила за его сына.

Сначала Рэчел наделала ему немало хлопот с выбором места, где ей следовало жить. Дом на Монтею-сквере напоминал ей о смерти матери. Дом в Йоркшире напоминал ей о скандале, связанном с пропажей Лунного камня. Резиденция ее опекуна во Фризинголле не напоминала ни того, ни другого, но присутствие Рэчел в этом доме, после недавней ее утраты, помешало бы развлечению ее кузин, девиц Эблуйт, и она сама просила, чтобы ее визит туда был отложен до более благоприятного времени. Кончилось тем, что старик Эблуйт предложил ей нанять меблированный дом в Брайтоне. Его жена с больной дочерью должны были жить там вместе с нею, а он собирался приехать к ним попозже. Они не будут принимать никакого общества, кроме немногих старых друзей, а сын его, Годфри, разъезжая взад и вперед с лондонским поездом, всегда будет к их услугам.

Я описываю этот бессмысленный переезд с одного места на другое, эту ненасытную физическую тревогу и страшный душевный застой ради того конечного результата, к которому они привели. Наем дома в Брайтоне явился таким событием, которое по воле провидения снова свело меня с Рэчел Вериндер.

Тетка моя, Эблуйт,— полная молчаливая белокурая женщина с одной замечательной чертой характера: отроду она никогда ничего сама для себя не делала. Она прожила жизнь, во всем пользуясь чужой помощью и во всем полагаясь на чужое мнение. Более безнадежной особы, с духовной точки зрения, я не встречала никогда: как можно воздействовать на такой характер, если его вообще нет? Тетушка Эблуйт стала бы слушать тибетского далайламу с тем же вниманием, с каким слушала меня, и стала бы рассуждать об его воззрениях с такой же готовностью, с

какой рассуждала о моих. Она остановилась в лондонской гостинице и, лежа на диване, сняла дом в Брайтоне при помощи своего сына. Нужную прислугу разыскала, завтракая утром в постели (все в той же гостинице); она отпустила свою горничную погулять с условием, чтобы та «до прогулки доставила себе маленькое удовольствие, сходив за мисс Клак». Придя к ней в одиннадцать часов, я застала ее еще в капоте; она спокойно обмахивалась веером.

— Милая Друзилла, мне нужны слуги. Вы так умны — пожалуйста, наймите их для меня.

Я оглядела неприбранную комнату. Церковные колокола благовестили к обедне — они внушили мне слово дружеского увещания.

— Ах, тетушка! — сказала я грустно.— Разве это достойно христианки и англичанки? Разве наш переход к вечности должен совершаться таким образом?

Тетушка ответила:

— Я оденусь, Друзилла, если вы будете так добры и поможете мне.

Что можно было сказать после этого? Я творила чудеса с убийцами — я не подвинулась ни на один дюйм с тетушкой Эблуайт.

— Где,— спросила я,— список слуг, которые вам нужны?

Тетушка покачала головой: у нее недоставало энергии даже на то, чтобы хранить у себя список.

— Он у Рэчел, душечка,— сказала она,— в той комнате.

Я пошла в ту комнату и, таким образом, опять увидела Рэчел, в первый раз после того как мы с ней расстались в Монтеџю-сквере.

В глубоком трауре она казалась до жалости маленькой и худенькой. Если бы я придавала серьезное значение таким тленным безделицам, как человеческая внешность, я могла бы прибавить, что у нее был такого рода цвет лица, который, к несчастью, всегда теряет, если не оттеняется чем-нибудь белым у шеи. К великому моему удивлению, Рэчел встала, когда я вошла в комнату, и встретила меня с протянутой рукой.

— Я рада вас видеть,— сказала она.— Друзилла, я имела привычку говорить с вами прежде очень сумасбродно и очень грубо. Прошу у вас прощения; надеюсь, что вы простите меня.

Должно быть, лицо мое выдало изумление, которое

я почувствовала при этих словах. Рэчел покраснела, а потом продолжала свое объяснение:

— При жизни моей бедной матери ее друзья не всегда были моими друзьями. Теперь, когда я лишилась ее, сердце мое обращается за утешением к людям, которых она любила. Она любила вас. Постарайтесь быть моим другом, Друзилла, если можете.

Откликнувшись на ее предупредительность со всем доступным мне дружелюбием, я села, по ее просьбе, возле нее на диван. Мы заговорили о семейных делах и планах на будущее — обо всем, за исключением одного только плана, который должен был окончиться свадьбой. Как ни старалась я повернуть разговор на эту сторону, она решительно отказывалась понимать мои намеки. Глядя на нее теперь с новым интересом и припоминая, с какой опрометчивой быстротой она приняла предложение мистера Годфри, я сочла своей священною обязанностью горячо вмешаться и заранее была уверена в исключительном успехе. Быстрота действия тут была, как я полагала, залогом этого успеха. Я тотчас вернулась к вопросу о прислуге, нужной для меблированного дома.

— Где список, душечка?

Рэчел подала мне список.

— «Кухарка, судомойка, горничная и лакей», — прочитала я. — Милая Рэчел, эти слуги нужны только на срок, на тот срок, на который ваш опекун нанял этот дом. Нам будет очень трудно найти честных и опытных слуг, которые согласились бы наняться на такой короткий срок, если мы будем искать их в Лондоне. Дом в Брайтоне снят?

— Да. Его снял Годфри, и слуги в этом доме просили, чтобы он их оставил. Он не был уверен, годятся ли они для нас, и вернулся, не решив ничего.

— А сами вы не опытны в таких вещах, Рэчел?

— Не особенно.

— А тетушка Эблуййт не хочет утрудить себя?

— Да. Не осуждайте ее, бедняжку, Друзилла. Я думаю, что это единственная счастливая женщина, с которой я когда-либо встречалась.

— Есть различные степени счастья, дружок. Мы должны как-нибудь посидеть и поговорить об этом. А пока я возьму на себя затруднительный выбор слуг. Пусть ваша тетушка напишет письмо к слугам в брайтонском доме.

— Она подпишет письмо, если я его напишу за нее,— а это одно и то же.

— Совершенно одно и то же. Я возьму письмо и завтра поеду в Брайтон.

— Как вы добры! Мы приедем туда к вам, как только все будет готово. Надеюсь, вы останетесь погостить у меня. Брайтон всегда так оживлен — вам, наверное, там понравится.

Вот в каких словах была я приглашена, и передо мной открылась блестящая возможность вмешаться во все.

Разговор происходил в середине недели. В субботу дом был для них готов. В этот краткий промежуток я проверила не только рекомендацию, но и религиозные воззрения всех слуг, обращавшихся ко мне, и успела сделать выбор, одобренный моей совестью. Я также нашла и навестила двух серьезных моих друзей; живших в этом городе, которым могла поверить благочестивую цель, приведшую меня в Брайтон. Один из них — носивший духовный сан — помог мне закрепить места для нашего маленького общества в той церкви, в которой он сам служил. Другой друг — незамужняя женщина, такая же, как и я,— предоставил в полное мое распоряжение свою библиотеку (всю состоявшую из драгоценных изданий). Я взяла у нее с полдюжины сочинений, старательно выбранных для Рэчел. Разложив их наивыгоднейшим образом в тех комнатах, которые она должна была занять, я сочла свои приготовления законченными. Незыблемая твердыня веры в слугах, которые будут ей служить, незыблемая твердыня веры в священнике, который будет ей проповедовать, незыблемая твердыня веры в книгах, лежавших на ее столе,— таков был тройной подарок, который мое усердие подготовило для осиротелой девушки. Небесное спокойствие наполнило мою душу в ту субботу, когда я сидела у окна, поджиная приезда моих родственниц. Суетные толпы сновали взад и вперед перед моими глазами. Ах, многие ли из этих людей сознавали так, как я, что они безупречно исполнили свою обязанность? Ужасный вопрос! Не будем останавливаться на нем.

В седьмом часу они прибыли. К моему великому изумлению, их провожал не мистер Годфри (как я ожидала), а столячий, мистер Брефф.

— Как вы поживаете, мисс Клак? — сказал он.— На этот раз я намерен остаться.

Этот намек на случай, когда я принудила его отступить

со своими делами перед моим делом на Монтегю-сквере, убедил меня, что старый грешник приехал в Брайтон для какой-то особой цели. Я приготовила маленький рай для моей возлюбленной Рэчел, и вот уже является змей-искуситель.

— Годфри было очень досадно, Друзилла, что он не мог приехать с нами,— сказала моя тетка Эблуайт.— Что-то задержало его в Лондоне. Мистер Брефф вызвался занять его место и оставаться у нас до понедельника. Кстати, мистер Брефф, мне предписано делать мюцион, а мне это совсем не нравится. Вот...— прибавила тетушка Эблуайт, указывая из окна на больного, которого вез в кресле слуга,— вот мой идеал мюциона. Если вам нужен воздух, вы можете им пользоваться в кресле, а если вам нужна усталость, я уверена, можно достаточно устать, глядя на этого слугу.

Рэчел молча стояла у окна, устремив взгляд на море.

— Вы устали, дружок? — спросила я.

— Нет. Мне только немного грустно,— ответила она.— Я часто видела море на нашем йоркширском берегу при таком же освещении. И я думаю, Друзилла, о тех днях, которые никогда не вернутся.

Мистер Брефф остался и к обеду и на целый вечер. Чем дольше я глядела на него, тем сильнее убеждалась, что он приехал в Брайтон с какой-то тайной целью. Я старательно наблюдала за ним. Он принял самый непринужденный вид и все время болтал безбожные пустяки — до тех пор, пока не настала пора проститься. Когда он пожимал руку Рэчел, я заметила, что его суровые и хитрые глаза бросили на нее долгий взгляд, исполненный особого интереса и внимания. Очевидно, цель, которую он имел в виду, касалась ее. Он не сказал ничего особенного ни ей и никому другому при расставании. Он напросился к завтраку на следующий день и ушел ночевать в гостиницу.

На следующее утро не было никакой возможности заставить тетушку Эблуайт вовремя снять капот, чтобы успеть одеться для церкви. Ее больная дочь (по моему мнению, не страдавшая ничем, кроме неизлечимой лености, унаследованной от матери) объявила, что она намерена весь день провести в постели. Рэчел и я одни пошли в церковь. Великолепную проповедь сказал мой даровитый друг об языческом равнодушии света к маленьким прегрешениям. Более часа гремело его красноречие в священном здании.

Я спросила у Рэчел, когда мы выходили из церкви:

— Нашло ли это путь к вашему сердцу, дружок?

Она ответила:

— Нет, у меня только сильно разболелась голова.

Такой ответ мог обескуражить многих. Но когда я вступаю на душеспасительную стезю, ничто не обескураживает меня.

Когда мы вернулись, тетушка Эблуйт и мистер Брефф уже завтракали. Рэчел, сославшись на головную боль, отказалась от завтрака, и хитрый стряпчий тотчас этим воспользовался.

— Для головной боли есть только одно лекарство,— сказал этот противный старик.—Прогулка, мисс Рэчел, вылечит вас. Я к вашим услугам; сделаете ли вы мне честь принять мою руку?

— С величайшим удовольствием; я сама очень хочу прогуляться.

— Уже третий час,— кротко заметила я,— а обедня, Рэчел, начинается в три.

— Неужели вы думаете, что я снова пойду в церковь,— сказала она капризно,— с такой головной болью!

Мистер Брефф раболепно распахнул перед нею дверь, и через мгновение оба вышли из дома. Не знаю, чувствовала ли я когда-нибудь сильнее священную обязанность вмешаться, нежели в эту минуту. Но что было делать? Ничего, как только вмешаться при первом удобном случае попознее в тот же день.

Когда я вернулась из церкви и они возвратились с прогулки, первый же взгляд на стряпчего убедил меня, что он высказал ей все, что собирался сказать. Никогда раньше не видела я Рэчел такой молчаливой и задумчивой. Никогда раньше не видела, чтобы мистер Брефф выказывал ей такую преданность, такое внимание и смотрел на нее с таким явным уважением. Он объявил (может быть, выдумав это), что приглашен к обеду, и рано простился с нами, намереваясь вернуться в Лондон с первым же утренним поездом.

— Вы тверды в принятом вами решении? — спросил он Рэчел в дверях.

— Совершенно тверда,— ответила она; так они и расстались.

Едва он скрылся, как Рэчел ушла к себе. Она не вышла к обеду. Горничная ее (та самая особа, что носит чепчики

с лентами) пришла вниз сказать, что у барышни опять началась мигрень. Я побежала к ней, предлагая ей через запертую дверь свои сестринские услуги. Но дверь осталась запертоей, и Рэчел не открыла ее. Сколько тут предстояло преодолеть препятствий мне! Я почувствовала новый прлив сил и воодушевления при виде этой запертоей двери.

Когда на следующее утро ей понесли чашку чая, я вошла к ней вслед за прислугой. Я села возле ее постели и сказала ей несколько проникновенных слов. Она выслушала их с рассеянной вежливостью. Я заметила драгоценные издания моего благочестивого друга, сваленные в кучу на углу стола. Не заглянула ли она в них? Да, но они ее не заинтересовали. Позволит ли она прочесть ей вслух несколько мест, чрезвычайно интересных, которые, вероятно, ускользнули от ее внимания? Нет, не сейчас — она должна подумать о другом. Давая эти ответы, она сосредоточенно перебирала оборки своей ночной кофты. Необходимо было привлечь ее внимание каким-нибудь намеком на мирские интересы, которыми она дорожила.

— Знаете, дружок,— сказала я,— мне пришла вчера в голову странная фантазия насчет мистера Бреффа. Увидя вас с ним после прогулки, я решила, что он сообщил вам какую-нибудь неприятную новость!

Она выпустила оборку ночной кофты, и ее злобные черные глаза так и сверкнули.

— Совсем нет! Эту новость мне было очень интересно выслушать, и я глубоко благодарна за нее мистеру Бреффу.

— Да? — сказала я тоном краткого интереса.

Она опять начала перебирать пальцами оборку и угрюмо отвернулась от меня. Сотни раз при исполнении моих добрых дел наталкивалась я на такое обращение. Оно и на этот раз только подстрекнуло меня на новую попытку. В своем ревностном усердии к спасению ее души я решилась на огромный риск и открыто намекнула на ее помолвку.

— Интересная для вас новость? — повторила я.— Вероятно, милая Рэчел, это известие о мистере Годфри Эблуайте?

Она приподнялась, смертельно побледнев, и, очевидно, собираясь ответить мне прежней необузданной дерзостью. Но она сдержала себя; снова опустила голову на подушку, подумала с минуту, а потом произнесла следующие примечательные слова:

— Я никогда не выйду за мистера Годфри Эблуайта. Пришла моя очередь вскочить при этих словах.

— Что вы хотите сказать? — воскликнула я. — Этот брак считается всеми вашими родными решенным делом.

— Мистера Годфри Эблуайта ожидают сюда завтра, — сказала она упрямо. — Подождите, пока он приедет, и вы увидите.

— Но, милая Рэчел...

Она позвонила в колокольчик, висевший у ее изголовья. Явилась особа в чепчике с лентами.

— Пенелопа, ванну!

Отдадим ей должное. При тогдашнем состоянии чувств моих она отыскала единственный возможный способ приводить меня уйти из комнаты.

Она спустилась к завтраку, но ничего не ела и почти все время молчала. После завтрака она бесцельно бродила из комнаты в комнату, потом вдруг опомнилась и открыла фортельяно. Музыка, которую она выбрала для своей игры, была непристойного и нечестивого рода, взятая из тех представлений на сцене, о которых нельзя подумать без того, чтобы кровь не застыла в жилах. Я тайком разузнала, в котором часу ожидают мистера Годфри Эблуайта, а потом спаслась от этой музыки, ускользнув из дома.

Очутившись одна, я воспользовалась этим случаем, чтобы навестить двух моих местных друзей. Это было неописуемое наслаждение — снова чувствовать себя занятой серьезным разговором с серьезными людьми! Бесконечно подбодренная и освеженная, обратила я стопы мои назад, еще задолго до того, как ожидался гость. Я вошла в столовую, всегда в это время пустую, — и очутилась лицом к лицу с мистером Годфри Эблуайтом!

Он не сделал никакой попытки убежать. Напротив, он подошел ко мне чрезвычайно поспешно:

— Дорогая мисс Клак, вас-то я и ждал! Я случайно освободился раньше, чем предполагал, от моих лондонских дел и приехал сюда до назначенного времени.

В его объяснении не чувствовалось ни малейшего замешательства, хотя это была первая наша встреча после сцены на Монтегю-сквере.

— Видели вы Рэчел? — спросила я.

Он кротко вздохнул и взял меня за руку. Конечно, я вырвала бы свою руку, если бы тон его ответа не поразил меня.

— Я видел Рэчел,— сказал он совершенно спокойно.— Вам известно, дорогой друг, что она была помолвлена со мной? Но она вдруг решилась взять назад свое слово. Размышления убедили ее, что для нашего обоюдного блага будет лучше, если она возьмет назад опрометчивое обещание и предоставит мне свободу сделать другой, более счастливый выбор. Это единственная причина, на которую она ссылается, и единственный ответ, который она мне дает.

— А что вы сделали с своей стороны? — спросила я.— Покорились?

— Да,— ответил он с самым невозмутимым спокойствием,— я покорился.

Его поведение при подобных обстоятельствах было настолько непостижимо, что я окаменела от изумления, в то время как рука моя лежала в его руке. Смотреть, вытаращив глаза, на кого бы то ни было — грубо, а на джентльмена — неделикатно. Я совершила оба эти неприличных поступка. И я произнесла как во сне:

— Что это значит?

— Позвольте рассказать вам все,— ответил он,— и давайте лучше сядем.

Он подвел меня к креслу. Я смутно припоминаю, что он был очень внимателен. Кажется, он обвил рукой мою талию, чтобы поддержать меня,— хотя не знаю этого наверное. Я была совершенно беспомощна, а его обращение с дамами всегда такое сердечное. Во всяком случае, мы сели. За это я могу поручиться, если не могу поручиться ни за что другое.

Глава VII

— Я лишился прелестной невесты, превосходного общественного положения и богатого дохода,— начал мистер Годфри,— и покорился этому без борьбы. Что может быть причиной такого необыкновенного поведения? Мой драгоценный друг, причины нет.

— Причины нет? — повторила я.

— Позвольте мне, дорогая мисс Клак, привести вам для сравнения в пример ребенка,— продолжал он.— Ребенок совмещает ряд странных поступков. Вы удивлены и пытаетесь узнать причину. Бедняжка не способен объяснить вам эту причину. Вы можете точно так же спросить траву,

почему она растет, и птиц, почему они поют. Так вот, в данном случае я похож на милого ребенка, на траву, на птиц. Я не знаю, почему я сделал предложение мисс Вериндер. Я не знаю, почему я постыдно пренебрег моими милыми дамами. Я не знаю, как мог я отречься от «Комитета материнского попечительства». Вы говорите ребенку: почему ты капризничашь? А ангелочек засунет палец в рот и сам не знает. Совершенно так, как со мной, мисс Клак! Я не могу признаться в этом никому другому. Но я чувствую себя обязанным признаться вам.

Я начала приходить в себя. Мне предлагалось разобраться в нравственной проблеме. Меня глубоко интересуют нравственные проблемы, и, думаю, я довольно искусна в их разрешении.

— Лучший из друзей, изощрите ваш разум и помогите мне,— продолжал он.— Скажите мне, почему настало время, когда мои матrimониальные планы кажутся мне чем-то вроде сна? Почему мне вдруг пришло в голову, что мое истинное счастье в том, чтобы помочь моим милым дамам в исполнении скромных, полезных дел и чтобы произносить немногие убедительные слова, когда меня вызывает председатель? На что мне общественное положение? Оно у меня и без того есть. На что мне доход? Я и так могу заплатить за хлеб свой насущный, за свою миленькую квартирку и за два фрака в год. На что мне мисс Вериндер? Она призналась мне собственными устами — это между нами, милая мисс Клак,— что любит другого и выходит за меня замуж только для того, чтобы скорее выбросить его из головы. Какой ужасный союз! О боже мой, какой ужасный союз! Вот о чем я размышлял, мисс Клак, по дороге в Брайтон. Оказавшись в обществе Рэчел, я чувствовал себя преступником, ожидающим приговора. Когда я узнал, что и она также передумала и предложила мне взять свое слово обратно, я почувствовал — в этом не может быть ни малейшего сомнения — чревычайное облегчение. Месяц назад я с восторгом прижал ее к груди. Час назад радость, когда я узнал, что никогда более не прижму ее к груди, опьянила меня, как крепкий напиток. Это кажется невозможным — этого как будто не может быть. А между тем это факты, как я имел честь сообщить вам, когда мы с вами сели на эти два стула. Я лишился прелестной невесты, прекрасного дохода и покорился этому без борьбы. Как вы можете это объяснить, милый друг?

Самому мне объяснение недоступно, оно выше моих сил.

Его великолепная голова опустилась на грудь, и он с отчаянием отказался от разрешения нравственной проблемы.

Я была глубоко тронута. Болезнь (если я могу говорить как духовный врач) стала для меня ясна как день. Все мы по опыту знаем, что люди с высокими способностями часто опускаются до уровня самых ограниченных людей, окружающих их. Без сомнения, цель мудрого провидения заключается в том, чтобы напомнить великим мира сего, что и они смертны и что власть, давшая им их величие, может также и отнять его. Теперь, как мне кажется, читателю легко различить в печальных поступках милого мистера Годфри,— которых я была невидимой свидетельницей,— одно из таких полезных унижений.

Я изложила ему свой взгляд в простых и сестринских словах. На его радость приятно было смотреть. Он прижимал к губам попеременно то ту, то другую мою руку. Взволнованная торжеством при мысли, что он вернется к нам, я позволила ему делать, что он хочет, с моими руками. Я зажмурила глаза. В экстазе духовного самозабвения я опустила голову на его плечо. Через минуту я, конечно, упала бы в обморок на его руки, если бы шум внешнего мира не заставил меня опомниться. Противное звяканье ножей и вилок послышалось за дверьми — лакей пришел накрывать стол для завтрака. Мистер Годфри вскочил и взглянул на часы, стоявшие на камине.

— Как летит время, когда я с вами! — воскликнул он.— Я опоздаю к поезду.

Я осмелилась спросить у него, почему он так торопится вернуться в Лондон. Его ответ напомнил мне о семейных затруднениях, которым еще предстояло наступить.

— Я получил письмо от отца,— сказал он.— Дела призывают его ехать из Фризинголла в Лондон сегодня, и он намерен приехать сюда или сегодня вечером, или завтра утром. Необходимо поставить его в известность о том, что случилось между Рэчел и мною.

С этими словами он поспешил уйти. Точно так же торопясь, я побежала наверх — успокоиться в своей комнате до того, как встречусь с тетушкой Эблуййт и Рэчел за завтраком.

Мне хорошо известно, что все оскверняющее мнение света обвинило мистера Годфри в том, что он по каким-то

своим соображениям освободил Рэчел от данного ею слова при первом же удобном случае, который она подала ему. До ушай моих дошло также, что его нетерпеливое желание восстановить себя в моих глазах было приписано некоторыми лицами корыстолюбивому намерению примириться (через меня) с одной почтенной дамой, членом «Комитета материнского попечительства», обильно одаренной благами мира сего и бывшей моим кротким и возлюбленным другом. Я упоминаю об этих гнусных сплетнях только для того, чтобы объявить, что они никогда не имели ни малейшего влияния на мою душу.

Я сошла в столовую, с нетерпением желая видеть, как подействовал на Рэчел разрыв с женихом.

Мне показалось (но, признаюсь, я плохой судья в подобных вещах), что полученная ею свобода вернула ее к прежним мыслям о другом человеке, которого она любила, и что она злилась на себя за то, что не могла преодолеть чувства, которого в душе стыдилась. Кто был этот человек? Я догадывалась, но бесполезно было тратить время на пустые догадки. Если мне удастся обратить ее, она, разумеется, не будет иметь тайн от меня. Я услышу все об этом человеке, я услышу все и о Лунном камне. Если бы даже у меня не было высшей цели довести ее до высоты духовного сознания, одного только желания освободить ее душу от этих греховных тайн было бы достаточно, чтобы поощрить меня действовать дальше.

Днем тетушка Эблуйт делала манион в кресле для больных. Рэчел сопровождала ее.

— Хотелось бы мне самой тащить это кресло,— беспокойно произнесла она,— хотелось бы мне утомить себя до такой степени, чтобы свалиться!

Ее состояние не изменилось и к вечеру. Я нашла в одном из драгоценных изданий моего друга — «Житие, послания и труды мисс Джэн-Анн Стампер», сорок пятое издание — места, чудесно подходившие к данному положению Рэчел. Но, когда я предложила ей прочесть их, она отошла от меня к фортепиано. Как же мало она знала серьезных людей, если могла подумать, что мое терпение так быстро истощится! Я оставила при себе мисс Джэн Стампер и ожидала событий с неизменным упованиею на будущее.

Старик Эблуйт в этот вечер не приехал. Но я знала, какое значение этот алчный милянин приписывает браку

своего сына с мисс Вериндер, и была твердо уверена, что (как бы ни мешал этому мистер Годфри) мы увидим его на следующий день.

И действительно, на следующий день, как я и предвидела, тетушке Эблуййт, насколько позволила ей ее природа, пришлось выказать нечто вроде удивления при внезапном появлении мужа. Не успел он пробыть в доме и минуты, как вслед за ним явилось, к моему великому удивлению, неожиданное и запутанное обстоятельство в виде мистера Бреффа.

Не помню, чтобы когда-нибудь присутствие стряпчего было мне более неприятно, нежели в эту минуту. Он, по-видимому, приготовился к военным действиям.

— Какой приятный сюрприз, сэр! — сказал мистер Эблуййт, обращаясь к мистеру Бреффу с обманчивой вежливостью.— Когда я выходил вчера из вашей конторы, я не ожидал иметь честь видеть вас в Брайтоне сегодня.

— После вашего ухода я мысленно перебрал весь наш разговор,— ответил мистер Брефф,— и мне пришло в голову, что, может быть, я буду здесь полезен. Я едва успел к поезду и не видел, в каком вагоне вы ехали.

Дав это объяснение, он сел возле Рэчел. Я скромно удалилась в угол, с мисс Джен-Анн Стампер на коленях на всякий случай. Тетушка сидела у окна, по обыкновению спокойно обмахиваясь веером. Мистер Эблуййт стоял посреди комнаты; его плешь была краснее обычного, когда он самым дружелюбным образом обратился к племяннице.

— Милая Рэчел,— сказал он,— я узнал от Годфри нечто очень странное. Я приехал сюда выяснить, в чем дело. В этом доме у вас есть своя собственная гостиная. Проводите меня туда.

Рэчел не пошевелилась. Решилась ли она довести дело до кризиса или ее побудил какой-нибудь секретный знак мистера Бреффа, не могу сказать. Только она отказалась проводить старика Эблуйта в свою гостиную.

— Все, что вы хотите сказать мне,— ответила она,— можно сказать здесь, в присутствии моих родственниц и (она посмотрела на мистера Бреффа) верного старого друга моей матери.

— Как хотите, дружок,— ответил покладистый мистер Эблуййт.

Он сел и продолжал:

— Несколько недель назад сын уведомил меня, что

мисс Вериндер дала ему слово выйти за него. Может ли быть, Рэчел, что он не так вас понял или нафантализировал?

— Конечно, нет,— ответила она.— Я дала слово выйти за него.

— Очень откровенный ответ,— сказал мистер Эблуййт,— и самый удовлетворительный! В том, что случилось несколько недель назад, Годфри, значит, не ошибся. По-видимому, он ошибся в том, что произошло вчера. Понимаю. Вы с ним просто поссорились, как ссорятся влюбленные, и мой сумасбродный сын принял это серьезно. Ах, в его лета я был сообразительней!

Греховная природа нашей праматери Евы пробудилась в Рэчел, и она начала горячиться.

— Постараемся понять друг друга, мистер Эблуййт,— сказала она.— Вчера между вашим сыном и мной ничего похожего на ссору не произошло. Если он вам сказал, что я просила его вернуть мне слово и что он на это согласился,— он сказал вам правду.

Подобно термометру, показывающему повышение температуры, цвет плешины мистера Эблуйта доказал, что он начинает сердиться. Лицо его было любезнее прежнего, но и без того красная макушка стала еще краснее.

— Полно, полно, душа моя! — произнес он самым успокоительным тоном.— Не сердитесь и не будьте жестоки к бедному Годфри. Он, верно, сказал что-нибудь некстати. Он с детства такой неловкий, но намерения у него хорошие, Рэчел, намерения хорошие!

— Мистер Эблуййт, я или неясно выразилась, или вы нарочно не понимаете меня. Разрыв между вашим сыном и мной решен раз и навсегда, мы останемся на всю жизнь кузенами, и никем больше. Достаточно ли это ясно?

Она произнесла это таким тоном, что не понять ее было невозможно даже старику Эблуйту. Термометр повысился еще на градус, а голос, когда он опять заговорил, перестал быть голосом, подобающим человеку, известному своим добродушием.

— Стало быть, я должен понять,— сказал он,— что у вас с ним все кончено?

— Именно так, мистер Эблуййт.

— И я также должен понять, что предложение разрыва исходило от вас?

— Вначале от меня. Но, как я вам сказала, с согласия и одобрения вашего сына.

Ртуть в термометре поднялась на самый верх, красная макушка побагровела.

— Сын мой — малодушный трус! — вскричал в ярости старый грешник.— Я сам как отец,— а не ради него,— хочу знать, мисс Вериндер, что смущает вас в поведении мистера Годфри Эблуайта?

Тут в первый раз вмешался мистер Брефф.

— Вы не обязаны отвечать на этот вопрос,— сказал он Рэчел.

Старик Эблуайт тотчас напустился на него.

— Не забывайте, сэр,— сказал он,— что вы здесь незваный гость! Ваше вмешательство было бы гораздо желательней, если бы вы подождали, когда вас попросят вмешаться.

Мистер Брефф не обратил на это никакого внимания. Лоск любезности не сошел ни на капельку с его порочного старого лица. Рэчел поблагодарила его за совет, а потом обернулась к старику Эблуайту, сохраняя спокойствие, которое (принимая во внимание ее возраст и пол) было просто страшно видеть.

— Ваш сын задал мне точно такой же вопрос,— сказала она,— и у меня был для него только один ответ; только один ответ есть у меня и для вас. Я предложила, чтобы мы разошлись, потому что размышление убедило меня, что и для его и для моего блага будет лучше взять назад опрометчиво данное слово и предоставить ему свободу сделать другой выбор.

— Что же сделал мой сын? — настаивал мистер Эблуайт.— Я имею право это знать. Что сделал мой сын?

Она так же упорно стояла на своем.

— Вы получили единственное объяснение, которое я считаю необходимым дать ему или вам,— сказала она.

— Говоря попросту, вам заблагорассудилось, мисс Вериндер, легкомысленно играть чувствами моего сына!

Рэчел помолчала с минуту; сидя позади нее, я слышала, как она вздохнула. Мистер Брефф взял ее руку и пожал. Собравшись с силами, она ответила мистеру Эблуайту так же смело, как прежде.

— Мое поведение дало пищу еще худшим кривотолкам,— сказала она,— и я терпеливо перенесла их. Прошло то время, когда вы могли бы оскорбить меня, назвав легкомысленной кокеткой...

Она говорила с такой горечью, что я подумала, не

пришла ли ей в голову скандальная история Лунного камня.

— Мне больше нечего сказать,— устало прибавила она, не обращаясь ни к кому из нас в отдельности, отвернувшись от всех и глядя в ближайшее к ней окно.

Мистер Эблуйт вскочил и так сильно отодвинул свой стул, что тот опрокинулся и упал.

— А мне есть что сказать! — объявил он, стукнув по столу ладонью.— Я скажу, что если сын мой не чувствует этого оскорбления, то чувствую я.

Рэчел вздрогнула и взглянула на него с внезапным удивлением.

— Оскорбление? — повторила она.— Что вы хотите этим сказать?

— Оскорбление! — повторил Эблуйт.— Я знаю, по какой причине, мисс Вериндер, вы нарушили обещание, данное моему сыну. Я знаю это так же хорошо, как если бы вы сами признались в ней. Ваша проклятая фамильная гордость наносит оскорбление Годфри, как оскорбила она и меня, когда я женился на вашей тетке. Ее родные, ее нищие родные показали ей спину за то, что она вышла за честного человека, своими руками составившего себе состояние. Предков у меня не было. Я не происхожу от головорезов и мошенников, живущих воровством и убийством. Я не могу указать время, когда у Эблуйтов не было рубашки на теле и когда они не умели подписать своего имени. Ага, я не годился для Гернкастлей, когда я женился! А теперь сын мой не годится для вас. Я давно это подозревал. В вас заговорила кровь Гернкастлей, моя милая! Я давно это подозревал.

— Весьма недостойное подозрение,— заметил Брефф.— Удивляюсь, как у вас хватило мужества высказать его.

Прежде чем мистер Эблуйт успел найти слова для ответа, Рэчел заговорила тоном самого оскорбительного презрения.

— Не стоит обращать на это внимания,— сказала она стряпчemu.— Если он думает так, предоставим ему думать, как он хочет.

Из багрового мистер Эблуйт сделался синим. Он задыхался и едва переводил дух; он глядел то на Рэчел, то на Бреффа с таким бешенством, словно не знал, на кого из них прежде напасть. Жена его, до сих пор бесстрастно

обманивавшаяся веером, испугалась и попыталась, совершенно безрезультатно, успокоить его. Во время всего этого прискорбного разговора меня неоднократно охватывал внутренний порыв вмешаться и сказать несколько проникновенных слов, но я удерживалась из опасения возможных последствий — опасения, недостойного христианки и англичанки, стремящейся не к тому, чего требует малодушное благоразумие, а к тому, что нравственно справедливо. Видя, до чего дошло теперь дело, я встала, поставив себя выше всяких соображений о приличии. Если бы я собиралась возражать собственными, смиренно придуманными мною доводами, быть может, я еще поколебалась бы. Но печальное домашнее несогласие, которого я теперь была свидетельницей, было чудно и прекрасно предусмотрено в корреспонденции мисс Джен-Анн Стампер — письмо тысяча первое на тему «Семейный мир». Я вышла из моего укромного уголка и раскрыла драгоценную книгу.

— Любезный мистер Эблайт,— сказала я,— одно только слово!

Когда, встав, я привлекла к себе внимание всего общества, я могла заметить, что мистер Эблайт собирается сказать мне что-то грубое. Мои дружеские слова, однако, остановили его. Он вытаращил на меня глаза с языческим удивлением.

— Позвольте мне,— продолжала я,— как искренней доброжелательнице и другу, как женщине, давно привыкшей пробуждать, убеждать, приготавлять, просвещать и укреплять других,— позвольте мне взять на себя вполне простительную вольность успокоить вашу душу.

Он начал приходить в себя; он готов был разразиться гневом, и разразился бы, будь на моем месте всякий другой. Но мой голос (обыкновенно кроткий) обладает высокой нотой в важных случаях жизни. В данном случае я испытывала неотступное призвание говорить самым высоким голосом. Я поднесла к нему мою драгоценную книгу и указала пальцем на открытую страницу.

— Не к моим словам! — воскликнула я в порыве горячего усердия.— О, не предполагайте, что я требую внимания к моим смиренным словам! Манна в пустыне, мистер Эблайт! Роса на засохшей земле! Слова утешения, слова благоразумия, слова любви — блаженные, блаженные, блаженные слова мисс Джен-Анн Стампер!

Тут я остановилась, потому что у меня захватило ды-

хание. Прежде чем я успела опомниться, это чудовище в человеческом образе бешено закричало:

— К... мисс Джен-Анн Стампер!

Я не могу написать ужасное слово, какое заменено здесь точками. Я вскрикнула, когда оно сорвалось с его губ; я бросилась к моему ридикюлю, лежавшему на боковом столике; я высыпала из него все мои трактаты; я схватила один трактат о нечестивых ругательствах, под названием «Умолкните во имя неба!» и подала ему с выражением отчаянной мольбы. Он разорвал его и швырнул в меня через стол. Все вскочили в испуге, не зная, что произойдет дальше. Я тотчас села в свой угол. Однажды был такой случай, почти при подобных же обстоятельствах, когда мисс Джен-Анн Стампер схватили за плечи и вытолкали из комнаты. Я ожидала, вдохновляемая ее мужеством, повторения ее мученичества.

Но нет, этого не случилось. Прежде всего он обратился к своей жене:

— Кто, кто, кто,— забормотал он в бешенстве,— привнесил сюда эту дерзкую ханжу?

Прежде чем тетушка Эблуййт успела сказать слово, Рэчел ответила за нее:

— Мисс Клак в гостях у меня.

Слова эти произвели странное действие на мистера Эблуйайта. Они вдруг превратили его из человека, пылавшего гневом, в человека, одержимого ледяным презрением. Всем сделалось ясно, что Рэчел сказала что-то такое,— как ни кроток и ясен был ее ответ,— что, наконец, дало ему преимущество над нею.

— Ах, так! — сказал он.— Мисс Клак здесь у вас в гостях, в моем доме?

В свою очередь, Рэчел вышла из терпения; лицо ее вспыхнуло, а глаза гневно засверкали. Она обернулась к стряпчему и, указав на мистера Эблуйайта, спросила надменно:

— Что он хочет этим сказать?

Мистер Брефф вмешался в третий раз.

— Вы, кажется, забываете,— обратился он к мистеру Эблуйайту,— что вы наняли этот дом для мисс Вериндер как ее опекун...

— Сделайте одолжение, не торопитесь,— перебил мистер Эблуйайт,— мне остается сказать одно последнее слово, которое я давно бы сказал, если бы эта...— он посмотрел

на меня, придумывая, какое гнусное название должен он дать мне,— если бы эта отъявленная старая дева не перебила нас. Позвольте мне сказать вам, сэр, что если мой сын не годится в мужья мисс Вериндер, то я не думаю, чтобы и его отец годился ей в опекуны. Прошу вас понять, что я отказываюсь от опекунства, предложенного мне в завещании леди Вериндер. Говоря юридическим языком, я слагаю с себя звание опекуна. Этот дом был нанят на мое имя. Я беру всю ответственность за этот наем на себя. Это мой дом. Я могу его оставить или отдать в наймы, как хочу. Я не желаю торопить мисс Вериндер. Напротив, я прошу ее увезти отсюда свою гостью и свои вещи только тогда, когда это будет для нее удобно.

Он отвесил низкий поклон и вышел из комнаты. Вот каким образом мистер Эблуййт отомстил за то, что Рэчел не захотела выйти за его сына!

Как только дверь за ним затворилась, тетушка Эблуййт выказала необыкновенный прилив энергии, заставившей умолкнуть всех нас. У нее достало сил перейти через комнату.

— Милая моя,— сказала она, взяв Рэчел за руку,— мне было бы стыдно за своего мужа, если бы я не знала, что с тобой говорил его гнев, а не он сам... Вы, вы...— продолжала тетушка Эблуййт, обратясь в мой угол с новым припадком энергии,— это вы раздражали его. Надеюсь, я никогда больше не увижу ни вас, ни ваших трактатов!..— Она снова повернулась к Рэчел и поцеловала ее.— Прошу у тебя прощения, душечка, от имени моего мужа. Что я могу сделать для тебя?

Постоянно упрямая во всем, капризная и безрассудная во всех поступках своей жизни, Рэчел неожиданно засияла слезами при этих незначительных словах и молча поцеловала тетку.

— Если вы мне позволите ответить за мисс Вериндер,— сказал мистер Брефф,— я попрошу вас, миссис Эблуййт, прислать сюда Пенелопу со шляпой и шалью ее барышни. Оставьте нас наедине на десять минут,— добавил он тихим голосом,— и вы можете положиться на меня: я устрою все как следует, к обоюдному удовольствию, вашему и Рэчел.

Доверие, какое это семейство питало к стряпчему, было просто удивительно. Не говоря более ни слова, тетушка Эблуййт вышла из комнаты.

— Ах! — сказал мистер Брефф.— Кровь Гернкастлей имеет свои дурные стороны, я с этим согласен. Но все-таки в хорошем происхождении есть кое-что!

Сделав это чисто мирское замечание, он пристально взглянул в мой угол, как будто ожидая, что я уйду. Мое участие к Рэчел, несравненно более высокое, нежели его участие, приковало меня к стулу. Мистер Брефф отказался от надежды выпроводить меня совершенно так, как это было на Монтегю-сквере. Он подвел Рэчел к стулу возле окна и заговорил там с нею.

— Милая моя мисс Рэчел,— сказал он,— поведение мистера Эблуйта, естественно, оскорбило и удивило вас. Если бы стоило спорить с таким человеком, мы быстро показали бы ему, что он не смеет поступать, как ему заблагорассудится. Но не стоит. Вы были совершенно правы, когда сказали, что на него не следует обращать внимания.

Он остановился и посмотрел в мой угол. Я сидела совершенно неподвижно, с трактатами под мышкой и с мисс Джен-Анн Стампер на коленях.

— Вы знаете,— повернулся он к Рэчел,— что ваша мачтушка, по своей прекрасной натуре, всегда видела в окружающих людях одни только лучшие стороны и не замечала худших. Она назначила вашим опекуном своего зятя потому, что доверяла ему и думала, что это понравится ее сестре. Сам я никогда не любил мистера Эблуйта и уговорил вашу мать включить в завещание пункт, по которому ее душеприказчикам в некоторых случаях предоставляется право советоваться со мной о назначении нового опекуна. Подобный случай представился сегодня. Мне приятно покончить с этими сухими деловыми подробностями передачей поручения от моей жены. Не окажете ли вы миссис Брефф честь стать ее гостьей? Согласны ли вы остаться в моем доме как член моей семьи, пока мы, умные люди, будем совещаться и решим, что нам делать?

При этих словах я встала. Мистер Брефф сделал именно то, чего я опасалась, когда он просил миссис Эблуййт прислать шляпу и шаль Рэчел.

Прежде чем я успела сказать слово, Рэчел приняла его приглашение в самых горячих выражениях.

— Остановитесь! — вскрикнула я.— Остановитесь! Вы должны выслушать меня!.. Мистер Брефф, не вы ей родня, а я. Я приглашаю ее, я умоляю душеприказчиков назначить

опекуншней меня!.. Рэчел, милейшая Рэчел, я предлагаю вам мой скромный дом! Поезжайте в Лондон со следующим поездом, душа моя, и разделите со мною мой приют!

Мистер Брефф не сказал ничего. Рэчел посмотрела на меня с удивлением, которое не постаралась даже скрыть.

— Вы очень добры, Друзила, — ответила она, — я буду навещать вас, когда мне случится приехать в Лондон. Но я приняла приглашение мистера Бреффа и думаю, что будет гораздо лучше, если я теперь останусь под надзором мистера Бреффа.

— О, не говорите этого! — умоляла я. — Я не могу расстаться с вами, Рэчел, не могу расстаться с вами!

Я попыталась заключить ее в свои объятия, но она отступила от меня. Моя горячность не сообщилась ей, а только отпугнула ее.

— Какое странное волнение, — сказала она. — Я не вижу для него причин.

— И я также, — произнес мистер Брефф.

Их черствость, их отвратительная мирская черствость возмутила меня.

— О Рэчел, Рэчел! — вскричала я. — Неужели вы еще не видите, что я всем сердцем стремлюсь сделать из вас христианку? Неужели внутренний голос не говорит вам, что я стараюсь сделать для вас то, что старалась сделать для вашей милой матери, покуда смерть не вырвала ее из моих рук?

Рэчел приблизилась ко мне на шаг и очень странно посмотрела на меня.

— Я не понимаю вашего намека на мою мать, — сказала она, — будьте так добры, мисс Клак, объяснитесь.

Прежде чем я успела ответить, подошел мистер Брефф и предложил руку Рэчел, стараясь увести ее из комнаты.

— Вам лучше не продолжать этого разговора, дорогая моя, — сказал он, — и мисс Клак лучше не объясняться.

Будь я палкой или камнем, подобное вмешательство и тогда заставило бы меня сказать правду. Я с негодованием оттолкнула мистера Бреффа и торжественно, прличным случаю языком поведала ей воззрения христианского учения на то, каким страшным бедствием является смерть без покаяния. Рэчел отпрянула от меня (пишу об этом краснея) с криком ужаса.

— Уйдем отсюда! — сказала она мистеру Бреффу. — Уйдем, ради бога, прежде чем эта женщина не скажет еще

чего-нибудь! Вспомните о невинной, полезной, прекрасной жизни бедной моей матери. Вы были на похоронах, мистер Брефф, вы видели, как все ее любили; вы видели, как бедняки плакали над ее могилой, лишившись своего лучшего друга. А эта негодная женщина старается возбудить во мне сомнение, будет ли моя мать, бывшая ангелом на земле, ангелом на небе! Перестанем говорить об этом! Пойдемте! Меня убивает мысль, что я дышу одним воздухом с нею! Для меня ужасно сознание, что мы находимся в одной комнате!

Глухая ко всем увещаниям, она побежала к двери. В эту минуту вошла ее горничная со шляпой и шалью. Рэчел напялила их на себя как попало.

— Уложите мои вещи,— сказала она,— и доставьте их к мистеру Бреффу.

Я попыталась подойти к ней, я была огорчена, но — бесполезно говорить — я не была оскорблена. Я только хотела сказать ей: «Дай бог, чтобы ваше жестокое сердце смягчились! Я охотно прощаю вам!» Но она опустила вуаль и, вырвав у меня из рук кончик своей шали, торопливо выбежала из комнаты и захлопнула дверь у меня перед носом. Я перенесла это оскорбление с моей обычной твердостью. Я вспоминаю это теперь со своим обычным терпением, привыкнув ставить себя выше всякого оскорблении.

Мистер Брефф на прощание бросил мне насмешку.

— Лучше бы вам не объясняться, мисс Клак,— сказал он, поклонился и вышел.

Вслед за ним обратилась ко мне особа в чепчике с лентами.

— Легко догадаться, кто перессорил их всех,— сказала она.— Я только бедная служанка, но, право, мне стыдно за вас!

Она тоже вышла и захлопнула за собою дверь.

Я осталась в комнате одна. Поруганная и покинутая всеми, я осталась в комнате одна.

С тех пор я никогда больше не встречалась с Рэчел Вериндер. Я прощала ее, когда она оскорбляла меня. Я молилась за нее в последующие дни. И когда я умру, то,— как ответ мой ей добром за зло,— она получит «Жизнь, послания и труды» мисс Джэн-Анн Стампер, оставленные ей в наследство по моему завещанию.

ВТОРОЙ РАССКАЗ,
написанный Матью Брэффордом, стряпчим
в Грейс-Ини сквере

Глава I

Мой прелестный друг, мисс Клак, положила перо; я принимаюсь за него тотчас после нее по двум причинам.

Во-первых, потому, что могу пролить необходимый свет на некоторые пункты, до сих пор остававшиеся во мраке. Мисс Вериндер имела свои тайные причины разойтись с женихом, и я был тому виной. Мистер Годфри Эблуайт имел свои причины отказаться от всяких прав на руку своей очаровательной кузине, и я открыл их.

Во-вторых, уже не знаю, к счастью или к несчастью, но в тот период, о котором я теперь пишу, я сам оказался замешанным в тайну индийского алмаза. Я имел честь принять у себя в конторе иностранца с необыкновенно

изящными манерами, который бесспорно был не кем иным, как главарем трех индусов. Прибавьте к этому, что на следующий день я свиделся со знаменитым путешественником мистером Мертуэтом и имел с ним разговор о Лунном камне, оказавший важное влияние на последующие события. Вот краткий перечень моих прав на то положение, которое я занимаю на этих страницах.

Подлинная причина разрыва помолвки всему этому предшествовала хронологически и должна, следовательно, занять первое место и в настоящем рассказе. Озирая всю цепь событий с одного конца до другого, я нахожу необходимым начать свой рассказ со сцены,— как ни странно это вам покажется,— у постели моего превосходного клиента и друга, покойного сэра Джона Вериндерса.

Сэр Джон имел свою долю — может быть, слишком большую долю — наиболее безвредных и симпатичных слабостей, свойственных человечеству. Среди этих слабостей упомяну об одной, относящейся к настоящему делу: о непреодолимом нежелании,— пока он находился в добром здоровье,— написать завещание. Леди Вериндер употребила все свое влияние, чтобы побудить его выполнить свой долг; пустил в ход свое влияние и я. Он согласился со справедливостью нашего взгляда, но дальше этого не пошел, пока его не поразила болезнь, которая впоследствии свела его в могилу. Тогда наконец за мной послали, чтобы выслушать указания моего клиента относительно завещания. Они оказались самыми простыми, какие я когда-либо выслушивал за всю свою юридическую карьеру.

Сэр Джон дремал, когда я вошел в комнату. Он проснулся, увидя меня.

— Как поживаете, мистер Брефф? — спросил он.— Я буду очень краток, а потом опять засну.

С большим интересом наблюдал он, как я вынимал перья, чернила и бумагу.

— Вы готовы? — спросил он.

Я поклонился, обмакнул перо и ждал указаний.

— Я оставляю все своей жене,— сказал сэр Джон.— Вот и все.

Он повернулся на другой бок и приготовился опять заснуть. Я вынужден был потревожить его.

— Так ли я понимаю? — спросил я.— Вы оставляете все свое имущество, которым владеете по сей день, в полную собственность леди Вериндер?

— Да,— ответил сэр Джон,— только я выразился гораздо короче. Почему вы не можете написать покороче и дать мне опять заснуть? Все — моей жене. Вот мое завещание.

Его имущество находилось в полном его распоряжении и было двух родов: земельное (я нарочно не употребляю технических выражений) и денежное. В большинстве случаев подобного рода я счел бы своим долгом просить моего клиента обдумать свое решение. Но в данном случае я знал, что леди Вериндер не только достойна безусловного доверия (все добрые жены этого достойны), но и способна правильно распорядиться большим состоянием (на что, насколько я знаю прекрасный пол, способна лишь одна из тысячи). В десять минут завещание сэра Джона было написано и засвидетельствовано, а сам сэр Джон повернулся и продолжал прерванный сон.

Леди Вериндер вполне оправдала доверие, оказанное ей мужем. В первые же дни вдовства она послала за мной и составила свое завещание. Ее понимание своего положения было настолько здраво и умно, что не было никакой надобности ей что-либо советовать. Ответственность моя началась и кончилась переложением ее указаний в юридическую форму. Не прошло и двух недель, как сэр Джон сошел в могилу, а будущность его дочери была обеспечена с любовью и умом.

Завещание пролежало в моей kontоре, в несгораемом шкафу, столько времени, что мне тяжело об этом думать. Только летом тысяча восемьсот сорок восьмого года пришлось мне взглянуть на него опять, при весьма грустных обстоятельствах.

В то время, о котором я говорю, доктора вынесли бедной леди Вериндер свой приговор, который в буквальном смысле можно назвать смертным приговором. Мне первому сообщила она о своем положении и пожелала пересмотреть свое завещание вместе со мной.

Положение ее дочери было уже достаточно обеспечено. Но с течением времени ее намерения оставить наследство некоторым менее близким родственникам несколько изменились, и необходимо было прибавить три или четыре пункта к документу. Сделав это тотчас, во избежание непредвиденных случайностей, я получил разрешение леди Вериндер перенести эти последние инструкции во второе завещание.

Засвидетельствование второго завещания было описано мисс Клак, которая была так любезна, что засвидетельствовала его. Относительно денежных интересов Рэчел Вериндер второе завещание было слово в слово дубликатом первого. Единственные изменения касались назначения нового опекуна. После смерти леди Вериндер я отдал завещание моему нотариусу, чтобы он зарегистрировал его, как это принято.

Спустя три недели, насколько помню, пришли первые сведения о том, что происходит нечто необыкновенное. Мне случилось зайти в контору моего нотариуса и друга, и я заметил, что он принял меня с большим, чем всегда интересом.

— У меня есть для вас новость,— сказал он.— Как вы думаете, что услышал я сегодня утром в Доктор-Коммонс?¹ Завещание леди Вериндер уже спрашивали и рассматривали!

Это действительно была любопытная новость. В завещании не было решительно ничего, что дало бы возможность его опровергнуть, и я не мог придумать, кого оно могло заинтересовать.

— А вы узнали, кто спрашивал завещание? — спросил я.

— Да, клерк мне сказал это без всяких колебаний. Завещание смотрел мистер Смолли, из фирмы Скипп и Смолли. Оно еще не было внесено в список. Стало быть, ничего не оставалось делать — пришлось показать ему оригинальный документ. Он посмотрел его очень старательно и что-то отметил в записной книжке. Имеете вы какое-нибудь понятие о том, что ему было нужно?

Я покачал головой.

— Нет, но узнаю,— ответил я,— и сегодня же!

Я тотчас вернулся в свою контору.

Если бы этот непонятный интерес к завещанию моей покойной клиентки проявила другая фирма, мне, быть может, стоило бы труда сделать необходимые открытия. Но на Скиппа и Смолли я имел влияние, так что тут мне было действовать сравнительно легко. Мой собственный клерк (чрезвычайно способный и превосходный человек) был братом мистера Смолли, и по милости этой косвенной связи

¹ Присутственное место, куда отдают на хранение духовные завещания и где всякий, кто захочет, может за небольшую плату ознакомиться с любым из них.

Скипп и Смолли уже несколько лет подбирали падавшие с моего стола крохи — то есть те дела, которые попадали в мою контору и которые я по разным причинам не хотел вести лично. Мое профессиональное покровительство было в этом отношении довольно важно для фирмы. Я намеревался, если будет нужно, напомнить им об этом покровительстве в настоящем случае.

Как только я вернулся в контору, я рассказал моему клерку о том, что случилось, и послал его к Скиппу и Смолли со следующим поручением: «Мистер Брефф приказал кланяться и сообщить вам, что он желал бы знать, почему господа Скипп и Смолли нашли необходимым ознакомиться с завещанием леди Вериндер».

Это заставило мистера Смолли тотчас же прийти в мою контору. Он признался, что действовал по инструкциям, полученным от клиента. А потом добавил, что сказать больше он не имеет права, так как это было бы нарушением профессиональной этики.

Мы порядком поспорили насчет этого. Конечно, был прав он, а не я. Сказать по правде, я был рассержен, у меня пробудилось подозрение, и я настойчиво стремился узнать больше. Кроме того, я отказался считать это тайной, доверенной мне, и требовал полной свободы действий для себя. Более того, я захотел извлечь неоспоримые выгоды из своего положения.

— Выбирайте, сэр,— сказал я мистеру Смолли,— между риском лишиться вашего клиента или моих дел.

Согласен, что это совершенно не извинительно — деспотический нажим, и ничего более. Подобно всем другим деспотам, я настоял на своем. Мистер Смолли сделал выбор без малейшего колебания. Он покорно улыбнулся и назвал имя своего клиента:

— Мистер Годфри Эблайт.

Этого было довольно, мне не нужно было знать больше.

Дойдя до этого пункта в моем рассказе, я должен посвятить читателя этих строк в содержание завещания леди Вериндер.

Говоря коротко, по этому завещанию Рэчел Вериндер не имела права распоряжаться имуществом, оно просто обеспечивало ей пожизненный доход. Превосходный здравый смысл ее матери и моя продолжительная опытность освободили ее от всякой ответственности и предохраняли от всякой опасности сделаться жертвой алчного и бессовестного

стного человека. Ни она, ни ее муж (если бы она вышла замуж) не могли распоряжаться ни землей, ни капиталом. Им были предоставлены лондонский и йоркширский дома и обеспечен хороший доход — вот и все.

Когда я обдумал то, что узнал, я стал в тупик: что же мне делать? Еще и недели не прошло с того дня, когда я услышал (к моему удивлению и огорчению) о помолвке мисс Вериндер. Я искренне восхищался ею и любил ее, и мне было невыразимо грустно услышать, что она опрометчиво решилась выйти замуж за мистера Годфри Эблуайта. И вот теперь этот человек — которого я всегда считал лжецом с хорошо подвешенным языком,— оправдал мое самое худшее о нем мнение и прямо открыл, что он женится по расчету. «Что ж такое? — можете вы сказать.— Это делается каждый день». Согласен, любезный сэр. Но приняли бы вы это с той же легкостью, если бы дело касалось вашей сестры?

Естественно, первое, о чем я подумал, было: не откажется ли мистер Годфри Эблуайт от своей невесты после того, что узнал стряпчий по его поручению? Это целиком зависело от его денежных обстоятельств, о которых я ничего не знал. Если дела его были не так уж плохи, ему выгодно было жениться на мисс Рэчел ради одного только ее дохода. Если, с другой стороны, ему было необходимо срочно достать большую сумму к определенному сроку, тогда завещание леди Вериндер достигло своей цели и не допустит ее дочь попасть в руки мошенника.

В последнем случае мне не было бы никакой необходимости огорчать мисс Рэчел в первые же дни ее траура по матери, немедленно обнаружив перед ней истину. Но в первом случае промолчать — значило способствовать браку, который сделает ее несчастной на всю жизнь.

Мои сомнения кончились, когда я явился в лондонскую гостиницу, где остановились миссис Эблуайт и мисс Вериндер. Они сообщили мне, что едут в Брайтон на следующий день и что какое-то неожиданное препятствие помешало мистеру Годфри Эблуайту сопровождать их. Я тотчас предложил занять его место. Просто думая о Рэчел Вериндер, еще можно было колебаться. Но, увидя ее, я тотчас решил: что бы ни вышло из этого, сказать ей правду. Случай представился на другой день после моего приезда в Брайтон, когда мы вдвоем с ней отправились на прогулку.

— Могу я поговорить с вами,— спросил я,— о вашей помолвке?

— Да,— ответила она равнодушно,— если у вас нет ничего интереснее для разговора.

— Простите ли вы старому другу и слуге вашей семьи, мисс Рэчел, если я осмелюсь спросить, по любви ли выходите вы замуж?

— Я выхожу замуж с горя, мистер Брефф, надеясь на тихую пристань, которая сможет примирить меня с жизнью.

Это было сильно сказано! И под этими словами, вероятно, таится нечто, намекающее на роман. Но у меня была своя тема для разговора, и я не стал отклоняться от основного русла.

— Мистер Годфри Эблуййт вряд ли думает так, как вы,— сказал я.— Он-то, по крайней мере, женится по любви?

— Он так говорит, и мне кажется, что я должна ему верить. Он не женился бы на мне после того, в чем я ему призналась, если бы не любил меня.

Задача, которую я сам себе задал, начала казаться мне гораздо труднее, чем я ожидал.

— На мой старомодный взгляд,— продолжал я,— кажется очень странным...

— Что же именно? — спросила она.

— Тон доказывает, что вы говорите о вашем будущем муже так, словно вы не совсем уверены в искренности его чувства. Есть у вас какие-нибудь основания сомневаться в нем?

Удивительная проницательность помогла ей сразу подметить перемену в моем голосе при этом вопросе — перемену, показавшую ей, что в этом разговоре я преследую какую-то свою цель. Она остановилась, выдернула свою руку из моей и пристально посмотрела на меня.

— Мистер Брефф,— сказала она,— вы хотите мне что-то сообщить о Годфри Эблуйайте? Говорите.

Я знал ее настолько, что, не колеблясь, рассказал ей все.

Она опять взяла меня под руку и медленно пошла дальше. Я чувствовал, как рука ее машинально все крепче и крепче сжимает мою руку, и видел, как по мере моих слов сама она становится все бледнее и бледнее. Когда я кончил, она долго хранила молчание. Слегка потупив голову, она шла возле меня, не сознавая моего присутствия, погло-

щенная своими мыслями. Я не пытался ее отвлечь от них. Мое знание ее натуры подсказывало мне, как в других таких же случаях, что ей надо дать время прийти в себя.

Мы прошли около мили, прежде чем Рэчел очнулась от задумчивости. Она вдруг взглянула на меня со слабым проблеском прежней счастливой улыбки — улыбки, самой неотразимой из всех, какие я видел на женском лице.

— Я уже многим обязана вашей доброте,— сказала она,— а теперь чувствую себя гораздо более обязанной вам, чем прежде. Если вы услышите, вернувшись в Лондон, разговоры о моем замужестве, тотчас же опровергайте их от моего имени.

— Вы решили порвать с вашим женихом? — спросил я.

— Можете ли вы сомневаться в этом,— гордо возразила она,— после того, что сказали мне?

— Милая мисс Рэчел, вы очень молоды и, может быть, вам будет гораздо труднее выйти из этого положения, нежели вы ожидаете. Нет ли у вас кого-нибудь — я имею в виду даму,— с кем вы могли бы посоветоваться?

— Нет.

Я был огорчен, я был очень огорчен, услышав это. Так молода и так стойко переносит все! Желание помочь ей победило во мне сознание неловкости, которую я мог бы почувствовать при подобных обстоятельствах, и я высказал ей мысли, пришедшие мне в голову под влиянием минуты. В моей жизни мне приходилось давать советы бесчисленному множеству клиентов и справляться с чрезвычайно щекотливыми обстоятельствами. Но это был первый случай, когда я должен был советовать молодой девушке, как освободиться от слова, данного жениху. Совет, поданный мной, вкратце был таков: сказать мистеру Годфри Эблуайту — разумеется, наедине,— что ей стала достоверно известной корыстная цель его сватовства к ней, что брак их после этого стал просто невозможен, и она предлагает ему на выбор: обеспечить себе ее молчание, согласившись на разрыв помолвки, или иначе она будет вынуждена разгласить истинную причину разрыва. В случае же, если он взвесит защищаться или опровергать факты, она должна была направить его ко мне.

Мисс Вериндер внимательно выслушала меня. Потом очень мило поблагодарила за совет, но заметила, что ей невозможно последовать ему.

— Могу я спросить,— сказал я,— почему?

Она, видимо, колебалась, а потом, с своей стороны, задала мне вопрос:

— Что, если бы вас попросили высказать мнение о поведении мистера Годфри Эблуйта?

— Да?

— Как бы вы назвали его?

— Я назвал бы его поведением низкого обманщика.

— Мистер Брефф, я верила этому человеку. Я обещала стать женой этого человека. Как могу я сказать ему, что он низок, что он обманул меня, как могу я обесславить его в глазах света после этого? Я уронила себя в собственном своем мнении, думая о нем, как о будущем муже. Сказать ему сейчас то, что вы советуете,— значит сознаться перед ним в собственном унижении. Я не могу этого сделать! Стыд не будет иметь никакого значения для него. Но этот стыд будет нестерпим для меня.

Тут обнаружилась еще одна из замечательных особенностей ее характера. Крайнее отвращение ко всему низменному заставляло ее забыть, что ей следует подумать о себе, поставило ее в фальшивое положение и могло скомпрометировать во мнении всех друзей. До этого я немного сомневался, приличен ли данный мной совет, но после ее слов я уверился, что это самый лучший совет в ее положении, и без всяких колебаний стал опять уговаривать ее последовать ему. Она только покачала головой и опять повторила свои доводы.

— Но, дорогая мисс Рэчел,— возразил я,— невозможно объявить ему о разрыве, не приводя для этого никаких резонов!

— Я скажу, что еще раз все обдумала и нашла, что для нас обоих лучше расстаться.

— И ничего, кроме этого?

— Ничего.

— Подумали вы, что он может сказать со своей стороны?

— Он может сказать, что ему угодно.

Когда я оставил в этот день Рэчел, я испытывал к ней самые противоречивые чувства. Она была упрямая, она была не права. Она была интересна, она была удивительна, сна была достойна глубокого сожаления. Я взял с нее обещание написать мне, как только у нее будет что сообщить, и вернулся в Лондон в чрезвычайно тревожном состоянии духа.

В вечер моего возвращения, когда еще не могло прийти обещанное письмо, мистер Эблуайт-старший нанес мне неожиданный визит, чтобы сообщить, что мистер Годфри получил отказ и принял его — в этот же самый день.

С моей точки зрения, простой факт, заключавшийся в этих последних словах, объяснял причину согласия мистера Годфри Эблуайта так же ясно, как если бы он признался в ней сам: ему нужна была большая сумма денег, и нужна к известному сроку. Доход Рэчел мог помочь во всем другом, но не в этом, и вот почему Рэчел освободилась от него, не встретив ни малейшего сопротивления с его стороны. Если мне скажут, что это простое предположение, я спрошу, в свою очередь, какое другое предположение объяснит, почему он отказался от брака, который доставил бы ему богатство на всю остальную жизнь?

Радость, испытанная мной при таком счастливом обороте дела, омрачилась тем, что произошло во время моего дальнейшего разговора со стариком Эблуайтом.

Он приехал, разумеется, узнать, не могу ли я объяснить ему странный поступок мисс Вериндер. Бесполезно говорить, что я никак не мог доставить ему нужных сведений. Досада, которую я возбудил в нем, и раздражение, вызванное недавним свиданием с сыном, заставили мистера Эблуайта потерять самообладание. И лицо его и слова убедили меня, что мисс Вериндер нечего ждать от него милосердия, когда он приедет к ней в Брайтон на следующий день.

Я провел тревожную ночь, соображая, что мне теперь делать. Чем кончились эти размышления и как они оправдали мое недоверие к старшему мистеру Эблуайту, уже рассказало (насколько мне известно) в надлежащем месте этой добродетельной особой, мисс Клак. Мне остается только добавить к ее рассказу, что мисс Вериндер нашла спокойствие и отдых, в которых она, бедняжка, сильно нуждалась, в моем доме в Гэмпстеде. Она сделала нам честь, остановившись у нас погостить продолжительное время. Жена моя и дочери были ею очарованы, а когда душеприказчики избрали нового опекуна, я почувствовал искреннюю гордость и удовольствие при мысли, что моя гостья и мое семейство расстались добрыми друзьями.

Глава II

Теперь мне остается сообщить те дополнительные сведения, какие мне известны о Лунном камне или, говоря правильнее, о плане, который составили индусы, чтобы его похитить. То немногое, что остается мне сказать (кажется, я уже говорил об этом), все-таки довольно важно по своему примечательному отношению к событиям, ожидающим нас впереди.

Через неделю или дней десять после того, как мисс Вериндер оставила нас, один из клерков вошел в мой кабинет с карточкой в руке и сообщил мне, что внизу ждет какой-то господин, желающий со мною говорить.

Я взглянул на карточку. Там стояла иностранная фамилия, уже ускользнувшая из моей памяти. Под фамилией были написаны по-английски слова, которые я запомнил очень хорошо: «По рекомендации мистера Септимуса Люкера».

Дерзость такого человека, как мистер Люкер, осмелившегося рекомендовать кого-то мне до того удивила меня, что я с минуту сидел молча, спрашивая себя, не обманули ли меня мои глаза. Клерк, заметив мое удивление, счел нужным поделиться со мной результатом своих собственных наблюдений над иностранцем, ожидавшим внизу:

— Этот человек замечательной наружности, сэр: такой смуглый, что все мы в конторе приняли его за индуза или кого-нибудь в этом же роде.

Мысленно связав мнение клерка с обидной для меня строчкой на карточке, которую я держал в руке, я тотчас подумал, что рекомендация мистера Люкера и посещение иностранца относится к Лунному камню. К удивлению моего клерка, я решился немедленно принять господина, ждавшего внизу.

В оправдание в высшей степени непрофессиональной жертвы, принесенной мной любопытству, позволяю себе напомнить каждому, кто будет читать эти строки, что ни один человек (в Англии, по крайней мере) не мог бы притязать на более тесную связь с историей Лунного камня, нежели я. Полковник Гернкастль доверил мне план, составленный им, чтобы избегнуть смерти от руки мстителей. Я периодически получал письма полковника, сообщавшие, что он жив. Я составил завещание, в котором он отказывал Лунный камень мисс Вериндер. Я уговорил

душеприказчика принять возложенную на него обязанность, поскольку этот алмаз может оказаться драгоценным приобретением для его семьи. Наконец, я преодолел нерешиимость мистера Фрэнклина Блэка и уговорил его отвезти алмаз в дом леди Вериндер. Думаю, что никто не сможет опровергнуть мое право больше всех интересоваться Лунным камнем.

В ту же минуту, как мой таинственный клиент был введен в комнату, я почувствовал внутреннее убеждение, что нахожусь в присутствии одного из трех индусов — вероятно, начальника. Он был тщательно одет в европейскую одежду. Но смуглого лица, тонкой, гибкой фигуры, любезности и изящества манер было достаточно, чтобы обнаружить его восточное происхождение для всякого наблюдательного взгляда.

Я пригласил его сесть и попросил сообщить, что привело его ко мне.

Сперва извинившись (в самых изысканных английских выражениях), что осмелился побеспокоить меня, индус вынул небольшой сверток, обернутый золотой парчой. Сняв эту и еще другую обертку из какой-то шелковой ткани, он поставил на стол крошечный ящичек, или, вернее, шкатулочку, из эбенового дерева, красиво инкрустированную драгоценными камнями.

— Я пришел просить вас, сэр,— сказал он,— дать мне взаймы денег. А это я оставлю вам в залог.

Я указал на его карточку.

— Вы обратились ко мне по рекомендации мистера Люкера? — спросил я.

Индус поклонился.

— Могу я спросить, почему сам мистер Люкер не дал вам денег?

— Мистер Люкер сказал мне, сэр, что у него нет свободных денег.

— И он посоветовал вам обратиться ко мне?

Индус, в свою очередь, указал на карточку:

— Так здесь написано.

Краткий и точный ответ! Будь Лунный камень у меня, я твердо уверен — этот восточный аристократ убил бы меня без малейшего колебания. И в то же время, за исключением упомянутого неприятного маленького обстоятельства, должен сказать — то был поистине образцовый клиент. Может быть, он не пожалел бы моей жизни, но он

сделал то, чего никто из моих соотечественников не делал никогда,— он пожалел мое время.

— Мне жаль,— сказал я,— что вы побеспокоились явиться ко мне. Мистер Люкер ошибся, послав вас сюда. Мне поручают, как и другим людям моей профессии, давать деньги взаймы. Но я никогда не даю их людям, неизвестным мне, и под такой залог, как ваш.

Совершенно не пытаясь, как это сделали бы другие, уговаривать меня отступить от моих правил, индус еще раз поклонился и, ни слова не говоря, завернул свою шкатулку в обе обертки. Он встал, этот восхитительный убийца,— встал в ту самую минуту, как я ответил ему!

— Будете ли вы снисходительны к иностранцу, разрешив мне один вопрос,— сказал он,— прежде чем я уйду?

Я поклонился, с своей стороны. Только один вопрос на прощание! А мне задают их обычно пятьдесят!

— Предположим, сэр, что вы дали бы мне денег взаймы,— сказал он,— в какой именно срок я мог бы вернуть их вам?

— По обычаям нашей страны,— ответил я,— вы имели бы право вернуть долг — если бы захотели — через год, день в день — не раньше.

Индус отвесил мне последний поклон, ниже прежнего, и вдруг бесшумно вышел из комнаты.

Это произошло в одно мгновение — он выскользнул тихой, гибкой, кошачьей походкой, которая, признаюсь, немного испугала меня. Как только я пришел в себя настолько, чтобы начать думать, я вывел одно ясное заключение по поводу непонятного гостя, удостоившего меня своим посещением. Он так хорошо владел собой во время нашей беседы, что ни по его лицу, ни по его голосу нельзя было ни о чем догадаться. Но было одно мгновение, когда он все-таки дал мне заглянуть под эту маску. Он не выказывал ни малейшего признака интереса ни к чему из сказанного мною, пока я не упомянул, через какой срок должник имеет право начать расплачиваться. Только тогда он взглянул мне впервые прямо в лицо. Из этого я заключил, что он задал мне этот последний вопрос с особой целью, у него был особый интерес услышать мой ответ. Чем дольше размышлял я о нашем разговоре, тем сильнее подозревал, что принесенная шкатулка и просьба о займе были простым предлогом, пущенным в ход для того, чтобы про-

ложить путь к последнему вопросу, заданному мне.

Уверовав в справедливость такого заключения, я постарался сделать дальнейший шаг и угадать причину прихода индуза. Тут мне как раз принесли письмо от самого Септимуса Люкера. Он просил у меня извинения в выражениях противно раболепных и уверял, что может все объяснить удовлетворительным для меня образом, если я удостою его личной встречи.

Еще раз пожертвовав делами для простого любопытства, я назначил ему свидание в моей конторе на следующий день.

Мистер Люкер оказался во всех отношениях гораздо менее достойным человеком, чем индус,— он был такой пошлый, такой безобразный, такой раболепный, что его не стоит подробно описывать на этих страницах. Вот сущность того, что он мне сказал.

Накануне своего визита ко мне этот изящный индус удостоил своим посещением мистера Люкера. Несмотря на его европейский костюм, мистер Люкер тотчас узнал в своем госте начальника трех индусов, которые, как помнит читатель, надоедали ему, шатаясь около его дома, так что ему пришлось подать на них в суд. Сделав это странное открытие, он пришел к заключению,— признаюсь, довольно естественному,— что индус, несомненно, один из тех трех людей, которые завязали ему глаза, заткнули рот и отняли у него расписку банкира. В результате он оцепенел от ужаса и твердо уверовал, что пришел его последний час. Индус, однако, вел себя так, словно они никогда прежде не встречались. Он вынул маленькую шкатулочку и обратился к мистеру Люкеру с точно такой же просьбой, с какой обратился ко мне. Желая поскорее избавиться от него, мистер Люкер тотчас ответил, что у него нет свободных денег. Тогда индус попросил его назвать человека, к которому было бы целесообразнее всего обратиться за займом. Мистер Люкер ответил, что лучше и целесообразнее в подобных случаях обращаться к стряпчему, пользующемуся хорошей репутацией. Индус попросил его назвать человека такой репутации и такой профессии, и мистер Люкер назвал меня — по той простой причине, что, будучи крайне перепуган, он ухватился за первое припомнившееся ему имя.

— Пот лил с меня градом, сэр,— заключил этот несчастный.— Я сам не знал, что говорю. Надеюсь, вы не

поставите мне этого в вину, сэр, принимая во внимание, что я был перепуган до смерти.

Я довольно любезно извинил этого человека. Это был кратчайший способ освободиться от него. Когда он собрался уходить, я задержал его, чтобы задать один вопрос: не сказал ли индус чего-нибудь примечательного в ту минуту, когда уходил из дома мистера Люкера?

Да! Индус спросил мистера Люкера как раз о том, о чём, уходя, он спросил и меня, и, конечно, получил тот же ответ.

Что означало это? Объяснение мистера Люкера не помогло мне. Собственная моя сообразительность, к которой я прибег, не помогла мне. В тот вечер я был приглашен на обед и пошел к себе наверх переодеться отнюдь не в приятном расположении духа. Я не подозревал, что дорога к себе наверх окажется для меня в данном случае дорогой к открытию.

Глава III

Почетным гостем на этом обеде оказался мистер Мертуэт.

Когда он вернулся в Англию после всех своих странствований, общество очень заинтересовалось путешественником, испытавшим множество приключений и благополучно преодолевшим множество опасностей. Теперь он объявил, что намерен снова вернуться на арену своих подвигов и проникнуть в области, совершенно еще не известные. Такое великолепное равнодушие к опасностям, которым он готов был вторично подвергнуть свою жизнь, подняло ослабевший было интерес к этому герою. Теория вероятностей была явно против возможности его нового спасения. Не каждый день удается нам встречаться за обедом с замечательным человеком и чувствовать, что, весьма вероятно, скоро придется услышать известие об его убийстве.

Когда мужчины остались в столовой одни, я оказался поблизости от мистера Мертуэта. Стоит ли упоминать, что, будучи сплошь англичанами, все гости, как только присутствие дам перестало их стеснять, пустились в разговоры о политике.

Должен признаться, что в отношении этой темы, пред-

ставляющей столь жгучий интерес для большинства моих соотечественников, я один из самых нетипичных англичан, когда-либо живших на свете. Разговор о политике, как правило, кажется мне самым скучным и бесполезным из разговоров. Взглянув на мистера Мертуэта, когда бутылка обошла первый раз вокруг стола, я увидел, что и он, по-видимому, разделяет мой образ мыслей. Он вел себя осторожно, со всяческим уважением к чувствам своего хозяина, но тем не менее было видно, что он собирается вздрогнуть. Мне пришло в голову попытаться разогнать его сон разговором о Лунном камне и, если это удастся, узнать его мнение о дальнейшем развитии заговора индусов, которое имело место в прозаической обстановке моей конторы.

— Если я не ошибаюсь, мистер Мертуэт,— начал я,— вы были знакомы с покойной леди Вериндер и как будто интересовались странными событиями, кончившимися пропажей Лунного камня.

Знаменитый путешественник сделал мне честь тотчас очнуться от своей дремоты и осведомиться, кто я таков. Я сообщил ему о моих отношениях с семьей Гернкастлей, не забыв упомянуть и о том странном положении, которое я занимал относительно полковника и его алмаза. Мистер Мертуэт повернулся на своем стуле так, чтобы оставить за своей спиной всю компанию (и консерваторов и либералов), и сосредоточил все свое внимание на мистере Бреффе, простом стряпчем.

— Было ли за последнее время что-нибудь слышно об индуках? — спросил он.

— У меня есть все основания полагать, что один из них приходил вчера в мою контору,— ответил я.

Мистера Мертуэта не так-то легко было удивить, но этот мой ответ совершенно поразил его. Я рассказал, что случилось с мистером Люкером и что случилось со мною, точь-в-точь, как описал выше.

— Ясно, что прощальный вопрос индуса имел какую-то цель,— прибавил я.— Почему ему так хотелось знать, через какой срок должник имеет право заплатить свой долг?

— Возможно ли, что вы этого не понимаете, мистер Брефф?

— Стыжусь своей глупости, мистер Мертуэт, но не понимаю.

Знаменитому путешественнику захотелось исследовать до самого дна глубину моей глупости.

— Позвольте мне задать вам один вопрос,— сказал он.— Что сейчас собираются делать индусы, цель которых похитить Лунный камень?

— Не могу этого сказать,— ответил я.— Намерения индусов для меня тайна.

— Намерения индусов, мистер Брефф, тайна для вас только потому, что вы никогда не задумывались над ними серьезно. Давайте вспомним все события, с того времени, как вы составили завещание полковника Гернкастля, и до той минуты, когда этот индус пришел к вам в контору. В вашем положении семейного юриста может оказаться очень важным, чтобы вы могли, если это понадобится для интересов мисс Вериндер, иметь ясное понимание всего дела. С этой точки зрения, скажите, что вам интересней — подойти ли постепенно к пониманию побудительных причин индусов или вы хотите, чтобы я избавил вас от хлопот самостоятельного логического анализа и сразу сообщил вам, что сам думаю?

Бесполезно говорить, что я вполне оценил практический смысл первого из двух предложений и выбрал именно его.

— Очень хорошо,— сказал мистер Мертуэт.— Коснемся прежде всего возраста трех индусов. Я их видел, и все они кажутся одних лет, а посетивший вас индус находится в самой цветущей поре жизни? Вы думаете, ему нет и сорока лет? И я того же мнения. Скажем, что ему нет еще сорока лет. Теперь оглянитесь на то время, когда полковник Гернкастль приехал в Англию и когда вы были втянуты в план, придуманный им для сохранения своей жизни. Я не заставлю вас считать годы. Я только скажу: ясно, что эти индусы по своим годам должны быть преемниками тех трех индусов,— заметьте, мистер Брефф, все — брамины самой высокой касты! — которые последовали за полковником сюда. Очень хорошо. Эти наши индусы пришли на смену тем, что были здесь прежде них. Если бы речь шла только об этом, дело не представляло бы особого интереса. Но они сделали больше. Они встали во главе той организации, которую их предшественники создали в этой стране. Не пугайтесь. Я не сомневаюсь, что эта организация, по нашим понятиям, самое пустое дело. Она заключается в том, чтобы иметь в распоряжении деньги, пользоваться услугами англичан того подозрительного сорта, которые

ведут в Лондоне загадочную жизнь, и, наконец, опираться на сочувствие тех немногих из своих соотечественников, которые ведут разнообразные дела в этом большом городе. Вы видите, что в этом нет ничего опасного. Но об этом стоит упомянуть, потому что, может быть, в наших дальнейших рассуждениях нам еще придется коснуться этой скромной маленькой индусской организации. Теперь, уточнив положение, я задам вопрос и надеюсь, что ваш личный опыт поможет вам ответить на него. Как вы думаете, какое событие дало индусам первую возможность захватить алмаз?

Я понял, почему он упомянул мой личный опыт.

— Первая возможность,— ответил я,— была дана им смертью полковника Гернкастля. Я полагаю, что им сразу же стало известно о его смерти.

— Разумеется. Итак, вы говорите, эта смерть дала им первую возможность. До того времени Лунный камень хранился в кладовой банкира. Вы придали законную форму завещанию полковника, оставлявшего драгоценность своей племяннице. Завещание было предъявлено обычным порядком. Как юрист, вы без труда догадались, что именно индусы могли — по совету англичан — предпринять после этого?

— Взять копию с завещания из Доктор-Коммонс! — сказал я.

— Именно. Тот или другой из подозрительных англичан, о которых я упомянул, достал для них копию. Из этой копии они узнали, что Лунный камень завещан дочери леди Вериндер и что мистер Блэк-старший или человек, выбранный им, должен отдать его в ее руки. Согласитесь, что все необходимые сведения о таких людях, как леди Вериндер и мистер Блэк, получить очень легко. Индусам оставалось только решить, когда им сделать попытку похитить алмаз: во время ли изъятия его из банка или позднее, когда его повезут в Йоркшир, в дом леди Вериндер. Второе, несомненно, было безопаснее, и вот вам объяснение появления индусов, переодетых фокусниками, во Фризинголле. Бесполезно говорить, что лондонская организация держала их в курсе всех событий. Для этого достаточно было двух человек. Один должен был следить за тем, кто направился в банк из дома мистера Блэка. Другой, вероятно, угостил пивом слуг в доме мистера Блэка и узнал от них домашние новости. Таким простейшим

способом они узнали, что мистер Фрэнклин Блэк был в банке и что он — единственный человек в доме, собирающийся навестить леди Вериндер. Что произошло в результате этих сведений, вы сами, вероятно, помните так же хорошо, как и я.

Я вспомнил, как Фрэнклин Блэк заметил на улице, что за ним следят, как он вследствие этого уехал в Йоркшир на несколько часов раньше и как (по милости превосходного совета старика Беттереджа) отдал алмаз во фризинголлский банк, раньше чем индусы узнали о его появлении в Йоркшире. До сих пор все было совершенно ясно. Но, поскольку индусы не знали о принятых предосторожностях, как могло случиться, что они не сделали ни единой попытки проникнуть в дом леди Вериндер (в котором должен был, по их мнению, находиться алмаз) за все то время, какое прошло со дня приезда Фрэнклина Блэка до дня рождения Рэчел?

Предложив этот вопрос мистеру Мертуэту, я счел нужным добавить, что слышал о мальчике, о чернилах и обо всем остальном и что объяснение, основанное на теории ясновидения, для меня неубедительно.

— И для меня также,— ответил мистер Мертуэт.— Ясновидение в данном случае — просто проявление романтической стороны индусского характера. Для этих людей окружить утомительное и опасное предприятие в чужой стране элементами чудесного и сверхъестественного — значит освежить и успокоить душу. Согласен, что это совершенно непонятно для англичанина. Их мальчик, несомненно,— субъект, чувствительный к гипнотическому влиянию, и под этим влиянием он откликается на то, что чувствует человек, гипнотизирующий его. Я изучил теорию ясновидения, и мне не удалось установить, чтобы практические ее проявления заходили далее этого пункта. Индусы смотрят на этот вопрос иначе: индусы считают своего мальчика способным видеть предметы, невидимые для их собственных глаз,— и, повторяю, в этом чуде они находят источник нового интереса для достижения цели, объединяющей их. Я упоминаю об этом только как о любопытной черте человеческого характера, совершенно новой для нас. При розысках, которыми мы теперь занимаемся с вами, нам нет сейчас никакого дела до ясновидения, месмеризма и всего прочего, во что трудно поверить практическому человеку. Цель моя — проследить действия индусов шаг за шагом

и вывести заключение рациональными способами из естественных причин. Достаточно ли я успел в этом до сих пор?

— Без всякого сомнения, мистер Мертуэт! Но я с нетерпением жду рационального объяснения той трудности, о которой сейчас вас спросил.

Мистер Мертуэт улыбнулся.

— Объяснить ее легче всего,— сказал он.— Позвольте мне для начала признать, что ваше объяснение дела было созерценно правильно. Индусы, без сомнения, не знали, что именно сделал мистер Фрэнклин Блэк с алмазом, потому что они совершили свою первую ошибку в первый же вечер приезда мистера Блэка в дом его тетки.

— Первую ошибку? — повторил я.

— Конечно! Ошибка их состояла в том, что они допустили Габриэля Беттереджа застать их на террасе вечером. Однако они сами тут же увидели свою ошибку — потому что, как вы опять сказали, имея много времени в своем распоряжении, они не подходили к дому несколько недель после этого.

— Но почему, мистер Мертуэт? Вот что хотел бы я знать! Почему?

— Потому что ни один индус, мистер Брефф, не станет подвергать себя бесполезному риску. Пункт, написанный вами в завещании полковника Гернкастля, сообщил им,— не правда ли? — что Лунный камень переходит в полную собственность мисс Вериндер в день ее рождения. Очень хорошо. Скажите мне, как разумнее поступить людям в их положении? Сделать ли попытку похитить алмаз, пока он находится у мистера Фрэнклина Блэка, когда стало ясно, что он что-то подозревает и умеет перехитрить их, или подождать, пока алмаз будет в руках молодой девушки, которая с невинной радостью будет надевать эту великолепную вещь при всяком возможном случае? Может быть, вам требуется доказательство правильности моих слов? Пусть поведение индусов послужит вам этим доказательством. Они появились в доме, переждав все эти недели, в день рождения мисс Вериндер и были вознаграждены за свое терпение созерцанием Лунного камня на платье мисс Вериндер. Когда позднее в этот вечер я услышал историю полковника и алмаза, я был так уверен в исключительной опасности, какой подвергался мистер Фрэнклин — индусы непременно напали бы на него, если бы он вернулся в

дом леди Вериндер один, а не в обществе других людей,— и так сильно был убежден в еще худшей опасности, предстоящей мисс Вериндер, что посоветовал последовать плану полковника и уничтожить значение камня, разбив его на отдельные куски. Его необыкновенное исчезновение в ту ночь, сделавшее совет мой бесполезным и смешавшее все планы индусов, их арест на следующий день и заключение их в тюрьму как мошенников и бродяг, помешавшее им предпринять что-либо, известны вам так же хорошо, как и мне. Здесь кончается первое действие. Прежде чем идти дальше, могу ли я спросить, насколько объяснение мое удовлетворительно для практического человека?

Нельзя было отрицать, что он прекрасно разрешил для меня трудный вопрос,— и по милости своего знания им индусского характера, и потому еще, что ему не пришлоось, как мне, думать о сотне других завещаний после смерти полковника Гернкастля!

— Итак,— продолжал мистер Мертуэт,— первая возможность, представившаяся индусам, захватить алмаз была для них потеряна в тот день, когда их посадили во Фризинголлскую тюрьму. Когда же представилась им другая возможность? Другая возможность представилась, как я могу доказать, когда они еще сидели в тюрьме.

Прежде чем продолжать свой рассказ, он вынул свою записную книжку и раскрыл ее.

— В те дни я гостил у моих друзей во Фризинголле, и за два дня до того, как индусов освободили — это было, кажется, в понедельник,— тюремный смотритель пришел ко мне с письмом. Некая миссис Маканн, у которой они снимали квартиру, принесла это письмо в тюрьму для передачи одному из индусов, а самой миссис Маканн привнес это письмо утром в дом почтальон. Тюремные власти заметили, что штемпель на письме был ламбетский и что адрес, хотя и написанный правильным английским языком, как-то странно не соответствовал принятому у нас обычаю адресовать письма. Распечатав письмо, увидели, что оно написано на иностранном языке — на одном из языков Индии, как они справедливо предположили. Ко мне смотритель пришел для того, чтобы я перевел это письмо. Я скопировал в моей записной книжке и подлинник и мой перевод — оба они к вашим услугам.

Он подал мне развернутую книжку. Прежде всего был скопирован адрес письма. Он был написан сплошной фра-

зой, без знаков препинания: «Трем индусам живущим у дамы называющейся Маканн во Фризинголле в Йоркшире». Затем следовал оригинальный текст, а английский перевод стоял в конце и состоял из следующих таинственных фраз:

«Именем правителя Ночи, который восседает на Сайге, руки которого обнимают четыре угла земли!

Братья, обернитесь лицом к югу, приходите ко мне на улицу многошумную, спускающуюся к грязной воде!

Причина этому та:

Мои собственные глаза видели *его*.

На том письмо и кончилось, не было ни числа, ни подписи. Я подал его обратно мистеру Мертуэту и признался, что этот любопытный образчик индусской корреспонденции поставил меня в тупик.

— Я могу объяснить вам первую фразу,— сказал он,— а поведение индусов объяснят остальное. Бог луны представлен в индусской мифологии четвероруким божеством, сидящим на антилопе, а один из его титулов — правитель Ночи. Здесь есть что-то подозрительно похожее на косвенный намек на Лунный камень. Теперь посмотрим, что сделали индусы, когда тюремные власти вручили им письмо. В тот самый день, как их освободили, они тотчас отправились на станцию железной дороги и заняли места в первом же поезде, отправлявшемся в Лондон. Во Фризинголле мы все очень жалели, что над дальнейшими поступками индусов не было установлено тайного наблюдения. Но после того как леди Вериндер отпустила сыщика и остановила дальнейшее следствие о пропаже алмаза, никто уже не мог ничего предпринять в этом деле. Индусам дана была воля ехать в Лондон, они в Лондон и поехали. Когда мы в следующий раз услышали о них, мистер Брефф?

— Когда они стали надоедать мистеру Люкеру,— ответил я,— шатаясь около его дома в Ламбете.

— Вы читали о том, как мистер Люкер обратился к судье?

— Да.

— Если вы припомните, он упомянул об иностранце, служившем у него, которого он только что уволил, заподозрив его в покушении на воровство; он думал также, что этот иностранец действовал заодно с индусами, надоевшими ему. Вывод, мистер Брефф, напрашивается сам собой: и относительно того, кто написал индусам письмо, поста-

вившее вас сейчас в тупик, и о том, какую восточную драгоценность этот служащий покушался украдь у мистера Люкера.

Вывод, как сам я поспешил признать, был достаточно ясен, чтобы его еще разъяснить. Я и раньше не сомневался, что Лунный камень попал в руки мистера Люкера именно в тот промежуток времени, о котором упоминал мистер Мертуэт. Меня только смущало, как могли индусы узнать об этом.

Сейчас и этот вопрос — по-моему, самый трудный — получил разрешение, как и все остальные. Хотя я и юрист, я почувствовал, что мистер Мертуэт благополучно проведет меня с завязанными глазами по самым последним извилинам лабиринта, которым он вел меня до сих пор. Я сделал ему этот комплимент, и он любезно его принял.

— Помогите и вы, в свою очередь, прояснить мне один момент,— попросил он.— Кто-то отвез Лунный камень из Йоркшира в Лондон и кто-то отдал его в заклад, а то бы он не был в руках мистера Люкера. Знают ли уже, кто это сделал?

— Насколько мне известно, еще нет.

— Ходили какие-то слухи о мистере Годфри Эблуайте — не так ли? Мне сказали, что он знаменитый филантроп,— это уж прямо говорит против него.

Я искренне согласился с мистером Мертуэтом. В то же время я почувствовал себя обязанным сообщить ему (вряд ли нужно писать, что я не назвал имени мисс Вериндер), что мистер Годфри Эблуайт был очищен от всякого подозрения на основании показаний такого лица, за правдивость которого я мог поручиться.

— Очень хорошо,— спокойно произнес Мертуэт,— предоставим времени разъяснить это дело. А пока, мистер Брефф, мы должны вернуться к индусам. Путешествие их в Лондоне кончилось тем, что они сделались жертвой новой неудачи. Потерю второй возможности похитить алмаз следует, по моему мнению, приписать хитрости и предусмотрительности мистера Люкера, недаром занимающегося прибыльным и старинным ремеслом ростовщика. Поспешно отказав своему служащему, он лишил индусов помощи, которую их сообщник мог бы оказать им, пустив их в дом. Незамедлительно перенеся Лунный камень к своему банкиру, он озадачил заговорщиков, прежде чем они смогли

составить новый план обокрасть его. Откуда догадались индусы о том, что было им сделано, и как они успели захватить расписку банкира — события, слишком свежие для того, чтобы стоило о них распространяться. Достаточно сказать, что они узнали, что Лунный камень опять ускользнул от них и был положен — названный просто драгоценностью — в сейф банкира. Какая же третья возможность, мистер Брефф, захвата алмаза может им представиться и когда?

Едва этот вопрос сорвался с его губ, я догадался на конец, для чего индус приходил ко мне вчера.

— Понимаю! — воскликнул я.— Индусы уверены, так же как и мы, что Лунный камень заложен, и им непременно нужно знать самый ранний срок выкупа залога,— потому что именно тогда-то алмаз и будет взят от банкира!

— Я предупредил вас, что вы сами сообразите все, мистер Брефф, если только я кое-что подскажу вам. Через год после того, как Лунный камень был заложен, индусы будут подстерегать третью возможность похитить его. Мистер Люкер сам сказал им, сколько времени придется ждать, и вы, авторитет непререкаемый, подтвердили истину слов мистера Люкера. Когда, по вашему предположению, алмаз попал в руки заимодавца?

— В конце июня,— ответил я,— сколько мне помнится.

— Теперь тысяча восемьсот сорок восьмой год. Очень хорошо. Если неизвестное лицо, заложившее Лунный камень, может выкупить его через год, алмаз будет в руках этого человека в конце июня тысяча восемьсот сорок девятого года. В те дни я буду далеко от Англии и английских новостей. Но, может быть, вам стоило бы записать число и постараться быть в Лондоне в это время?

— Вы думаете, что случится что-нибудь серьезное? — спросил я.

— Я думаю, что я буду в большей безопасности,— ответил он,— между свирепыми фанатиками Центральной Азии, чем был бы, если бы переступил порог двери банка с Лунным камнем в кармане. Индусы два раза потерпели неудачу, мистер Брефф. Я твердо уверен, что они не потерпят неудачи в третий раз.

То были его последние слова. Принесли кофе; гости встали и разошлись по комнате, а мы поднялись наверх, к дамам.

Я записал число, и, быть может, не худо закончить рассказ, переписав сюда эту заметку:

Июнь тысяча восемьсот сорок девятого года. Ожидать известий об индусах в конце этого месяца.

Сделав это, я передаю перо, которое мне более не нужно, тому, кто должен писать после меня.

ТРЕТИЙ РАССКАЗ, написанный Фрэнклином Блэком

Глава I

Весной тысяча восемьсот сорок девятого года, странствуя по Востоку, я изменил план своего путешествия, составленный несколько месяцев назад и сообщенный тогда моему стряпчему и моему банкиру в Лондоне.

Это изменение вызвало необходимость послать моего слугу за письмами и денежными переводами к английскому консулу в один из городов, который я уже раздумал посещать. Слуга мой должен был опять присоединиться ко мне в назначенное время и в назначеннем месте. Непредвиденный случай, в котором он не был виноват, задержал его в пути. Целую неделю я и нанятые мной люди поджидали его у пределов пустыни. Наконец пропавший слуга появился перед входом в мою палатку, с деньгами и письмами.

— Боюсь, что я привез вам дурные вести, сэр,— сказал он, указывая на одно из писем с траурной каймой, адрес на котором был написан рукой мистера Бреффа.

В подобных случаях нет ничего тяжелее неизвестности. Я распечатал письмо с траурной каймой раньше всех прочих. Оно уведомляло меня, что отец мой умер и что я стал наследником его огромного состояния. Богатство, переходившее в мои руки, приносило с собой ответственность; мистер Брефф упрашивал меня, не теряя времени, вернуться в Англию.

На рассвете следующего утра я был уже на пути к моей родине.

Портрет мой, нарисованный моим старым другом Беттереджем в то время, когда я уезжал из Англии, немножко преувеличен, как мне кажется. Он по-своему серьезно перетолковал сатирические замечания своей барышни о моем заграничном воспитании и убедил себя, что действительно видел те французские, немецкие и итальянские стороны моего характера, над которыми моя веселая кузина просто подшучивала и которые существовали разве только в воображении нашего доброго Беттереджа. Но, за исключением этого, должен признаться, что он написал истинную правду: я действительно был уязвлен в самое сердце обращением Рэчел и покинул Англию в первом порыве страдания, причиненного мне самым горьким разочарованием.

Я уехал за границу в надежде, что перемена места и продолжительное отсутствие помогут мне забыть ее. Я убежден, что человек, отрицающий благотворное действие перемены места и разлуки в подобных случаях, неверно представляет себе человеческую природу. Перемена и разлука отвлекают внимание от всепоглощающего созерцания своего горя. Я не забыл Рэчел, но печаль воспоминания утрачивала мало-помалу свою горечь, по мере того как время, расстояние и новизна все больше и больше становились между Рэчел и мной.

Но, с другой стороны, на обратном пути действие этого лекарства, так хорошо мне помогавшего, начало ослабевать. Чем более я приближался к стране, где она жила, и к возможности снова увидеться с ней, тем непреодолимее становилась ее прежняя власть надо мной. При отъезде из Англии я скорее умер бы, чем произнес ее имя. При возвращении в Англию, встретившись с мистером Бреффом, я прежде всего спросил о ней.

Разумеется, мне рассказали все, что случилось в мое отсутствие,— другими словами, все, что было написано здесь как продолжение рассказа Беттереджа, исключая одно только обстоятельство. В то время мистер Брефф не считал себя вправе сообщить мне о причинах, побудивших Рэчел и Годфри Эблуйта разорвать свою помолвку. Я не беспокоил его затруднительными вопросами об этом щекотливом предмете.

Для меня было достаточным облегчением узнать после ревнивого разочарования, возбужденного во мне известием об ее намерении сделаться женой Годфри, что по размышлении она убедилась в опрометчивости своего поступка и взяла назад свое слово.

Когда я выслушал рассказ о прошлом, мои последующие расспросы (все о Рэчел!) перешли к настоящему. На чьем попечении находилась она, оставив дом мистера Бреффа, и где жила она теперь?

Она жила у вдовствующей сестры покойного сэра Джона Вериндера, миссис Мерридью, которую душеприказчики ее матери просили быть опекуншей и которая согласилась на это. Я услышал, что они отлично ладят и что сейчас они поселились на время лондонского сезона в доме миссис Мерридью на Портлендской площади.

Спустя полчаса после того, как я узнал об этом, я отправился на Портлендскую площадь, не имея мужества признаться в этом мистеру Бреффу!

Слуга, отворивший дверь, не был уверен, дома ли мисс Вериндер. Я послал его наверх с моей визитной карточкой, чтобы скорее разрешить этот вопрос; слуга вернулся с непроницаемым лицом и сообщил мне, что мисс Вериндер нет дома.

Кого-нибудь другого я мог бы заподозрить в умышленном отказе увидеться со мной, но Рэчел подозревать было невозможно. Я просил передать, что приду опять в шесть часов вечера. В шесть часов мне вторично было сказано, что мисс Вериндер нет дома. Не поручила ли она передать мне что-нибудь? Ничего. Разве мисс Вериндер не получила моей карточки? Мисс Вериндер ее получила.

Вывод был слишком ясен: Рэчел не хотела меня видеть.

С своей стороны, я не мог допустить, чтобы со мной обращались подобным образом, не сделав попытки узнать хотя бы причину этого. Я послал свою карточку миссис

Мерридью, с просьбой назначить мне свидание в любое удобное для нее время.

Миссис Мерридью приняла меня тотчас. Я был введен в красивую маленькую гостиную и очутился перед красивой маленькой пожилой дамой. Она была так добра, что выразила мне большое сочувствие и некоторое удивление. Но в то же время она не могла ни объяснить мне поведение Рэчел, ни попытаться уговорить ее, поскольку дело касалось, по-видимому, ее личных чувств. Она повторила все это несколько раз, с вежливым терпением, которого ничто не могло утомить. Вот все, что я выиграл, обратившись к миссис Мерридью.

Моей последней попыткой было написать Рэчел. Слуга, который отнес к ней письмо, получил строгий приказ дождаться ответа.

Ответ был принесен и заключался в одной фразе:

-- Мисс Вериндер отказывается вступать в переписку с мистером Фрэнклином Блэкком.

Как ни любил я ее, оскорбление, нанесенное мне таким ответом, вызвало во мне бурю негодования. Зашедший поговорить со мною о делах мистер Брефф застал меня еще не опомнившимся от пережитого.

Я тотчас отбросил все дела и откровенно рассказал ему обо всем. Мистер Брефф, подобно миссис Мерридью, не сумел дать мне удовлетворительного объяснения.

Я спросил его, не оклеветал ли меня кто-нибудь перед Рэчел? Мистер Брефф не знал ни о какой клевете. Не говорила ли она чего-нибудь обо мне, когда жила в доме мистера Бреффа? Никогда. Не спрашивала ли она во время моего долгого отсутствия, жив я или умер? Такого вопроса она не задавала.

Я вынул из бумажника письмо, написанное мне бедной леди Вериндер из Фризинголла в день моего отъезда из ее йоркширского поместья. Я обратил внимание мистера Бреффа на две фразы в этом письме:

«Драгоценная помощь, которую вы оказали следствию в поисках пропавшего алмаза, до сих пор кажется непростительной обидой для Рэчел в настоящем страшном состоянии ее души. Поступая слепо в этом деле, вы увеличили ее беспокойство, невинно угрожая открытием ее тайны вашими стараниями».

— Возможно ли,— спросил я,— чтобы она и теперь была раздражена против меня так же, как прежде?

На лице мистера Бреффа выразилось непрятворное горчение.

— Если вы непременно настаиваете на ответе,— сказал он,— признаюсь, я не могу иначе истолковать ее поведение.

Я позвонил и велел слуге своему уложить вещи и послать за расписанием поездов. Мистер Брефф спросил с удивлением, что я намерен делать.

— Я еду в Йоркшир,— ответил я,— со следующим поездом.

— Могу я спросить, для чего?

— Мистер Брефф, помощь, которую я самым невинным образом оказал при поисках ее алмаза, оказалась непростительным оскорблением для Рэчел год назад и остается непростительным оскорблением до сих пор. Я не хочу подчиняться этому. Я решил узнать, почему она ничего не сказала матери и чем вызвана ее неприязнь ко мне. Если время, труды и деньги могут это сделать, я отыщу вора, укравшего Лунный камень!

Достойный старик попытался возражать, уговаривал меня послушаться голоса рассудка — словом, хотел исполнить свой долг передо мной. Но я остался глух ко всем его убеждениям. Никакие соображения на свете не поколебали бы в эту минуту моей решимости.

— Я буду продолжать следствие,— заявил я,— с того самого места, на котором остановился, и буду вести его шаг за шагом до тех пор, пока не дойду до решающего факта. В цепи улик недостает нескольких звеньев, после того как я оставил следствие,— их может дополнить Габриэль Беттередж. Я еду к Габриэлю Беттереджу!

В тот же вечер, на закате солнца, я опять очутился на хорошо знакомой мне террасе мирного старого деревенского дома. Первым, кого я встретил в опустелом саду, был садовник. На мой вопрос, где Беттередж, он ответил, что видел его час назад греющимся на солнышке в обычном уголке на заднем дворе. Я хорошо знал этот уголок и сказал, что сам пойду и отыщу его.

Я пошел по знакомым дорожкам и заглянул в открытую калитку.

Вот он — милый старый друг счастливых дней, которые никогда уже не вернутся; вот он — в прежнем своем уголке, на прежнем соломенном стуле, с трубкой во рту, с «Робинзоном Крузо» на коленях и со своими двумя друзьями-собаками, дремлющими у его ног. Я стоял так, что по-

следние косые лучи солнца отбрасывали мою тень впереди меня. Увидели ли собаки эту тень или тонкое их чутье уловило мое приближение, но они, заворчав, вскочили. В свою очередь вздрогнув, старик одним окриком заставил их замолчать, а потом, прикрыв свои слабые глаза рукой, вопросительно посмотрел на человека, стоявшего в калитке.

Глаза мои наполнились слезами. Я принужден был переждать минуту, прежде чем решился с ним заговорить.

Глава II

— Беттередж,— произнес я наконец, указывая на хорошо знакомую книгу, лежавшую у него на коленях,— сообщил ли вам «Робинзон Крузо» в этот вечер, что вам, возможно, придется увидеть Фрэнклина Блэка?

— Ей-богу, мистер Фрэнклин,— вскричал старик,— «Робинзон Крузо» именно так и сделал!

Он поднялся на ноги с моей помощью и с минуту постоял, переводя взгляд с меня на «Робинзона Крузо» и обратно, словно не был уверен, кто же из нас двух более поразил его. Книга одержала верх.

Он смотрел на эту удивительную книгу с неописуемым выражением, будто надеясь, что сам Робинзон Крузо сойдет с этих страниц и удостоит нас личным свиданием.

— Вот место, которое я читал, мистер Фрэнклин,— произнес он, едва лишь вернулась к нему способность речи,— и это так же верно, как я вас вижу, сэр! — вот то самое место, которое я читал за минуту до вашего прихода! Страница сто пятьдесят шестая: «Я стоял, как пораженный громом или как будто увидел призрак». Если это не означает: «Ожидайте внезапного появления мистера Фрэнклина Блэка», то английский язык не имеет никакого смысла! — докончил Беттередж, шумно захлопнув книгу и освободив наконец руку, чтобы взять мою, которую я протягивал ему.

Я ожидал — это было бы очень естественно при настоящих обстоятельствах,— что он закидает меня вопросами. Но нет, чувство гостеприимства вытеснило все остальные в душе старого слуги, когда член семейства явился (все равно, каким образом) гостем в дом.

— Пожалуйте, мистер Фрэнклин,— сказал он, отворяя дверь со своим старомодным поклоном.— Я спрошу

попозднее, что привело вас сюда, а сначала должен устроить вас поудобнее. После вашего отъезда произошло много грустных перемен. Дом заперт, слуги отосланы. Ну, да ничего! Я сам приготовлю вам обед, жена садовника сделает вам постель, а если в погребе сохранилась бутылочка нашего знаменитого латурского кларета, содержимое ее попадет в ваше горло, мистер Фрэнклин. Милости просям, сэр, милости просим! — сказал бедный старик, мужественно отстаивая честь покинутого дома и принимая меня с гостеприимным и вежливым вниманием прошлых времен.

Мне было больно обмануть его ожидания. Но этот дом принадлежал теперь Рэчел. Мог ли я есть или спать в нем после того, что случилось в Лондоне? Самое простое чувство уважения к самому себе запрещало мне — и совершенно правильно — переступать через его порог.

Я взял Беттереджа под руку и повел его в сад. Нечего делать, я принужден был сказать ему всю правду. Он был очень привязан к Рэчел и ко мне, и его очень огорчил и озадачил оборот, какой приняли обстоятельства. Он выразил свое мнение с обычной прямотой и со свойственной ему самой положительной философией в мире, какая только мне известна, — философией беттереджской школы.

— Мисс Рэчел имеет свои недостатки, я никогда этого не отрицал, — начал он. — Иной раз она любит поставить на своем. Вот и с вами она старалась поставить на своем. Боже мой, мистер Фрэнклин, неужели вы до сих пор не знаете женщин? Слышали вы когда-нибудь от меня о покойной миссис Беттередж?

Я очень часто слышал от него о покойной миссис Беттередж — он неизменно приводил ее как пример слабости и своеволия прекрасного пола. В таком виде выставил он ее и теперь.

— Очень хорошо, мистер Фрэнклин. Теперь выслушайте меня. У каждой женщины своя собственная манера ставить на своем. Всякий раз как мне случалось отказывать покойной миссис Беттередж в том, чего ей хотелось, она непременно кричала мне из кухни, когда я в таких случаях приходил домой, что после моего грубого обращения с ней у нее не хватает сил приготовить мне обед. Я переносил это некоторое время так, как вы теперь переносите капризы мисс Рэчел. Но наконец терпение мое лопнуло. Я отправился в кухню, взял миссис Беттередж — понимаете, друже-

ски — на руки и отнес ее в нашу лучшую комнату, где она принимала гостей. «Вот твое настоящее место, душечка», — сказал я и сам пошел на кухню. Там я заперся, снял свой сюртук, засучил рукава и состряпал обед. Когда он был готов, я сам себе подал его и пообедал с удовольствием. Потом я выкурил трубку, хлебнул грому, а после прибрал со стола, вычистил кастрюли, ножи и вилки, убрал все это и подмел кухню. Когда было чисто и опрятно, я отворил дверь и пустил на кухню миссис Беттередж. «Я пообедал, душа моя,— сказал я.— Надеюсь, ты найдешь кухню в самом лучшем виде, такой, как только можешь пожелать». Пока эта женщина была жива, мистер Фрэнклин, мне никогда уже не приходилось стряпать самому обед. Из этого мораль: вы переносили капризы мисс Рэчел в Лондоне, не переносите же их в Йоркшире. Пожалуйте в дом!

Что было ответить на это? Я мог только уверить моего доброго друга, что даже его способности к убеждению пропали даром в данном случае.

— Вечер прекрасный,— сказал я,— и я пройдусь пешком во Фризинголл и остановлюсь в гостинице, а вас прошу завтра утром прийти ко мне позавтракать. Мне нужно сказать вам кое-что.

Беттередж с серьезным видом покачал головой.

— Искренне сожалею об этом,— сказал он,— я надеялся услышать, мистер Фрэнклин, что у вас с мисс Рэчел все опять наладилось. Если вы должны поступить по-своему, сэр,— продолжал он после минутного размышления,— то вам нет никакой надобности идти ночевать во Фризинголл. Вы можете устроиться гораздо ближе. Готерстонская ферма только в двух милях отсюда. Против этого вы не можете ничего возразить,— лукаво прибавил старик.— Готерстон живет, мистер Фрэнклин, не на земле мисс Рэчел, а на своей собственной.

Я вспомнил эту ферму, как только Беттередж назвал ее. Дом стоял в тенистой долине, на берегу самого красивого ручейка в этой части Йоркшира; у фермера были отдельная спальня и гостиная, которые он имел обыкновение сдавать художникам, рыболовам и туристам вообще. Я не мог бы найти более приятного жилища на время моего пребывания в этих местах.

— Комнаты сейчас свободны? — спросил я.

— Сама миссис Готерстон, сэр, просила меня еще вчера рекомендовать ее комнаты!.

— Я сниму их, Беттередж, с удовольствием.

Мы снова вернулись во двор, где я оставил свой саквояж. Продев палку в ручку и подняв его на плечо, Беттередж снова испытал такое же удивление, которое возбудил в нем мой неожиданный приезд в ту минуту, когда он дремал на своем соломенном стуле. Он недоуменно взглянул на дом, а потом повернулся ко мне и еще более недоуменно посмотрел на меня.

— Довольно долго прожил я на свете,— сказал этот лучший и милейший из всех старых слуг,— но не ожидал, что когда-нибудь придется мне увидеть что-либо подобное. Вот стоит дом, а здесь стоит мистер Фрэнклин Блэк — и он повертывается спиной к дому и идет ночевать в наемной квартире!

Он пошел вперед, качая головой и ворча.

— Остается произойти еще только одному чуду,— сказал он мне через плечо,— это, когда вы, мистер Фрэнклин, того и гляди, вздумаете вернуть мне семь шиллингов и шесть пенсов, которые заняли у меня в детстве.

Этот сарказм привел его в лучшее расположение духа. Мы миновали домик привратника и вышли из ворот парка. Как только ступили мы на нейтральную почву, обязанности гостеприимства (по кодексу морали Беттереджа) прекратились и вступили в силу права любопытства.

Он приостановился, чтобы я мог поравняться с ним.

— Прекрасный вечер для прогулки, мистер Фрэнклин,— сказал он, будто мы только что случайно встретились с ним.— Предположим, что вы все-таки отправились бы в фризинголлскую гостиницу, сэр...

— Да?

— Тогда я имел бы честь завтракать у вас завтра утром.

— Приходите ко мне завтракать на Готерстонскую Ферму.

— Очень обязан вам за вашу доброту, мистер Фрэнклин. Но говорил-то я, собственно, не о завтраке. Мне кажется, вы упомянули о том, что имеете нечто сказать мне. Если это не секрет, сэр,— сказал Беттередж, вдруг бросив окольные пути и вступая на прямую дорогу,— я горю нетерпением узнать, что привело вас сюда так неожиданно?

— Что привело меня сюда в прошлый раз? — спросил я.

— Лунный камень, мистер Фрэнклин. Но что привело вас сюда сейчас, сэр?

— Опять Лунный камень, Беттередж.

Старик вдруг остановился и посмотрел на меня, словно не веря своим ушам.

— Если это шутка, сэр,— сказал он,— боюсь, что я немного поглупел на старости лет. Я ее не понимаю.

— Это не шутка,— ответил я.— Я приехал сюда снова продолжать следствие, прерванное при моем отъезде из Англии. Я приехал сюда сделать то, что никто еще не сделал,— узнать, кто украл алмаз.

— Забудьте вы этот алмаз, мистер Фрэнклин! Послушайтесь моего совета, забудьте вы этот алмаз! Проклятая индийская штучка сбивала с пути всех, кто к ней приближался. Не тратьте ваших денег и сил в самое цветущее время вашей жизни, сэр, занимаясь Лунным камнем. Как можете вы надеяться на успех, когда сам сыщик Кафф запутался в этом деле? Сыщик Кафф,— повторил Беттередж, сурохо грозя мне пальцем,— крупнейший сыщик в Англии!

— Решение мое твердо, старый друг. Даже сыщик Кафф не убедит меня. Кстати, рано или поздно мне придется с ним посоветоваться. Слышали вы что-нибудь о нем за последнее время?

— Кафф вам не поможет, мистер Фрэнклин.

— Почему?

— В полицейских кругах произошло, после вашего отъезда, событие, сэр. Знаменитый Кафф вышел в отставку. Он нанял маленький коттедж в Доркинге и по уши увяз в разведении роз. Он сам написал мне об этом, мистер Фрэнклин.

— Это ничего не значит,— ответил я.— Мне просто придется обойтись без помощи сыщика Каффа. А для начала я должен во всем довериться вам.

Возможно, что я сказал это несколько небрежно. Как бы то ни было, что-то в моем ответе обидело Беттереджа.

— Вы могли бы довериться кому-нибудь и похуже меня, мистер Фрэнклин, могу вам сказать,— произнес он ворчливо.

Его тон и некоторая растерянность в голосе подсказали мне, что он располагает какими-то сведениями, которые не решается мне сообщить.

— Вы можете помочь мне в поисках улик, которые

ускользнули от внимания сыщика Каффа. Знаю, что это вы в состоянии сделать. Ну, а могли бы вы сделать что-нибудь кроме этого?

— Чего же еще вы ожидаете от меня, сэр? — с видом крайнего смирения спросил Беттередж.

— Я ожидаю большего, судя по тому, что вы недавно сказали.

— Пустое хвастовство, мистер Фрэнклин,— упрямо ответил старик.— Есть люди, родившиеся хвастунами на свет божий и до самой своей смерти остающиеся таковыми. Я один из этих людей.

Оставался только один способ воздействия на него.

Я решил воспользоваться его привязанностью к Рэчел и ко мне.

— Беттередж, обрадовались бы вы, если бы услышали, что Рэчел и я опять стали добрыми друзьями?

— Если вы сомневаетесь в этом, сэр, значит, я плохо служил вашей семье все эти годы.

— Помните, как Рэчел обошлась со мной перед моим отъездом из Англии?

— Так отчетливо, словно это случилось вчера. Миледи сама написала вам об этом, а вы были так добры, что показали ее письмо мне. В нем было сказано, что мисс Рэчел считает себя смертельно оскорблённой тем участием, которое вы приняли в отыскании ее алмаза. И ни миледи, ни я, и никто не мог угадать почему.

— Совершенно справедливо, Беттередж. Я вернулся из путешествия и нашел, что Рэчел все еще считает себя смертельно оскорблённой мной. Я знал в прошлом году, что причиной этого был алмаз. Знаю, что это так и теперь. Я пробовал говорить с нею — она не захотела меня видеть. Пробовал писать ей — она не захотела мне ответить. Скажите, ради бога, как это понять? Узнать правду об исчезновении Лунного камня — вот единственная возможность, которую Рэчел мне оставляет!

Мои слова, по-видимому, заставили его взглянуть на дело с новой стороны. Он задал мне вопрос, показавший, что я наконец-то поколебал его.

— У вас нет недоброго чувства к ней, мистер Фрэнклин?

— Я сердился, когда уезжал из Лондона,— ответил я,— но сейчас все прошло. Я хочу заставить Рэчел объясниться со мной и ничего более.

— Предположим, вы сделаете какое-нибудь открытие, сэр. Не боитесь ли вы, что благодаря этому открытию вам станет что-нибудь известно о мисс Рэчел?

Я понял его безграничное доверие к своей барышне, продиктовавшее ему эти слова.

— Я верю в нее так же, как и вы,— ответил я.— Самое полное открытие ее тайны не может обнаружить ничего такого, что могло бы уменьшить ваше или мое уважение к ней.

Нерешительность Беттереджа после этих слов исчезла окончательно.

— Если помогать вам — дурно, мистер Фрэнклин,— воскликнул он,— то могу сказать только одно: я так не думаю! Я поставлю вас на путь открытий, а затем вы пойдете по нему сами. Помните вы нашу бедную служанку Розанну Спирман?

— Разумеется.

— Вы всегда подозревали, что она хочет что-то вам открыть насчет Лунного камня?

— Я ничем иным не мог объяснить ее странное поведение.

— Вы можете рассеять свои сомнения на этот счет, мистер Фрэнклин, если вам угодно.

Пришла моя очередь стать в тупик. Напрасно старался я разглядеть в наступившей темноте выражение его лица. Охваченный удивлением, я несколько нетерпеливо спросил, что означают его слова.

— Не торопитесь, сэр! — остановил меня Беттередж.— Мои слова означают только одно: Розанна Спирман оставила письмо, адресованное вам.

— Где оно?

— У ее приятельницы в Коббс-Голле. Верно, вы слышали, когда были здесь, сэр, о Хромоножке Люси — девушке, которая ходит с костылем?

— Дочери рыбака?

— Точно так, мистер Фрэнклин.

— Почему же письмо не было отослано мне?

— Хромоножка Люси — своюенравная девушка, сэр. Она захотела отдать это письмо в ваши собственные руки. А вы уехали из Англии, прежде чем я успел написать вам.

— Вернемся тотчас назад, Беттередж, и сейчас же заберем это письмо!

— Сейчас поздно, сэр. Рыбаки экономят свечи, и в Коббс-Голле рано ложатся спать.

— Вэдор! Мы дойдем туда за полчаса.

— Можете, сэр. А дойдя, вы найдете дверь запертой.

Он указал на огни, мелькавшие внизу, и в ту же минуту я услышал в ночной тишине журчание ручейка.

— Вот ферма, мистер Фрэнклин. Проведите спокойно ночь и приходите ко мне завтра утром, если вы будете так добры.

— Вы пойдете со мной к рыбаку?

— Пойду, сэр.

— Рано утром?

— Так рано, как вам будет угодно.

Мы спустились по тропинке, ведущей на ферму.

Глава III

Я почти ничего не помню об этом вечере на Готерстонской ферме.

У меня сохранились только смутные воспоминания о гостеприимной встрече, обильном ужине, которым можно было накормить целую деревню на Востоке, восхитительно опрятной спальне, с единственным недостатком — ненавистным наследием наших предков: пуховой периной; о бессонной ночи, беспрестанном зажигании свечей и чувстве огромного облегчения, когда наконец взошло солнце и можно было встать.

Накануне я условился с Беттереджем, что зайду за ним по дороге в Коббс-Голл так рано, как мне будет угодно, что на языке моего нетерпеливого желания овладеть письмом означало: «Так рано, насколько возможно». Не дожидаясь завтрака, я взял с собой ломоть хлеба и отправился, опасаясь, не застану ли доброго Беттереджа еще в постели. К великому моему облегчению, он был, так же как и я, взволнован предстоящим открытием. Я нашел его уже одетым и ожидающим меня с палкой в руке.

— Как вы себя чувствуете сегодня, Беттередж?

— Очень нехорошо, сэр.

— С сожалением слышу это. На что вы жалуетесь?

— На новую болезнь, мистер Фрэнклин, моего собственного изобретения. Не хотелось бы вас пугать, но и вы, вероятно, заразитесь этой болезнью нынешним же утром.

— Черт возьми!

— Чувствуете ли вы неприятный жар в желудке, сэр, и прескверное колотье на макушке?.. Нет еще? Ну, так это случится с вами в Коббс-Голле, мистер Фрэнклин. Я называю это сыскной лихорадкой, и заразился я ею впервые в обществе сыщика Каффа.

— Ну-ну! А вылечитесь вы, наверное, когда я распечатаю письмо Розанны Спирман? Пойдем же и получим его.

Несмотря на раннее время, жена рыбака была уже в кухне. Когда Беттередж представил меня ей, добрая миссис Йолланд проделала церемонию, которой встречала (как я позднее узнал) только почетных гостей. Она поставила на стол бутылку голландского джина, положила две трубки и начала разговор словами:

— Что нового в Лондоне, сэр?

Прежде чем я мог придумать ответ на этот весьма общий вопрос, в темном углу кухни возникло странное видение. Худая, изможденная девушка с удивительно красивыми волосами, опираясь на костыль, проковыляла к столу, у которого я сидел, и устремила на меня исполненный ярости взгляд — казалось, я внушал ей отвращение, смешанное со жгучим интересом, и она смотрела на меня как завороженная.

— Мистер Беттередж,— сказала она, не спуская с меня глаз,— пожалуйста, еще раз назовите его имя.

— Этого джентльмена зовут,— ответил Беттередж (делая сильное ударение на слове «джентльмен»),— мистер Фрэнклин Блэк.

Девушка повернулась ко мне спиной и вдруг вышла из комнаты. Добрая миссис Йолланд, насколько помню, извинилась за странное поведение своей дочери. Я говорю это наугад. Внимание мое было всецело поглощено стуком удалявшегося костыля. Тук-тук по деревянной лестнице, тук-тук в комнате над нашими головами, тук-тук опять вниз по лестнице, а потом в открытой двери снова возник призрак, на этот раз с письмом в руке, и поманил меня из комнаты.

Я оставил миссис Йолланд рассыпаться в еще больших извинениях и пошел за этой странной девушкой, которая ковыляла передо мной все скорее и скорее с покатого берега. Она повела меня за рыбачьи лодки, где нас не могли ни увидеть, ни услышать жители деревни, и там остановилась и взглянула мне в лицо первый раз.

— Станьте сюда,— сказала она,— я хочу посмотреть на вас.

Нельзя было обмануться в выражении ее лица. Я внушил ей сильную ненависть и отвращение. Не примите это за тщеславие, если я скажу, что ни одна женщина еще не смотрела на меня так. Решаюсь на более скромное уверение: ни одна женщина еще не дала мне заметить этого. Такое бесцеремонное разглядывание человек может выдержать лишь до известного предела. Я пытался перевести внимание Хромоножки Люси на предмет, не столь ей ненавистный, как мое лицо.

— У вас, кажется, есть для меня письмо,— начал я.— Это то самое, что у вас в руках?

— Повторите свои слова,— было ее единственным ответом.

Я повторил свои слова, как послушный ребенок, затверживающий урок.

— Нет,— сказала девушка, говоря сама с собой, но все не спуская с меня безжалостных глаз.— Не могу понять, что нашла она в его лице. Не могу угадать, что услышала она в его голосе...

Она вдруг отвернулась от меня и устало опустила голову на свой костьль.

— Бедняжка! — произнесла она мягким тоном, который я впервые услышал от нее.— Погибшая моя подружка! Что ты нашла в этом человеке!

Она снова подняла голову и свирепо посмотрела на меня.

— В состоянии вы есть и пить? — спросила она.

Я употребил все силы, чтобы сохранить серьезный вид, и ответил:

— Да.

— В состоянии вы спать?

— Да.

— Когда вы видите какую-нибудь бедную служанку, вы не чувствуете угрызений совести?

— Конечно, нет. Почему должен я их чувствовать?

Она вдруг швырнула письмо мне в лицо.

— Возьмите! — с яростью воскликнула она.— Я никогда не видела вас прежде. Не допусти меня всемогущий снова увидеть вас!

С этими прощальными словами она заковыляла от меня так быстро, как только могла. Мне пришло в голову то, что

подумал бы на моем месте всякий, а именно, что она помешана.

Придя к этому неизбежному выводу, я обратился к более интересному предмету — к письму Розанны Спирман. Адрес был следующий:

«Фрэнклину Блэку, эсквайру. Должна отдать в собственные руки (не поручая никому другому) Люси Йолланд».

Я сорвал печать. В конверте лежало письмо, а в этом письме бумажка. Прежде всего я прочел письмо:

«Сэр, если вам любопытно узнать, что значило мое поведение в то время, когда вы гостили в доме моей хозяйки леди Вериндер, сделайте то, что указано в памятной записке, вложенной в это письмо,— сделайте это так, чтобы никто не присутствовал при этом. Ваша нижайшая слуга

Розанна Спирман».

Я взглянул на бумажку, вложенную в письмо. Вот ее копия слово в слово:

«Памятная записка. Пойти к Зыбучим пескам перед началом прилива. Идти по Южному утесу до тех пор, пока маяк на Южном утесе и флагшток на таможенной станции, которая находится выше Коббс-Голла, не сольются в одну линию. Положить палку или какую-нибудь другую прямую вещь на скалы, чтобы отметить линию, соединяющую маяк и флагшток. Позаботиться, делая это, чтобы один конец палки находился на краю скалы с той стороны, которая возвышается над Зыбучими песками, пощупать между водорослями вдоль палки (начиная с того ее конца, который лежит ближе к маяку), чтобы найти цепь. Провести рукой вдоль цепи, когда она найдется, до того места, где она свешивается по краю скалы вниз к Зыбучим пескам, и тогда потянуть цепь». Не успел я прочесть последние слова, подчеркнутые в оригинале, как услышал позади себя голос Беттереджа. Изобретатель сыскной лихорадки был окончательно сражен этой непреодолимой болезнью.

— Не могу больше выдержать, мистер Фрэнклин! О чём говорится в ее письме? Ради бога, сэр, скажите мне, о чём говорится в ее письме?

Я подал ему письмо и памятную записку. Он прочел письмо без особенного интереса. Но памятная записка произвела на него сильное впечатление.

— Сыщик говорил это! — воскликнул Беттередж.— С начала и до конца, сэр. Кафф утверждал, что у нее есть план тайника. Вот он! Господи, спаси нас и помилуй! Мистер Фрэнклин, вот тайна, сбившая с толку всех, начиная с самого знаменитого Каффа! Вот она, готовая и ожидающая, так сказать, только того, чтобы открыться вам! Сейчас отлив, сэр, это может увидеть каждый. Сколько еще времени остается до прилива?

Он поднял голову и увидел в некотором расстоянии от нас молодого рыбака, чинившего сеть.

— Тамми Брайт! — крикнул он во весь голос.

— Слыши! — закричал Тамми в ответ.

— Когда начнется прилив?

— Через час.

Мы оба взглянули на часы.

— Мы можем обойти кругом берег, чтобы пробраться к Зыбучим пескам, мистер Фрэнклин,— сказал Беттередж,— у нас остается довольно времени для этого. Что вы скажете, сэр?

— Пойдемте.

С помощью Беттереджа я скоро нашел место, где сливались в одну линию маяк и флагшток. Руководствуясь памятной запиской, мы положили мою палку в указанном направлении так прямо, как только могли на неровной поверхности скалы, а потом опять взглянули на наши часы.

До начала прилива оставалось еще двадцать минут. Я предложил переждать это время на берегу, а не на мокрой и скользкой поверхности скалы. Дойдя до сухого песка, я приготовился уже сесть, как Беттередж, к великому моему удивлению, вдруг повернулся, чтоб уйти от меня.

— Почему вы уходите? — спросил я.

— Загляните в письмо, сэр, и вы сами поймете.

Взглянув на письмо, я вспомнил, что мне надлежало сделать это открытие одному.

— Тяжеленько мне оставлять вас одного в такую минуту,— сказал Беттередж.— Но бедняжка умерла ужасной смертью, и я чувствую себя обязанным, мистер Фрэнклин, исполнить ее последнюю просьбу. Притом,— добавил он значительно,— в письме ничего не говорится о том, чтобы вы держали свое открытие в тайне. Я пойду в еловый лесок и подожду вас там. Не медлите слишком, сэр. С такой болезнью, как сыскная лихорадка, при подобных обстоятельствах не так-то легко совладать.

С этим прощальным предостережением он оставил меня.

Как бы ни было коротко время ожидания, оно растягивается, когда находишься в неизвестности. Это был один из тех случаев, когда неоценимая привычка курить становится особенно драгоценной и утешительной. Я закурил сигару и сел на пологом берегу.

Солнце придавало особую красоту всем окрестным предметам. Воздух был так свеж, что жить и дышать само по себе было наслаждением. Даже уединенная маленькая бухта весело приветствовала утро, и обманчивая влажная поверхность Зыбучих песков, сверкая золотистым блеском, скрывала весь таинственный в них ужас под мимолетной улыбкой. Это был самый лучший день после моего возвращения в Англию.

Прилив начался, прежде чем я докурил сигару. Я увидел, как начал подниматься песок, а потом, как страшно заколебалась его поверхность — как будто какой-то злой дух ожил, задвигался и задрожал в его бездонной глубине. Я бросил сигару и снова направился к скалам.

Памятная записка давала мне указания пощупать в водорослях вдоль палки, начиная с того конца, который был ближе к маяку.

Я пощупал таким образом более половины длины палки, не находя ничего, кроме выступов скал. Еще два дюйма — и мое терпение было вознаграждено. В узкой маленькой расселине, как раз в том месте, до которого мог дотянуться мой указательный палец, я нашупал цепь. Когда я попытался проследить ее, моя рука запуталась в густом клубке водорослей, появившихся здесь, без сомнения, уже после того, как этот тайник был выбран Розанной Спирман.

Не было решительно никакой возможности вырвать эти водоросли или просунуть сквозь них руку. Я заметил место концом палки, ближайшим к Зыбучим пескам, и решил отыскать цепь по собственному плану. Он состоял в том, чтобы поискать внизу под самыми скалами, не найдется ли потерянный след цепи в том месте, где она входила в песок. Я взял палку и стал на колени на северном краю Южного утеса.

В таком положении лицо мое очутилось почти на уровне поверхности Зыбучих песков. Вид их, колебавшихся время от времени вблизи от меня, был так отвратителен, что на

минуту испугал меня. Ужасная мысль, что покойница может явиться на место самоубийства, чтобы помочь моим поискам, невыразимый страх, что вот-вот она поднимется над колеблющимися песками и укажет мне нужное место, охватили мою душу и вогнали меня в озноб при теплом солнечном свете. Признаюсь, я зажмурил глаза в ту минуту, когда кончик палки вошел в зыбучий песок.

Но через мгновенье, прежде чем палка углубилась в песок еще на несколько дюймов, я освободился от этого суеверного ужаса и весь задрожал от волнения. Воткнув палку наугад, я при первой же попытке попал в нужное место. Палка ударила о цепь.

Я выдернул цепь без малейшего труда. Конец ее был прикреплен к жестянной шкатулке.

Цепь так заржавела от воды, что я никак не мог отцепить ее от кольца, которое прикрепляло ее к шкатулке. Поставив шкатулку между коленами и напрягши все свои силы, я сорвал с нее крышку. Внутри находилось что-то белое. Я узнал на ощупь, что это было полотно.

Пробуя вынуть его, я вместе с ним вытащил и смятое письмо. Посмотрев на адрес и убедившись, что письмо адресовано мне, я сунул его в карман и достал наконец полотно. Оно было тухо свернуто, чтобы уместилось в шкатулке, и хотя долго пролежало в ней, но нисколько не пострадало от морской воды.

Я положил полотно на сухой песок, развернул его и разгладил. Это была ночная мужская рубашка.

Передняя ее сторона, когда я расправил рубашку представляла глазам бесчисленные складки и сгибы и ничего более. Но, когда я повернул рубашку на другую сторону, я тотчас увидел пятно от краски, которой была выкрашена дверь будуара Рэчел!

Глаза мои оставались прикованными к пятну, а мысли одним прыжком перенесли меня от настоящего к прошлому. Мне так ясно пришли на память слова сыщика Каффа, словно этот человек опять стоял возле меня, сообщая мне неопровергимый вывод, к которому он пришел, размышляя о пятне на двери:

«Найдите в доме одежду, запачканную такой краской. Узнайте, кому эта одежда принадлежит. Узнайте, как объяснит эта особа свое пребывание в этой комнате, где она запачкала свою одежду, между полуночью и тремя часами утра. Если эта особа не сможет дать удовлетворительного

объяснения, незачем далеко искать руку, похитившую алмаз».

Одно за другим слова эти приходили мне в голову, повторяясь снова и снова с утомительным, механическим однообразием. Я очнулся от столбняка, продолжавшегося, как мне казалось, несколько часов,— хотя на самом деле эти часы составили всего несколько минут,— когда услышал звавший меня голос. Подняв глаза, я увидел, что терпение изменило наконец Беттереджу. Он пробирался между дюнами, возвращаясь к берегу.

Вид старика тотчас же вернул меня к настоящему и напомнил, что следствие, за которое я принялася, еще не кончено. Я нашел пятно на ночной рубашке. Но кому принадлежала эта рубашка?

Первым моим побуждением было взглянуть на письмо, лежавшее у меня в кармане, письмо, найденное мной в шкатулке.

Но, сунув руки в карман, я вспомнил, что есть более быстрый способ узнать это. Сама рубашка откроет истину, потому что, по всей вероятности, на ней есть метка ее хозяина.

Я поднял рубашку и стал искать метку.

Я нашел эту метку и прочитал... мое собственное имя!

Знакомые буквы сказали мне, что эта ночная рубашка — моя. Я отвел от них глаза.

Я увидел солнце, увидел сверкающие воды бухты, увидел старика Беттереджа, подходившего все ближе и ближе... Я опять взглянул на метку. Мое собственное имя. Прямо перед моими глазами мое собственное имя!

«Если время, труды и деньги могут это сделать, я отыщу вора, укравшего Лунный камень»,— с этими словами я уехал из Лондона. Я проник в тайну, которую Зыбучие пески скрыли от всех живущих. И неопровергнутая улика — краска на рубашке — открыла мне, что вором был я сам!

Глава IV

Ничего не могу сказать о своих ощущениях.

Удар, полученный мной, казалось, совершенно парализовал во мне способность думать и чувствовать. Без сомнения, я не сознавал, что со мной делается, потому что,

по словам Беттереджа, я расхохотался, когда он подошел ко мне и спросил, в чем дело, и, сунув ему в руки ночную рубашку, сказал, чтобы он сам разгадал загадку.

О том, что говорено было между нами на берегу, я не имею ни малейшего представления. Первое место, которое припоминаю сейчас,— это дорожка среди аллей. Мы с Беттереджем шли обратно к дому, и Беттередж говорил мне, что после доброго стакана грого и он и я будем в состоянии прямо взглянуть на вещи.

Действие переносится из елового леска в маленькую гостиную Беттереджа. Мое решение не входить в дом Рэчел забыто. Мне отрадны тень и тишина этой комнаты. Я пью грого (совершенно необычное для меня времяпрепровождение в этот час), который мой добрый старый друг подготовил с холодной, как лед, колодезной водой. При всяких других обстоятельствах этот напиток просто привел бы меня в отупение. Теперь же он укрепил мои нервы. Я начинаю глядеть на вещи прямо, как предсказал Беттередж, и Беттередж, со своей стороны, также начинает глядеть на вещи прямо.

Боюсь, что такое описание моего состояния покажется читателю очень странным, чтобы не сказать больше. К чему я прибег прежде всего, попав в такое исключительное положение? Отдалился ли от всякого общества? Заставил ли себя проанализировать неопровергимый, хотя и невероятный факт, стоявший передо мною? Поторопился ли в Лондон с первым же поездом, чтобы посоветоваться с компетентными людьми и немедленно произвести следствие? Нет. Я отправился искать приют в доме, куда решил не входить никогда, чтобы не унизить собственного достоинства, и сидел, прихлебывая ром с водой, в обществе старого слуги в десять часов утра. Такого ли поведения можно было ожидать от человека, поставленного в мое ужасное положение? Могу только ответить, что вид знакомого лица старого Беттереджа был для меня неоценимым утешением и что грого старого Беттереджа помог мне так, как, думаю, ничто другое не помогло бы мне в той телесной и душевной апатии, в которую я впал. Только это и могу я сказать в свое оправдание и готов искренне восхищаться, если мои читатели и читательницы неизменно сохраняют достоинство и строгую логичность поведения во всех обстоятельствах жизни.

— Вот одно-то уж верно по крайней мере, мистер

Фрэнклин,— сказал Беттередж, бросая ночную рубашку на стол и указывая на нее, как на живое существо, которое может его услышать.— Верно то, что она лжет.

Этот успокоительный взгляд на дело меня не успокоил.

— Я так же невиновен в краже алмаза, как и вы,— сказал я,— но рубашка свидетельствует против меня! Краска и метка наочной рубашке — это факты.

Беттередж взял мой стакан со стола и сунул его мне в руку.

— Факты? — повторил он.— Выпейте-ка еще грому, мистер Фрэнклин, и вы преодолеете слабость, заставляющую вас верить фактам. Дело нечисто, сэр,— продолжал он, понизив голос, — вот как я отгадываю загадку! Дело нечисто, и мы с вами должны его расследовать. В жестяной шкатулке ничего больше не было, когда вы ее раскрыли?

Вопрос этот тотчас же напомнил мне о конверте в моем кармане. Я вынул его и распечатал. Там оказалось несколько мелко исписанных страниц. Я с нетерпением взглянул на подпись внизу письма: «Розанна Спирман».

Когда я прочитал это имя, внезапное воспоминание осенило меня, и я воскликнул, осененный неожиданной догадкой:

— Постойте! Розанна Спирман поступила к моей тетке из исправительного дома? Розанна Спирман прежде была воровкой?

— Сущая правда, мистер Фрэнклин. Что ж из этого, позвольте спросить?

— Как «что ж из этого»? Почем мы знаем — может быть, все-таки она украла алмаз? Почем мы знаем — может быть, она с умыслом запачкала краской мою очную рубашку?

Беттередж положил свою руку на мою и остановил меня, прежде чем я успел сказать что-либо еще.

— Вы сумеете оправдаться, мистер Фрэнклин, в этом нет ни малейшего сомнения. Но, я надеюсь, не таким путем. Посмотрите сперва, что говорится в письме, сэр. Из уважения к мертвым посмотрите, что говорится в письме.

Серьезность, с какой он произнес это, показалась мне почти упреком.

— Судите сами об ее письме,— сказал я,— я прочту его вслух.

Я начал — и прочитал следующие строки:

— «Сэр, я должна сделать вам признание. Иногда

признание, в котором заключается много горя, можно сделать в немногих словах. Мое признание можно сделать в трех словах: я вас люблю...»

Письмо выпало из моих рук. Я взглянул на Беттереджа.

— Ради бога,— воскликнул я,— что это значит?

Ему, по-видимому, неприятно было отвечать на этот вопрос.

— Сегодня утром вы были наедине с Хромоножкой Люси,— сказал он,— разве она вам ничего не говорила о Розанне Спирман?

— Она даже не упоминала имени Розанны Спирман.

— Пожалуйста, вернитесь к письму, мистер Фрэнклин. Говорю вам прямо: у меня недостает духа огорчать вас после того, что вы уже перенесли. Пусть она сама говорит за себя, сэр, и продолжайте пить ваш грог. Ради собственного спокойствия продолжайте пить ваш грог!

Я снова вернулся к письму:

— «Постыдно для меня было бы писать вам об этом, будь я жива, но меня уже не будет на свете, сэр, когда вы найдете мое письмо. Вот это и придает мне смелости. Даже и могилы моей не останется, чтобы сказать вам обо мне. Я решаюсь написать всю правду, потому что Зыбучие пески ждут, чтобы скрыть меня, едва лишь слова эти будут написаны.

Кроме того, вы найдете в моем тайнике вашу ночную рубашку, испачканную краской, и захотите узнать, каким образом я спрятала ее и почему ничего не сказала вам об этом, когда была жива. Могу привести только одну причину: я совершила эти странные поступки, потому что люблю вас.

Не стану утомлять вас рассказом о себе самой и о своей жизни до того дня, как вы приехали в дом миледи. Леди Вериндер взяла меня из исправительного дома. Я поступила в исправительный дом из тюрьмы. Я была посажена в тюрьму потому, что была воровкой. Я была воровкой потому, что мать моя таскалась по улицам, когда я была девочкой. Мать моя таскалась по улицам потому, что господин, бывший моим отцом, бросил ее. Нет никакой необходимости подробно рассказывать такую обыкновенную историю. Она довольно часто рассказывается в газетах.

Леди Вериндер и мистер Беттередж были очень добры ко мне. Эти двое и начальница исправительного дома были единственные добрые люди, с которыми мне случилось

встретиться за всю мою жизнь. Я могла бы оставаться на своем месте — не очень счастливой, но могла бы оставаться, если бы вы не приехали. Я не виню вас, сэр. Во всем виновата я, только я!

Помните утро, когда вы спустились к нам с дюн, отыскивая мистера Беттереджа? Вы были похожи на принца из волшебной сказки. Вы похожи были на возлюбленного, созданного мечтой. Вы были восхитительнейшим человеком, когда-либо виденным мной. Что-то похожее на счастливую жизнь, которой я никогда еще не знала, мелькнуло передо мною в ту минуту, когда я увидела вас. Не смейтесь над этим, если можете. О, если бы я могла заставить вас почувствовать, насколько серьезно это для меня!

Я вернулась домой и написала ваше и мое имя рядом — на рабочем ящичке. Потом какой-то демон — нет, мне следовало бы сказать: добрый ангел — шепнул мне: «Ступай и посмотрись в зеркало». Зеркало сказали мне... все равно, что оно сказало. Но я была слишком сумасбродна, чтобы воспользоваться этим предостережением. Я все больше и больше привязывалась к вам сердцем, словно была одного с вами звания и прекраснее всех женщин, каких когда-либо случалось вам видеть. Как я старалась — о боже, как я старалась! — заставить вас взглянуть на меня! Если бы вы знали, как я плакала по ночам от горя и досады, что вы никогда не обращали на меня внимания! Может быть, вы пожалели бы меня тогда и время от времени удостаивали бы меня взглядом, для того чтобы я находила силу продолжать жить.

Но, может быть, взгляд ваш не был бы очень добрым, если бы вы знали, как я ненавижу мисс Рэчел. Я, кажется, догадалась о том, что вы влюблены в нее, прежде, чем вы это узнали сами. Она дарила вам розы, чтобы вы носили их в петлице. Ах, мистер Фрэнклин! Вы носили мои розы чаще, чем предполагали вы или она! Единственное утешение, которое я имела в то время, состояло в том, чтобы потихоньку поставить в ваш стакан с водой мою розу вместо ее розы, а ее розу выбросить.

Если бы она действительно была так хороша, какой казалась вам, я, может быть, легче переносила бы все это. Нет, пожалуй, я сильнее возненавидела бы ее. Что, если бы одеть мисс Рэчел служанкой и снять с нее все ее уборы?.. Не знаю, зачем я пишу все это. Нельзя ведь отрицать, что

у нее дурная фигура: она слишком худощава. Но кто может сказать, что нравится мужчине? И молодым леди позволительно иметь такие манеры, за которые служанка лишилась бы места. Но это не мое дело. Я не могу надеяться, что вы прочтете мое письмо, если я стану писать таким образом. Только обидно слышать, как мисс Рэчел называют хорошенькой, когда знаешь, что все это происходит от ее нарядов и от ее уверенности в самой себе.

Постарайтесь быть терпеливым со мной, сэр. Я сейчас перейду к тому времени, которое вас интересует, когда пропал алмаз.

Мистер Сигрэв начал, как вы, может быть, припомните, с того, что поставил караульных у спален служанок, и все женщины в бешенстве бросились к нему наверх узнать, с какой стати он так их оскорбил. Я тоже пошла с ними, потому что, если бы я не сделала того, что делают другие, мистер Сигрэв непременно тотчас же заподозрил бы меня. Мы нашли его в комнате мисс Рэчел. Он сказал нам, что бабам тут нечего делать, и, указав на пятно на раскрашенной двери, прибавил, что мы наделали это нашими юбками, и выслал всех нас вниз.

Выходя из комнаты мисс Рэчел, я остановилась на минуту на площадке посмотреть, не испачкала ли я краской свое платье. Проходившая мимо Пенелопа Беттередж (единственная служанка, с которой я находилась в дружеских отношениях) увидела, что я делаю.

«Вам нечего беспокоиться, Розанна,— сказала она,— краска на двери мисс Рэчел высохла уже несколько часов назад. Если бы мистер Сигрэв не велел караулить наших спален, я бы ему сказала об этом. Не знаю, как вы, но я никогда в жизни еще не была так оскорблена!

Пенелопа была горячего нрава. Я успокоила ее и переспросила о краске на двери, будто бы высохшей, по ее словам, уже несколько часов.

«Откуда вы это знаете?» — спросила я.

«Вчера я была все утро с мисс Рэчел и с мистером Фрэнклном,— ответила Пенелопа,— смешивала для них краски, покуда они заканчивали дверь. И я слышала, как мисс Рэчел спросила, высохнет ли дверь к вечеру, к приезду гостей. А мистер Фрэнклин покачал головой и сказал, что она высохнет не раньше, чем через двенадцать часов. Уже давно прошла пора завтрака — было три часа дня, когда они кончили. Что говорят ваши подсчеты, Розанна? Они

говорят мне, что дверь должна была высохнуть сегодня в три часа утра».

«Не ходили ли вчера вечером дамы смотреть на дверь? — спросила я.— Мне показалось, будто мисс Рэчел предсторегала их, чтобы они не выпачкались о дверь».

«Никто из дам не мог смазать краски,— ответила Пенелопа.— Я оставила мисс Рэчел в постели в двенадцать часов в прошлую ночь. Уходя, я посмотрела на дверь, и тогда на ней не было никакого пятна».

«Не следует ли вам сказать об этом мистеру Сигрэву, Пенелопа?»

«Я ни слова не скажу, чтобы помочь мистеру Сигрэву!»

Она пошла заниматься своими делами, а я — своими. Мое дело, сэр, было постелить вам постель и убрать вашу комнату. Это был мой самый счастливый час за весь день. Я обычно целовала подушку, на которой всю ночь покоялась ваша голова. Кто бы ни убирал вашу комнату после меня, никто так хорошо не сложит ваших вещей. Ни на одной безделушке в вашем несессере не было ни малейшего пятна. Вы не замечали этого, как не замечали и меня... Простите меня, я забываюсь. Потороплюсь и буду продолжать.

Ну, я пошла в то утро заниматься своим делом в вашу комнату. На постели лежала ночная рубашка в том виде, как вы ее сбросили. Я стала ее складывать — и увидела на ней пятно от раскрашенной двери мисс Рэчел!

Я была так испугана этим открытием, что выбежала с ночной рубашкой в руках по задней лестнице и заперлась в своей комнате, чтобы рассмотреть эту рубашку в таком месте, где никто бы не мог мне помешать.

Как только я пришла в себя, мне вспомнился мой разговор с Пенелопой, и я сказала себе: «Вот доказательство, что он был в гостиной мисс Рэчел между двенадцатью и тремя часами в нынешнюю ночь!»

Не скажу вам прямо, какое подозрение первым пришло мне в голову, когда я сделала это открытие. Вы только рассердитесь бы, а если вы рассердитесь, то, может быть, разорвete письмо и не станете читать дальше.

Достаточно, с вашего позволения, сказать только одно: обдумав все, я решила, что это невероятно — по причине, о которой я скажу вам. Если бы вы были в гостиной мисс Рэчел в такой час ночи и мисс Рэчел знала это (если бы вы имели сумасбродство забыть, что следует осторегаться не-

высохшей двери), она сама напомнила бы вам об этом, она не позволила бы вам унести с собой такую улику против нее, которая была сейчас перед моими глазами. В то же время, признаюсь, я не была совершенно уверена, что мои подозрения ошибочны. Не забудьте, что я призналась в своей ненависти к мисс Рэчел, и постараитесь, если сможете, представить себе, что во всем была частица этой ненависти. Кончилось тем, что я решила оставить вашу ночную рубашку у себя, ждать, наблюдать и смотреть, какое употребление могу я из этого сделать. В то время — не забудьте этого, пожалуйста, — мне и в голову не приходило, что вы укради алмаз...»

Тут я снова прервал чтение письма.

Места, где несчастная женщина делала мне свои признания, я читал с неприятным удивлением и, могу по совести сказать, с искренним огорчением. Я жалел, искренне жалел, что набросил тень на ее память, прежде чем прочитал хоть строчку из ее письма. Но когда я дошел до вышеприведенного места, признаюсь, я почувствовал, что все более и более раздражаясь против Розанны Спирман.

— Дочитывайте остальное сами, — сказал я, протягивая Беттереджу письмо через стол. — Если есть там что-нибудь, о чем я должен узнать, вы сможете мне это сказать.

— Понимаю вас, мистер Фрэнклин, — ответил он, — и это вполне естественно с вашей стороны. Помоги, боже, нам всем, — прибавил он, понизив голос, — но ведь это также было естественно и с ее стороны.

Продолжаю списывать с оригинала письма, находящегося сейчас в моих руках:

«Решив оставить вашу ночную рубашку у себя и посмотреть, как поступят с ней моя любовь или моя ненависть (право, не знаю что) в будущем, — мне следовало прежде всего придумать, как бы мне ее спрятать, не подвергаясь риску, что об этом узнают.

Единственный выход — сшить другую ночную рубашку, точно такую же, до субботы, когда в дом приходит прачка со своей записной книжкой.

Я побоялась отложить дело до следующего дня (пятницы) из боязни, не случилось бы чего в этот промежуток, и решила сшить новую ночную рубашку в тот же день (четверг), когда я могла бы, если бы хорошенько сыграла свою роль, выкроить для этого свободное время. Но прежде всего было необходимо (заперев вашу ночную рубашку в

комод) вернуться в вашу спальню — не столько для того, чтобы закончить уборку (Пенелопа сделала бы это для меня, если бы я попросила), сколько для того, чтобы узнать, не запачкали ли вы краской на ночной рубашке постель или какую-нибудь мебель в комнате.

Я осмотрела все тщательно и наконец нашла крошечные полоски краски на внутренней стороне вашего халата — не полотняного халата, который вы обыкновенно носите летом, а фланелевого, который вы тоже привезли с собой. Должно быть, вы озябли, бродя взад и вперед в одной только ночной рубашке, и надели первую попавшуюся теплую вещь. Как бы то ни было, на внутренней стороне вашего халата были видны пятнышки. Я легко уничтожила их, отскоблив краску с фланели. После этого единственной уликой против вас осталась только та улика, которая была заперта в моем комоде.

Не успела я закончить уборку вашей комнаты, как меня вызвали вместе с другими слугами на допрос к мистеру Сигрэву. Потом стали осматривать все наши вещи. А потом случилось самое необыкновенное для меня происшествие за этот день, после того как я нашла пятно от краски на вашей ночной рубашке. Это произошло после второго допроса Пенелопы Беттередж инспектором Сигрэвом.

Пенелопа вернулась к нам вне себя от бешенства, ее оскорбило обращение мистера Сигрэва. Он намекнул, да так, что нельзя было ошибиться в смысле его слов, что подозревает ее в воровстве. Мы все одинаково удивились, услышав это и все спросили ее, почему?

«Потому что алмаз находился в гостиной мисс Рэчел,— ответила Пенелопа,— а я последняя ушла из гостиной вчера вечером».

Прежде чем эти слова сорвались с ее губ, я вспомнила, что в гостиной побывало еще одно лицо, уже после Пенелопы. Это были вы. Голова моя закружилась, и мысли мои страшно перепутались. И тотчас что-то шепнуло мне, что краска на вашей ночной рубашке могла иметь совершенно другое значение, нежели то, которое я придавала ей до сих пор. «Если надо подозревать того, кто был в этой комнате последним, подумала я, то вор не Пенелопа, а мистер Фрэнклин Блэк!»

Если бы дело шло о другом джентльмене, думаю, я быстыдилась бы своих подозрений, едва они пришли мне в голову.

Но одна мысль, что вы стали со мной на одну доску и что я, имея в руках вашу ночную рубашку, могу избавить вас от позора,— одна мысль об этом, говорю я, сэр, открывала передо мной такую возможность заслужить ваше расположение, что я слепо перешла от подозрения к убеждению. Я тотчас же решила, что вы хлопотали больше всех о том, чтобы послать за полицией, только для того, чтобы обмануть всех нас, и что рука, взявшая алмаз мисс Рэчел, никоим образом не могла принадлежать никому другому, кроме вас.

Когда я вернулась в людскую, раздался звонок к нашему обеду. Был уже полдень. А материю для новой рубашки еще предстояло достать. Была только одна возможность достать ее. За обедом я притворилась больной и, таким образом, получила в свое распоряжение весь промежуток времени до чая.

Чем я занималась, когда весь дом думал, что я лежу в постели в своей комнате, и как я провела ночь, опять притворившись больной за чаем, когда меня опять отправили в постель,— нет надобности рассказывать. Сыщик Кафф узнал все это, если не узнал ничего более. А я могу догадаться, каким образом. Меня узнали (хотя я и не поднимала вуали) во фризинголлской лавке. Напротив меня висело зеркало у того прилавка, где я покупала полотно, и в этом зеркале я увидела, как один из приказчиков, указав на мое плечо, шепнул что-то другому. И вечером, когда я тайком сидела за работой, запервшись в своей комнате, я слышала за дверью дыхание служанок, подозревавших меня.

Мне это было безразлично тогда, безразлично это мне и теперь. Ведь в пятницу утром, за несколько часов перед тем, как сырщик Кафф вошел в дом, новая ночная рубашка — взамен той, которую я взяла у вас,— была сшина, вымыта, высушена, выглажена, помечена, сложена так, как обычно прачки складывали все другие рубашки, и благополучно лежала в вашем комоде. Нечего было бояться (если бы белье в доме стали осматривать), что новизна ночной рубашки выдаст меня. Весь запас вашего белья был новый, сшитый, вероятно, в то время, когда вы вернулись из-за границы.

Потом приехал сырщик Кафф и возбудил великое удивление во всех, объяснив, что он думает о пятне на двери.

Я подозревала вас (как я вам призналась) больше потому, что мне хотелось считать вас виновным, чем по каким-либо другим причинам. А сыщик дошел до такого же заключения (касательно ночной рубашки) совершенно другим путем. Но одежда, служившая единственной уликой против вас, находилась в моих руках! И ни одной живой душе не было это известно, включая и вас самого! Боюсь сказать вам, что я чувствовала, когда думала об этом, память обо мне станет вам ненавистна...»

В этом месте Беттередж поднял глаза от письма.

— Ни одного проблеска света до сих пор, мистер Фрэнклин,— сказал старик, снимая свои тяжелые черепаховые очки и отталкивая исповедь Розанны Спирман.— Пришли вы к какому-нибудь логическому заключению, сэр, пока я читал?

— Кончайте прежде письмо, Беттередж; может быть, конец его даст нам ключ в руки, а потом я вам скажу два слова.

— Очень хорошо, сэр. Пусть глаза мои отдохнут немножко, а потом я опять буду продолжать. А пока, мистер Фрэнклин, не желаю торопить вас, но не намекнете ли вы мне хоть словом, нашли ли вы выход из этой ужасной путаницы?

— Я поеду в Лондон,— сказал я,— посоветоваться с мистером Бреффом. Если он не сможет мне помочь...

— Да, сэр?

— И если сырщик не захочет оставить своего уединения в Доркинг...

— Не захочет, мистер Фрэнклин.

— ...тогда, Беттередж, насколько я вижу теперь, все мои средства исчерпаны. Кроме мистера Бреффа и сырщика, я не знаю ни одной живой души, которая могла бы быть хоть сколько-нибудь полезна для меня.

Едва эти слова сорвались с моих губ, как кто-то постучался в двери комнаты. На лице Беттереджа выразились и удивление и досада, что нам помешали.

— Войдите,— крикнул он с раздражением,— кто бы вы ни были!

Дверь отворилась, и спокойно вошел человек самой замечательной наружности, какую я когда-либо видел. Судя по его фигуре и движениям, он был еще молод. Если судить по его лицу и сравнить его с Беттереджем, он казался старше его. Цвет лица его был смугл, как у цыгана,

худые щеки глубоко впали, и скулы резко выдавались. Нос был тонкого очертания и формы, часто встречающейся у древних народов Востока и так редко попадающейся среди новых племен Запада. Лоб был высокий. Морщин и складок на лице было бесчисленное множество. И на этом странном лице — глаза, еще более странные, нежнейшего карого цвета; задумчивые и печальные, глубоко запавшие, они смотрели на вас (по крайней мере, так было со мной) и приковывали ваше внимание силой собственной воли. Прибавьте к этому шапку густых, коротко остриженных волос, которые по какой-то прихоти природы лишились своего цвета самым удивительным и причудливым образом. На макушке они еще сохранили свой природный густой черный цвет. С обеих же сторон головы, без малейшего постепенного перехода к середине, который уменьшил бы силу необыкновенного контраста, они были совершенно белы. Граница между этими двумя цветами не была ровной. В одном месте белые волосы вдавались в черные, а в другом черные — в белые. Я смотрел на этого человека с любопытством, которое — стыдно сказать — совершенно не мог обуздить. Его мягкие карие глаза кротко взглянули на меня, и он ответил на мою невольную грубость (я вытаращил на него глаза) извинением, которого, по моему убеждению, я совсем не заслужил.

— Извините, — сказал он, — я не знал, что мистер Беттередж занят.

Он вынул из кармана бумажку и подал ее Беттереджу.

— Список для будущей недели, — произнес он.

Глаза его опять устремились на меня, и он вышел из комнаты так же тихо, как вошел.

— Кто это? — спросил я.

— Помощник мистера Канди, — ответил Беттередж. — Кстати, мистер Фрэнклин, вы с огорчением узнаете, что маленький доктор не выздоровел еще от болезни, которую схватил, возвращаясь домой с обеда в день рождения мисс Рэчел. Чувствует он себя довольно хорошо, но потерял память в горячке, и с тех пор она почти к нему не возвращалась. Весь труд падает на его помощника. Практика у него сильно сократилась, остались одни бедные. Они ведь не могут выбирать. Они должны примириться и с человеком пеговолосым и черным, как цыган, иначе вовсе останутся без врача.

— Вы, кажется, не любите его, Беттередж?

— Никто его не любит, сэр.

— Почему же он так непопулярен?

— Сама его наружность против него. Потом, ходят слухи, что мистер Канди взял его, несмотря на весьма сомнительную репутацию. Никому не известно, откуда он. Здесь нет у него ни одного приятеля. Как же можете вы ожидать, сэр, чтобы после всего этого его кто-нибудь любил?

— Разумеется, никак нельзя ожидать. Могу я спросить, что ему нужно было от вас, когда он отдавал вам эту бумажку?

— Он принес мне список больных, сэр, которым требуется вино. Миледи всегда раздавала хороший портвейн и херес бедным больным, и мисс Рэчел желает продолжать этот обычай. Времена переменились! Времена переменились! Помню, как мистер Канди сам приносил этот список моей госпоже. А теперь помощник мистера Канди приносит этот список мне. Я дочитаю письмо, если вы позволите, сэр,— сказал Беттередж, опять придвигая к себе исповедь Розанны Спирман.— Невесело читать, уверяю вас. Но все-таки это мешает мне печалиться, думая о прошлом.

Он надел очки и мрачно покачал головой:

— Есть здравый смысл, сэр, в нашем поведении, когда мы появляемся на свет божий. Каждый из нас более или менее сопротивляется этому появлению. И мы совершенно правы в этом, все до одного.

Помощник мистера Канди произвел на меня такое сильное впечатление, что я не мог немедленно прогнать его из своих мыслей. Я пропустил мимо ушей последнее философское изречение Беттереджа и вернулся к вопросу о пегом человеке.

— Как его зовут? — спросил я.

— У него пребозорное имя,— ворчливо ответил Беттередж,— Эзра Дженнингс.

Глава V

Сообщив мне имя помощника мистера Канди, Беттередж, по-видимому, решил, что он потратил достаточно времени на такой ничтожный предмет, и снова принялся за письмо Розанны Спирман.

Я сидел у окна, ожидая, пока он кончит. Мало-помалу

впечатление, произведенное на меня Эзрой Дженнингсом (хотя в том положении, в каком был я, казалось совершенно непонятным, чтобы какой-нибудь человек мог произвести на меня такое бы то ни было впечатление), изгладилось, и мысли мои вернулись в прежнюю колею. Я еще раз обдумал тот план, который наконец составил для будущих своих действий.

Вернуться в Лондон в этот же день, рассказать все мистеру Бреффу и наконец — что было всего важнее — добиться (все равно какими способами и посредством каких жертв) личного свидания с Рэчел — вот каков мой план, насколько я вообще был способен составлять планы в то время. Оставался час до лондонского поезда; оставалась слабая надежда, что Беттередж может найти в непрочитанной еще части письма Розанны Спирман что-нибудь, что полезно мне было бы знать, прежде чем я оставлю дом, в котором пропал алмаз. Поэтому я и решил подождать, пока он не кончит читать.

Письмо заканчивалось следующим образом:

«Не надо сердиться на меня, мистер Фрэнклин, даже если я чуть-чуть поторжествовала, узнав, что держу в руках всю вашу будущность. Тревога и опасения скоро опять вернулись ко мне. Зная мнение сыщика Каффа о пропаже алмаза, можно было предположить, что он начнет с осмотра нашего белья и одежды. В комнате моей не было места — в целом доме не было места,— которому, по моему мнению, не грозил бы обыск. Как спрятать вашу ночную рубашку, чтобы сыщик Кафф не смог ее найти, и как сделать это, не теряя ни минуты драгоценного времени? Нелегко было ответить на такие вопросы. Моя нерешительность кончилась тем, что я придумала способ, который, может быть, заставит вас посмеяться. Я разделись и надела вашу ночную рубашку на себя. Вы носили ее — и, надев ее после вас, я испытала еще одну радостную минуту.

Новое известие, дошедшее до нас в людской, показало, что я как раз вовремя успела надеть на себя вашу ночную рубашку. Сыщик Кафф пожелал видеть книгу, в которой записывалось грязное белье.

Я отнесла эту книгу в гостиную миледи. Мы с сыщиком встречались не раз в прежнее время. Я была уверена, что он узнает меня, и не была уверена в том, как он поступит, когда увидит, что я служу в доме, где пропала ценная вещь. Я почувствовала, что в таком состоянии для меня будет

облегчением ускорить нашу встречу и тотчас узнать самое худшее.

Когда я подала ему книгу, он посмотрел на меня, как будто я была ему совершенно незнакома, и особенно вежливо поблагодарил меня за то, что я принесла ее. Я подумала, что и то и другое — дурной знак. Неизвестно, что он мог сказать обо мне за спиной; неизвестно, как скоро меня могли арестовать по подозрению и обыскать. В это время пришла пора вашего возвращения с железной дороги, куда вы ездили провожать мистера Годфри Эблайта, и я пошла в вашу любимую аллею в кустарнике, выжидать нового случая поговорить с вами — последнего случая, как я предполагала, который еще мог представиться мне.

Вы не явились, и, что было еще хуже, мистер Беттередж и сыщик Кафф прошли мимо места, где я пряталась, — и сыщик увидел меня.

После этого мне ничего не оставалось, как вернуться к своей работе, пока со мной не случились еще новые беды. В ту минуту, когда я пересекала тропинку, вернулись вы. Вы шли прямо к кустарнику. Когда вы увидели меня, — я уверена, сэр, что вы меня увидели, — вы вдруг повернули от меня в другую сторону, словно от зачумленной, и вошли в дом¹.

Я пробралась домой по черной лестнице. В те часы прачечная бывала пустой, и я осталась там одна. Я спрашивала себя, что будет труднее сделать, если дела пойдут таким образом: перенести равнодушные мистера Фрэнклина Блэка или прыгнуть в Зыбучие пески и положить этим конец всему?

Бесполезно было бы требовать от меня объяснения моего поведения в то время. Как я ни стараюсь, я сама не могу понять его.

Почему я не остановила вас, когда вы отвернулись от меня таким жестоким образом? Почему не закричала: «Мистер Фрэнклин, я должна сказать вам кое-что, касающееся вас, и вы должны выслушать и выслушаете меня»? Вы были в моей власти, как говорится. Мало того, я имела средства (если бы я только могла заставить вас поверить мне) быть полезной вам в будущем. Разумеется, я никак не

¹ Примечание Фрэнклина Блэка. Бедняжка жестоко ошиблась. Я ее не видел... Собираясь погулять по аллее, я вдруг вспомнил, что тетушка, может быть, пожелает увидеть меня сразу после моего возвращения с железной дороги, и тут же повернул в дом.

предполагала, что вы, джентльмен, укради алмаз только из одного удовольствия красть его. Нет, Пенелопа слышала, как мисс Рэчел, а я слышала, как мистер Беттередж говорили о вашей расточительности и о ваших долгах. Для меня было ясно, что вы взяли алмаз для того, чтобы продать его или заложить, и, таким образом, достать деньги, которые были вам нужны. Ну, а я могла бы назвать вам человека в Лондоне, который дал бы вам взаймы большую сумму под залог этой драгоценности и не задал бы вам нескромных вопросов.

Почему я не заговорила с вами! Почему я не заговорила с вами!

Первое лицо, зашедшее в прачечную, была Пенелопа. Она давно уже знала мою тайну и делала все возможное, чтобы образумить меня, и делала это ласково.

«Ах,— сказала она,— я знаю, почему вы сидите здесь одна-одинешенька и сокрушаитесь! Лучше было бы для вас, Розанна, если бы мистер Фрэнклин уехал отсюда... Я думаю, что он скоро должен будет оставить наш дом...»

Мысль о возможном вашем отъезде еще ни разу не приходила мне в голову. Я не в силах была ответить Пенелопе. Я могла только смотреть на нее.

«Я только что ушла от мисс Рэчел,— продолжала Пенелопа,— и порядочно-таки помучилась из-за ее капризов. Она говорит, что ей невыносимо оставаться дома, пока тут полицейский; она решила сегодня же переговорить с миледи и завтра перебраться к тетушке Эблуййт. Если она это сделает, мистер Фрэнклин тотчас найдет причину для отъезда, поверьте!»

При этих словах ко мне вернулась способность говорить.

«Значит, по-вашему, мистер Фрэнклин уедет с нею?» — спросила я.

«Очень охотно уехал бы, если бы она позволила ему. Но она не позволит. Ему тоже досталось от ее капризов, он тоже у нее в немилости, между тем как он сделал все, чтобы помочь ей, бедняжке! Нет-нет! Если они не помирятся до завтрашнего дня, вы увидите, что мисс Рэчел уедет в одну сторону, а мистер Фрэнклин — в другую. Куда он отправится, не могу сказать. Но после отъезда мисс Рэчел он не останется здесь, Розанна».

Мне удалось скрыть отчаяние, которое я почувствовала при мысли о вашем отъезде. Сказать правду, я увидела

проблеск надежды для себя в том, что между вами и мисс Рэчел произошло серьезное недоразумение.

«Вы знаете,— спросила я,— из-за чего они поссорились?»

«Виной всему мисс Рэчел,— сказала Пенелопа,— и, сколько мне известно, это только капризы мисс Рэчел, и больше ничего. Неприятно мне огорчать вас, Розанна, но не увлекайтесь мыслью, что мистер Фрэнклин поссорится с нею. Он слишком любит ее для этого!»

Едва она произнесла эти жестокие слова, как к нам вошел мистер Беттередж. Все слуги должны были сойти в нижнюю залу. А оттуда мы должны были по очереди, одна за другой, отправляться в комнату мистера Беттереджа, где нас будет допрашивать сыщик Кафф.

Очередь моя наступила после допроса горничной миджи и первой служанки. Расспросы сыщика Каффа — хотя он их очень искусно маскировал — вскоре показали мне, что эти две женщины (первые враги мои в доме) подсматривали у моих дверей в четверг днем и в тот же четверг ночью. Они достаточно наговорили сыщику, чтобы открыть ему часть истины. Он знал, что я тайно сшила ночную рубашку, но ошибочно думал, что рубашка, запачканная краской, принадлежит мне. Из того, что он мне сказал, явствовало еще одно, хотя я это и не совсем поняла. Он, разумеется, подозревал, что я замешана в пропаже алмаза. Но в то же время он показал мне — не без умысла, как я полагаю, — что не считает меня главной виновницей пропажи алмаза. Он, кажется, думал, что я действовала по приказанию кого-то другого. Кто этот другой, я так и не догадалась ни тогда, ни теперь.

Одно было несомненно — сыщик Кафф вовсе не подозревает истины. Вы были в безопасности до тех пор, пока не найдется ваша ночная рубашка, но ни минуты больше.

Я решила спрятать рубашку и выбрала место, известное мне лучше других — Зыбучие пески.

Как только допросы закончились, я сослалась на первый же пришедший мне в голову предлог и выпросила позволения пойти подышать свежим воздухом. Я отправилась прямо в Коббс-Голл, в коттедж мистера Йолланда. Его жена и дочь были моими друзьями. Не подумайте, что я доверила им вашу тайну — я не доверила ее никому. Я только хотела написать вам это письмо и снять с себя в безопасном месте ночную рубашку. Так как меня подо-

зревали, я не могла сделать ни того, ни другого в нашем доме.

Теперь я почти дописала мое длинное письмо, одна, в спальне Люси Йолланд. Когда оно будет кончено, я сойду вниз, свернув рубашку и спрятав ее под плащ. Я найду между старыми вещами в кухне миссис Йолланд какой-нибудь ящичек, чтобы сохранить рубашку целой и сухой в моем тайнике. А потом пойду к Зыбучим пескам — не бойтесь, следы моих шагов не выдадут меня — и спрячу вашу ночную рубашку в песке, где ни одна живая душа не найдет ее, если я сама не открою этой тайны.

А когда это будет сделано, что тогда?

Тогда, мистер Фрэнклин, у меня будет двойное основание еще раз попытаться сказать вам слова, которых я не смогла сказать до сих пор. Во-первых, мне необходимо поговорить с вами до вашего отъезда, а не то я навсегда потеряю к тому случай. Во-вторых, меня успокаивает сознание, что если слова мои и рассердят вас, то ночная рубашка будет смягчающим обстоятельством. Если оба эти основания не дадут мне силы выдержать холодность, которая до сих пор угнетала меня (я говорю о вашей холодности со мной), то скоро придет конец моим усилиям в моей жизни.

Да. Если я не смогу воспользоваться первым представившимся мне случаем, если вы опять будете жестоки со мной и это будет мне так же больно, как и раньше, я прощуясь со светом, отказавшим мне в счастье, которое он дает другим. Я прощаюсь с жизнью, которую ничто, кроме вашей доброты, не может сделать для меня приятной. Не осуждайте себя, сэр, если это кончится таким образом. Но постарайтесь хоть немного пожалеть меня! Я позабочусь, чтобы вы узнали о том, что я сделала для вас, когда уже не буду в состоянии сказать вам об этом сама. Скажете ли вы тогда что-нибудь ласковое обо мне тем же самым кратким тоном, каким вы говорите с мисс Рэчел? Если вы это сделаете и если существуют духи, я верю, что мой дух это услышит и обрадуется.

Пора кончать письмо. Я довела себя до слез. Как же я найду дорогу к тайнику, если дам ненужным слезам ослеплять мне глаза?

Кроме того, зачем смотреть на вещи мрачно? Почему не верить, что все еще может кончиться хорошо? Я могу найти вас в хорошем расположении духа сегодня, а если

нет, мне, быть может, это удастся завтра утром. Мое некрасивое лицо не похорошает от горя — ведь нет? Почем знать... может быть, я исписала все эти бесконечные страницы попусту? Я положу их для безопасности (не надо упоминать сейчас о другой причине) в тайник вместе с ночной рубашкой. Трудно мне было, очень трудно писать вам это письмо! О, если бы мы только поняли друг друга, с какой радостью разорву я его!

Остаюсь, сэр, преданно вас любящая и скромная слуга ваша, Розанна Спирман».

Беттередж молча дочитал письмо. Старательно вложил его в конверт и задумался, опустив голову и потупив глаза в землю.

— Беттередж,— сказал я,— нет ли в конце письма какого-нибудь намека, который мог бы нам помочь?

Он поднял глаза медленно и с тяжелым вздохом.

— Тут нет ничего, что могло бы помочь вам, мистер Фрэнклин,— ответил он.— Послушайтесь моего совета и не вынимайте этого письма из конверта до тех пор, пока ваши теперешние заботы не прекратятся. Оно очень огорчит вас, когда вы ни прочитали его. Не читайте его теперь.

Глава VI

Я отправился на станцию пешком. Излишне говорить, что меня сопровождал Габриэль Беттередж. Письмо находилось у меня в кармане, а ночная рубашка была спрятана в саквояже — для того чтобы показать то и другое мистеру Бреффу в этот же вечер.

Мы молча вышли из дома. В первый раз, с тех пор как я его знаю, старик Беттередж не знал, о чем со мной говорить. Но так как у меня было что сказать ему, я сам начал разговор, как только мы вышли из ворот парка.

— Прежде чем уехать в Лондон,— начал я,— хочу задать вам два вопроса. Они имеют отношение ко мне самому и, думаю, несколько удивят вас.

— Если только они выбьют из моей головы письмо этой бедной девушки, мистер Фрэнклин, пусть они произведут на меня какое угодно впечатление. Пожалуйста, удивите меня, сэр, как можно скорее!

— Первый вопрос, Беттередж, вот какой: не был ли я пьян вечером в день рождения Рэчел?

— Пьяны? Вы? — воскликнул старик.— Напротив, это как раз ваш большой недостаток, мистер Фрэнклин, что вы пьете только за обедом, а уж потом — ни капельки!

— Но день рождения — день особенный. В этот вечер я мог изменить своим постоянным привычкам.

Беттередж с минуту раздумывал.

— Вы изменили своим привычкам, сэр, и я скажу вам, каким образом. Вы казались ужасно нездоровым, и мы уговорили вас выпить несколько капель коньяку с водой, чтобы подбодрить вас немножко.

— Я не привык к коньяку с водой. Очень может быть...

— Погодите, мистер Фрэнклин. Я знал, что вы не привыкли, и налил вам полрюмки нашего пятидесятилетнего старого коньяку и — стыд и срам мне! — развел этот благородный напиток целым стаканом холодной воды. Ребенок не мог бы опьянеть от этого, а тем более взрослый человек!

Я знал, что могу положиться на его память в делах такого рода. Следовательно, предположение, что я был пьян, оказалось совершенно неосновательно. Я перешел ко второму вопросу.

— До моей поездки за границу, Беттередж, вы часто видели меня, когда я был ребенком. Скажите мне прямо: не было ли чего-нибудь странного во мне после того, как я засыпал? Замечали вы когда-нибудь, чтобы я ходил во сне?

Беттередж остановился, секунду смотрел на меня и, покачав головой, пошел дальше.

— Вижу, куда вы метите, мистер Фрэнклин,— сказал он.— Вы стараетесь объяснить, каким образом краска могла очутиться на вашейочной рубашке без вашего ведома. Но вы на тысячи миль от истины, сэр. Разгуливать во сне? Да никогда в жизни не делали вы ничего подобного!

Опять я почувствовал, что Беттередж должен быть прав. Ни дома, ни за границей — я никогда не вел уединенного образа жизни. Если бы я был лунатиком, сотни людей должны были бы заметить эту мою особенность и из участия ко мне предостеречь меня, чтобы я мог избавиться от этой болезни.

И все-таки я ухватился — с упорством, и естественным и простительным при подобных обстоятельствах,— за эти единственныедва объяснения, которые могли бы объяснить ужасное положение, в каком я тогда находился. Заметив,

что я не удовлетворился его ответами, Беттередж напомнил последующие события в истории Лунного камня, разбил мои надежды в пух и прах тотчас и навсегда.

— Допустим, ваше предположение правильно, и посмотрим, каким образом оно приведет нас к открытию истины. Если считать, что ночная рубашка является доказательством,— а я этому не верю,— вы не только перепачкались краской от двери, сами того не зная, но также и взяли алмаз, сами не зная того. Правильно ли я рассуждаю?

— Совершенно правильно. Продолжайте.

— Очень хорошо, сэр. Предположим, что вы были пьяны или, как лунатик, ходили во сне, когда взяли алмаз. Это объясняет то, что случилось в ночь после дня рождения. Но каким образом это объяснит то, что случилось после? Алмаз был отвезен в Лондон. Алмаз был заложен мистеру Люкеру. Разве вы сделали то и другое, сами того не зная? Разве вы были пьяны, когда я провожал вас в кабриолете в субботу вечером? И разве вы во сне пошли к мистеру Люкеру, когда поезд довез вас до конца вашего пути? Извините меня, если я скажу, мистер Фрэнклин, что это дело так расстроило вас, что вы еще не в состоянии рассуждать. Чем скорее вы посоветуетесь с мистером Бреффом, тем скорее выберетесь из безвыходного положения, в какое теперь попали.

Мы дошли до станции только минуты за две до отхода поезда.

Я торопливо передал Беттереджу мой лондонский адрес, чтобы он мог написать мне, если это будет нужно, обещал, со своей стороны, сообщить ему и мои новости. Сделав это и уже прощаясь с ним, я случайно взглянул в сторону лотка с книгами и газетами и увидел, что с хозяином лотка разговаривает странный помощник мистера Канди. В ту же минуту глаза наши встретились. Эзра Дженнингс снял шляпу. Я ответил на поклон и сел в вагон, когда поезд уже тронулся. Мне кажется, для меня было облегчением думать о совсем посторонних предметах. Как бы то ни было, когда я пустился в обратный путь, направляясь к мистеру Бреффу по делам столь для меня важным, я с удивлением — сознаюсь, довольно нелепым,— раздумывал, что видел человека с пегими волосами дважды за один день!

Я приехал в Лондон в такой час, что у меня не было

никакой надежды застать мистера Бреффа в его канторе. Поэтому с вокзала я поехал прямо к нему домой в Гэмпстед и потревожил старого стряпчего, который один-одинешенек дремал у себя в столовой, с любимой моськой на коленях и с бутылкой вина под рукой.

Действие, произведенное моим рассказом на мистера Бреффа, лучше всего я передам, описав, что он стал после этого делать. Выслушав меня до конца, он приказал развести огонь, принести крепкого чаю в кабинет и велел передать своим дамам, чтобы они не тревожили нас ни под каким предлогом. Распорядившись таким образом, он сначала рассмотрел ночную рубашку, а потом стал читать письмо Розанны Спирман.

Прочитав письмо, мистер Брефф заговорил со мной в первый раз с тех пор, как мы заперлись в его кабинете.

— Фрэнклин Блэк,— сказал старый джентльмен,— это очень серьезное дело во всех отношениях. По-моему, оно касается Рэчел так же близко, как и вас. Ее странное поведение теперь уже не тайна. Она уверена, что алмаз украли вы.

Я долго боролся с собой, отталкивая этот возмутительный вывод. Но он все же неизбежно приходил мне в голову. Намерение добиться личного свидания с Рэчел основывалось, правду сказать, именно на том убеждении, которое теперь высказал мистер Брефф.

— Первый шаг, какой следует теперь сделать,— продолжал стряпчий,— это обратиться к Рэчел. Она молчала до сих пор по причинам, которые я, зная ее характер, легко могу понять, но после того, что случилось, нельзя далее сносить это молчание. Ее надо убедить или принудить сказать нам, почему она считает, что именно вы взяли Лунный камень. Есть надежда, что все это дело, которое кажется нам таким серьезным, обратится в ничто, если нам удастся переломить Рэчел и убедить ее высказаться.

— Это очень успокоительное мнение для меня,— сказал я.— Признаюсь, мне хотелось бы знать...

— Вам хотелось бы знать, чем я его обосновываю? — перебил мистер Брефф.— Я могу объяснить вам это в две минуты. Поймите, во-первых, что я смотрю на дело с юридической точки зрения. Для меня вопрос состоит в улике. Очень хорошо! Улика оказывается несостоятельной с самого начала в одном важном пункте.

— В каком?

— Вы сейчас услышите. Согласен, что метка на ночной рубашке доказывает, что эта рубашка ваша. Согласен, что пятно доказывает, что эта ночная рубашка испачкана краской с двери Рэчел. Но где доказательства, что эта ночная рубашка была на вас?

Это соображение показалось тем более убедительным, что мне уже самому приходило в голову нечто в этом роде.

— Что до этого,— продолжал стряпчий, взяв в руки признание Розанны Спирман,— то я понимаю — письмо не- приятно для вас. Понимаю, что вы не решаетесь анализировать его с чисто объективной точки зрения. Но я нахожусь в другом положении. Основываясь на своем юридическом опыте, я могу рассматривать этот документ, как рассматривал бы всякий другой. Не упоминая о том, что эта женщина была воровкой, я только замечу, что ее письмо доказывает, по ее собственному признанию, насколько искусной обманщицей она была,— поэтому я имею право подозревать, что она сказала вам не всю правду. Не стану сейчас рассуждать о том, могла или не могла она это сделать. Скажу только, что, если Рэчел подозревает вас лишь по улике одной этой ночной рубашки, можно почти наверное сказать, что рубашку показала ей Розанна Спирман. Эта женщина признается в своем письме, что она ревновала к Рэчел, что она подменяла ее розы в вазе, что она видела проблеск надежды для себя в ссоре между Рэчел и вами. Не стану спрашивать, кто взял Лунный камень,— чтобы достигнуть своей цели, Розанна Спирман взяла бы пятьдесят Лунных камней,— скажу только, что исчезновение алмаза дало этой влюбленной воровке удобный случай поссорить вас с Рэчел на всю жизнь. Она не решилась лишить себя жизни тогда, вспомните это! И я решительно утверждаю, что по своему характеру и положению она была вполне способна воспользоваться случаем украсть камень. Что вы на это скажете?

— Нечто подобное подумал и я, как только распечатал письмо,— ответил я.

— Именно! А когда вы прочли письмо, вы пожалели эту бедную девушку, и у вас не хватило духу заподозрить ее. Это делает вам честь, любезный сэр, это делает вам честь!

— Но, положим, окажется, что эта ночная рубашка была на мне. Тогда что?

— Не вижу, как это может быть доказано,— сказал

мистер Брефф.— Но если допустить, что это так, доказать вашу невиновность будет нелегко. Не станем сейчас входить в это. Подождем и посмотрим, заподозрила ли вас Рэчел только на основании улики, какой является ночная рубашка.

— Боже! Как хладнокровно говорите вы о том, что Рэчел подозревает меня! — всхлипал я.— Какое право имеет она подозревать меня в воровстве на основании какой бы то ни было улики?

— Весьма разумный вопрос, любезный сэр. Несколько горячо предложенный, но все-таки стоящий внимания. То, что приводит в недоумение вас, приводит в недоумение и меня. Поишите в своей памяти и скажите мне, не произошло ли, когда вы гостили в доме леди Вериндер, чего-нибудь такого, что заставило бы ее усомниться в вашей чести или, скажем, хотя бы — пусть даже и неосновательно — в ваших нравственных принципах вообще?

В непреодолимом волнении я вскочил с места. Вопрос стряпчего впервые после отъезда моего из Англии напомнил мне о том, что, когда я гостил у леди Вериндер, действительно кое-что произошло.

Я имел сумасбродство (нуждаясь, по обыкновению, в то время в деньгах) взять некоторую сумму взаймы у сородича небольшого ресторана в Париже, которому я был хорошо известен как его постоянный посетитель. Для уплаты назначен был срок, а когда он настал, я не смог сдержать своего слова, как это часто случается с тысячью других честных людей. Я послал этому человеку вексель. Подпись моя на подобных документах, к несчастью, была хорошо известна: ему не удалось учесть его. Дела его пришли в беспорядок, и его родственник, французский стряпчий, приехал ко мне в Англию и стал настаивать, чтобы я заплатил свой долг. Это был человек вспыльчивого нрава, и он выбрал неверный тон для объяснения. С обеих сторон было сказано много резкостей; тетушка и Рэчел, к несчастью, находились в соседней комнате и слышали наш разговор. Леди Вериндер вошла к нам и захотела непременно узнать, что случилось. Француз показал данную ему доверенность и объявил, что я виноват в разорении бедного человека, который доверился моей чести. Тетушка немедленно выплатила ему деньги и отослала его. Она, разумеется, настолько знала меня, что не разделяла мнения француза обо мне. Но она была оскорблена моей небреж-

ностью и справедливо рассердилась на меня за то, что я поставил себя в положение, которое без ее вмешательства могло бы стать очень неприятным. Мать ли рассказала ей обо всем или Рэчел сама услышала об этом из соседней комнаты, не могу сказать. Но только она романтически и преувеличенно взглянула на этот случай по-своему. Я был «бездущен», я был «неблагороден», я «не имел правил», неизвестно, «до чего я могу дойти», — словом, она наговорила мне таких жестоких вещей, каких я еще не слыхивал ни от одной молодой девушки. Скора продолжалась весь следующий день. На третий день мне удалось помириться с ней, и я перестал думать об этом. Не припомнила ли Рэчел этот несчастный случай в ту критическую минуту, когда мое право на ее уважение снова, и гораздо серьезнее, было поставлено под вопрос? Мистер Брефф, когда я рассказал ему все, тотчас ответил утвердительно.

— Он должен был повлиять на нее, — ответил он серьезно, — и я, ради вас самого, желал бы, чтобы этого не произошло. Однако мы с вами открыли, что было обстоятельство, которое могло повредить вам, и по крайней мере выяснили хоть одну загадку. Не вижу, что могли бы мы сделать дальше. Следующий наш шаг в этом следствии должен привести нас к Рэчел.

Он встал и начал задумчиво ходить взад и вперед по комнате. Два раза я чуть было не сказал ему, что сам решил увидеться с Рэчел, и два раза, принимая во внимание его лята и характер, поостерегся обрушить на него новую неожиданность в такую неблагоприятную минуту.

— Главное затруднение состоит в том, — продолжал он, — чтобы заставить ее высказать до конца. Что вы предлагаете?

— Я решил, мистер Брефф, сам поговорить с Рэчел.

— Вы?

Он вдруг остановился и посмотрел на меня так, как будто я был не в своем уме.

— Вы? Да разве это возможно для вас?

Он резко тряхнул головой и опять прошелся по комнате.

— Стойте-ка, — сказал он. — В подобных необыкновенных случаях опрометчивость может иногда служить лучшим способом.

Он обдумывал вопрос в этом новом свете еще минуты две-три и вдруг смело решил в мою пользу.

— Не рискнешь — не выиграешь, — заключил старый джентльмен. — На вашей стороне шансы, которых нет на моей, — вы первый и сделаете опыт.

— Шансы на моей стороне? — повторил я с величайшим удивлением.

Лицо мистера Бреффа впервые смягчилось улыбкой.

— Вот в чем дело, — произнес он, — честно признаюсь, я не питая надежды ни на вашу осторожность, ни на ваше хладнокровие. Но я питая надежду на то, что в глубине сердца Рэчел еще сохранила к вам некоторую слабость. Воспользуйтесь этим — и, поверьте, вы услышите самое откровенное признание, на какое только способна женщина. Вопрос лишь в том, каким образом вам встретиться с нею.

— Она гостила у вас в доме, — ответил я. — Могу я просить вас пригласить ее сюда, не говоря о том, что она увидится здесь со мною?

— Смело! — сказал мистер Брефф.

Произнеся только одно это слово в ответ на мое предложение, он снова прошелся по комнате.

— Проще говоря, — продолжал он, — мой дом должен превратиться в ловушку для Рэчел, с приманкой в виде приглашения от моей жены и дочерей. Если бы вы были не Фрэнклин Блэк и если бы это дело было на волос менее серьезно, чем оно есть, я отказался бы наотрез. Но обстоятельства сейчас таковы, что я твердо уверен: сама Рэчел будет впоследствии благодарна старику за вероломство. Считайте меня своим сообщником. Рэчел будет приглашена провести у нас день, и вам своевременно дано будет знать об этом.

— Когда? Завтра?

— Завтра мы еще не успеем получить от нее ответ. Пусть будет послезавтра.

— Как вы дадите мне знать?

— Сидите все утро дома, я сам заеду к вам.

Я поблагодарил его за неоценимую помощь, которую он мне оказывал, с чувством горячей признательности и, отказавшись от гостеприимного приглашения переночевать в Гэмпстеде, вернулся на свою лондонскую квартиру.

О следующем дне я могу только сказать, что это был самый длинный день в моей жизни. Хотя я знал о своей невиновности, хотя я был уверен, что гнусное обвинение, лежавшее на мне, должно разъясниться рано или поздно, все же я как-то упал в собственном мнении и не хотел

видеть никого из моих друзей. Мы часто слышим — чаще всего, впрочем, от поверхностных наблюдателей,— что преступление может иметь вид невинности. Гораздо вернее мне кажется то, что невинность может походить на преступление. Я приказал никого не принимать целый день и осмелился выйти лишь под покровом ночной темноты.

На следующее утро, когда я еще сидел за завтраком, неожиданно появился мистер Брефф. Он подал мне большой ключ и сказал, что ему стыдно за себя первый раз в жизни.

— Она придет?

— Придет сегодня завтракать и проведет целый день с моей женой и дочерьми.

— Миссис Брефф и ваши дочери посвящены в нашу тайну?

— Иначе было нельзя. Но женщины, как вы, может быть, сами заметили, не так строги в своих правилах. Мое семейство не испытывает угрызений совести. Так как цель состоит в том, чтобы помирить вас с Рэчел, моя жена и дочери, подобно иезуитам, смотрят на средства для ее достижения со спокойной совестью.

— Я бесконечно обязан им. Что это за ключ?

— Ключ от калитки моего сада. Будьте там в три часа. Войдите в сад, а оттуда через оранжерею в дом. Пройдите маленькую гостиную и отворите дверь напротив, которая ведет в музыкальную комнату. Там вы найдете Рэчел — и найдете ее одну.

— Как мне благодарить вас?

— Я вам скажу, как: не обвиняйте меня в том, что случится после этого!

С такими словами он ушел от меня.

Ждать приходилось еще долго. Чтобы как-нибудь скратить время, я стал просматривать письма, принесенные с почты. Между ними оказалось письмо от Беттереджа.

Я поспешно распечатал это письмо. К моему удивлению и разочарованию, оно начиналось с извинения в том, что не содержит никаких особых новостей. В следующей фразе появился опять неотвязный Эзра Дженнингс. Он остановил Беттереджа, возвращавшегося со станции, и спросил его, кто я таков. Узнав мое имя, он сообщил о том, что видел меня, своему патрону, мистеру Канди. Доктор Канди, услышав об этом, сам приехал к Беттереджу выразить свое сожаление, что мы не увиделись. Он сказал,

что имеет особую причину желать встречи со мной и просил, чтобы я дал ему знать, как только опять буду в окрестностях Фризинголла. Кроме нескольких фраз, характерных для философии Беттереджа, вот содержание письма моего корреспондента. Добрый, преданный старик сознавался, что написал его «скорее из удовольствия писать ко мне».

Я сунул это письмо в карман и через минуту забыл о нем, поглощенный своим будущим свиданием с Рэчел.

Когда на часах гэмпстедской церкви пробило три, я вложил ключ мистера Бреффа в замок садовой калитки. Признаюсь, что, входя в сад и запирая калитку с внутренней стороны, я чувствовал некоторый страх при мысли о том, что может произойти. Украдкой я осмотрелся по сторонам, опасаясь какого-нибудь неожиданного свидетеля в скрытом уголке сада. Но ничто не подтвердило моих опасений. Аллеи сада все до одной были пусты, и единственными моими свидетелями были птицы и пчелы.

Я прошел через сад, вошел в оранжерею, миновал маленьющую гостиную. Когда я положил руку на ручку двери в противоположной стене, я услышал за ней несколько жалобных аккордов. Рэчел часто так же рассеянно перебирала клавиши, когда я гостила в доме ее матери. Я был принужден остановиться на несколько мгновений, чтобы собраться с духом. В ту минуту прошлое и настоящее всплыли передо мною, и контраст между ними поразил меня.

Через несколько секунд, я вооружился мужеством и отворил дверь.

Глава VII

Увидев меня в дверях, Рэчел встала из-за фортепьяно.

Я закрыл за собой дверь. Мы молча смотрели друг на друга. Нас разделяла вся длина комнаты. Движение, которое Рэчел сделала, встав с места, было как будто единственным движением, на какое она была сейчас способна. В эту минуту все ее душевые силы сосредоточились во взгляде, обращенном на меня.

У меня промелькнуло опасение, что я появился слишком внезапно. Я сделал к ней несколько шагов. Я сказал мягко:

— Рэчел!

Звук моего голоса вернул ее к жизни и вызвал краску на ее лице. Она молча двинулась мне навстречу. Медленно, как бы действуя под влиянием силы, не зависящей от ее воли, она подходила ко мне все ближе и ближе; теплая, густая краска залила ее щеки, блеск ее глаз усиливался с каждой минутой. Я забыл о цели, которая привела меня к ней; я забыл гнусное подозрение, лежавшее на моем добром имени; я забыл всякие соображения, прошлое, настоящее и будущее, о которых обязан был помнить. Я видел только, как женщина, которую я любил, подходит ко мне все ближе и ближе... Она задрожала, она остановилась в нерешительности. Я не мог больше сдерживаться — я схватил ее в объятия и покрыл поцелуями ее лицо.

Была минута, когда я думал, что на мои поцелуи отвечают, минута, когда мне показалось, будто и она также забыла все на свете. Но не успела эта мысль мелькнуть у меня в голове, как ее первый же сознательный поступок заставил меня почувствовать, что она все помнит. С криком, похожим на крик ужаса, и с такой силой, что я сомневаюсь, мог ли бы устоять я против нее, если бы попытался, она оттолкнула меня от себя. Я увидел в глазах ее беспощадный гнев, я увидел на устах ее безжалостное презрение. Она смотрела на меня гневным взглядом как на постороннего человека, оскорбившего ее.

— Трус! — сказала она.— Низкий, презренный, бездушный трус!

Таковы были ее первые слова. Она нашла самый непереносимый укор, какой только женщина может сделать мужчине, и бросила его мне.

— Я помню время, Рэчел,— ответил я,— когда вы могли более достойным образом сказать мне, что я оскорбил вас. Прошу вас простить меня.

Быть может, горечь, которую я чувствовал, сообщилась и моему голосу. При первых моих словах глаза ее, теперь смотревшие в сторону, снова нехотя обратились ко мне. Она ответила тихим голосом, с угрюмой сдержанностью, которая была для меня совершенно нова в ней.

— Может быть, я заслуживаю некоторого извинения,— сказала она.— После того, что вы сделали, мне кажется, это низкий поступок с вашей стороны — пробраться ко мне таким образом, как пробрались сегодня вы. Мне кажется, с вашей стороны малодушно рассчитывать на мою слабость

к вам. Мне кажется, это низко, пользуясь неожиданностью, добиться от меня поцелуя. Но это лишь женская точка зрения. Мне следовало бы помнить, что вы не можете ее разделять. Я поступила бы лучше, если бы овладела собой и не сказала вам ничего.

Это извинение было тяжелее оскорбления. Самый ничтожный человек на свете почувствовал бы себя униженным.

— Если бы моя честь не была в ваших руках,— сказал я,— я оставил бы вас сию же минуту и никогда больше не увиделся бы с вами. Вы упомянули о том, что я сделал. Что же я сделал?

— Что вы сделали? Вы задаете этот вопрос мне?

— Да.

— Я сохранила в тайне вашу гнусность,— ответила она,— и перенесла последствия своего молчания. Неужели я не имею права на то, чтобы вы избавили меня от оскорбительного вопроса о том, что вы сделали? Неужели всякое чувство признательности умерло в вас? Вы были когда-то джентльменом. Вы были когда-то дороги моей матери и еще дороже — мне...

Голос изменил ей. Она опустилась на стул, повернулась ко мне спиной и закрыла лицо руками.

Я выждал немного, прежде чем нашел в себе силы говорить дальше. В эту минуту молчания сам не знаю, что ранило меня больше — оскорбление ли, нанесенное мне ее презрением, или ее гордая решимость, которая не допускала меня разделить ее горе.

— Если вы не заговорите первая,— начал я,— должен это сделать я. Я пришел сюда с намерением поговорить с вами о чем-то очень важном. Окажете ли вы мне самую обыкновенную справедливость и согласитесь ли выслушать меня?

Она не шевелилась и не отвечала. Я не спрашивал ее более, я не подвинулся ни на шаг к ее стулу. Проявляя такую же упорную гордость, как и она, я рассказал ей о своем открытии в Зыбучих песках и обо всем, что привело меня к нему. Рассказ, разумеется, занял порядочно времени. С начала до конца она не обернулась ко мне и не произнесла ни слова.

Я был сдержан. Вся моя будущность, по всей вероятности, зависела от того, чтоб я не потерял самообладания в эту минуту. Настало время проверить теорию мистера

Бреффа. Охваченный острым желанием испытать ее, я обошел вокруг стула и стал так, чтобы оказаться лицом к лицу с Рэчел.

— Я должен задать вам один вопрос,— сказал я,— и это вынуждает меня вернуться к тяжелому предмету. Показала вам Розанна Спирман мою ночную рубашку? Да или нет?

Она вскочила на ноги и подошла ко мне вплотную. Глаза ее впились мне в лицо, словно желая прочесть там то, чего еще никогда не читали в нем.

— Вы сошли с ума! — воскликнула она.

Я все еще сдерживался. Я сказал спокойно:

— Рэчел, ответите ли вы на мой вопрос?

Она продолжала, не обращая на меня внимания:

— Не кроется ли тут какая-нибудь неизвестная мне цель? Какой-нибудь малодушный страх за будущее, который затрагивает и меня? Говорят, после смерти вашего отца вы разбогатели. Может быть, вы пришли сюда затем, чтобы возместить мне стоимость моего алмаза? И у вас еще осталось настолько совести, что вам стыдно? Не это ли объяснение вашей мнимой невиновности и вашей истории о Розанне Спирман? Не кроется ли стыд в глубине всей этой лжи?

Я перебил ее. Я не мог уже сдерживаться.

— Вы нанесли мне непростительное оскорбление! — вскричал я.— Вы подозреваете, что я украл ваш алмаз. Я имею право и хочу знать, по какой причине?

— Подозреваю? — воскликнула она, приходя в возбуждение, равное моему.— Негодяй! Я собственными глазами видела, как вы взяли алмаз!

Страшное объяснение, заключавшееся в этих словах, уничтожение всего, на что надеялся мистер Брефф, привело меня в оцепенение. При всей моей невиновности, я стоял перед ней молча. В ее глазах, в глазах всякого я должен был казаться человеком, потрясенным открытием его преступления.

Ее смущило зрелище моего унижения и своего торжества. Внезапное мое молчание как будто испугало ее.

— Я пощадила вас в то время,— сказала она,— я пощадила бы вас и теперь, если бы вы не вынудили меня заговорить.

Она отошла, собираясь выйти из комнаты, и поклонилась у дверей.

— Почему вы пришли сюда унижать себя? — спросила она.— Почему вы пришли сюда унижать меня?

Она сделала еще несколько шагов и опять остановилась.

— Ради бога, скажите что-нибудь! — воскликнула она в волнении.— Если осталась в вас хоть капля жалости, не допускайте меня унижать себя таким образом! Скажите что-нибудь — и заставьте меня уйти из комнаты!

Я подошел к ней, сам не зная, что делаю. Может быть, у меня была какая-нибудь смутная мысль удержать ее, пока она не сказала еще чего-нибудь. С той минуты, как я узнал, что свидетельство, на основании которого Рэчел обвинила меня, было свидетельством ее собственных глаз, ничего — даже убеждение в собственной невиновности — не было ясно в моих мыслях. Я взял ее за руку; я старался говорить с нею твердо и разумно, а мог только выговорить:

— Рэчел, вы когда-то любили меня!

Она задрожала и отвернулась от меня. Ее бессильная, дрожащая рука осталась в моей.

— Пустите мою руку,— произнесла она слабым голосом.

Мое прикосновение к руке ее произвело на нее такое же действие, как звук моего голоса, когда я вошел в комнату. После того, как она назвала меня трусом, после ее признания, поставившего на мне клеймо вора, я еще имел власть над нею, покуда рука ее лежала в моей руке!

Я тихо отвел ее на середину комнаты. Я посадил ее возле себя.

— Рэчел,— сказал я,— не могу объяснить противоречия в том, что сейчас вам скажу. Могу только сказать вам правду, как сказали ее вы. Вы видели, как я взял алмаз. Перед богом, который слышит нас, клянусь, что только сейчас впервые узнал, что я взял его! Вы все еще сомневаетесь во мне?

Она или не обратила внимания на мои слова, или не слыхала их.

— Пустите мою руку,— повторила она слабым голосом.

Это было единственным ее ответом. Голова ее упала на мое плечо, а рука бессознательно сжала мою руку в ту минуту, когда она попросила меня выпустить ее.

Я удержался от повторения вопроса. Но на этом и кончилось мое терпение. Я понял, что снова смогу смотреть в глаза честным людям, только если заставлю Рэчел рассказать все подробно. Единственная надежда, остававшаяся

у меня, состояла в том, что, может быть, Рэчел не обратила внимания на какое-нибудь звено в цепи — на какую-нибудь безделицу, которая, быть может, при внимательном исследовании могла послужить средством для доказательства моей невиновности. Признаюсь, я не выпускал ее руки. Признаюсь, я заговорил с нею со всей теплотой и доверием прошлых времен.

— Я хочу попросить вас кое о чем,— сказал я.— Я хочу, чтобы вы рассказали мне все, что случилось с той самой минуты, когда мы пожелали друг другу спокойной ночи, и до того момента, когда вы увидели, что я взял алмаз.

Она подняла голову с моего плеча и сделала усилие, чтобы высвободить свою руку.

— О, зачем возвращаться к этому? — сказала она.— Зачем возвращаться?

— Я скажу вам зачем, Рэчел. Вы и я — жертвы какого-то страшного обмана, надевшего маску истины. Если мы взглянем вместе на то, что случилось в ночь после дня вашего рождения, мы, быть может, еще поймем друг друга.

Голова ее опять упала на мое плечо. Слезы выступили на ее глазах и медленно покатились по щекам.

— О! — сказала она.— Разве я не имела этой надежды? Разве я не старалась смотреть на это так, как смотрите вы теперь?

— Вы старались одна,— ответил я,— вы еще не старались с моей помощью.

Эти слова как будто пробудили в ней ту надежду, которую я чувствовал сам, когда произнес их. Она отвечала на мои вопросы не только с покорностью, но напрягая всю память; она охотно раскрывала мне всю душу.

— Начнем,— сказал я,— с того, что случилось после того, как мы пожелали друг другу спокойной ночи. Легли вы в постель или нет?

— Я легла в постель.

— Заметили вы, который был час? Было поздно?

— Не очень. Часов около двенадцати.

— Вы заснули?

— Нет. Я не могла спать в эту ночь.

— Вы были встревожены?

— Я думала о вас.

Этот ответ почти отнял у меня все мужество. Что-то в тоне, даже более, чем в словах, прямо проникло мне в самое

сердце. Только после некоторого молчания мог я продолжать.

— Был у вас в комнате свет? — спросил я.

— Нет, пока я не встала и не зажгла свечу.

— Через сколько времени после того, как вы легли в постель?

— Кажется, через час.

— Вы вышли из спальни?

— Я собиралась выйти. Я накинула халат и пошла в гостиную за книгой.

— Вы отворили дверь вашей спальни?

— Отворила.

— Но еще не вошли в гостиную?

— Нет, я была остановлена...

— Что остановило вас?

— Я увидела свет в щели под дверью и услышала шаги.

— Вы испугались?

— Нет. Я знала, что моя бедная мама страдает бессонницей, и вспомнила, что она уговаривала меня отдать ей на сохранение алмаз. Она беспокоилась о нем совершенно неосновательно, казалось мне тогда, и я подумала, что она пришла посмотреть, в постели ли я, и поговорить со мной об алмазе, если увидит, что я еще не сплю.

— Что же вы сделали?

— Я потушила свечу, чтобы она вообразила, что я сплю. Я была упряма — мне хотелось оставить алмаз там, куда я его положила.

— Задув свечу, вы опять легли в постель?

— Я не успела. В ту минуту, когда я задула свечу, дверь гостиной отворилась и я увидела...

— Вы увидели?

— Вас.

— Одетого, как обычно?

— Нет. В ночной рубашке, со свечой в руке.

— Одного?

— Одного.

— Вы могли видеть мое лицо?

— Да.

— Ясно?

— Совершенно. Свеча в вашей руке освещала его.

— Глаза мои были открыты?

— Да.

— Вы заметили в них что-нибудь странное, что-нибудь

похожее на пристальное или бессмысленное выражение?

— Совсем нет. Ваши глаза были блестящи, более блестящи, чем обыкновенно. Вы так осматривались в комнате, словно знали, что вы там, где вам не следует быть, и словно боялись, что вас увидят.

— Вы обратили внимание, какой у меня был вид, когда я входил в комнату?

— Вы шли, как ходите всегда. Вы дошли до середины комнаты, а потом остановились и осмотрелись вокруг.

— Что же вы сделали, когда увидели меня?

— Я не могла ничего сделать. Я стояла, как окаменелая. Я не могла заговорить, я не могла закричать, я не могла даже пошевелиться, чтобы запереть дверь.

— Мог я вас видеть там, где вы стояли?

— Конечно, вы могли видеть меня. Но вы ни разу не взглянули на меня. Бесполезно задавать этот вопрос. Я уверена, что вы меня не видели.

— Почему же вы так уверены?

— Иначе разве вы взяли бы алмаз? Поступили бы так, как поступили впоследствии? Были бы вы здесь теперь, если бы знали, что я тогда не спала и смотрела на вас? Не заставляйте меня говорить об этом! Я хочу отвечать вам спокойно. Помогите мне сохранить спокойствие. Перейдемте к чему-нибудь другому.

Она была права, права во всех отношениях. Я перешел к другому.

— Что я сделал после того, как вышел на середину комнаты и остановился там?

— Вы повернулись и прямо пошли в угол возле окна, где стоит мой индийский шкафчик.

— Когда я стоял у шкафчика, я должен был стоять к вам спиной. Как же вы видели, что я делал?

— Когда вы двинулись с места, двинулась и я.

— Чтобы видеть, что я делаю?

— В моей гостиной три зеркала. Когда вы стояли там, я увидела все отраженным в одном из зеркал.

— Что же вы увидели?

— Вы поставили свечу на шкафчик. Вы выдвинули и задвинули один ящик за другим, пока не дошли до того, в который я положила алмаз. Вы с минуту смотрели на выдвинутый ящик, а потом сунули в него руку и вынули алмаз.

— Почему вы узнали, что я вынул алмаз?

— Я видела, как вы сунули руку в ящик. Я видела блеск камня между вашим указательным и большим пальцами, когда вы вынули руку из ящика.

— Не протянулась ли рука моя опять к ящику, чтобы, например, запереть его?

— Нет. Алмаз был у вас в правой руке, а свечку со шкафчика вы сняли левой рукой.

— После этого я опять осмотрелся вокруг?

— Нет.

— Я сейчас же вышел из комнаты?

— Нет. Вы стояли совершенно неподвижно, как мне показалось, и довольно долго. Я видела лицо ваше боком в зеркале. Вы походили на человека задумавшегося и недовольного своими мыслями.

— Что же случилось потом?

— Вы вдруг пробудились от задумчивости и сразу вышли из комнаты.

— Я запер за собою дверь?

— Нет. Вы быстро вышли в коридор и оставили дверь открытой.

— А потом?

— Потом свет от вашей свечи исчез, и звук ваших шагов замер, а я осталась одна в комнате.

— И ничего не произошло больше до той минуты, когда весь дом узнал, что алмаз пропал?

— Ничего.

— Вы уверены в этом? Не заснули ли вы на короткое время?

— Я совсем не спала, я совсем не ложилась в постель. Ничего не случилось до тех пор, пока не вошла Пенелопа в свое обычное время, утром.

Я выпустил ее руку, встал и прошелся по комнате. На каждый мой вопрос был дан ответ. Каждая мелочь, какую я захотел узнать, была сообщена мне. Я даже вернулся было к мысли о лунатизме и опьянении; и опять невозможность того и другого встала передо мной — на этот раз в показании свидетеля, видевшего меня своими глазами. Что следовало теперь сказать? Что следовало теперь сделать? Только один ужасный факт воровства — единственный видимый и осозаемый факт — стоял передо мной среди непроницаемого мрака, в котором тонуло все. Не было ни малейшего проблеска света, когда я узнал тайну Розанны Спирман на Зыбучих песках. И ни малейшего проблеска

света теперь, когда я обратился к самой Рэчел и услышал отвратительную историю той ночи от нее самой.

На этот раз она первая прервала молчание.

— Ну,— сказала она,— вы спрашивали, а я отвечала. Вы подали мне надежду, что из всего этого выйдет что-нибудь, потому что вы сами на что-то надеялись. Что вы теперь скажете?

Тон, которым она говорила, показал мне, что мое влияние над нею прекратилось.

— Мы должны были вместе пересмотреть то, что случилось в ночь после моего рождения,— продолжала она,— и тогда мы должны были понять друг друга. Случилось ли это?

Она безжалостно ждала моего ответа. Отвечая ей, я сделал гибельную ошибку: я позволил отчаянной беспомощности моего положения одержать верх над моим самообладанием. Опрометчиво и бессмысленно я стал упрекать ее за молчание, которое до сих пор оставляло меня в неведении.

— Если бы вы высказались, когда вам следовало высказаться,— начал я,— если бы вы оказали мне самую обыкновенную справедливость и объяснились...

С криком бешенства прервала она меня. Слова, сказанные мной, немедленно привели ее в неистовую ярость.

— Объясниться! — повторила она.— О, есть ли другой такой человек на свете? Я пощадила его, когда разрывалось мое сердце, я защитила его, когда дело шло о моей репутации, а он теперь упрекает меня и говорит, что мне следовало объясниться! После того, как я верила ему, после того, как я его любила, после того, как я думала о нем днем, видела его во сне ночью,— он спрашивает, почему я не обвинила его в бесчестии в первый раз, как мы встретились! «Возлюбленный моего сердца, ты вор! Мой герой, которого я люблю и уважаю, ты пробрался в мою комнату под прикрытием ночной темноты и украл мой алмаз!» — вот что следовало мне сказать. О негодяй, о низкий, низкий, низкий негодяй! Я лишилась бы пятидесяти алмазов скорее, чем увидеть, что ваше лицо лжет мне, как оно лжет теперь!

Я взял шляпу. Из состраданий к ней — да, честно говорю,— из сострадания к ней я отвернулся, не говоря ни слова, и отворил дверь, через которую вошел в комнату.

Она пошла за мной, оттолкнула меня от двери, заклопнула ее и указала на стул, с которого я поднялся.

— Нет,— сказала она.— Не сейчас! Оказывается, я еще обязана оправдать мое поведение перед вами. Так останьтесь и выслушайте меня, а если вы, против моей воли, уйдете отсюда, это будет самая большая низость.

Тяжко было мне видеть ее, тяжко было мне слышать ее слова. Я ответил знаком — на большее я не был способен,— что покоряюсь ее воле.

Яркий румянец гнева начал сбегать с ее лица, когда я вернулся и молча сел на стул. Она переждала немного и собралась с силами. Когда она заговорила, в ней не было заметно ни единого признака чувства. Она говорила, не глядя на меня. Руки ее были крепко стиснуты на коленях, а глаза устремлены в землю.

— Я должна была оказать вам самую обыкновенную справедливость и объясниться,— повторила она мои слова.— Вы увидите, старалась ли я оказать вам справедливость или нет. Я сказала вам сейчас, что совсем не спала и совсем не ложилась в постель после того, как вы вышли из моей гостиной. Бесполезно докучать вам рассказом о том, что я думала,— вы меня не поймете; скажу только, что я сделала, когда через некоторое время пришла в себя. Я решила не поднимать тревоги и не рассказывать о том, что случилось, как это мне следовало бы сделать. Несмотря на то что я все видела своими глазами, я так любила вас, что готова была поверить чему угодно, только не тому, что вы вор. Я думала, думала — и кончила тем, что написала вам.

— Я никогда не получал этого письма.

— Знаю, что вы никогда его не получали. Подождите немного и вы услышите — почему. Письмо мое ничего не сказало бы вам ясно. Оно не погубило бы вас на всю жизнь, если бы попало в руки кому-нибудь другому. В нем только говорилось — но так, что вы не могли ошибиться,— что у меня есть основание думать, что вы в долгу и что мне и матери моей известно — вы не слишком разборчивы и щепетильны в средствах, какими достаете деньги, когда они вам нужны. Вы при этом вспомнили бы визит французского стряпчего и догадались бы, на что я намекаю. Если бы вы продолжали читать с интересом и после того, вы дошли бы до предложения, которое я хотела вам сделать,— предложения тайного, с тем, чтобы ни слова не было сказано вслух

об этом между нами: дать вам взаймы такую большую сумму денег, какую я только могу получить. И я достала бы ее! — воскликнула Рэчел. Румянец опять вспыхнул на ее щеках, и глаза ее взглянули на меня.— Я сама заложила бы алмаз, если б не смогла достать денег другим путем. Вот о чем написала я вам. Подождите! Я сделала больше. Я условилась с Пенелопой, что она отдаст вам письмо с глазу на глаз. Я хотела запереться в своей спальне и оставить свою гостиную открытой и пустой все утро. И я надеялась — надеялась всем сердцем и душой,— что вы воспользуетесь этим случаем и тайно положите алмаз обратно в шкафчик.

Я попытался заговорить. Она нетерпеливым жестом остановила меня. Ее настроение то и дело менялось, и гнев ее снова начал разгораться. Она встала со стула и подошла ко мне.

— Я знаю, что вы скажете,— продолжала она.— Вы хотите опять напомнить мне, что не получили письма. Я могу сказать вам, почему: я его порвала.

— По какой причине?

— По самой основательной. Я предпочла скорее порвать его, чем отдать такому человеку, как вы! Какие первые известия дошли до меня утром? Как только я составила свой план, о чем я услышала? Я услышала, что вы — вы!!! — прежде всех в доме пригласили полицию. Вы были деятельнее всех, вы были главным действующим лицом, вы трудились прилежнее всех, чтобы отыскать алмаз! Вы даже довели вашу смелость до того, что хотели говорить со мной о пропаже алмаза, который украл сами же, алмаза, который все время находился у вас в руках! После этого доказательства вашей ужасной лживости и хитрости я разорвала свое письмо. Но даже тогда, когда меня с ума сводили допытывания и расспросы полицейского, которого пригласили вы,— даже тогда какое-то ослепление не допустило меня совершенно отказаться от вас. Я говорила себе: «Он играет свой гнусный фарс перед всеми другими в доме. Попробуем, сможет ли он разыгрывать его передо мной». Кто-то сказал мне, что вы на террасе. Я пошла туда. Я принудила себя взглянуть на вас. Я принудила себя заговорить с вами. Вы забыли, что я сказала вам?

Я мог бы ответить, что помню каждое ее слово. Но какую пользу в эту минуту принес бы мой ответ? Как я мог сказать ей, что сказанное ею тогда удивило и огор-

чило меня, заставило думать, что она находится в состоянии самого опасного нервного возбуждения, вызвало в душе моей даже сомнение, составляет ли для нее пропажа алмаза такую же тайну, как и для всех нас,— но не показало мне и проблеска истины. Не имея ни малейшего доказательства своей невиновности, как я мог убедить ее, что знал не более самого постороннего слушателя о том, что было в ее мыслях, когда она говорила со мною на террасе?

— Может быть, в ваших интересах забыть мои слова, но в моих интересах помнить их,— продолжала она.— Я знаю, что я сказала, потому что все обдумала заранее. Я дала вам один за другим несколько случаев признаться в истине. Я говорила как могла яснее, только не сказала прямо, что мне известно, что воровство совершили вы. А вы посмотрели на меня с притворным изумлением и с ложным видом невинности, точь-в-точь как смотрите на меня теперь! Я ушла от вас в то утро, узнав наконец, каков вы есть — самый низкий негодяй, когда-либо существовавший на свете!

— Если бы вы полностью высказались в то время, вы могли бы уйти от меня, Рэчел, с сознанием, что жестоко оскорбили человека невинного.

— Если бы я высказалась при других,— возразила она с новой вспышкой негодования,— вы были бы опозорены навсегда! Если бы я высказалась только вам одному, вы отперлись бы, как отпираетесь теперь! Неужели вы думаете, я поверила бы вам? Остановится ли перед ложью человек, который сделал то, что, как я сама видела, сделали вы, и вел себя после этого так, как вели себя вы? Повторяю вам, я боялась услышать, как вы лжете, после того как видела, как вы крали. Вы говорите об этом, словно это недоразумение, которое можно исправить несколькими словами. Так вот, недоразумение разъяснилось. Исправлено ли дело? Нет, оно осталось в прежнем положении. Я вам не верю сейчас! Я не верю, что вы нашли ночную рубашку; не верю, что Розанна Спирман написала вам письмо; не верю ни одному вашему слову. Вы украл алмаз,— я видела сама! Вы притворялись, будто помогаете полиции,— я видела сама! Вы заложили алмаз лондонскому ростовщику,— я уверена в этом! Вы навлекли подозрение в бесчестию — из-за моего низкого молчания — на невинного человека! Вы бежали на континент со своей добычей! После всех этих гадостей вы смогли сделать только одно.

Вы пришли сюда с этой последней ложью на устах,— вы пришли сюда и сказали мне, что я несправедлива к вам.

Если бы я остался минуту долее, у меня могли вырваться слова, о которых я вспоминал бы потом с напрасным раскаянием. Я прошел мимо Рэчел и снова отворил дверь. И снова, с нелогичностью женщины, потерявшей над собой власть, она схватила меня за руку и загородила мне путь.

— Пустите меня, Рэчел,— сказал я,— это будет лучше для обоих нас. Пустите меня!

Грудь ее поднималась от истерического гнева, ускоренное, судорожное дыхание почти касалось моего лица, когда она удерживала меня у двери.

— Зачем вы пришли сюда? — настаивала она с отчаянием.— Спрашиваю вас опять: зачем вы пришли сюда? Вы боитесь, что я выдам вас? Теперь вы богаты, теперь вы заняли место в свете, теперь вы можете жениться на лучшей невесте во всей Англии,— или вы боитесь, что я скажу другим слова, которых не говорила никому на свете, кроме вас? Я не могу сказать этих слов! Я не могу выдать вас! Я еще хуже, если только это возможно, чем вы...

У нее вырвались рыдания. Она отчаянно боролась с ними; она все крепче и крепче держала меня.

— Я не могу вырвать чувство к вам из своего сердца,— крикнула она,— даже теперь! Вы можете положиться на постыдную слабость, которая может бороться с вами только таким образом!

Она вдруг отпустила меня, подняла кверху руки и истово заломила их.

— Всякая другая женщина в мире считала бы позором дотронуться до него! — воскликнула она.— О боже! Я презираю себя еще сильнее, чем презираю его!

Слезы против воли выступили на глазах моих, я не мог более выносить этой ужасной сцены.

— Вы узнаете, что были несправедливы ко мне,— сказал я,— или никогда не увидите меня больше!

С этими словами я покинул ее. Она вскочила со стула, на который опустилась за минуту перед тем,— она вскочила — благородное создание! — и проводила меня через всю соседнюю комнату, сказав на прощание слова, исполненные милосердия.

— Фрэнклайн! — сказала она.— Я прощаю вам!

О Фрэнклин, Фрэнклин! Мы больше никогда не встретимся! Скажите, что вы прощаете меня.

Я повернулся, чтобы она прочла у меня на лице, что я не в силах был сказать,— я повернулся, махнул рукой и увидел ее смутно, как видение, сквозь слезы, наконец полившиеся из моих глаз.

Через минуту все кончилось. Я опять вышел в сад. Я не видел и не слышал ее более.

Глава VIII

Поздно вечером ко мне неожиданно заехал мистер Брефф.

В стряпчем была заметна перемена. Он лишился обычной своей самоуверенности и энергии. Он пожал мне руку — первый раз в жизни — молча.

— Вы возвращаетесь в Гэмпстед? — спросил я, чтобы сказать что-нибудь.

— Я сейчас еду из Гэмпстеда, — ответил он. — Я знаю, мистер Фрэнклин, что вы наконец узнали все. Но говорю вам прямо: если бы я мог предвидеть, какой ценой придется заплатить за это, я предпочел бы оставить вас в неизвестности.

— Вы видели Рэчел?

— Я отвез ее на Портлендскую площадь и приехал сюда; невозможно было отпустить ее одну. Я не могу винить вас — ведь вы увиделись с нею в моем доме и с моего позволения — в том страшном потрясении, какое это несчастное свидание причинило ей. Я могу только не допустить повторения подобного зла. Она молода, она решительна и энергична — она это перенесет; время и покойная жизнь помогут ей. Обещайте, что вы не сделаете ничего для того, чтобы помешать ее выздоровлению. Могу я положиться на вас в том, что без моего согласия и одобрения вы не станете пытаться еще раз увидеться с ней?

— После того, что она выстрадала, и после того, что выстрадал я, — ответил я, — вы можете положиться на меня.

— Вы обещаете?

— Да.

Мистер Брефф, казалось, почувствовал облегчение. Он положил шляпу и придинул свой стул ближе к моему.

— Значит, с этим покончено,— сказал он.— Теперь поговорим о будущем — о вашем будущем. По моему мнению, вывод из необыкновенного оборота, который принял это дело теперь, вкратце следующий. Во-первых, мы уверены, что Рэчел сказала вам всю правду так ясно, как только можно ее высказать в словах. Во-вторых, хотя мы знаем, что тут кроется какая-то ужасная ошибка, мы не можем осуждать Рэчел за то, что она считает вас виновным, основываясь на показании собственных своих чувств, поскольку это показание подтвердили обстоятельства, говорящие прямо против вас...

Тут я перебил его.

— Я не осуждаю Рэчел,— сказал я,— я только сожалею, что она не решилась поговорить со мной откровенно в то время.

— У вас столько же оснований сожалеть, что Рэчел — Рэчел, а не кто-нибудь другой,— возразил мистер Брефф.— Да и тогда сомневаюсь, решилась ли бы деликатная девушка, всем сердцем желавшая сделаться вашей женой, обвинить вас в глаза в воровстве. Как бы то ни было, сделать это было не в натуре Рэчел. Кроме того, она сама сказала мне сегодня по дороге в город, что и тогда не поверила бы вам, как не верит сейчас. Что можете вы ответить на это? Решительно ничего. Полноте, полноте, мистер Фрэнклин! Моя теория оказалась совершенно ошибочной, согласен с этим, но при настоящем положении вещей неплохо все-таки послушаться моего совета. Говорю вам прямо: мы будем напрасно ломать голову и терять время, если попытаемся вернуться назад и распутывать эту страшную путаницу с самого начала. Забудем решительно все, что случилось в прошлом году в поместье леди Вериндер, и посмотрим, что мы можем открыть в будущем, вместо того, чего не можем открыть в прошлом.

— Вы, верно, забыли,— сказал я,— что все это дело,— по крайней мере в части, касающейся меня,— лежит в прошлом.

— Ответьте мне,— возразил мистер Брефф,— вы считаете, что именно Лунный камень причина всех этих не приятностей? Лунный камень или нет?

— Разумеется, Лунный камень.

— Очень хорошо. Что, по-вашему, было сделано с Лунным камнем, когда его отвезли в Лондон?

— Он был заложен у мистера Люкера.

— Мы знаем, что не вы его заложили. Знаем мы, кто это лицо?

— Нет.

— Где же, по-вашему, находится сейчас Лунный камень?

— Он отдан на сохранение банкирам мистера Люкера.

— Вот именно. Теперь заметьте. Сейчас уже июнь. В конце этого месяца — не могу точно установить день — исполнится год с того времени, когда, как мы предполагаем, алмаз был заложен. Налицо возможность,— чтобы не сказать более,— что человек, заложивший эту вещь, захочет выкупить ее по истечении года. Если он ее выкупит, мистер Люкер должен сам — по собственному своему распоряжению — взять алмаз от банкира. При данных обстоятельствах я считаю нужным поставить сыщика у банка в конце этого месяца и проследить, кому мистер Люкер возвратит Лунный камень. Теперь вы понимаете?

Я согласился (хотя и с некоторой неохотой), что мысль, по крайней мере, была нова.

— Столько же эта мысль мистера Мертуэта, сколько и моя,— сказал мистер Брефф.— Может быть, она никогда не пришла бы мне в голову, если бы не разговор с ним. Если мистер Мертуэт прав, индусы тоже будут стеречь возле банка в конце месяца,— и тогда, может быть, произойдет что-нибудь серьезное. Что из этого выйдет, совершенно безразлично для вас и для меня,— кроме того, что это поможет нам схватить таинственного некто, заложившего алмаз. Человек этот, поверьте моему слову, причина — не имею претензий знать в точности, каким образом — того положения, в котором вы очутились в эту минуту, и только один этот человек может возвратить вам уважение Рэчел.

— Не могу отрицать,— сказал я,— что план, предлагаемый вами, разрешит затруднение очень смелым, очень замысловатым и совершенно новым способом, но...

— Но у вас имеется возражение?

— Да. Мое возражение заключается в том, что ваше предложение заставляет нас ждать.

— Согласен. По моим расчетам, вам придется ждать приблизительно около двух недель. Неужели это так долго?

— Это целая вечность, мистер Брефф, в таком положении, как мое. Жизнь будет просто нестерпима для меня,

если я не предприму чего-нибудь, чтобы тотчас восстановить свою репутацию.

— Ну-ну, я понимаю это. Вы уже придумали, что можно сделать?

— Я решил посоветоваться с сыщиком Каффом.

— Он вышел в отставку. Бесполезно ожидать, чтобы Кафф мог вам помочь.

— Я знаю, где найти его, и могу попытаться.

— Попытайтесь,— сказал мистер Брефф после минутного размышления.— Дело это приняло такой необычайный оборот после того, как сырщик Кафф кончил им заниматься, что, может быть, вы его заинтересуете. Попытайтесь и сообщите мне результат. А пока,— продолжал он,— если вы не сделаете никаких открытий до конца месяца, я, со своей стороны, добьюсь чего-нибудь, устроив слежку у банка.

— Конечно,— ответил я,— если только я не избавлю вас от необходимости сделать этот опыт.

Мистер Брефф улыбнулся и взял шляпу.

— Передайте сырщику Каффу,— ответил он,— мои слова: разгадка тайны алмаза кроется в разгадке того, кто его заложил. И сообщите мне, какого мнения об этом сырщик Кафф.

Так мы расстались с ним в этот вечер.

На следующее утро я отправился в маленький городок Доркинг, где, как сообщил мне Беттередж, поселился сырщик Кафф.

Расспросив в гостинице, я получил необходимые указания, как найти коттедж сырщика. К нему вела тихая проселочная дорога. Коттедж находился в некотором расстоянии от города; он уютно прятался среди сада, окруженного позади и по бокам хорошей кирпичной стеной, а спереди высокой живой изгородью. Калитка со щегольской, выкрашенной решеткой была заперта. Позвонив в колокольчик, я заглянул сквозь решетку и повсюду увидел любимые цветы знаменитого Каффа: они цвели в его саду гроздьями, они заслоняли его двери, они заглядывали ему в окна. Вдали от преступлений и тайн великого города знаменитый сырщик, гроза воров, спокойно доживал сибаритом последние годы своей жизни, с головой уйдя в свои розы.

Почтенная пожилая женщина отворила мне калитку и тотчас разрушила мои надежды на помощь сырщика Каффа. Он только накануне уехал в Ирландию.

— Он уехал туда по делу? — спросил я.

Женщина улыбнулась.

— Теперь у него только одно дело, сэр,— сказала она,— розы. Садовник какого-то вельможи изобрел там новый способ разведения роз, и мистер Кафф поехал в Ирландию узнать о нем.

— Вы не знаете, когда он вернется?

— Не знаю, сэр. Мистер Кафф сказал, что он может вернуться и тотчас и задержаться, смотря по тому, найдет ли он новый способ стоящим или не стоящим изучения. Если вам угодно передать ему что-нибудь, я позабочусь об этом, сэр.

Я отдал ей мою карточку, написав на ней карандашом:

«Имею сообщить вам кое-что о Лунном камне. Уведомите меня, как только вернетесь».

После этого мне ничего более не оставалось, как покориться обстоятельствам и вернуться в Лондон.

В том раздраженном состоянии, в каком я находился в то время, о котором пишу теперь, неудавшаяся поездка моя к сыщику только увеличила во мне тревожную потребность что-нибудь сделать.

Так как события достопамятной ночи были все еще непонятны мне, я оглянулся несколько назад и начал искать в моей памяти какое-нибудь происшествие в часы, предшествовавшие этой ночи, которое помогло бы мне отыскать ключ к загадке.

Не случилось ли чего в то время, когда Рэчел и я кончали раскрашивать дверь? Или позднее, когда я ездил во Фризинголл? Или после, когда я вернулся с Годфри Эблуайтом и его сестрами? Или еще позднее, когда я отдал Рэчел Лунный камень? Или еще позднее, когда приехали гости и мы все уселись за обеденный стол? Память моя очень легко отвечала на все вопросы, пока я не дошел до последнего. Оглядываясь на события, случившиеся за обедом в день рождения, я вдруг стал в тупик. Я не был способен даже точно припомнить число гостей, сидевших за одним столом со мной.

Я решил узнать имена тех лиц, которые присутствовали за обедом, а потом,— чтобы восстановить несостоятельность своей собственной памяти,— обратиться к памяти других гостей, записать все, что они могли припомнить о событиях, случившихся в день рождения, и результат, по-

лученный таким образом, проверить по тем событиям, какие произошли после отъезда гостей.

Составив этот план действия, я должен был прежде всего заручиться полным списком гостей. Его легко можно было получить от Габриэля Беттереджа. Я решил в тот же день вернуться в Йоркшир и начать мое расследование со следующего утра.

Я лишь на несколько минут опоздал к поезду, который уходил из Лондона до полудня. Ничего более не оставалось, как ждать около трех часов следующего поезда. Не мог ли я в Лондоне с пользой употребить этот промежуток времени?

Мысли мои опять упорно вернулись к обеду в день рождения.

Хотя я забыл и число и большую часть имен присутствующих гостей, я припомнил довольно скоро, что почти все они приехали из Фризинголла или его окрестностей. Но «почти все» еще не означало «все». Некоторые из них не были постоянными жителями этого графства. Я сам был одним из таких, мистер Мертуэт был другим, Годфри Эблуййт — третьим, мистер Брефф... нет, я вспомнил, что дела помешали мистеру Бреффу приехать. Не было ли среди дам каких-нибудь постоянных жительниц Лондона? Я припомнил одну только мисс Клак. Однако вот по крайней мере уже трое гостей, с которыми мне полезно было бы повидаться, прежде чем я уеду из Лондона. Не зная их адресов, я тотчас поехал в контору мистера Бреффа, в надежде, что, быть может, он мне поможет отыскать их. Мистер Брефф оказался так занят, что не мог уделить мне более минуты своего драгоценного времени. Но в эту одну минуту он успел, однако, решить — самым неприятным образом — все вопросы, которые я задал ему.

Во-первых, он считал мой новоизобретенный метод отыскать ключ к тайне слишком фантастическим, для того чтобы о нем можно было рассуждать всерьез. Во-вторых, в-третьих и в-четвертых, мистер Мертуэт был сейчас на пути к месту своих прошлых приключений; мисс Клак понесла денежные потери и переселилась, из соображений экономии, во Францию; мистера Годфри Эблуйата, может быть, можно было найти где-нибудь в Лондоне. Не узнат ли мне его адрес в клубе? А теперь, может быть, я извиню мистера Бреффа, если он вернется к своим делам и пожелает мне доброго утра?

Поле розысков в Лондоне теперь так ограничилось, что мне оставалось только узнать адрес Годфри. Я послушал совета стряпчего и поехал в клуб.

В передней я встретил одного из членов клуба, бывшего старым приятелем моего кузена, а также и моим знакомым. Этот джентльмен, сообщив мне адрес Годфри, рассказал о двух недавних происшествиях, случившихся с ним и еще не дошедших до моих ушей, при всей их большой важности для меня.

Оказалось, что, получив от Рэчел отказ, он, вместо того чтобы прийти в отчаяние, вскоре после этого сделал предложение другой молодой девушке, слывшей богатой наследницей. Предложение его было принято, и брак считался делом решенным. Но вдруг помолвка опять внезапно и неожиданно расстроилась, и на этот раз по милости серьезного несогласия в мнениях между женихом и отцом невесты по некоторым пунктам брачного контракта.

Как бы в вознаграждение за эту вторую неудачу, Годфри вскоре после этого получил трогательный и в денежном отношении весьма значительный знак любви и уважения одной из многочисленных своих почитательниц. Богатая пожилая дама, чрезвычайно уважаемая в «Комитете материнского попечительства» и большая приятельница мисс Клак (которой она, кстати сказать, не отказалась ничего, кроме траурного кольца), завещала чудному и достойному мистеру Годфри пять тысяч фунтов. Получив это приятное добавление к своим скромным денежным ресурсам, он, говорят, почувствовал необходимость немного отдохнуть от своих благотворительных трудов и, по предписанию доктора, должен был «отправиться на континент, поскольку это могло принести пользу его здоровью». Если он мне нужен, следовало нанести ему визит, не теряя времени.

Я тотчас отправился к нему.

Но та же роковая судьба, которая заставила меня опоздать на один день к сыщику Каффу, заставила меня опоздать на один день и к Годфри. Он уехал накануне утром в Дувр. Он отправлялся в Остенден, и слуга его думал, что он поедет в Брюссель. Время его возвращения не было установлено, но во всяком случае он пробудет в отсутствии не менее трех месяцев.

Я вернулся к себе, немного упав духом. Трое из гостей, бывших на обеде в день рождения (и все трое исключительно умные люди), были далеко от меня как раз в

то время, когда мне так важно было поговорить с ними. Свои последние надежды я возлагал теперь на Беттереджа и на друзей покойной леди Вериндер, которых я мог еще найти живущими по соседству от поместья Рэчел.

На этот раз я отправился прямо во Фризинголл, так как этот город был теперь центральным пунктом моих розысков. Я приехал вечером — слишком уже поздно, для того чтобы увидеться с Беттереджем. На следующее утро я отправил к нему посыльного с письмом, прося его приехать ко мне в гостиницу так скоро, как только возможно.

Отчасти для того, чтобы сократить время, отчасти для того, чтобы доставить удобство Беттереджу, я предусмотрительно послал своего гонца в наемной карете и мог надеяться, если не случится никаких помех, увидеть старика менее чем через полчаса. А в этот промежуток я решил опросить тех из гостей, присутствовавших на обеде в день рождения, кто был мне лично знаком и находился поблизости. То были мои родственники Эблайты и мистер Канди. Доктор выразил особое желание видеть меня, и жил он на соседней улице. Итак, я прежде всего отправился к мистеру Канди.

После того, что рассказал мне Беттередж, я, естественно, ожидал увидеть на лице доктора следы серьезной болезни, которую он перенес. Но я не был готов к перемене, какую увидел в нем, когда он вошел в комнату и пожал мне руку. Глаза его потускнели, волосы совершенно поседели, лицо покрылось морщинами, спина сгорбилась. Я глядел на прежде подвижного, болтливого, веселого маленького доктора, вспоминал его невинные светские погрешности и бесчисленные шуточки и не находил в нем ничего прежнего, если не считать склонности к смешному щегольству. Человек этот был только обломком былого, но одежда его и украшения (словно в жестокую насмешку над переменой, совершившейся в нем) были так же пестры и ярки, как прежде.

— Я часто думал о вас, мистер Блэк,— сказал он,— и искренне рад наконец снова вас увидеть. Если я смогу сделать что-нибудь для вас, пожалуйста, распоряжайтесь мной, сэр, пожалуйста, распоряжайтесь мной!

Он произносил эти обычные светские любезности с ненужной поспешностью и жаром, проявляя любопытство узнать, что привело меня в Йоркшир, которое совершенно (я сказал бы, по-ребячески) не способен был скрыть.

— Я недавно побывал в Йоркшире и теперь снова явился сюда по делу довольно романтическому,— сказал я.— В этом деле, мистер Канди, все друзья покойной леди Вериндер принимали некоторое участие. Вы помните единственную пропажу индийского алмаза около года назад? Недавно открылись обстоятельства, подающие надежду, что этот алмаз можно отыскать, и я как член семьи принимаю участие в розысках. В числе трудностей, встреченных мной, есть и необходимость снова собрать все показания, какие были собраны раньше, и как можно больше их, если возможно. Некоторые особенности этого дела требуют как можно точнее установить все, что случилось в доме леди Вериндер вечером в день рождения мисс Рэчел. И я осмеливаюсь обратиться к друзьям ее покойной матери, которые присутствовали при этом, помочь мне своими воспоминаниями.

Едва я дошел до этого места, как вдруг остановился, ясно увидев по лицу мистера Канди, что опыт мой совершенно не удался.

Маленький доктор тревожно покусывал кончики своих пальцев все время, пока я говорил. Его тусклые, водянистые глаза были устремлены на мое лицо с таким бес смысленным выражением, которое было очень мучительно видеть. Невозможно было угадать, о чем он думает. Ясно было только одно, что после двух-трех первых слов он перестал меня слушать. Единственная возможность заставить его прийти в себя заключалась в перемене предмета разговора. Я попытался немедленно заговорить о другом.

— Вот что привело меня во Фризинголл! — сказал я весело.— Теперь, мистер Канди, ваша очередь. Вы поручили Габриэлю Беттереджу сообщить мне...

Он перестал кусать пальцы и вдруг повеселел.

— Да, да, да! — восхликал он с жаром.— Вот именно! Я поручил сообщить вам!

— И Беттередж сообщил мне в письме,— продолжал я,— что вы хотели что-то сказать мне, как только я приеду в эти места. Ну, мистер Канди, вот я здесь!

— Вот вы и здесь! — повторил доктор.— И Беттередж был совершенно прав. Я хотел что-то вам сказать. Я дал ему это поручение. Беттередж — человек удивительный. Какая память! В его годы — какая память!

Он опять замолчал и снова начал кусать пальцы. Вспоми-

нив, что я слышал от Беттереджа о последствиях горячки, отразившейся на его памяти, я продолжал разговор, в надежде, что, быть может, помогу маленькому доктору.

— Как давно мы не встречались! — сказал я.— Мы виделись в последний раз на обеде в день рождения Рэчел, последнем званом обеде, который дала моя бедная тетушка.

— Вот именно! — вскричал мистер Канди.— На обеде в день рождения!

Он вскочил с места и посмотрел на меня. Густой румянец вдруг разлился по его поблекшему лицу, и он опять опустился на стул, как бы сознавая, что обнаружил слабость, которую ему хотелось бы скрыть. Больно было видеть, как сознает он недостаток своей памяти и желает скрыть его от внимания своих друзей. До сих пор он возбуждал во мне только сострадание.

Но слова, сказанные им сейчас,— хотя их было немногого,— тотчас возбудили до крайности мое любопытство. Именно об обеде в день рождения думал я, смотря на него со смесью надежды, боязни и доверия. И вдруг оказалось, что об этом обеде мистер Канди хочет сообщить мне что-то важное! Я постарался снова помочь ему. Но на этот раз причиной моего участия были мои собственные интересы, и они заставили меня чересчур поспешить к цели, которую я имел в виду.

— Скоро уже минет год,— сказал я,— как мы сидели за этим приятным столом. Не записано ли у вас — в дневнике или где-нибудь в другом месте — то, что вы хотели мне сказать?

Мистер Канди понял мой намек и дал мне понять, что считает его оскорбительным.

— Мне вовсе не нужно записывать, мистер Блэк,— сказал он довольно холодно.— Я не так стар и на свою память, благодарение богу, еще могу положиться.

Бесполезно говорить, что я сделал вид, будто не понял, что он обиделся на меня.

— Хотел бы я сказать то же самое о своей памяти,— ответил я.— Когда я стараюсь думать о вещах, случившихся год назад, я нахожу свои воспоминания далеко не такими ясными, как мне бы хотелось. Например, обед у леди Вериндер...

Мистер Канди опять развеселился, как только эти слова сорвались с моих губ.

— А! Обед, обед у леди Вериндер! — воскликнул он с

еще большим жаром.— Я должен рассказать вам кое-что об этом обеде.

Глаза его опять устремились на меня с вопросительным выражением, таким жалобным, таким пристальным, таким бессмысленным, что жалко было глядеть. Очевидно, он мучительно и напрасно силился что-то припомнить.

— Обед был очень приятный,— вдруг заговорил он с таким видом, словно это именно и хотел сказать.— Очень приятный обед, мистер Блэк, не правда ли?

Он кивнул головой, улыбнулся и как будто уверовал, бедняжка, что ему удалось этой находчивостью скрыть полную потерю памяти.

Это зрелище было столь прискорбно, что я тотчас же,— хотя и был живо заинтересован в том, чтобы он припомнил обстоятельства обеда,— переменил тему и заговорил о предметах местного интереса.

Тут он начал болтать довольно бегло. Вздорные сплетни и ссоры в городе, случившиеся месяц назад, легко приходили ему на память. Он болтал с говорливостью почти прежних времен, но были минуты, когда даже среди полного полета его красноречия он вдруг колебался, смотрел на меня с минуту с бессмысленным вопросом в глазах, преодолевал себя и опять продолжал. Я терпеливо переносил эту муку (это, конечно, настоящая мука для человека с широкими интересами — слушать молчаливо и безропотно новости провинциального городка), покуда часы на камине не показали мне, что визит мой продолжается более чем полчаса. Имея уже некоторое право считать свою жертву принесенной, я встал проститься. Когда мы пожимали друг другу руки, мистер Канди сам заговорил опять об обеде в день рождения.

— Я так рад, что мы снова встретились,— сказал он.— Я в самом деле собирался поговорить с вами, мистер Блэк, относительно обеда у леди Вериндер — не так ли? Приятнейший обед, действительно приятный обед, вы согласны со мной?

Я медленно спустился с лестницы, убедившись с горечью, что доктор действительно желал что-то сказать чрезвычайно важное для меня, но не в силах был сделать это. Усилие вспомнить, что он желал мне что-то сказать, было, очевидно, единственным усилием, на которое была способна его ослабевшая память.

Когда я спустился с лестницы и повернулся в переднюю,

где-то в нижнем этаже дома тихо отворилась дверь, и кроткий голос сказал позади меня:

— Боюсь, сэр, что вы нашли грустную перемену в мистере Канди.

Я обернулся и очутился лицом к лицу с Эзрой Дженнингсом.

Глава IX

Невозможно было оспаривать мнение Беттереджа о том, что наружность Эзры Дженнингса — с общепринятой точки зрения — говорила против него. Его цыганский вид, впалые щеки с торчащими скулами, необычайные, разноцветные волосы, странное противоречие между его лицом и фигурой, заставлявшее его казаться и старым и молодым одновременно,— все это было более или менее рассчитано на то, чтобы произвести неблагоприятное впечатление при первом знакомстве. И все же, чувствуя все это, я не мог отрицать того, что Эзра Дженнингс какими-то непостижимыми путями возбуждал во мне неодолимую симпатию.

Покуда мой опыт в людях советовал мне признать, что я заметил грустную перемену в мистере Канди, а потом пойти своей дорогой, интерес к Эзре Дженнингсу словно приковал меня к месту и доставил ему случай,— которого он, очевидно, искал,— поговорить со мной наедине о своем хозяине.

— Не по дороге ли нам, мистер Дженнингс? — спросил я, заметив у него в руке шляпу.— Я иду навестить свою тетушку миссис Эблуййт.

Эзра Дженнингс ответил, что идет в ту же сторону, к больному.

Начав разговор о болезни мистера Канди, Эзра Дженнингс, по-видимому, решил предоставить продолжение этого разговора мне. Его молчание говорило ясно: «Теперь очередь за вами». Я тоже имел свои причины вернуться к разговору о болезни доктора и охотно взял на себя ответственность заговорить первым.

— Судя по перемене, которую я в нем нахожу,— начал я,— болезнь мистера Канди была гораздо опаснее, чем я предполагал.

— Почти чудо, что он все-таки поправился,— ответил Эзра Дженнингс.

— Его память всегда в таком состоянии, как сегодня? Он все заговаривал со мной о чем-то...

— ...что случилось перед его болезнью? — договорил он вопросительно, заметив, что я остановился.

— Именно.

— Его память о событиях того времени ослабела безнадежно, — сказал Эзра Дженнингс. — Приходится даже жалеть, что бедняга сохранил еще кое-какие жалкие ее остатки. Смутно припоминая намерения, которые он имел перед болезнью, вещи, которые собирался сделать или сказать, он решительно не в состоянии вспомнить, в чем эти намерения заключались и что он должен был сказать или сделать. Он мучительно сознает потерю памяти и мучается, стараясь, как вы, вероятно, заметили, скрыть от других. Если бы он поправился, совершенно забыв о прошлом, он был бы счастливее. Мы все, может быть, чувствовали бы себя счастливее, — прибавил он с грустной улыбкой, — если бы могли забыть вполне!

— В жизни каждого человека, — возразил я, — наверное, найдутся минуты, с воспоминанием о которых он не захочет расстаться.

— Надеюсь, что это можно сказать о большей части человечества, мистер Блэк. Опасаюсь, однако, что это не будет справедливо в применении ко всем. Есть ли у вас основание предполагать, что воспоминание, которое мистер Канди силялся воскресить в своей памяти во время разговора с вами, имеет для вас серьезное значение?

Говоря это, он по собственному почину коснулся именно того, о чем я хотел с ним посоветоваться. Интерес к этому странному человеку заставил меня под влиянием минутного впечатления дать ему случай разговориться со мной; умалчивая пока обо всем том, что я, со своей стороны, хотел сказать по поводу его патрона, я хотел прежде всего удостовериться, могу ли положиться на его скромность и деликатность. Но и того немногого, что он сказал, было достаточно, чтобы убедить меня, что я имею дело с джентльменом. В нем было то, что я попробую описать здесь как *непринужденное самообладание*, что не в одной только Англии, но во всех цивилизованных странах есть верный признак хорошего воспитания. Какую бы цель ни преследовал он своим последним вопросом, я был уверен, что могу ответить ему до некоторой степени откровенно.

— Думаю, что для меня крайне важно восстановить

обстоятельства, которые мистер Канди не в силах припомнить сам,— сказал я.— Не можете ли вы указать мне какой-нибудь способ, чтобы помочь его памяти?

Эзра Дженнингс взглянул на меня с внезапным интересом участия в задумчивых карих глазах.

— Памяти мистера Канди уже ничем нельзя помочь,— ответил он.— Я столько раз пробовал ей помогать, с тех пор как он выздоровел, что могу это положительно утверждать.

Слова его огорчили меня, и я не скрыл этого.

— Сознаюсь, вы мне подали надежду на более удовлетворительный ответ,— сказал я.

Он улыбнулся:

— Быть может, это ответ не окончательный, мистер Блэк. Быть может, найдется способ восстановить обстоятельства, забытые мистером Канди, не прибегая к его помощи.

— В самом деле? Не будет ли с моей стороны нескромным, если я спрошу — как?

— Ни в коем случае. Единственная трудность ответа на ваш вопрос заключается для меня в самом объяснении. Могу я рассчитывать на ваше терпение, если еще раз вернусь к болезни мистера Канди и, говоря о ней, на этот раз не избавлю вас от некоторых профессиональных подробностей?

— О, пожалуйста! Вы уже заинтересовали меня этими подробностями.

Мое любопытство, казалось, было ему приятно. Он опять улыбнулся. Мы в это время уже оставили за собой последние дома Фризинголла.

Эзра Дженнингс на минуту остановился, чтобы сорвать несколько придорожных полевых цветов.

— Как они хороши,— проговорил он просто, показывая мне свой букетик,— и как мало народа в Англии способно восхищаться ими так, как они того заслуживают!

— Вы не всегда жили в Англии? — спросил я.

— Нет. Я родился и провел детство в одной из наших колоний. Мой отец был англичанином, но моя мать... Мы отдалились от нашей темы, мистер Блэк, и это моя вина. По правде сказать, у меня многое связано с этими скромными маленькими придорожными цветами. Но оставим это. Мы говорили о мистере Канди. Давайте вернемся к мистеру Канди.

Сопоставив несколько слов о самом себе, случайно вырвавшихся у него, с меланхолическим взглядом на жизнь, по которому он считал условием счастья для человечества полное забвение прошлого, я понял, что история, которую я прочитал в его лице, совпадала (по крайней мере, в двух деталях) с его рассказом: он страдал, как мало кто из людей страдает; и он не был чистокровным англичанином.

— Вы, вероятно, слышали о первоначальной причине болезни мистера Канди? — заговорил он опять. — В ночь после званого обеда леди Вериндер шел проливной дождь. Мистер Канди ехал домой в открытом экипаже и промок до костей. Дома его ждал посланный от больного с убедительной просьбой приехать немедленно. К несчастью, он отправился к своему пациенту, не дав себе труда переодеться. Я сам задержался в эту ночь у больного, в некотором расстоянии от Фризинголла. Когда я вернулся на следующее утро, меня уже поджидал у двери перепуганный грум мистера Канди и тотчас повел в комнату своего хозяина. За это время беда уже произошла, болезнь вступила в свои права.

— Мне описали ее только в самых общих чертах, назвав горячкой, — сказал я.

— И я не могу прибавить к этому ничего более точного, — ответил Эзра Дженнингс. — От начала и до конца болезнь не принимала какой-либо определенной формы. Не теряя времени, я послал за двумя медиками, друзьями мистера Канди, чтобы узнать их мнение о болезни. Они согласились со мной, что она серьезна, но относительно лечения наши взгляды резко разошлись. Основываясь на пульсе больного, мы делали совершенно разные заключения. Ускоренное биение пульса побуждало их настаивать на лечении жаропонижающим, как единственном, которого следовало держаться. Я же, со своей стороны, признавая, что пульс ускоренный, указывал на страшную слабость больного, как на признак истощенного состояния организма, а следовательно, и на необходимость прибегнуть к возбуждающим средствам. Оба доктора были того мнения, что следует посадить больного на кашицу, лимонад, ячменный отвар и так далее. Я бы дал ему шампанского или коньяку, амиака и хинина. Важное расхождение во взглядах, как видите, и между кем же? Между двумя медиками, пользующимися общим уважением в городе, и пришельцем, всего лишь помощником доктора! В первые дни мне не

оставалось ничего другого, как покориться воле людей, старше меня по опыту и положению. Между тем сиаг больного все более и более слабели. Я решился вторично указать на ясное, неоспоримо ясное свидетельство пульса. Быстрота его не уменьшилась никаким, а слабость возросла. Доктора оскорбились моим упорством. Они сказали:

«Мистер Дженнингс, или мы лечим больного, или вы. Кто же из нас?»

«Господа,— ответил я,— дайте мне пять минут на размышление, и вы на свой ясный вопрос получите не менее ясный ответ».

По истечении назначенного срока решение мое было принято.

«Вы положительно отказываетесь испробовать лечение возбуждающими средствами?» — спросил я.

Они отказались наотрез.

«Тогда я намерен немедленно приступить к нему, господа».

«Приступайте, мистер Дженнингс, и мы тотчас откажемся от дальнейшего лечения».

Я послал в погреб за бутылкой шампанского и сам дал больному выпить добрых полстакана. Доктора молча взяли свои шляпы и удалились...

— Вы взяли на себя большую ответственность,— заметил я.— Будь я на вашем месте, я, наверное, уклонился бы от нее.

— Будь вы на моем месте, мистер Блэк, вы бы вспомнили, что мистер Канди взял вас к себе в дом при обстоятельствах, которые сделали вас его должником на всю жизнь. На моем месте вы, видя, что силы его падают с каждым часом, решились бы скорее рискнуть всем, чем дать умереть на своих глазах единственному человеку на свете, оказавшему вам поддержку. Не думайте, чтобы я не со знал ужасного положения, в которое себя поставил. Были минуты, когда я до конца чувствовал всю горечь своего одиночества и страшную ответственность, лежащую на мне. Будь я человек счастливый, будь жизнь моя исполнена одного благополучия, кажется, я изнемог бы под бременем обязанности, которую на себя возложил. Но у меня не было счастливого прошлого, на которое я мог бы оглянуться, не было душевного спокойствия, за которое я мог бы опираться, томясь в мучительной неизвестности,— и я мужественно боролся до конца. Для необходимого мне отдыха

я выбирал часок среди дня, когда состояние больного несколько улучшалось. Все же остальное время, пока жизнь его находилась в опасности, я не отходил от его кровати. К заходу солнца, как всегда бывает в подобных случаях, начинался обычный при горячке бред. Он продолжался с перерывами всю ночь и стихал в опасные часы раннего утра, от двух до пяти, когда жизненные силы даже самых здоровых падают до последней степени. В эти часы смерть пожинает наиболее обильную жатву. Тогда я вступил со смертью в борьбу за лежащего на одре больного, отбивая его у нее. Я ни разу не уклонился от принятого мною метода лечения, ради которого рисковал собой. Когда не хватало вина, я переходил к коньяку. Когда другие возбудительные средства утрачивали свое действие, я стал удваивать прием. После длительной неизвестности (которую молю бога не посыпать мне никогда более в жизни) настал день, когда слишком частый пульс постепенно стал становиться реже и ритмичнее. Тогда я понял, что спас его, и сознаюсь — мне изменила моя твердость. Я опустил исхудалую руку бедного больного на постель и зарыдал. Истерический припадок, мистер Блэк, ничего более! Физиология говорит, и говорит справедливо, что некоторые мужчины наделены женской конституцией,— я в их числе!

Это беспощадно трезвое научное оправдание своих слез он высказал тем же спокойным и естественным тоном, каким говорил до сих пор. Голос и манера его от начала до конца изобличали особенное, почти болезненное опасение возбудить к себе участие.

— Вы меня спросите, зачем я докучаю вам этими подробностями,— продолжал он.— Я не вижу другого способа подготовить вас надлежащим образом к тому, что мне предстоит сказать. Теперь вы знаете в точности мое положение во время болезни мистера Канди, и вы тем легче поймете, как остро я нуждался тогда хоть в каком-нибудь отвлечении. Несколько лет назад я начал в свободные часы писать книгу, предназначенную для моих собратьев по профессии,— книгу о сложных проблемах заболеваний мозга и нервной системы. Моя работа, вероятно, никогда не будет закончена и, уж конечно, не будет издана. Тем не менее она мне была другом в долгие одинокие часы; она же помогла мне коротать время — время мучительного ожидания и бездействия — у кровати мистера Канди. Я, кажется, говорил вам, что у него был бред? Я даже

упомянул время, когда он начинается, если не ошибаюсь?

— Да.

— Ну, так я как раз дошел тогда в своей книге до отдела, посвященного именно бреду такого рода. Не стану утруждать вас подробным изложением своей теории по этому вопросу и ограничусь только тем, что для вас представляет интерес в настоящем случае. С тех пор как я практикую, я не раз сомневался, можно ли сделать вывод, что при бреде потеря способности связной речи доказывает потерю способности последовательного мышления. Болезнь бедного мистера Канди давала мне возможность выяснить свои сомнения. Я владею стенографией и легко мог записывать отрывистые фразы больного точь-в-точь так, как он их произносил. Понимаете вы теперь, мистер Блэк, к чему я все это веду?

Я понимал очень ясно и затаив дыхание ожидал, что он скажет далее.

— В разное время и урывками,— продолжал Эзра Дженнингс,— я расшифровал мои стенографические заметки, оставив большие промежутки между отрывистыми фразами и даже отдельными словами, в том же порядке, как их бессвязно произносил мистер Канди. В результате я поступил со всем этим почти так, как поступают дети, играя в кубики. Сначала все представляется хаосом, но стоит только правильно сложить отдельно части — и перед вами законченная и понятная картина. Действуя сообразно с этим планом, я восполнял пробелы между двумя фразами, стараясь угадать мысль больного. Я переправлял и изменял, пока мои вставки не встали на место после слов, сказанных до них, и так же естественно не примкнули к словам, сказанным вслед за ними. Результат показал, что я не напрасно трудился в эти долгие мучительные часы и достиг того, что мне казалось подтверждением моей теории. Проще говоря, когда я связал отрывочные фразы, я убедился, что высшая способность — связного мышления — продолжала свою деятельность у пациента более или менее нормально, в то время как низшая способность — словесного изложения мысли — была почти совершенно расстроена...

— Одно слово! — перебил я его с живостью.— Упоминал ли он в бреду мое имя?

— Вы сейчас услышите, мистер Блэк. Среди моих письменных доказательств вышеприведенного положения —

или, вернее, в письменных опытах, клонящихся к тому, чтобы доказать мое положение,— есть листок, где встречается ваше имя. Почти целую ночь мысли мистера Канди были заняты чем-то общим между вами и им. Я записал бессвязные его слова в том виде, в каком он говорил их, на одном листе бумаги, а на другом — мои собственные соображения, которые придают им связь. Производным от этого, как выражаются в арифметике, оказался ясный отчет: во-первых, о чем-то, сделанном в прошлом; во-вторых, о чем-то, что мистер Канди намеревался сделать в будущем, если бы ему не помешала болезнь. Вопрос теперь в том, представляет ли это или нет то утраченное воспоминание, которое он тщетно силялся уловить, когда вы его навестили сегодня?

— В этом не может быть никакого сомнения! — вскричал я.— Пойдемте тотчас и посмотрим бумаги.

— Невозможно, мистер Блэк.

— Почему?

— Поставьте себя на мое место,— сказал Эзра Дженнингс.— Согласились бы вы открыть другому лицу, что высказал бессознательно во время болезни ваш пациент и беззащитный друг, не удостоверившись сперва, что подобный поступок ваш оправдывается необходимостью?

Хотя я чувствовал, что возражать на это невозможно, я попытался, однако, переубедить его:

— Мой образ действий в таком щекотливом деле зависел бы преимущественно от того, могу я или нет повредить моему другу своей откровенностью.

— Я давно уже отверг всякую необходимость обсуждать эту сторону вопроса,— сказал Эзра Дженнингс.— Те мои записки, которые заключали в себе хоть что-нибудь, что мистер Канди желал бы сохранить в тайне, были давным-давно уничтожены. Рукописные опыты у постели моего друга уже не заключают в себе сейчас ничего, что он не решился бы сообщить другим, если бы к нему вернулась память. А по поводу вас я даже уверен, что в моих записках содержится именно то, что он вам так сильно хочет сейчас сказать.

— И вы все-таки колебаетесь?

— И я все-таки колеблюсь. Вспомните, при каких обстоятельствах я приобрел сведения, которые теперь имею. Как ни безобидны они, я не могу решиться сообщить вам их, пока вы не изложите мне причин, по которым это

следует сделать. Он был так страшно болен, мистер Блэк, совсем беспомощный, целиком в моей власти! Разве это слишком много, если я попрошу вас только намекнуть мне, какого рода интерес связан для вас с утраченным воспоминанием или в чем, полагаете вы, оно состоит?

Отвечать ему с откровенностью, которую вызывала во мне его манера держать себя и говорить, значило бы открыто поставить себя в унизительное положение человека, которого подозревают в краже алмаза. Хотя безотчетная симпатия, которую Эзра Дженнингс вызвал во мне, и стала теперь гораздо сильнее, я все-таки не мог превозмочь своего нежелания рассказать ему о позорном положении, в которое попал. Я опять прибегнул к тем пояснительным фразам, какие имел наготове для удовлетворения любопытства посторонних.

На этот раз я не имел повода жаловаться на недостаток внимания со стороны своего слушателя. Эзра Дженнингс слушал меня терпеливо, даже с тревогой, пока я не закончил рассказа.

— Мне очень жаль, мистер Блэк, что я возбудил в вас надежды только для того, чтобы обмануть их,— сказал он.— Во все время своей болезни, от начала и до конца ее, мистер Канди ни единым словом не упомянул об алмазе. Дело, с которым он связывал ваше имя, не имеет, уверяю вас, никакого возможного отношения к потере или возвращению драгоценного камня мисс Вериндэр.

Пока он это говорил, мы приблизились к месту, где большая дорога, по которой мы шли, разделялась на две ветви. Одна вела к дому мистера Эблуйта, другая — к деревне, лежавшей в низине, милях в двух или трех отсюда. Эзра Дженнингс остановился у поворота к деревне.

— Мне сюда,— сказал он.— Я, право, очень огорчен, мистер Блэк, что не могу быть вам полезен.

Тон его убедил меня в его искренности. Кроткие карие глаза его остановились на мне с выражением грустного сочувствия. Он поклонился и пошел по дороге к деревне, не сказав более ни слова.

С минуту я стоял неподвижно, следя за ним взглядом, пока он уходил от меня все далее и далее, унося с собой все далее и далее то, что я считал возможной разгадкой, которой я доискивался. Пройдя небольшое расстояние, он оглянулся. Увидя меня все на том же месте, где мы расстались, он остановился, как бы спрашивая себя, не желаю

ли я заговорить с ним опять. У меня не было времени рассуждать о своем собственном положении и о том, что я упускаю случай, который может произвести важный поворот в моей жизни,— и все только из-за того, что я не могу поступиться своим самолюбием! Я успел лишь позвать его назад, а потом уже стал раздумывать. Сильно подозреваю, что нет на свете человека опрометчивее меня.

«Теперь уже нечего больше делать,— решил я мысленно.— Мне надо сказать ему всю правду».

Он тотчас повернулся назад. Я пошел к нему навстречу.

— Я был с вами не совсем откровенен, мистер Дженнингс,— начал я.— Интерес к утраченному воспоминанию мистера Канди у меня не связан с розысками Лунного камня. Важное личное дело побудило меня приехать в Йоркшир. Чтобы оправдать недостаток откровенности с вами в этом деле, могу сказать только одно. Мне тяжело — тяжелее, чем я могу это выразить — объяснить кому бы то ни было настояще свое положение.

Эзра Дженнингс взглянул на меня со смущением в первый раз с тех пор, как мы заговорили.

— Я не имею ни права, ни желания, мистер Блэк,— возразил он,— вмешиваться в ваши частные дела. Позвольте мне извиниться, со своей стороны, в том, что я, вовсе не подозревая этого, подверг вас неприятному испытанию.

— Вы имеете полное право ставить условия, на которых находите возможным сообщить мне то, что услышали у одра болезни мистера Канди. Я понимаю и ценю благородство, которое руководит вами. Как могу я ожидать от вас доверия, если сам буду отказывать вам в нем? Вы должны знать и узнаете, почему мне так важно установить, что именно хотел мне сообщить мистер Канди. Если окажется, что я ошибся в своих ожиданиях и вы не вправе будете мне сообщить это, узнав настоящую причину моих розысков, я положусь на вашу честь, что вы сохраните мою тайну. И что-то говорит мне, что доверие мое не будет обмануто.

— Остановитесь, мистер Блэк! Мне еще надо сказать вам два слова, прежде чем я позволю вам продолжать.

Я взглянул на него с изумлением. По-видимому, им овладело внезапно жестокое душевное страдание. Цыганский цвет лица сменился смертельно сероватой бледностью, глаза его вдруг засверкали диким блеском, голос понизился и зазвучал суровой решимостью, которую я услышал у

него впервые. Скрытые силы этого человека (трудно было сказать в ту минуту, к чему они направлены — к добру или ко злу) обнаружились передо мной внезапно, как блеск молнии.

— Прежде чем вы мне окажете какое-либо доверие,— продолжал он,— вам следует знать,— и вы узнаете,— при каких обстоятельствах я был принят в дом мистера Канди. Много времени это не займет. Я не намерен, сэр, рассказывать «историю своей жизни» — как это говорится — кому бы то ни было. Она умрет со мной. Я только прошу позволения сообщить вам то, что сообщил мистеру Канди. Если, выслушав меня, вы не измените своего решения насчет того, что хотели мне сказать, то я весь в вашем распоряжении. Не пройти ли нам дальше?

Сдерживаемая скорбь в его лице заставила меня замолчать. Я жестом ответил на его вопрос, и мы пошли дальше.

Пройдя несколько сот ярдов, Эзра Дженнингс остановился у пролома в стене из серого камня, которая в этом месте отделяла вересковую равнину от дороги.

— Не расположены ли вы немного отдохнуть, мистер Блэк? — спросил он.— Я уже не тот, что был прежде, а есть вещи, которые потрясают меня глубоко.

Я, разумеется, согласился. Он прошел вперед к травяной лужайке среди вереска. Со стороны дороги лужайку заслоняли кусты и чахлые деревья, с другой же стороны отсюда открывался величественный вид на всю обширную пустынную бурую равнину. За последние полчаса небо заволокли тучи. Свет стал сумрачным, горизонт окутался туманом. Краски потухли, и чудесная природа встретила нас кротко, тихо, без малейшей улыбки.

Мы сели молча. Эзра Дженнингс, положив возле себя шляпу, провел рукой по лбу с очевидным утомлением, провел и по необычайным волосам своим, черным и седым вперемежку. Он отбросил от себя свой маленький букет из полевых цветов таким движением, будто воспоминания, с ними связанные, сейчас причиняли ему страдание.

— Мистер Блэк,— сказал он внезапно,— вы в дурном обществе. Гнет ужасного обвинения лежал на мне много лет. Я сразу признаюсь вам в худшем. Перед вами человек, жизнь которого разбита, доброе имя погибло без возврата.

Я хотел было его перебить, но он остановил меня.

— Нет, нет! — вскричал он.— Простите, не теперь еще.

Не выражайте мне сочувствия, в котором впоследствии можете раскаяться. Я упомянул о том обвинении, которое много лет тяготеет на мне. Некоторые обстоятельства, связанные с ним, говорят против меня. Я не могу заставить себя признаться, в чем это обвинение заключается. И я не в состоянии, совершенно не в состоянии доказать мою невиновность. Я только могу утверждать, что я невиновен. Клянусь в том как христианин. Напрасно было бы для меня клясться моей честью.

Он опять остановился. Я взглянул на него, но он не поднимал глаз. Все существо его, казалось, поглощено мучительным воспоминанием и усилием говорить.

— Многое мог бы я сказать,— продолжал он,— о безбожном обращении со мной моих близких и беспощадной вражде, жертвой которой я пал. Но зло сделано и непоправимо. Я не хочу ни докучать вам, сэр, ни расстраивать вас. При начале моей карьеры в этой стране низкая клевета, о которой я упомянул, поразила меня раз и навсегда. Я отказался от всякого успеха в своей профессии — неизвестность осталась мне теперь единственной надеждой на счастье. Я расстался с той, которую любил,— мог ли я осудить ее разделить мой позор? В одном из отдаленных уголков Англии открылось место помощника доктора. Я получил его. Оно мне обещало спокойствие, обещало неизвестность; так думалось мне. Я ошибся. Дурная молва с помощью времени и случая растет, ширится и заходит далеко. Обвинение, от которого я бежал, последовало за мной. Меня предупредили вовремя. Мне удалось уйти с места добровольно, с рекомендациями, мной заслуженными. Они доставили мне другое место, в другом отдаленном уголке. Прошло некоторое время, и клевета, убийственная для моей чести, опять отыскала мое убежище. На этот раз я не был предупрежден. Мой хозяин сказал мне:

«Я ничего не имею против вас, мистер Дженнингс, но вы должны оправдаться или оставить мой дом».

Выбора мне не оставалось. Я должен был уйти. Не к чему распространяться о том, что я вынес после этого. Мне только сорок лет. Посмотрите на мое лицо, и пусть оно вам скажет за меня о пережитых мучительных годах. Судьба наконец привела меня в эти края: мистер Канди нуждался в помощнике. По вопросу о моих способностях я сослался на последнего моего патрона. По вопросу о рекомендациях я рассказал ему то же, что сказал вам,

и еще более. Я предупредил его о тех трудностях, какие возникнут даже в том случае, если он мне поверит. «Здесь, как и везде,— сказал я ему,— я пренебрегаю постыдной уверткой жить под чужим именем; во Фризинголле я ограничен не более, чем в других местах, от тучи, которая преследует меня, куда бы я ни укрылся».

«Я ничего не делаю наполовину,— ответил он мне.— Я верю вам и жалею вас. Если вы готовы пойти на любой риск, то и я готов рисковать с вами».

Господь да благословит его! Он дал мне приют, он мне дал занятие, он доставил мне спокойствие души, и я убежден,— уже несколько месяцев, как это убеждение появилось у меня,— что теперь не случится ничего, что заставило бы его в том раскаиваться.

— Клевета утихла? — спросил я.

— Она деятельнее прежнего. Но, когда она доберется сюда, будет уже поздно.

— Вы уедете заранее?

— Нет, мистер Блэк, меня не будет более в живых. Десять лет я страдаю неизлечимой болезнью. Не скрою от вас, я давно дал бы ей убить себя, если бы не одна последняя связь с жизнью. Я хочу обеспечить особу... очень мне дорогую... которую я никогда не увижу более. То немногое, что мне досталось от родителей, не может спасти ее от зависимости. Надежда прожить столько времени, чтобы довести эту сумму до известной цифры, побуждала меня бороться против болезни облегчающими средствами, какие только я мог придумать. Действительным оказался один опиум. Этому всесильному болеутоляющему я обязан отсрочкой моего смертного приговора на много лет. Но и благодетельные свойства опиума имеют свои границы. Так как болезнь усиливалась, то я незаметно стал злоупотреблять опиумом. Теперь я за это расплачиваюсь. Вся моя нервная система расшатана; ночи мои исполнены жестоких мук. Конец уже недалек. Пусть он приходит: я жил и трудился не напрасно. Небольшая сумма почти собрана, и я имею возможность ее пополнить, если последний запас жизненных сил истощится ранее, чем я предполагаю... Не понимаю сам, почему я рассказываю вам это! Не думаю, что я так низок, что стараюсь возбудить в вас жалость к себе. Быть может, вы скорее поверите мне, если узнаете, что, заговорив с вами, я твердо был уверен в моей скорой смерти. Что вы внущили мне сочувствие, мистер Блэк,

скрывать не хочу. Потеря памяти моего бедного друга послужила мне средством для попытки сблизиться с вами. Я рассчитывал на любопытство, которое могло быть возбуждено в вас тем, что он хотел вам сказать, и на возможность с моей стороны удовлетворить это любопытство. Разве нет для меня извинения, что я навязался вам таким образом? Может быть, и есть. Человек, который жил подобно мне, имеет свои горькие минуты, когда размышляет о человеческой судьбе. У вас молодость, здоровье, богатство, положение в свете, надежды на будущее,— вы и люди, подобные вам, показывают мне солнечную сторону жизни и мирият меня с этим светом, перед тем как я расстанусь с ним навсегда. Чем бы ни кончился наш разговор, я не забуду, что вы оказали мне снисхождение, согласившись на него. Теперь от вас зависит, сэр, сказать мне то, что вы намерены были сказать, или — пожелать мне доброго утра.

У меня был только один ответ на этот призыв. Не колеблясь ни минуты, я рассказал ему все так же откровенно, как высказал на этих страницах.

Он вскочил на ноги и смотрел на меня, едва переводя дыхание от напряженного внимания, когда я дошел до главного места в моем рассказе.

— Нельзя сомневаться, что я вошел в комнату,— говорил я,— нельзя сомневаться, что я взял алмаз. И на эти два неопровергимых факта я могу сказать только, что сделал я это — если сделал! — совершенно бессознательно.

Эзра Дженнингс вдруг схватил меня за руку.

— Стойте! — вскричал он.— Вы мне сказали более, чем предполагаете. Случалось ли вам когда-нибудь принимать опиум?

— Никогда в жизни.

— Не были ли расстроены ваши нервы в прошлом году в это время? Не чувствовали ли вы особенного беспокойства и раздражительности?

— Действительно, чувствовал.

— Вы спали дурно?

— Очень дурно. Много ночей напролет я провел без сна.

— Не была ночь после рождения мисс Вериндер исключением? Постарайтесь припомнить, хорошо ли вы тогда спали.

— Помню очень хорошо. Я спал прекрасно.

Он выпустил мою руку так же внезапно, как взял ее, и взглянул на меня с видом человека, у которого исчезло последнее тяготившее его сомнение.

— Это замечательный день в вашей жизни и в моей! — сказал он с глубоким убеждением.— В одном я совершенно уверен, мистер Блэк: я теперь знаю, что мистер Канди хотел вам сказать сегодня; это находится в моих записках. Подождите, это еще не все. Я твердо уверен, что могу доказать, что вы поступили бессознательно, когда вошли в комнату и взяли алмаз. Дайте мне только время подумать и расспросить вас. Кажется, доказательство вашей невиновности в моих руках!

— Объяснитесь, ради бога! Что вы хотите этим сказать?

Захваченные нашим разговором, мы сделали несколько шагов, сами того не замечая, и оставили за собой чахлые деревья, за которыми нас не было видно. Прежде чем Эзра Дженнингс успел мне ответить, его окликнул с большой дороги человек, сильно взволнованный и, очевидно, его поджидавший.

— Я иду,— крикнул он ему в ответ,— иду сейчас! Очень серьезный больной, меня ждут в деревне,— обратился он ко мне.— Мне бы следовало там быть с полчаса назад; я должен немедленно идти туда. Через два часа приходите опять к мистеру Канди; даю вам слово, что я буду тогда совершенно в вашем распоряжении.

— Как могу я ждать! — воскликнул я нетерпеливо.— Разве не можете вы успокоить меня одним словом перед тем, как мы разойдемся?

— Дело слишком важно, чтобы его можно было пояснить второпях, мистер Блэк. Я не по своей прихоти испытываю ваше терпение; напротив, я сделал бы ожидание только еще тягостнее для вас, если бы попробовал облегчить его теперь. До свидания во Фризинголле, сэр, через два часа!

Человек, стоявший на большой дороге, опять окликнул его. Он поспешно удалился и оставил меня одного.

Глава X

Как томительная неизвестность, на которую я был осужден, подействовала бы на другого на моем месте, сказать не берусь. Двухчасовая пытка ожидания отразилась на

мне следующим образом: я чувствовал себя физически неспособным оставаться на одном месте и нравственно неспособным говорить с кем бы то ни было, пока не узнаю все, что хотел мне сказать Эзра Дженнингс.

В подобном настроении духа я не только раздумал навещать миссис Эблуайт, но не захотел встречаться даже с Габриэлем Беттереджем.

Возвратившись во Фризинголл, я оставил ему записку, в которой сообщал, что неожиданно отозван, но вернусь непременно к трем часам пополудни. Я просил его потребовать себе обед в обычный свой час и чем-нибудь занять до тех пор свое время. В городе у него была пропасть приятелей,— я это знал,— стало быть, ему будет нетрудно чем-нибудь заполнить немногие часы до моего возвращения в отель.

Сделав это, я опять вышел из города и стал блуждать по вересковым равнинам, окружающим Фризинголл, пока часы не сказали мне, что пришло наконец время вернуться в дом мистера Канди.

Эзра Дженнингс уже ожидал меня. Он сидел один в маленькой комнатке, стеклянная дверь из которой вела в аптеку. На стенах, выкрашенных желтой краской, висели цветные диаграммы, изображающие отвратительные опустошения, какие производят различные страшные болезни. Книжный шкаф, наполненный медицинскими сочинениями в потемневших переплетах, на котором вместо обычного бюста красовался череп; большой сосновый стол, весь в чернильных пятнах; деревянные стулья, какие встречаются в кухнях и коттеджах; истертый шерстяной коврик посередине пола; кран для воды с раковиной и водосточной трубой, грубо вделанной в стену, невольно возбуждающий мысль о страшных хирургических операциях,— вот из чего состояла меблировка комнаты. Пчелы жужжали между горшками цветов, выставленными за окно, птицы пели в саду, из соседнего дома иногда долетало слабое бренчание расстроенного фортельяно.

Во всяком другом месте эти обыденные звуки приятно сообщали бы про обыденный мир за стенами; но сюда они вторгались как нарушители тишины, которую ничто, кроме человеческого страдания, не имело права нарушить. Я взглянул на ящик красного дерева с хирургическими инструментами и громадный сверток корпии, которые занимали особые места на полке книжного шкафа, и содрог-

нулся при мысли о звуках, обычных для комнаты Эзры Дженнингса.

— Я не прошу у вас извинения, мистер Блэк, что принимаю вас в этой комнате,— сказал он.— Она единственная во всем доме, где в это время дня мы можем быть уверены, что нас не потревожат. Вот лежат мои бумаги, подготовленные для вас; а тут две книги, к которым мы будем иметь случай обратиться, прежде чем кончим наш разговор. Придвиньтесь к столу и давайте посмотрим все это вместе.

Я придвинул к нему свой стул, и он подал мне записки. Это были два больших листа бумаги. На первом были написаны слова с большими промежутками. Второй был весь исписан сверху донизу черными и красными чернилами. В том тревожном состоянии любопытства, в каком я в эту минуту находился, я с отчаянием отложил в сторону второй лист.

— Сжалитесь надо мной! — вскричал я.— Скажите, чего мне ждать, прежде чем я примусь за чтение?

— Охотно, мистер Блэк! Позволите ли вы мне задать вам два-три вопроса?

— Спрашивайте о чем хотите.

Он взглянул на меня с грустной улыбкой на лице и с теплым участием в своих кротких карих глазах.

— Вы мне уже говорили,— начал он,— что, насколько это вам известно, никогда не брали в рот опиума.

— Насколько это мне известно? — спросил я.

— Вы тотчас поймете, почему я сделал эту оговорку. Пойдем дальше. Вы не помните, чтобы когда-либо принимали опиум. Как раз в это время в прошлом году вы страдали нервным расстройством и дурно спали по ночам. В ночь после дня рождения мисс Вериндер, однако, вы, против обыкновения, спали крепко. Верно ли все то, что я говорю? Можете ли вы указать мне причину вашего нервного расстройства и бессонницы?

— Решительно не могу. Насколько я помню, старик Беттередж утверждает, что знает причину. Но едва ли об этом стоит упоминать.

— Извините меня. Нет вещи, о которой не стоило бы упоминать в деле, подобном этому. Беттередж, говорите вы, чем-то объяснял вашу бессонницу. Чем же именно?

— Тем, что я бросил курить.

— А вы имели эту привычку?

— Имел.

— И вы сразу бросили курить?

— Да, сразу.

— Беттередж был совершенно прав, мистер Блэк. Когда курение входит в привычку, только очень здоровый человек не почувствует некоторого расстройства нервной системы, внезапно бросив курить. По-моему, ваша бессонница этим и объясняется. Мой следующий вопрос относится к мистеру Канди. Не имели ли вы с ним в день рождения или в другое время чего-нибудь вроде спора по поводу его профессии?

Вопрос этот тотчас пробудил во мне смутное воспоминание, связанное со званым обедом в день рождения. Мой нелепый спор с мистером Канди описан гораздо подробнее, чем он того заслуживает, в десятой главе рассказа Беттереджа. Подробности этого спора совершенно изгладились из моей памяти — настолько мало думал я о нем впоследствии. Припомнить и сообщить моему собеседнику я смог лишь то, что за обедом нападал на медицину до того резко и настойчиво, что вывел из терпения даже мистера Канди. Я вспомнил также, что леди Вериндер вмешалась, чтобы положить конец нашему спору, а мы с маленьким доктором помирились, как говорят дети, и были опять друзьями, когда пожимали друг другу руки на прощание.

— Есть еще одна вещь, которую мне было бы очень важно узнать, — сказал Эзра Дженнингс. — Не имели ли вы повода беспокоиться насчет Лунного камня в это время в прошлом году?

— Сильнейший повод. Я знал, что его хотят похитить любой ценой, и меня предупредили, чтобы я принял меры к охране мисс Вериндер, которой он принадлежал.

— Перед тем как вы отправились в этот вечер спать, не говорили ли вы с кем-нибудь о том, как лучше уберечь алмаз?

— Леди Вериндер говорила об этом со своей дочерью...

— В вашем присутствии?

— В моем присутствии.

Эзра Дженнингс взял со стола свои записки и подал их мне.

— Мистер Блэк, — сказал он, — если вы прочитаете сейчас мои записки в свете заданных мной вопросов и ваших ответов, вы сделаете два удивительных открытия, касающихся вас. Вы узнаете, во-первых, что вошли в го-

стиную мисс Вериндер и взяли алмаз в состоянии бессознательном, произведенном опиумом; во-вторых, что опиум дан был вам мистером Канди — без вашего ведома,— для того, чтобы на опыте опровергнуть мысль, выраженную вами за званым обедом в день рождения мисс Рэчел.

Я сидел с листами в руках в совершенном остоубенении.

— Простите бедному мистеру Канди,— кротко сказал Дженнингс.— Он причинил страшный вред, я этого не отрицаю, но сделал он это без умысла. Просмотрите мои записки, и вы увидите, что, не помешай ему болезнь, он приехал бы к леди Вериндер на следующее утро и сознался бы в сыгранной с вами шутке. Мисс Вериндер, конечно, услышала бы об этом; она его расспросила бы, и, таким образом, истина, скрытая целый год, была бы обнаружена в один день.

— Я не могу сердиться на мистера Канди в его теперешнем состоянии! — сказал я сердито.— Но шутка, которую он со мной сыграл, тем не менее — поступок вероломный. Я могу ее простить, но забыть — никогда!

— Нет врача, мистер Блэк, который в течение своей медицинской практики не совершил бы подобного вероломства. Невежественное недоверие к опиуму в Англии распространено не только среди низших и малообразованных классов. Каждый врач со сколько-нибудь широкой практикой бывает вынужден время от времени обманывать своих пациентов, как мистер Канди обманул вас. Я не оправдываю злой шутки, сыгранной с вами. Я только излагаю вам более точный снисходительный взгляд на побудительные причины.

— Но как это было выполнено? — спросил я.— Кто дал мне опиум без моего ведома?

— Не знаю. Об этом мистер Канди за всю свою болезнь не намекнул ни единственным словом. Может быть, ваша собственная память подскажет вам, кого надо подозревать?

— Нет.

— В таком случае, бесполезно ломать над этим голову. Опиум вам дали украдкой тем или другим способом. А теперь оставим это и поговорим об обстоятельствах, более значительных в настоящем случае. Прочтите мои записки, если можете. Освойтесь с мыслью о том, что случилось в прошлом. Я намерен предложить вам нечто крайне смелое и неожиданное в отношении будущего.

Последние его слова пробудили во мне энергию.

Я просмотрел листы в том порядке, в каком Эзра Дженнингс дал мне их в руки. Лист, менее исписанный, лежал сверху. На него были занесены бессвязные слова и отрывки фраз, сорвавшиеся с губ мистера Канди во время бреда:

«...Мистер Фрэнклин Блэк... и приятен... поубавить спеси... медицине... сознается... бессонницей... ему говорю... расстроены... лечиться... мне говорит... ощупью идти впотьмах... одно и то же... в присутствии всех за обеденным столом... говорю... ищете сна ощупью впотьмах... говорит... слепец водит слепца... знает, что это значит... Остроумно... проспать одну ночь наперекор острому его языку... аптечка леди Вериндер... двадцать пять гран... без его ведома... следующее утро... Ну что, мистер Блэк... принять лекарства сегодня... никогда не избавитесь... Ошибаетесь, мистер Канди... отлично... без вашего... поразить... истины... спали отлично... приема лауданума, сэр... перед тем... легли... что... теперь... медицине».

Вот все, что было написано на первом листе. Я его вернул Эзре Дженнингсу.

— Это то, что вы слышали у кровати больного? — сказал я.

— Слово в слово то, что я слышал,— ответил он,— только я выпустил повторение одних и тех же слов, когда переписывал мои стенографические отметки. Некоторые фразы и слова он повторял десятки раз, иногда раз до пятидесяти, смотря по тому, какое значение приписывал мысли, ими выражаемой. Повторения в этом смысле служили мне некоторым пособием для восстановления связи между обрывками фраз. Я, конечно, не утверждаю,— прибавил он, указывая на второй лист,— чтобы сумел воспроизвести те самые выражения, которые употребил бы сам мистер Канди, будь он в состоянии говорить связно. Я только утверждаю, что проник сквозь преграду бессвязного изложения к постоянной и последовательной основной мысли. Судите сами.

Я обратился ко второму листу, который оказался ключом к первому. Бред мистера Канди был тут записан черными чернилами, а восстановленное его помощником — красными чернилами.

Я переписываю то и другое подряд, поскольку и бред и его пояснение находятся на этих страницах довольно близко один от другого — так, чтобы их легко можно было сличить и проверить.

«...Мистер Фрэнклин Блэк умен и приятен, но ему было следовало поубавить спеси, когда он рассуждает о медицине. Он сознается, что страдает бессонницей. Я ему говорю, что его нервы расстроены и что ему надо лечиться. Он мне говорит, что лечиться и ощупью идти впотьмах — одно и то же. И это он сказал в присутствии всех за обеденным столом. Я ему говорю: вы ищете сна ощупью впотьмах, и ничто, кроме лекарства, не сможет вам помочь найти его. На это он мне говорит, что слышал, как слепец водит слепца, а теперь знает, что это значит. Остроумно, но я могу заставить его проспать одну ночь наперекор острому его языку. Он действительно нуждается в сне, и аптечка леди Вериндер в моем распоряжении. Дать ему двадцать пять гран лауданума к ночи, без его ведома, и приехать на следующее утро. «Ну что, мистер Блэк, не согласитесь ли вы принять лекарство сегодня? Без него вы никогда не избавитесь от бессонницы».— «Ошибкаешься, мистер Канди, я спал отлично эту ночь без вашего лекарства».— Тогда поразить его объявлением истины: «Вы спали отлично эту ночь благодаря приему лауданума, сэр, данного вам перед тем, как вы легли. Что вы теперь скажете о медицине?»

Восхищение перед находчивостью, с которой Эзра Дженнингс сумел из страшной путаницы восстановить гладкую и связную речь, было, естественно, первым моим впечатлением, когда я возвратил ему листок. Со свойственной ему скромностью он прервал меня вопросом, согласен ли я с выводом, сделанным из его записок.

— Полагаете ли вы, как полагаю и я,— сказал он,— что вы действовали под влиянием лауданума, делая все, что сделали в доме леди Вериндер в ночь после дня рождения ее дочери?

— Я имею слишком мало понятия о действии лауданума, чтобы составить себе собственное мнение,— ответил я.— Могу только положиться на ваше мнение, чувствуя внутренним убеждением, что вы правы.

— Очень хорошо. Теперь возникает следующий вопрос: вы убеждены и я убежден, но как нам передать это убеждение другим?

Я указал на листы, лежавшие на столе перед нами.

Эзра Дженнингс покачал головой:

— Они бесполезны, мистер Блэк, совершенно бесполезны по трем неопровергимым основаниям. Во-первых,

эти записки составлены при обстоятельствах, совсем новых для большей части людей. Одно уже это говорит против них. Во-вторых, в этих записках изложена новая в медицине и еще не проверенная теория. И это тоже говорит против них! В-третьих, эти записки — мои; кроме моего уверения, нет никакого доказательства, что они не подделка. Припомните, что я вам говорил на лужайке, и спросите себя: какой вес могут иметь мои слова? Нет, с точки зрения света, записки мои не имеют никакой ценности, но они указывают способ, каким может быть доказана ваша невиновность, а она должна быть доказана! Мы обязаны обосновать наше убеждение фактами, и я считаю вас способным это выполнить.

— Каким образом? — спросил я.

Он наклонился ко мне через стол:

— Решитесь ли вы на смелый опыт?

— Я готов на все, чтобы снять лежащее на мне подозрение!

— Согласитесь ли вы подвергнуться некоторому временному неудобству?

— Какому бы то ни было, мне все равно!

— Будете ли вы безусловно следовать моим советам? Это может повести к насмешкам над вами глупцов, к уверениям друзей, мнение которых вы обязаны уважать.

— Говорите, что надо делать, — перебил я его нетерпеливо, — и, будь что будет, я это выполню.

— Вот что вы должны сделать, мистер Блэк, — ответил он. — Вы должны украсть Лунный камень бессознательно во второй раз, в присутствии людей, свидетельство которых не может быть подвергнуто сомнению.

Я вскочил. Я пытался заговорить... Я мог только смотреть на него.

— Думаю, что это можно сделать, — продолжал он, — и это будет сделано, если только вы захотите мне помочь. Постарайтесь успокоиться. Сядьте и выслушайте, что я вам скажу. Вы опять начали курить, я сам это видел. Давно ли это случилось?

— Около года назад.

— Вы курите сейчас больше или меньше прежнего?

— Больше.

— Бросите ли вы опять эту привычку? Внезапно, заметьте, как вы бросили тогда?

Я смутно начал понимать его цель.

— Брошу с этой же минуты,— ответил я.

— Если последствия будут такие же, как в июне прошлого года,— сказал Эзра Дженнингс,— если вы опять будете страдать от бессонницы, мы сделаем первый шаг. Мы опять доведем вас до того нервного состояния, в каком вы находились в ночь после дня рождения. Если мы сможем восстановить хотя бы приблизительно обстановку, окружавшую вас тогда, если мы сможем опять занять ваши мысли различными вопросами, связанными с алмазом, которые прежде волновали вас, мы поставим вас физически и морально так близко, как только возможно, в то самое положение, в каком вы приняли опиум в прошлом году. И в этом случае мы можем надеяться, что повторение приема опиума поведет в большей или меньшей степени к повторению результата первого приема. Вот, коротко говоря, мое предложение. А теперь я объясню вам, почему считаю такой опыт возможным.

Он повернулся к книге, лежавшей возле него, и раскрыл ее на месте, которое было заложено бумажкой.

— Не думайте, что я намерен докучать вам лекцией о физиологии,— сказал он.— Я считаю своим долгом доказать, что прошу вас рискнуть на этот опыт не для того, чтобы оправдать какую-то мою теорию. У законенные принципы и признанные авторитеты подтверждают мою точку зрения. Удостойте меня своим вниманием минут на пять, и я берусь доказать вам, что предложение, каким бы странным оно ни казалось, основано на научных данных. Вот, во-первых, физиологический принцип, на который я рассчитываю, изложенный знаменитым доктором Карпентером. Прочтите сами.

Он подал мне бумажку, лежавшую как закладка в книге. На ней были написаны следующие строки:

«Есть много оснований думать, что каждое чувственное впечатление, однажды воспринятое сознанием, регистрируется, так сказать, в нашем мозгу и может быть воспроизведено впоследствии, хотя бы мы не сознавали его за весь данный период».

— Пока все ясно, не так ли? — спросил Эзра Дженнингс.

— Совершенно ясно.

Он придинул ко мне через стол открытую книгу и указал на место, отмеченное карандашом.

— Прочтите это описание,— сказал он,— имеющее, как

мне кажется, прямое отношение к вашему положению и к тому опыту, на который я уговариваю вас решиться. Заметьте, мистер Блэк, прежде чем начнете читать, что я ссылаюсь на одного из величайших английских физиологов. Книга в ваших руках — это «Физиология человека» доктора Эллиотсона, а случай, на который ссылается доктор, сообщен известным авторитетом мистером Комба.

Абзац, на который он указывал, заключал в себе следующее:

«Доктор Эйба сообщил мне,— говорит мистер Комб,— об одном ирландском носильщике, который в трезвом виде забывал, что он делал, когда бывал пьян, но, напившись, вспоминал о поступках, сделанных прежде в пьяном виде. Однажды, будучи пьян, он потерял довольно ценный сверток и в трезвые минуты не мог дать никаких объяснений об этом. В следующий раз, когда он напился, он вспомнил, что оставил сверток в одном доме, и так как на нем не было адреса, то он и оставался там в целости, и носильщик получил его, когда сходил за ним».

— Снова все ясно? — спросил Эзра Дженнингс.

— Как нельзя более ясно.

Он положил бумажку на прежнее место и закрыл книгу.

— Удостоверились вы теперь, что я говорил, опираясь на авторитеты? — спросил он.— Если нет, мне стоит только обратиться к этим полкам, а вам прочесть места, на которые я вам укажу, и вы окончательно убедитесь.

— Я вполне удовлетворен, не читая больше ни слова.

— В таком случае, мы можем вернуться к вашим личным интересам в этом деле. Я обязан сказать вам, что против этого опыта можно кое-что возразить. Если бы мы могли в этом году воспроизвести точь-в-точь такие условия, какие существовали в прошлом, то, несомненно, мы достигли бы точно такого же результата. Но это просто невозможно. Мы можем лишь надеяться приблизиться к этим условиям, и, если мы не сумеем вернуть вас как можно ближе к прошлому, опыт наш не удастся. Если сумеем,— а я надеюсь на успех,— мы сможем по крайней мере увидеть повторение всего сделанного вами в ночь после дня рождения мисс Рэчел,— и это должно будет убедить всякого здравомыслящего человека в том, что вы невиновны в сознательном похищении алмаза. Я полагаю, мистер Блэк, что осветил теперь обе стороны с полной беспристрастно-

стью. Если для вас что-нибудь неясно, скажите мне, и я постараюсь вам это разъяснить.

— Все, что вы объяснили мне,— сказал я,— я понял прекрасно. Но признаюсь, кое-что приводит меня в недоумение.

— Что именно?

— Я не понимаю действия опиума на меня. Я не понимаю, как я шел с лестницы и по коридорам, отворял и затворял ящики в шкафу и опять вернулся в свою комнату. Все это поступки активные. Я думал, что опиум приводит сначала в отупение, а потом нагоняет сон!

— Всеобщее заблуждение относительно опиума, мистер Блэк! В эту минуту я изошарю свой ум под влиянием приема лауданума, который в десять раз сильнее дозы, данной вам мистером Канди. Но не полагайтесь на мой авторитет даже тогда, когда я говорю на основании личного опыта. Я предвидел возражение, сделанное вами, и опять заручился свидетельством, которое будет иметь вес и в ваших глазах и в глазах ваших друзей.

Он подал мне вторую из двух книг, лежавших возле него на столе.

— Вот,— сказал он,— знаменитые «Признания англичанина, принимавшего опиум». Возьмите с собой эту книгу и прочтите ее. В отрывке, отмеченном мной, говорится, что, когда де Кушки принимал огромную дозу опиума, он или отправлялся в оперу наслаждаться музыкой, или бродил по лондонским рынкам в субботу вечером и с интересом наблюдал старания бедняков добыть себе воскресный обед. Таким образом, человек, находящийся под влиянием опиума, может совершать активные поступки и переходить с места на место.

— Вы мне ответили,— сказал я,— но не совсем: вы еще не разъяснили мне действия, произведенного опиумом на меня.

— Я постараюсь ответить вам в нескольких словах,— сказал Эзра Дженнингс.— Действие опиума бывает в большинстве случаев двояким: сначала возбуждающим, потом успокаивающим. При возбуждающем действии самые последние и наиболее яркие впечатления, оставленные в вашем сознании,— а именно впечатления, относившиеся к алмазу,— наверное, при болезненно-чувствительном нервном состоянии вашем подчинили себе ваш рассудок и вашу волю подобно тому, как подчиняет себе ваш рассудок

и вашу волю обыкновенный сон. Мало-помалу под этим влиянием все опасения за целость алмаза, которые вы могли испытывать днем, должны были перейти из состояния сомнения в состояние уверенности, должны были побудить вас к практическому намерению уберечь алмаз, направить ваши шаги с этой целью в ту комнату, в которую вы вошли, и руководить вашей рукой до тех пор, пока вы не нашли в шкафчике тот ящик, в котором лежал камень. Вы сделали все опьяненный опиумом. Позднее, когда успокаивающее действие начало преобладать над действием возбуждающим, вы постепенно становились все более вялым и наконец впали в оцепенение. За этим последовал глубокий сон. Когда настало утро и действие опиума окончилось, вы проснулись в таком совершенном неведении относительно того, что делали ночью, как будто свалились с луны. Ясно ли вам все это?

— До такой степени ясно,— ответил я,— что я желаю, чтобы вы шли далее. Вы показали мне, как я вошел в комнату и как взял алмаз. Но мисс Вериндер видела, как я снова вышел из комнаты с алмазом в руке. Можете вы проследить за моими поступками с этой минуты? Можете вы угадать, что я сделал потом?

— Я перехожу именно к этому пункту,— ответил он.— Я надеюсь, что опыт, предлагаемый мной, не только докажет вашу невиновность, но также поможет найти пропавший алмаз. Когда вы вышли из гостиной мисс Вериндер с алмазом в руке, вы, по всей вероятности, вернулись в вашу комнату...

— Да! И что же тогда?

— Возможно, мистер Блэк,— не берусь утверждать на-верное,— что ваша мысль уберечь алмаз привела естественным образом к намерению спрятать алмаз и что вы спрятали его где-нибудь в своей спальне. В таком случае, с вами может произойти то же, что и с ирландским носильщиком. После второго приема опиума вы, может быть, вспомните то место, куда вы спрятали алмаз под влиянием первой дозы.

Тут пришла моя очередь сообщить Эзре Дженнингсу кое-что новое. Я остановил его, прежде чем он успел продолжить свою речь:

— Последнее невозможно: алмаз находится в эту минуту в Лондоне.

Он посмотрел на меня с большим удивлением:

— В Лондоне? — повторил он.— Как он попал в Лондон из дома леди Вериндер?

— Этого не знает никто.

— Вы его вынесли своими собственными руками из комнаты мисс Вериндер. Как он был взят от вас?

— Не имею ни малейшего понятия об этом.

— Вы видели его, когда проснулись утром?

— Нет.

— Был он опять возвращен мисс Вериндер?

— Нет.

— Мистер Блэк! Тут есть кое-что, требующее разъяснения. Могу я спросить, каким образом вам известно, что алмаз находится в эту минуту в Лондоне?

Я задал тот же вопрос мистеру Бреффу, когда спрашивал его о Лунном камне по возвращении в Лондон. Отвечая Эзре Дженнингсу, я повторил то, что сам слышал от стряпчего и что уже известно читателям этих страниц. Он ясно показал, что мой ответ его не удовлетворяет.

— При всем уважении к вам и вашему стряпчemu,— сказал он,— я держусь моего первого мнения. Мне хорошо известно, что основывается оно только на предположении. Но простите, если я напомню вам, что и ваше мнение основано лишь на предположении.

Его точка зрения была совершенно нова для меня. Я ждал с беспокойством, как он будет защищать его.

— Я предполагаю,— продолжал Эзра Дженнингс,— что под влиянием опиума вы взяли алмаз, чтобы спрятать его в безопасном месте; под этим же влиянием вы могли спрятать его где-нибудь в вашей комнате. Вы предполагаете, что индусы не могли ошибиться. Они отправились в дом Люкера за алмазом — следовательно, алмаз должен находиться у мистера Люкера. Имеете вы какие-нибудь доказательства, что Лунный камень был отвезен в Лондон? Вы ведь не в силах даже угадать, как и кто увез его из дома леди Вериндер. Имеете вы улики, что алмаз был заложен Люкеру? Он уверяет, что никогда не слыхал о Лунном камне, а в расписке его банкира упоминается только о драгоценности. Индусы предполагают, что мистер Люкер лжет,— и вы опять-таки предполагаете, что индусы правы. Могу сказать в защиту своего мнения только то, что оно возможно. Что же вы, мистер Блэк, рассуждая логически или юридически, можете сказать в защиту вашего?

Сказано было резко, но нельзя было отрицать, что сказано было справедливо.

— Признаюсь, вы поколебали меня,— отвечал я.— Вы разрешаете мне написать мистеру Бреффу о том, что я услышал от вас?

— Наоборот, я буду рад, если вы напишете мистеру Бреффу. Посоветовавшись со столь опытным человеком, мы, может быть, увидим это дело в новом свете. Пока же вернемся к нашему опыту с опиумом. Решено, что вы бросаете курить тотчас же?

— Тотчас же.

— Это первый шаг. Следующий шаг должен состоять в том, чтобы воспроизвести, насколько возможно точно, обстановку, окружавшую вас в прошлом году.

Как это можно было сделать? Леди Вериндер умерла. Рэчел и я, пока на мне лежало подозрение в воровстве, были разлучены безвозвратно. Годфри Эблайт путешествовал по континенту. Просто невозможно было собрать людей, находившихся в доме, когда я ночевал в нем последний раз.

Эти возражения не смущили Эзру Дженнингса. Он сказал, что приписывает весьма мало значения тому, чтобы собрать тех же самых людей, так как было бы напрасно ожидать, чтобы они заняли то же положение относительно меня, какое занимали тогда.

С другой стороны, он считал необходимым для успеха опыта, чтобы я видел те же самые предметы около себя, которые окружали меня, когда я последний раз был в доме.

— А важнее всего,— прибавил он,— чтобы вы спали в той же комнате, в которой спали в ночь после дня рождения, и меблирована она должна быть точно таким же образом. Лестницы, коридоры и гостиная мисс Вериндер также должны быть восстановлены в том виде, в каком вы видели их последний раз. Решительно необходимо, мистер Блэк, поставить мебель на те же места в этой части дома, откуда, может быть, теперь ее вынесли. Вам незачем будет жертвовать вашими сигарами, если мы не получим позволения мисс Вериндер произвести соответствующую перестановку в ее доме.

— Кто обратится к ней за этим позволением? — спросил я.

— Нельзя обратиться вам?

— Об этом не может быть и речи. После того, что

произошло между нами из-за пропажи алмаза, я не могу ни видеться с нею, ни писать ей.

Эзра Дженнингс умолк и на минуту задумался.

— Могу я задать вам деликатный вопрос? — спросил он. (Я кивнул.) — Правильно ли я заключил по двум-трем вырвавшимся у вас фразам, что в прежнее время вы испытывали к мисс Вериндер не совсем обычный интерес?

— Совершенно правильно.

— Платили вам взаимностью?

— Платили.

— Как вы думаете, заинтересуется ли мисс Вериндер опытом, могущим доказать вашу невиновность?

— Я в этом уверен.

— В таком случае, я сам напишу мисс Вериндер, если вы дадите мне позволение.

— И расскажете ей о предложении, которое сделали мне?

— Расскажу ей все, что произошло между нами сегодня.

Излишне говорить, что я с жаром принял услугу, которую он мне предлагал.

— Я еще успею написать с сегодняшней почтой, — сказал он, взглянув на часы. — Не забудьте запереть ваши сигары, когда вернетесь в гостиницу! Я зайду завтра утром узнать, как вы провели ночь.

Я встал, чтобы проститься с ним; я старался выразить свою глубокую признательность за доброту его. Он тихо пожал мне руку.

— Помните, что я сказал вам на вересковой равнине, — ответил он. — Если я смогу оказать вам эту маленькую услугу, мистер Блэк, мне покажется это последним проблеском солнечного света, падающим на вечер длинного и сумрачного дня.

Мы расстались. Это было пятнадцатого июня. События последующих десяти дней (каждое из них более или менее относится к опыту, в котором я был пассивным участником) записаны, слово в слово, как они случились, в дневнике помощника мистера Канди. На его страницах ничто не утаено и ничего не забыто. Пусть Эзра Дженнингс расскажет, как был сделан опыт с опиумом и чем он кончился.

ЧЕТВЕРТЫЙ РАССКАЗ, выписанный из дневника Эзры Дженнингса

1849, июня 15. Хотя меня прерывали мои больные и моя боль, я кончил письмо мисс Вериндер и успел отослать его с сегодняшней почтой. Мне не удалось написать так коротко, как я того желал бы. Но мне кажется, я написал ясно. Письмо предоставляет ей совершенную свободу решить так, как пожелает она сама. Если она согласится содействовать опыту, она согласится добровольно, а не из милости к мистеру Фрэнклину Блэку или ко мне.

Июня 16. Встал поздно после ужасной ночи: после вчерашнего приема опиума меня мучили кошмары. То я кружился в пустом пространстве, окруженный призраками друзей и врагов, то любимое лицо, которое я никогда не увижу, вставало над моей постелью, фосфоресцируя в черноте ночи, гримасничая и усмехаясь мне. Легкий приступ

обычной боли в обычное время, рано утром, был даже приятен мне, как перемена. Боль разогнала видения и была вполне терпима.

После дурно проведенной ночи я поздно встал и поэтому опоздал к мистеру Фрэнклину Блэку. Я нашел его лежащим на диване; он пил коньяк с водой и грыз сухарики.

— Я начинаю так хорошо, как только можно пожелать,— сказал он.— Тяжелая, беспокойная ночь; полное отсутствие аппетита сегодня утром. Точь-в-точь так, как случилось в прошлом году, когда я бросил курить. Чем скорее я буду готов для второго приема опиума, тем будет мне приятнее.

— Вы получите его так скоро, как только возможно,— сказал я.— А пока мы должны всеми силами беречь ваше здоровье. Если ваши силы будут подорваны, из опыта ничего не выйдет. Попробуйте нагулять себе аппетит: покатайтесь верхом перед завтраком или просто погуляйте на свежем воздухе.

Я расстался с мистером Блэком — мне пора было совершать обход своих больных, но и после этого краткого свидания с ним я почувствовал себя лучше и счастливее.

В чем тайна привлекательности этого человека? Или это только значит, что я чувствую разницу между чистосердечной любезностью, с какой он позволил мне завязать с ним знакомство, и безжалостным отвращением и недоверием, с каким относятся ко мне другие люди? Или есть в нем действительно что-то отвечающее стремлению моему к человеческому сочувствию — стремлению, пережившему одиночество и гонение многих лет и делающемуся все сильнее и сильнее, по мере того как приближается время, когда я перестану и чувствовать и терпеть? Как бесполезны эти вопросы! Мистер Блэк пробудил во мне новый интерес к жизни. Пусть будет довольно этого; к чему стараться понять, в чем состоит этот новый интерес?

Июня 17. Сегодня утром перед завтраком мистер Канди сообщил мне, что уезжает на две недели погостить у своего друга на юге Англии. Он дал мне много специальных наставлений, бедняга, по поводу больных, как будто имел еще большую практику, бывшую у него до болезни.

После отъезда мистера Канди почта принесла мне ответ мисс Вериндер.

Очаровательное письмо! Оно внушило мне самое вы-

сокое мнение о ней. Она не старается скрыть интереса, который чувствует к нашему опыту, она говорит самым милым образом, что мое письмо убедило ее в невиновности мистера Блэка без малейшей надобности еще и доказывать это. Она даже упрекает себя — весьма неосновательно, бедняжка! — в том, что в свое время не разгадала тайны. Причина всех этих уверений кроется, очевидно, не только в великодушном желании поскорее загладить несправедливость, которую она невольно нанесла другому человеку. Ясно, что она не переставала его любить и за все время их отчуждения. Во многих местах письма ее радость, что он заслуживает быть любимым, прорывается самым невинным образом сквозь принятые условности, вопреки сдержанности, какая требуется в письме к постороннему лицу. Возможно ли (спрашиваю я себя, читая это восхитительное письмо), что из всех людей на свете именно я предназначен послужить средством к тому, чтобы опять соединить этих молодых людей? Мое счастье было растоптано, любовь моя похищена. Неужели я доживу до того, чтобы видеть счастье других людей, устроенное моими руками, их возрожденную любовь?

В письме заключались две просьбы. Первая из них — не показывать это письмо мистеру Фрэнклину Блэку. Я имею право сказать ему только, что мисс Вериндер охотно отдает свой дом в полное наше распоряжение; но не более этого.

Эту просьбу исполнить легко. Однако вторая ее просьба причиняет мне серьезные затруднения.

Мисс Вериндер, не довольствуясь указанием, данным мистеру Беттереджу о том, чтобы он исполнял все мои распоряжения, просит дозволения помочь мне личным своим наблюдением над тем, как будет приведена в прежний свой вид ее гостиная. Она ждет только ответа от меня, чтобы отправиться в Йоркшир и присутствовать в качестве одного из свидетелей в ночь, когда эксперимент с опиумом будет проделан во второй раз.

Здесь опять кроется какая-то причина, и мне кажется — я могу ее угадать.

То, что она запретила мне говорить мистеру Фрэнклину Блэку, она,— так я объясняю себе это,— с нетерпением желает сказать ему сама прежде, чем будет сделан опыт, который должен восстановить его репутацию в глазах других людей. Я понимаю и восхищаюсь великодушным желанием поскорее оправдать его, не ожидая, будет ли или

не будет доказана его невиновность. Она хочет, бедняжка, загладить нанесенную ему обиду. Но этого сделать нельзя. У меня нет ни тени сомнения, что обоюдное волнение, возбужденное встречей, старые чувства, которые она пробудит, новые надежды, которые возродит, в своем действии на мозг мистера Блэка будут гибельны для успеха нашего опыта. Уже и сейчас довольно трудно воспроизвести в нем те же настроения, какие владели им в прошлом году. Если же новые интересы и новые ощущения взволнуют его, попытка будет просто бесплодна.

А между тем, хотя я и знаю это, у меня недостает духа причинить ей разочарование. Я должен постараться придумать какой-нибудь выход, который позволил бы мне сказать «да» мисс Вериндер, не лишая себя возможности оказать услугу мистеру Фрэнклину Блэку.

Два часа. Только что вернулся с обхода больных, разумеется побывав прежде в гостинице.

Эту ночь мистер Блэк, по его словам, провел так же, как и предыдущую. Он то и дело просыпался, однако чувствует себя сегодня лучше, потому что спал вчера после обеда. Этот послеобеденный сон, без сомнения, был результатом прогулки верхом, которую я ему посоветовал. Боюсь, что должен прекратить этот живительный мотив на свежем воздухе. Ему не следует быть вполне здоровым, как не следует быть и совсем больным.

Он еще не получил известий от мистера Бреффа. Он с нетерпением хотел узнать, не получил ли я ответа от мисс Вериндер.

Я рассказал ему только то, что мне было разрешено, и не более. Совершенно бесполезно придумывать предлоги, чтобы не показать ему это письмо. Он сказал мне с горечью — бедняжка! — что понимает деликатность, мешающую мне показать письмо.

— Она соглашается, разумеется, из вежливости и чувства справедливости, — сказал он. — Но она остается при своем мнении обо мне и ждет результата.

Мне очень хотелось намекнуть ему, что он сейчас так же несправедлив к ней, как она была несправедлива к нему. Но, поразмыслив, я не захотел лишить ее двойного наслаждения — удивить и простить его.

Посещение мое было очень коротким. После вчерашней ночи я вынужден был отказаться от приема опиума. И конечно, опять начались мучительные боли. Я почув-

ствовал приближение припадка и поспешил ушел, чтобы не испугать и не огорчить мистера Блэка. Припадок продолжался на этот раз только четверть часа и оставил во мне довольно сил, чтобы продолжать мою работу.

Пять часов. Я написал ответ мисс Вериндер.

План, предложенный мной, если только она согласится на него, учитывает интересы обеих сторон. Сперва я привел все доводы против встречи ее с мистером Блэком до опыта, а потом посоветовал ей приехать тайно в тот вечер, когда мы будем производить самый опыт. Выехав из Лондона с послеобеденным поездом, она может приурочить свой приезд к девяти часам вечера. Я решил к этому времени проводить мистера Блэка в его спальню и таким образом дать возможность мисс Вериндер пройти в свои комнаты до того, как будет принят опиум. После того как это будет сделано, она сможет наблюдать за результатом вместе со всеми нами. На следующее утро она покажет мистеру Блэку (если захочет) свою переписку со мной и убедит его таким образом, что в ее глазах он был оправдан, прежде чем была фактически доказана его невиновность.

В этом смысле я написал ей. Вот все, что я мог сделать сегодня. Завтра увижуся с мистером Беттереджем и дам указания, как устроить дом.

Июня 18. Опять опоздал зайти к мистеру Фрэнклину Блэку. Ужасная боль рано утром и вслед за нею страшная слабость. Я предвижу, что, несмотря на кошмары, вызываемые опиумом, мне придется вернуться к нему в сотый раз. Если бы я должен был думать только о самом себе, я предпочел бы острую боль страшным снам. Но физическое страдание истощает меня. Если я допущу себя до полного изнеможения, кончится тем, что я окажусь беспомощным помочь мистеру Блэку в такое время, когда больше всего буду ему нужен.

Было уже около часа, когда я наконец пришел сегодня в гостиницу. Это посещение, даже при моем болезненном состоянии, оказалось весьма забавным благодаря присутствию Габриэля Беттереджа.

Он был уже в комнате, когда я вошел. Отойдя к окну, он стал смотреть на него, пока я задавал обычные вопросы своему пациенту. Мистер Блэк опять дурно спал и чувствовал себя сегодня утром гораздо более измученным, чем раньше. Я спросил его, не получал ли он известий от мистера Бреффа.

Он получил письмо утром. Мистер Брефф высказывал сильное неодобрение плану, на который решился его друг и клиент по моему совету. План был плох, потому что возбуждал надежды, которые могли не осуществиться. Кроме того, он был совершенно непонятен и казался шарлатанством, вроде месмеризма, ясновидения и тому подобного. Это перевернет вверх дном дом мисс Вериндер и кончится тем, что расстроит самое мисс Вериндер.

Он рассказал об этом (не называя имен) одному знаменитому врачу, и знаменитый врач улыбнулся, покачал головой и не сказал ничего. Основываясь на всех этих причинах, мистер Брефф протестовал против нашего плана.

Мой следующий вопрос относился к алмазу. Представил ли стряпчий какое-нибудь доказательство того, что алмаз в Лондоне?

Нет, стряпчий просто отказался обсуждать этот вопрос. Он был уверен, что Лунный камень заложен мистеру Люкеру. Его знаменитый отсутствующий друг мистер Мертутэт (никто не мог отрицать того, что он великолепно знал характер индусов) был также уверен в этом. При данных обстоятельствах и будучи крайне занят, он должен отказатьсь вступать в какие бы то ни было споры относительно доказательств. Время само покажет, и мистер Брефф охотно подождет.

Было совершенно ясно, если бы даже мистер Блэк не сделал этого еще яснее, заменив чтение письма простым пересказом его содержания, что под всем этим таилось недоверие лично ко мне. Подготовленный к этому, я не был ни раздосадован, ни удивлен. Я спросил мистера Блэка, какое действие произвел на него протест его друга. Он с жаром ответил, что ни малейшего. После этого я получил право выкинуть из головы мистера Бреффа — и выкинул его.

Наступила пауза, и Габриэль Беттередж отошел от окна.

— Можете ли вы удостоить меня вашим вниманием, сэр? — обратился он ко мне.

— Я весь к вашим услугам,— ответил я.

Беттередж взял стул и сел у стола. Он вынул огромную старинную записную книжку с карандашом соответствующего размера. Надев очки, он раскрыл записную книжку на пустой странице и опять обратился ко мне.

— Я прожил,— сказал Беттередж, сурово глядя на ме-

ня,— почти пятьдесят лет на службе у покойной миледи. До тех пор я был пажем на службе у старого лорда, ее отца. Мне теперь около восьмидесяти лет — все равно, сколько именно. Считают, что я имею знание и опытность не хуже многих. Чем же это кончается? Кончается, мистер Эзра Дженнингс, фокусами над мистером Фрэнклином Блэком, которые будет производить помощник доктора посредством склянки с лауданумом, а меня, в моих преклонных летах, заставляют быть помощником фокусника!

Мистер Блэк захочотал. Я хотел заговорить. Беттередж поднял руку в знак того, что еще не кончил.

— Ни слова, мистер Дженнингс! — сказал он.— Я не желаю слышать от вас, сэр, ни единого слова. У меня есть свои правила, слава богу! Если я получу приказание сродни приказанию из Бедлама, это ничего не значит. Пока я получаю его от моего господина или госпожи, я повинуюсь. Но я могу иметь свое собственное мнение, которое, по-трудитесь вспомнить, совпадает также и с мнением мистера Бреффа, знаменитого мистера Бреффа! — сказал Беттередж, возвышая голос, торжественно качая головой и глядя на меня.— Все равно, я все-таки беру назад свое мнение. Моя барышня говорит: «Сделайте это»,— и я говорю: «Мисс, будет сделано». Вот я здесь, с книжкой и с карандашом,— он очинен не так хорошо, как я мог бы пожелать, но, если христиане лишаются рассудка, кто может ожидать, чтобы карандаши оставались остры? Давайте мне ваши приказания, мистер Дженнингс. Я запишу их, сэр. Я решил не отступать от них ни на волос. Я слепой исполнитель — вот я кто! Слепой исполнитель! — повторил Беттередж, находя необыкновенное наслаждение в этом определении самого себя.

— Мне очень жаль,— начал я,— что мы с вами не соглашаемся...

— Не вмешивайте меня в это дело! — перебил Беттередж.— Речь идет не о согласии, а о повиновении. Давайте ваши распоряжения, сэр, давайте распоряжения!

— Я хочу, чтобы некоторые комнаты были снова открыты,— начал я,— и меблированы точь-в-точь так, как в прошлом году.

Беттередж лизнул языком тупо очиненный карандаш.

— Назовите эти комнаты, мистер Дженнингс,— сказал он надменно.

— Во-первых, нижний зал.

— «Во-первых, зал», — написал Беттередж. — Невозможно меблировать его, сэр, как он был меблирован в прошлом году...

— Почему?

— Потому что в прошлом году, мистер Дженнингс, там стояло чучело сарыча. Когда господа уехали, чучело унесли вместе с другими вещами. Когда чучело уносили, оно развалилось.

— Если так, исключим чучело.

Беттередж записал исключение.

— «Нижний зал должен быть меблирован, как в прошлом году. Только исключить развалившегося сарыча». Пожалуйста, продолжайте, мистер Дженнингс.

— Разостлать ковер на лестницах, как прежде.

— «Разостлать ковер на лестницах, как прежде». Очень жалею, что опять должен обмануть ваши ожидания, сэр. Но и этого сделать нельзя.

— Почему же?

— Потому что человек, расстилавший ковры, умер, мистер Дженнингс, а подобного ему в искусстве расстилать ковры, обойди хоть всю Англию, не найдешь!

— Очень хорошо. Мы должны постараться найти лучшего человека во всей Англии после него.

Беттередж записал, а я продолжал делать распоряжения.

— Гостиная мисс Вериндер должна быть восстановлена совершенно в таком виде, в каком она была в прошлом году. Также и коридор, ведущий из гостиной на первую площадку. Также и второй коридор, ведущий со второй площадки в спальню хозяев. Также спальня, занимаемая в июне прошлого года мистером Фрэнклином Блэком.

Тупой карандаш Беттереджа следовал добросовестно за каждым моим словом.

— Продолжайте, сэр, — сказал старик с сарднической важностью. — Мой карандаш еще не совсем затупился.

Я ответил ему, что у меня больше нет никаких распоряжений.

— Сэр, — сказал Беттередж, — в таком случае, разрешите — я сам от себя прибавлю пункт или два.

Он раскрыл записную книжку на новой странице и еще раз лизнул неистощимый карандаш.

— Я желаю знать, — начал он, — могу я или нет умыть руки...

— Конечно, можете,— сказал мистер Блэк.— Я позвоню слуге.

— ...сложить с себя ответственность,— продолжал Беттередж, с прежней невозмутимостью продолжая не замечать в комнате никого, кроме меня.— Начнем с гостиной мисс Вериндер. Когда мы снимали ковер в прошлом году, мистер Дженнингс, мы нашли огромное количество булавок. Должен я снова положить булавки?

— Конечно, нет.

Беттередж тут же записал эту уступку.

— Теперь о первом коридоре,— продолжал он.— Когда мы снимали украшения в этой части дома, мы унесли статую толстого ребенка нагишом, богохульственно обозначенного в каталоге дома «Купидоном, богом любви». В прошлом году у него было два крыла в мясистой части плеч. Я недоглядел, и он потерял одно крыло. Должен я отвечать за крыло купидона?

Я опять сделал ему уступку, а Беттередж опять записал.

— Перейдем ко второму коридору,— продолжал он.— В прошлом году в нем не было ничего, кроме дверей, и я сознаюсь, что душа у меня спокойна только относительно этой части дома. Что касается спальни мистера Фрэнклина, то, если ей надо придать ее прежний вид, желал бы я знать, кто должен взять на себя ответственность за то чтобы поддерживать в ней постоянный беспорядок, как бы часто ни восстанавливался порядок,— здесь панталоны, тут полотенце, французские романы там и тут,— я говорю, кто должен держать в неопрятности комнату мистера Фрэнклина: он или я?

Мистер Блэк объявил, что он с величайшим удовольствием возьмет на себя ответственность за это. Беттередж упорно отказывался слушать разрешение затруднения с этой стороны, прежде чем он получил мое согласие и одобрение. Я принял предложение мистера Блэка, и Беттередж сделал последнюю запись в своей книжке.

— Заходите к нам, когда хотите, мистер Дженнингс, начиная с завтрашнего дня,— сказал он, вставая.— Вы найдете меня за работой с нужными помощниками. Я почтительно благодарю вас, сэр, за то, что вы оставили без внимания чучело сарыча и купидоново крыло, также и за то, что вы позволили мне умыть руки и снять с себя всякую ответственность за булавки на ковре и беспорядок в комнате мистера Фрэнклина. Как слуга, я глубоко обязан

вам. Как человек, я считаю это прихотью с вашей стороны и восстаю против вашего опыта, который считаю обманом чувств и западней. Не бойтесь, чтобы мои чувства как человека помешали моему долгу как слуги. Ваши распоряжения будут исполнены, сэр, будут исполнены! Если это кончится пожаром в доме, я не пошлю за пожарными, пока вы не позвоните в колокольчик и не прикажете послать за ними!

С этим прощальным уверением он поклонился и вышел из комнаты.

— Как вы думаете, можем мы положиться на него? — спросил я.

— Безусловно,— ответил мистер Блэк.— Когда мы войдем в дом, мы увидим, что он ничего не позабыл и ничем не пренебрег.

Июня 19. Еще протест против нашего плана. На этот раз от дамы.

С утренней почтой пришло два письма на мое имя. Одно от мисс Вериндер, самым любезным образом соглашившейся на предложенный мною план. Другое от дамы, в доме которой она живет,— миссис Мерридью.

Миссис Мерридью кланяется и не претендует понять предмет, о котором я переписываюсь с мисс Вериндер в его научном значении. С общепринятой точки зрения, однако, она чувствует себя вправе выразить свое мнение. Мне, считает мисс Мерридью, вероятно, неизвестно, что мисс Вериндер всего лишь девятнадцать лет. Позволить молодой девушке в такие годы присутствовать без компаньонки в доме, полном мужчин, которые будут производить медицинский опыт, есть нарушение приличия, которого мисс Мерридью взять на себя не может. Она чувствует, что ее долг пожертвовать своими личными удобствами и поехать с мисс Вериндер в Йоркшир. Она просит, чтобы я подумал об этом, так как мисс Вериндер не хочет руководствоваться ничьим мнением, кроме моего. Может быть, ее присутствие не так необходимо, и одно мое слово освободило бы миссис Мерридью и меня от весьма неприятной ответственности.

В переводе на простой английский язык эти вежливые условности означают, как я понимаю, что миссис Мерридью смертельно боится мнения света. К несчастью, она обратилась со своей просьбой к такому человеку, который меньше всех на земле уважает это мнение. Я не обману ожи-

даний мисс Вериндер, я не стану откладывать встречу и примирение молодых людей, которые любят друг друга и слишком долго были разлучены. Если перевести эти простые английские выражения на язык вежливых условностей, то смысл будет такой: мистер Дженнингс имеет честь кланяться миссис Мерридью и сожалеет, что не может ничего более сделать в этом деле.

Мистер Блэк чувствует себя сегодня утром по-прежнему. Мы решили не мешать Беттереджу и сегодня еще не ездить в поместье. Успеем сделать осмотр и завтра.

Июня 20. Бессонница начинает сказываться на здоровье мистера Блэка. Чем скорее комнаты будут приведены в прежний вид, тем лучше.

Сегодня утром, когда мы с ним ехали в поместье, он посоветовался со мной с некоторой нерешительностью и с нервным нетерпением по поводу письма (пересланного ему из Лондона), которое он получил от сыщика Каффа.

Сыщик пишет из Ирландии. Он сообщает, что получил (от своей экономки) визитную карточку с запиской, которую мистер Блэк оставил в его доме близ Доркинга, и уведомляет, что, по всей вероятности, вернется в Англию через неделю и даже раньше. А пока он просит, чтобы мистер Блэк объяснил ему, по какому поводу он желает говорить с ним о Лунном камне. Если мистер Блэк может убедить его, что он сделал серьезную ошибку в прошлогоднем следствии, он будет считать своим долгом (после щедрого вознаграждения, полученного от покойной леди Вериндер) отдать себя в распоряжение этого джентльмена. Если нет, он просит позволения остаться в своем уединении, в своем мирном цветнике.

Прочтя это письмо, я без малейшего колебания посоветовал мистеру Блэку сообщить сыщику Каффу обо всем, что произошло после прекращения следствия в прошлом году, и предоставить ему самому составить заключение на основании этих фактов.

Подумав немного, я также посоветовал пригласить сыщика Каффа присутствовать при опыте, если он успеет вернуться в Англию к этому времени. Он, во всяком случае, был бы драгоценным свидетелем и, если бы мое мнение, что алмаз спрятан в комнате мистера Блэка, оказалось неверным, совет сыщика мог бы быть очень важным для дальнейших действий, в которых я уже не мог участвовать. Это последнее соображение, по-видимому, заста-

вило мистера Блэка решиться. Он обещал последовать моему совету.

Когда мы подъехали к крыльцу, стук молотка известил нас, что дело кипит.

Беттередж, надевший по этому случаю красный рыбакский колпак и зеленый передник из бязи, встретил нас в передней. Увидев меня, он вынул записную книжку и карандаш и потом упрямо записывал все, что я ему говорил. Куда бы мы ни смотрели, мы находили, как и предсказывал мистер Блэк, что работа подвигается так быстро и так разумно, как только можно было пожелать. Но в нижнем зале и в комнате мисс Вериндер многое еще нужно было сделать; казалось сомнительным, будет ли дом готов к концу недели.

Поздравив Беттереджа с достигнутыми успехами (он упорно хватался за карандаш каждый раз, как только я раскрывал рот, отказываясь в то же время обратить хотя бы малейшее внимание на слова мистера Блэка) и обещав приехать опять дня через два, мы уже собирались выйти из дома черным ходом. Но, прежде чем мы вышли из нижнего коридора, Беттередж остановил меня, когда я проходил мимо двери его комнаты.

— Могу ли я сказать вам слова два наедине? — спросил он таинственным шепотом.

Я, разумеется, согласился. Мистер Блэк вышел подождать меня в саду, а я прошел с Беттереджем в его комнату. Я ожидал просьбы о каких-нибудь новых уступках вслед за чучелом сарыча и купидоновым крылом. Но, к моему величайшему удивлению, Беттередж положил руку на стол и задал мне странный вопрос:

— Мистер Дженнингс, знакомы ли вы с «Робинзоном Крузо»?

Я ответил, что читал «Робинзона Крузо» в детстве.

— И с того времени не читали? — спросил Беттередж.

— С того времени не читал.

Он отступил на несколько шагов и посмотрел на меня с выражением сострадательного любопытства и суеверного страха.

— Он не читал «Робинзона Крузо» с детства, — сказал Беттередж, говоря сам с собой. — Посмотрим, какое впечатление произведет на него «Робинзон Крузо» теперь!

Он открыл шкаф, стоявший в углу, и вынул грязную, истрепанную книгу, от которой сильно запахло табаком,

когда он стал перелистывать страницы. Найдя нужное место, он попросил меня подойти к нему, бормоча про себя все тем же таинственным голосом.

— Что касается этого вашего фокус-покуса с лауданумом и мистером Фрэнклином Блэком,— начал он,— пока рабочие в доме, обязанности слуги берут в моей душе верх над чувствами человека. Когда рабочие уходят, чувства человека берут верх над долгом слуги. Очень хорошо. Прошлой ночью, мистер Дженнингс, в голове у меня крепко засело, что это ваше новое медицинское предприятие кончится дурно. Если бы я поддался тайному внушению, я своими руками снова унес бы мебель из комнат и на следующее утро разогнал бы рабочих.

— С удовольствием узнаю из того, что я видел на верху,— сказал я,— что вы устояли против тайного внушения.

— «Устоял» — не то выражение,— ответил Беттередж.— Я боролся, сэр, с безмолвными побуждениями души моей, толкавшими меня в одну сторону, и писанными приказаниями в моей записной книжке, толкавшими в другую, пока, с позволения сказать, меня не бросило в холодный пот. В этом страшном душевном расстройстве и телесном расслаблении к какому средству я обратился? К средству, сэр, которое ни разу еще мне не изменило за последние тридцать лет и даже больше — к *Этой Книге!*

Он ударил по книге ладонью, и при этом по комнате распространился еще более сильный запах табака.

— Что я нашел здесь,— продолжал Беттередж,— на первой же открытой мной странице? Страшное место, сэр, на странице сто семьдесят восьмой: «С этими и многими тому подобными Размышлениями я впоследствии поставил себе за правило, что, когда бы ни нашел я эти тайные Намеки или Указания в Душе моей, внушающие мне делать или не делать какое-либо предстоящее мне Дело, идти или не идти предстоящим мне путем, я никогда не премину повиноваться тайному внушению». Не сойти мне с места, мистер Дженнингс, это были первые слова, бросившиеся мне в глаза именно в то самое время, когда я шел наперекор тайному внушению! Вы не видите в этом ничего необыкновенного, сэр?

— Я вижу случайное стечание обстоятельств — и более ничего.

— Вы не чувствуете ни малейшего колебания, мистер

Дженнингс, относительно этого вашего предприятия?

— Ни малейшего.

Беттередж пристально и молча посмотрел на меня. Он захлопнул книгу, запер ее опять в шкаф чрезвычайно старательно, повернулся и опять пристально посмотрел на меня. Потом заговорил.

— Сэр,— сказал он серьезно,— многое можно извинить человеку, который с детства не читал «Робинзона Крузо». Желаю вам доброго утра!

Он отворил дверь с низким поклоном и оставил меня одного искать дорогу в сад. Я встретил мистера Блэка, возвращавшегося в дом.

— Можете не рассказывать мне, что с вами случилось,— сказал он.— Беттередж пустил в ход свой последний козырь: он сделал новое пророческое открытие в «Робинзоне Крузо». Уважили вы его любимую фантазию?.. Нет? Вы показали ему, что не верите в «Робинзона Крузо»? Мистер Дженнингс, вы упали во мнении Беттереджа настолько низко, насколько это возможно. Можете теперь говорить и делать, что вам угодно,— вы увидите, что он не захочет терять с вами слов.

Июня 21. Сегодня в моем дневнике достаточно будет короткой записи.

Мистер Блэк никогда еще не проводил такой плохой ночи. Я был вынужден, против своей воли, прописать ему лекарство. На людей с такой чувствительной организацией, как у него, лекарства действуют, к счастью, очень быстро. Иначе я боялся бы, что он окажется совершенно без сил, когда наступит время для опыта.

Что до меня самого, то после небольшого перерыва в болях за последние два дня у меня снова сделался сегодня утром припадок, о котором не скажу ничего, кроме того, что он заставил меня вернуться к опиуму. Закрываю эту тетрадь и отмериваю себе полный прием — пятьсот капель.

Июня 22. Наши надежды сегодня возросли. Нервное напряжение мистера Блэка заметно уменьшилось. Он немного спал прошлую ночь. Моя ночь по милости опиума была ночью человека оглушенного. Не могу сказать, что я проснулся нынешним утром; более подходящее выражение будет, что я пришел в себя.

Мы подъехали к дому посмотреть, все ли приведено в прежний вид. Завтра, в субботу, все будет закончено. Как предсказал мистер Блэк, Беттередж не выставил больше

никаких новых препятствий. С начала до конца он сохранял зловещую вежливость и молчаливость.

Мое медицинское предприятие (как его называет Беттередж) должно теперь неизбежно быть отложено до понедельника. Завтра вечером работники задержатся в доме до ночи. На следующий день установленная тирания воскресного дня, одно из учреждений этой свободной страны, так распределила поезда, что невозможно пригласить кого-нибудь приехать к нам из Лондона. До понедельника остается только внимательно наблюдать за мистером Блэком и держать его, если возможно, в точно таком состоянии, в каком я нашел его сегодня.

Я уговорил его написать мистеру Бреффу и настоять, чтобы тот присутствовал в качестве свидетеля. Я нарочно выбрал стряпчего, потому что он сильно предубежден против нас. Если нам удастся убедить его, мы сделаем нашу победу неоспоримой. Мистер Блэк написал также сыщику Каффу, а я послал несколько строк мисс Вериндер. С ними и со старым Беттереджем, который представляет собой очень важное лицо в семействе, у нас будет достаточно свидетелей, и мы обойдемся без миссис Мерридью, если миссис Мерридью настоит на том, чтобы принести себя в жертву мнению света.

Июня 23. Прошлую ночь мне опять пришлось расплачиваться за прием опиума. Нужды нет, я должен терпеть это, пока понедельник не наступит и не пройдет.

Мистер Блэк опять не совсем здоров сегодня. Он признался мне, что в два часа утра открыл ящик, в который спрятал сигары. Ему стоило больших усилий запереть его снова. После этого он выбросил ключ из окна. Сторож принес его сегодня утром, найдя на дне пустой цистерны. Я взял этот ключ себе до будущего вторника.

Июня 24. Мистер Блэк и я сделали продолжительную прогулку в открытой коляске. Мы оба почувствовали благотворное влияние мягкого летнего воздуха. Я обедал с ним в гостинице. К великому моему облегчению, он, расстроенный и взволнованный сегодня утром, крепко проспал два часа на диване после обеда. Теперь, если он и проведет плохо еще одну ночь, я уже не боюсь последствий.

Июня 25, понедельник. День опыта! Пять часов пополудни. Мы только что приехали в дом.

Главный и самый важный вопрос — это здоровье мистера Блэка.

Насколько я могу судить, он обещает (в физическом отношении) быть так же восприимчивым к действию опиума сегодня, как был год назад. Он находится сейчас в состоянии нервной чувствительности, граничащей с нервным расстройством. Цвет лица его меняется беспрестанно; руки у него дрожат. Он вздрагивает при внезапном шуме и при чьем-нибудь неожиданном появлении.

Все это последствия бессонницы, которая, в свою очередь, происходит от нервного состояния, вызванного тем, что он внезапно бросил курить — привычку, доведенную до крайних пределов. Действуют те же причины, что и в прошлом году, и последствия, по-видимому, будут те же. Продлится ли так до окончания опыта? События ночи должны решить этот вопрос.

Пока я пишу эти строки, мистер Блэк забавляется в нижнем зале, упражняется на бильярде в разного рода ударах, как делывал нередко, гостя здесь в июне прошлого года. Я взял с собой свой дневник отчасти с целью заполнить чем-либо незанятыеочные часы, отчасти в надежде, что может случиться что-нибудь, достойное быть отмеченным.

Обо всем ли я упомянул до сих пор? Взглянув на вчерашние заметки, вижу, что забыл написать об утренней почте. Восполню этот пробел, прежде чем пойду к мистеру Блэку.

Итак, я получил несколько строк от мисс Вериндер. Она собирается приехать с вечерним поездом, согласно моему совету. Миссис Мерридж настояла на том, чтобы ее сопровождать. В письме есть легкий намек на некоторую досаду почтенной дамы, обычно находящейся в отличном настроении, почему она и нуждается во всяческом снисхождении, как того требуют ее годы и привычки. Я постараюсь в обращении с миссис Мерридж подражать выдержанке Беттереджа в его обращении со мной. Он встретил нас сегодня торжественно, облаченный в свой лучший черный сюртук, в накрахмаленном белом галстуке. Когда он взглядывает в мою сторону, он тотчас вспоминает, что я не перечитывал «Робинзона Крузо» с самого детства, и его лицо выражает почтительную жалость.

Мистер Блэк тоже получил вчера ответ от своего стряпчего. Мистер Брефф принимает приглашение, однако с оговоркой. Он видит настоятельную необходимость в том, чтобы при мисс Вериндер во время, как он выразился,

предполагаемого спектакля находился человек с известной долей здравого смысла. Этим человеком, за неимением никого другого, согласен быть мистер Брефф. Итак, бедная мисс Вериндер будет находиться под двойным надзором. Отрадно думать, что мнение света уж наверное удовлетворится этим вполне.

О сыщике Каффе не слышно ничего. Он, без сомнения, еще в Ирландии. Мы не можем рассчитывать на него сегодня.

Сейчас пришел Беттередж звать меня к мистеру Блэку. Я должен на время отложить перо.

Семь часов. Мы опять обошли все вновь отделанные комнаты и лестницы. Мы сделали также приятную прогулку в кустарнике, который был любимым местом мистера Блэка, когда он гостил здесь в прошлом году. Таким образом, я надеюсь оживить в его уме прежние впечатления от местности и обстановки, насколько это возможно.

Сейчас садимся обедать именно в тот час, когда обедали в день рождения мисс Вериндер. Цель моя тут, разумеется, чисто медицинская: лауданум должен быть принят при тех же обстоятельствах, как и в прошлом году.

Спустя некоторое время после обеда я собираюсь самым естественным тоном завести разговор об алмазе и о замыслах индусов украдь его. Когда же я наведу мысли мистера Блэка на этот предмет, с моей стороны будет сделано все, что от меня зависит, до того момента, когда надо будет дать ему опиум.

Половина девятого. Только сейчас я нашел свободную минуту для одной из важнейших обязанностей, а именно — обязанности отыскать в домашней аптечке лауданум, которым воспользовался мистер Канди.

Минут десять назад я улучил время, когда Беттередж ничем не был занят, и сообщил ему об этом желании. Не возражая ни единого слова, даже без малейшего пополнования достать из кармана записную книжку, он повел меня, уступая мне дорогу на каждом шагу, в кладовую, где хранится домашняя аптечка.

Я нашел склянку, тщательно закупоренную пробкой, которая была, сверх того, еще завязана кусочком кожи. В склянке, почти полной, оказался, как я и предполагал, обыкновенный лауданум. Я решил предпочесть его тем двум препаратам опиума, которыми позаботился запастись на всякий случай.

Вопрос о дозе представлял некоторое затруднение. Я обдумал его и решил увеличить дозу.

Записки мои говорят, что мистер Канди дал всего двадцать пять гран. Эта доза слишком мала для последствий, какие она повлекла за собой, даже при восприимчивости мистера Блэка. Зная, как мистер Канди любит хорошо пообедать, и принимая в соображение, что лауданум он отмерял после званого обеда, я считаю весьма вероятным, что он дал больше, чем намеревался. Как бы то ни было, я рискну усилить прием до сорока гран. Мистер Блэк предупрежден сейчас, что примет лауданум, а это значит, что он бессознательно попытается бороться с действием наркотика. Следовательно, необходима большая доза, чтобы повторить последствия, вызванные в прошлом году меньшей дозой.

Десять часов. Свидетели или гости,— не знаю, как их лучше назвать,— приехали час назад.

В исходе девятого часа я уговорил мистера Блэка пойти со мной в его спальню, под тем предлогом, что я хотел бы, чтоб он осмотрел ее в последний раз и лично проверил, не забыто ли что-нибудь из прежней обстановки. Я заранее условился с Беттереджем о том, чтобы спальню мистеру Бреффу отвели рядом с комнатой мистера Блэка и чтобы о прибытии стряпчего я был уведомлен легким стуком в дверь. Через пять минут после того, как на часах в передней пробило девять, я услышал этот стук, тотчас вышел в коридор и встретил мистера Бреффа.

Наружность моя, как всегда, произвела невыгодное впечатление. Во взгляде мистера Бреффа явно выражалось недоверие. Я знал, какое впечатление произвожу на людей незнакомых, и без колебаний сказал ему то, что находил нужным сказать, прежде чем он вошел к мистеру Блэку.

— Вы прибыли сюда, я полагаю, в обществе миссис Мерридью и мисс Вериндер? — спросил я.

— Да, — ответил мистер Брефф чрезвычайно сухо.

— Мисс Вериндер, вероятно, сообщила вам о моем желании, чтобы ее присутствие в доме — и присутствие мисс Мерридью, разумеется также, — осталось тайной для мистера Блэка, пока опыт над ним не будет произведен?

— Я знаю, что должен придержать свой язык, сэр! — вскричал мистер Брефф с нетерпением.— Имея привычку молчать о безумстве человеческого рода вообще, я тем более

расположен не раскрывать рта в настоящем случае. Удовлетворяет вас это?

Я поклонился и предоставил Беттереджу провести его в назначеннюю ему комнату. Уходя, Беттередж бросил на меня взгляд, говоривший яснее слов: «Вот, поймали бобра, мистер Дженнингс, и имя этому бобру — Брефф!»

Теперь мне предстояла встреча с дамами. Я сошел с лестницы, не скрою, несколько взволнованный и направился к гостиной мисс Вериндер.

Жена садовника (ей поручено было позаботиться об удобствах дам) попалась мне навстречу в коридоре первого этажа. Эта добрая женщина оказывает мне чрезмерную учтивость, которая, очевидно, имеет прямым своим источником непреодолимый ужас. Она таращит на меня глаза, дрожит и приседает, как только я с нею заговариваю. На мой вопрос, где мисс Вериндер, она вытаращила на меня глаза, задрожала и, без сомнения, присела бы, если бы сама мисс Вериндер не прервала этой церемонии, внезапно отворив дверь своей гостиной.

— Вы — мистер Дженнингс? — спросила она.

Не дав мне времени ответить, она поспешно вышла в коридор. Мы встретились у стоявшей консоли лампы, свет которой падал на нас. При первом взгляде на меня мисс Вериндер остановилась в нерешимости. Однако она тотчас опять овладела собой, покраснела слегка и с прелестной прямотой протянула мне руку.

— Я не могу отнести к вам, как к постороннему, мистер Дженнингс, — сказала она. — Если б вы только знали, какую радость доставили мне ваши письма!

Она взглянула на мое некрасивое морщинистое лицо с искренней благодарностью, настолько новой для меня, что я не нашелся, что ей ответить. Я совсем не был приготовлен к ее доброте и прелести. Страдания многих лет, благодарение богу, не ожесточили моего сердца. Я был с нею неловок и робок, как пятнадцатилетний мальчик.

— Где он сейчас? — спросила она, не скрывая, что ее мысли заняты мистером Блэком. — Что он делает? Говорил ли обо мне? В хорошем ли он настроении? Как действует на него вид этого дома после того, что случилось в прошлом году? Когда вы ему дадите лауданум? Нельзя ли мне поглядеть, как вы его нальете? Я так заинтересована всем этим, я так взволнована... Мне нужно сказать вам десять тысяч вещей, и все они разом толпятся у меня в

голове, так что я не знаю, с чего начать. Вы не удивляетесь моему интересу к вашему опыту?

— Нисколько,— ответил я.— Мне кажется, я его вполне понимаю.

Она была далека от игры в смущение. И ответила мне так, как могла бы ответить брату или отцу:

— Вы меня избавили от невыразимого страдания, вы дали мне новую жизнь! Как могу я быть неблагодарной и скрывать что-либо от вас? Я люблю его,— сказала она просто,— любила его от начала и до конца, даже тогда, когда была к нему несправедлива в своих мыслях, даже тогда, когда говорила ему слова самые жестокие, самые суровые. Может ли это послужить мне извинением? Надеюсь, что да,— боюсь, что только это одно и является извинением для меня. Когда он завтра узнает, что я в доме, как вы думаете...

Она не договорила и очень серьезно взглянула мне в лицо.

— Завтра вам остается только повторить ему то, что вы сказали сейчас мне,— ответил я.

Лицо ее просияло; она подошла ко мне на шаг ближе и с очевидным волнением стала перебирать лепестки цветка, который я сорвал в саду и вдел в петлицу своего сюртука.

— Вы часто с ним виделись в последнее время? — спросила она.— И вы, правда, увидели в нем это?

— Правда,— ответил я.— Для меня нет ни малейшего сомнения в том, что произойдет завтра. Хотел бы я иметь такую же уверенность в событиях этой ночи.

На этом месте разговор наш был прерван появлением Беттереджа с чайным прибором.

Мы вошли в гостиную вслед за дворецким. Маленькая старая леди, со вкусом одетая, сидела в уголке, целиком поглощенная какой-то изящной вышивкой. Увидя мой цыганский цвет лица и пегие волосы, она выронила работу из рук и слегка вскрикнула.

— Миссис Мерридью, это мистер Дженнингс,— сказала мисс Вериндер.

— Прошу прощения у мистера Дженнингса,— сказала почтенная дама, глядя, однако, на мисс Вериндер.— Поездка по железной дороге всегда расстраивает мои нервы. Я стараюсь привести их в порядок, занимаясь своей обычной работой. Не знаю, насколько эта работа уместна в

настоящем, совершенно выходящем из ряда случаев. Если она мешает вашим медицинским целям, то я, конечно, с удовольствием отложу ее в сторону.

Я поспешил дать разрешение на вышивание, точь-в-точь как дал его на отсутствие развалившегося чучела и сломанного крыла купидона. Миссис Мерридью сделала над собой усилие и из благодарности взглянула было на меня. Но нет! Она не смогла задержать на мне свой взгляд и снова обратила его на мисс Вериндер.

— С позволения мистера Дженнингса,— продолжала эта почтенная дама,— я попросила бы об одном одолжении. Мистер Дженнингс намерен произвести свой ученый опыт сегодня ночью. Когда я еще училась в пансионе, я присутствовала при подобных опытах. Они всегда кончались взрывом. Не будет ли мистер Дженнингс настолько обязателен, чтобы предупредить меня заблаговременно, когда следует ожидать взрыва в настоящем случае? Я хотела бы, если возможно, чтобы это было сделано до того, как я пойду спать.

Я попытался было уверить миссис Мерридью, что при настоящем опыте взрыва по программе не полагалось.

— Нет? — повторила почтенная дама.— Я очень благодарна мистеру Дженнингсу,— я вполне понимаю, что он обманывает меня для моего же успокоения. Но я предпосылаю откровенность. Я вполне примирилась с мыслью о взрыве, но очень желала бы перенести его, если возможно, до того, как я лягу в постель.

Тут отворилась дверь, и миссис Мерридью опять слегка вскрикнула. Не начинается ли взрыв? Нет, это просто вошел Беттередж.

— Прошу извинения, мистер Дженнингс,— сказал Беттередж тоном самой изысканной учтивости,— мистер Фрэнклин желает знать, где вы. Скрывая от него по вашему приказанию присутствие в доме барышни, я сказал ему, что не знаю, где вы. Это, если вам угодно будет заметить, просто-напросто ложь. Так как я стою одной ногой в гробу, то чем менее вы будете требовать от меня подобной лжи, тем более я буду вам обязан, когда пробьет мой час и я почувствую укоры совести.

Нельзя было терять ни минуты на размышления по поводу совести Беттереджа. Каждую секунду в комнату мог войти, отыскивая меня, мистер Блэк; поэтому я тотчас отправился к нему. Мисс Вериндер вышла со мной в коридор.

— Они, кажется, сговорились вас мучить,— сказала она мне.— Что это значит?

— Только протест со стороны общества, мисс Вериндер, хотя и в маленьком масштабе, против всего нового.

— Что же нам делать с миссис Мерридью?

— Скажите ей, что взрыв будет завтра в девять часов утра.

— Чтобы отправить ее спать?

— Да, чтобы отправить ее спать.

Мисс Вериндер вернулась в гостиную, а я поднялся наверх к мистеру Блэку.

К моему изумлению, я застал его одного. Он ходил в волнении из угла в угол, видимо раздраженный тем, что остался один.

— Где же мистер Брефф? — спросил я.

Он указал на затворенную дверь в смежную комнату, занимаемую стряпчим. Мистер Брефф входил к нему на минуту, пытался опять возражать против наших намерений и опять потерпел полную неудачу; он ничего не добился от мистера Блэка. После чего стряпчий занялся черной кожаной сумкой, до отказа набитой деловыми бумагами.

«Серьезные дела,— заключил он,— совершенно неуместны в настоящем случае; но тем не менее они должны идти своим чередом». Мистер Блэк, быть может, простит человеку деловому его старомодные привычки. Время — деньги, а мистер Дженнингс может рассчитывать на его присутствие, как только оно ему понадобится.

С этими словами стряпчий вернулся в свою комнату и упорно углубился в свою черную сумку.

Я вспомнил миссис Мерридью с ее вышивкой и Беттереджа с его совестью. Удивительное тождество лежит в основе английского характера, подобно тому как оно скрывается и в выражении лица англичанина.

— Когда вы дадите мне лауданум? — нетерпеливо спросил мистер Блэк.

— Вам надо немного подождать,— сказал я.— Я побуду до тех пор с вами.

Еще не было и десяти часов. После расспросов Беттереджа и мистера Блэка я пришел к заключению, что лауданум, данный мистером Канди, был принят не раньше одиннадцати. Поэтому я решил и на этот раз дать мистеру Блэку опиум в тот же час.

Мы поговорили немного, но мысли наши были заняты

предстоящим опытом. Разговор не клеился и скоро прекратился совсем. Мистер Блэк небрежно перелистывал книги, лежавшие на столе. Я предусмотрительно проглядел их все, когда мы вошли в комнату. «Опекун», «Сплетник», «Памела» Ричардсона; «Чувствительный человек» Мэ肯зи; «Лоренцо Медичи» Роско и «Карл Пятый» Робертсона — все вещи классические; все вещи, разумеется, неизмеримо превосходящие что бы то ни было, написанное в более поздние времена; и все вещи, с теперешней моей точки зрения, обладающие одним великим достоинством: не приковывать ничьего внимания и не волновать ничьего ума. Я представил мистера Блэка успокоительному влиянию классической словесности и занялся этими записями в своем дневнике.

Часы говорят мне, что скоро одиннадцать. Я опять должен закрыть свою тетрадь.

Два часа пополудни. Опыт проделан. О результате даю сейчас подробный отчет.

В одиннадцать я позвонил Беттереджу и сказал мистеру Блэку, что ему пора наконец ложиться.

Я выглянул из окна. Ночь была теплая и дождливая, похожая на ночь двадцать первого июня прошлого года. Не веря приметам, я, однако, обрадовался отсутствию в атмосфере всякого прямого влияния на нервную систему, всякого чрезмерного накопления электричества или признаков приближающейся грозы. Беттередж подошел ко мне и таинственно сунул мне в руку бумажку. На ней было написано следующее:

«Миссис Мерридж отправилась спать после твердого моего уверения, что взрыв произойдет завтра в девять часов утра и что я не выйду из этой части дома, пока она сама не придет и не возвратит мне свободу. Она не подозревает, что главное место действия — моя собственная гостиная, иначе бы она осталась тут на всю ночь. Я одна и очень встревожена. Пожалуйста, дайте мне возможность видеть, как вы будете отмерять лауданум; мне непременно хочется как-то участвовать в этом, хотя бы в скромной роли зрительницы. Р. В.»

Я вышел из комнаты вслед за Беттереджем и приказал ему перенести ящик с аптечкой в гостиную мисс Вериндер.

Приказание, по-видимому, застало его совершенно врасплох. Он посмотрел на меня, как бы подозревая, что

я намереваюсь проделать над мисс Вериндер таинственный медицинский опыт.

— Осмелюсь ли спросить, что общего между моей молодой барышней и ящиком с лекарствами? — спросил он наконец.

— Останьтесь в гостиной, и вы увидите, — был мой ответ.

Беттередж, кажется, усомнился в своей способности успешно наблюдать за мной без посторонней помощи, когда дело дошло до ящика с лекарствами.

— Нельзя ли пригласить и мистера Бреффа присутствовать при том, что вы хотите делать? — спросил он.

— Не только можно, но и должно. Я иду просить мистера Бреффа спуститься со мной вниз.

Беттередж ушел за аптечкой, не сказав более ни слова. Я вернулся в комнату мистера Блэка и постучал в дверь к стряпчему Бреффу. Он тотчас ее открыл, держа бумаги в руке, весь поглощенный юриспруденцией и совершенно недоступный медицине.

— Мне очень жаль, что я должен вас потревожить, — сказал я, — но я иду готовить лауданум для мистера Блэка и вынужден просить вас присутствовать при этом и следить за тем, что я делаю.

— Ага! — заметил мистер Брефф, нехотя уделяя мне одну десятую долю своего внимания и оставив девять десятых его сосредоточенным на бумагах. — Более ничего?

— Я должен просить вас вернуться со мной сюда и присутствовать при приеме лекарства.

— Более ничего?

— Еще одно. Я вынужден обеспокоить вас просьбой перебраться в комнату мистера Блэка и выжидать в ней последствий приема.

— Очень хорошо! — сказал мистер Брефф. — Моя это комната или мистера Блэка, разница не велика; я могу сидеть над моими бумагами в любом месте. Разве только вы, мистер Дженнингс, сочтете нужным воспротивиться этой небольшой примеси здравого смысла в вашей процедуре?

Прежде чем я успел ответить, мистер Блэк крикнул ему с постели:

— Неужели вы хотите сказать этим, что нисколько не заинтересованы нашим опытом? Мистер Брефф, у вас воображения не больше, чем у коровы!

— Корова — очень полезное животное, мистер Блэк,— ответил стряпчий.

С этими словами он вышел вслед за мной из комнаты, все еще держа в руках свои бумаги.

Когда мы вошли, мисс Вериндер, бледная и встревоженная, взволнованно ходила из угла в угол в своей гостиной. Возле стола стоял Беттередж на страже у ящика с аптечкой.

Мистер Брефф опустился на первый попавшийся стул и, стараясь быть полезным, немедленно опять углубился в свои бумаги.

Мисс Вериндер отвела меня в сторону и тотчас заговорила о том, что поглощало все ее мысли,— о мистере Блэке.

— Каков он теперь? — спросила она.— Не нервничает ли? Не сердится ли? Как вы думаете, удастся ли опыт? Уверены ли вы, что это ему не повредит?

— Совершенно уверен. Идемте, я сейчас буду отмеривать лауданум.

— Еще минуту! Сейчас двенадцатый час. Сколько придется ждать, прежде чем будет результат?

— Трудно сказать... Около часа, пожалуй...

— Я думаю, в комнате должно быть темно, как было в прошлом году?

— Обязательно.

— Я буду ждать в моей спальне, точь-в-точь как это было тогда. Дверь я оставлю приоткрытой. В прошлом году она тоже была немного растворена. Я буду наблюдать за дверью гостиной, и, как только она откроется, погашу свечу. Все именно так и происходило в ту ночь. И сейчас ведь все должно повториться точно так же, не правда ли?

— Уверены ли вы, что сможете владеть собой, мисс Вериндер?

— Для него я готова на все! — ответила она с горячностью.

Взглянув на ее лицо, я убедился, что на нее можно положиться. Я опять обратился к мистеру Бреффу.

— Мне придется попросить вас отложить на минуту в сторону ваши бумаги,— сказал я.

— О конечно!

Он рассеянно поглядел на меня, словно я прервал его на самом интересном месте, и подошел со мной к аптечке. Потом, не имея более возможности предаваться своему

увлекательному занятию, он взглянул на Беттереджа и устало зевнул.

Мисс Вериндер приблизилась ко мне с графином холодной воды, который она взяла со стола.

— Позвольте мне налить воды,— шепнула она.— Я должна приложить к этому руку!

Я отмерил сорок гран из пузырька и вылил лауданум в стаканчик.

— Наполните его на три четверти водой,— сказал я, подавая стаканчик мисс Вериндер.

Потом я приказал Беттереджу запереть ящик с лекарствами, прибавив, что больше он не понадобится. Лицо старого слуги просияло от невыразимого облегчения. Он, несомненно, подозревал меня в замысле произвести медицинский опыт и над его молодой госпожой.

Налив воду по моему указанию, мисс Вериндер улучила минуту, когда Беттередж запирал ящик, а мистер Брефф опять вернулся к своим бумагам, и украдкой поцеловала край стаканчика.

— Когда вы его подадите ему,— шепнула прелестная девушка,— подайте этой стороной!

Я вынул из кармана хрусталик, который должен был представлять алмаз, и подал его ей, говоря:

— И к этому вы должны приложить руку. Положите его туда, куда в прошлом году положили Лунный камень.

Она отправилась к индийскому шкафчику и положила хрусталик, игравший роль алмаза, в ящик, в котором лежал в день ее рождения настоящий алмаз. Мистер Брефф глядел на все это так же, как и на все остальное,— с явным неодобрением.

Но драматизм этой минуты одержал верх (к величайшему моему удовольствию) над самообладанием старика Беттереджа. Рука его дрожала, когда он светил мисс Рэчел, и он шепнул ей с озабоченным видом:

— Уверены ли вы, мисс, что это тот самый ящик?

Я снова направился к двери с лауданумом и водой в руках. На пороге я остановился дать последнее наставление мисс Вериндер.

— Не забудьте вовремя потушить свечи,— сказал я ей.

— Я потушу их тотчас,— ответила она,— и буду ждать в своей спальне только с одной свечой.

Она затворила за нами дверь гостиной. В сопровож-

дении мистера Бреффа и Беттереджа я вернулся в комнату мистера Блэка.

Он тревожно метался на постели и с раздражением спрашивал, дадут ли ему наконец лауданум в эту ночь. В присутствии двух свидетелей я дал ему дозу лауданума, поправил его подушки и посоветовал ему лежать тихо и ждать.

Кровать его со светлыми занавесками поставлена была изголовьем к стене, так что по обеим сторонам было много свободного места. Я опустил занавески с одной ее стороны и в той части комнаты, которую он не мог видеть, поместил мистера Бреффа и Беттереджа, которые должны были ожидать действия лауданума. В ногах кровати я опустил занавеску наполовину и поставил стул для себя так, чтобы иметь возможность быть у него на глазах или, если понадобится, скрыться от него, дать или не дать ему заговорить со мной, смотря по обстоятельствам. Узнав предварительно, что он всегда спал с ночником, я поставил на столик у его изголовья свечу, но так, чтобы свет не бил ему в глаза. Другую свечу я отдал мистеру Бреффу; свет ее смягчался опущенными у кровати занавесками. Окно было приоткрыто, чтобы освежать воздух. В доме царила тишина. Снаружи доносился только легкий шум дождя.

Когда все приготовления были закончены, я занял свое место на стуле в ногах кровати. Мои часы показывали двадцать минут двенадцатого.

Мистер Брефф вернулся к своим бумагам и, казалось, углубился в них по-прежнему. Но, взглянув на него теперь, я увидел некоторые признаки того, что юриспруденция начинает утрачивать над ним свою власть. Захватывающий интерес положения, в котором мы находились, брал по-немногу свое и оказывал влияние даже на его трезвый ум. Что касается твердых правил Беттереджа и его достоинства в обращении, от них ничего не осталось. Он забыл, что я производил «шарлатанский фокус» над мистером Фрэнклином Блэком; забыл, что я перевернул весь дом вверх дном; забыл, что я не читал «Робинзона Крузо» с тех самых пор, как был ребенком.

— Ради бога, сэр,— шепнул он мне едва слышно,— скажите, когда начнется действие?

— Не раньше полуночи,— ответил я также шепотом.— Не разговаривайте и сидите тихо.

Беттередж снизошел до последней степени фамильяр-

ности со мной без малейшей борьбы за свое достоинство: он подмигнул мне в ответ!

Переводя глаза на мистера Блэка, я увидел, что он все так же мечтается в постели, ворчливо спрашивая, отчего лауданум все еще не производит никакого действия. Сказать ему, при таком его состоянии, что чем больше он будет проявлять беспокойства и нетерпения, тем дольше не наступит желанное действие лауданума, не привело бы ни к чему. Всего лучше было постараться отвести его мысли от опиума, незаметно направив их на что-нибудь другое.

С этой целью я вовлек его в разговор, стараясь опять навести на предмет, служивший темой наших разговоров в начале вечера,— на алмаз. Я старался обратить его мысли на ту часть истории Лунного камня, которая относилась к доставке камня из Лондона в Йоркшир, на опасность, которой он подвергался, забрав драгоценность из банка во Фризинголле, и на внезапное появление индусов в доме леди Вериндер в день рождения ее дочери. Упоминая об этих событиях, я нарочно сделал вид, будто неверно понял многое из того, что мистер Блэк мне рассказывал несколько часов назад. Таким образом, я заставил его заговорить как раз о том, чем нам нужно было занять его мысли, конечно, не дав ему заметить, что я делаю это с умыслом. Малопомалу он так занялся исправлением моих неверных представлений, что перестал метаться по кровати. Он совершенно позабыл про опиум в тот важный момент, когда я по его глазам впервые увидел, что опиум начинает действовать на его мозг.

Я взглянул на часы. Было без пяти минут двенадцать. Непривычный глаз еще не заметил бы в нем никакой перемены. Но с каждою минутой быстрые, хотя едва уловимые, успехи влияния лауданума начинали сказываться все яснее. Глаза его лихорадочно засияли, легкий пот выступил на лице. Через пять минут он начал говорить бессвязно — мы все еще продолжали наш разговор. Он упорно продолжал говорить об алмазе, но не заканчивал своих фраз. Потом наступила минута молчания. Вдруг он сел на постели. Продолжая думать об алмазе, он заговорил опять, но не со мной, а с самим собой. Это изменение показало мне, что первая стадия опыта достигнута. Мистер Блэк полностью находился под влиянием опиума, который оказал на него возбуждающее действие.

Было уже тридцать три минуты первого. Следующие

полчаса были для нас решающими: встанет ли он с постели, чтобы выйти из комнаты?

Наблюдая за ним с напряженным вниманием,— в невыразимой радости, что первый результат опыта совпал и по существу и даже почти точно по времени с тем, как я предвидел,— я совершенно забыл двух товарищей по моему ночному бдению. Взглянув на них теперь, я увидел юриспруденцию, представленную бумагами мистера Бреффа, небрежно брошенной на пол. Сам же мистер Брефф жадно смотрел сквозь щель между неплотно задернутыми занавесями кровати. А Беттередж, забыв всякие сословные различия, заглядывал через плечо мистера Бреффа.

Заметив, что я смотрю на них, они оба отскочили, как два мальчугана, пойманные школьным учителем на месте преступления. Я знаком пригласил их следовать моему примеру и тихонько скинул ботинки. Если придется идти вслед за мистером Блэком, нам необходимо сделать это без шума.

Прошло десять минут — и ничего не случилось. Вдруг он сбросил с себя одеяло. Он спустил одну ногу с кровати. Он сидел в нерешительности...

— Напрасно я взял его из банка,— пробормотал он про себя.— Там он был в безопасности.

Сердце мое сильно забилось, в висках застучало, как молотом. Он снова боялся за целость алмаза! На этом сосредоточивался весь успех опыта. Надежда, внезапно охватившая меня, оказалась слишком сильным потрясением для моих расстроенных нервов. Я вынужден был отвести от него глаза, иначе бы я, кажется, не совладал с собой. Снова наступила тишина.

Когда я позволил себе опять взглянуть на него, он уже стоял возле кровати. Зрачки его были теперь сужены; глаза блестели при свете горевшей на столике свечи в то время, когда он медленно покачивал головою из стороны в сторону. Он размышлял, он сомневался; он заговорил снова:

— Как знать... индусы, может быть, прячутся где-нибудь в доме!

Он замолк и медленно прошел на другой конец комнаты, остановился, постоял немного и вернулся назад к кровати, говоря с собой:

— Он даже не заперт. Он в ее индийском шкафчике. И ящик не запирается.

Он присел на кровати.

— Кто угодно может его взять,— продолжал он.

И опять он беспокойно встал и повторил свои первые слова:

— Как знать... индусы, может быть, прячутся где-нибудь в доме!

Он снова был в раздумье. Я спрятался за занавесками кровати. Он окинул комнату бессознательным, блестящим взглядом. Я затаил дыхание. Снова задержка: в действии ли лауданума или в деятельности мозга — кто мог определить это? Все зависело от того, что он сделает дальше.

Он лег в постель.

Ужасное сомнение мелькнуло у меня. Может быть, усыпляющее действие опиума начинается уже теперь? Это противоречило всем моим расчетам; но что такое расчет, когда речь идет об опиуме? Едва ли найдутся два человека на свете, на которых он действовал бы одинаково. Не было ли в организме мистера Блэка какой-либо особенности, из-за которой и действие на него лауданума тоже должно быть особым? Неужели нас постигнет неудача в минуту окончательного успеха?

Нет, он внезапно опять встал.

— Как могу я спать с этим на душе?

Он взглянул на свечу, горевшую на столике у изголовья кровати. Через мгновение он взял в руку подсвечник.

Я погасил вторую свечу, горевшую по другую сторону занавески, и вместе с мистером Бреффом и Беттереджем спрятался в самом дальнем углу за кроватью. Я знаком показал им, чтобы они молчали, как будто бы от этого зависела их жизнь.

Мы ждали, не видя и не слыша ничего, скрытые занавесками.

Свеча, которую он держал в руке, вдруг двинулась с места. Он прошел мимо нас быстрыми и неслышными шагами, не выпуская свечи.

Он отворил дверь и вышел из спальни. Мы последовали за ним по коридору. Мы последовали за ним вниз по лестнице. Он ни разу не оглянулся, он ни разу не остановился.

Он отворил дверь гостиной и вошел, не затворив ее. Подобно всем дверям в доме, она была повешена на больших старинных петлях. Между дверью и косяком оставалась большая щель. Я знаком подозвал моих спутников к этой щели, чтобы он не мог заметить нас. Сам же стал

тоже за дверью, но по другую ее сторону. По левую руку от меня находилось углубление в стене. Туда я мог тотчас спрятаться, если бы он вздумал выглянуть в коридор.

Он дошел до середины комнаты, все со свечой в руке, огляделся вокруг, но ни разу не оглянулся назад.

Дверь в спальню мисс Вериндер была чуть приоткрыта. Она погасила у себя свечу. Она мужественно владела собой. Смутное очертание ее белого легкого платья — вот все, что я мог разглядеть. Никто бы не заподозрил, что в комнате кто-то есть. Она стояла в тени, у нее не вырвалось ни одного слова, ни одного движения.

На часах было десять минут второго. В мертвой тишине я слышал тихий шум падающего дождя и шелест деревьев от легкого ночных ветерка.

Постояв с минуту в нерешимости посередине комнаты, он прошел к углу, где находился индийский шкафчик.

Он поставил свечу на шкаф и стал выдвигать и за-двигать один за другим ящики, пока не дошел до того, где лежал хрусталик, игравший роль алмаза. Секунду он смотрел на ящик, потом вынул из него правой рукой хрусталик, а левой взял со шкафчика свечу. После этого он вернулся на середину комнаты и опять остановился.

До сих пор он с точностью повторял все то, что про-делал в ночь после дня рождения. Будут ли и последующие его действия точным повторением того, что он сделал в прошлом году? Выйдет ли он из комнаты? Вернется ли он, как поступил, по моему предположению, тогда, в свою спальню? Покажет ли нам, что он сделал с алмазом, когда возвратился в свою комнату?

Первое его движение было не тем, какое он сделал после первого приема лауданума. Он поставил свечу на стол и сделал несколько шагов к дальнему концу гостиной. Там стоял диван. Он тяжело оперся на его спинку левой рукой, потом выпрямился и опять возвратился на середину ком-наты. Теперь я увидел его глаза. Они становились тусклы, и веки отяжелели.

Напряжение этой минуты сказалось на нервах мисс Вериндер. Она сделала несколько шагов и остановилась. Мистер Брефф и Беттередж взглянули на меня из-за двери в первый раз. Предчувствие, что ожидания будут обмануты, овладело ими так же, как и мной. Все же, пока он стоял на середине комнаты, надежда еще была. Мы ждали с огромным нетерпением, что будет дальше.

То, что произошло дальше, решило все. Он выпустил хрусталик из рук. Тот упал на пол у двери и остался лежать на виду. Он не сделал никакого усилия, чтобы его поднять: он смотрел на него мутным взглядом, и вдруг голова его опустилась на грудь. Он пошатнулся, пришел в себя на мгновение, нетвердыми шагами направился к дивану и сел на него. Он сделал над собой последнее усилие, попробовал встать — и снова опустился на диван. Голова его упала на подушки. Было двадцать минут второго. Я не успел еще спрятать часы назад в карман, как он уже спал.

Все было кончено. Теперь он находился под снотворным влиянием лауданума; опыт пришел к концу.

Я вошел в комнату и сказал мистеру Бреффу и Беттереджу, что они могут идти за мной. Теперь уже нечего было опасаться его потревожить. Мы могли свободно двигаться и говорить.

— Прежде всего нужно решить,— сказал я,— что нам теперь с ним делать. Вероятно, он проспит часов шесть или семь по меньшей мере. Нести его назад в спальню чересчур далеко. Будь я помоложе, я справился бы с этим один, но сейчас здоровье и силы у меня не те, что прежде, и я боюсь, что придется мне просить вашей помощи.

Они не успели ответить, как мисс Вериндер тихо позвала меня. Она стояла в дверях своей спальни, держа в руках легкую шаль и покрывала с собственной кровати.

— Вы будете сидеть при нем, пока он спит? — спросила она.

— Да, я не хочу оставлять его одного, так как не совсем уверен в действии на него опиума.

Она подала мне шаль и одеяло.

— Зачем его тревожить? — шепнула она.— Постелите ему на софе. Я затворю дверь и останусь в своей комнате.

Это, бесспорно, было и проще и безопасней всего. Я сообщил ее предложение мистеру Бреффу и Беттереджу; оба его одобрили. Не прошло и пяти минут, как он уже удобно лежал на софе, укрытый шалью. Мисс Вериндер пожелала нам доброй ночи и затворила за собой дверь. Я предложил стряпчему и старшему дворецкому сесть к столу, на котором горела свеча и лежали письменные принадлежности.

— Прежде чем мы разойдемся,— начал я,— мне нужно

сказать два слова о произведенном нынче опыте. Мы ставили себе две цели. Во-первых, надо было доказать, что в прошлом году мистер Блэк вошел в эту комнату и взял Лунный камень, действуя бессознательно и непроизвольно под влиянием опиума. После виденного вами вы, вероятно, теперь в этом убеждены.

Оба они без колебания ответили утвердительно.

— Вторая цель,— продолжал я,— заключалась в том, чтобы узнать, куда он дел Лунный камень, когда вышел с ним из гостиной на глазах мисс Вериндер в ночь после дня ее рождения. Достижение этой цели, конечно, зависело от того, насколько точно повторит он все свои прошлогодние действия. Этого он не сделал, и вторая цель опыта не достигнута. Не могу сказать, чтобы я не был огорчен этим, но честно скажу — я нисколько этим не удивлен. Я с самого начала говорил мистеру Блэку, что наш полный успех в этом деле зависит от точного воспроизведения физических и нравственных условий, в какие он был поставлен в прошлом году, и предупредил его, что достигнуть этого почти невозможно. Мы воспроизвели эти условия только отчасти, и опыт удался, конечно, тоже только отчасти. Быть может, я дал ему слишком большую дозу лауданума. Но, по-моему, первая из указанных мной причин и есть та настоящая причина, которой мы обязаны и нашим успехом и нашей неудачей.

Сказав это, я положил перед мистером Бреффом письменные принадлежности и спросил его, не согласится ли он изложить подробно все, чему был свидетелем, и скрепить это своей подписью. Он тотчас взялся за перо и составил отчет с профессиональной быстротой.

— Этим я отчасти могу загладить то, что произошло между нами вечером,— сказал он, подписывая бумагу.— Прошу прощения у вас, мистер Дженнингс, за недоверие к вам. Вы оказали Фрэнклину Блэку неоценимую услугу. Говоря нашим юридическим языком, вы выиграли ваше дело.

Извинение Беттереджа было характерным для него.

— Мистер Дженнингс,— сказал он,— когда вы перечтете «Робинзона Крузо»,— что я вам настоятельно советую,— вы увидите, что он никогда не отказывался признавать свои заблуждения. Прошу вас, сэр, считайте, что в настоящем случае я иду по стопам Робинзона Крузо.

С этими словами он, в свою очередь, подписал бумагу.

Когда мы встали из-за стола, мистер Брефф отвел меня в сторону.

— Одно слово об алмазе,— сказал он.— По-вашему, Фрэнклин Блэк спрятал Лунный камень в своей комнате. По-моему, Лунный камень находится у банкиров мистера Люкера в Лондоне. Не станем спорить, кто из нас прав. Ограничимся вопросом: кому из нас первому удастся проверить свою теорию на практике?

— Моя проверка сегодня ночью была уже сделана и не удалась,— ответил я.

— А моя проверка,— возразил мистер Брефф,— еще только производится. Вот уже два дня, как я поставил у банка сыщиков для наблюдения за мистером Люкером, и я не отзову их до конца месяца. Я знаю, что мистер Люкер должен выкупить алмаз лично, и рассчитываю на то, что человек, заложивший драгоценность, выкупив его, заставит взять алмаз из банка. В таком случае я мог бы узнать, кто этот человек. И тогда мы раскроем тайну именно с того места, где она стала для нас сегодня непроницаемой. Согласны ли вы с этим?

Я, разумеется, согласился.

— Я возвращаюсь в Лондон с утренним поездом,— продолжал стряпчий.— Может случиться, что я услышу по возвращении о каком-нибудь новом открытии, и чрезвычайно важно, чтобы в этом случае Фрэнклин Блэк был поблизости. Я намерен сказать ему, как только он проснется, что ему надо ехать со мной в Лондон. После всего случившегося могу ли я рассчитывать, что вы пустите в ход ваше влияние поддержать меня в этом?

— Безусловно! — ответил я.

Мистер Брефф пожал мне руку и вышел из комнаты. Беттередж последовал за ним.

Я подошел к софе посмотреть на мистера Блэка. Он не шевельнулся с тех пор, как я его уложил,— он лежал, погруженный в глубокий и спокойный сон.

Пока я смотрел на него, дверь спальни тихо отворилась. На пороге опять показалась мисс Вериндер в своем нарядном летнем платье.

— Окажите мне последнюю услугу,— сказала она шепотом,— позвольте мне посидеть возле него вместе с вами.

Некоторое время я колебался, имея в виду не соблю-

дение приличий, а ее ночной отдых. Она подошла совсем близко и взяла меня за руку.

— Я не могу спать, я даже не могу сидеть спокойно у себя в комнате,— сказала она.— О мистер Дженнингс! Если бы вы были на моем месте, подумайте только, как вам хотелось бы сидеть возле и смотреть на него! Согласитесь, пожалуйста!

Нужно ли говорить, что я не устоял? Конечно, нет!

Она придвигнула стул к дивану. Она глядела на мистера Блэка в безмолвном восторге, пока от избытка счастья на глаза ее не навернулись слезы. Она вытерла их и сказала, что пойдет за работой. Работу она принесла, но не сделала ни одного стежка. Работа лежала у нее на коленях — она же не в силах была отвести от него глаз даже на мгновение, чтобы вдеть нитку в иголку. Я вспомнил свою молодость, вспомнил кроткие глаза, некогда обращенные с любовью на меня. Со стесненным сердцем я обратился за облегчением к своему дневнику и записал в нем то, что тут написано.

Так сидели мы молча вместе: один — погруженный в свой дневник, другая — поглощенная своей любовью.

Час проходил за часом, а он все лежал в глубоком сне. Наступал день и становилось все светлее и светлее, а он не выходил из своего одцепенения.

Часам к шести я почувствовал приближение своих обычных болей. Я вынужден был на время оставить ее наедине с ним, под тем предлогом, что иду наверх взять для него еще подушку в спальню. Припадок мой длился на этот раз недолго. Вскоре я был в состоянии вернуться.

Я застал ее у изголовья. Когда я входил, она как раз коснулась губами его лба. Я покачал головой с самым строгим видом и указал ей на стул. Она взглянула на меня в ответ с ясной улыбкой и пленительный румянцем на лице.

— И вы сделали бы это на моем месте! — сказала она мне шепотом.

Ровно восемь часов. Он первый раз пошевелился.

Мисс Вериндер стоит на коленях возле дивана. Она выбрала такое место, чтобы глаза его, как только он их откроет, упали прямо на ее лицо.

Оставить их одних?

Конечно!

Одиннадцать часов. Дом снова опустел. Они все удалили между собой; они все уехали в Лондон с десятичасовым поездом. Кончен мой короткий сон счастья. Я опять

пробуждаюсь к действительности моей печальной и одинокой жизни.

Не решусь записать тут ласковые слова, сказанные мне — особенно мисс Вериндер и мистером Блэком. К тому же это и бесполезно. Слова эти всегда будут вспоминаться мне в минуты одиночества и помогут перенести то, что еще предстоит перенести перед концом. Мистер Блэк обещал писать и сообщить, что произойдет в Лондоне. Мисс Вериндер вернется в Йоркшир осенью (к своей свадьбе, вероятно), и я должен взять отпуск и погостить у них. Боже мой, как отрадно было сердцу, когда глаза ее, полные счастья и признательности, глядели на меня и теплое пощечине ее руки говорило мне: «Это сделали вы!»

ПЯТЫЙ РАССКАЗ, написанный Фрэнклином Блэком

Добавлю, со своей стороны, несколько слов, чтобы дополнить рассказ, содержащийся в дневнике Ээры Дженнингса.

О себе могу сказать только, что я проснулся утром двадцать шестого, ничего не подозревая о том, что я говорил или делал под влиянием опиума, с минуты, когда началось его действие, и до того времени, когда раскрыл глаза на диване в гостиной Рэчел.

О том, что случилось, когда я проснулся, не считаю себя вправе давать подробный отчет. Скажу только, что Рэчел и я поняли друг друга, прежде чем хотя бы слово объяснения было сказано с той или другой стороны.

Но я готов прибавить, что миссис Мерридью, наверное, застала бы нас, если бы не присутствие духа Рэчел. Она услышала шелест платья почтенной дамы в коридоре и тотчас выбежала ей навстречу. Я слышал, как миссис Мерридью сказала: «Что случилось?» — и ответ Рэчел: «Сейчас

будет взрыв!» Миссис Мерридью тотчас позволила взять себя за руку и увести в сад, подальше от предстоящего потрясения. Возвращаясь в дом, она встретила меня в передней и объявила, что прямо поражена огромными успехами науки с того времени, как она училась в школе.

— Взрывы, мистер Блэк, несравненно тише, чем они были прежде. Уверяю вас, из сада я почти не слышала взрыва, произведенного мистером Дженнингсом. И сейчас, когда мы вернулись в дом, я не чувствую ни малейшего запаха. Я, право, должна извиниться перед вашим медицинским другом. Справедливость требует сказать, что он устроил это великолепно.

Итак, победив Беттереджа и мистера Бреффа, Эзра Дженнингс покорил и миссис Мерридью.

За завтраком мистер Брефф не скрыл, по какой причине он хочет, чтобы я поехал с ним в Лондон с утренним поездом. Слежка у банка и результат, который может последовать, возбудили в Рэчел такое непреодолимое любопытство, что она тотчас решила,— если миссис Мерридью не будет возражать,— ехать с нами в Лондон, чтобы получить самые свежие сведения о наших действиях.

Миссис Мерридью оказалась говорчива и снисходительной после истинно деликатного способа, с каким был проделан взрыв, и Беттереджу сообщили, что мы все четверо возвращаемся назад с утренним поездом. Я ожидал, что он будет просить позволения ехать с нами. Но Рэчел благоразумно доставила верному старому слуге занятие, интересное для него. Ему было поручено докончить меблировку дома, и он был слишком поглощен своей служебной ответственностью, чтобы почувствовать «сыскную лихорадку», как он почувствовал бы ее при других обстоятельствах.

Единственное, о чем жалели мы, уезжая в Лондон,— это необходимость расстаться скорее, чем хотелось бы нам, с Эзрой Дженнингсом. Невозможно было уговорить его ехать с нами. Я мог только обещать ему писать, а Рэчел могла только настаивать, чтобы он погостили у нее, когда она вернется в Йоркшир. Мы твердо надеялись увидеться с ним через несколько месяцев, и все же было что-то глубоко грустное для нас в том, как наш лучший и дорогой друг остался одиноко стоять на платформе, когда поезд тронулся.

Не успели мы приехать в Лондон, как к мистеру Брефф-

Фу подошел мальчик в курточке и штанах из поношенного черного сукна, привлекавший внимание необыкновенными глазами. Они были столь выпуклы и так широко раскрыты, что, казалось, им никак не удержаться в своих орбитах. Выслушав мальчика, мистер Брефф попросил дам извинить нас, если мы не проводим их на Портлендскую площадь. Я едва успел пообещать Рэчел вернуться и рассказать все, что случится, как мистер Брефф схватил меня за руку и торопливо потащил в кэб. Пучеглазый мальчик со странными глазами сел на козлы возле извозчика, и кэб покатил по направлению к Ломбардской улице.

— Известия из банка? — спросил я, когда мы тронулись.

— Известия о мистере Люкере,— ответил мистер Брефф.— Час назад видели, как он выехал из своего дома в Ламбете, в кэбе, вместе с двумя людьми, в которых мои люди узнали переодетых полицейских. Если страх перед индусами заставил мистера Люкера принять меры предосторожности, то вывод довольно ясен. Он едет брать из банка алмаз.

— А мы едем в банк посмотреть, что выйдет из этого?

— Да, или услышать, что вышло, если уже все будет кончено к этому времени. Вы обратили внимание на мальчика — того, что сидит на козлах?

— Я обратил внимание на его глаза.

Мистер Брефф засмеялся:

— У меня в канторе этого беднягу прозвали Гусберри.¹ Он служит у меня рассыльным, и желал бы я, чтобы на моих клерков, давших ему это прозвище, можно было положиться так же, как на него! Гусберри — один из самых ловких мальчишек в Лондоне, мистер Блэк, несмотря на его глаза.

Было без двадцати минут пять, когда мы подъехали к банку на Ломбардской улице. Гусберри, отворяя дверцу кэба, умоляюще взглянул на своего хозяина.

— Ты тоже хочешь войти? — ласково спросил мистер Брефф.— Хорошо, только не отходи от меня до дальнейших распоряжений... Он проворен, как молния,— шепнул мне мистер Брефф.— Двух слов достаточно для Гусберри там, где для другого мальчика понадобилось бы двадцать.

Мы вошли. Первая кантора, с длинным барьером, за

¹ Крыжовник.

которым сидели кассиры, была полна народу; все ожидали своей очереди получить или внести деньги, прежде чем банк закроется в пять часов.

Как только мистер Брефф вошел, к нему приблизились два человека из толпы.

— Ну? — спросил стряпчий.— Видели вы его?

— Полчаса назад, сэр, он прошел мимо нас во внутреннюю контору.

— Он еще не выходил оттуда?

— Нет еще, сэр.

Мистер Брефф обернулся ко мне.

— Подождем,— сказал он.

Тщетно искал я глазами в толпе трех индусов. Их нигде не было видно. Единственный человек со смуглым лицом был высокий мужчина в лоцманской куртке и в круглой шляпе, похожий на моряка. Неужели это один из них, переодетый моряком? Не может быть! Мужчина этот был выше всех индусов, а лицо его, там, где оно не было закрыто косматой черной бородой, было вдвое шире лица любого из них.

— Здесь должен быть кто-нибудь из сообщников,— сказал мистер Брефф, в свою очередь взглянув на смуглого моряка,— и, может быть, он — этот самый и есть!

Прежде чем он успел произнести еще что-нибудь, мальчик с выпученными глазами почтительно тронул его за фалду сюртука. Мистер Брефф посмотрел туда, куда смотрел мальчик.

— Шш! — сказал он.— Вот мистер Люкер!

Из внутреннего отделения банка вышел ростовщик, а за ним охраняющие его два полицейских в штатской одежде.

— Не теряйте его из виду,— шепнул Брефф.— Если он передаст кому-нибудь алмаз, то передаст его здесь.

Не замечая никого из нас, мистер Люкер медленно пробирался к двери то в густой, то в редеющей толпе. Я ясно видел, как рука его шевельнулась, когда он прошел мимо низенького, плотного человека в приличном темносером костюме. Человек этот слегка вздрогнул и посмотрел ему вслед. Мистер Люкер медленно пошел дальше. В дверях полицейские стали по обе его стороны, за ними следовал один из двух сыщиков мистера Бреффа. Через мгновение они все скрылись из виду.

Я оглянулся на стряпчего, а потом бросил многозна-

чительный взгляд на человека в темно-сером костюме.

— Да,— шепнул мне мистер Брефф,— я тоже заметил это!

Он обернулся, отыскивая другого своего сыщика. Но того нигде не было видно. Он оглянулся, желая подозревать мальчика. Но Гусберри тоже исчез.

— Черт побери! Что это значит? — сердито сказал мистер Брефф.— Оба оставили нас в то время, когда более всего нужны нам...

В эту минуту подошла очередь человека в темно-сером костюме. Он протянул кассир чек, получил расписку и повернулся, чтобы уйти.

— Как теперь быть? — спросил мистер Брефф.— Мы не можем унизить себя до того, чтобы идти за ним следом.

— Я могу! — ответил я.— Я не потеряю этого человека из виду и за десять тысяч фунтов!

— В таком случае,— ответил мистер Брефф,— я не потеряю из виду вас и за вдвое большую сумму! Прекрасное занятие для человека в моем положении! — пробормотал он про себя, когда мы оба вышли вслед за незнакомцем из банка.— Ради бога, не говорите об этом никому! Я лишусь своей практики, если об этом станет известно.

Человек в сером костюме сел в омнибус, ехавший в западную часть Лондона.

Мы последовали за ним. Мистер Брефф сохранил еще юную душу. Я положительно утверждаю это: когда он сел в омнибус, он покраснел.

На Оксфордской улице человек в сером костюме остановил омнибус и вышел. Мы снова двинулись за ним. Он вошел в аптеку.

Мистер Брефф вздрогнул.

— Мой аптекарь,— сказал он.— Боюсь, что мы сделали ошибку!

Мы вошли в аптеку. Мистер Брефф вполголоса обменялся с ее хозяином несколькими словами и с вытянутым лицом опять присоединился ко мне.

— Это делает нам большую честь,— сказал он, взяв меня за руку и выводя из аптеки.— Хоть это служит утешением!

— Что именно делает нам честь? — спросил я.

— То, мистер Блэк, что мы оба самые плохие сыщики-любители, когда-либо подвизавшиеся на этом поприще.

Человек в сером костюме служит у аптекаря тридцать лет. Он был послан в банк внести деньги на счет своего хозяина, и он знает о Лунном камне не более новорожденного младенца.

Я спросил, что теперь делать.

— Вернемся ко мне в контору,— сказал мистер Брефф.— Гусберри и другой мой человек, очевидно, последовали за кем-то... Будем надеяться, что хоть у них-то, по крайней мере, оказались зоркие глаза.

Когда мы доехали до конторы мистера Бреффа, второй его сыщик был уже там. Он ждал нас более четверти часа.

— Ну,— спросил Брефф,— какие у вас новости?

— Сожалением должен сказать, сэр, я сделал ошибку. Я готов был присягнуть, что увидел, как мистер Люкер передал что-то пожилому джентльмену в светлом пальто. Пожилой джентльмен оказался, сэр, весьма почтенным торговцем железными товарами в Истчипе.

— Где Гусберри? — безропотно спросил мистер Брефф.

Сыщик вытаращил глаза.

— Не знаю, сэр. Я не видел его с тех пор, как вышел из банка.

Мистер Брефф отпустил его.

— Одно из двух,— сказал он мне, — или Гусберри убежал, или он следит за кем-нибудь по собственному почину... Что вы скажете о том, чтобы пообедать здесь, со мной, на случай, если мальчик вернется через час или два? У меня есть хорошее вино в погребе, и мы можем послать в кофейную за отбивными котлетами.

Мы пообедали в конторе мистера Бреффа. Прежде чем убрали скатерть, нам было доложено, что кто-то хочет поговорить со стряпчим. Был ли это Гусберри? Нет, это оказался сынок, посланный следить за мистером Люкером, когда тот вышел из банка.

Донесение и на этот раз не представляло ни малейшего интереса. Мистер Люкер вернулся домой и там отпустил свою охрану. Он больше не выходил. В сумерки ставни его дома были закрыты и дверь заперта на засов. За улицей перед домом и за переулком позади дома тщательно следили. Никаких следов индусов нигде не было видно, никто не шатался около дома. Сообщив эти факты, сынок пошел узнать, не будет ли дальнейших приказаний. Мистер Брефф отпустил его на ночь.

Мы прождали мальчика еще полчаса, и прождали напрасно. Мистеру Бреффу пора было ехать в Гэмпстед, а мы вернуться к Рэчел на Портлендскую площадь. Я оставил свою карточку у конторского сторожа, написав на ней, что буду у себя на квартире в половине одиннадцатого. Эту карточку я поручил передать Гусберри, если мальчик вернется.

Есть люди, умеющие никогда не опаздывать к назначенному сроку, другие имеют свойство опаздывать. Я принадлежу к числу этих последних. Прибавьте к этому, что я провел вечер на Портлендской площади, сидя на одном диване с Рэчел, в комнате длиной в сорок футов, в дальнем конце которой сидела миссис Мерридью. Удивит ли кого-нибудь, что я вернулся домой в половине первого вместо половины одиннадцатого? Если да, то у такого человека нет сердца! И как горячо надеюсь я, что мне никогда не придется встретиться с таким человеком!

Слуга мой подал мне бумажку, когда отворил мне дверь. Я прочел слова, написанные четким почерком юриста:

«С вашего позволения, сэр, мне ужасно хочется спать. Я приду опять завтра утром в десятом часу».

Из расспросов оказалось, что приходил пучеглазый мальчик, показал мою карточку, ждал около часа, то и дело засыпал и снова просыпался, потом написал мне несколько слов и ушел домой, с важным видом сообщив слуге, что «он никуда не годится, если не высится ночью».

На следующее утро в десять часов я был готов принять своего посетителя. В половине десятого я услышал шаги за дверью.

— Войдите, Гусберри! — закричал я.

— Благодарю вас, сэр,— ответил серьезный и меланхолический голос.

Дверь отворилась. Я вскочил и очутился лицом к лицу... с сыщиком Каффом.

— Я решил заглянуть сюда, мистер Блэк, на случай, если вы в Лондоне, прежде чем написать вам в Йоркшир,— сказал сынок.

Я предложил ему позавтракать. Деревенский житель просто обиделся. Он завтракал в половине седьмого, а ложился спать с курами и петухами.

— Я только вчера вечером вернулся из Ирландии,— сказал сынок, приступая к деловой цели своего посещения с обычным своим невозмутимым видом.— И, прежде чем

лечь спать, прочел ваше письмо, рассказавшее мне обо всем, что случилось с вами после того, как мое следствие по поводу алмаза прекратилось в прошлом году. Мне остается сказать только одно. Я совершенно не понял дела. Не берусь утверждать, смог ли бы другой на моем месте увидеть вещи в их настоящем свете. Но это не изменяет фактов. Сознаюсь, что я напутал. Это была не первая путаница, мистер Блэк, в моей полицейской карьере! Только в книгах сыщики никогда не делают ошибок.

— Вы приехали как раз вовремя, чтобы исправить свою репутацию,— сказал я.

— Извините, мистер Блэк,— возразил сыщик,— теперь, когда я вышел в отставку, я ни на грош не забочусь о своей репутации. Я покончил со своей репутацией, слава богу! Я приехал сюда, сэр, из уважения к памяти леди Вериндер, которая была так щедра ко мне. Я вернусь к своей прежней профессии, если понадоблюсь вам и если вы полагаетесь на меня, именно по этой, а не по какой другой причине. Мне не нужно от вас ни единого фартинга. Это вопрос чести для меня... Теперь скажите, мистер Блэк: в каком положении находится дело сейчас, после того как вы писали мне?

Я рассказал ему об опыте с опиумом и о том, что случилось в банке на Ломбардской улице. Он был очень поражен опытом — в его практике это было нечто совершенно новое. Особенно заинтересовался он предположением Эзры Дженнингса насчет того, что я сделал с алмазом после того, как вышел из гостиной Рэчел.

— Я не согласен с мистером Дженнингсом, что вы спрятали Лунный камень,— сказал сыщик Кафф,— но я согласен с ним, что вы должны были отнести его к себе в комнату.

— Хорошо! А что же случилось потом? — спросил я.

— Вам не пришло в голову никакого объяснения?

— Решительно никакого.

— И мистеру Бреффу тоже?

— Не больше, чем мне.

Сыщик Кафф встал и подошел к моему письменному столу. Он вернулся с запечатанным письмом. На нем стояло «секретно», и оно было адресовано мне, а в углу была подпись сыщика.

— Я подозревал в прошлом году не то лицо,— сказал он,— может быть, и сейчас подозреваю не того. Подождите

распечатывать конверт, мистер Блэк, пока не узнаете правды, а тогда сравните имя виновного с тем именем, которое я написал в этом запечатанном письме.

Я положил письмо в карман, а потом спросил его мнение о мерах, которые мы приняли в банке.

— Отличные меры, сэр,— ответил Кафф,— это именно то, что следовало сделать. Но, кроме Люкера, следовало присматривать и за другим человеком.

— Названным в письме, которое вы отдали мне?

— Да, мистер Блэк, за человеком, названным в этом письме. Теперь уже нечего делать. Я кое-что предложу вам и мистеру Бреффу, сэр, когда наступит время. А сейчас подождем и посмотрим, не скажет ли нам чего-нибудь нового мальчик.

Было около десяти часов, а Гусберри все еще не появился. Кафф заговорил о других вещах. Он спросил о своем старом друге Беттередже и о садовнике. Через минуту он перешел бы от них к своим любимым розам, если бы мой слуга не прервал нас, доложив, что мальчик ждет внизу.

Когда Гусберри ввели в комнату, он остановился на пороге и недоверчиво уставился на незнакомого человека. Я подозвал мальчика к себе.

— Ты можешь говорить при этом господине,— сказал я,— он здесь как раз для того, чтобы помочь мне, и он знает все, что случилось. Мистер Кафф,— прибавил я,— это посыльный из конторы мистера Бреффа.

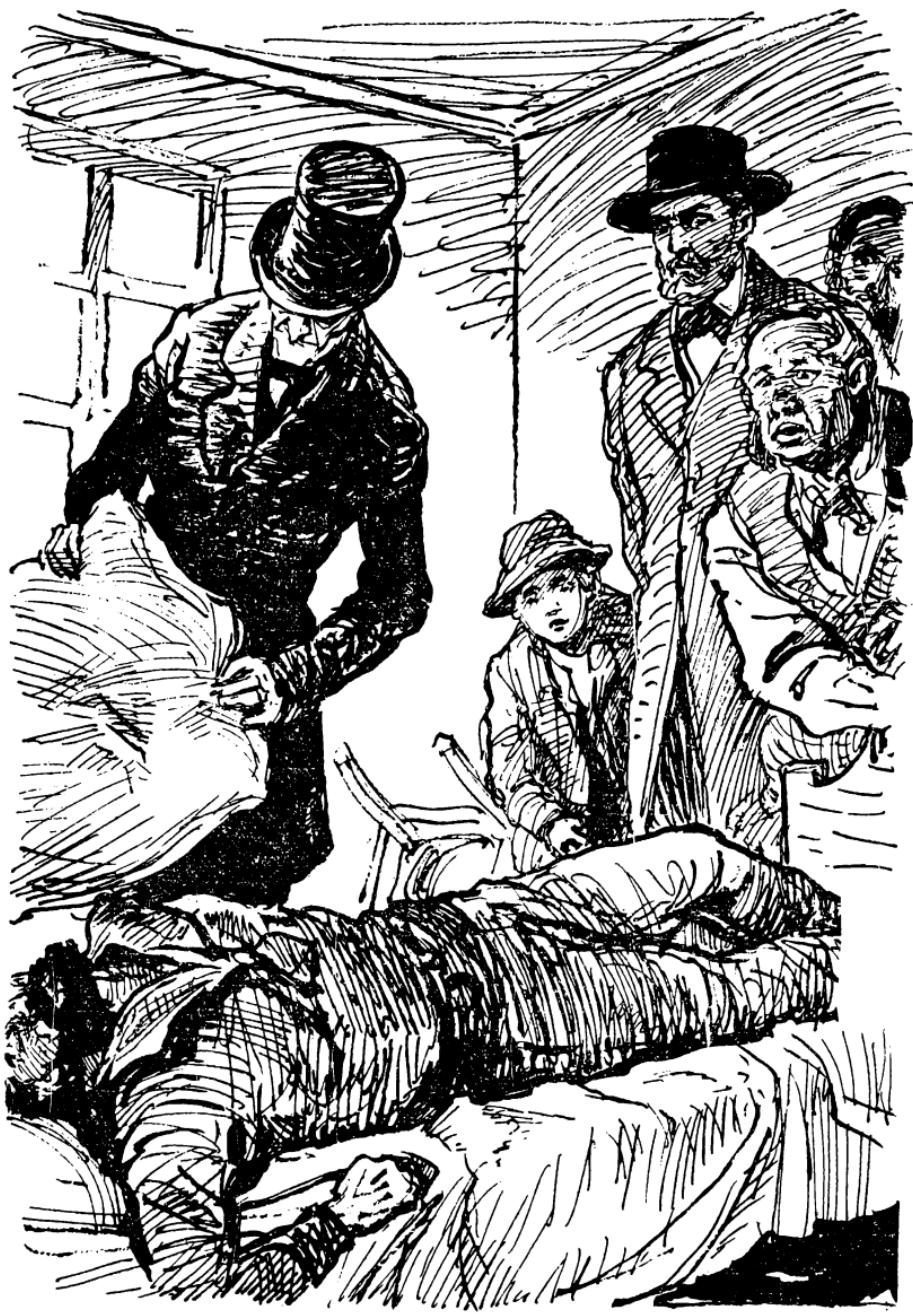
В современном цивилизованном мире знаменитость,— какого бы она ни была рода,— это рычаг,двигающий всем. Слава знаменитого Каффа дошла даже до ушей маленького Гусберри. Когда я назвал прославленное имя, и без того выпученные глаза мальчугана совсем вылезли из орбит, так что я было испугался, не выпадут ли они на ковер.

— Поди сюда, мой милый,— сказал сыщик,— и давай-ка послушаем, что ты нам расскажешь.

Внимание великого человека, героя многочисленных на шумевших в конторе каждого лондонского адвоката историй, словно околдовало мальчика. Он вытянулся перед сыщиком Каффом и заложил руки за спину, как ученик на экзамене.

— Твое имя? — задал сыщик первый вопрос.

— Октавиус Гай,— ответил мальчик.— В конторе меня называют Гусберри из-за моих глаза.

— Октавиус Гай, иначе Гусберри,— продолжал сыщик с чрезвычайной серьезностью.— Тебя хватились в банке. Где ты был?

— С вашего позволения, сэр, я следил за одним человеком.

— За кем?

— За высоким мужчиной, сэр, с большой черной бородой, одетым, как моряк...

— Я помню этого человека! — перебил я.— Мы с мистером Бреффом сочли его шпионом, подосланным индусами.

На сыщика Каффа, по-видимому, не произвели большого впечатления наши предположения. Он продолжал расспрашивать Гусберри.

— Почему ты следил за этим моряком? — спросил он.

— С вашего позволения, сэр, мистер Брефф желал знать, не передаст ли чего-нибудь мистер Люкер кому-нибудь по выходе из банка. Я видел, как мистер Люкер передал что-то моряку с черной бородой.

— Почему ты не сказал мистеру Бреффу то, что ты увидел?

— Я не успел никому сказать об этом, сэр, моряк вышел очень быстро.

— А ты побежал за ним?

— Да, сэр.

— Гусберри,— сказал сынщик, гладя его по волосам,— у тебя в голове есть кое-что — и это не вата. Я пока очень довололен тобой.

Мальчик покраснел от удовольствия. Сыщик Кафф продолжал:

— Ну, что же сделал моряк, когда он вышел на улицу?

— Взял кэб, сэр.

— А ты что сделал?

— Бежал сзади.

Прежде чем сынщик успел задать еще вопрос, вошел новый посетитель — главный клерк мистера Бреффа.

Понимая, что не следует мешать мистеру Каффу, я принял клерка в соседней комнате.

Он пришел с дурными вестями от своего хозяина. Волнение и суэта последних двух дней оказались не под силу мистеру Бреффу. Он проснулся в это утро с припадком подагры и не мог выйти из своей комнаты в Гэмпстеде и очень тревожился, что при настоящем критическом по-

ложении наших дел оставил меня без совета и помощи опытного человека.

Главный клерк получил приказание оставаться в моем распоряжении и готов был приложить все силы, чтобы заменить мистера Бреффа.

Я тотчас, чтобы успокоить старика, написал ему о приезде сыщика Каффа, прибавив, что он расспрашивает Гусберри в эту минуту, и обещая уведомить мистера Бреффа, лично или письменно, о том, что случится днем. Отправив клерка в Гэмпстед с моим письмом, я вернулся в комнату и увидел, что сынок Кафф, стоя у камина, собирается позвонить в колокольчик.

— Извините меня, мистер Блэк,— сказал сынок,— я только что хотел послать к вам слугу — сообщить, что хочу говорить с вами. У меня не осталось ни малейшего сомнения, что этот мальчик... славный мальчик,— прибавил он, гладя Гусберри по голове,— следил именно за тем, за кем нужно. Драгоценное время было потеряно, сэр, из-за того, что вы, к несчастью, не были дома в половине одиннадцатого вчера вечером. Теперь остается только немедленно послать за кэбом.

Через пять минут сынок Кафф и я (Гусберри сел на козлы, показывать кучеру дорогу) ехали в Сити.

— Когда-нибудь,— сказал сынок, указывая на переднее окно кэба,— этот мальчик добьется замечательных успехов в моей бывшей профессии. Давно я не встречал такого бойкого и умного малого. Передам вам сущность того, мистер Блэк, о чем он рассказал, когда вас не было в комнате. Кажется, еще при вас он упомянул, что побежал вслед за кэбом?

— Да.

— Ну, сэр, кэб поехал с Ломбардской улицы к Тордерской пристани. Моряк с черной бородой вышел из кэба и заговорил со стюартом с роттердамского парохода, который должен был отплыть на следующее утро. Он спросил, может ли он переночевать на пароходе в своей каюте. Стюарт сказал: нет. В этот вечер каюты и койки будут чистить, и пассажирам до утра не позволяет занимать места на пароходе.

Моряк повернулся и ушел с пристани. Идя по улице, мальчик в первый раз заметил на противоположной стороне человека, одетого ремесленником, который, по-видимому, следил за моряком. Моряк остановился около трактира

и вошел в него. Мальчик не знал, что ему делать, и вместе с другими мальчуганами стоял и смотрел на закуски, выставленные в окне трактира. Он подметил, что ремесленник ждет, как ждал и он сам, но по-прежнему на другой стороне улицы. Через минуту медленно подъехал кэб и остановился там, где стоял ремесленник. Мальчик мог ясно разглядеть в кэбе только одного человека, высунувшегося из окна, чтобы поговорить с ремесленником... Он сообщил мне, мистер Блэк, без всяких наводящих вопросов с моей стороны, что этот человек был очень-очень смугл и похож на индуса.

Было ясно, что и на этот раз мы с мистером Бреффом ошиблись. Моряк с черной бородой явно не был шпионом индусов. Неужели алмаз находился у него?

— Через некоторое время,— продолжал сыщик,— кэб отъехал. Ремесленник перешел через улицу и вошел в трактир. Мальчик ждал, пока его не одолели голод и усталость, а потом, в свою очередь, вошел в трактир. У него в кармане был шиллинг; он великолепно пообедал, уверяет он, черным пудингом, пирогом с угрем и бутылкой имбирного пива. Чего только не переварит желудок мальчишки! Все, что только можно съесть!

— Что же он увидел в трактире? — спросил я.

— Он увидел моряка, читавшего газету за одним столом, и ремесленника, читавшего газету за другим. Прежде чем моряк встал и вышел, уже стемнело. На улице он подозрительно осмотрелся вокруг. Мальчик — ведь это был только мальчик — был им оставлен без внимания. Ремесленник еще не выходил. Моряк шел, оглядываясь по сторонам и, видимо, еще не зная, куда ему пойти. Ремесленник опять появился на противоположной стороне улицы. Моряк все шел, пока не дошел до Берегового переулка, ведущего в улицу Нижней Темзы. Там он остановился перед гостиницей под вывеской «Колесо Фортуны» и, осмотревшись, вошел. Гусберри тоже вошел. У буфета было много народа, по большей части вполне приличного. «Колесо Фортуны» — гостиница очень порядочная, мистер Блэк, знаменитая своим портером и пирогами со свининой...

Отступления сыщика раздражали меня. Он это заметил и в дальнейшем своем рассказе стал строго придерживаться сведений, полученных от Гусберри.

— Моряк спросил, может ли он получить койку. Хозяин ответил: «Нет, все заняты». Буфетчица возразила

ему, что десятый номер пуст. Послали за слугой, чтобы проводить моряка в десятый номер. Как раз перед этим Гусберри заметил ремесленника между людьми, стоявшими у буфета. Он исчез, прежде чем слуга появился на зов. Не зная, что ему делать дальше, Гусберри решил выждать и посмотреть, не случится ли еще чего-нибудь. И кое-что случилось. Хозяина позвали. Наверху послышались сердитые голоса. Вдруг опять появился ремесленник — хозяин тащил его за шиворот, а он, к величайшему удивлению Гусберри, выказывал все признаки опьянения. Хозяин вытолкал его за дверь, грозя послать за полицией, если он вернется. Пока они спорили, выяснилось, что человек этот был найден в номере десятом и с упорством пьяного объявлял, что он занял эту комнату. Гусберри был так поражен внезапным опьянением еще недавно трезвого человека, что не выдержал и побежал за ним на улицу. Пока ремесленник не отошел от гостиницы, он шатался самым неприличным образом. Но, как только он повернулся за угол, к нему тотчас вернулось равновесие и он стал таким трезвым

членом общества, что лучше и желать было нечего. Гусберри вернулся в «Колесо Фортуны» в сильном недоумении. Он опять ждал, не случится ли чего-нибудь. Ничего больше не случилось и ничего больше не было слышно о моряке. Гусберри решил вернуться в контору. Но, как только он подумал об этом, на противоположной стороне улицы опять появился тот же ремесленник! Он смотрел на одно из окон гостиницы, единственное, в котором был виден свет. Свет этот как будто успокоил его. Он тотчас ушел. Мальчик вернулся в контору, получил вашу карточку, отправился к вам, но не застал вас. Вот в каком положении теперь дело, мистер Блэк...

— Какого вы мнения об этом?

— Думаю, что дело серьезное, сэр. Судя по тому, что видел мальчик, тут действуют индусы.

— Да. А моряк — это, очевидно, тот, кому мистер Люкер передал алмаз. Не странно ли, что мистер Брефф, я и сыщик, нанятый мистером Бреффом,— все мы ошиблись, кому именно он передал драгоценность?

— Вовсе не странно, мистер Блэк. Принимая во внимание тот риск, которому подвергается этот человек, мистер Люкер, вероятно с умыслом, сговорившись с ним, направил ваше внимание в другую сторону.

— Как понять то, что происходило в гостинице? — спросил я.— Человек, одетый ремесленником, был, разумеется, нанят индусами. Но я, так же как и Гусберри, не могу объяснить его внезапного опьянения.

— Думаю, что могу угадать, что это значит, сэр,— ответил сыщик.— Если вы хорошенко подумаете, вы поймете, что этот человек получил, должно быть, очень строгие инструкции от индусов. Они сами слишком заметны для того, чтобы лично показаться в банке или в гостинице, и принуждены были поручить все это своему сообщнику. Очень хорошо! Этот сообщник услышал у буфета громко названный номер той комнаты, которую моряк должен занять на ночь; в этой комнате, если мы не ошибаемся, должен находиться в эту ночь и алмаз. Вы можете быть уверены в том, что индусы непременно потребовали бы точное описание этой комнаты, в какой части дома она находится и возможно ли проникнуть в нее снаружи и тому подобное. Что должен был сделать человек, получив такое задание? Именно то, что он сделал! Он побежал наверх взглянуть на комнату, прежде чем туда приведут

моряка. Его застали за осмотром, и он притворился пьяным — простейший выход из затруднения. Вот как я разрешаю загадку. После того как он вышел из гостиницы, он, вероятно, отправился со своим донесением туда, где его ждали индусы. А те, без сомнения, послали его назад: удостовериться, действительно ли моряк остался ночевать в гостинице. А что случилось в «Колесе Фортуны» после ухода мальчика, нам следовало бы знать еще вчера вечером. Сейчас одиннадцать часов утра. Постараемся узнать все, что только возможно.

Через четверть часа кэб остановился в Береговом переулке, и Гусберри отворил дверцу.

— Все ли в порядке? — спросил сыщик.

— Все в порядке, — ответил мальчик.

Но в ту минуту, когда мы входили в «Колесо Фортуны», даже для моих неопытных глаз стало ясно, что в доме далеко не все в порядке.

Единственным лицом за стойкой была растерянная служанка, которая совершенно не понимала своего дела. Двое посетителей, ожидавшие утреннего питья, нетерпеливо стучали монетами по стойке. Буфетчица появилась из внутренних комнат, взъяренная и озабоченная. Она резко ответила на вопрос сыщика Каффа о хозяине, что тот наверху и не может сейчас ни с кем разговаривать.

— Пойдемте-ка со мной, сэр, — сказал мне сыщик Кафф, хладнокровно поднимаясь по лестнице и делая мальчику знак следовать за нами.

Буфетчица громко крикнула хозяину, что какие-то незнакомые люди врываются в дом. На площадке нижнего этажа нам встретился хозяин, в сильном раздражении спешиивший узнать, что случилось.

— Кто вы, черт побери? Что вам здесь надо? — спросил он.

— Успокойтесь, — невозмутимо сказал сыщик. — Я вам скажу, кто я: я — сыщик Кафф.

Знаменитое имя тотчас произвело свое действие. Сердитый хозяин раскрыл дверь в гостиную и попросил у сыщика извинения.

— Дело в том, что я раздражен и расстроен, сэр, — сказал он. — Сегодня утром у нас в доме случилась не приятность. Человека моей профессии многое может вывести из себя, мистер Кафф.

— В этом нет никакого сомнения, — сказал сыщик. —

Я тотчас изложу, если вы позволите, то, что привело нас сюда. Мы с этим джентльменом хотим побеспокоить вас кое-какими расспросами о некоем человеке, интересующем нас обоих.

— О ком же это? — спросил хозяин.

— Об одном смуглом человеке, одетом моряком, который ночевал у вас нынешней ночью.

— Боже мой, да ведь это из-за него в доме идет все вверх дном сегодня! — воскликнул трактирщик.— Вы или этот господин знаете что-нибудь о нем?

— Не можем сказать наверное, пока не увидим его,— ответил сыщик.

— Пока не увидите его? — повторил хозяин.— С семи часов утра никому не удается увидеть его. Вчера он велел разбудить его в это время. К нему стучали — никакого ответа. А дверь заперта, и нельзя посмотреть, что случилось. В восемь часов попробовали опять, а потом в девять. Бесполезно! Дверь по-прежнему заперта, и в комнате не слышно ни звука! Меня с утра не было дома; я вернулся только четверть часа назад. Я сам стучался в дверь, и все напрасно. Я послал за плотником. Если вы подождете несколько минут, мы откроем дверь и посмотрим.

— Не был ли этот человек вчера пьян? — спросил сыщик.

— Он был совершенно трезв, сэр, иначе я не позволил бы ему ночевать в моем доме.

— Он заплатил за свою комнату вперед?

— Нет.

— Не мог ли он выйти из своей комнаты, минуя дверь?

— Комната эта чердак,— сказал трактирщик,— в потолке есть люк, ведущий на крышу, а немного подалее на улице есть пустой дом, который сейчас ремонтируют. Вы думаете, мистер Кафф, что негодяй ускользнул не заплатив?

— Моряк,— ответил сыщик Кафф,— легко мог это сделать рано утром, прежде чем на улице появился народ. Он привык лазить, и на крыше дома голова у него не закружится.

Пока он говорил, пришел плотник. Мы все тотчас поднялись на верхний этаж. Я заметил, что сынок был более серьезен, чем обычно. Мне показалось также странным, что он велел мальчику (которому прежде разрешил следовать за нами) ждать внизу, пока мы не вернемся.

Молоток и долото плотника справились с дверью в несколько минут. Но изнутри дверь была чем-то забаррикадирована. Толкнув ее, мы опрокинули это препятствие и вошли в комнату. Хозяин вошел первым, сыщик — вторым, я — третьим. За нами последовали остальные.

Все мы взглянули на постель и вздрогнули.

Моряк не выходил из комнаты: он лежал одетый на постели, лицо его было закрыто подушкой.

— Что это значит? — шепнул хозяин, указывая на подушку.

Сыщик Кафф, не отвечая, подошел к постели и сбросил подушку.

Смуглое лицо моряка было бесстрастным и неподвижным. Черные волосы и борода слегка растрепались. Широко раскрытые тусклые глаза были устремлены в потолок. Их безжизненный взгляд и неподвижность привели меня в ужас. Я отвернулся и отошел к открытому окну. Все остальные вместе с сыщиком Каффом стояли у постели.

— Он в обмороке, — сказал хозяин.

— Он мертв, — возразил Кафф. — Пошлите за ближайшим доктором и за полицией.

Так и было сделано. Какие-то странные чары как будто удерживали сыщика Каффа у постели.

Какое-то странное любопытство как будто заставляло всех остальных ждать и смотреть, что будет делать сыщик.

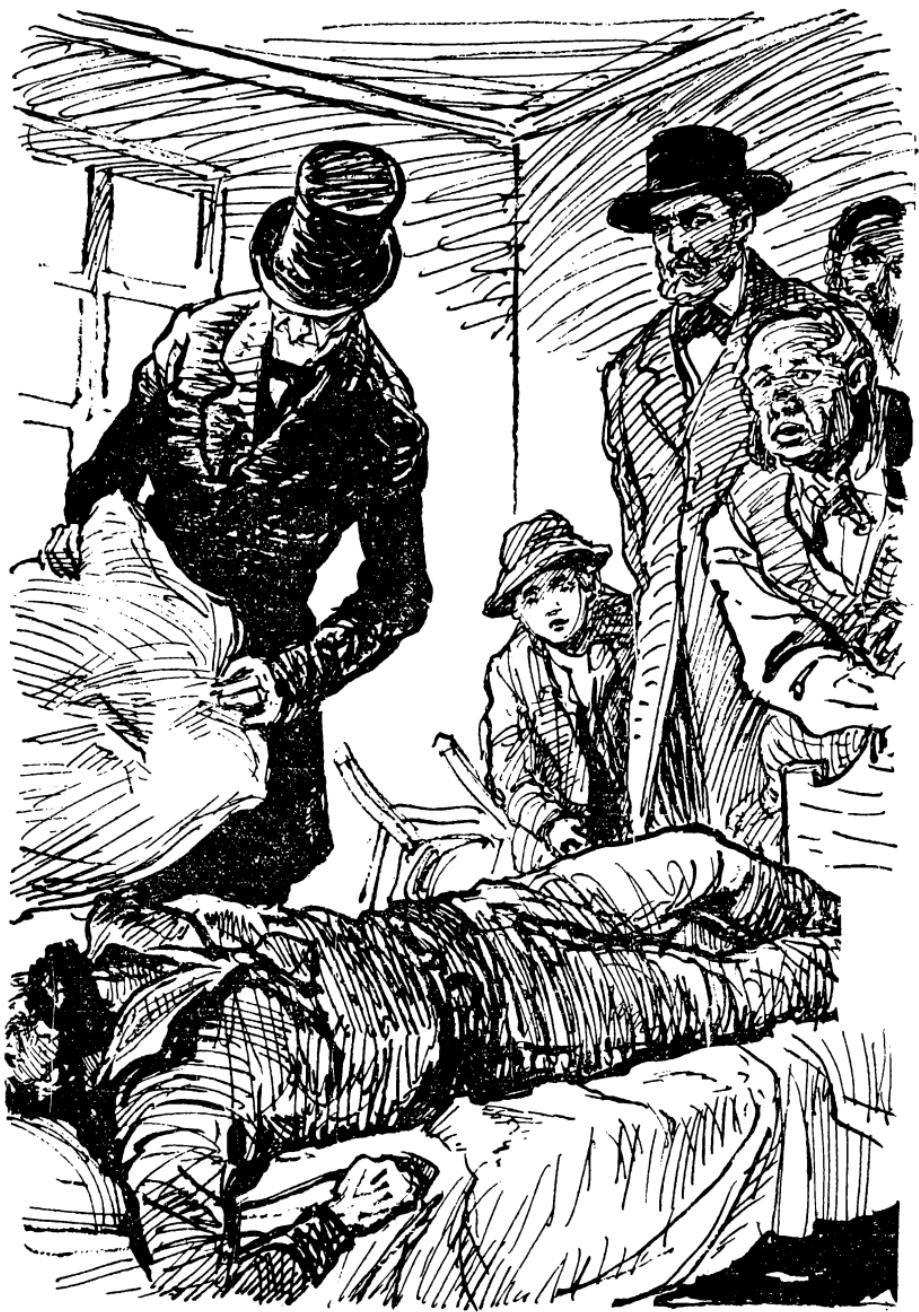
Я опять отвернулся к окну. Через минуту я почувствовал, как меня тихо дернули за фалду и тоненький голос прошептал:

— Посмотрите, сэр!

Гусбери вошел в комнату. Его выпуклые глаза опять вылезли на лоб — не от страха, а от восторга. Он тоже сделал открытие.

— Посмотрите, сэр, — повторил он и повел меня к столу, находившемуся в углу комнаты.

На столе стоял маленький деревянный ящичек, открытый и пустой. По одну сторону ящика лежала вата, в которую ювелир завертывает драгоценность. По другую сторону — разорванный лист белой бумаги с печатью на нем, частично разломанной, и надписью, которую легко можно было прочесть. Надпись была такова: «Отдан на сохранение господам Буш, Лайсоту и Буш, Септимусом Люкером, жительствующим на Миддлсексской площади

в Ламбете, маленький деревянный ящик, запечатанный в этом конверте и заключающий в себе вещь очень высокой стоимости. Ящик этот должен быть возвращен господами Буш и К° только в собственные руки мистера Люкера».

Эти строки уничтожали всякое сомнение по крайней мере в одном отношении: Лунный камень находился у моряка, когда он накануне вышел из банка.

Я почувствовал, что меня опять дернули за фалду. Гусберри все не отставал от меня.

— Воровство! — шепнул мальчик с восторгом, указывая на пустой ящичек.

— Вам было велено ждать внизу,— сказал я,— ступайте вниз!

— И убийство! — прибавил Гусберри, указывая с еще большим наслаждением на человека, лежащего на постели.

В удовольствии, какое доставляла мальчику эта ужасная сцена, было что-то столь отвратительное, что я схватил его за плечи и вытолкал из комнаты.

В ту минуту, когда я переступил порог, я услышал, как сынок Кафф спрашивал обо мне. Он встретил меня, когда я вернулся в комнату, и принудил подойти с ним к постели.

— Мистер Блэк,— сказал он,— посмотрите на лицо этого человека. Это лицо загrimированное, и вот вам доказательство.

Он указал пальцем на тонкую синевато-белую полоску над смуглым лбом покойника, где начинались растрепанные черные волосы.

— Посмотрим, что окажется под этим,— сказал сынок, вдруг крепко ухватившись рукой за черные волосы.

Мои нервы не выдержали, я опять отвернулся от постели.

Первое, что я увидел на другом конце комнаты, был неугомонный Гусберри, который взобрался на стул и следил, задыхаясь от любопытства, через головы взрослых за всеми действиями сыщика.

— Он стаскивает с него парик,— шептал Гусберри из сострадания ко мне, что я единственный человек в комнате, который не мог ничего видеть.

Наступило молчание, а потом у людей, собравшихся около постели, вырвался крик удивления.

— Он сорвал с него бороду! — закричал Гусберри.

Снова наступило молчание. Сыщик Кафф попросил

что-то. Хозяин пошел к умывальнику и вернулся к постели с тазом, наполненным водой, и с полотенцем.

Гусбери заплясал от волнения на стуле.

— Идите сюда ко мне, сэр! Он смывает краску с его лица!

Сыщик вдруг растолкал окружающих людей и с ужасом на лице приблизился ко мне.

— Подойдите к постели, сэр! — начал он.— Или нет...— Он пристально посмотрел на меня и продолжал: — Распечатайте раньше письмо, которое я вам дал утром.

Я распечатал письмо.

— Прочтите имя, мистер Блэк, которое там написано.

Я прочел имя, которое он написал: *Годфри Эблуайт*.

— Теперь,— сказал сыщик,— пойдемте со мной и посмотрите на человека, лежащего на постели.

Я пошел с ним и посмотрел на человека, лежащего на постели,— это был *Годфри Эблуайт*.

ШЕСТОЙ РАССКАЗ, написанный сыщиком Каффом

I

Доркинг, Серрей, июля 30, 1849. Фрэнклину Блэку, эсквайру. Сэр, я должен извиниться перед вами, что задержал донесение, которое обязался вам доставить. Я хотел сделать его более полным, и мне встречались там и сям препятствия, которые можно было преодолеть только с некоторой затратой терпения и времени.

Цель, которую я поставил себе, я надеюсь, теперь достигнута. Вы найдете на этих страницах ответы на большую часть вопросов, относящихся к покойному мистеру Годфри Эблуйту, которые приходили вам в голову, когда я имел честь видеть вас в последний раз.

Итак, прежде всего о смерти вашего кузена.

Мне кажется, неоспоримо доказано, что он был задушен (пока спал или тотчас после своего пробуждения) подушкой с его же постели; что лица, виновные в умерщвлении его,— три индуса; и что цель данного преступления состояла в том, чтобы завладеть алмазом, называемым Лунный камень.

Факты, на основании которых выведено это заключение, установлены отчасти при осмотре комнаты в гостинице, отчасти из показаний на предварительном следствии.

Когда взломали дверь комнаты, нашли потерпевшего мертвым, с подушкой на лице. Доктор, осматривавший его, установил смерть от удушения — то есть покойный был убит каким-нибудь лицом, или лицами, при помощи подушки, которую держали на лице жертвы, пока не наступила смерть от прилива крови к легким.

Теперь перейдем к мотиву преступления.

На столе в этой комнате был найден открытым и пустым небольшой ящичек. Мистер Люкер опознал ящик, печать и надпись. Он объявил, что в этом ящике действительно находился алмаз, называемый Лунным камнем, и что он отдал этот ящик, запечатанный таким образом, мистеру Годфри Эблуайту (в то время переодетому) двадцать шестого июля. Вывод из всего этого тот, что причиной преступления было желание похитить Лунный камень.

Теперь рассмотрим, каким образом было совершено преступление.

В комнате (всего лишь семи футов вышиной) был найден открытым люк в потолке, ведущий на чердак. Короткая лестница, по которой поднимались на чердак (обычно лежавшая под кроватью), была найдена приставленной к люку, так что всякое лицо или лица легко могли выйти из этой комнаты. В самой дверце люка обнаружено квадратное отверстие возле засова, запиравшего люк с внутренней стороны, вырезанное, очевидно, каким-то необыкновенно острым инструментом. Таким образом, всякое лицо снаружи могло отодвинуть засов, открыть люк и спуститься (может быть, с помощью какого-нибудь сообщника) в комнату, вышина которой, как было уже указано, только семь

футов. Что какое-нибудь лицо или лица должны были войти именно таким образом, очевидно из наличия вырезанного отверстия. Что касается того способа, каким оно или они получили доступ к крыше гостиницы, надо заметить, что соседний дом стоял пустой и ремонтировался, к его стене была приставлена длинная лестница, которую накануне оставили рабочие; вернувшись на работу утром двадцать седьмого, они нашли доску, которую привязали к лестнице, чтобы никто не пользовался ею во время их отсутствия, снятой и брошенной на песок. Из показаний дежурного полицейского (который ночью проходит по Береговому переулку только два раза в час) явствует, что было вполне возможно подняться по этой лестнице, пройти по крышам домов и незаметно спуститься на чердак гостиницы.

Показания обитателей окрестных домов также подтверждают, что Береговой переулок после полуночи — один из самых тихих и уединенных в Лондоне. Следовательно, опять можно с полным правом заключить, что любой человек или люди могли подняться по лестнице и опять спуститься незамеченными, проявляя необходимую осторожность и присутствие духа.

Перейдем наконец к лицу или к лицам, которыми преступление было совершено.

Известно: 1) что индусы были заинтересованы в том, чтобы завладеть алмазом; 2) весьма вероятно, что человек, похожий на индуса, которого Октавиус Гай видел в окне кэба беседующим с ремесленником, был одним из трех индусских заговорщиков; 3) несомненно, что человек, одетый ремесленником, следил за мистером Годфри Эблуайтом весь вечер двадцать шестого и был обнаружен в его спальне (прежде чем мистера Эблуайта проводили туда) при обстоятельствах, заставляющих подозревать, что он пробрался для осмотра комнаты; 4) в спальне был поднят оторванный кусок золотистой ткани, и эксперты утверждают, что это индийская ткань и что золотистая ткань такого рода не изготавливается в Англии; 5) утром двадцать седьмого три человека, наружность которых согласовалась с приметами трех индусов, были замечены на улице Нижней Темзы и проследены до Туэрской пристани; позднее их видели, когда они уезжали из Лондона на пароходе, отправлявшемся в Роттердам.

Таковы фактические, если не юридические, доказательства того, что убийство было совершено индусами.

Был или нет человек, одетый ремесленником, сообщником этого преступления, сказать трудно.

Заключение предварительного следствия устанавливало умышленное убийство, совершенное неизвестным лицом или лицами. Семейство мистера Эблуайта предложило награду, и были употреблены все усилия, для того чтобы найти виновных. Человек, одетый ремесленником, бесследно скрылся. Путь индусов был установлен. Относительно надежды захватить этих последних скажу несколько слов в конце донесения.

А пока, написав все необходимое о смерти мистера Годфри Эблуайта, я могу перейти к рассказу о его поступках до встречи с вами, во время встречи и после того, как вы виделись с ним в доме покойной леди Вериандер.

III

Жизнь мистера Годфри Эблуайта имела две стороны.

С одной стороны — показной — это был джентльмен, пользовавшийся заслуженной репутацией блестящего оратора на благотворительных собраниях и одаренный административными способностями, которые он отдавал в распоряжение различных благотворительных обществ, большей частью дамских. С другой стороны — скрытой от общества — этот джентльмен представлял в совершенно другом виде: а именно, как человек, предававшийся удовольствиям, имевший виллу за городом не на его имя, где он поселил даму, не носившую его имя.

При обыске на этой вилле я увидел прекрасные картины и статуи, мебель, выбранную со вкусом и чудной работы, оранжерею с редкими цветами, подобных которым нелегко найти во всем Лондоне. В результате осмотра личного имущества дамы были обнаружены бриллианты, не уступающие по своей редкости цветам, экипажи и лошади, которые вполне заслуженно производили эффект в Гайд-парке среди людей, способных судить и о том и о другом.

Все это было пока довольно обыкновенно. Загородная вилла и дама — предметы настолько обычные в лондонской

жизни, что мне следовало бы просить извинения за то, что я упоминаю о них. Но не совсем обыкновенно, насколько мне известно, то обстоятельство, что все эти вещи не только заказывались, но и оплачивались. Следствие доказало, к моему неописуемому изумлению, что картины, статуи, цветы, бриллианты, экипажи и лошадей не числилось долгу и шести пенсов. А вилла была куплена, и куплена на имя дамы.

Я мог бы долго искать разгадку этой тайны, и искать напрасно, если бы смерть мистера Годфри Эблуйта не заставила произвести следствие обо всех этих вещах.

Следствие обнаружило следующие факты.

Мистеру Годфри Эблуйту были поручены заботы о сумме в двадцать тысяч фунтов, как одному из опекунов некоего молодого джентльмена, который в тысяча восемьсот сорок восьмом году был еще несовершеннолетним. Срок опекунства кончался, и молодой джентльмен должен был получить двадцать тысяч фунтов в день своего совершеннолетия, в феврале тысяча восемьсот пятидесяти года. А до этого дня его опекуны должны были выплачивать ему триста фунтов каждые рождество и Иванов день. Этот доход регулярно выплачивался главным опекуном мистером Годфри Эблуйтом. Двадцать тысяч фунтов (с которых якобы получался этот доход), в государственных бумагах, были все растрячены, до последнего фартинга, в разные периоды, еще до тысяча восемьсот сорок седьмого года. Полномочие поверенного, дававшее право банкирам продавать ценные бумаги, и различные письменные приказания, сообщавшие, на какую именно сумму продавать, были надлежащим образом подписаны обоими опекунами. Но подпись второго опекуна, отставного армейского офицера, жившего в деревне, всегда подделывалась главным опекуном — иначе сказать, мистером Годфри Эблуйтом.

Вот чем объяснялось благородное поведение мистера Годфри, оплачивавшего по всем счетам как за даму, так и за виллу, и, как вы сейчас увидите, еще за многое другое.

Мы можем теперь перейти ко дню рождения мисс Вериндер в тысяча восемьсот сорок восьмом году — к двадцать первому июня.

Накануне мистер Годфри Эблуйт приехал к отцу и попросил у него (это я узнал от самого мистера Эблуй-

та-старшего) триста фунтов взаймы. Заметьте сумму и помните в то же время, что полугодовая выплата молодому джентльмену приходилась на двадцать четвертое число этого месяца, а также, что весь капитал молодого джентльмена был истрачен его опекуном еще в конце сорок седьмого года.

Мистер Эблуйт-старший отказался дать сыну взаймы даже фартинг.

На следующий день мистер Годфри Эблуйт поехал вместе с вами к леди Вериндер. Через несколько часов мистер Годфри, как вы сами сказали мне, сделал предложение мисс Вериндер. В этом, без сомнения, он видел,— если его предложение будет принято,— конец всем своим денежным затруднениям, настоящим и будущим. Но мисс Вериндер отказалась ему.

Таким образом, вечером в день рождения мисс Вериндер финансовое положение мистера Годфри Эблуйта было следующее: он должен был достать триста фунтов к двадцать четвертому числу и двадцать тысяч к февралю восемьсот пятидесяти года. Если бы он не успел достать этих сумм, последствия были бы самыми тяжелыми.

При подобных обстоятельствах что же случилось?

Вы оскорбили мистера Канди, доктора, неуважительными отзывами о его профессии, и он отплатил вам, дав дозу лауданума. Он поручил мистеру Годфри Эблуйту дать вам эту дозу, приготовленную в маленькой склянке, и мистер Годфри сам признался в этом при обстоятельствах, которые сейчас будут изложены вам. Мистер Годфри тем охотнее согласился на это, что он сам пострадал от вашего острого языка в этот вечер. Он присоединился к Беттереджу, который уговаривал вас выпить немного коньяку с водой, прежде чем вы ляжете спать. Он тайком налил лауданум в холодный грог. И вы выпили его.

Теперь перенесем сцену, с вашего позволения, в дом мистера Люкера в Ламбете. И позвольте мне заметить, в виде предисловия, что мистер Брефф и я нашли способ принудить ростовщика высказаться. Мы старательно обдумали показание, которое он дал нам, и вот оно к вашим услугам.

IV

Поздно вечером, в пятницу двадцать третьего июня сорок восьмого года, мистер Люкер был удивлен посещением мистера Годфри Эблуайта.

Он был более чем удивлен, когда мистер Годфри показал ему Лунный камень. Подобного алмаза, насколько знал мистер Люкер, не было ни у одного частного лица в Европе.

Мистер Годфри Эблуайт сделал два скромных предложения по поводу этой великолепной драгоценности. Во-первых, не купит ли ее мистер Люкер? Во-вторых, не согласится ли мистер Люкер, если сам не сможет купить, взять ее на комиссию и заплатить часть денег вперед?

Мистер Люкер долго осматривал алмаз, взвешивал его и оценивал, прежде чем ответить. Его оценка, принимая во внимание пятно на камне, была тридцать тысяч фунтов.

Придя к этому выводу, мистер Люкер задал вопрос:
— Откуда он у вас?

Всего четыре слова, а сколько в них значения!

Мистер Годфри Эблуайт начал какую-то историю. Мистер Люкер снова заговорил и на этот раз произнес только одно слово:

— Неубедительно!

Мистер Годфри начал другую историю. Теперь мистер Люкер не стал терять с ним слов. Он встал и позвонил слуге, чтобы тот проводил джентльмена.

Тогда мистер Годфри вынужден был представить дело в новом и более верном свете, а именно:

Влив лауданум в ваш грог, он пожелал вам спокойной ночи и пошел в свою комнату. Спальня его находилась подле вашей и сообщалась с ней дверью. Войдя к себе, мистер Годфри, как ему казалось, притворил за собой эту дверь. Денежные затруднения долго не давали ему заснуть. Около часа он сидел в халате и туфлях, думая о своем положении. Когда же он приготовился лечь в постель, он вдруг услышал, как вы разговариваете сами с собой у себя в комнате, и, подойдя к двери, заметил, что не притворил ее, как полагал.

Он заглянул в вашу комнату, чтобы узнать, что такое с вами. Он увидел, что вы со свечой в руке выходите из

спальни, и услышал, как вы сказали себе голосом, совершенно не похожим на ваш обычный голос:

— Почем я знаю? Может быть, индусы спрятались в доме.

До этого часа он просто думал, что, дав вам лауданум, участвует в невинной шутке над вами. Теперь ему вдруг пришло в голову, что лауданум произвел на вас действие, которого ни доктор, ни тем более он сам не предвидели.

Опасаясь, как бы не случилось какого-нибудь несчастья, он тихонько пошел за вами — посмотреть, что вы будете делать.

Он следовал за вами до самой гостиной мисс Вериндер и видел, как вы вошли в нее; вы оставили дверь за собой открытой. Он поглядел в щель между косяком и дверью.

Таким образом, он не только видел, как вы вынули алмаз из шкафчика, но видел также мисс Вериндер, молча наблюдавшую за вами в открытую дверь. Он видел, что и она также заметила, что вы взяли алмаз.

Перед выходом вашим из гостиной вы несколько помедлили. Мистер Годфри воспользовался этой нерешительностью, чтобы вернуться в свою спальню, прежде чем вы выйдете в коридор и увидите его. Едва он успел вернуться, как и вы тоже вернулись. Должно быть, вы заметили его именно в то время, когда он проходил в смежную дверь. Во всяком случае, вы позвали его странным, сонным голосом.

Он подошел к вам. Вы посмотрели на него тупым и сонным взглядом. Вы сунули алмаз ему в руку. Вы сказали ему:

— Отвезите его назад, Годфри, в банк вашего отца. Там он в безопасности, а здесь нет.

Вы нетвердыми шагами отошли от него и надели халат. Вы опустились в большое кресло, стоявшее в вашей комнате. Вы сказали:

— Сам я не могу отвезти его в банк. Голова моя тяжела, как свинец, я не чувствую под собой ног.

Голова ваша упала на спинку кресла, вы испустили тяжелый вздох — и заснули.

Мистер Годфри Эблайт вернулся с алмазом в свою комнату. Он уверял, что в то время еще не пришел ни

к какому решению, кроме того, что будет ждать и посмотрит, что случится утром.

Когда настало утро, ваши слова и поступки показали, что вы решительно ничего не помните из того, что говорили и делали ночью. В то же время слова и поведение мисс Вериндер показали, что она, со своей стороны, решила ничего не говорить (из сострадания к вам). Если бы мистеру Годфри Эблуайту заблагорассудилось оставить у себя алмаз, он мог бы сделать это безнаказанно. Лунный камень спасал его от разорения. Он положил Лунный камень себе в карман.

V

Вот история, под давлением необходимости рассказанная вашим кузеном мистеру Люкеру.

Мистер Люкер поверил рассказу, потому что мистер Годфри Эблуайт был, как он сказал, слишком глуп, для того чтобы выдумать подобную историю. Мистер Брефф и я согласились с этим соображением мистера Люкера.

Следующий вопрос заключался в том, что делать мистеру Люкеру с Лунным камнем. Он предложил следующие условия, единственные, на которых соглашался вмешаться в это — даже с его профессиональной точки зрения — сомнительное и опасное дело.

Мистер Люкер готов был дать мистеру Годфри Эблуайту взаймы две тысячи фунтов, с тем чтобы Лунный камень дан был ему в залог. Если по истечении года мистер Годфри Эблуайт уплатит три тысячи фунтов мистеру Люкеру, он получит обратно алмаз, как выкупленный залог. Если он не заплатит денег по истечении года, залог — иначе Лунный камень — перейдет в собственность мистера Люкера, который в этом последнем случае великодушно подарит мистеру Годфри все его векселя, выданные им ростовщику прежде.

Бесполезно говорить, что мистер Годфри с негодованием отверг эти чудовищные условия. Мистер Люкер тогда вернулся ему алмаз и пожелал спокойной ночи.

Кузен ваш направился к выходу и вернулся обратно. Как мог он быть уверен, что разговор, происходивший между ними, останется в строгой тайне?

Мистер Люкер не мог ему ничем помочь. Если мистер Годфри согласился бы на его условия, он сделал бы его своим сообщником и мог бы положиться на его молчание. Теперь же мистер Люкер будет руководствоваться только своими собственными выгодами. Если ему будут заданы щекотливые вопросы, не станет же он компрометировать себя молчанием ради человека, отказавшегося иметь с ним дело!

Услышав этот ответ, мистер Годфри Эблуайт сделал то, что делают все животные (и двуногие и прочие), когда они попадаются в ловушку. Он в отчаянии осмотрелся кругом и увидел на каминной полке ростовщика ящичек, снабженный карточкой, на которой было аккуратно выведено число этого дня — двадцать третье июня. Двадцать четвертого он должен был заплатить триста фунтов молодому джентльмену, опекуном которого он был, и никакой возможности достать эти деньги, кроме той, что предлагал ему мистер Люкер, не было. Не будь такого ничтожного препятствия, он мог бы отвезти алмаз в Амстердам и выгодно продать его, разбив на отдельные камни. Теперь же ему ничего не оставалось, как согласиться на условия мистера Люкера. Впереди у него все же был еще год, чтобы достать три тысячи фунтов, а год — время очень продолжительное.

Мистер Люкер тут же составил необходимые документы. Когда они были подписаны, он дал мистеру Годфри Эблуайту два чека. Один от двадцать третьего июня — на триста фунтов, другой неделей позже — на остальные тысячу семьсот фунтов.

Каким образом Лунный камень отдан был на сохранение в банк, вы уже знаете.

Последующие события в жизни вашего кузена опять связаны с мисс Вериндер. Он сделал ей вторичное предложение и, после того как оно было принято, согласился, по ее просьбе, разорвать помолвку. Одну из причин, побудивших его к этому, угадал мистер Брефф. Мисс Вериндер имела только пожизненное право на имение матери, и, таким образом, он не мог достать необходимых ему двадцати тысяч фунтов.

Вы скажете, что он мог бы накопить три тысячи фунтов, чтобы выкупить алмаз, если бы женился. Он мог бы это сделать, конечно, если бы его жена и ее опекуны не воспротивились тому, чтобы он взял вперед более половины

дохода, неизвестно для чего, в первый же год женитьбы. Но даже если бы он преодолел это препятствие, его ожидало другое. Дама в загородной вилле услышала о его женитьбе. Это была женщина гордая, мистер Блэк, из такого сорта, с которыми шутить нельзя,— из сорта женщин с нежным цветом лица и с римским носом. Она чувствовала чрезвычайное презрение к мистеру Годфри Эблуайту. Это презрение обещало быть безмолвным, если бы он порядочно обеспечил ее. В противном случае у этого презрения нашелся бы язык. Финансовое положение мисс Вериндер так же мало давало ему надежды скопить это «обеспечение», как и собрать двадцать тысяч фунтов. Он не мог жениться — он никак не мог жениться при подобных обстоятельствах.

О том, что он пробовал счастья с другой девицей и что эта свадьба тоже расстроилась из-за денег, вам уже известно. Вам также известно, что он получил наследство в пять тысяч фунтов, оставленное ему вскоре одной из его многочисленных поклонниц, расположение которых этот очаровательный мужчина умел приобрести. Это наследство (как доказывают события) и было причиной его смерти.

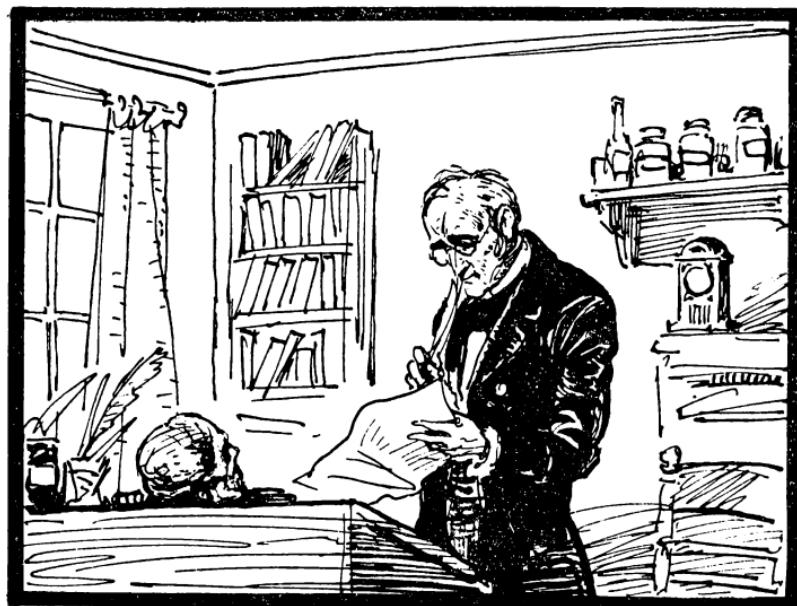
Я узнал, что, получив свои пять тысяч фунтов, он поехал в Амстердам. Там он сделал все необходимые приготовления к тому, чтобы разбить алмаз на отдельные камни. Он вернулся (переодетым) и выкупил Лунный камень в назначенный день. Пропустили несколько дней (на эту предосторожность согласились обе стороны), прежде чем алмаз был вынут из банка. Если бы он благополучно добрался с ним до Амстердама, времени у него было бы достаточно — между июлем сорок девятого и февралем пятидесятиго года (когда молодой джентльмен становился совершеннолетним), — для того чтобы успеть разбить алмаз на куски и продать его отдельными камнями. Судите поэтому, какие причины толкали его на этот риск. Победа или смерть — вот как для него обстояли дела.

Мне остается только напомнить вам, прежде чем кончу свое донесение, что еще не потеряна возможность захватить индусов и найти Лунный камень. Они теперь (как имеются все основания предполагать) находятся на пути в Бомбей на одном из кораблей Ост-Индской компании. Этот корабль, если не случится ничего непредвиденного, не будет заходить ни в какую другую гавань, а бомбейская полиция,

уже предуведомленная письмом, посланным сухопутно.
приготовится вступить на пароход, как только он войдет в
порт.

Имею честь быть, милостивый государь, вашим покор-
нейшим слугой

Ричард Кафф
(бывший агент сыскной полиции,
Скотланд-Ярд, Лондон).

СЕДЬМОЙ РАССКАЗ

в форме письма от мистера Канди

Фризинголл, среда, сентябрь 26, 1849. Любезный мистер Фрэнклин, вы догадаетесь о печальных известиях, которые я вам сообщу, увидев ваше письмо к Эзре Дженнингсу, возвращенное вам нераспечатанным в этом моем письме. Он скончался на моих руках, на рассвете, в прошлую среду.

Не упрекайте меня, что я не предупредил вас о приближении его кончины. Он решительно запретил мне писать вам.

«Я обязан мистеру Фрэнклину Блэку,— сказал он,— несколькими счастливыми днями. Не расстраивайте его, мистер Канди, не расстраивайте его».

За день до смерти он попросил меня принести ему все его бумаги. Я принес их ему в постель — связку чьих-то пожелавших писем, его незаконченную книгу, несколько тетрадей его дневника. Он открыл тетрадь, относившуюся к нынешнему году, и одну за другой вырвал из нее страницы, посвященные времени, когда вы были вместе. «Пе-

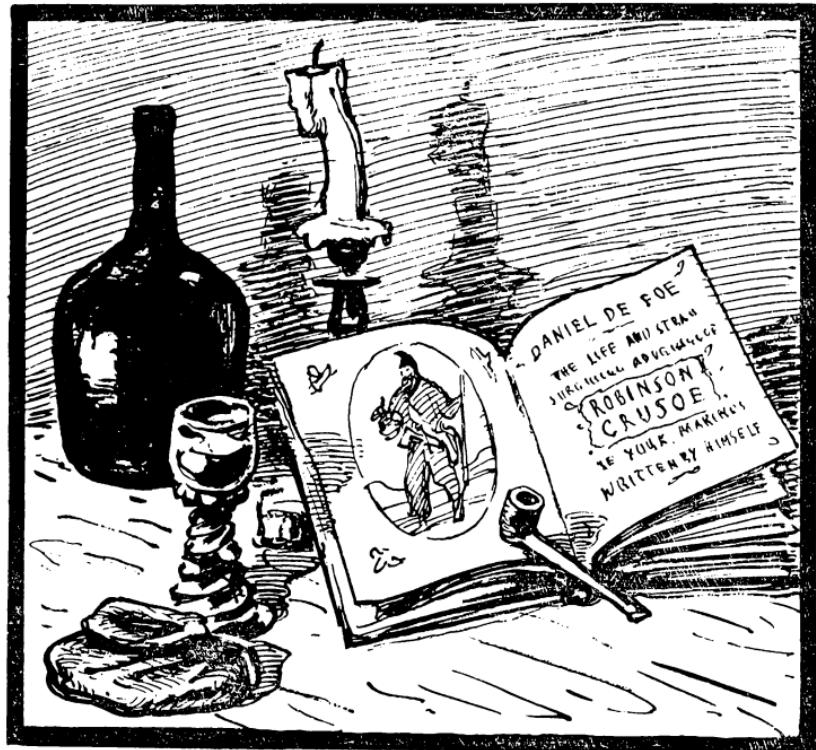
редайте это мистеру Фрэнклину Блэку,— сказал он,— может быть, со временем ему будет интересно заглянуть в них». Все остальное, по его просьбе, я завернул в один пакет и запечатал моей собственной печатью. «Обещайте мне,— сказал он,— что вы положите это мне в гроб своей рукой, и чтоб ничья другая рука не коснулась этого». Я обещал. И обещание свое я выполнил. Он попросил меня еще об одном: чтобы могила его была забыта. Я попытался с ним спорить, но он — в первый и в последний раз — пришел в страшное возбуждение. Я не мог вынести этого и уступил. Лишь зеленый дерн отмечает место его упокоения. Со временем могильные плиты окружат его со всех сторон. И люди, которые будут жить после нас, удивятся безымянной могиле. Так он ушел от нас. Это был, я думаю, великий человек, хотя мир так и не узнал его. Он мужественнонес тяжелую долю. У него была нежнейшая душа, какую я когда-либо знал. Утратив его, я почувствовал себя очень одиноким. Возможно, что после моей болезни я уже не таков, каким был раньше. Подумываю уже отказаться от практики, уехать отсюда, испытать на себе действие заграничных ванн и вод.

Здесь говорят, что будет ваша свадьба с мисс Вериндер в следующем месяце. Прошу вас принять мои искреннейшие поздравления.

Листки из дневника моего бедного друга ожидают вас в моем доме, запечатанные и с вашим именем на конверте. Я боюсь доверить их почте.

Передайте мои добрые пожелания мисс Вериндер. Остаяюсь, дорогой мистер Фрэнклин Блэк, искренне ваш

Томас Канди.

ВОСЬМОЙ РАССКАЗ, приложен Габриэлем Беттереджем

Я — то лицо (как вы, без сомнения, помните), которое открыло эти страницы, начав рассказывать историю. Я же буду и тем лицом, кто закроет их, досказав ее напоследок.

Не подумайте, что я собираюсь сообщить вам нечто об индийском алмазе. Я возненавидел этот злосчастный камень, и пусть уж кто-нибудь другой расскажет о нем все, что вы хотите узнать. Мое же намерение сообщить вам здесь о факте, о котором до сих пор никем не было упомянуто и к которому я не позволю отнести с подобным неуважением. Факт, на который я намекаю, — свадьба мисс Рэчел и мистера Фрэнклина Блэка. Это замечательное событие произошло в нашем доме в Йоркшире, во вторник, октября девятого, тысяча восемьсот сорок девятого года. Я получил по этому случаю новый сюртук. А молодая

парочка отправилась провести медовый месяц в Шотландию.

Поскольку со дня смерти моей бедной госпожи семейные торжества в нашем доме стали редкостью, я в день бракосочетания (должен признаться) хлебнул капельку лишнего.

Если вы когда-нибудь делали нечто подобное, вы меня поймете. Если не делали, вы, весьма возможно, скажете: «Препротивный старик! С какой стати он говорит об этом?»

Итак, пропустив капельку (бог с вами, будто у вас самих нет слабости! Только ваша слабость — не моя, а моя — не ваша), я прибег вслед за нею к неизменному лекарству, а мое лекарство, как вы знаете, «Робинзон Крузо». На каком месте открыл я эту не знающую себе соперниц книгу, в точности не скажу; но строки, под конец улегшиеся перед моими глазами, я знаю в точности — они на странице триста восемнадцатой, место, касающееся домашних дел Робинзона Крузо и его женитьбы. Вот они: «С такими мыслями я обозрел свое новое положение: я имел жену (обратите внимание: мистер Фрэнклин Блэк — тоже!) и новорожденного младенца. (Обратите опять внимание! Это может быть и с мистером Фрэнклином!) И тогда моя жена...» Что сделала или не сделала жена Робинзона Крузо «тогда», я уже не чувствовал никакой охоты знать. Я подчеркнул место насчет младенца и заложил его закладкой. «Побудь-ка ты тут,— обратился я к ней,— покуда брак мистера Фрэнклина и мисс Рэчел не станет на несколько месяцев постарше, а там мы посмотрим!»

Прошли месяцы (больше, чем я рассчитывал), а случая обратиться к закладке все не представлялось. Наступил ноябрь тысяча восемьсот пятидесяти года, когда наконец мистер Фрэнклин вошел ко мне в комнату в очень веселом расположении духа и сказал:

— Беттередж, у меня есть для вас новость! Что-то случится в этом доме, когда мы с вами станем на несколько месяцев старше.

— Касается ли это семейства, сэр? — спросил я.

— Это определенно касается семейства,— говорит мистер Фрэнклин.

— Имеет ли ваша супруга какое-либо отношение к этому, будьте добры ответить, сэр?

— Она имеет очень большое отношение к этому,— говорит мистер Фрэнклин, начиная выказывать некоторые признаки изумления.

— Ни слова более, сэр! Да благословит вас обоих бог, счастлив слышать об этом! — отвечаю я.

Мистер Фрэнклин остановился, словно пораженный громом.

— Позвольте узнать, откуда вы раздобыли эти сведения? — спросил он.— Я сам узнал об этом, под строжайшим секретом, всего пять минут назад.

Настала минута извлечь «Робинзона Крузо»! Это был случай прочесть кусочек про младенца, отмеченный мной в день свадьбы мистера Фрэнклина! Я прочитал чудодейственные слова с выражением, соответствующим их значению, а потом суроно взглянул ему в лицо.

— Ну, сэр, верите вы теперь в «Робинзона Крузо»? — спросил я с торжественностью, подобающей слушаю.

— Беттередж,— произнес мистер Фрэнклин столь же торжественно,— я уверовал наконец!

Мы пожали друг другу руки, и я почувствовал, что обратил его.

Сообщив об этом необыкновенном событии, я ухожу со страниц книги. Леди и джентльмены, кланяясь и заканчиваю!

ПОКАЗАНИЕ
ПОДЧИНЕННОГО СЫЩИКА КАФФА
(1849)

Двадцать седьмого июня я получил инструкцию от сыщика Каффа следить за тремя подозреваемыми в убийстве людьми, судя по описанию,— индусами. Их видели на Тоуэрской пристани в это утро отправляющимися на пароход, идущий в Роттердам.

Я выехал из Лондона на пароходе, принадлежащем другой компании, который отплывал утром в четверг, двадцать восьмого. Прибыв в Роттердам, я отыскал капитана парохода, ушедшего в среду. Он сообщил мне, что индусы действительно были пассажирами на его корабле, но только до Грейвсенда. Доехав до этого места, один из троих спросил, когда они прибудут в Кале. Узнав, что пароход идет в Роттердам, индус выразил величайшее удивление и огорчение; оказывается, он и его друзья сделали ошибку. Они были готовы, говорил он, пожертвовать деньгами,

заплаченными за проезд, если капитан парохода согласится высадить их на берег. Войдя в положение иностранцев и не имея причины удерживать их, капитан дал сигнал береговой лодке, и все трое покинули пароход.

Индусы заранее решились на этот поступок, чтобы запутать следы, и я, не теряя времени, вернулся в Англию. Я сошел с парохода в Грейвсенде и узнал, что индусы уехали в Лондон. Там я выяснил, что они уехали в Плимут. Розыски в Плимуте показали, что они отплыли сорок часов назад на индийском корабле Ост-Индской компании «Бьюли Кэстл», направлявшемся прямо в Бомбей.

Получив это известие, сыщик Кафф дал знать бомбейским властям сухопутной почтой, чтобы полиция обыскала корабль немедленно по прибытии его в гавань. После этого шага я уже более не имел отношения к этому делу. И больше я о нем ничего не слышал.

II

ПОКАЗАНИЕ КАПИТАНА

(1849)

Сыщик Кафф просит меня изложить письменно некоторые обстоятельства, относящиеся к трем лицам (предположительно индусам), которые прошлым летом были пассажирами на корабле «Бьюли Кэстл», направлявшемся в Бомбей под моей командой.

Индусы сели на наш корабль в Плимуте. Дорогой я не слышал никаких жалоб на их поведение. Они помещались в носовой части корабля. Я мало имел случаев лично наблюдать их.

В конце путешествия, у индийского берега, мы, к несчастью, попали в штиль, продолжавшийся трое суток. У меня нет под рукой корабельного журнала, и я не могу теперь припомнить широту и долготу. Вообще о нашем положении я могу только сказать следующее: течением несло нас к суше, а когда опять поднялся ветер, мы достигли гавани через двадцать четыре часа.

Дисциплина на корабле, как известно всем мореплавателям, ослабевает во время продолжительного штиля. Так было и на моем корабле. Некоторые пассажиры просили спускать лодки и забавлялись греблей и купанием, когда

вечерняя прохлада позволяла им это делать. Лодки после этого следовало опять ставить на места. Однако их оставляли на воде возле корабля,— из-за жары и досады на погоду ни офицеры, ни матросы не чувствовали охоты исполнять свои обязанности, пока продолжался штиль.

На третью ночь вахтенный на палубе ничего необыкновенного не слышал и не видел. Когда настало утро, хватились самой маленькой лодки, хватились и трех индусов.

Если эти люди украли лодку вскоре после сумерек,— в чем я не сомневаюсь,— то мы были так близко от берега, что напрасно было посыпать за ними погоню. Я не сомневаюсь, что они достигли суши в эту тихую погоду (несмотря на усталость и неумение грести) еще до рассвета.

Доехав до нашей гавани, я узнал впервые, какая причина заставила трех моих пассажиров скрыться с корабля. Я дал такие же показания властям, какие сделал здесь. Они сочли меня виновным в допущении ослабления дисциплины на корабле. Я выразил сожаление и им и моим хозяевам. С того времени, насколько мне известно, о трех индусах ничего не было слышно. К тому, что здесь написано, мне нечего больше прибавить.

III

ПОКАЗАНИЕ МИСТЕРА МЕРТУЭТА

(1850)

(в письме к мистеру Бреффу)

Помните ли вы, любезный сэр, полудикаря, с которым вы встретились на обеде в Лондоне осенью сорок восьмого года? Позвольте мне напомнить вам, что этого человека звали Мертутэт и что вы имели с ним продолжительный разговор после обеда. Разговор шел об индийском алмазе, называемом Лунным камнем, и о попытках овладеть этой драгоценностью.

С тех пор я много странствовал по Центральной Азии. Оттуда я вернулся на место своих прежних приключений, в Северо-Западную Индию. Примерно две недели назад я очутился в одном округе, или провинции, мало известной европейцам, называемой Каттивар.

Тут случилось со мной происшествие, которое,— как ни невероятно может показаться это,— имеет для вас личный интерес.

В диких областях Каттивара (а как дики они, вы поймете, когда я скажу вам, что здесь даже крестьяне пашут землю, вооруженные с ног до головы) население фанатически предано старой индусской религии — древнему поклонению Браме и Вишну.

В пределах Каттивара находятся два самых прославленных места паломничества индусских богомольцев, где разжигается религиозный фанатизм народа. Одно из них — Дварка, место рождения бога Кришны. Другое — священный город Сомнатх, ограбленный и уничтоженный в одиннадцатом столетии магометанским завоевателем Махмудом Газни.

Очутившись во второй раз в этих романтических областях, я решился не покидать Каттивара, не взглянув еще раз на великолепные развалины Сомнатха. Место, где я принял это решение, находилось, по моим расчетам, на расстоянии трех дней пешеходного пути от священного города.

Не успел я пуститься в дорогу, как заприметил, что многие, собравшись по двое и по трое, путешествуют в одном направлении со мной.

Тем, кто заговаривал со мной, я выдавал себя за инду-буддиста из отдаленной провинции, идущего на богомолье. Бесполезно говорить, что одежда моя соответствовала этому. Прибавьте, что я знаю язык так же хорошо, как свой родной, и что я довольно худощав и смугл и не так-то легко обнаружить мое европейское происхождение, поэтому эти люди, хотя не считали меня земляком, поверили, что я уроженец их страны.

На второй день число индусов, шедших в одном направлении со мной, достигло нескольких сот. На третий день шли уже тысячи. Все медленно направлялись к одному пункту — городу Сомнатху.

Ничтожная услуга, которую мне удалось оказать одному из моих товарищей-пилигримов на третий день пути, доставила мне знакомство с индусами высшей касты. От этих людей я узнал, что толпа стремится на большую религиозную церемонию, которая должна совершиться на холме недалеко от Сомнатха. Церемония эта посвящалась богу Луны и должна была происходить ночью.

Толпа задержала нас, когда мы приблизились к месту празднества. Мои друзья-индусы пользовались какими-то особыми преимуществами, открывавшими им доступ к кумиру. Они любезно позволили мне сопровождать их; дойдя до места, мы увидели, что кумир скрыт от наших глаз занавесом, протянутым между двумя великолепными деревьями. Внизу под этими деревьями выдавалась плоская скала, образуя естественный помост. Под этой площадкой и стал я вместе с моими друзьями-индусами.

Внизу под холмом открывалось такое величавое зрелище, какого мне еще не приходилось видеть: человек дополнял собой красоту природы. Нижние склоны холма неприметно переходили в долину, где сливались три реки. С одной стороны расстилались живописные извилины рек, с другой — гладкий океан покоялся в тишине ночи. Наполните эту прелестную сцену десятками тысяч людей в белых одеждах, расположившихся по склонам холма, в долине и по берегам извилистых рек. Осветите этих пилигримов буйным пламенем факелов, струящих свой свет на несметные толпы, вообразите на востоке полную луну, озаряющую своим кратким сиянием эту величественную картину,— и вы составите себе отдаленное понятие о зрелище, открывавшемся мне с вершины холма.

Грустная музыка струнных инструментов и флейт вернула мое внимание к закрытому занавесом кумиру.

Я повернулся и увидел на скалистой площадке трех людей. В одном из них я тотчас узнал человека, с которым говорил в Англии, когда индусы появились на террасе дома леди Вериндер. Другие два, бывшие его товарищами тогда, без сомнения, были его товарищами и здесь.

Один из индусов, возле которого я стоял, заметил мое изумление. Шепотом он объяснил мне появление трех фи-гур на скале.

Это были брамины, говорил он, преступившие законы касты ради служения богу. Бог повелел, чтобы они очистились паломничеством. В эту ночь эти три человека должны были расстаться. В трех разных направлениях пойдут они паломниками в священные места Индии. Никогда более не должны они видеть лица друг друга. Никогда более не должны они отдыхать от своих странствований, с самого дня разлуки и до дня смерти.

Пока он говорил мне это, грустная музыка прекратилась. Три человека распростерлись на скале перед занавесом.

весом, скрывавшим кумир. Они встали, они взглянули друг на друга, они обнялись. Потом они поодиночке спустились в толпу. Люди пропускали их в мертвом молчании. Я видел, как толпа в одну и ту же минуту расступилась в трех разных направлениях. Медленно-медленно огромная масса одетых в белое людей опять сомкнулась. След приготовленных к скитанию изгладился. Мы не видели их более.

Новая музыка, громкая и веселая, раздалась из-за занавеса. По толпе пронесся трепет.

Занавес между деревьями был отдернут, и кумир открыт.

Возвышаясь на троне, сидя на неизменной своей антилопе, с четырьмя распростертыми к четырем сторонам света руками, воспарил над нами мрачный и страшный в мистическом небесном свете бог Луны. А во лбу божества сиял желтый алмаз, сияние которого я увидел впервые в Англии на женском платье!

Да! По истечении восьми столетий Лунный камень снова сверкает в стенах священного города, где началась его история. Как он вернулся на свою дикую родину, благодаря каким подвигам или преступлениям индусы опять овладели своей священной драгоценностью, известно скорее вам, чем мне. Вы лишились его в Англии, и, если я хоть сколько-нибудь знаю характер индусского народа, вы лишились его навсегда.

Так годы проходят один за другим; одни и те же события обращаются в кругах Времени. Какими окажутся следующие приключения Лунного камня? Кто может сказать?

СОДЕРЖАНИЕ

<i>M. Урнов.</i> Роман «Лунный камень» и его автор	5
<i>ЛУННЫЙ КАМЕНЬ. Перевод с английского M. Шагинян</i>	13

Литературно-художественное издание

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Коллинз Уилки

ЛУННЫЙ КАМЕНЬ

Роман

Ответственный редактор Т. П. Владимирская

Художественный редактор Е. М. Ларсаки

Технический редактор Т. Д. Юрханова

Корректоры К. И. Каревская, Э. Н. Сизова

ИБ № 11757

Сдано в набор 04.10.88. Подписано к печати 27.01.89. Формат 84×108^{1/32}. Бум. типогр. № 1. Шрифт академический. Печать высокая. Усл. печ. л. 26,04. Усл. кр.-отт. 26,46. Уч.-изд. л. 27,07. Доп. тираж 300 000 экз. Заказ № 1865. Цена 1 р. 50 к. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Росгравиополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

Коллинз У.

К60   Лунный камень: Роман/Пер. с англ. М. Шагинян; Вступит. ст. М. Урнова; Худ. В. Высоцкий; Оформл. П. Высоцкого.— М.: Дет. лит., 1989.—495 с.: ил.— (Б-ка приключений и научной фантастики).

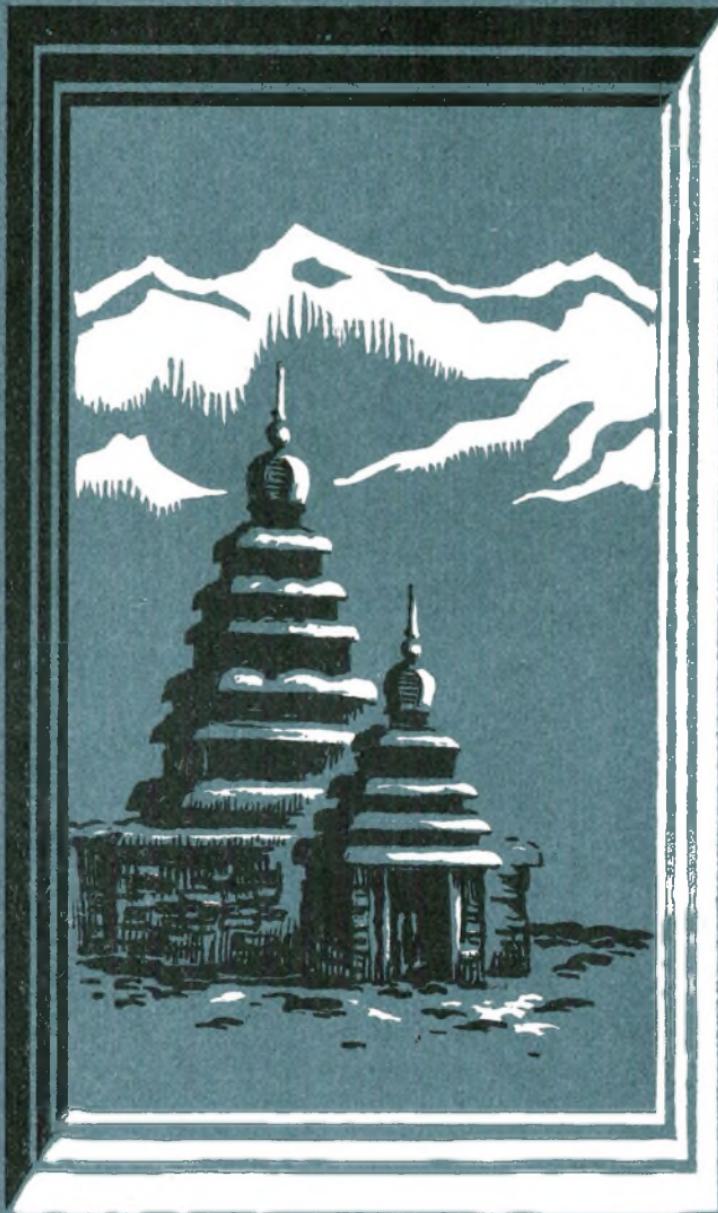
ISBN 5—08—001895—x

Широкоизвестный роман с захватывающим сюжетом и острой сатирой на буржуазное общество.

К 4804010100—198
M101(03)-89   Без объявл.

ББК 84.4Вл

1р. 50к.